

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
В. Г. БОНДАРЕНКО,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Д. А. ЖУКОВ,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
С. Н. СЕМАНОВ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

- Альберт ЛИХАНОВ
Джордж из Динки-джаза
Повесть 8
- Геннадий ПАДЕРИН
Рядовой Матрена. Рассказ 37
- Анна и Константин
СМОРОДИНЫ
Рыбалка. Рассказ 58
- Александр ЛОМКОВСКИЙ
Любимый гриб. Рассказ 69

Поэзия

- Дмитрий МИЗГУЛИН
Услышь движенье зимних вод 3
- Валерий ФОКИН
Отшумят над родиной метели... 34
- Владимир СКИФ
Чтоб задыхала русская земля 55
- Нина ЯГОДИНЦЕВА
Россия моя, Россия... 65
- Владимир МАКАРОВ
Бессмертный шум берез... 77

Очерк и публицистика

- Михаил ДЕЛЯГИН
Между прогрессом
и варварством 105
- Ксения МЯЛО
За горизонтом нулевых 116
- Станислав КУНЯЕВ
Жрецы и жертвы Холокоста 128
- Михаил ЗАЛИХАНОВ
Терроризм не ходит
в одиночку 167
- Юрий ЕМЕЛЬЯНОВ
Посрамление футурологов 181
- Николай РАЙСКИЙ
Польша. Война с Россией
и судьба пленных 188
- Андрей УБОГИЙ
Хайре! — Радуйся! 208

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

В. Д. Попов —
зам. главного редактора —
(495) 625-02-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
*зав. отделом критики,
отдел поэзии* —
(495) 625-41-03

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Дневник современника

Александр КАЗИНЦЕВ
Поезд убирается в туник 99

Память

Сергей КУНЯЕВ
“Ты, жгучий отпрыск
Аввакума...” 83

Слово читателя

“Начать своими руками
обустраивать Россию” 231
Лебеди над Непрядвой 244

Мозаика войны

Михаил ФЕДОРОВ
Там земля пропитана
кровью... 241

Критика

Нина КРЕЙДИЧ
Читая письма Чайковского 270

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Ю. Г. Бобкова, Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Сдано в набор 20.08.10. Подписано в печать 31.08.10. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 23,7. Заказ № 2823. Тираж 9000 экз.

Адрес редакции: Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru

E-mail: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

ДМИТРИЙ МИЗГУЛИН

УСЛЫШЬ ДВИЖЕНЬЕ ЗИМНИХ ВОД

* * *

Уже скорее бы зима,
А то — ни то ни се,
Развеется ночная мгла,
Снег выпадет — и все...

И все как будто в первый раз,
И все — как чистый лист.
Светлеет облаков окрас,
Чуть слышен гомон птиц,

Погаснет поздняя звезда,
Растает лунный след,
И полетит душа туда,
Куда дороги нет,

МИЗГУЛИН Дмитрий Александрович родился в 1961 году в Мурманске. Служил в Советской армии. Окончил Ленинградский финансово-экономический институт им. Вознесенского и Литературный институт им. Горького. Публикуется с 1980 г. Автор многих книг стихов — “Скорбный слух”, “Зимняя дорога”, “Две реки” — и нескольких сборников: рассказов “Три встречи”, литературных заметок “В зеркале минувшего”, стихов для детей “Звезд васильковое поле”. Лауреат Всероссийской литературной премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка и премии “Петрополь”. Член Союза писателей РФ. Живет в г. Ханты-Мансийске.

Где спят бескрайние поля,
Где индевет высь,
Где вместе — небо и земля
В морозной мгле слились.

* * *

*Если выпало в Империи родиться,
Лучше жить в глухой провинции у моря.*

И. Бродский

Мертвых душ становится все больше,
А живых — не встретишь ни души...
Чтобы стать счастливым, жить подольше,
Надо скрыться где-нибудь в глуши

И забыть, что кем-то был когда-то,
Повернуть судьбу и время вспять,
Перепутать времена и даты
И картошку по весне сажать.

До деревни — разве что за хлебом...
Остальное все послал Господь,
Хорошо под синим русским небом,
Даже если грянет непогодь.

И не знать ни радости, ни горя,
Слушать птиц. Общаться со зверьем.
Ну а то, что далеко до моря,
Это как-нибудь переживем.

* * *

Народ молчит. Но до поры.
А там — опять за топоры
И все подряд крушить...
Народ безмолвствует. Но он
Небесной силой наделен,
Смертельной жаждой жить.

И вот пойдет — рубить, ломать.
Крушить — и в Бога — душу — мать.
И — кто судья ему?
И — не моли и не проси
И о пощаде не проси
Напрасно. Ни к чему.

Молись, чтоб милосердный Бог
Тебя от смерти уберег
Иль после смерти — в рай.
Услышь движенье зимних вод,
Послушай, как молчит народ,
Безмолвствию внимай.

КРЕЩЕНЬЕ

Минус сорок. Мрак вселенский.
Ночь темным-темна.
Стынут в проруби крещенской
Звезды и луна.

Пред купелью, окаянный,
Встану не спеша.
Стали нынче Иорданью
Воды Иртыша.

У купели снег подтаял.
Помогай нам Бог!
Обожгла вода святая
С головы до ног.

Верю — душу уврачует,
Отведет беду.
Ну а после — ног не чуя,
Побежал по льду.

Разлилось тепло по телу
Все сильнее-сильней,
И немного потеплело
На душе моей.

Оклемался. Выпил чаю,
Задышал опять,
Вот теперь, кажись, и чаю
Божью Благодать,

И не страшен мрак вселенский,
Горе и беда...
Стынет в проруби крещенской
Поздняя звезда.

* * *

Их взгляды встретились — и вот
Ее он за руку берет
И что-то говорит...
Она смеется невпопад
И, неумело пряча взгляд,
Таинственно молчит.

Клубится по утрам туман,
И начинается роман
Легко и не спеша.
И все сошлось — ну как на грех —
И слезы, и веселый смех,
И дрогнула душа.

И дрогнув так внезапно, вдруг
Презрев сомненья и испуг,
В урочный день и час
Соединились два сердца

Отныне — словно до конца,
Как будто в первый раз.

Молчит немая тьма небес.
Господь ли свел, попутал бес —
Поди тут разбери...
Делов-то — разогрели кровь,
Ослепли, и пришла любовь
Навек — в поводыри.

У каждого — своя семья,
Работа, дети и друзья.
Да что тут говорить!
Застынут молча у окна.
И чья, скажи, это вина,
Кого теперь винить?

А за окном — зима, зима,
Снежинок белых кутерьма,
Луна — и дым печной.
Она молчит. И он молчит.
А первый снег поземкой мчит,
Кружась во мгле ночной.

* * *

Однажды в урочные сроки
Тоска растворится в крови.
Устав от житейской мороки,
Душа возжелает любви.

Но мир беспощадно железный
В преддверии Судного дня
Своей суетой бесполезной
В унынье вгоняет меня.

Как в эти минуты хочу я
Исчезнуть в сосновой глуши,
Рождественским снегом врачую
Ожоги мятежной души!

Здесь нынче такие сугробы,
Что путника скроют вполне.
Здесь так мне захочется, чтобы
Забыли бы все обо мне.

Здесь топится жаркая печка,
Здесь чайник сопит не спеша,
Здесь вновь затрепещет сердечко,
И тихо отгадет душа...

За окнами синими стынет
Насквозь промороженный лес.
Молитва из этой пустыни
Быстрее долетит до небес.

* * *

Не надо любви и участия.
Мне это уже ни к чему.
Какое же все-таки счастье —
Немного побыть одному.

Забудутся даты и лица,
И жизнь отойдет в никуда.
Неспешно молитва вершится,
Струится речная вода.

Уймется ночная тревога,
Печали растают во мгле,
И ты никому, кроме Бога,
Не нужен на этой земле.

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ

ДЖОРДЖ ИЗ ДИНКИ-ДЖАЗА

ПОВЕСТЬ

1

И всю-то войну погода не баловала наш северный городок — зимами морозы за сорок стояли неделями, и бревенчатая пальба, особо слышимая ночами, на улицах, состоявших сплошь из деревянных домов, походила не то чтобы на канонаду, но на упорную перестрелку плохо вооруженных войск.

Однако в мороз хотя бы солнце светило.

Откуда-то из самого поднебесья взглядывалось оно в нас сквозь морозную мглу, этакую приглушенную кисею, что ли, удивлялось, наверное, народной выносливости, особенно поражаясь невымораживаемости ребятни, которая в школу, по причине низких градусов, не ходила, но от которой черным-черны были склоны оврагов, где, кто на лыжах, кто на санках, а кто и на простых, за неимением прочего, фанерках катился, летел, мчался, взбираясь потом опять наверх, раскрасневшись, распарясь даже, никакого морозу не страшась и, в общем, его побеждая своей неостановимой энергией.

Ну нет, время от времени раздавались вопли, у кого-то белели щеки или нос, значило это легкое обморожение, и тогда бедолагу оттирали снегом, и

ЛИХАНОВ Альберт Анатольевич родился в 1935 году в г. Кирове. Окончил Уральский государственный университет им. Горького. Автор многих книг. Лауреат государственной премии России, премии Ленинского комсомола, международных премий им. Я. Корчака, М. Горького, многих других отечественных и зарубежных наград. Удостоен премии Президента РФ в области образования. Председатель Российского детского фонда, президент Международной ассоциации детских фондов. Академик Российской академии образования. Живёт в Москве.

он — а чаще она — сбегали домой из неостановимого детского шевеленья, восклицаний и горячего внутреннего жара.

В общем, легкие жертвы случались.

Но иногда морозное солнце взирало на эти горки с печалью, даже, возможно, тоскливо, размышляя про себя, наверное, что непонятен все же народ, даже дети которого невымерзаемы в крепчайшие холода и, вместо того чтобы отсиживаться в полутеплых избушках, дрожать там, берут салазки и лезут на гору, чтобы помчаться навстречу оледенелому воздуху.

Неужто же вызов ему бросают — пристальному и мерзлому оку, наблюдающему за ними? Может, копошеньем своим, вовсе не безболезненными морозными ожогами, воинственными кликами и воплями поражения они что-то такое, даже им пока неведомое, утверждают?

Нежелание сдаться? Неумение отсиживаться в безопасности? Стремление собираться и выходить, когда другим невоготу?

В общем — жить посреди невозможности. Барабаться в замороженном царстве. Противиться силе, которая не терпит таких противленцев?

2

Но это — зимой. А зимы, понятно, кончаются, как и войны — рано или поздно. Но лето наступает не сразу. Между зимой и летом, как между летом и зимой, есть времена, которые не назовешь ни весной, ни осенью.

Весна и осень прекрасны, но в этих погодных переменах много дней непоймешькаких.

Морсит дождь. Потом он льет. Потом снова что-то капает. А когда и дождь утихает, в природе стоит какая-то гниль, что ли.

Погода похожа на простуженного человека в это время. Температура вечером, днем и утром. Голова болит, душит тоска, ни на что глядеть невоготу. Вот и природа наша присеверная: хандрит, температурит, на нас, людей, глядеть не желает. Может, расстроилась, что в зиму народ не выморозила? И ведь летом не высушит — слишком много для этого влаги в нашей родной земле, дождями и слезами напоенной до самого доверху.

Ну так вот — долгие эти переходы от щелкучих морозов к редкой жаре были унылы, угнетающи, бесконечны, и от них зависело настроение всякого человека — большого и малого.

Для взрослых непогода, как мне кажется, второстепенна и малозначима. Если человек бежит на работу с утра, весь день что-то делает, а к вечеру торопится домой, чтобы своих деток накормить, обиходить, ума им и разума поддать, как полешков в печку, ему по сторонам таращиться некогда, он всё больше соображает о хозяйстве или о близких.

Худо-то как раз бывает малым. Это они, отучившись школьную смену, смекают, как истратить оставшееся время. То ли почитать, то ли с друзьями повозиться. Зимой-то вот горки — крутые, трудные, и пологие, легкие, будто эти горки на задачки похожи. А вот в слякоть, в непогоде, в хмарь, когда глянешь только в окно, и жизнь кажется такой же бесконечной, как этот дождь, тоской.

Неужели же всё вот так и будет, пока не вырастешь: тоска, тоска, тоска, ну, иногда книжки и всегда школа, которая тоже ведь, если поразмыслить, похожа на непогодицу — то мороз, то слякоть, изредка только выпадет что-нибудь светлое и яркое, вроде случая какого необыкновенного или ученической нечастой победы самого над самим же собой...

3

И все-таки был, был яркий разрыв в серых тучах для нашего малого брата! Это — кино.

Оно, кино это самое, не баловало народ разносолами. Одну и ту же ленту крутили месяцами. И по этой простой, в общем, причине кинофильмы на-

ши отечественные ни в какие иные времена так дословно — в буквальном смысле слова! — не были известны народом, нежели тогда.

И в начале начал — народом маленьким, детьми.

Фильм “Чапаев” мы смотрели столько раз, сколько позволяло время. Его крутили везде. Казалось, он переходил из одного кинотеатра нашего города в другой, — а кинотеатров-то было не больше пятка! — и, когда заканчивал этот круг почета, снова возвращался в тот, где был сначала. Так что “Чапаев” шел всегда, каждый день, наверное, всю войну, если не на взрослых сеансах, по мере старения кинокопий, то на детских. И среди школьников были истые чемпионы, которые глядели “Чапаева” по тридцать раз!

Я и сам-то глядел его не меньше раз десяти...

Конечно, объявления, какой фильм и где идет, печатались в куцых местных газетках военного времени. Да как они могли попасть в наши руки? Так что широко работало сарафанное радио.

Может быть, даже в каждом классе, не говоря про школу, были ребята, которые точно знали, какое кино где показывают. А сеансы у нас начинались везде одинаково: в 10, 12, 14 — и так каждые два часа начинался новый сеанс, хотя фильм шел, конечно, не два же часа. Во-первых, к нему всегда прибавляли киножурнал “Новости дня”, а в оставшееся время зал проветривали.

О, эти кинозалы! Как отличались они от всех иных! Сделаны они были под небольшим углом, чтобы те зрители, которые сидят сзади, оказались хоть самую чуточку повыше, и те, кто впереди, не заслоняли бы им экран. Когда ты входил в кинозал и начинал искать свой ряд, приходилось идти в горку, пусть пологую, некрутую, или спускаться вниз, и это всегда доставляло огромное удовольствие.

Когда еще совсем маленькому, до войны, отец и мама объявляли мне, что пойдем в кино, я всегда представлял этот слегка наклоненный пол. Была у меня тогда еще одна тайна. Почему-то всякий раз, когда родители брали меня в кино, то ли потому, что я не всё понимал, о чем там, на экране, говорили, и поэтому немножко скучал, то ли оттого, что шил перед тем воду, особенно сладкую газировку в фойе кинотеатра “Октябрь”, я всегда хотел там писать.

Раз или два мама, извиняясь, поднимала весь ряд и выходила со мной в туалет. А потом снова всех поднимала и возвращалась со мной. Кто-то при этом чертыхался, да разве что поймешь в темноте-то кинозала? Да, в общем, имели, наверное, право чертыхаться-то, несмотря на то, что разбирали все-таки — раз ведут малыша, значит, по нужде.

Потом мама шепнула мне, когда я запросился в очередной раз — мол, сделаем это на месте.

И я пописал прямо на пол. По ходу кинофильма его герои то ли кричали, то ли стреляли, но никто из соседней-зрителей не услышал моего скромного, негромкого, совсем мальшовского журчанья, а сам водопад был почти стерилен — не зря говорят, что детскую мочу даже пьют некоторые больные, чтобы вылечиться.

Впрочем, это лирическое отступление я позволяю себе с двумя конкретными целями: до войны, мальшом еще, я ходил в кино с мамой и папой, а в конце войны — один, потому что вырос, отец воевал, а мама работала в госпитале, ну и я, конечно, уже не писал на пол, имеющий наклон в сторону экрана — за это бы огольцы, сидевшие рядом, просто прибили.

Новое это время было — конец войны. И мы были — новое детское племя, отдававшее войны.

Совсем другое мальчишество.

4

Наш брат крутился по всем кинотеатрам, напоминая собой путешествие “Чапаева”. Зная, что где показывают, двигали туда, как сговорившись, по двое, по трое или поодиночке.

Однако самым детским оказался старый, обношенный, последний среди неважнецких кинотеатров с громким именем “Прогресс”.

Был он первым в нашем городе, когда-то единственным и, таким образом, самым знаменитым. Построили его еще в начале века, и слово это — прогресс — что-то такое означало тогда особенное для граждан нашего городка, идущих глядеть кино. Что-то такое обещало — вот, мол, подумайте-ка, даже кино к нам пришло, в нашешское захолустье, то ли еще будет!

В него, как рассказывала мама, до войны валил по вечерам весь город — особенно летом, за билетами стояли очереди, но “Прогресс” был невелик, мест на сто, не более, и далеко не всем выпадала удача попасть на сеанс, и тогда некоторые, видать, особенно жаждающие прогресса, садились на лавочки возле кинотеатра, а гуманные контролерши приоткрывали двери — и всё, что говорили герои, музыка, восклицания, объяснения в любви и слезы — в общем, все звуки, которые помещаются в киноленту, были слышны далеко окрест. Так что, прислушиваясь к ним, можно было все-таки догадаться, о чем идет речь в фильме, и еще больше зажелать его увидеть.

И вот тут надо уточнить, что “Прогресс” стоял в городском старинном сквере.

Это был чудесный скверик на пересечении двух самых проходных улиц. Там размещались большие скамьи, их скрывали разросшиеся кусты сирени, свет и так-то редких уличных фонарей пробивался сюда лишь слабыми бликами, и местечко это славилось среди тех, кто постарше, ходит парами и тайком целуется в полумраке.

Похоже, им было даже интереснее в почти киношном полумраке, зато при полной свободе слушать речи героев и музыку.

С одной стороны, скверик как бы получался продолжением кинотеатра, с другой — удобным залом ожидания на следующей сеанс, если билеты все-таки куплены. Ну, а если и не куплены, то все равно вечером здесь было тесно, слышались смешки и приглушенные речи парней, которых вот-вот заберут в армию, и девушек, которые их или быстро забудут, или, напротив, станут долго ждать — дождутся ли?..

Наше детство было окрашено вот этой во всем неуверенностью. Что будет с отцом? И что будет на ужин? И что ждет в школе? И взрослые люди рядом с нами, особенно если это старший брат, — что с ним станет, когда заберут на фронт?

Только в одном были уверены все до одного, если только задумывались об этом: мы победим! Может, еще поэтому мы смотрели и смотрели этот старый, изношенный, но как верный солдат бессменно служивший нам кинофильм “Чапаев”? Он хоть и тонет там, наш бессомненный герой, Василий Иванович, но мы-то побеждаем!

5

Однако вернусь в любимый кинотеатр.

Он был когда-то шикарным, потому что был первым и ни с чем не сравнимым. Потом у него появились конкуренты: повыше, попросторнее, многоместнее.

И он сник. Так, наверное, всегда бывает с первыми и с первым — с людьми, с делами или с сооружениями. Их обгоняют, превосходят, оттачивают, и первые становятся последними, звездность забывается, слава меркнет и покрывается тенетами забвения.

“Прогресс”, и так-то деревянный, да еще и с двумя печами, пусть кафельными, но явно дореволюционными, с маленьким кинозалом, где располагались дореволюционные же неудобные креслица, садясь в которое, ты соприкасался одеждой с соседом; с кассовым залом, который и залом-то грех было называть — просто небольшое пространство перед единственным полукруглым окошечком, где, выдавая билет, кассирша никогда не показывала свое лицо — руки, деньги, билет, и всё, — так вот, “Прогресс” этот, наш любимый, ветшающий старик, который не сносили только, видать, из-за чьей-то жалости, имени своему давно уже не соответствовал.

Но был нами искренне любим. И теперь я вновь вернусь в последнюю военную осень, бесконечную, унылую, затяжную, гнилую, когда на душе серо и тоскливо так, что не знаешь, как быть, куда ткнуться, к чему припасть, чтобы не забыть от душевной смуты.

В тягучем однообразии непогоды время от времени мы с другом моим и однопартником Вовкой Крошкиным, плюнув на все обязанности и на то, что дома же кто-то ждет, сразу после уроков срывались в “Прогресс”.

Учились мы в третьем классе, стукнуло нам по десять лет, и души наши, похоже, искали все новых сильных впечатлений, и немало мы уже извели для детских-то лет: у Вовки погиб на войне старший брат, мой отец воевал, а я часто ходил в госпиталь, где служила лаборанткой мама, да и оба мы с Вовкой выступали в разных госпиталях с концертами и видели, ясное дело, сполохи грозного бедствия.

В общем, были мы нормальным детским народом холодных военных времен, оба же время от времени получали талоны дополнительного питания в столовке № 8, где подкармливали всякую худобу и малокровников, к которым тогда относился лично я, — но всё это за сильные впечатления мы не считали.

То была просто жизнь, такая же, как у всех, а сами мы считали себя вполне обыкновенными и, можно даже сказать, благополучными ребятами. Например, у нас бывали деньги на кино.

А билет на дневной сеанс в “Прогресс” стоил рубль.

Много это или мало? Затрудняюсь ответить. Вскоре после победы произошла денежная реформа, когда сто старых рублей приравняли к одному новому. Выходило, что вместо одного рубля билет должен был стоить всего одну копейку. Но этот билет стал стоить гривенник. Значит, цена выросла в десять раз и гривенник стал немаленькой деньгой.

Но это потом, позже.

В последнюю военную осень рубль был доступен и мне, и Вовке. И хотя мы не таскали рубли пачками, но один или даже два, а то и все три в кармане моем паслись, то исчезая, то возвращаясь вновь и делая меня человеком, по крайней мере, способным попасть на детский сеанс.

У Вовки эти колебания были резче. Иногда неделями у него в кармане жила вошь на аркане. Это так шутили, когда не было денег. И тогда я Вовку звал в кино на свои. С уговором, что и он меня когда-нибудь позовет повосхищаться киноискусством за его счет. Так оно и было пару раз. Да что за денежные расчеты в нежные-то года!

6

“Прогрессом” управляли три женщины и невидимый нам киномеханик. Одна женщина, руки которой мелькали в кассе, тоже оставалась, в общем, невидима, где-то за кулисами событий. Механик, как ему и полагалось, сидел в кинобудке. А две женщины, худенькие, шустрые, крикливые, когда надо, и довольно похожие друг на друга, были настоящими хозяйками “Прогресса”. Одну, билетершу на входе, звали просто тетя Муся, а вторую — Нипална, что на самом деле означало: Нина Павловна.

Вообще-то, великая тайна есть в том, как и почему дети перекраивают имена взрослых, да и товарищей своих, укорачивая их, даже укрощая, буд-то зверей каких, упрощая сложное, облегчая шевеленье своего языка, сокращая буквы и звуки, а то и вовсе заменяя имя кличкой, выражающей нрав человека, его привычки или занятия.

Что касается имен тети Муси и Нипалны — тут дело простое, поскольку обращался к ним больше народ малый, часто еще и неважно говорящий, не ораторы какие-нибудь, чтоб с выражением и подобострастной улыбкой на лице выступать, тщательно выговаривая имена-отчества уважаемых хозяек уважаемого кинотеатра.

С первых же своих самостоятельных приходов в “Прогресс” я заметил, что в прихожей, где с одной стороны было окошечко кассы, а с другой дверь

в фойе кинотеатра, пасутся какие-то совсем малые дети. Даже еще не школьники. Бывали среди них и девочки, совсем какие-то обнищальные. Летом в линялых и нечистых платьицах до пяток или, напротив, вызывающе коротких, совсем, видать, младенческих. Но больше толклось тут огольцов — тоже довольно ободранных, в стоптанных сандалиях на босу ногу. Пару раз я замечал, что сандалеты продырявлены с самого носа, и оттуда торчали грязные большие пальцы.

Скажу честно, мне не нравился этот народ. Мальчишки шепотом матюгались, современно не стесняясь девчонок, даже самых маленьких, а те слушали всякие эти выражения привычно, без всякого возмущения, кажется, еще миг — и они сами этак же завываются.

Зимой эта кучка, которая то разрасталась, то убывала, выглядела молчаливее и сумрачнее, и маленькие матершинники вроде бы примолкали, жадными глазами оглядывая каждого, кто выходил в прихожую и направлялся за билетом к кассе.

И без слов выходило, что если у тебя рубль в кармане и ты идешь в кино, значит, живется тебе вполне прилично. И эти ребятишки тебе завидуют. А иногда так если и не волком на тебя глядят, то голодной собачонкой — точно.

От сеанса к сеансу кучки этих ребят, похоже, менялись числом своим. Это я уж потом узнал. Поутру, к первому сеансу приходило совсем немного. К двенадцатичасовому — побольше. А уж в два часа целая толпа собиралась, но к этому сеансу двигался народ послешкольный, можно сказать, денежный. И малышне приходилось ждать.

Суть же их ожидания была в том, что они, как бездомные собачонки, подбирались с третьим звонком к двери и жалобно просили:

— Тё Мусь! Тё Мусь! Тё Мусь!

И означало это — пусти, тетя Муся, в кино бесплатно. Те, которые к первым сеансам собирались, проходили всегда, потому что с утра-то половина зала, если и не больше, пустовала. Вот добрая, как выяснилось, тетя Муся и пускала эту мошкарку на свободные места. И в двенадцать пускала, дождавшись, пока третий звонок отзвонит — чтоб садились эти цыплята уже в темноте, мол, их и не видно, неясно, когда проскочили!

Ах, тетя Муся, добрая душа! Всё-то она боялась, что вдруг придут и на нее контролеры, проверят, у всех ли детей есть купленные билеты, а если таковых не окажется, насядут на нее и станут терзать за такое безобразное нарушение финансовой дисциплины.

Но тогда, поначалу-то, я всего не знал и понять не мог, чего тут топчутся эти малышки, умеющие по-взрослому матюгаться и по-детски кланяться, и как сочетается высокое искусство интересного кино с этими чуть ли не бродягами, с плохо одетыми бедолагами — и откуда они только берутся-то?

7

В общем, обстановка такова: небольшой присеверный город, старый деревянный кинотеатр, последняя военная осень, два третьеклассника, жаждущих ярких впечатлений, и кучка маленьких попрошаек-безбилетников.

И еще одно важное обстоятельство. Невидимое нам тогда и оттуда, из далекого теперь-то нашего детства.

А дело в том, что к концу войны нашим фильмам, начиная с “Чапаева”, пришлось подвинуться. Наверное, это было справедливо, хотя бы уж потому, что тех же “Веселых ребят”, “Свинарку и пастуха”, “Двух бойцов”, “Сердца четырех”, “Жди меня”, “Машеньку” вкупе с “Юностью Максима” и даже “Вратарем” народ пересмотрел вдоль и поперек. Вот тут кто-то где-то, наверное, и подумал, что надо бы чуточку веселья прибавить. И на экраны выпустили почти сразу “Серенаду Солнечной долины” и “Большой вальс”. А потом еще и “Джорджа из Динки-джаза”, “Тетку Чарлея”.

А еще, наступаая, наши войска брали трофеи. И среди них были кинофильмы. Немецкие и не немецкие. Но мы в этом не разбирались. А в кино-

театрах стали показывать переведенное, конечно же, на русский язык иностранное кино с субтитрами, то есть русским текстом внизу экрана. Кино идет, лента крутится, артисты что-то говорят на своем наречии, а ты успевай не только глядеть, но и быстро читать, это не для малограмотных!

Вот такой произошел поворот.

И революция, и гражданская война хотя и остались далеко позади, все-таки были нашенскими. Дома как у нас, улицы похожие, и лица обыкновенные, русские, уж не говоря про одежду. И сапоги, и рубахи, и пиджаки всякие, ну и гимнастерки, и бабьи платки, полушубки да телогрейки.

А там! Фраки! Смокинги! Музыка и танцы, смех и шутки, да еще на лыжах носятся, каких у нас-то и не видывали. А одеты как! А говорят! С чувством, с толком, с расстановкой — было в наше время такое выражение.

В общем, народ попер в кинотеатры на “Серенаду Солнечной долины” в сентябре, на “Большой вальс” в октябре и на “Леди Гамильтон” в декабре сорок четвертого года.

Дело дошло до того — и откуда это мы только узнавали-то; наверное, все же от взрослых — что из пяти кинотеатров в трех, по крайней мере, сразу и шла эта волшебная “Серенада” при одной-то всего копии, то есть при одной имевшейся киноленте.

Как же ухитрялись-то? А очень ловко! Ставили на дежурство автомобиль. Это раз. А два — сдвигали сеансы. Например, в “Октябре”, самом лучшем из всех кинотеатров, сеанс начинался в 12 часов дня. А вот в нашем миллом “Прогрессе” в 12 часов 50 минут. Две первых части картины к этому времени в “Октябре” уже открутили. Их тотчас отдавали шоферу, и он за какие-то считанные минуты доставлял их в “Прогресс”. Там начинался сеанс. А оттуда показанные части перевозили в третий кинотеатр. И из него — обратно в “Октябрь”.

Короче говоря, сразу крутили одно и то же кино в трех местах, потому что залы ломались от народа, желающего полюбоваться чужой — волшебной, веселой, изящной — совсем, увы, не нашенской жизнью.

Мы с Вовкой не раз видели, как выходит народ из темного зала после такого кино. Тетки в телогрейках, в платочках темных оттенков, натягивая их на волосы, причитали, охали, а некоторые утирали слезы — будто выбиралась не из обыкновенного кинозала, а выныривали из светлых вод, из незнаемого прежде волшебного мира, возвращались из благодатного обморока, из сказки, кем-то придуманной — не для них же! — но им, в одолжение, показанной: неужто же бывает такое?

Тетки с трудом приходили в себя — я замечал, что взрослые женщины, не то что, к примеру, девчонки, приходят в себя с трудом или с неохотой, и как-то даже недовольны, что теперь вот следует выползть из кинотеатра на свет Божий, обратно в обыкновенную жизнь, без всякой музыки, сказок и эдакой-то красивой любви.

Дело дошло до того, что билеты стали продавать не только перед сеансом, а заранее, даже на другой день, и у кинотеатров начали клубиться очереди. Одно дело очереди военных лет — в ожидании, когда хлеб подвезут. Это были очереди беды и нужды. А теперь выстраивалась очередь за билетами в кино!

Где-нибудь к обеду кассирша окошечко свое захлопывала и вывешивала табличку “Все билеты проданы”, и перед сеансом постепенно стали крутиться редкие поначалу и бедноватые на вид спекулянты. Да уж какой такой капитал заработаешь на киношных билетах?

8

Купить билеты на детский сеанс, когда шла “Серенада Солнечной долины”, нам удалось далеко не сразу. Дело в том, что один-то рубль стоил детский билет. А если на то же самое место продавался билет взрослому, с него драли целую пятерку! И кинотеатру было выгоднее пускать взрослых вместо детей, даже если они шли на утренние сеансы.

Нам, людям низкого росту, вопреки всякому смыслу, приходилось уступать взрослым, если они шли на детский сеанс. А разве мало было и в войну-то всяких бездельных старух? Еле шамкают, а туда же — про любовь им давай. Давай вальсы Штрауса!

Но вот все-таки мы в зале. Начало сеанса в два часа сорок минут, открутились “Новости дня”, и, замирая от предстоящего восторга, заранее приоткрыв рты, мы с Вовкой вслушивались в первые диалоги прекрасных собой героев и в первые мелодии неизвестной доселе музыки, называемой джаз.

Я даже не обратил внимания, как очень маленькая и легкая тень мелькнула к двери, ведущей из зала на улицу, громко звякнул длинный крюк, которым запирали дверь, и в распахнутую светлую щель ворвались несколько мальчишек.

Молча они кинулись в зал, толкаясь между рядами, будто пескари в песчаное дно, но не было им здесь места, ясное дело, всё занято и без них, и они передвигались между рядами, расставленными тесно, кому-то наступали на ноги, и слышался писк и чьи-то восклицания.

Кто-то ползком, извиваясь, должно быть, по-пластунски продвигался под креслами, и вот один такой, находчивый, высунул голову между моих ног и прошептал:

— Мальчик, подвинься!

Я послушался, подвинулся, как мог, и он втиснулся на мое кресло, больно прижав меня к перильцу.

Всё это время Нипална бегала по залу и кричала:

— А ну выходите! Выходите, говорю!

Дверь она распахнула совсем, а сеанс ведь был дневной, поэтому уличный свет мешал глядеть кино, да и фильм-то вовсю шел, и там что-то происходило, что-то говорили и что-то пели, но никто уже не следил за любезным кинофильмом, к которому так стремился каждый, кто купил билет, а все глядели, как мечется Нипална на фоне светящегося экрана. И все это уже вызывало в зале справедливый протест.

А Нипална кричала:

— Сейчас остановлю кино! И всех сдам! Куда следует!

Этот, который зажал меня в узком дореволюционном кресле, крепко воцепив табачищем и тихо, но внятно матюгался. Срывалась, видать, его операция. Слишком уж обозлилась Нипална.

Мне же он шептал:

— Молодец, оголец! Сиди тихо! А то худо будет!

Наконец Нипална крикнула:

— Всё! Включаю свет!

Подбежала к своему пульту и, не останавливая фильм, осветила зал.

В это самое мгновение, не в секунды, а в ее доли, парень, прижавший меня, сорвался с места и легким кошачьим броском вылетел в дверь. За ним кинулись еще три или четыре фигуры.

Зал засвистел им вслед, затопал ногами.

Нипална ловко пробежала от своего пульта к двери, накинула крюк, крикнула в зал, продолжающий смотреть на экран:

— Бессовестные! Ну, бессовестные!

Сеанс продолжался.

Из кино мы выходили, как и те тетки, которых я разглядывал, — сначала притихшие, ошарашенные чужой жизнью, ее красотой и прелестями. И вся толпа выбиралась примолкшая — первые десять и двадцать шагов молчаливая и даже понурая. Потом люди начали как-то вполголоса переговариваться, перешептываться. Шу-шу-шу — висело над толпой.

Но еще шагов через десять народ возвратился к себе на родину, в сумеречный осенний день, в лужи, в слякоть, как бы вздохнул глубоко, освобождаясь от наваждения и красивой, но чужой жизни, и начал дышать, жить дальше, думать о своих делах, разговаривая громко, не стесняясь, хоть оставаясь всё еще под впечатлением и кратко оценивая увиденное:

— Эк, живут-то!

- Да то ж кино! Сказка!
- Мировецкая кинуха!
- А горы-то, горы!
- А музыка! Как ее?
- Джаз! Джаз!

Но все это уже рассуждения дома, на родной земле, а еще точнее — в родной грязи.

Мы с Вовкой тоже что-то лопотали друг другу, и вдруг я увидел кучку мальчишек нашего роста и чуть повыше. Они взирали на проходивших спокойно, а на нас даже надменно, и, проходя мимо одного из них, я учуял резкий табачный запах — похоже, это был тот, кто прижал меня к перильцу, усевшись со мной на одно сиденье.

Мальчишка, стоявший у него за спиной, спросил:

- Ну чо, Севка, попытка не попытка?
- Да Нипална осатанела! — ответил он как-то нерадостно.

Но тут мы сделали свои три-четыре шага, и я уже не услышал продолжения разговора.

- Что это за ребята? — спросил я Вовку.
- Шайка огольцов, — кратко, но непонятно ответил он.
- Ну? — подтолкнул его я.

— Нет у них рубля, — ответил Вовка. — Вот они и прорываются в зал. Забесплатно. Ты разве не знаешь? Когда кино старое и места есть, Нипална даже не ругается. Навесит крюк обратно, и все. А тут закричала! Потому что садиться некуда.

Мы сделали несколько шагов, и я скептически заметил:

- На папироски деньги есть, а на кино нет.

Вовка пожал плечами.

— Папироски они стреляют. Выпрашивают. Или окурки подбирают недокурные. А в кино нужны просто деньги.

Вот он, рубль-то! Всего один! Невелико богатство, но если его нет, приходится прорываться.

Я к Севке и его огольцам тогда еще никак не относился. Ни осуждал их в душе, ни хвалил. Просто есть такие, и есть. У меня-то рубль был. И мне не требовалось проламываться в киношку силой.

“Серенаду Солнечной долины” мы с Вовкой посмотрели в “Прогрессе” два раза в сентябре и три раза в октябре “Большой вальс” про композитора Штрауса.

Третий раз я, правда, смотрел “Вальс” один, и вот по какой причине. Ночью у меня заболел зуб, утром я сказал об этом маме, она заставила меня одеться пораньше и отвела в зубную поликлинику. У нее там имелась знакомая врачиха по имени Софья Антоновна, такая немолодая уже и улыбочивая женщина, которую я все равно боялся, но та выстренько и совсем без боли разделалась со мной — только пару раз и проведя по зубу своей бор-машинкой — ну и чудище же все-таки это: жужжит у тебя во рту, будто черный какой-то жучина к тебе залетел, а как зуба коснется, так взвизгнет, взвизгнет, взвизгнет! И не больно, да ужас берет!

В общем, она меня полечила быстро, без всякой очереди, да и мало было к ней народу с самого-то утра, и скоро отпустила — так что мог бы я еще на второй урок спокойно попасть. Но дорога моя шла мимо “Прогресса”, и ноги сами завели меня в закуток возле кассы, и оказалось, что билеты есть! На самый первый сеанс! Точнее, женская кисть, совершенно обычная, без всяких украшений, болтала в полукруглом окошечке единственным голубым билетом, а голос сообщал почти торжественно:

- Последний билет! Последний детский билет!

Я не удержался, быстро сунул руку в карман пальто, нащупал рубль и стал обладателем последнего билета.

Сердце мое часто билось. Я был радостно возбужден. Во-первых, я пойду вместо школы в кино, и ситуация позволила мне слегка согрешить. Но грех был невелик, это ясно. Ведь Софья Антоновна могла провозиться со мной и дольше, так что, значит, мама допускала мой прогул. Во-вторых, мне

повезло, и я купил последний детский билет. Не мог же я устоять, в конце-то концов!

Фойе “Прогресса” уж было полно народа, хотя предстоял лишь первый сеанс — все-таки Штраус и его вальсы в последнюю военную осень очень требовались публике — и пожилой, пенсионной, страдающей бессонницей, и совсем зеленой, которой некуда деться даже с самого утра.

Напротив двери, как всегда, толкались несколько девчонок, вернее, их было только трое, и все просто соплячки, явные дошкольницы. “И куда только матери глядят”, — подумал я недовольно, используя, наверное, бабушкину манеру ворчать под нос, когда она была чем-нибудь недовольна. Правда, я это не проворчал, а просто ворчливо подумал.

Может быть, я первый раз со вниманием оглядел этих девчонок. Хотя это и нелегко было сделать. Они стояли спиной к оконцу, которое проделано в этом проходном помещении под самым потолком, а поэтому лица их одинаковы и круглы, но в подробностях неотличимы. И платки на голове, когда-то белые, тоже одинаковы. Может, потому что я был еще мал, и все девчонки казались мне похожими друг на друга, а эти так просто одинаковыми, одного рода, если они и отличались друг от дружки, то длиной подола.

Я уже знал, что еще минуту-другую, и как только зрители перейдут из фойе в зал, девчонки начнут кланяться: “Тё Мусь! Тё Мусь!”

И наверняка контролерша их не пустит, зал полон, ведь я купил последний билет.

Мне стало как-то не по себе. Странно все получилось. Ведь лиц этих троих девчонок я разглядеть не мог, все они выглядели одинаково для меня, да и вообще-то кто они для меня такие и какое мне до них дело?

Но что-то свербило меня, какое-то невнятное чувство, похожее на жалость к подшибленному воробью, например, ворошилось во мне, и приходилось собирать какие-то силы, какой-то в себе переступить порожек, чтобы отодвинуть незнакомых, да к тому же и неопрятных девчонок в сторону. Хотя они и так в стороне стояли. Только смотрели на меня в три пары глаз. Ничего не просили, ничего не говорили — смотрели.

И тут со мной произошло невероятное.

Из окошечка кассы вдруг послышался женский голос.

— Последний детский билет!

Я аж вспотел. Как! Я только что купил последний билет. Вот он, в руке. Она же говорила!

Но тетка из кассы вновь произнесла:

— Последний билет! Сеанс начинается!

И я, сам не понимая, как и почему это происходит, спросил девчонку, которая стояла ко мне ближе:

— Хочешь в кино?

— Еще бы! — ответила она, совершенно, похоже, не смутившись.

Тогда я нащупал в кармане второй рубль, шагнул к кассе, уверенно протянул его и взял в ответ узкий голубой билет. Протянул его девчонке.

Она сорвалась с места и тут же оказалась по ту сторону прохода.

И сразу затерялась среди людей, в шевелящейся толпе, медленно вползающей в кинозал.

Не успел я переступить порог фойе, как сзади послышались голоса девчонок, оставшихся в проходнойшке:

— Тё Мусь! Тё Мусь!

Но тетя Муся твердо сказала:

— Полный зал, девочки! Аншлаг! Убейте, не могу!

Я обернулся. Две тени сперва отступили от контролерши, потом двинулись к двери. Им, похоже, не повезло.

9

Но не знал я жизни, нет.

Когда я нашел свое место, оно оказалось совершенно неудобным — крайним в ряду, ближним к выходу. Девчонка, которой я купил билет, надо же, сидела рядом, сняв платок, и наконец-то я разглядел ее лицо.

Круглое, глаза серые, курносая. И не такая уж она оказалась маленькая, на первый-то класс тянула точно. Но что-то было все-таки в ее лице необычное. Под глазами сиреневые полукружья, как у больной, и сами глаза какие-то взрослые, недоверчивые. Она глядела на меня отчужденно, неласково, даже зло. Сказала совсем не по-детски:

— Только я тебе ничего не должна.

Я пожал плечами. Что на это ответишь?

— И не жди, — она проговорила, — я тебе спасибо не скажу.

Вот тут я уже рот открыл, пораженный. Будто со мной не шмакодавка сопливая говорит, а злобная старуха. И эта старуха в мальшовском обличе тут сказала такое, что я весь съезжился.

— Ваш брат и должен нас в кино водить. Конфетами угощать. Морсами поить.

Я кивнул. Отчего, не знаю. От смеха? От возмущения? От удивления? Наверное, от всего сразу.

А она рассмеялась и сказала:

— Мальчик, давай поменяемся местами. Я хочу с краю сидеть.

Тут началось кино. После “Новостей дня” на минутку включили свет, чтобы опоздавшие могли спокойно найти свои места. Но когда шли такие фильмы, а билеты продавались все до единого и наступал аншлаги, как иногда выражалась тетя Муся, опоздавших не бывало.

Однако правила приходилось выполнять. И через полминутки свет снова погас и загремела музыка — все-таки кино про Штрауса.

Девчонка сидела крайней в ряду, ближней к выходу, я, конечно, безмолвно поменялся с ней местами, все еще мысленно пережевывая взрослые слова, которые произнесла эта пигалица, ругая себя, что не смог ей хоть как-нибудь ответить, хоть крикнуть, что ли, от удивления, но все мои удивления были еще впереди.

При первых же звуках вальса Штрауса — я даже и не заметил, как это произошло, — она исчезла со своего кресла.

И тут я увидел приоткрытую дверь.

Девчонка стояла в проеме и держала крюк, которым дверь затворялась, а перед ней, одна за другой, проскакивали фигуры — раз, два, пять, много...

Потом дверь притворилась, и в полумраке я разглядел, что девчонка дверь закрыла на крюк.

То ли слишком гремела бравурная музыка, то ли был первый, утренний сеанс и Нипална куда-нибудь в сторону отлучилась, хотя бы и чайку попить — почему нет? — то ли потому, что дверь открылась тихо, без грохота падающего оземь крюка, аккуратно, и распахнулась нешироко, да и быстро заскочили в зал безбилетники, — но все этой проказнице с полукружьями под глазами сошло.

И тут рядом со мной уселся кто-то большой и взял девочку на руки. Я обернулся и едва не ахнул: это Севка.

Он проговорил довольно громко, никого не боясь и даже как бы пояняя свое здесь законное появление:

— Молодец, Симка! Операцию провела успешно!

И вынул из кармана конфетку в бумажной обертке. Девчонка развернула ее и громко захрустела.

Потом же, не оборачиваясь к Севке, похлопала его по щеке и опять по-старушечьи проговорила:

— Ах ты, мой бандитик! Да чего же не сделаешь для тебя!

Я сидел оледенелый. Никакой Штраус не лез в меня. Никакого наслаждения я не испытывал.

Тупо смотрел в экран, и никаких мыслей меня не посещало. Так, какие-то отрывки из обрывков. Все это кружилось, как в калейдоскопе, который был у меня, совсем маленького, еще до войны, а потом разбился.

Но я не мог не замечать, что происходит рядом — при всем своем желании.

А рядом парень по имени Севка довольно громко мурлыкал в такт вальсам, которые неслись с экрана, и получалось так, что он эту музыку знает

наизусть и без всяких ошибок. И хотя я давно забыл бесславное время своего музыкального просвещения, и без этого было ясно, что у Севки, по крайней мере, есть слух.

А еще он наслаждался! И Симка наслаждалась! И это надо было уметь! Я просто смотрел кино и радовался ему, а они будто бы им насыщались.

Будто этот “Большой вальс” был вкуснейшим пушистым тортом, и эти двое — мальчишка и маленькая девчонка — жадно ели его, глотая огромные куски — только что не давились.

— Ну что, добряк, божья коровка, — вдруг обратилась ко мне Симка. — Не жалеешь, что позвал? Билет купил?

— Так это он? — спросил Севка, в бликующем свете оборачиваясь ко мне.

— Он! — ответила девчонка.

И тогда Севка протянул мне потную, липкую свою руку и даже не сказал, а приказал:

— Держи пять! От имени и по поручению выражаю благодарность!

Что мне оставалось? Принять пятерню странного парня.

10

После фильма соседи мои исчезли первыми и мгновенно — ведь место их было ближе к выходу. Только крюк громыхнул.

Я подхватил свой портфель, который стоял у меня под боком на креслице, — ведь я же в школу шел — неторопливо, пропуская вперед поспевающих, вышел на улицу, пожмурился, поморгал после темноты кинозала и отправился на уроки, раздумывая, на какой же из них я теперь попаду.

Севка и Сима торопливо выбежали из моих забот, но это мне только показалось.

Не успел я отойти от “Прогресса” полквартала, как сзади послышались чьи-то бегущие шаги, и я, уступая дорогу и не поворачиваясь, принял вправо и даже с тротуара сошел. Не то чтобы в лужу, но в скользкую, ненадежную глину.

В тот же миг я увидел, что нахожусь с краю целой толпы во главе с Севкой. Сима рядом, те две девчонки, которые ждали в прихожей “Прогресса”, мальчишки, в том числе и тот, который что-то спрашивал в прошлый раз у Севки, хотя мальчишек было сейчас поменьше. Но все равно, человек семь-восемь против одного, и хоть я не понимал, чего они хотят, заволновался.

— Слушай, парень, — начал было Севка, но одна из девчонок поправила его:

— Мальчик...

— Слушай, мальчик, — повторил он, вроде смягчаясь, — ну, ты это...

Чего-то он хотел мне сказать или спросить, а брякнул совсем другое:

— Ну ты который раз это кино-то смотрел?

— Третий, — сказал я, теряясь.

— Третий! — крикнул Севка удивленно, и вся эта толпа расхохоталась.

Совершенно мне непонятно, чему она так радовалась.

— А я четырнадцатый! Сечешь? И всё задаром. И вот вся эта шобла тоже раз по десять — точно! Каждый! И тоже за так!

И они снова радостно засмеялись.

Непонятно, впрочем, чему. Я ответно улыбнулся: чего тут говорить?

И Севка, видать, приступил к главному:

— А ты че, богатый?

Я его не понял. Почему я богатый? Откуда он взял? И ничего не ответил от удивления, просто пожал плечами.

— Деньги-то у тебя есть? — спросил Севка довольно смиренно.

Я полез в карман, пошарил в нем и достал еще один замятый рубль.

— Дай-ка посмотреть, — попросил Севка совершенно любезным тоном, я протянул ему бумажку, он, будто невиданную картинку, стал разглядывать шахтеров, нарисованных на рубле. При этом он мельком глянул на тротуар — но ни справа, ни слева никогошеньки не было.

Тогда он разом переменялся. Сунул этот рубль себе в пальто и велел:
— Ну давай! Выворачивай карманы! У тебя, поди, и еще есть? Где-нибудь в загашнике.

Я понял, что пришла беда. Но как из нее выкручиваться, не понимал, не умел.

— Нету у меня больше, — сказал я. — Гляди!

И вывернул карман своего тоненького пальтеца. Посыпались какие-то бумажки, крошки. Потом я вывернул второй карман.

Наверное, я рассчитывал на истину: мол, видите, денег нет, чего еще? А может, на сознательность или даже на жалость: откуда, мол, я такой же, как вы, а то, что билет в кино купить могу, так это же иногда, не каждый раз.

Но Севка, похоже, плевал на истину, на сознательность и уж тем более на жалость.

— А ну-ка, — сказал он, — выворачивай другие карманы.

И мне пришлось, распахнув пальто, сначала вывернуть пустые карманы брюк, потом школьного моего пиджачка. Во внутреннем кармашке у меня лежала маленькая расческа, я и ее достал, показал Севке. Он молча забрал расческу и сунул ее вслед за рублем в свое пальто.

Всё это время портфель я держал между ног, в глине, и в этом не было ничего хорошего, но что поделать.

Я стоял перед этой толпой, будто какой-то арестант: руки растопырены, мол, нет ничего, видите сами, а вывернутые карманы одежды торчат в разные стороны.

— Ну ладно, — наконец мирным голосом проговорил Севка. — Нет так нет. Завтра принесешь. А сейчас засунь обратно. Карманы-то!

“Как это завтра? — думал я, приводя себя в порядок. — Почему завтра? С какой стати?” Наконец, я взял в руки портфель.

Севка, уже готовый развернуться, вдруг как будто споткнулся. Спросил:
— А что у тебя там?

— Учебники, — сказал я растерянно, — тетрадки.

— Тетрадки? — осклабился он как-то хищно, будто чуя что-то.

И резко дал ногой по краю моего портфеля — был тогда такой прием. Портфель плюхнулся в глину, и все та же Сима быстро наклонилась над ним, щелкнула замочком и вытащила из портфеля газетный сверточек. Утром-то я не поел, потому что зуб болел. Вот мама и вернула мне кусок белой булки, слегка помазанной маслом. Чтобы я после зубной в школе его съел.

— Ха! — воскликнул Севка огорченно. — Невелика добычка!

А Сима уже терзала мою булку, рвала на кусочки, раздавала их всем по очереди. И мой растерзанный портфель лежал в глине, хорошо еще, что учебники и тетрадки из него не выпали и не замарались.

В школу я пришел, когда начинался последний урок, да и на него я опоздал, потому что в туалете еще минут пятнадцать оттирал тряпкой, отмывал водой свой жалкий портфелишко, подвергшийся изуверству.

II

Вовке я рассказал про свое приключение сразу же. Самым неудобительным местом оказалось повествование про то, как я купил билет девочке. Наверное, я и излагал-то его дурно, путаясь и заикаясь, потому что с точки зрения здравого смысла это ни во что не укладывалось.

Зачем? Почему? При чем тут какая-то девочка? И какая тут может быть доброта? Разве ты какой-нибудь принц с карманами, полными рублей? Не хватало еще выйти перед кинотеатром и крикнуть: “Эй, гольтьба всякая и детки-котлетки! Идите в кино забесплатно! Пока я добрый, всем до одного покупаю билеты!”

— А что? — спросил я Вовку, — неужели это совершенно невозможно? Если в зале только сто мест? А детские билеты по рублю? И надо-то всего сто рублей?

Он хихикнул как-то пренебрежительно, будто опытный старик. И вообще весь этот мой день, начавшийся с зубной боли, вышел каким-то путаным. Будто я ни с того ни с сего проиграл какую-то игру, в которую даже не вступал, вдруг взял да и опозорился, хотя вел себя самым благородным образом. Да еще, выходит, и должен им, неизвестно за что. Да ведь и кому им — тоже неизвестно. Севке, что ли? Или всей этой толпе? Как это можно оказаться должным целой куче ребят, если я их вообще, можно сказать, не знаю. Кого-то раза два видел, да и то случайно, а кого-то вообще первый раз.

После школы я сидел дома, готовил уроки, но ничего-то у меня не клеилось, и всякие такие симпатичные воспоминания про “Серенаду Солнечной долины” или “Большой вальс” вообще рассыпались в прах, упали серой пыльной кучкой в моем минувшем дне.

Скажу больше, даже сам наш добрый кинотеатр по имени “Прогресс” мне стал как-то малопривлекателен, хотя ведь он ни в чем не был виноват.

Да тут и еще одна свалилась напасть. Ночью меня кто-то кусал, и я здорово чесался. А когда утром пожаловался маме, она, сама еще не прибранная, принялась рассматривать мою постель, да как крикнет:

— Клопы!

Конечно, сразу встревожилась бабушка, и обе они, громко переговариваясь и подозрительно поглядывая на меня, дружно недоумевали, откуда и как могли взяться клопы в нашем по-медицински стерильном жилье, ведь за всю войну ничего подобного не случалось, хотя много кто поплатился за свое легкомыслие от всяких вредоносных тварей, например, вшей, переносивших тиф.

Клопы, конечно, не вши, думал я, ну да черт их знает, а про себя припоминал, что, сказать честно, чесаться-то я принялся еще в “Прогрессе”, во время этого неудачливого “Большого вальса”, где-то к концу сеанса, но не придал этому значения, думая совсем о других вещах, думая об этих странных соседях — мальчишке, который проник в зал и посадил на колени девчонку.

Мама в конце концов убежала на работу, наказав бабушке, чтобы та за день прошла кипятком не только мою, но и ее кровать, сменила постельное белье, а меня до школы с головы до ног осмотрела и всю одежду тоже сменила.

Перед самым маминым уходом я глупо проговорился, не подумав, что сам себе яму рою. Сказал, что кто-то кусал меня вчера в кино. Мама уставилась на меня:

— Так это ты после зубной? Вместо того чтобы на уроки бежать?

Ну и вляпался, дурак. Я стоял понурившись и слишком медленно сообщал, как же можно тут выпутаться.

— Ладно, — сказала мама, ничего хорошего не обещающим тоном, — я с этим разберусь.

Опять денек начинался хоть куда.

Перед тем как уйти в школу, я открыл свой банк — картонную коробку из-под папирос “Казбек”: черный силуэт всадника на фоне белых гор и голубого неба.

Каждый год ко дню моего рождения мама и бабушка, каждая самостоятельно, дарили мне денежки, а в день, когда мне исполнилось десять лет, мама дала мне целых пятьдесят рублей красными десятками по названию червонец. И бабушка десять рублей новыми рублями. Предполагалось, что я буду покупать в книжном магазине книжки, какие захочу, и я уже купил несколько тоненьких книжечек астронома с забавной фамилией через черточку: Воронцов-Вельяминов. Я еще думал про себя, отзовется ли этот ученый человек, если его позвать просто Воронцовым или только Вельяминовым, однако так ничего и не решил, а книжки его про Солнечную систему, про разные звезды покупал и ставил их на свою этажерку, вызывая в моих наставницах умиление и надежду, что если даже я и не стану уж совсем-то ученым и знатоком астрономии, то, по крайней мере, наберусь ума-разума. А интерес к книгам этот ум-разум, конечно же, поддерживает.

Вот и скажи им тут, что хоть и не все свое состояние из коробки “Казбека”, а только часть его, я трачу не на книжки Воронцова-Вельяминова по

60, а то и 80 копеек за штуку, а на многоразовое посещение одних и тех же кинофильмов. Хотя и по рублю за билет, но когда даже про Чапая смотришь раз по десять, то немало все-таки накапливается. Точнее, истрачивается.

В общем, я взял рубль, новенький, из бабушкиного подарка и задумался на тему, что маминьы червонцы менять жалко до слез, а похоже, придется, потому что до нового дня рождения еще очень далеко, деньги нужны, и иных поступлений у меня не ожидается.

С этими мыслями и одним рублем в кармане я пошел в школу. Немного не доходя до нее, просто-таки споткнулся, хотя никаких препятствий не было. Почти всякого препятствия передо мной стояла Сима. И протягивала руку.

Я даже не понял. Думал, хочет за руку поздороваться, как взрослые, и уже подумал протянуть ей руку в ответ, улыбнуться, все-таки знакомая. Но она старушечьим голосом проскрипела:

— Давай.

— Чего? — не понял я.

— Тебе же Сева вчера велел денег принести.

Я сунул руку в карман, вынул новенький рубль и протянул его наглой девчонке. Даже усмехнулся. Просьбу или ваше требование выполняю, раз уж вам приспичило, и привет горячий. Но пигалица убрала руку за спину и спросила опять по-взрослому:

— Ты что, смеешься? Нам жить не на что!

И тут уже я повел себя как следует. Обошел ее, карапетку, и, обходя, сказал:

— Конечно, извините, но при чем тут я?

Услышал, как она проговорила мне вслед:

— Ну, погоди! Просто так не отделаешься!

И вот тут меня затрясло.

Я обернулся. Я посмотрел на эту девчонку другим совершенно взглядом. Может, это я сам подтягивался до нее, хотя она меньше меня ростом. Однако она была чем-то выше меня. Каким-то знанием, может. Каким-то чего-то пониманием неизвестного мне.

Вот я смотрел на нее, как тогда, возле кассы “Прогресса”, и чувствовал, что надо мне каким-то другим стать. Пусть ненадолго. На пять каких-нибудь минут. И попробовать понять, что же это за девчонка такая? И почему у нее полукружья под глазами сиреневого цвета? И почему она говорит, как старуха? И даже угрожает мне от имени Севки, требуя денег?

Ведь это все не просто так, и я же должен что-то сделать и как-то сказать, чтобы потом мне стыдно не было.

И я сказал, испытывая при своих словах глупое облегчение, потому что ведь я хотел ей помочь:

— Может, вам надо сходить куда-нибудь? В милицию? В военкомат?

Я просто слышал иногда от взрослых, что там помогают. И захотел тоже стать взрослым, хоть на минуточку, чтобы помочь.

Ведь мой рубль она оттолкнула, и, наверное, правильно. Одна буханка хлеба стоила на рынке множество рублей! Этого рубля и на кусочек хлеба, самый тоненький, бы не хватило.

В общем, я попробовал стать хоть на минуточку взрослым, но ничегошеньки-то у меня не получилось.

Эта кроха, эта пигалица, эта невесть какая маленькая воробыха усмехнулась по-взрослому и по-взрослому же спросила:

— Ты что, дурак?

12

А вечером произошли забавные события.

Начались они, правда, совершенно не забавно: не пришла с работы мама. Утром, еще перед школой, бабушка выдала мне свежее, хоть и старенькое белье, а пока я был в школе, перевернула всё в доме вверх дном, всё выдраила, вычистила, вымела, прошлась кипятком по всем остовам крова-

тей — железных, в основном, но погубила всего одного клопа. Однако была весьма проделанным довольна и всё повторяла, что клопы размножаются с огромной скоростью, не успеешь обернуться, и комната наша превратится в настоящий клоповник, где жить станет невозможно. Хоть на вокзал беги!

Почему на вокзал, бабушка не пояснила. Но вся так и сияла, потому что не только выполнила поручение дочки, а вообще взяла да и победила неожиданных воров. И ждала похвалы.

Вот так вот всегда все мы — и малые, и старые — ждем похвалы или, например, пятерки, если как следует выучили урок или совершили полезный поступок: уж очень нам хочется, чтобы кто-нибудь, даже самый близкий человек, оценил наши труды по достоинству и непременно похвалил.

Так что, покормив меня и три раза рассказав мне о своей героической победе над пришлыми клопами, бабушка сидела у края стола и ждала возвращения мамы.

А ее все не было. Прошли уже все сроки. Бабушка перечислила места, где мама могла застрять, — и хлебный магазин, и промтоварный, где по карточкам хоть что-нибудь да давали, и подругу мамину тетю Лену, и даже сверхурочную службу в госпитале, может, какой-то большой эшелон раненых с фронта доставили, она же в госпитале работает, — но ничто как-то не сходилась, не складывалось, не получалось.

Я терпеливо учил уроки, даже увлекся чем-то там, немножко забылся, выпетел своими мыслями в форточку, а когда вернулся, увидел бабушку одетой в пальто. Что-то она мне говорила.

Пришлось переспросить. Бабушка встревоженно и, похоже, второй раз поясняла мне, что идет искать маму, потому что, чувствует ее сердце, что-то случилось, за всю войну мама домой с работы ни разу не опаздывала, и что теперь это уже не безобразия, а, конечно же, беда, и она пробежит сейчас до госпиталя, а потом пойдет справляться в милицию, не случилось ли чего?

Я еле уговорил бабушку раздеться, успокоиться, набраться терпения, мама же взрослый человек и ничего с ней случиться не может. Все эти слова на бабушку действовали слабо. Пока я, наконец, не заметил, что будет досадно и даже глупо, если она вот сейчас уйдет, и тут же вернется мама. Бабушка — в милицию, а мама побежит вслед за ней, чтобы остановить ее и напрасно никого не тревожить.

Мама явилась с трехчасовым опозданием! Чрезвычайное для нас происшествие.

Но еще удивительнее, какой она явилась.

Пришла — и смеется. Радостная такая! Будто в гостях была! Да что в гостях, будто на балу каком званом! Но какие времена-то у нас? Что такое бал, в сказках только читали про принцесс и принцев!

В общем, на пороге мама расхохоталась, будто никак не ожидала увидеть нас с бабушкой, — такой, наверное, у нас вид был, — сгребла нас обеими руками, скинула на сундук пальцецо свое, ветром подбитое, как бабушка выражалась, и, даже ботишков не сняв, чего от других терпеть не могла, уселась на стул и принялась рассказывать.

Я бы, случись это со мной, доложил все в трех словах. Но мама говорила как-то азартно, увлеченно, даже восторженно, с подробностями, на мой взгляд, совершенно несущественными, но для нее очень приятными.

Итак, она весь день злилась на этот всем известный “Прогресс”, питомник кровососущих насекомых, обдумывала, как она пойдет туда сразу после работы и устроит скандал.

С воинственным настроением, собираясь пробыть там не больше десяти минут, после работы она побежала к “Прогрессу” и застала его врасплох.

На кассе висела табличка “Все билеты проданы”, дверь в фойе была закрыта, свет там пригашен и никого не видать. Мама постучала и раз, и два, и три. Наконец появилась шустрая тетка, которая, увидев, что стучит взрослая, строго одетая и чем-то озабоченная женщина, тут же маме заулыбалась и, отворив дверь, вежливо ее пригласила внутрь.

Это маму смягчило. Она назвалась медиком, сказала, что в “Прогресс” часто ходит ее сын, то есть я, и что я принес домой клопов, и это ее трево-

жит, потому что если они и в самом деле развелись в кинотеатре, то это безобразие и серьезное нарушение.

— Кинотеатр ведь и закрыть могут! — встревоженно, как бы переживая за “Прогресс” и всех, кто тут работает, воскликнула мама.

Мама, как ей казалось, с первых слов выбрала верный тон разговора: беспокойство за меня, ее сына, за судьбу кинотеатра и тех, кто тут работает. Получалось так, что мама пришла всем на помощь.

Женщина эта, судя по описанию — тетя Муся, усадила маму на стул, исчезла в темном зале и вывела оттуда Нипалну.

Маме пришлось повторить все сначала, и Нипална загорюнилась:

— Ой, милая женщина, да мы-то знаем! Сами мыкаемся! Но молчим! План надо выполнять, и если закроют на карантин, что будет? Куда нас?

Тем временем тетя Муся принесла железные кружки, и они добродушно выпили чайку на брусничном листе. И мама опять принялась огорчаться вместе с ними.

Оказалось, все они заодно, и жалко закрывать этот старый, прогнивший, в общем-то, кинотеатр, и клоповник, конечно же, и зал тут душноватый, и печки зимой приходится топить, никакого тебе водяного отопления, как полагается.

— Но он нам как живой, — сказала маме тетя Муся. — Зимой от морозу потрескивает. Весной, когда снег тает, поплакивает. А летом задыхается.

— Вот наговорим на него, да возьмут его и вовсе закроют, — говорила Нипална. — Да еще, не дай Бог, на дрова разберут.

Вот после этих слов мама с ними совсем подружилась. Пожалела “Прогресс” и поняла женщин.

И тут они ее пригласили на “Большой вальс”. На следующий сеанс. И не куда-нибудь, а в ложу. Была, оказывается, в “Прогрессе” маленькая ложа на четырех человек, закрытая темно-малиновой, под цвет вишневых стен, занавеской. Я сколько там ни был, никогда и не замечал этой ложи.

— И вот! — воскликнула радостно мама. — Я! Одна! Как какая-то барыня! Сидела в этой ложе! И наслаждалась! Ах, какой фильм! Какая любовь! Какая музыка!

Мне бы радоваться, а я досадовал. Это надо было маме найти клопов в моей кровати, обзлиться на старый, ни в чем не повинный кинотеатр, чтобы понять, по какой такой причине я трачу свои небольшие рубли на всякие необыкновенные фильмы! Надо же!

Но взрослые так часто не понимают других!

А порадовался я чуть позже. Почти ночью. Когда мама стала ложиться спать, она зачесалась, приподнялась, включила снова свет, уже погашенный, и крикнула, как утром:

— Клопы!

Трудный ей выдался день. Клопы утром и клопы вечером. А посередине чарующие звуки вальса и возвышенная ненашенская жизнь!

13

В зимние каникулы победного года учительница Анна Николаевна, чтобы, наверное, мы не шлялись в безделье по городу, повела нас организованно в кино. А выбрала “Великий перелом” про победу под Сталинградом.

И хотя кино это, в общем, не предназначалось детям, а было очень серьезным и взрослым, она нам объяснила, что есть вещи, которые должен знать и видеть и стар, и млад, независимо ни от чего. День и начало сеанса она объявила еще до каникул, наверное, договорившись с кассой заранее, так что приходиться было нужно в обязательном порядке, как на урок. Да и деньги на билеты — все по тому же неизменному рублю — собирали заранее.

В общем, к 11 утра какого-то там января я пришел к “Прогрессу”, и сразу же к нему причалил мой дружок Вовка, подтягивался и остальной народ. Девчонки стояли своим кружком, о чем-то перешептывались, перемигивались, пересмеивались, а мальчишки стали толкаться, чтобы согреться.

Мы с Вовкой расположились слегка обочь, смотрели на это суетное приготовление к сеансу, и вдруг меня кто-то резко дернул за рукав.

Я чуть не свалился.

— Ну давай, давай, а то я заждался, — говорил мне Севка таким голосом, будто мы с ним только что о чем-то договорились.

— Чего? — спросил я, догадываясь.

— Денежку! Чего-чего! — грубо и зло ответил он.

Денежек у меня было всего рубль, я теперь больше-то и не брал, но этот рубль ничего бы не решил, и дураку ясно. Я лихорадочно соображал, как мне отделаться от Севки — раз и навсегда, но ничего у меня не получалось, никаких серьезных мыслей не приходило. Одна, правда, вертелась: сейчас он снова заставит меня выворачивать карманы, но теперь это обернется для меня непрощаемым позором, потому что произойдет на глазах у всего нашего класса — и у девчонок, и, особенно, у мальчишек. Что потом будет со мной?

И тут случилось нечто невероятное. Кто-то мягко отодвинул меня в сторону. Этот кто-то был Вовка. Вовка шагнул к Севке, который на голову выше моего дружбана, а если считать по классам, так и класса на три постарше. И Вовка сказал Севке каким-то не своим, измененным, тягучим, а от того хулиганским, даже слегка блатноватым голосом:

— Ну чё ты, чё ты, пацан, — проговорил Вовка, наступая на Севку, — все тянешь и тянешь.

Вовка медленно шел на Севку, а одна рука у него была в кармане пальтеца, и чего-то такое оттуда топырилось острым таким концом. “Уж не нож ли? — подумал я и поразился: — У Вовки нож?”

Однако вещь, оттопыренную в кармане, заметил и Севка. Она его явно насторожила. И он сделал маленький шагок назад. Этот шагок оказался его поражением, а Вовка — ну, Вовка! — восхитил меня.

— Ты чё, малый, — говорил он не своим голосом, — не усёк, на кого прёшь? С кем связываешься?

И тут он выхватил руку из кармана и вытащил опасную мужскую бритву. Еще миг, и в воздухе мелькнуло лезвие.

— Рви отсюда, — просипел Вовка. И добил — не столько Севку, сколько меня: — Попишу, пацан!

Севка, между тем, был не один. За ним стояли еще трое огольцов, ну и верная Симка. Своими спинами Севка и Вовка закрывали то, что было между ними — опасную бритву. Ее никто не видел, кроме них да меня, прикрывавшего собой еще одну, третью сторону.

Так что его команда так и не поняла, почему Севка отскочил от нас, будто ужаленный. И Вовка тут же захлопнул бритву. Еще мгновение, и он сунул ее в карман.

Итак, никто из Севкиной компании не увидел, что произошло. Они не поняли, чего так стухнул их предводитель. Но просто так ничего не бывает. А Севка отбежал и остановился позади них. Зато наши мальчишки очень ясно рассмотрели позорное отступление перед Вовкой какого-то большого парня. И в ту же минуту Анна Николаевна, появившись в двери, крикнула, чтобы мы заходили.

И наши ребята радостно к ней рванули. Представляете? В классе военных времен было под сорок душ, и если даже половина — девчонки, то второй половиной были мальчишки. И все они, пробегая мимо нас, старались воздать должное победителю — то шлепнуть ладошкой, то прикоснуться локтем, то легонько ткнуть кулаком.

Последними ушли мы.

Окинув поле переговоров, на всю жизнь запомнил я эту немую сцену: Севкины пацаны, Сима, затёрханная какая-то, похоже, даже не умытая с утра, и выглядывающий из-за них позорник Севка в тощем, сильно изношенном старом треухе.

— Гляди! — грозным голосом крикнул ему на прощанье Вовка. — Не останешь, я братьев позову, они у меня все контуженые, за себя не отвечают!

Мы стремительно ушли, уселись, началось кино. Меня трясло, просто колотило от возбуждения. В перерыве после киножурнала в зал, причем

вполне официально, вошла Севкина команда, слегка увеличившаяся, между прочим.

Мы напряглись. Да так, что только к концу фильма я стал хоть что-то соображать. А ведь кино-то про Сталинград. Про великий перелом.

В какой-то миг я посмотрел на Вовку и разглядел в темноте, что глаза у него полны слез. Я приблизился к его уху, шепнул:

— Ты чего?

— Да зачем я про братьев?! — шепнул Вовка.

И правда, зачем. Единственный брат, намного его старше, погиб, и совсем недавно, и все об этом прекрасно знали, потому что он, как и Вовка, учился раньше у нашей Анны Николаевны.

Я нашел в темноте Вовкину руку, разлепил слипшиеся, потные его пальцы, и пожал ему лапу. И увидел, как благодарно, слегка улынувшись, кивнул мне Вовка.

14

В тот раз почти все ребята принесли в дом клопов для развода, а числа двадцатого января мы с Вовкой по своей же воле оказались в совершенно ужасной передрыге.

Еще на первом уроке он сообщил мне, что с сегодняшнего дня в “Прогрессе” пошла совершенно мировецкая картина “Джордж из Динки-джаза”. Слово “джаз” мы еще до конца не раскусили, не было вокруг нас ни единого взрослого, который бы толком объяснил, что это такое и почему так волнуют его скрипучие, нахальные звуки, издаваемые невиданными в нашем городе инструментами. Хотелось от этого джаза приплясывать, припрыгивать, качаться и даже вскакивать — правда, не станешь же вскакивать в кино. Однако ведь в “Большом вальсе”, где скрипки играют вальс, вскакивать не хотелось. И вообще! Там следовало наслаждаться и нежиться, а здесь что-то делать, двигаться. Одним словом, не сидеть!

Еще в “Серенаде Солнечной долины” нас пленила эта музыка и эти что-то раздражающие в нас звуки. А тут! Так и называется: Джордж из какого-то Динки-джаза.

И мы рванули туда после уроков.

Увы, нас встретила знакомая вывеска “Все билеты проданы”. Возле кассы толпилось полно взрослых, в том числе военные, они о чем-то шутили с невидимой кассиршей, требовали, чтобы им дали хоть приставные места, и были не одни, а с молодыми женщинами, и все вроде слегка на веселе. Но билетов не было! А народ все валит: заходили в это затоптанное помещение, узнавали, что пришли напрасно, чертыхались — и женщины, и откуда-то взявшиеся мужики в штатском, — чувствовалось все-таки приближение победы! — разворачивались, уходили, и мы с Вовкой впервые оказались рядом с лукавыми маленькими девчонками, ждущими звонка. Была тут и Симка.

Она брезгливо посматривала в нашу сторону. Не испуганно, а именно брезгливо. Но мы, преодолевая всякие там несущественные чувства, переступали с ноги на ногу, неизвестно чего дожидаясь. Просить, как эти девчонки: “Тё Мусь! Тё Мусь!”? Но дозволенное маленьким девчонкам было постыдно нам, без пяти минут четырехклассникам.

Повздыхав, мы вышли на улицу и нос к носу столкнулись с Севкой.

— А! — сказал он без всякого вдохновения, увидев Вовку и меня. — Билетов нет?

— Нет, — сказал я, глядя на Вовку, отвернувшего лицо.

— Есть два выхода! — сказал Севка. — Первый. Вот два детских билета по пятерке. Хотите купить?

Я посмотрел на Вовку, но он пожал плечами. Червонец на двоих лежал в моем “Казбеке”, слишком далеко, что во-первых. А во-вторых, кто же станет тратить такие деньжищи?

— Второй выход, — сказал Севка. — Вы гоните рубль, Сима проходит

в зал и открывает нам дверь. Спрятаться будет трудно. — И вызывающе, наверное, не сомневаясь, что мы откажемся, прибавил: — Но можно.

Мы с Вовкой переглянулись. Скользящая ситуация. Ведь мы с этим Севкой самые что ни на есть враги. Но вот он предлагает нам сплотиться. Может, загаскивает в какую-то ловушку, чтобы за недавнее отыгаться?

Вовка помолчал и спросил:

— А ты сам пойдешь с нами?

— Зачем? — весело ответил Севка. — У меня же еще билет есть. Когда вы прорветесь, один из вас сядет с Симой, ты, например, — показал он на меня. — А другой — со мной.

— Тесно, — вздохнул я.

— В тесноте да не в обиде, — хмыкнул Севка, боясь нас спугнуть. — Но — чур!

— Чего еще? — скривился Вовка.

— За этот-то, второй билетик, тоже нужен рубль!

Вовка посмотрел на меня, кивнул головой, пойдём, мол, отсюда. А Севке бросил:

— Ты нас совсем за мальков держишь!

— Погоди, погоди, — спохватился Севка. — А ты как предлагаешь?

— А я предлагаю, — твердым, умным голосом произнес Вовка, — что по второму билету пойду, например, я. А то какая гарантия, что вы дверь-то откроете?

— Да ты что! — вскипятился Севка. — Погляди, какая у меня толпа? Они все ждут. Только им придется по полу лазить, а вам я предлагаю сидячие места.

— Если мы платим деньги, — голос Вовки был по-прежнему твердым и умным, как у взрослого, — значит, по билету пойдет один из нас.

— Хрен с вами, — взъелся Севка. — Только деньги вперед!

И мы передали ему два рубля в обмен на один голубой билет.

Вовсю брэнчал зазывной звонок, я тревожно смотрел вслед Вовке, уходящему вместе с Симой. Потом, вздохнув, пошел за Севкой.

Во дворе кинотеатра он уверенно указал дверь, которую откроет Сима, купленные места опять были крайние к выходу, и я удивился про себя, как это им так удается?

Надо признаться, я сильно волновался. Хочешь — не хочешь, я должен переступить закон. Ну, не закон, так нарушить правила. Даже, может быть, украсть — ничего себе! Украсть всего-то-навсего рубль, который стоит билет, продаваемый в кассе, но который я не мог купить, потому что все билеты проданы.

В этой цепочке причин и следствий было, конечно, что-то меня извиняющее.

Да я же и хотел бы купить билет! Чин-чинарем, по всем законам, а мне не досталось. А кино хотелось поглядеть до смерти! Вот тут и думай, где и кто что нарушает. А может, этот старый “Прогресс” все нарушает? Что он, не мог быть пошире, подлиннее, а может, и вообще покаменнее?

Отгремели звуки журнала, за бревенчатой, коричневой от старости, стеной зазвучали звуки джаза — наверное, пошли титры. Дверь тихонечко приоткрылась, и я вслед за Севкой бросился во тьму. Конечно, я ничего не увидел, почти, можно сказать, ослеп. Но кто-то потянул меня за руку, и я оказался в кресле рядом с Вовкой. По соседству тяжело дышал Севка. А по залу, пусть и негромко, стучали шаги остальных контрабандистов.

И тут это случилось!

Вспыхнул свет, Нипална заорала и побежала под экран. Кино остановилось. Послышались какие-то шаги из фойе, и в зал вошли три милиционерши, много женщин работало в войну милиционершами. Они двинулись к выходу и перекрыли дорогу к побегу — настоящая облава. А Нипална приказала всем, кто незаконно ворвался, лучше выйти подобру-поздорову.

Севкина компания послушно вылезла из-под кресел, вышла из рядов, скучковалась у одной двери.

— Сидеть! — шептал Севка на соседнем месте. — Виду не подавай!

Но Нипална, опытный человек, похоже, всерьез готовилась к операции. Она пошла вдоль рядов, бдительно вглядываясь, где есть лишние зрители, и, конечно, добралась до нас — не зря же мы сидели рядом с выходом.

— Вот ты где, — сказала она, обращаясь к Севке. И крикнула милиционершам: — Вот тут главный закопёрщик. Берите его!

Севка встал, а Сима заплакала. Она держала в руке свой билет, будто его кто-нибудь требовал предъявить, и говорила:

— Нипална! Нипална!

— Что Нипална! — рассердилась она. — У тебя билет есть, вот и сиди. Никто тебя не гонит. Не то что твоего братца!

И тут же махнула рукой нам с Вовкой, мол, кто из вас безбилетный, шагай отсюда. Я поднялся.

Все это время зал не был равнодушно-спокойным. Сначала все эти люди, взрослые и малые, с интересом наблюдали за происходящим. Но потом как-то враз — мне показалось, все до единого! — закричали, засвистели и затопали ногами. Я покрылся потом, покраснел. Но кому это было видно в кое-как освещенном зале? А я был уверен, это свистят и топают ногами лично и одному мне.

Дверь распахнулась. Милиционерши, все какие-то похожие — полногрудые, коротконогие, коренастые, — хватили нас за воротники. Каждая вела двоих мальчишек, девчонки, их было трое, всё те же, знакомые мне из кассового зала, самостоятельно двигались впереди, и мы отправились в милицию.

Отделение располагалось совсем неподалеку, в здании, пристроенном к старинной пожарной каланче, с которой, как и до революции, дежурные наблюдали, не поднимется ли над каким деревянным домом дым, означающий беду.

В беспечные часы мы называли ее каланчевой милицией, но теперь для меня настало совсем другое, нешутейное время. Пожилая и злая тетка в форме, ухватив за воротник, посреди дня волокла меня в милицию.

Другой рукой она вела Севку. Плюс еще две тетки да три девчонки.

“Прогресс”, как я уже говорил, стоял вблизи оживленного перекрестка не менее оживленных улочек, и на шествие это встречный народ не просто удивленно глядел, а изумленно пялился.

Еще бы, схватили сразу девятиерых! Еще детей, но уже...

А что — уже? И когда догадывались, что мы из “Прогресса” — а откуда еще? — то одни охали, другие хохотали, а третьи свистели.

— Ну этот Джорж! — крикнул какой-то подвыпивший дядька. — Из Нинки-джаза!

Джаз ему был понятен, надо же, а что такое Динки? Вот и переделал в Нинку, да и правила-то там Нина Павловна!

В общем, я проделал позорные метров двести. На повороте в меня уставилась Нинка Правдина из нашего класса, к которой меня пересадит после этого случая для перевоспитания наша Анна Николаевна.

Кто-то из встречных парней, уже взрослых, почти призывник, увидев наше шествие, смекнул и крикнул:

— Девчонки! А вы-то бегите!

— Я вам побегу! — крикнула наша мильтонша, но чего они могли сделать, наши охранницы? И девчонки, пройдя еще шагов десять и подумав, вдруг разбежались кто куда, и парни засвистели, закричали взбудоражившимся милиционеркам:

— За что детей-то волокете? Волоките нас!

15

Бросая прощальный взгляд на волю, обернувшись назад перед входом в милицию, я увидел Вовку и Симу. Оба они смотрели на нас глазами круглыми, непонимающими, но — как оказалось! — спасительными.

Милицейское отделение было просто обшарпанной комнатой со скамейками вдоль стен, куда нас и посадили. В углу, под окном, стоял конторский

стол, а за ним сидел дядька в форменной кубанке и с погонами, тоже милиционер, но совсем уже старый, с вытянутой, лошадиной, худой физиономией — наверное, еще подумал я, такими и должны быть настоящие милиционеры — для устрашения.

Дядька этот курил сигарету, вставленную в длинный, из наборного цветного плексигласа, мундштук, и я подумал, что так же, наверное, курят табак какие-то восточные падишахи. Только обстановка у них все-таки другая: не замызганный конторский стол перед ними, а столик, полный восточных фруктов, и не коротконогие милиционерши вокруг, а юные красавицы в прозрачных одеяниях.

Это я тогда осваивал детское издание книги сказок “Тысяча и одна ночь”.

Однако воображение мое оказалось слабовато против правды жизни. Милиционерши никак не хотели превращаться в обворожительных красавиц, наоборот, с каждой минутой становились как будто всё приземистее, злее и крикливее.

Та, что волокла за воротники нас с Севкой, кричала старику-начальнику, что мы давно известная в “Прогрессе” шайка, что не даем этому учреждению спокойно работать и демонстрировать кинокартины, выполняя производственный план, что приемы, применяемые нами, носят совершенно бандитский характер: мы врываемся в дверь, значит, мы — налетчики.

Дядька невозмутимо дымил мундштуком и молчал, а чем дольше он молчал, тем больше распалась гневная командирша, которой остальные тетки подраживали:

- Да, да!
- Конечно, конечно!
- Надо же!

Наконец, начальственный мужик потянулся, встал из-за стола, подошел к нам и уселся на лавку поближе.

— Ну это же непорядок, огольцы! — проговорил он голосом прожженного куряки. — А?

— Денег у нас нету! — дерзко сказал Севка и отважно посмотрел в глаза старшему милиционеру.

— Денег? — переспросил тот, не сильно удивившись. И спросил Севку: — А сколько билет-то стоит?

— Рупь, — с готовностью ответил тот.

— Всего? — удивился дядька и, словно проверяя Севку, обратил лицо к своим соратникам.

— Детский билет стоит один рубль, — отчеканила все та же, что докладывала о нас. — Взрослый — пять рублей.

— И нет рубля? — удивился мильтон, правда, тут же себе самому и ответив: — Да откуда?

Потом опять на нас воззрился. Каждого внимательно оглядел. И о каждом какое-то заключение составил. Сказал как-то не торжественно, по-свойски:

— Ну вот! Начнем мы сейчас на вас протоколы составлять! Знаете ли, что это такое? Каждому по месту учебы должны будем сообщить. Шутка ли? За вами приглядывать станут. Попадете в число ненадежных. А что это значит? Ответишь на тройку, а тебе, на всякий случай, для воспитания, двойку поставят. Что-нибудь в школе случится, не дай бог. Шапку, допустим, украдут. На тебя укажут. Проверьте, мол, он уже в отделении бывал. На учете.

Старик опустил голову, глядел в пол, не о нас думал, о чем-то своем, далеком от здешних мест — сразу ясно.

Потом спросил досадливо:

— Они что-нибудь украли?

Явно не нас спрашивал. Милиционерши хором ответили:

— Нет!

— Урон “Прогрессу” нанесли? Стул, может, сломали? Или еще что такое? Материальное?

— Нет! — опять ответили тетки.

— Значит, их единственная вина в том, что они безбилетно прорвались в зал? Так? Кино посмотреть! Какой фильм-то?

— “Джордж из Динки-джаза”! — радостно подсказал Севка.

— “Джордж” какой-то! — воскликнул милиционер. — Черт бы его побрал! И из-за этого, прости Господи, Джорджа! Мы! Тут! С вами!

— Да не, дяденька! — вдруг вспыхнул Севка. — Джордж этот мировой мужик! Он там! С балалайкой этой! В кино-то! Гитлеру морду бьет!

Старик будто споткнулся.

— Не врешь? — спросил. — Бьет Гитлера?

— Прямо в харю! — твердо ответил Севка и встал. И милиционер встал.

— Вот видите! — произнес, ни к кому не обращаясь. — Гитлеру в харю! Да кому этого не охота поглядеть? И мне охота! Что за грех-то? Конечно, нехорошо так, дверь с крючка, понимаешь. Но в милицию? Ремнем их, да и всё!

При этих словах будто из-под земли выросла моя мама.

— А в чем дело? — спросила воспаленно. — Неужто уже ремнем в милиции детей воспитывают?

— Да не-ет! — воскликнул милицейский старикан. Похоже было, он даже чуточку испугался ее неожиданного явления. — Это дело отцовское!

— А где они, отцы-то? — не успокаивалась мама. — Они на войне! Вместе со своими ремнями! Чего же вы желаете? Чтобы мы, бабы, еще и ремни в руки взяли? Против своих же собственных детей?

— Ладно, ладно, женщина, — как-то смягчился старикан.

Вырисовывалось такое впечатление, что он не хочет никакого скандала, никаких объяснений, ничего не хочет лишнего.

— Который тут ваш? — спросил маму примирительно. Она оглядела нас — на меня указала.

— Пожалуйста, — сказал начальник, — паспорт предъявите.

Вот когда я вздрогнул-то. Всё ведь хорошо, в общем, складывалось, и после уличной позорной прогулки ясно было, что старый милиционер теток своих притормаживал. А теперь снова, что ли?

Но он посмотрел мамину книжицу, полистал, спросил коротко:

— В госпитале работаете?

— Да, — ответила мама. Она тоже что-то такое поняла, взяла себя в руки.

— Муж на фронте? — совсем мягко, вкрадчиво даже спросил.

— Дважды ранен, — ответила мама и заплакала. Вот уж!

Теперь, из очень взрослого своего далека, хочу признаться, что эти слова — “дважды ранен” — и слезы мамы ударили меня похлеще самого жесткого ремня.

И ничего я такого худого еще не успел сотворить в короткой своей жизни, и за грех отвечал ничтожный — но как отвечал! Мамиными слезами! И этим совершенно не милицейским аргументом про отсутствующего тут отца: дважды ранен!

Вроде как своими ранениями, будто наградой, что ли, какой-то такой кровавой заслугой отец за меня ручался.

“Не хочу!” — хотелось мне крикнуть.

И еще мне было нестерпимо стыдно, что мама меня так защищает.

Я не хотел этого! При чем тут отцовские ранения! Неужели надо так оправдывать меня из-за того, что мне всего-то-навсего не терпелось посмотреть “Джордж из Динки-джаза”! Да там еще, оказывается, Гитлера в морду бьют!..

Я едва держался, чтобы не зареветь! Чтобы не взвыть волчонком. На самом краю своих слез стоял.

Меня спасла старуха.

В черной замазанной, блестящей от какого-то вонючего раствора телогрейке, с лицом, тоже черным, то ли от того же масла, а то от угля, появилась она у порога. Рядом с ней стояла Сима.

— Вот и еще одна мамаша, — сказал примирительно милиционер.

— Мамаша у них померла в блокаде, — сказала дребезжащим голосом старуха. — А отец лег еще в сорок первом. Я им бабка, да вот только не поспеваю приглядывать. Потому как работать приходится. Смазчица я вагонов.

И заплакала. И сказала еще:

— А поезда-то идут. Не остановятся!

16

Вот, собственно, и вся история о старом кинотеатре с таким обнадеживающим именем.

Немолодой милиционер вернул маме ее паспорт, а вместе с ним и меня, и мы ушли, не дожидаясь, как определится судьба остальных.

После каникул “Прогресс” закрыли на карантин. Вовка говорил, что, когда проходит мимо, на него дует какими-то вонючими запахами. И беспокоился: не провоняет ли кинотеатр так, что в него и бесплатно никто не пойдет. Но после карантина его закрыли на ремонт. Новые запахи — свежеего дерева и красок — как в школе накануне всякого учебного года, перекрыли запах хлорки. Наш милый, добрый “Прогресс” походил на дедушку, который заболел, и этим нас страшно напугал, но теперь вот уверенно поправлялся. Однако мы не ждали его выздоровления.

Я менял свои рублики и вслед за брошюрками о звездах Воронцова-Вельяминова стал покупать книжки подороже и посolidнее, при этом заметив одно любопытное правило: как только я тратил на такие дела чуть больше денег, так они немедленно ко мне откуда-нибудь возвращались. Или мама давала, или вдруг у бабушки оказывался некоторый избыток, которым она ласково делилась со мной.

А в шестом классе я послал заметку в “Пионерскую правду”. Вот было чудо! Ее не только напечатали, но прислали мне зачем-то десять рублей, и я впервые услышал слово “гонорар”. Это деньги, которые платят тем, кто умеет писать.

И конечно, я тратил деньги на кино. Не дожидаясь, когда отремонтируют “Прогресс”, мы осваивали иные кинотеатры. Это только до пятого класса удавалось ходить туда по рублевым билетам. Чем дальше ты рос, чем больше становились твои ботинки, длиннее твои штаны и шире рубашки, тем дороже оказывались билеты в кино.

Да и не хотелось быть вечно малышом.

Хотелось поскорее стать взрослым, и скоро за билет в кино с непонятной себе же радостью приходилось отдавать уже пять рублей.

Но сколько же чудных фильмов мы с Вовкой увидели тогда! Не только увидели! Увидели-то не один раз!

Мы влюблялись в героев и героинь, а значит, в артисток и артистов, которых тут же бы узнали, встретить их на улице.

Эти незнакомые нам мужчины и женщины снились нам в наших, уже не вполне детских, снах. И мы, мальчишки — и девчонки, наверное, тоже, — искренне верили, что рано или поздно, здесь или там мы встретим сами таких чудесных красавиц или красавцев, как Дина Дурбин из фильма “Сто мужчин и одна девушка”, Дуглас Фербенке из “Багдадского вора”, олимпийский чемпион по плаванию Вайсмюллер, герой многосерийного и незабвенного “Тарзана”, мужчина, который не только стал мечтой девушек, но и героем для подражания огольцов холодных послевоенных времен.

И еще один фильм прошел, зацепив не столько собой, — хотя и был он сказочно чудесным, — сколько поразительным знанием, которое пришло позже.

Это “Девушка моей мечты” с Марикой Рокк в главной роли. Вот эта картина точно была трофеем. Ее сняли в Германии, в том самом 1944 году, когда мы с Вовкой особенно любили “Прогресс”. И прекрасная австриячка Марика не выходила из моего еще детского, но быстро взрослеющего сознания, окатывая, как холодной водой из бадейки, столь же обжигающим вопросом: неужели и в самом деле где-то есть такие девушки?

А вот знание, пришедшее не один год спустя.

Этот фильм любил Гитлер.

Как и мы, он много раз подряд смотрел “Девушку моей мечты”!

Что же выходит? И преступники, и дети одинаково восхищаются одним и тем же?

Или просто — все равны перед совершенством красоты? И преступники, и дети?

17

Немало лет пробежало.

Я закончил школу, уехал в университет, а на первые же зимние каникулы вернулся домой к матери, к бабушке, к отцу, благополучно пришедшему с войны.

Мне хотелось что-то приятное сделать родным, чем-то их угостить, например, сладеньким, и, едва переодевшись, пока все, кроме бабушки, были на работе, я побежал в гастроном, теперь торгующий без всяких карточек.

В кондитерском отделе я выбрал торт, соответствующий моему кошельку, пробил деньги в кассу и попросил продавщицу этот торт мне выдать.

Продавщица была совсем молоденькая, можно сказать, девочка — белый халат был ей сильно великоват, так что она закатала рукава, да еще и закрепила их булавками. На это я и обратил внимание, не очень вглядываясь в лицо.

Отдавая мне торт в серой картонной упаковке, продавщица на мгновение задержала руку, и вдруг я услышал:

— Эй! Джордж!

Я даже чуть-чуть обернулся, кого-то так странно зовут? Но продавщица повторила:

— Джордж из Динки-джаза!

Я вгляделся в нее. Господи! Да это же Сима! Маленькая востроглазая девчонка вызывающе разглядывала меня и улыбалась.

И я, глупый и гордый, рассердился.

Вместо того, чтобы спросить, как жизнь и где теперь неутомный Севка, я сказал:

— Да я не Джордж! Я просто Колька! Николай. Привет!

18

И я ушел. И Сима с Севкой отошли в сторону от моей жизни.

Как безвозвратно отошло детство.

А “Прогресс” еще долго стоял в самом центре нашего города. И новые ребята бегали в него.

Появился телевизор. Исчезли очереди в кинотеатрах. Настало время смуты, когда кино не любовь и мечты стало дарить людям, а что-то другое. Страх, может быть...

Став взрослым, я уехал в другой город, и иная, взрослая жизнь заполнила меня собой. Но всякий раз, приезжая домой, я подходил к “Прогрессу”, ласково хлопал его по высохшим бревнам стен и говорил шепотом:

— Спасибо, старина! Спасибо, старый волшебник! Ты столько подарил нам добрых чувств!

Он молчал в ответ. Но это только кажется, что молчал.

Он желал мне добра, как и всем, кто был тут в разные его лета.

Однажды я приехал в родной город и пошел, как обычно, прогуляться. Путь мой непременно пролегал и к “Прогрессу”. Но когда я пришел туда, где он должен был быть, его не оказалось.

Стояло щедрое лето, и на его месте вымахала крапива. И еще густой иван-чай. Он вырастает на месте пожарниц.

Какой-то мальчик проходил мимо, и я спросил его:

— А что случилось? Где “Прогресс”?

— Простите? — вежливо сказал мальчик. Он был воспитанным человеком. И я сказал ему два слова о кинотеатре.

— Я не знаю, — ответил он. — Никогда там не был.

И тогда я остановил старика. Он и сказал мне, что “Прогресс” вспыхнул от короткого замыкания и сгорел дотла. Скоро здесь проложат дорожки. Решено расширить сквер.

19

И я подумал, что зря не позвал тогда Симу в кино.

Было еще не поздно. И “Прогресс” стоял на месте. И можно, наверное, было посмотреть что-нибудь из старых фильмов.

И дело не в Симе. Дело в “Прогрессе”. Он еще был жив.

И еще недалеко ушло от нас тогда наше детство...

А тот Джордж действительно набил морду Гитлеру. Только во сне. Да и играл он не на балалайке, а на банджо. И весь фильм был, конечно, выдумкой.

Но как же мы хохотали!

Как верили в это наказание — праведное и великое: прямо в харю!

ВАЛЕРИЙ ФОКИН

ОТШУМЯТ НАД РОДИНОЙ МЕТЕЛИ...

ЖУРАВЛИ

Лишь в костре потихоньку дотлеют
Разворошенные угольки,
Журавли на лету пожалеют —
Прямо с неба — меня у реки.
Пожурят, резанув по-живому,
Раскурлыкаются надо мной:
Им всегда тяжелее из дому,
Им всегда веселее — домой.
У меня же совсем по-другому:
Снова с легкою удой в руке
Я совсем не тоскую по дому —
Я как дома — один на реке.
На песочке под кустиком ивы,
Над урезом глубин, где лещи.
Хоть тебе без меня и тоскливо,
Ты меня до поры не ищи.
А пора эта, видимо, скоро —
Протрубили ее журавли,

ФОКИН Валерий Геннадьевич родился в 1949 году в вятском селе Пищалье. Автор девяти поэтических сборников, книги прозы "Всего-навсего", документального сувенирного издания "Вятская гармоника". В "Нашем современнике" печатается с 1997 года. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Николая Заболоцкого. Живет в г. Кирове (Вятке).

Пересиливши жаждой простора
Притяженье родимой земли.
А меня не влечет в поднебесье,
И хотя жажда воли остра,
Журавлиные длинные песни
Заглушаю глотком у костра.

* * *

Я любил красивую еврейку,
И когда являлся к ней домой,
“Разожми кулак, отдай копейку!” —
Так она смеялась надо мной.
И на это ласково, без крика
Я в ответ шутил над дорогой,
Говорил: “А ну-ка, отними-ка!” —
И вздымал кулак над головой.
Только оказалась дорогая
Для меня совсем не дорогой:
У нее есть родина другая,
У меня нет родины другой.
У нее сейчас и муж, и детки.
Но она на Иордан-реке
Не забыла о моей монетке
В так и не разжатом кулаке.

ВОПРОС

*“Быть или не быть?
Вот в чем вопрос...”*

Отшумят над родиной метели,
Отсверкавши, отгремит гроза.
Пресловутый свет в конце туннеля
Яркой вспышкой опалит глаза,
Заслоня белый свет земной,
И померкнут все земные грозы
Перед этой огненной тьмой.
Но душа займет меж тьмой и светом
Место в сонме бесконечных числ,
И вопрос с ненайденным ответом
Наконец-то потеряет смысл.

ПОДУШНЫЙ НАЛОГ

Мне не снится золотая Ницца,
Впрочем, и не снилась никогда.
Мне пора уже уgomониться,
Все-таки не прежние года.
Отчего же нету уgomона
И сплошной бардак со всех сторон?
Оттого, что нету гегемона,
Средний класс, — какой он гегемон!
Средний класс — действительно он — средний,
Если нету лидера в толпе.
И уже в зубах навязли бредни

Типа “удвоенья ВВП”.
Воду пью в деревне из колодца,
Чтобы вдруг козленочком не стать.
Понимаю, что и мне придется
Каждую копейку считать.
Выть по-волчьи, коль живешь с волками, —
Участь труса или подлеца.
И с трудом сводить концы с концами
Мне уже придется до конца.
Ежели любая власть от Бога,
Пусть она оплачивает в срок
Кроме подоходного налога
И подушный нравственный налог.
Сплю спокойно, заплатив налоги,
Все еще надеясь каждый год:
Может быть, до сирых и убогих
И моя копейка дойдет.
И тогда чуть-чуть утишит Боже
Боль мою на кончике пера,
И кому-то все-таки поможет
Слово сострадания и добра.

ГЕННАДИЙ ПАДЕРИН

РЯДОВОЙ МАТРЕНА

РАССКАЗ

1

В начале зимы сорок первого мы остановились на пути к фронту в Ярославле. Мы — это сформированная в Новосибирске лыжная бригада. В Ярославле нас вооружили автоматами, снабдили маскировочными костюмами и сказали:

— Действовать предстоит в тылу врага, основная тактика — ночные вылазки, поэтому вам дается две недели на отработку ходьбы на лыжах в темное время суток.

Я был назначен отделенным. И в первом же походе споткнулся о поведение одного из подчиненных — молодого солдата Матвея Егорушкина. Впрочем, пожилых в отделении и не числилось, предельный возраст едва подступал к двадцати трем.

Зима есть зима, темнело рано, так что вскоре после ужина я объявил сбор и повел своих за город, где загодя выбрал подходящий участок на бере-

ПАДЕРИН Геннадий Никитич родился в Забайкалье в 1921 году. Великая Отечественная застала его на третьем курсе Новосибирского института военных инженеров транспорта, откуда он в составе лыжной бригады осенью 1941 года ушел добровольцем на фронт. Осенью 1942-го в боях за город Сталинград командир пулеметного взвода Геннадий Падерин получил тяжелое ранение и затем долгое время провел на госпитальной койке. После войны окончил МГУ, факультет журналистики. Автор многих книг: “Шахматы из слоновой кости”, “С общим мнением не согласен...”, “В зоне неизведанных глубин”, “Русский шрам” и других. Особое место в творчестве Геннадия Падерина занимает документальная проза, посвященная людям науки. Член Союза писателей России. Живет в Новосибирске.

гу Волги. Берег тут высоко и круто вздымался над покрытой льдом рекой, представлялась возможность потренировать ребят на трудном спуске.

Прибыли на место. Показывая пример, ухнул вниз сам, потом махнул рукой солдатам. Один за другим парни начали стремительно скатываться на лед по готовой лыжне.

Двое не удержались на ногах — взбугрили на склоне снег. Большинство же съехало благополучно.

Наверху остался последний. Ночь выдалась безлунная, но небо над крутояром высветилось, фигура солдата с лыжными палками в руках очерчивалась довольно отчетливо. Он поднимал то одну, то вторую лыжи, переставлял палки, подтягивал рукавицы, поправлял шапку, а мы топтались на льду и, закинув головы, наперебой подстегивали:

— Ну же, давай!..

— Смелее, Егорушкин!

— Будь мужчиной!

Увы, это не прибавило парню мужества. Оставалось употребить власть:

— Считаю до трех, — крикнул я, обдирая морозным воздухом горло. — Раз, два...

Силуэт человека на крутояре переломился надвое, превратившись в бесформенный ком, и этот ком пополз, пополз вниз по склону. Стало понятно: солдат просто-напросто уселся на лыжи, как на санки.

Кто-то засмеялся, кто-то крикнул: “Аля-улю”, а Костя Сизых, наш минометчик, сам не удержавшийся на ногах до конца спуска, встретил Егорушкина жалостливым восклицанием:

— Эх, куча, а еще воевать собрался!

— Я ведь где вырос-то? — принялся возбужденно оправдываться тот. — Степь у нас, оврагов добрых — нету, а тут — этакий обрывище! Да и лыжно не видать толком.

— А мы спортсмены все сплошные? — продолжал наседать Костя. — Горнолыжники?

Тощий, нескладный, он действительно не производил впечатления закаленного спортсмена.

— Чего привязался? — огрызнулся Егорушкин и посмотрел на меня, рассчитывая, видимо, что возьму под защиту. — Как умею, так и езжу!

Я молчал: пусть ребята надраят этого рохлю, на будущее пригодится.

— А в бой? — не отставал Костя. — Как же в бой пойдешь?

— Там как в омут, все одно — смерть!

Ответ ошеломил всех, наступило растерянное молчание. Тогда я сказал:

— Выходит, Егорушкин, вся задача твоя на фронте — умереть? А кто фашиста бить станет?

Он потупился, обессиленно повиснув всем телом на лыжных палках.

— Зря тебя Матвеем нарекли, — обозлился Костя, — Матвей — имя мужское, а ты просто Мотя, что в переводе на русский — Матрена...

С той ночи и увязалось за парнем — Матрена да Матрена. Случалось, и я, командир, спрашивал, забывшись: “А почему это Матрены не видно в строю? Или в наряде сегодня?..”

Из Ярославля бригаду перебазировали на Карельский участок фронта. До Беломорска мы доехали на поезде, а потом встали на лыжи и совершили стокилометровый бросок в глубину карельской тайги, за линию фронта.

Но это сказать просто — бросок, а когда сто километров шагами меряешь, пусть даже лыжными, получается не бросок — средневековая пытка. Не в костюмчике же спортивном, не в ботиночках: валенки на тебе, штаны ватные, телогрейка, полушубок, а на загорбке — пудовый вещмешок. Именно пудовый, хотя в нем как будто лишь самое-самое: запасной автоматный диск, пяток гранат-лимонок, трехдневный запас сухарей и консервов, банка сухого спирта для подогрева оных консервов, фляжка спирта для собственного подогрева, санитарный пакет, смена нательного белья, портянки, шерстяные носки и, как водится, туалетные принадлежности.

Ниже поясню, почему понадобилось столь подробно перечислять содержимое вещмешка, пока же дорасскажу про экипировку. Остается немного:

маскировочный костюм из белой ткани, автомат на шее да брезентовая сумка с противоголозом на поясе. Правда, там же еще финка в ножнах, но веса в ней — граммы и движений она не стесняет.

Значит, совершаем этот самый бросок — шагаем на лыжах через заснеженную тайгу. Около семидесяти километров уже отшагали, вот-вот оставим позади линию фронта. В голове длиннющей цепочки навьюченных лыжников — разведчики, которые заранее проложили маршрут, нашли для нас скрытый проход. По их данным, частей противника здесь нет.

И вдруг — выстрелы: автоматные очереди впереди и с флангов.

— Ложись!..

Полежали, пришли в себя, начали соображать, как отбить неожиданное нападение.

...Бой получился короткий, но жаркий. Жаркий не только в переносном, но и прямом смысле слова. Особенно для нашей роты: нам выпало преследовать остатки вражеской засады. И мы, измотанные многокилометровым переходом, решили облегчить себе задачу хотя бы тем, что посбрасывали полшубки. Дескать, потом вернемся.

А только с возвращением не вышло: преследование увело далеко в чужой тыл, и ротный решил, что целесообразнее сразу двинуться в заранее оговоренный пункт сбора бригады, нежели тащиться обратно. Просто сил у людей не осталось. Да и кто мог поручиться, что возле полшубков не ждет новая засада?..

Когда стали устраиваться на дневку, обнаружилось: все лишились полшубков, а наш Матрена, помимо этого, еще и вещевого мешка. Оказалось, рассовал по карманам патроны и гранаты, а остальное бросил вместе с полшубком.

— Тяжел больно мешок-то, — бормотал незадачливый солдат, — вот и оставил...

Первый бой прошел, в общем, нормально. В том смысле, что не посеял паники, нас к такому готовили. Однако Матрена все же растерялся изрядно: стараясь быть полезным, суетился под пулями, стрелял, тратя попусту патроны. Но выговаривать неопытному солдату я не стал. Другое дело — промашка с вещевым мешком: такая расхлябанность заслуживала взбучки, пришлось поставить на вид.

Матрена и сам был удручен, стоял как вареный. А тут еще Костя Сизых прицепился:

— Нет, вы посмотрите на этого красавчика: патрончики распулял в небо — это ладно, хоть не в своих, так он еще додумался жратву бросить! Тяжело, видишь!

Костю можно было понять, ему досталось больше других: тащил, кроме всего, на лямке волокушу с минометом и боезапасом мин.

И, тем не менее, когда разогрели на спирту консервы, именно Костя предложил:

— Айда, Матрена, перекуси, а то силы потеряешь — мне дороже: придется везти тебя на волокуше.

2

Задачи, поставленные перед бригадой в чужом тылу, были такие: разведать состав частей на данном участке, определить, какая сосредоточена здесь техника и какими резервами располагает противник, нарушить по возможности его коммуникации, а когда придет час наступления наших войск, подержать ударом изнутри.

В соответствии с этими задачами и строилась наша жизнь за линией фронта. Мы часто меняли базы, а там, где задерживались подольше, почти не рыли землянок. В смерзшемся грунте это трудно. Обходились шалашами. Разгребали между деревьями снег и ставили шалашаши. Из еловых веток. И пол в шалашах тоже застилали ветками. Кроме самого центра, где оставляли место под костры.

Чтобы не выдать себя дымом (вражеские самолеты-разведчики появлялись над лесом по несколько раз в день), позволяли себе радость погреться у костров только в ночные часы.

Да и не костры это были — костерки, робкие, бескрылые; угнездившись вокруг них по шесть человек, кто на коленях, кто “по-турецки”, тотчас погружались в зыбкое забытие.

Конечно, нам не удавалось поспать в обычном понимании этого слова: сторожко дремали, протянув к огню руки. Через руки шло тепло, растекалось по телу. Беда лишь, что стоило дреме углубиться, контроль над руками ослабевал, они медленно, но верно опускались в костер.

Чтобы предупредить ожоги, в каждом шалаше выделялся дежурный. Пятеро дремали, а шестой поддерживал огонь и следил за руками товарищей — не позволял опускаться ниже безопасного уровня, легонько ударяя палкой.

Через руки шло тепло — а может, просто казалось? Только до спины, увы, не доходило. Время от времени приходилось вскакивать, разминаться, подсаживаться к огню спиной.

Надо ли говорить, с каким сожалением вспоминали мы этими зыбкими ночами про наши полушубки. Еще хорошо, зима в Карелии выдалась в том году сравнительно мягкая, оставляла надежду, что удастся перебежать в телогрейках.

Правда, у телогреек и ватных штанов выявилось одно коварное свойство, с которым довелось познакомиться едва ли не всем. Кому меньше, кому больше. Дело в том, что эта одежда боялась близости костра — точнее, искр от него. Упавшая на штаны или телогрейку искра начинала без промедления выедать вату. Тихо и незаметно. Без пламени и почти без дыма. Спохватиться, бывало, когда уже припекать станет, глянешь — выгорел такой кусок, что и не залатать. Поэтому на ночных дежурных лежала еще и обязанность стеречь от дальнобойных искр нашу спецуру.

Бивачная жизнь в шалашах, у костров не располагала, понятное дело, к особой аккуратности, к строгому соблюдению правил личной гигиены. Все же солдаты исхитрялись, растопив в котелках снег, каждое утро умыться, а время от времени и поскоблить бороды.

Как-то раз устроили аврал — перестирали нательное белье, портянки и даже успевшие загрязниться маскировочные куртки и брюки. Продолбили лед на озере и в прорубях перестирали.

Короче, мы не превратились в лесных отшельников, армия оставалась армией.

Мое отделение на общем фоне выглядело бы ничего себе, нормально, не будь в числе бойцов Матрены. Он казался совершенно не приспособленным к такому быту. Ходил — вся ватная экипировка в подпалинах. На груди, на коленях, на спине. Мотня штанов, свисавшая почему-то едва не до колен, — и та наполовину выгорела. И винить, главное, никого не приходилось: пострадал во время собственного дежурства.

Да и вообще вид у него, прямо сказать, никак не вязался с представлением о солдате, о войне. Телогрейка на груди и ворот гимнастерки были постоянно распахнуты — поотрывались пуговицы; на грязной шее невольной привлекала к себе внимание полоска подворотничка, не менявшегося, надо думать, с самого Ярославля; сморкался Матрена при посредстве перепачканных сажей пальцев, глянешь на захватанный нос — от смеха с трудом удержишься.

Что особенно раздражало в его облике лично меня — юношеские усики, которые свисали по углам рта. Этакие свалывшиеся сосульки. Они и ребят выводили из себя. Костя Сизых пригрозил даже, что если Матрена не побреется, рискует как-нибудь проснуться опаленным.

Все мои попытки воздействовать на пентюха разбивались о непонятное безразличие. Однажды состоялся с ним такой разговор:

— Боец Егорушкин, не мог бы я попросить вас умыться?

Не уловив иронии, он принялся истово растолковывать:

— Так мыло же в вещмешке осталось...

— Тогда, может быть, договоримся хотя бы насчет подворотничка? Впечатление такое, что давно пора пришить свежий.

— Так нитки с иглой в вещмешке остались...

— И бритва, само собой, тоже там осталась? Но разве нельзя бритву, мыло, иголку одолжить у товарищей?

— Так кто же даст!

— А вы пробовали просить?

— Н-нет, но...

— Попробовать за вас?

— Не надо, сам...

Я не выдержал:

— Ну, смотри, Егорушкин, не возьмешься за себя, устроим с ребятами баню — долго икать будешь! Хватит мне получать выговоры от начальства!

Их и впрямь не сосчитать было — нахлобучек от взводного: почему, видите ли, не занимаюсь воспитанием бойца?

Только забот и без Матрены хватало. Поначалу-то какой там из меня командир был! Никак не мог всего предусмотреть и за всем проследить даже в таком маленьком хозяйстве, как отделение. Да и приказывать не сразу научился, чаще не приказывал — просил, благо большинство ребят попались толковые, настоящие сотоварищи.

Последняя моя угроза вроде бы подействовала на Матрену, стал понемногу подтягиваться. Однако спохватился я, как оказалась, с опозданием, расхлябанность солдата-неряхи вскоре обернулась бедой для всего отделения. Больше того, едва не стоила нам жизни.

Военные операции бригада начала сразу после того, как мы обосновались во вражеском тылу, что ни день — пять-шесть групп отправлялись на задание. Матрена в этих вылазках не участвовал. Просто в полном составе нас не посылали, командирам давалась возможность отбирать людей по своему усмотрению. Не требовалось особых усилий найти предлог — оставить ненадежного солдата на базе.

Мне казалось, это его не угнетало, но душа была беспокойна. Грызла меня совесть. И в очередной раз, когда нарядили в разведку, я решил:

— Отделению в полном составе быть готовым к походу с облегченной выкладкой! Выступаем через час.

Матрена и ухом не повел. Привык — не берут.

— А вам что, Егорушкин, особое распоряжение требуется?

Он подхватил болтающиеся полы телогрейки, принялся торопливо заправлять под ремень.

— Значит, это... и я тоже?

Непонятно было: только удивлен или еще и обрадован?

— Выступаем через час, — повторил я, делая вид, будто не замечаю его растерянности.

Он кинулся собираться.

Через час солдаты выстроились на тропинке, протоптанной в снегу перед шалашами. В маскировочных костюмах, с лыжами в руках, с автоматами на шее.

Матрена по росту шел у нас пятым. Обычно, построив отделение, я очередно оглядывал каждого из бойцов, начиная с правогофлангового. Сегодня взгляд невольно потянулся сразу к пятому.

С первых дней лесной жизни установилось как-то само собой золотое правило: вернулся из похода — сними и прибери маскировочный костюм, а там уже подсаживайся к костру или занимайся хозяйственными делами. Матрена этим правилом пренебрегал, обращаясь с костюмом не лучше, чем с телогрейкой. И от коллективной стирки увильнул. Сейчас, оказавшись в строю, вдруг предстал моим глазам этакой грязно-пестрой курицей, затесавшейся в семейство лебедей.

Первым побуждением было — удалить из строя, оставить на базе, приказав немедленно заняться стиркой. Наверное, так и следовало поступить, но подумалось: шаг этот будет похож на преднамеренную демонстрацию и, чего доброго, окончательно оттолкнет солдата от меня и ребят.

Я с усилием отвел взгляд, произнес привычное:

— Отделение, слушай мою команду...

Перед взводом, в составе которого нам предстояло идти, командование поставило задачу разведать, какими силами располагает противник в деревне за Кривым озером.

Кривое озеро — это наше название, для себя окрестили, когда знакомились с местностью в районе действий бригады. На карте оно шло без имени, как и три других, что располагались на пути к нему. Правда, те были не столь крупными. Подобных безымянных озер в Карелии — со счета собьешься.

Во время ночных вылазок мы обычно озер не обходили, двигались по льду напрямик, зато днем на открытую местность старались без особой нужды не высовываться, прокладывая маршрут по лесу. Сегодня старшина роты, заменивший прихворнувшего командира взвода, обогнул берегом два первых озера, а на третьем решил сэкономить километраж, поберечь наши силы: слишком большой требовался крюк.

Прежде чем вывести людей на лед, старшина устроил в кустах, подступивших к берегу, привал. И распорядился:

— Без моего разрешения из кустов никому не выходить!

Снял лыжи, поднял на гребень сугроба, наметенного со стороны озера вдоль линии кустов, и, оперев на лыжи локти, пристроился перед сугробом с биноклем — принялся изучать противоположный берег. Лица его сбоку не было видно, из-за белого кашпошна высовывались кончики усов, которые то ползли кверху, то опускались, повторяя беззвучные движения губ.

Эти усы послужили поводом для прозвища, которое дали старшине в первый день знакомства: Дяденька из книжки. Знакомство состоялось в Ярославле. Здесь в нашу сибирскую бригаду влились остатки дивизии, отведенной с фронта для реформирования. Старшина был из ее состава. По возрасту он годился всем нам в отцы, однако это не удержало Костю Сизых от глупой шутки:

— Дяденька, вы из какой книжки?

Старшина отозвался с готовностью:

— Из тоненькой, с крупным шрифтом и картинками — такую вполне осилишь.

Отступать было поздно. Костя поспешил объяснить:

— Во всех военных книжках старшины обязательно при усах.

— Моему старшинскому званию, милоч, три месяца счету, а усам — два десятка лет. У нас на Украине каждый второй при усах.

— А чего ж вы по-своему не гугорите?

— А русским на Украине разве заказано жить?

Мы сразу прониклись к нему уважением, тем не менее “Дяденька из книжки” за ним осталось.

Сейчас я следил за движением усов, ждал, когда от бессловесной беседы с самим собой старшина перейдет к разговору с нами. Наконец он опустил бинокль.

— Рискнем!

Договорились так: сначала на лед выходит первое отделение во главе со старшиной, идет примерно до середины озера, и если все будет нормально, вывожу своих людей я; следом с таким же интервалом двинется третье отделение.

В таком порядке и отправились. Первое отделение без происшествий пересекло озеро и скрылось в прибрежном лесу, мы спокойно достигли середины, третье отделение выкатилось позади нас на лед.

Я иду в своем отделении замыкающим. Поглядываю по сторонам, время от времени покрикиваю для порядка:

— Не растягиваться!

Все спокойно, все хорошо.

Внезапно слуха достигает далекий свист. Он доносится из леса, где скрылось первое отделение.

Всматриваюсь — вижу старшину: показавшись на опушке, тот вздевает на лыжную палку ушанку, размахивает ею, что есть силы. Все это по-прежнему сопровождается пронзительным свистом.

До сознания доходит: “Воздух!”

И точно: позади, над лесом, идут на бредущем два вражеских штурмовика. Идут вдоль берега, оставшегося за спиной.

Заметили нас или нет?

— Ложись! Лыжи, палки — в снег! Не двигаться!

Ребята за считанные секунды выполняют команду. Все, как надо. Если до этой минуты наша группа не успела привлечь внимание вражеских летчиков, теперь им нас не углядеть.

Но что это за пятно, грязное, почти черное пятно, резко, невообразимо резко прущее в глаза на первозданном карельском снегу?

— Кто там ррядом с Матрреной?! — рычу. — Закидать снегом!

Поздно: один из штурмовиков уже меняет курс — ложится на левое крыло, закладывает крутой вираж. Красиво так, можно сказать, изящно закладывает вираж — разворачивается к нам бульдожьим рылом.

Разворачивается, готовясь пикировать.

И вот уже безудержно несется, широко расставив лапы-лыжи, с гигантской горы — с холодно-серого пологого неба.

Сейчас ударит из пулемета, иссечет очередью.

Ударил!

Рев мотора заглушает выстрелы, но штурмовик бьет трассирующими, и я вижу, как в полусотне метров от нас пули выныривают из снега, скрипя глубоко под ним о ледяной панцирь озера. Выныривают строчкой огненных язычков.

Смертоносные язычки неотвратно и стремительно приближаются к нам.

Тут что-то непонятное начинает вытворять Костя Сизых.

Вскочив, сдергивает перчатки, принимается неистово размахивать — вроде как приветствует пикирующего “бульдога”.

Ловлю все это боковым зрением, не в силах оторваться от огненной строчки.

Не сразу осознаю: язычков больше нет, строчка оборвалась на “полуслове”!

“Бульдог” с оглушающим рыком пронесется над нами, едва не задев лапами Костю, набирает высоту.

Неужто уйдет? Неужто оправдала себя Костина хитрость, и враг обманулся — принял нас за своих?

Впрочем, на маскировочных костюмах не обозначено же, что мы бойцы Советской Армии, а наши красноезвездные шапки закрыты капюшонами.

Но почему тогда сразу не пришла ему мысль, что это свои, почему решил атаковать? Или, зная о существовании у себя в тылу нашей бригады, задался целью проверить, попутав пулеметом? Возможно, потому и открыл огонь с таким упреждением — за добрых полста метров?..

Вихревая круговерть пронесится в голове за те секунды, пока самолет выходит из пике.

Вышел! Как раз над той опушкой, откуда просигналил старшина. Вышел, но чего ждать от него дальше? Повернет обратно, сделает повторный заход или нет?

Вскакиваю, сдергиваю, подобно Косте, перчатки, начинаю с тем же неистовством махать вслед “бульдогу”. И кричу ребятам:

— Давай все!.. Ну же!..

Повернет или не повернет?

Нет, набрав над лесом высоту, штурмовик устремляется, покачав крыльями, вдогонку за напарником. Выходит, сработала-таки Костина смекалка!

...Старшина встретил нас у кромки леса, оглядел мельком, молча и нетерпеливо махнул рукой: давайте в глубину! Сам остался на опушке, напряженно вглядываясь в противоположный берег озера. Я оглянулся тоже: третье отделение, вернувшись с полпути, втягивалось в лес. Значит, решили пойти берегом, в обход. И правильно: никто не может гарантировать, что самолеты не вернуться.

Теперь, когда опасность окончательно миновала, я обрел способность видеть окружающее. Бросилось в глаза, что Иван Авксентьевич — так звали

старшину — стоит с непокрытой головой: кашпошон откинут, шапка в руке. Видно, с той минуты, как сигналил нам.

— Простудитесь, товарищ старшина, — кивнул я на шапку.

Он поглядел на нее, оцупал свободной рукой голову, словно сомневаясь, что держит в руках собственную шапку.

— Простуда — что, тут сердце зашло.

Я его хорошо понимал: в случае гибели отделения, такой вот бессмысленной, старшина не простил бы себе, что повел людей в дневное время по открытой местности.

Ребята углубились в лес, где расположилась прибывшая раньше нас группа, снимали лыжи, полезли в карманы за куревом. Началось, как всегда бывает в подобных случаях, взволнованное обсуждение только что случившегося.

Матрена в общем разговоре участия не принимал — сел в сторонке, под пихтой, угрузив в снег, надвинул на глаза шапку. Его не трогали, понимая, каково в эти минуты должно быть у человека на душе.

К нам подошел старшина, достал серебряный портсигар. В нем белел стянутый резинкой слой длинностовольных папирос. Не каких-нибудь самонабивных, а настоящих, фабричных.

Парни усталились, как если бы перед ними выступал иллюзионист. Уставились с невольным ожиданием, хотя старшина явно не собирался угощать все наше воинство: нашел глазами Костю Сизых, протянул с торжественным видом портсигар.

— Спасибо за находчивость, солдат!

Костя смутился, но от угощения не отказался.

— По правде сказать, забыл уже, какой у них вкус, — вздохнул, прикуривая.

— Вот и вспомни, — вздохнул ответно старшина. — Заслужил.

Убрал портсигар, вынул кисет с махоркой. Для себя и всех желающих.

— Налетай!

Никто, однако, не потянулся: этого-то добра у самих хватало.

— А чего ж, товарищ старшина, — подал голос Антон Крутлов, санинструктор, — чего Матрену папиросой обошли? Он ведь тоже в этой истории как бы именинник!

Баталии Антона за соблюдение элементарных требований гигиены давно стали темой анекдотов во всей роте. Особенно часто случались на этой почве стычки с Матреной, причем старшина, вполне понятно, обычно принимал сторону санинструктора. Похоже, из этого расчета Антон и додумался подлить масла в огонь.

— Не понял, — отозвался Иван Авксентьевич. — Юмора не понял.

Поманил Антона пальцем, наклонился к уху.

— Не по-нашенски это, — услышал я гневный шепот, — не по-нашенски — лежачих бить!

3

Лесная деревушка за Кривым озером интересовала командование бригады как один из возможных опорных пунктов противника. К нашей радости, мы там никого не встретили.

Не обнаружилось и жителей, которые, видимо, эвакуировались в самом начале войны.

Чтобы дать людям отдых, старшина принял решение остаться здесь на ночь. Для этого надлежало проверить, нет ли мин. Проверка велась методом прочесывания — нельзя было оставить в стороне ни одного закутка.

Деревня состояла из добротных бревенчатых изб — каждая в два этажа. Причем на верхних этажах располагались жилые помещения, а низ отводился для птиц и скота.

Мин не нашли, зато в стайке под избою, где я наметил разместить отделение, наткнулся на запрятанную в сено связку книг. Часть оказалась на

русском языке (в основном по лесоводству), среди них увидел старого знакомого — Толковый словарь Даля. Один том этого словаря. Раскрыл наугад, принялся вслух читать:

— “Лампа — сосуд разнаго вида и устройства для освещения жилья маслом, ворванью, жидким салом...”

— Найдем лампу, — раздался за спиной знакомый, с прокуренной хрипотцой голос Ивана Авксентьевича.

Я глянул на корешок — там значились буквы “И — О”, отыскал страницу с именем старшины, начал читать дурашливым голосом:

— “Иван — самое обиходное у нас имя...”

— Не надо, не скоморошничай, — взял у меня из рук книгу старшина. — А лампу найдем и, как устроимся на ночевку, почитаем про наши русские слова. Власть почитаем, а то на фронте совсем от нормальной речи отвыкли...

Наверное, надо, подобно нам, покуковать зимою в шалашах, вдосталь намерзнуться и вдосталь намучиться полудремой у костров, когда сидишь в шапке, ватнике, не снимая валенок, сидишь, скукожившись, на коленях, с протянутыми к огню руками, беспрестанно просыпаясь от того, что дежурный бьет ним палкой, бьет, само собой, жалеючи, но все же так, чтобы разбудить, — наверное, надо пожить какое-то время такой жизнью, чтобы понять, с каким наслаждением мы в этот раз намылись в бане, а потом расположились в жарко натопленной избе, кто на полатах, кто на лавках, и слушали рассуждения Кости Сизых:

— Нет, это надо же: спали дома на матрацах, под одеялами, с подушками под головами и даже не догадывались, что самое-то большое счастье поспать вот так, на голых досках...

В сгустившихся сумерках не разглядеть было его лица, но я отчетливо “слышал” улыбку — ироничную и грустную одновременно. И невольно улыбался сам. И остальные, наверное, тоже улыбались и думали при этом: много по-новому заставит оценить нас эта война, многому научит наше поколение. Впрочем, уже научила...

Пришел старшина, скомандовал:

— Занавесить окна телогрейками! И чтоб ни щелочки нигде!

И добавил тоном Дяденьки из книжки — добродушным и счастливым:

— Лампу раздобыл и керосин нашел.

Следом за старшиной к нам потянулись солдаты из других отделений. Оказалось, Иван Авксентьевич успел рассказать о моей находке.

Собрался практически весь взвод, исключая часовых. Хорошо еще, выбранная нами для ночлега изба не имела перегородок — одна большая горница, гости разместились более или менее терпимо.

Меня усадили за стол в центре, выкрутили в лампе повыше фитиль.

— Начинай, как давеча, с “Ивана”, — подсказал старшина и объявил с улыбкой: — Тут про мое имя почти что целый столбец.

— “Иван — самое обиходное у нас имя... переименованное из Иоанна (коих в году 62), по всей азиатской и турецкой границе нашей, от Дуная, Кубани, Урала и до Амура, означает русского...”

— От Дуная, Кубани, Урала и до Амура, — подхватил Иван Авксентьевич, прерывая меня, — на этаких тысячах верст — и везде мои тезки! А какой-то несчастный фриц собрался нас задавить.

Разволновался, схватился за кисет, но остановил себя: “Уговор дороже денег!”

Дело в том, что по его же собственному предложению договорились во время чтения не курить...

Я двинулся дальше. Знакомые живые слова чередовались с устаревшими, давно вышедшими из употребления, звучащими для нас странно, порою смешно. Однако никто ни разу не засмеялся.

— “Изба (истопка, истока, иста, изба), избенка, избеночка, избушка, —щечка, —шенка, —шеночка, изопка, избочка, избишка, избина, избища — крестьянский дом, хата...”

Не знаю почему, я волновался и, чтобы скрыть волнение, читал внача-

ле как бы с усмешкой. Но, случайно подняв от книги глаза, увидел, как меня слушают: сосредоточенно, чуть запечалившись. И перестал паясничать.

— “Избавлять — избавить кого, чего или от чего; спасать, освобождать; отклонять беду, неприятность; выручать, подавать помощь заступничеством...”

— Как он каждое слово чувствовал! — вновь не удержался старшина.

— До самого что ни на есть нутра добирался, — подхватил Костя Пахомов, помощник командира взвода. — ИЗБАВЛЯТЬ — это же про нас, про нашу сегодняшнюю задачу: спасти, освободить свою землю от фашистов, подавать матерям, сестрам помощь заступничеством!

— Вот я и говорю, — обрадовался старшина, — об этом и говорю...

Ему, я видел, чертовски хотелось покурить, он буквально изжамкал в ладонях кисет, а все тянул с перекурором: жаль было прерваться.

Я решил помочь ему:

— Не пора посты менять?

Старшина бросил взгляд на часы, кивнул согласно.

— Не хочется сегодня в приказном порядке этого делать...

Умолк, ожидая, кто изъявит желание пойти в подмену. В комнате воцарилась тишина. Какие-то мгновения она была просто тишиной, затем превратилась в тишину неприятную, потом — в тягостную.

Добровольцев не обнаружилось. Зря, видно, такое затеял старшина: легко ли принудить себя покинуть теплую избу, уйти от Даля! Когда бы приказ — все просто, а так: “Почему я, а не сосед?”

Другой разговор, позови старшина под пули — там сработало бы сознание долга, а тут, хотя и совестно перед товарищами, которые ждут подмен, но никто не сомневается, что товарищи поворчат да и простят.

— Можно, я пойду?

Матрена?..

Старшина не успел ответить: солдата хлестнула в спину подначка Анто́на Круглова:

— Всё, братцы. Родина спасена: Матрена двинул подавать помощь заступничеством!

На парня низринулся хохот всего взвода, согнул плечи, заставил втянуть голову.

Из-за хохота почти не слышен был звук оплеухи, настигшей Анто́на. Влепил ее Костя Сизых. И встал рядом с Матреной.

— Товарищ старшина, разрешите на пару с ним!

Старшина снова не успел ответить: взвился Круглов.

— Ах, так? — кинулся на Костю.

Теперь старшина уже не позволил выйти событиям из-под контроля:

— Круглов! — рявкнул.

Санструктор притормозил, но не успокоился:

— Он же меня ударил! — растерянно топтался, оглядывая только что хохотавших бойцов. — Все видели? Сизых меня ударил!

Никто, однако, не поспешил записаться в свидетели, а старшина распорядился, уже позабыв о Круглове:

— Первый пост меняют Егорушкин и Сизых! На второй приготовиться Путинцеву и Коржеву!

Шагнул к двери, скомандовал, раскрывая кисет с махрой:

— Перекур!

4

Наша речь на фронте поневоле приобрела иной характер, чем это было дома. Причем мы совершенно не замечали случившейся перемены. Даль же как бы вернул нас в мирное время, от зажелтевших страниц повеяло уютот семейных вечеров, полузабытым теплом шершавых материнских ладоней.

Прочсть успели всего ничего — 53 страницы. 53 из 799. И когда наутро приготовились покинуть отогревшую нас деревушку, я невольно заколебался: не взять ли книгу с собой? Однако вещмешок у меня был набит под

завязку, а если бы и удалось ее втиснуть, следовало приготовиться к необходимости таскать на плечах лишнюю пару килограммов.

Стою возле стола, перебрасывая на руке громоздкий том, раздумываю, как поступить.

— Может, возьмем с собой?

Оборачиваюсь: Матрена.

— А хозяину оставить расписку: дескать, позаимствовали книгу во временное пользование. Для ознакомления.

И начинает распускать шнурок на горловине своего полупустого вещмешка, который старшина выдал ему взамен утраченного.

— Я бы мог... Место есть... Не думайте, под голову класть не буду, не помну.

Так Владимир Иванович Даль стал нашим постоянным спутником. И собеседником: в свободные часы теперь устраивались громкие читки словаря.

Прочитанное, как правило, тут же обсуждали. Причем весьма заинтересованно. Естественно, применяя к себе, к своим познаниям, пониманию жизни. Даль помог ощутить всю необъятность духовного богатства народа. И спокойную его мудрость.

На отдельных словах задерживались: не совпадали мнения. Спорили порой до хрипоты. Втягивались все ребята, лишь Матрена не принимал участия. Каждый раз молча доставал из вещмешка книгу, передавал мне, пристраивался где-нибудь за спинами остальных и помалкивал.

Расшевелился лишь однажды — на слове “муж”.

“МУЖ — человек рода ОН, в полных годах, возмужалый...”

Без малого полторы тысячи слов потребовалось Далю на “человека рода ОН”, на толкование понятий, с ним родственных. Но наше внимание задержалось на данном словарном гнезде не по этой причине и не из кичливого осознания своей принадлежности к “роду ОН”, нас привлекло... “состояние мужа, мужчины, мужеского рода или пола вообще”, именуемое мужеством.

“Состояние возмужалости, зрелого мужеского возраста. Стойкость в беде, борьбе, духовная крепость, доблесть; храбрость, отвага, спокойная смелость в бою и в опасностях...”

Искру высек всегдашний заводила Костя Сизых.

— Мужество — дар божий, — изрек тоном завязтого лектора. — Все равно как талант. Музыкальный там или какой еще. Мужественным надо родиться.

— Себя, конечно, причисляешь к числу талантливых? — сел ему на хвост Костя Пахомов.

“Лектор” горестно вздохнул:

— Нет, я от природы человек робкий, а если иногда кидаюсь в пекло, так единственно — стыдно: тебя стыжусь, старшины, Матрены... Не хочу, чтобы все знали, что боюсь.

Подключился старшина:

— Вот и опроверг себя, собственным примером опроверг: мужественными не рождаются, а делаются. Главное — воля.

— И хотенье, — добавил Костя Пахомов, — захотеть еще надо. Не захочешь — никакой стыд не поможет.

— И еще, наверное, — неожиданно для всех подал голос Матрена, — еще, наверное, страх перед жизнью...

Довод был непонятный, но все молчали. Молчали, мне кажется, по той же причине, что и я: боялись спугнуть. Ждали, когда парень сам разъяснит свою мысль.

— Страшно жить будет, если, скажем, срейфишь и сбережешь жизнь за счет жизней товарищей. Домой вернешься — а кто ты? Вроде как своровал...

— Очень правильно, — поддержал старшина. — Страх перед будущей жизнью с вечным ощущением, что ты трус, — это очень важная добавка к воле.

“Лектор”, впрочем, зачислил Матрену в свои союзники:

— Вот кто прав, так это Матрена. И опять он говорит не о мужестве, а о стыде...

Спор продолжался, однако уже не задевал моего внимания: я размышлял о том, как изменился за последнее время Матрена. Начать с того, что заштопал паленные дыры на ватной одежде. Хотя и неумело, но сразу было видно — старательно. Без понуканий довел до белизны маскировочные куртку и брюки. Взял за правило менять подворотнички.

И вообще выглядел подтянутым, собранным.

Только “сосульки” категорически не пожелал сбривать. Впрочем, теперь они как-то перестали бросаться в глаза.

Мне подумалось, что напрасно, видимо, продолжаю обходить его, когда формируются отряды разведки или группы для засад на коммуникациях врага. Бездействие — штука коварная.

Но вернусь к Далю. Пришел день, когда было оглашено последнее в том слово — “ОЯЛЮВЕТЬ”. Собрались в тот раз на базе, в просторной землянке, незадолго перед тем выкопанной и приспособленной старшиной под капертку.

Сидели на каких-то тюках, на патронных ящиках. В металлической пещурке потрескивали дрова. Обстановка, что называется, настраивающая на лирический лад.

И под этот настрой я читаю:

— “Конец второго тома”.

Повисает недоверчивая тишина. Недоверчивая и обиженная.

— Конец? — спрашивает Костя Сизых и вытягивает шею, чтобы взглянуть на последнюю страницу.

Подтверждает влух:

— Точно: “Конец второго тома”.

— А сколько их всего? — спрашивает у меня старшина.

— Четыре.

— Вот бы остальные достать!

— Да, хорошее было чтение, — вздыхает Костя Сизых. — Хоть начинать весь словарь во второй раз... А может, на стихи перейдем? Каждый по очереди почитает, что в памяти есть.

— Вот и начни, — предлагает старшина.

Костя не стал ломаться:

*Двадцать дней и двадцать ночей
Он жить продолжал, удивляя врачей.
Но рядом дежурила старая мать,
И смерть не могла его доломать.
А на двадцать первые сутки
Мать задремала на полминутки,
И чтобы не разбудить ее,
Он сердце остановил свое...*

Костя умолк, и тогда прозвучал незнакомый, сдавленный голос:

— А у меня мать... вместе с домом фашист сжег.

Все обернулись: то был старшина. Опустив голову, сторбившись, он вышел из землянки.

Костя Сизых проводил взглядом, сказал виновато:

— Разве ж я знал...

— Никто не знал, — перебил Костя Пахомов. — И не узнали бы, не прочитай ты своих стихов.

— Да не мои они!

— И плохо, если не твои!

— Что я — поэт?

— Не поэт, так стань им!

Костя Пахомов умел и любил убеждать, требовательно повторил:

— Стань им! А то кому про нашу теперешнюю жизнь написать? Про того же старшину, например?

Костя Сизых смущенно хохотнул — было видно, слова тезки ему польстили, — толкнул локтем сидевшего рядом Матрену:

— А вот Матрену попросим!

Для нас это прозвучало шуткой.

— Про старшину? — переспросил Матрена.

Его слова покрыл хохот. Матрена не обиделся — переждал смех, пообещал:

— Я попробую.

Он выполнил обещание. Только произошло это при трагических обстоятельствах. Война есть война, и редкая операция в чужом тылу обходилась без того, чтобы не побило наших людей. Везучие отделялись “царапинами”, бывали и тяжелые ранения. А кого-то настигала смерть.

С этим не то что свыклись — принимали как неизбежное.

После очередной вылазки привезли раненого старшину: Иван Авксентьевич подорвался на mine. Финские саперы настолько хитро ставили на подходах к своим позициям противопехотные мины, что мало кому удавалось их обнаружить.

Старшину ударило в ноги и в живот, он потерял много крови и, когда повезли на волокуше, начал замерзать. Солдаты вспомнили о химических грелках. У каждого из нас имелось по паре прорезиненных пакетов с особым порошком — плеснешь две-три ложки воды, начнет разогреваться. И держит тепло часа три. Ребята собрали пакеты, обложили раненого.

Но с волокушей по глубокому снегу не разгонишься. Особенно в лесу. То бурелом, то подлесок — вприору прорубаться, а встретится овраг — ищи пологий склон...

Теплового ресурса в грелках не хватало, Ивана Авксентьевича привезли в лагерь на исходе жизни. Пытались растереть спиртом — не помогло. Умер, не приходя в сознание.

Впервые подвел нас — не одолел смерти — наш старшина.

Можно сказать, отец. Дяденька из книжки.

Его похоронили на берегу озера, в скале. Выворотили с помощью тола двухметровую глыбу и в образовавшейся нише замуровали. На могилу положили солдатский котелок — на алюминиевом боку Матрена выцарапал:

*Мы все равно фашиста разобьем,
Победою закончится война.
И горько, что за праздничным столом
Не будет с нами вас, товарищ старшина!
Но не забудем мы, садясь за этот стол,
Всех тех, кто до Победы не дошел.*

5

С Большой Землей нас связывали самолеты и радио. По радио получали напутствия, по воздуху — сухари, консервы, боеприпасы. Все это летчики сбрасывали на лед ближнего к нам озера.

А тут зарядил снегопад, да с ветром — “воздушные извозчики” прекратили полеты.

Какое-то время мы держались, до предела урезав суточный рацион. Буря все не утихал. Пришел день, когда в рот класть стало нечего. Совсем. Оставалось лишь пережевывать воспоминания.

Отряд снабжения раздобыл где-то лошадь. Солдаты на месте разделали ее, порубили на куски и на волокушах привезли в лагерь.

И — в котлы. Варить. Одно худо — посолить нечем.

Ладно, сварили так. Сварили, раздали бульон. Без мяса.

Наконец отогрели животы. Каждый проглотил свою порцию мгновенно. С голодухи эту баланду можно было даже назвать вкусной.

— Пища богов! — оценил Костя Сизых.

На что Костя Пахомов резонно заметил:

— Не-е, конина в их рационе не значилась, они, я читал, на яблоки нажимали.

Антон Круглов выдал рифму:

— Хотя бульон “И-о-го-го”, а все же лучше, чем ничего!

Облизал ложку, скосил глаза на Костю Пахомова:

— А мясо — что, для комсостава берегут?

— Дурак! — отреагировал тот.

— Он просто малограмотный, — вступился Костя Сизых, — не знает, что мясо на голодный желудок вредно.

И — Антону:

— Потерпи до завтра, получишь и мясо.

Новый день, однако, не принес перемен, ждатель, что летчики прорвутся, не приходилось. Снова залили вчерашнюю вареную конину водой и — на огонь.

На этот раз выхлебали варево молчком. Про мясо не вспоминали.

Дальше пошло, как в сказке: день варили, два варили... И все ждали, когда восстановится воздушный мост: в тот же час съедим мясо!

На четвертый день бульон стал напоминать по вкусу дистиллированную воду. А самолеты все не шли.

Мы сильно ослабели. С трудом несли караульную службу. Особенно на контрольной лыжне.

Контролька была проложена в радиусе полукилометра вокруг всего нашего расположения, по ней днем и ночью курсировал патруль — проверял, не пересек ли где ее чужой лыжный след. Сами мы покидали лагерь и возвращались в него, пересекая кольцевую лыжню в строго определенных местах — там выставлялись сторожевые посты.

События, о которых пойдет ниже речь, начались как раз на контролке.

Патрулировать в тот день выпало мне в паре с Матреной. В последнее время Матрена обычно ходил с Костей Сизых — они подружились после памятной стычки с Антоном Кругловым, однако сейчас Костя сильно сдал, его лихорадило, подташнивало, он с трудом передвигался даже в пределах лагеря.

На лыжню вышли после обеда. По времени — после обеда, а не потому, что нам выпало перед патрулированием пообедать. Буран поутих, стало подмораживать.

Появилась надежда, что вскоре установится летная погода.

Казалось, осознание этого приятного факта должно бы прибавить сил, да только голова все равно кружилась, в глазах рябило.

Я шел впереди и скоро почувствовал, как начинает прилипать к спине натертая рубаха: натеренный предыдущими патрулями след успело так перемести, что мои лыжи то и дело зарывались в сугробы.

Впрочем, пробивался сквозь них совершенно машинально, все мое заостренное внимание было приковано к снежным зальсынам между деревьями и кустами с внешней стороны контролки: не мелькнет ли где чужая отметина? Но снег повсюду оставался нетронутым, даже мышинные строчки и птичьи вензеля отсутствовали.

Переговариваться во время патрулирования не полагалось, и, шагая, я время от времени молча оглядывался на сопевшего позади солдата: не уснул ли? Опасение станет понятным, если учесть, что большую часть жизни нынешней зимой мы проводили на лыжах. Оказалось, человек настолько привыкает к ним, что может спать на ходу.

С нами такое нередко случалось во время дальних ночных переходов. Скользишь по проторенной лыжне вплотную за товарищем, привычно двигая ногами и столь же привычно переставляя палки, скользишь и чувствуешь, как неодолимой тяжестью наваливается дрема. И ничего с ней не можешь поделать. Одергиваешь себя, строишься над собой — ан уже видишь сон.

А сам, между тем, продолжаешь двигаться. Только шаг невольно начинает замедляться, пока не остановишься совсем. Тогда идущий следом толкнет лыжной палкой в спину, очнешься, ругнешь его для порядка и поспешишь вдогонку за своими.

Однако Матрена сегодня не давал повода беспокоиться, что уснет, и когда я в очередной раз оглянулся на него, он истолковал это по-своему:

— Может, поменяемся? — предложил, решив, как видно, что мне больше не по силам торить лыжню.

Что же, можно и поменяться, пусть поработает.

Сойдя на обочину, пропустил его вперед и приготовился вернуться на контрольку, но когда потянул из снега лыжи, с пятки левого валенка соскользнул крепежный ремень. Видно, не был как следует застегнут.

Пришлось нагнуться, чтобы поправить, а как только нагнулся, в висках застучало, перед глазами поплыли круги. С трудом удержал равновесие.

Выпрямился, подождал, пока успокоится хоровод в глазах, нашел раскачивающийся силуэт спутника — тот успел укатить уже довольно далеко. Окликать не полагалось, надеялся, что Матрена сам через какое-то время догадается оглянуться.

Наклоняться вновь не рискнул — нашел иной выход: опустил на правое колено и, не наклоняясь, дотянулся пальцами до левой пятки. И в этот миг услышал гулкий, со звоном, удар по пустому бочонку. Резкая красная боль хлынула в глаза, откатилась к затылку, скользнула вниз по спине. Падая, успел сообразить: ударили не по бочонку — по моей голове.

...Долго ли продолжалось забытье, не знаю, как не знаю и того, что заставило очнуться. Возможно, холод, добравшийся сквозь ватную одежду до моего неподвижного тела.

Неподвижно в том смысле, что сам я никаких мышечных усилий для своего передвижения не предпринимал, пребывая в чертовски неудобном положении на чьем-то загорбке. В виде живого вьюка, притороченного спиной к чужой спине.

Руки у меня были заведены назад и стянуты веревкой, к ногам привязана вершинка ели, волочившейся за нами по снегу, грудь охватывал ремень, пропущенный под мышки, — на нем и удерживалось тело. Остается добавить, что во рту торчал тряпичный ком, до предела растянувший онемевшие челюсти.

В голове звенело, тупо болел затылок.

С усилием разжевил веки. Все вокруг казалось серым — то ли из-за моего состояния, то ли вечер близился.

Человек, который нес меня, шумно, со свистом дышал, громко отхаркивался. Он шагал на лыжах по пухлому целику, следы сразу затушевывала привязанная к моим ногам елка. Вместо лыжни позади оставалась взъерошенная ложбинка.

Попытался восстановить события.

В общем-то, не требовалось особой проницательности, чтобы понять: меня захватили в качестве “языка”. Захватили, как глупого телка, как овечку какую-нибудь, как цыпленка, только что вылупившегося из яйца, как... Нет, такой неосмотрительности, идиотизма такого я от себя не ожидал!

Значит, что же: мы шли с Матреной по контролке. Я впереди, он следом. На всем пути не обозначилось ничего настораживающего. Ни прямо по ходу, ни справа от кольцевой лыжни.

Ни прямо, ни справа... А что за спиной происходило? Помню, несколько раз оглядывался на спутника, только дальше его вялой физиономии взор не простирался.

Потом я пропустил Матрену вперед...

Пропустил — и тут...

К нам подобрался, ясное дело, со спины. Наверное, какое-то время выслеживали, а потом сделали рывок, мгновенно и бесшумно управились со мной, а Матрена, ничего не подозревая, пошагал дальше по контролке.

Худо, ай, как худо!..

По-видимому, в порыве отчаяния я сделал какое-то движение телом: мой “носильщик” неожиданно подтолкнул меня локтем в спину, произнес вопросительно:

— О-э?

Я помолчал. Он позвал хрипло:

— Викстрем!..

И добавил несколько слов по-фински. Спереди донесся молодой праздничный голос:

— Э, рус, ты жийвьой?

Значит, их двое. “Носильщик”, видать, в годах, а тот, похоже, юнец. Пооди, на первое дело пошел. Радуется, сволочь.

Само собой, Матрена после спохватился. И, возможно, кинулся догонять. Вполне возможно. Даже наверняка кинулся. Только не забуранило ли, пока спохватился, след? И поймет ли, что взьерошенная ложбинка в снегу и есть тот самый след?

Впрочем, если все это и дошло до него — толку от Матрены: ногами с голодухи еле двигает. А потом, догони он, разве с этими двумя управиться!

Ах, дьявол, как получилось!..

Финн подо мною слегка присел, я почувствовал, как напряжилось его тело, и мы с ним покатались в заросший кустами овраг со сглаженными склонами. На дне снег насугробился, “носильщик” заметно угруз.

— Викстрем, — позвал, высмаркиваясь и слезывая.

Тот вернулся, пристроился рядом, подхватил снизу, под коленями, мои ноги, и вдвоем финны потащили меня вверх по склону. Старший устало крихтел и что-то раздраженно бормотал по-своему, самодовольный Викстрем посмеивался. Пооди, зримо представлял уже, гад, как явится с добычей в свой штаб, порадует начальство.

...Выстрелы хлестнули на выходе из оврага. “Носильщик” сразу повалился на склон, выставив меня под пули, как связанного барана. Викстрем метнулся в сторону, ловко упал на спину, перекинул над собой лыжи и тут же, оказавшись на ногах, ринулся за толстый ствол ближней ели. Но чуть припоздал: я увидел, как окрасился кровью его правый рукав.

“Наши!” — сжал я зубами кляп, едва не потеряв от радости сознание.

Стрельба ненадолго прекратилась, потом вновь ударила автоматная очередь. Пули обрубили соседние несколько веток над головой Викстрема. Припав на колено, он левою рукою стаскивал с шеи автомат.

Я извернулся, прочесал взглядом заснеженные кусты — никого. Дальше стеной поднимались ели — там тоже ничто не выдавало присутствия людей. Где же они?

Молодой финн открыл ответную стрельбу — верно, просто наугад.

Сделав несколько выстрелов, переметнулся к соседней ели, дал оттуда короткую очередь, опять перебежал, стараясь, как я понял, отвести угрозу от напарника. При этом что-то выкрикивал на своем языке, по два-три слова между выстрелами.

Финн подо мною не отвечал, только медленно ворочался в снегу, будто уминая, утрамбовывая его.

И вдруг, опершись на палки, резко вскочил, перекинул лыжи носками вниз, рванулся вместе со мною обратно в овраг.

Теперь я оказался лицом к месту схватки. Несмотря на уплотнившиеся сумерки, поймал взглядом наверху, между стволами елей, контуры лыжника с автоматом. А может, это показалось мне?

Выстрелов больше не было.

Молодой финн тоже не стрелял, выжидая.

Мой “носильщик” спустился на дно оврага, свернул с проторенной лыжни и побрел, уминая снег, в сторону от того направления, по которому двигался перед тем.

Я уловил ситуацию: финны распределили роли. Викстрем остался, чтобы задержать нападающих, а этот бугаина, обойдя засаду, поволочит меня дальше. Скоро стемнеет, и Викстрему не составит труда ускользнуть из оврага и догнать напарника.

Судя по всему, засаду устроила группа, идущая с задания, — наши парни наткнулись, верно, на чужую лыжню, определили, в каком направлении проследовали финны, сколько их, и решили дождаться возвращения. Разгадают теперь они маневр, предпринятый лазутчиками?

Мой финн тяжело пробивался сквозь слежавшийся на дне толстый слой снега, тяжело, медленно, не давая себе ни малейшей передышки. Не чело-

век — машина. Мы уходили все дальше, я перестал различать вмятину, оставшуюся после нас в снегу там, на склоне, где застали выстрелы.

Викстрем затаился, я потерял его из виду.

На гребне оврага также не улавливалось никакого движения. Неужели наши не разгадали маневра? Или просто не заметили?

Если бы только удалось вытолкнуть кляп! Эти сволочи замуровали мне рот моей же рукавицей — стоило скосить глаза, и я видел знакомую окантовку. Рукавица намертво заклинила челюсти, как ни пытался двигать, как ни напрягался — все впустую.

Меня охватили беспомощное отчаяние и злость. Злость прибавила сил, я вдруг остервенело взбрыкнул ногами и саданул под колени финну. Извернулся — и саданул!

Ноги у него подкосились, мы рухнули с ним в снег. Он матерно выругался по-русски, приподнялся и ответно двинул меня снизу в бедро. Я понял — ножом: горячая волна прокатилось по коже. Странно лишь, что не почувствовал боли.

Ногами я ничего больше сделать не мог — стукнул головой.

Поднял повыше голову и — затылком в затылок. Но шапки, его и моя, смягчили удар.

Финн не успел отреагировать: ухнула граната. Там, позади, где остался Викстрем.

Финн вскочил, будто вовсе и не громоздилась на спине тяжелая ноша.

— О-э, Викстрем!

— Цо-цо-цо! — раздалось в ответ. И следом — торжествующий смех. Смех победителя. Во мне все сникло: гранату метнули не наши — Викстрем метнул. — Цо-цо-цо!

— О-э, — отозвался мой финн, добавил что-то на своем языке и тоже рассмеялся.

Развернул лыжи, двинулся в обратный путь. Мной овладела апатия, я перестал воспринимать окружающее.

Очнулся, когда совсем неподалеку раздался приглушенный вскрик:

— А-а!

Я вздрогнул, подумав, что это Викстрем добивает раненых.

Финн встревоженно позвал:

— Викстрем!

Лес молчал.

Крикнул громче, с явной тревогой, однако напарник опять не отозвался. Он потянул с шеи автомат, засеменил лыжами, спеша укрыться за ближнее дерево. В эту минуту над головами у нас взлаяла автоматная очередь. Мы вздрогнули с ним одновременно, но пока я приходил в себя, финн успел выхватить нож и отсечь ремни, державшие меня на спине. Освободился от громоздкой ноши.

Я упал на бок, зарылся в снег лицом, однако тут же, оттолкнувшись кистями связанных рук, сумел сесть.

Сел, разлепил глаза. Финн, осторожно согнувшись, поднырнул под ветви ели и сразу выстрелил. Одиночным. Экономил, видать, патроны.

В ответ прострочила, сбивая хвою, короткая очередь. Странно, звук автомата оказался не наш — немецкий, бил “шмайсер”, какими были вооружены финны. Я не мог ослышаться.

Финн опять выстрелил и опять одиночным, после чего резко сорвался с места — переметнулся наискосок по склону под новую ель; постоял с минуту, сделал следующий бросок — тоже наискосок и вверх. Больше не стрелял. Молчал и его противник.

Вновь начался снегопад. Правда, без ветра. На гребне было еще достаточно светло, а здесь я уже с трудом различал человека, затаившегося под деревом в каких-нибудь двух десятках шагов.

Он еще рванулся в намеченном направлении — наискосок и вверх, перещелкал немного, сместился дальше. Противник все молчал. Финн осмелел и стремительно ринулся, прикрытый подлеском, к гребню оврага. Не знаю, выскочил ли: я потерял его из виду.

Сердце, сбиваясь с ритма, отсчитывало настороженные минуты. Установилось гнетущее безмолвие — такое, будто лес, напуганный стрельбою, застался и ждал, томительно ждал, что же будет дальше.

Новый выстрел заставил, казалось, вскочиться вместе со мною всю чащобу. Одиночный выстрел.

Ответа не последовало.

Я вслушивался в наступившую опять тишину с напряжением, какое невозможно описать привычными словами. Страшно мешала рукавица во рту, растянувшая челюсти. Казалось, от этого сузились слуховые ходы. И еще подумалось, что, наверное, стоя слышал бы лучше. Ценой невероятных усилий удалось переменить позу — подняться на колени. Но нет, все равно ничего не выловил из тишины.

Не могу сказать, сколько прошло времени, когда сквозь обступившие меня сумерки пробилось шуршание лыж. Звук был слабый, но обмануться я не мог: кто-то приближался, медленно и как бы неуверенно приближался ко мне.

Наконец обозначился силуэт лыжника. Напружинившись, я взгляделся — Викстрем?! Кровь прихлынула к вискам, наполнила голову звоном. Погребальным звоном! Я понял, сейчас провалюсь в беспмятство.

И провалился бы, не осозная вдруг, что финн бредет обреченно, понурившись, без оружия и даже без лыжных палок, бредет с заведенными за спину руками, как ходят... под конвоем. И точно: поравнявшись со мной, Викстрем остановился, а из-за его спины показался незнакомец в присутствии на глаза маскировочном кашпошоне. В руках у него сверкнул нож, он нагнулся, взрезал на мне веревки, и я смог выдернуть из рта рукавицу.

И тут разглядел измаранный сажеею нос и свалывшиеся, свисающие по углам рта “сосульки”. Такие милые, такие родные “сосульки”. Как все же хорошо, что Костя Сизых не удосужился их подпалить!

— Жив, командир? — прохрипел устало Матрена.

* * *

Матрену насторожила тишина за спиной. Оглянулся — меня на контролке нет. Ничего сначала не понял, но все же решил вернуться.

И — вот она, чужая лыжня, приткнувшаяся к нашей. Четкая, едва-едва припорошенная.

Вгорячах пробежал по ней с километр, если не больше, пока не спохватился: следы от лыжных палок в одном направлении — к нам. Обратного, догадался запоздало, чужаки по своему следу не пошли.

Метнулся назад, стал искать второй след — увидел: кто-то по свежему снегу проволока в сторону от контролки елку. Нашим такие упражнения ни к чему, оставалось одно: чужаки заматали свою новую лыжню.

А ту, первую, специально оставили нетронутой. Для приманки.

Настигнув финнов, хотел открыть огонь поверх голов — остановить хотя бы, а там уж как получится. Потом собрал силы, сделал большой крюк, обогнал и устроил засаду на выходе из оврага.

Гранату, брошенную молодым финном, просмотрел. Она плюхнулась у самой ели, за которой укрылся. Осколком покорежило автомат. Заклинило. Не шли патроны из магазина. Отныне эта штука годилась разве что на роль дубины.

Финн подошел уверенный, надо думать, что граната сделала свое дело. Как удалось опрокинуть его, сам не знает. Верно, тот просто не ожидал нападения. Да и пуля же ему в руку угодила — тоже, поди, дало себя знать.

— А не боялся, — спросил я, — не боялся, что финн подойдет да пустит в тебя очередь?

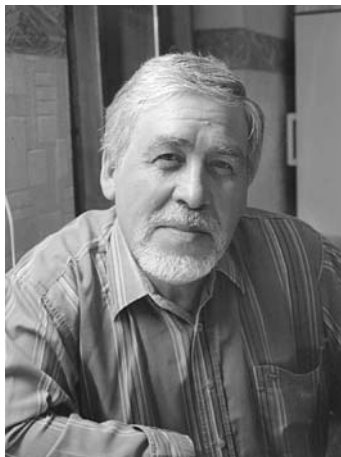
— Боялся. А только что сделал бы?

— Почему же сам гранату не метнул?

— Мне “шмайсер” заполучить надо было, а граната могла повредить...

Я узнавал и не узнавал его: вроде все тот же и не тот. Был просто Матрена, теперь — боец. Воин.

ВЛАДИМИР СКИФ

ЧТОБ ЗАДЫШАЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

НЕБО

Угрюмое небо.
 Былинки. Кусты.
Пустынная даль бездорожья.
И стойкий бессмертник
 среди пустоты.
И нет ни креста, ни остожья.

Библейское небо.
 Простор. Глубина,
Где нет повседневного быта.
Небесная сфера без прочного дна
Для глаз и молитвы открыта.

Высокое небо, твоя высота
До всякой души достигает...
Зовет высота,
 и она не пуста:
С бессмертьем тебя сопрягает.

СКИФ Владимир Петрович (Смирнов) родился в 1945 году на ст. Куйтун Иркутской области. Служил в морской авиации, окончил Тулунское педучилище и Иркутский госуниверситет. Автор книг "Журавлиная азбука", "Живу печалью и надеждой", "Копье Пересвета", "Над русским перепутьем", "Золотая пора листопада", "Письма современникам" и др. Член СП России. Живет в Иркутске

Бездонное небо,
 где черная ночь
Сознание твое забирает
И взять тебя в звездные дали
 не прочь,
Когда твое сердце сгорает.

СОЮЗ СПАСАТЕЛЕЙ РОССИИ

*При вступлении в должность
председателя правления Иркутского
отделения Союза писателей России я
оформлял необходимые казенные
документы. В Федеральной налоговой
службе мне выдали бумагу, где было
написано “Союз спасателей России”.*

Меня читатели спросили:
— Вы кто в делах
 большой страны?
И я ответил, что в России
Мы оказались не нужны.

Среди опальных наших буден
Вдруг оказалось, что уже
Не нужен Бондарев, Распутин
И все, кто пишет о душе,

О горькой Родине, о поле,
Что потонуло в конопле,
О русской доле, русской школе,
Где пол-России — на “игле”.

Живется Родине сурово,
И в схватке Духа и свинца
Мы — русское живое Слово —
Несем в разбитые сердца.

Читатель верит в нашу силу,
Да и чиновники подчас.
“Союз спасателей России” —
По статусу назвали нас.

И как бы ни был
 хлеб наш труден,
Мы не намерены бросать
Своих читателей! Мы будем —
Белов, Зиновьев и Распутин,
Куняев, Струкова, Личутин
И все, кто пишет в зонах буден, —
Страну и нацию спасти!

РУССКИЕ ДЕРЕВНИ

Катился смерч, Россию опростав
От ратоборцев, не доставших сил.
На небе дымный грохотал состав.
Он в рай — погибших русских увозил.

И съехались деревни на совет,
Одыбавши от слез и от дождей,

И говорили: — Помутился свет,
И надо как-то выручать людей.

Наверно, надо распахнуть поля,
Как будто крылья Родины большой,
Чтоб задышала русская земля
И ожила былинною душой.

И начали деревни хлопотать,
Будить народ, заснувший во хмелю,
Зерно в живые борозды метать
И вырывать осот и коноплю.

Деревья выбирались из тоски,
Подсолнухи рыжели на глазах,
И забывали водку мужики,
И забивали место в тракторах.

В подглазьях женщин темные круги,
Как стая туч, исчезли навсегда.
И стали в землю уходить враги,
И вместе с ними кончилась беда.

И разливался несказанный свет,
И слухи разлетались вдоль земли,
Как съехались деревни на совет
И Родину Великую спасли.

ШУКШИН

Хлеб славы — и горек, и сладок.
Сельчане, ведь вы — не враги?!
Страдал он от ваших нападков,
Придирчивые земляки.

Здесь скрыто немало загадок...
Неужто — он был не любим?
Вот “срезали” Васю — и сладок
Был гонор ребяческий им.

А он разрывался душою
И думал: “Да что ж это вы?”
Стонал по ночам и межюю
В поля уходил от молвы.

Под утро сидел на Пикете —
Родной, невысокой горе,
В тиши и в немом полусвете
Мечтал о вселенском добре.

Сидел среди цветиков синих,
Где солнце вставало большим,
Тревожная совесть России —
Василий Макарыч Шукшин.

АННА и КОНСТАНТИН СМОРОДИНЫ

РЫБАЛКА

РАССКАЗ

Какая-то внутренняя суета вкралась в мою жизнь. Симптомы были знакомые и имели психологическую подоснову, накопились, переполнили проблемы и стрессы, и забило меня, залихорадило изнутри. Давненько не приходилось так туго — и на работе не ладилось, и с женой не складывалось, и дети раздражали... Всё-то денег не хватает, всё-то перспективы никакой... Что же делать? Как спастись?.. Простейшее средство — дружеская компания и добрая баня с настоящей парилкой. Лечь на полоч и согнать с себя венничком (лучше всего березовым) душевную хворобу. Но я чувствовал — не подействует сейчас баня. Второе известное лекарство: молодая красивая женщина, то бишь легкомысленная интрижка на стороне. Хотя и требует этот способ моральных и физических затрат, но, как говорится, клин клином вышибается. Однако передозировка может привести к летальному (для семьи) исходу, недостача — усугубит тоску, всё ту же болезнь. Оставались благоприятствующие излечению мужские физические забавы: охота или рыбалка. Я выбрал последнее.

Время как раз подходящее: теплая осень. Впрочем, для рыбалки всякое время подходящее, если ты умеешь ловить, выуживать то, что другим в руки не дается. Увы, я не принадлежал к числу избранных судьбой рыболовов или охотников.

Недалеко от матушкиного дома (когда-то я говорил “нашего”) жил пенсионер-железнодорожник, коренастый, с обветренным красным лицом, в

СМОРОДИНЫ Анна Ивановна и Константин Владимирович – прозаики, публицисты. Выпускники Литературного института им. А. М. Горького. Авторы многих книг и публикаций в центральных журналах. Члены Союза писателей России. Печатались в “Роман-журнале XXI век”, молодежном журнале “Странник” и др. Члены Союза писателей России. Живут в г. Саранске.

вечной брезентовой куртке, дядя Миша. Вот это был рыбак так рыбак! Он — единственный из известных мне с детства и по сю пору рыбаков, кто никогда не возвращался домой без добычи. И какой добычи! Мы и представить себе не могли, что такая замечательная рыба водится в окрестных водоемах — прудах, озерах и реках: уродливые угри, бревнообразные сомы по пуду весом, пятнистые острозубые щуки, в руку толщиной, бронзовые мощные язи, плоские, как сковородки, лещи, усатые верткие налимы, дюжие остроносые судаки. Все они попадались на крючок дяде Мише. Применял он и другие снасти, несмотря на то, что тогда было строго... Рыбой приторговывал. Его уважали в деревне, но мало кто любил. Может, я застал такое время. Мать говорила, что после смерти жены он стал угрюм и нелюдим. Тем не менее, запомнился один из его столь редких советов: по осени хорошо идет окунь, в полнолуние или когда месяц только прорезался, в хмурую, с прояснениями погоду, по раннему свету, на излучине (имелась в виду река), между мелководьем и ямами, следовательно, лучше всего с лодки.

Пруд находился рядом с деревней, до реки же было километра четыре с гаком. Мы, пацаны, баловались бреднем, ловили и “мордами” — плетеные, напоминающими веретено корзинами, и удочками, с берега или устраивая себе плавучие гнезда на камерах с тракторных колес. Конечно, и у нас случались удачи — килограммовые лещи и щуки, приличные сомыта, не говоря уж про карасей и окуней, но по сравнению с уловом дяди Миши наша рыба всегда почему-то выглядела довольно жалко.

И вот на выходные, ломая планы жены и сына (“Зима на носу, заготовки в разгаре, а у тебя блажь!”, “Папка, ты же обещал “жигуленок” мне!”), я отправился в родную деревню. Матушка обрадовалась, не ждала без предупреждения (у меня не сложились отношения с очередным свяжком, и поэтому мы с сестрой старались, чтобы наши поездки не совпадали), засуетилась, охая и поругивая болезни, причитая, рассказывая местные новости и одновременно ставя ранний обед — замешивая тесто, затевая фирменные (в печке) щи. Она меня не корила, но я чувствовал — ждет объяснений: отчего долго не приезжал, почти два месяца. Бродя бы и рядом — какие-то полсотни километров, и машина у меня под рукой, — так и слышал ее немые вопросы-причитания в паузах между деревенскими новостями. Погладил ее по плечу и вышел в сени, через них — на веранду, где на полу лежали груды зеленой и желтобокой антоновки, и знакомый до одури запах, казалось, вытесняет тусклый серебристый свет, просачивающийся извне сквозь многоячейное окно-стену. Тюлевые занавески смазывали фиолетово-коричневые очертания голого вишеника в палисаднике. Такое все было родное и знакомое, что я из сорокалетнего матерого мужика в мгновение ока превратился в мальчика-подростка с перевязанным горлом (ангина), который вопреки наказам куда-то ушедшей матери выскочил на веранду, раздвинул занавески и смотрит, как густой сетью белых хлопьев окутывает дом первый в том году снег. Точно так же можно было бы наблюдать за снегопадом из окна теплой комнаты, но с веранды, благодаря широкому обзору, это зрелище казалось грандиозней.

— Ты куда пропал? — матушка уже звала в открытую дверь. — Из тепла, неодетый!..

Я поспешил назад, потому что испугался, как бы не простудилась она, оставившая до моего прихода дверь нараспашку. Хитрая у меня мама, только хитрость у нее зачастую не в свою пользу.

— Ты по делу, что ли, приехал, — наконец решилась спросить, — или просто поведать?

— На рыбалку.

— То-то я гляжу, — и она осеклась, как бы подразумевая, что мы и без лишних слов поняли друг друга.

Так оно, наверное, и есть — поняли. Материнское сердце — вещун, чувствует смуту на душе родного дитяти, словно по-прежнему незримая пуповина связывает нас. И пусть это выглядит эгоистично, — хорошо, когда кто-то родной понимает тебя без слов и принимает таким, какой ты есть на самом деле, а не в глазах других.

— Помнишь дядю Мишу, железнодорожника?

— Это какого? Сетина, что ли? Через три дома... — Надо же! Я, оказывается, прекрасно помнил, что он отменный рыбак, а то, что у него и соответствующая фамилия была, напрочь вылетело. Вот оно как бывает.

— Лет пять назад его внук приезжал. Твоего возраста. Еле могилку нашли, родни-то у них тут и нету. Чужаки были. Приехали пенсионерами из города, квартиру детям оставили, наши завидовали... — И матушка принялась рассказывать, что знала о Сетиных. Она-то помнила всё — и то, что супруги вместе здесь прожили три года, и то, что вдовец, не обращая внимания на притязания старушек, “отгулял” еще неполных семь лет после смерти жены.

Она рассказывала и одновременно обрабатывала овощи: часть для салата, часть для заправки в щи. На стене мерно тикали ходики, старые жестяные ходики с красным глазастым трактором и девушкой в косынке на циферблате: свадебный подарок бабушке и дедушке. Только-только тракторы появились в колхозе. Почти перед войной.

Запирая за мной дверь, матушка напутствовала:

— Ты там поосторожней!..

Деревная спала предутренним сном, даже воздуха не коснулась дымка пробуждения. Из-за облаков выглядывала пятнистая луна, освещающая дорогу передо мной и окрестности поблизости, и вдоль центральной деревенской улицы протянулась цепочка похожих на одуванчики фонарей. Вскоре я миновал последний дом, в котором, вместе со своей козой-кормилицей и пушистой кошкой, жила наша дальняя родственница тетя Шура, и вступил в лес. Грозная рать деревьев, шушукаясь между собой, обступила со всех сторон — то ли воины, то ли разбойники. Ночной лес неприветлив, и хотя ты вроде бы знаешь здесь все овражки и опушки, все равно холодок угрозы пробегает по спине. Если, конечно, размышлять об этом, я же шел по широкой просеке, старательно обходя бочажки с гнилой водой, поблескивающей в неверном свете луны, спотыкаясь время от времени на кочках или выбоинах и настраиваясь на благостный лад, на предвкушение рыбалки. Вспоминал, как разбирал вчера снасти: две удочки, одна оказалась без поплавка и грузила — свояк пользовался и забыл якобы наладить, и это вызвало небольшое раздражение (что от него ожидать?), потому что удочки были мои, и хотя я их два года не использовал по назначению, по весне проверил и как раз на эту поставил новое гусиное перо, между прочим, покупное. Ну, да у меня нашлись запасные, и даже хорошо, что пришлось всё делать заново (я и леску поменял), зато теперь уверен, что эта удочка надежная, в случае крупной добычи — не подведет. Остальное: сачок, металлическая сетка для улова, небольшая ловушка-мережа — были в порядке, в полной исправности. Не поленился — сходил к дачнику-москвичу (их здесь обосновалась целая колония), который в отличие от большинства прочих оставался в деревне и на зиму, и попросил резиновую лодку на завтра. Он не отказал (тень колебаний на лице мелькнула), вынес и лодку, и ножной насос, и два звена от тракторной гусеницы вместо якорей, но посоветовал взять одно (большая тяжесть — оба тащить) — с носа бросить якорь, а корму зацепить веревкой за куст или дерево, чтобы лодку не сносило. Сейчас я радовался, что за спиной, в рюкзаке, одно гусеничное звено, и то — ноша достаточно обременительная. Таился у меня в рюкзаке и собственный секрет: нажег березы, золу сложил в мешочек и привязал к куску лески. Мешочек следует проколоть в нескольких местах и опустить в воду. Зола растворится, образуя черные ленты и спирали, а любопытные окуни — и не только окуни — соберутся, чтобы узнать: что такое, откуда и почему. Наверное, у дяди Миши были десятки подобных хитростей-секретов, у меня же один, зато некогда вполне оправдавший себя.

И все-таки воспоминания о вчерашних хлопотах (с незримым участием матушки) ощущения мелькнувшей было безмятежной радости не возвращали. А я жаждал именно этого! Радости или покоя, — как однажды на рыбалке в дождь: я спрятался под могучим осокорем, и гладь пруда рябила от крупного мерного дождя... И так было тихо, всё пронизано тускло-ласковым светом, отрадно для глаз, спокойно... О! Это было удивительное ощущение

ние — настоящего вневременного покоя!.. Почти — счастья!.. Я всегда вспоминал эту умиротворяющую картину в трудные минуты жизни... Когда вдалеке в черных рядах деревьев появился серый прогал, я наконец догадался, в чем дело. Мне подспудно хотелось выбраться из темного грозного леса, словно он невольно олицетворял мое душевное состояние, хотя внутренняя лихорадка притупилась. И рыбалку я выбрал, вероятно, в надежде вновь пережить ощущение того самого покоя или вернуть детскую радость новизны, обретения мира. Пусть тень того счастья... Однако пруд тот остался далеко, в другой области, в другой жизни, так что не доехать, не дойти. А детство и того дальше...

Лес в длину тянулся на десятки километров, а в ширину, в том месте, которое я и пересекал, километра на два с небольшим. Когда-то здесь пролегла дорога, и я мальцом ездил на велосипеде в деревню, находившуюся на спуске от леса к пойме. Домов пять или шесть стояло в садах с обеих сторон дороги. От той деревни ныне не сбереглось и следа. Разве что несколько одичавших яблонь да старая береза притулилась к пригорку. Всё меняется...

Наконец лес кончился. На пойме было светлей. Солнце еще и не думало выглядывать, но оно как будто заставило луну светить ярче — река чуть угадывалась вдалеке, и ветер доносил ее свежий запах, возможно, это лишь чудилось. С каждой минутой становилось светлей и светлей. И вдруг впереди я заметил какую-то расплывающуюся точку. Ноги невольно сами ускорили шаг, к тому же я все еще шел под уклон. Получалась небольшая погоня. И уже пришла догадка: рыбак, меня опережает рыбак. Досада, обжигая, плеснула внутри: судя по всему, он направляется туда же, куда и я, — к излучине. Наверняка рыбак без лодки, а там всего лишь одно место, удобное для ловли с берега. До этой минуты я все еще не принял окончательного решения — буду ли пользоваться лодкой. Столько возни, и может статься — разыграется волна, а на том месте на бережку обычно тишь да гладь. Меня как будто лишили права выбора. Я шел, толкаемый внутренней раздраженной пружиной. И в предстоящей ловле должен был я утесниться, подвинуться, поступиться чем-то своим для другого человека.

Воздух становился сизо-голубоватым. Точка (клякса!) скрылась из видимости в заросшем кустарником и ивами овражке, но и без того было окончательно ясно, что рыбак направляется именно к излучине. Я и сам только что миновал развилку, от тропы вправо и влево ответвлялись стежки, река же была совсем рядом. В овраге лежало несколько старых скользких бревен, позволявших перебраться через заболоченный ручеек, и когда я взобрался по косогору на гребень, увидел раздвоившуюся — к моему удивлению — точку, двух человек, рыбаков или неизвестно кого, хотя бродягам и праздным любителям природы здесь делать абсолютно нечего. Тем более в такую рань.

В другой бы раз я, может быть, и обрадовался компании, а сейчас, разглядев парочку вблизи: крепкий старик и безусый парень, — оба в фуфайках, резиновых сапогах и одинаковых картузах, чем-то схожие, — длинными носами, что ли? — я ощутил пустоту. К тому же они оказались не нашими, деревенскими, — своих я всех знал, и в то же время они не походили на дачников-москвичей — слишком уж крестьянское обличье. Самое же главное, они по-хозяйски расположились на излучине в единственном удобном (“моем”) месте и уже разматывали свои удочки. Старик как раз собирался забрасывать. Безднажность — почему? не знаю сам! — пронзила меня, но я, как полагается, поздоровался. Они неохотно ответили, вероятно, заметив, что мне не так уж и приятно созерцать их персоны. Я прошел по берегу на полсотни метров подальше, выбрал подходящий просвет между тальником или вербой — кто точно знает, как эти жалкие прибрежные кусты называются? — и занялся лодкой.

Примерно через полчаса я нагло расположился чуть ли не напротив парочки рыболовов. Корму, как и собирался, привязал к кусту и, перегнувшись через борт, плюхнул на значительную глубину (дно изобиловало ямами) гусеничное звено-якорь. На меня, похоже, не обратили никакого внимания, — и потому, что расстояние я все-таки соблюл на грани разумного — метров

пятнадцать-двадцать между нами было, и потому, что начался клев. Молодой вытащил что-то крупное (я не успел разглядеть), старик одобрительно крикнул. Я заторопился со своими снастями, предварительно бросив приманку и запустив мешочек с золой, и вскоре первый полосатый красавец окунь, не очень большой, но весомый, граммов на сто пятьдесят, бил хвостом на дне лодки. За ним — второй, третий, четвертый — все как на подбор, и вдруг настоящий, под полкило, пришлось подхватывать его сачком. Забрехала радость вместе с пробившимся из-за леса солнцем, лагунными полосами легшим на воду, играя блестками — солнечными зайчиками там, где зеркальную поверхность морщинил ветерок. Солнце, впрочем, вскоре скрылось между тяжелыми осенними облаками-тучами. Между тем стало теплее, и я поспешно сложил улов в специальную металлическую сетку и, привязав толстой леской к хлястику куртки, опустил пленников в столь безопасную для них недавно глубину. “А не ешьте своих мальков! — злорадно подумалось. — Посидите в клетке...” Ветер усилился. Лодку покачивало, подбрасывало на небольшой волне (забрасывал я на подветренную сторону), и веревка, держащая лодку за куст, ослабилась, узел размочалился и развязался. Я втянул конец веревки в лодку и все таскал окуней, клев не кончался, и радостный азарт не отступал. Краем глаза я заметил, что у меня дела идут лучше, чем у рыбаков на берегу. Видимо, здесь оказалась большая стая окуней, или они пришли на зов моей золы. Но, как назло, лодку стало заносить, — у меня сорвался не то подлещик, не то карась, блеснув серебристой чешуей, и я волей-неволей должен был исправить положение — заново привязать лодку к кусту. Для этого предстояло вытащить якорь, подплыть к берегу, привязать лодку, вернуться на прежнее место и опять закинуть якорь на дно. Я, напрягаясь, вытягивал гусеничное звено из глубины, и тут шарахнул ветер, ударила волна, и я — непонятным образом — очутился в воде. Нет, страха не было, лишь недоумение, удивление и острый холод... Якорь и что-то еще, прицепившееся сзади, неумолимо тянули меня на дно. Я догадался выпустить веревку, извиваясь всем телом, загреб руками и сумел вынырнуть на поверхность. Я одновременно хватал ртом воздух и орал. Что-то черное обрушилось на меня сверху и плашмя ударило по голове. Я уходил в воду, барахтался, выныривал, одежда промокла, ботинки и то, что было сзади (не чистый, не иначе!), тянули вниз, а главное, когда я выныривал, борт лодки или деревянная скамья снова и снова били меня по голове. Я пытался ухватиться за лодку, пытался перевернуть ее, но резиновое чудовище выскальзывало из рук и раз за разом накрывало меня бортом или днищем.

Ужас объял все мое естество, я понял, что погибаю, что лодка, непотопляемая лодка, из друга превратилась во врага и почему-то непременно хочет утопить меня, бьет и бьет по голове, словно желая достучаться: ты понял за что? ты понял? “Да, — зазвенело в голове, — за что? За что?” Как будто вся моя скопившаяся ненависть к миру вырвалась наружу, материализовалась и теперь хлопала сверху и приказывала: “Тони! Погибай!” И я в ответ вновь все возненавидел с десятикратной силой, мое отчаянье выковалось в ненависть: и к реке, и к лесу, и к солнцу на небе, и к людям на берегу, и ко всей вселенной. Ненависть клекотала, вырываясь слезами и хрипом: жизнь оказалась ловушкой, любовь — предательством, надежда на исцеление — обманом!.. Я ненавидел всех и вся и только, казалось, благодаря ненависти все еще был жив и держался на плаву.

Меня вытащили рыбаки. Они также вытащили лодку, одну из удочек, а рыба уцелела чудом — это она, привязанная за хлястик куртки в своей проволочной тюрьме, толкала меня в спину и пыталась утянуть на дно, действуя заодно с тяжелыми ботинками, которые я так и не сумел сбросить с ног. Где-то на дне лежали рюкзак с насосом, куда-то уплыли вторая удочка и сачок. Размышления о вещах ненадолго отвлекли меня, но когда я оцупал себя и убедился осязанием, что жив, ненависть (или отчаяние?) жаркой волной ударила в голову, и я, даже не поблагодарив своих спасителей, как безумный, схватил лодку, сетку с рыбой и болтающимся на ней оторванным хлястиком и, не разбирая дороги, побежал в сторону леса, еще не понимая зачем — то ли спрятаться там, то ли искать дорогу домой.

Лес встал стеной и не пускал меня внутрь. Я несколько раз пытался врываться в него, обдирая руки невесть откуда взявшимся шиповником и получая удары по лицу ветками молодых осин и орешника. Лодка не давала протиснуться вглубь, и все еще кипела во мне, вновь разрастаясь, ненависть. Я матюгался, обзывал осинник “сволочью” и “предателем”, а он по-прежнему пресекал мои попытки проникнуть в чащу ударами веток и подножками. И тогда я побежал вдоль него, сам не понимая, что крича — вероятней всего, угрозы лесу, полю, реке... Мне мерещилось: все насмежаются надо мной, и все они довольны — добились чего хотели. Я орал все громче, хохотал и бежал, бежал, волоча за собой лодку, подсознательно отыскивая просеку с тропой. Брызнул дождь. Ветер давно бушевал, свиристел мне в уши, сбивал с ног. Засверкали молнии. Ударил гром. Будто весь мир ополчился против меня, воспламенившись от моей ненависти и породив огненную стихию. Сразу потемнело все вокруг, померкли осенние краски, слившись в серую или серо-голубую пелену в мертвенном озарении электрических зигзагов. А я всё бежал, словно заведенный злостью робот. Трава и земля под ногами скользили, сработал инстинкт самосохранения, и я остановился. В голову пришла почти здравая мысль: “Пусть поливает дождь — чем хуже, тем лучше!”

Наконец-то сознание начало возвращаться, я почувствовал, что весь горю и сверкаю в унисон грозным всполохам, и так явственно возникло чувство собственной гибели. Сердце заколотилось. Отчего? Почему я гибну? Почему?! Опрокинулась лодка и перевернулась жизнь? Почему? Ведь это нелепо, ненормально!.. Или?! Всё, что было в моей ничтожной жизни, в моей бедной голове, в моем прошлом и настоящем, представилось мне неправильным, и пути спасения от меня самого не было: прелюбодей, фарисей и мелкий чловечиска! Именно так! Именно этими словами-клеймами можно определить мою жалкую сущность. А ведь я представлял себя нормальным здравомыслящим человеком, который кое-что понимает в жизни и руководствуется определенными принципами — не убий, не укради... Да, верно, могу бесстыдно сорваться на старуху в троллейбусе, которая и себя-то саму не помнит, могу наорать на подростка, если он не уступает мне дорогу, могу обидеть слабого — накатит, захлестнет злоба и вырвется наружу! Да! Могу увлечься чужой женой!.. Какой это в наше время порок? Скорей — достоинство!.. Ну и что? Что? Я всё-таки сдерживал гадкое в себе, всегда старался соответствовать некоему идеалу хорошего человека. Сейчас идеалы меняются, стыдно не воровать, не обогащаться!.. А я всё-таки верен!.. Так за что меня доской по голове?! За что?.. Может?! Ага!.. Вот оно!.. Всю жизнь давил себя насильно — соответствовать, быть, выглядеть!.. Так, может, стоит освободиться наконец?! Стоит стать самим собой, естественным, и хоть гаденькое, маленькое — да зато удовольствие получать от своей собственной жизни? Наверняка никоим образом это преобразование не удивило бы!.. Как всё перевернуто, запутанно и мерзко! Хочется стать естественным, а что-то не пускает. Совесть? Матушка? Всевышний? Примет ли матушка меня естественным? Другие принимают — и убийц, и насильников, — а моя чем хуже? Сама в глупом смирении сломала свою жизнь — не покинула стариков-родителей, когда позвал, полюбил, хотел принять с двумя чужими детьми... И что?! Кому нужна эта пустая, маленькая человеческая жертва? Интересно, матушка, ты догадываешься, какой я есть на самом деле? Ведь мы с тобой связаны одной пуповиной? Вот-вот! Не могу мучиться!.. Больше не хочу!

Воздевая руки, обратился я к молнии:

— Лучше убей!.. — и в истерике, рыдая и хохоча, один — во тьме, в поле — упал, тычась лицом в грязь и по-бабьи подвывая: — А-я-я-яй!

Что-то трепыхнулось у меня в груди, под сердцем. Оно, сердце, выскокило, выпало на холодную жесткую землю? Сунул руку под грудь, нащупал металлическую сетку и в ней полукилограммового окуня — под моей тяжестью затрепыхавшегося в последнем предсмертном усилии. Нашел пальцами его хребет между плавником и головой и изо всех сил сдавил. “Все!” — констатировал. И разостлалась темь перед глазами.

Очнулся — ни чувств, ни эмоций. Полное опустошение. Будто и вправду погиб и даже как-то физически ощутил растворение свое в этих грязевых

хлябях. “Да что случилось-то? — спросил сам себя. И сам себе ответил: — Ничего”.

— Ничего! — повторил я вслух. — Ничего!

Поднялся. На том месте, где я только что лежал, — обляпанная грязью сетка с уловом, чуть поодаль — лодка. Они выглядели предметами из другой реальности, чем-то чужеродным, ничего этого мне не было нужно. И все же я наклонился, лодку взял, взвалил на плечо. То ли потому, что надо было возвращать ее дачнику-москвичу, то ли оттого, что предстояла мне переправа через мертвые воды Стикса, и я предпочитал явиться туда со своим плавердством. Несколько раз упал, прежде чем обнаружил просеку-прогал, и пошел по кривой и скользкой тропинке, вновь и вновь падая и вставая. Теперь, почти во тьме (ночь?), брезжило мне впереди путеводное окошко. Наверное, тетя Шура в своей крайней, у леса, избе зажгла его. А может быть, кем-то была приоткрыта для меня дверь в ад? И будто бы еще можно было выбрать куда пойти. Я замедлил шаг, но лишь на мгновение, и решительно пошел по торной вблизи деревни тропе — на тот свет.

НИНА ЯГОДИНЦЕВА

РОССИЯ МОЯ, РОССИЯ...

* * *

Непогода пришла, как отряд батьки Махно:
Гогоча, из горла прихлебывая,
прикладом стуча в окно,
Выгребая запасы осенние
из подвалов и с чердаков...
Да не бойсь, чего там — ноябрь всегда таков.

Если воля и холод сойдутся — родится смерть.
Ничком на овчинку неба падает степь,
Серая, бурная пустота,
Но сердце уже не обманешь — родная, та,

Где не за что ухватиться душе слепой,
Где — если заплачешь, в сердцах оборвут:
не пой!

А замерзнешь, потрянут за шиворот: встань!
Россия моя, Россия, свиданье тайн

Непостижимых! Когда по снежной стерне
Ведут, матерясь, к обрыву или к стене,
На сквозном перекрестке иных дорог
Свернут напоследок сигарку: курни, браток...

ЯГОДИНЦЕВА Нина Александровна родилась в Магнитогорске, окончила Литературный институт им. А. М. Горького, член Союза писателей России, автор нескольких поэтических книг. Лауреат премии им. Бажова.

И ты вдыхаешь дымок и не помнишь зла.
О жизни ли горевать, если все — зола?
О смерти ли, если даже махра — сыра?
Крайнему: докурите, а мне — пора.

* * *

Смотрите, спящие, смотрите же,
Как звон гуляет в граде Китеже,
Расшатывая окоем
В смятенье яростном своем!

Смотрите, если вы не слышите,
Как волны, молниями вышиты,
Идут и падают внахлест
На берег, полный сбитых звезд!

Звон поднимая до Всевышнего,
Беззвучно ратуя: услышь его! —
К востоку обратясь лицом,
Звонарь раскачивает сон.

А наяву гуляют ордами,
Глумясь над спящими и мертвыми,
И голь не срам, и стыд не дым,
И веки тяжки — невподым...

* * *

Что сердце слабое? Трепещет
Надеждой перемены мест?
Ты эмигрант, ты перебежчик,
Невозвращенец и мертвец.

Твой век не вышел из окопа.
Твой год уже полег костями.
Твой час настал — но неохота
В сырую землю, черт возьми!

И вот стоишь перед таможней
С нелепой ношей за спиной:
Со всей великой, невозможной,
Смертельно вечною страной...

* * *

Когда это было, в каком году и в каком бою?
Мне кажется иногда, что в самом раю,
Где мертвые живы и так беззащитно спят...
Где ты до сих пор над победой своей распят.

Я повзрослела рано, а ты был сед,
Как будто сверху случайно пролили свет,
Пригоршню света — прямо у той черты,
Где встретились мы и навеки остался ты.

Когда это время гостит у меня во сне,
Я снова встаю с тобою спина к спине,
И вечность проходит, и в очи не посмотреть:
Ведь если это любовь, то она же — смерть.

Откуда ты знаешь, где я живу сейчас,
Как жду я этого сна, не смыкая глаз?
Когда ты прильнешь устами к моим губам —
Я снова проснусь, а ты останешься там.

* * *

Июль идет грозой по высохшим дорогам,
Его холодный взор прорезывает тьму...
Любви на свете нет, любовь дана немногим,
Не избежать ее пожара никому.

Не молния летит в малиновую воду,
Не дерево плетет по небу письмо —
Любовь смывает плен: она сама — свобода,
Куда ни кинешь взор — кругом она одна.

Пройдя земную жизнь почти до половины,
О ней, о ней одной — смирись и замолчи!
Мы перед нею все в безумии повинны.
Мы перед нею все — слепцы и палачи.

Июль идет грозой. Он весел и разгневан,
И он — сама любовь, и оправданья нет,
Когда проходит свет между землей и небом,
Молниеносный свет, холодный чистый свет.

* * *

Целуя руки ветру и воде,
Я плакала и спрашивала: где
Душа его, в каких мирах отныне?
Вода молчала, прятала глаза,
А ветер сеял в поле голоса,
Как прежде сеял он пески в пустыне.

Когда бы знала я, в каких мирах
Его душа испытывает страх
Прошедшей жизни, тьмы ее и светлы,
Я возвратила бы ее назад,
В исполненный цветенья майский сад,
Где есть одна любовь, а смерти нету...

Вода и ветер, ветер и вода...
Я выучила слово “никогда”,
Но и его когда-нибудь забуду —
Забуду, как завьюженный погост,
Где снег лежал безмолвно в полный рост,
И таял в небесах, и жил повсюду.

* * *

Выцвели бутоны полушалка,
Очи стали глубже и темней
В нищете безвыходной и жалкой,
В неизбывном страхе за детей.

Век сошел, обрушилась держава,
Хищною травой поросла —
А она терпела и рожала,
Ношу неподъемную несла,

Сберегая душу от надлома,
От пророчеств и иной чумы
Посреди ветшающего дома
В глубине почти недвижной тьмы...

Все, что мир в безумии растратил,
Горьким пеплом в пажити легло.
Потемнела ликом Богоматерь,
Опустила кроткое чело.

А она жила покорно рядом
И шептала вечное “прости”,
Каждый день лоя печальным взглядом
Взгляд с холодной лаковой доски...

* * *

Владимир. Снег. Пожаром памяти
Весь горизонт заволокло.
Одна метель стоит на паперти
И застит рукавом чело.

И только облачко дыхания
Трепещет тайно возле уст...
Прости меня, не обрекай меня
На адский пламень русских чувств!

Одна мерцающая свечечка,
Ладошкой скрытая, спасет
От наплывающего вечера,
От страшной памяти высот.

Один твой взгляд, меня жалеющий
И обвиняющий стократ,
Один вопрос немой: а где ж еще
До бела снега догорать,

Как не в России, во Владимире,
Где ты несешь домой свечу,
А я шепчу: “Прости, прости меня” —
Но быть прощенной не хочу.

АЛЕКСАНДР ЛОМКОВСКИЙ

ЛЮБИМЫЙ ГРИБ

РАССКАЗ

Ветер из-за Угорного леса тянул ровно и сильно. И казалось, что нет у него на пути таких преград, которые могли бы помешать его безудержному полету. Он глухо свистел в проводах высоковольтной линии и давил всей грудью на ажурные опоры, под одной из которых и присел отдохнуть Венька Шлык. Венька только что выбрался из осинника с полной корзиной маленьких, не больше детского кулачка, кубарей. Шлык очень любил кубари. Запах этих грибов сводил его с ума, уносил черт-те куда, в какие-то непонятные дебри каких-то непонятных лесов.

“Что есть гриб? — рассуждал сам себе Венька. — Растение. Паразит на теле земли — это еще в школе проходили. Сам не может себе пищу добывать, как, к примеру, дерево. Обязательно, зараза, с кем-то вместе произрастает. Симбиоз — по-научному. Как блоха, которая не может жить без собаки. А с другой стороны взглянуть — вкусный... а и вкусный же, зараза!”

Венька полез в карман фуфайки за куревом. Добыл небрежно вскрытую пачку “Беломора” — других папирос или сигарет не курил принципиально, — выудил немного смятую, чуть сплюсненную с боков папиросину и начал разминать ее твердыми заскорузлыми пальцами. Привычно дунув в мундштук папиросы, прикурил. Спрятал спички в карман и снова отдался думам.

Венька Шлык любил подумать. Все свои пятьдесят четыре года, сколько себя помнит, бился, словно дятел головой об елку, над простыми, казалось бы, понятиями. В свободное время мог часами смотреть на какую-нибудь былинку, или бабочку, или реку и неторопливо рассуждать сам с собой.

ЛОМКОВСКИЙ Александр Вениаминович родился в 1965 году в Вологде. Печатался в различных областных и центральных изданиях. Автор сборника повестей и рассказов “Два костра”. Лауреат первого Всероссийского конкурса современной прозы им. В. И. Белова “Все впереди”. Живет и работает в Вологде.

Докапываться до сути вещей. Увидит, например, ягоду костяники, сорвет, всмотрится внимательно в кроваво-красную до прозрачности глубину этой бусинки со смутно вырисовывающимися внутри косточками, и понесет его. Что есть ягода? Плод. Вырастает на потребу зверью и людям. Откуда берется? Из цветка. Так вот и сейчас: самый первый из всей деревни поднялся и ушел по грибы. Набрал корзину кубарей и с чувством выполненного долга начал ломать голову над очередной “тайной” природы.

“Как растет гриб? По-разному. Опенок — он на пеньке больше любит, белый, он же боровик, — на опушке или в бору, под елками. Красноголовик в березняке или осиннике вырастает. Недаром у него второе имя — подосиновик. Да и у многих грибов не по одному, скажи, имени. Желтый груздь — он же подольховатик. Кубарь везде зовут валуем. А к Северу ближе уже бычок, бык. Свояк Витька из Архангельской области приезжал, дак он кубари упорно именовал бычками. А другого названия и не знает. Кстати... звал, звал свояк в гости-то. Хоть раз, говорит, приезжай. Природой хвалился. А и у нас природа не хуже. Нисколько не хуже. Правда, это лето дождливое выдалось, но это наоборот даже — для грибов очень полезно. А вот в Крыму грибов нет. Как там только люди живут?..”

Венька однажды съездил в Крым по путевке. Но не дотянул и до половины срока — как оказалось, если нет рядом леса, то и жить-то незачем. И еще там в санатории столько людей было разом, что Венька и в жизни не видал такого скопища. Плюнул на путевку, обменял билеты и укатил домой. Тут же по приезду подался на старую заимку и трое суток наслаждался тишиной и покоем. Собирал грибы, вспугивая чуткую лесную тишину сухим отрывистым кашлем (и ездил-то Венька “на юга” легкие как раз подлечить), смотрел и не мог насмотреться на застенчивые молоденькие березки, купающие свои листовые подолы в тихих осенних росах, топил на заимке печку...

Одним словом — был Венька счастлив. И понял он тогда одну простую истину: нигде человеку так не бывает хорошо, как дома. Свояк Витька с сестрой жены Ангелиной каждым годом то в Сочи ездят, то в Ялту. Живут там какими-то “дикарями”, купаются в море. И ведь свояк целый год ломает хребтину на своем комбинате, чтоб потом за один только месяц проткнуть все денежки. Называет это активным отдыхом. А у Веньки разве отдых активный? Встать в пять утра, да и убежать по холодку в лес. Так наактивничаешься... То-то же. И предложи кто сейчас ему забесплатно на юг — ни в жизнь не согласится. Посмеется только. А лесов вокруг деревни много. И каждый неповторим, каждый отличается только своим чем-то, как и люди. И в каждом свои грибы, особые, только данному лесу присущие. Веньке не нужно спрашивать у знакомых, где они набрали свои корзинки. Взглянет раз в пестерь — и достаточно. В Угорном лесу лисички бледно-желтые, а шляпки солодаги зеленые. Рыжики на высокой тонкой ножке. В Солдатском — белые грибы кряжистые, приземистые, волнушки отдают в синеву, а опята только с пятнышками. Шнякинский лес тоже имеет свои особенности: лисички там мясистые, чуть ли не ярко-оранжевые, подосиновики почему-то с белыми шляпками, а маслята имеют такой цвет, что не сразу и заметишь на хвойной подстилке. Вот только кубари везде одинаковые — как по вкусу, так и по цвету. Ну, и еще, конечно, в каждом лесу живут свои поганки и мухоморы. Но их все равно никто не собирает, а то и по поганкам Венька мог бы сказать, в каком лесу побывали односельчане...

Ветер продолжал мощно давить на все в этом мире. Провода гудели под его напором, и дым Венькиной папиросы тут же улетал и растворялся в воздухе. Но Веньке было тепло в фуфайке и старой меховой шапке. Он окидывал взглядом сжатое голое поле, посреди которого сидел под опорой, и продолжал думать.

“Каждый гриб, скажи, имеет свою особенность. Белый хорош в жаренине и в сушке. Подосиновик то же самое. Из лисичек получается потрясающий суп. Нет лучшего гриба для маринования, чем масленок. Грузди, рыжики, солодаги, волнухи и гладыши — это губина. Их очень хорошо засаливать на зиму. И лучше, конечно, каждый сорт по отдельности. Но быва-

ют года, когда грибов мало, и тогда приходится все валить в общую кучу. Засаливать грибы лучше всего с листом княжицы и хрена — тогда они остаются твердыми и хрустящими, особенно молоденькие рыжики. Губина хороша и с картошкой и в пирогах, которые так ловко печет жена Наталья...”

Вспомнив по ходу своих рассуждений о Наталье, Венька улыбнулся. Хорошая, хорошая все же у него жена! На других мужиков помотришь — дак ведь постоянно с женами собачатся. А он на Наталью не то что руки не поднял, а и голоса ни разу за тридцать лет совместной жизни не повысил. И поэтому все у них в семье ровно и спокойно. Детей хороших вырастили, они уж отдельными семьями живут. Что Мишка, что Нинка — оба в колхозе остались. Не притянул их к себе город. По нынешним временам — это большая редкость.

Тут ветер выиграл этаким чертом, выкинул какое-то немыслимое колечко и сумел-таки забраться за воротник Венькиной фуфайки. Венька поежился и прижался поплотней к широкой опоре. Взгляд его снова соскользнул на кубари, доверху наполненные корзину.

“Возьмем, к примеру, кубарь... — привычно и плавно полилась мысль. — Сказать, что это мой любимый гриб — значит, не сказать ничего. Кубарь нужно почувствовать. И, конечно же, правильно приготовить. Кубарь, скажи, дает свой вкус только по отдельности от других грибов и обязательно чтоб отварен был в трех водах. Вот тогда это — кубарь. От одного запаха голова закружиться может. А уж на вкус — так вообще не имеет себе равных. Разве только опенок и может с ним поспорить...”

Тут Венька вспомнил сначала вкус кубаря, потом вкус опенка. Посмаковал воспоминания и вынужден был признать, что и опенок отварной тоже не хуже. У него более нежный вкус и совсем другой запах.

“Значит, и опенок — тоже любимый гриб? — спросил сам у себя Венька. — Получается, что — тоже. И что все-таки вкуснее? Опенок — гриб чистенький. Собирать его приятно. Растет на пеньках. Подойдешь, бывает, к пню или какой валежине — тут он, шельма, и сидит. Веселый такой, как веснушки на детской рожице. Облепит весь пенек сверху донизу — только собирать успевай. Отваришь его дома и сразу есть можешь. А с кубарем еще помучиться надо. Шляпка сопливенькая, с кожурой его не съешь, приходится чистить. Руки склизкие, нож постоянно выскальзывает, и пока еще всю корзину перечистишь... Но трудов таких стоит. Тем вкусней получается, когда намучаешься с ним. Значит, кубарь лучше. Так и запишем”.

В это время Венька уловил краем глаза спешащую через поле одинокую фигурку с большой корзиной на согнутой руке. Фигурка целеустремленно, чуть пригибаясь навстречу ветру, направлялась к лесу, откуда недавно выбрался он сам. Что-то показалось в фигурке знакомое. Перестав думать о грибах, Венька пытался издали опознать односельчанина. Но пока это плохо получалось. Только когда человек приблизился на достаточно близкое расстояние, Венька признал в нем сына Мишку. Увидев сидящего у опоры отца, Мишка нисколько не удивился: знал, что он встает раньше всех в деревне.

— В Угорный ходил? — издали еще прокричал он. — Как кубари?

— Все кубари уже со мной! — довольно ответил Венька. — А ты, Михаил Вениаминович, спишь долго. Али в армии не научили рано вставать?

— Дак уж сколько с той армии годов-то прошло... Набрал-то много?

Венька не без удовольствия кивнул на стоящую чуть в стороне корзину, доверху наполненную кубарями.

— Молодец! — не удержался и похвалил отца Мишка. И тут же взгляд его стал чуть растерянным. — Где выбрал такую прорву?

— Я по двум осинникам прошелся.

Сын облегченно перевел дух.

— Дак на Угоры и в березник не захаживал?

Венька отрицательно покачал головой.

— Вот и ладно! — обрадовался Мишка. — Значит, тамotka наберу. Людей-то много в лесу?

— Нет ишшо никого. А ты беги, беги — а то червяки, оне до грибов охочие, раньше тебя доберутся!

— И впрямь! — улыбнулся Мишка и заспешил по полю, но его догнал окрик отца:

— Мишка! А тебе чего больше по вкусу: кубари или опята?

Не оборачиваясь, Мишка прокричал в ответ:

— Я, батя, больше белые люблю! Дак уж отросли они!

Мишка давно скрылся в лесу, а Венька все сидел на пригретом месте.

“Ишь ты, хлюст! — не без удовольствия вспоминал он последние Мишкины слова. — Белые он больше любит... Я, наверное, белые тоже больше люблю. Когда одни белые-то нажаришь с лучком, да на молочке с коровьим маслом — за уши ведь не оттянешь от такой жарехи!”

Венька так явственно представил скворчащую сковородку с белыми грибами, что невольно зажмурился. Тут же вспомнился нежный вкус жареных. Он торопливо закурил, сглотнул голодную слюну и, подхватив корзину, заспешил к деревне.

“Белый гриб — хорош! — думал он на ходу. — Он, скажи, так уж хорош, что, пожалуй, я его всех больше люблю...”

НЕТ ТАКОГО ИМЕНИ

— Валька, с дочкой тебя! Вишь ты как, дочку вить Марья-то родила! Вся, говорят, в тебя: большая и будет...

Иванов шархнулся от принесшей такую радостную весть соседки Антонины, как черт от ладана. Даже руками замахал в испуге. А та, приписав необычное поведение соседа радости за жену, продолжала неотступно зудеть тонким комариным голосом:

— Третью вить дочку-то родила! Как назовешь-то?

— А... как хотите! — в сердцах бросил Валентин и, обогнув веселую соседку, выскочил в сени.

Там соряча схватил ковшик, зачерпнул из ведра, стоящего на лавке, воды и жадно припал сухими горячечными губами к краю ковша. Потом кинул ковш и вылез в заук. Похлопал по карманам брюк, залез в один карман, затем в другой. Потом так же проверил карманы пиджака. Шмякнул себя в сердцах по лбу и подошел к раскрытому окну кухни. Схватил с подоконника небрежно надорванную пачку папирос и коробок спичек. Прикурил, ломая спички, и без сил сел на лавочку возле палисадника.

Такому нервному состоянию Валентина Иванова имелась только одна причина: они с Марией ждали сына. И по всем приметам выходило, что будет сын. Уж и к бабкам хаживали, и врачиха в амбулатории то же самое сказала, а вот поди ж ты... Третья дочка.

“Солить мне их, что ли? — с тоской думал Валентин, затыгиваясь так сильно, что с папиросы даже сыпались искры. — Что с таким выводком и делать-то? Ровно грибы после дождя лезут. И все, скажи, девки. Штампует она их буде?”

Из избы степенно вышла Антонина.

— Нет такого имени!

— Какого — такого? — не понял Валентин, с трудом выныривая из плена своих невеселых думок.

— Ну, ты сам сказал — “Как хотите”. А такого имени нет. Есть, к примеру, Маша, Даша, Глаша, Наташа...

— Да подите вы все! — в сердцах сплюнул Валентин. — Кругом одни бабы. Видно, у бога шибко худое настроение было, когда вас придумал. Уйди по-хорошему!

Антонина пожала губы и снова ушла в избу. Вскоре там раздалась веселая беготня: соседка разбудила Вальку и Нинку — старших дочерей Валентина. Пока Мария находилась в роддоме, Антонина взяла на себя труд помогать по хозяйству соседу. Быстро обрядившись, накормив и выгнав гулять девчонок, она легкой ногой убежала к себе домой. Иванов все так же безучастно смотрел в землю. Как уж они с Машей пятнадцать лет назад ждали

сына! И даже имя ему заранее заготовили — Валентин. Как и у него, значит. А родилась девчонка. С горя даже имя менять не стали. Дочка и дочка, тоже неплохо.

Восемь лет назад с именем уже не спешили, боясь испугать судьбу. А родилась Нинка. Другой бы на месте Валентина смирился, но он решил вновь попытать счастья. И вот оно привалило полной меркой — третья дочка! Валька-то большая уже совсем — восьмой заканчивает. И ведь что удумала? На токаря пойти выучиться. Откуда у нее такое желание возникло? Наверняка в школе настропалили. Отродясь у них в роду никаких токарей не было. И слыхом про токарей не слыхивали. Все возле земли терлись. Испокон веку в Бессолове жили. Деревня небольшая и на отшибе. Какие уж тут токари? Разве что кузница была на подороге между Бессоловым и Герасимовым. А кузнецы всё сплошь здоровенные мужики. Валька же все талдычит про НТР какую-то. Вроде как революция научно-техническая. Нет бы, медицинскую революцию устроили. Захотел сына — пожалуйста, нате вам сына. И еще приходите, завсегда рады!.. Нет бы, на швею выучилась или на ферму шла работать. А то — на токаря!

Валентин даже сплюнул с досады. Снова полез в карман за папиросами. И опять вспомнил, что папиросы — вот они, на лавочке и лежат. Тяжело вздохнул и прикурил. На этот раз получилось куда спокойнее — с первой спички. А на улице вовсю разошлось солнышко. Начало мая. Все деревья возле дома укутала нежная паутина зелени. Вон тянутся ввысь две березки: одну посадили после рождения Валентины, а вторую — уж когда Нинушка родилась. Теперь придется сажать и третью. Для Иринки. Валентин даже закашлялся от неожиданности. Откуда-то пришло к нему это имя — Иринка, да и все тут. Ну, и пусть будет Иринка. Ирина Валентиновна. Хорошее имя. Пусть будет...

В это время за соседским палисадником раздался звонкий голос Антонины:

— Куды лыжи наострил, постреленок? Да и почто дедов пинжак-то напялил?

После непродолжительного молчания раздался уверенный басовитый голосок:

— Я к Валентину гулять пошел! А пинжак для красоты.

Валентин против воли улыбнулся: на этот раз к нему в гости собирался придти Антонин Вовка — пятилетний, вечно сопливый карапуз. Пусть приходит. Сколько их, таких вот пятилетних или семилетних, а порой даже и трехлетних, перебывало у него в гостях. И все почему-то объясняли своим мамкам и папкам, что идут “гулять к Валентину”. Очень уж, видно, малышей притягивало это веселое и праздничное имя. Ну и, конечно, сам Иванов. Он никого не отпускал без какого-нибудь подарка: тому смастерит машинку, этому — трактор, а третьему — пистолет. Да, не хватало ему своего сына, страсть как не хватало...

Немного погода распахнулась калитка, и в заук уверенно прошагал Вовка. Уже босой, несмотря на начало мая, в вельветовой кепке и старом дедовом пиджаке, полы которого болтались у него гораздо ниже колен. Тем не менее, все пуговицы были застегнуты. Ну и, естественно, рук тоже не было видно, потому что рукава были явно длинноваты. Но Вовку это нисколько не смущало. Сохраняя полную серьезность на своей веснушчатой физиономии, он подошел к Валентину, с трудом выпростал ладошку из-под рукава и подал ее соседу.

— Здравствуй!

— Здравствуй и ты! — благодушно улыбнулся Иванов и осторожно пожимал пухлую Вовкину ладошку.

— Ты мне, Валентин, такую же лошадку сделай, как даве Витьке Корзункову смастерил. Он мне хвалился уже. Вот.

— Смастерю, — согласился Иванов, — только ты уж мне помочь должен. Договорились?

— А Витька тебе помогал? — осторожно поинтересовался Вовка.

— Помогал, а как же!

— Ну, тогда и я помогу. Чего делать надо?

Валентин оглянулся.

— Вон, видишь, голик стоит возле крыльца? Ну так и волок его сюда.

Вовка, гордый возложенной на него задачей, пулей метнулся к крыльцу. Но сразу и запутался в полах пиджака. И, конечно, упал. Кое-как поднялся и уже более степенно поковылял к крыльцу. Взял голик и отнес его Валентину, который уже нарвал длинной травы из-под скамейки и успел скрутить ее в тугую колбаску.

— Вот и славно! — похвалил он Вовку и, взяв у него голик, выдернул из него одну вицу.

Затем вставил вицу в колбаску из травы. Достал из кармана бечевку.

— Подержи-ка! — попросил он мальчугана и подал ему траву и вицу.

Быстро перевязал бечевкой самый кончик колбаски. Вышло: морда. Отступил несколько сантиметров и снова сделал узел. Получилась шея. Обломил вицу, оставив небольшой кончик. Отложил в сторону. Снова нарвал травы, на этот раз уже побольше. Теперь скрутил ее в тугое яйцо, оставив несколько метелочек на заостренном его конце. Перевязал и эти метелочки, которые должны были служить хвостом лошади. Затем взял колбаску и обломил вицу, всунутую в траву. Но не до конца. Голова лошади встала под нужным углом. Воткнул колбаску в яйцо. Наломал из остатков вицы четыре коротких палочки и ловко всадил их в тело лошади. Поставил готовую игрушку на ноги.

— Пользуйся, Владимир!

Вовка в немом восхищении смотрел на лошадку. Буквально две минуты назад на скамейке ничего не было. А теперь стоит лошадь. Да и какая! Лучше даже, чем у Витьки Корзункова. Утерев сопли рукавом пиджака, он опять с трудом вытащил ладошку и, схватив лошадку, бегом помчался из заука. Видимо, чтобы побыстрее похвастаться перед Витькой.

— Эй, гвардия! — окликнул его Валентин. — А где спасибо?

— Спасибо! — прокричал Вовка и выскочил за калитку — только его и видели.

— На здоровье... — улыбнулся Иванов.

Потом неожиданно схватился за голову.

— Что же это я? У меня Марья вон Иринку родила, а я тут прохлаждаюсь... Непорядок!

Забежав в дом, он быстро покидал в сумку несколько вареных картофелин и яиц, сунул туда же краюху хлеба и выскочил на улицу.

— Я в больницу — Марью забирать! — крикнул он на ходу копавшейся в огороде Антонине.

Та, приложив козырьком ладонь к глазам, с улыбкой посмотрела вслед убегающему Валентину. А тот, выбежав за околицу, приостановил свою прыть и пошел быстрым шагом спешащего по очень важному делу человека.

— До Герасимова два километра, — на ходу бормотал он, — да до Покровского столько же, а там уже и Великий Двор видать будет. Ничего-о, доберемся как-нибудь. Заберем Марью-то с Иринкой. За-бере-ом... Да где-нибудь еще по дороге одуванчиков нарвать надо. Славные об эту пору одуванчики-то. Большие... А девчонка будет Иринкой. А то, ишь ты, Антонина чего удумала: “Как хотите!” Нет такого имени!

ГРОЗА

Деревня издали и так-то казалась низкой и пришибленной, а сейчас она и вовсе прижалась к земле, словно прося у нее защиты. Над домами нависла густая вязкая тишина. Негромко скрипнув калиткой, я не спеша вышел в заук. Там, на столе, когда-то сработанном старшим братом, сидел племянник Андрюшка и задумчиво смотрел в небо. Ветер трепал его светлые, выгоревшие за каникулы волосы.

— Скамейки мало? — поинтересовался я и, подпрыгнув, сел рядом с ним.

— На столе интереснее, — отозвался племянник, не отрывая взгляд от неба.

Я не торопясь достал сигарету, размял ее и, закрывшись от ветра, прикурил.

— Ворон считаешь?

— Ну... — отозвался Андрюшка.

Меня начало разбирать любопытство. Обычно словоохотливый племянник на этот раз “молчал как рыба об лед” — по его же собственному определению. Я повнимательней взглянул на запад, куда, вот уже в течение нескольких минут, усердно паялился Андрюшка. А посмотреть там, действительно, было на что. Почти осязаемые серые ветры, словно змеи, свивались в гигантские клубки и шевелились волосами мифической Горгоны. Тучи маршировали по небу, как на параде, подходя все ближе и ближе. А на самом краю горизонта клубилась какая-то черная взвесь, вселяя в душу неопределенную тревогу. Время от времени ветер огромной лапой отрывал от нее солидные куски и яростно швырял их в kloчочущий и бурлящий кисель туч. Тучи от этого прямо на глазах становились все чернее.

— Круто! — наконец нарушил молчание Андрюшка.

Я невольно поежился — то ли от сказанного племянником, то ли от порыва ветра, забравшегося мне под рубаху. Быстро темнело.

— Птицы перестали... — опять подал голос Андрюшка.

Я ничего не ответил и, затянувшись последний раз, сильно выщелкнул окурок далеко в огород. Рассыпая под ветром целые снопы искр, он по плавной дуге мягко приземлился где-то за теплицей.

— Хорошо, что не на пленку попало, — по достоинству оценив полет окурка, наконец-то разговорился племянник. — А то бы от бабушки влетело.

— Не влетело бы, — успокоил я его. — Через час тут такое будет творится... Вон ветрище какой — всю пленку с рам посрывает.

— А может, и не посрывает...

Странно было наблюдать такое философское спокойствие у тринадцатилетнего паренка. И вообще, Андрюшка меня сегодня положительно удивлял. Еще днем, когда мы с ним ходили купаться на речку, к его ноге присосалась жирная пиявка. Но, вместо того, чтобы бегать с криком по берегу, что, скорее всего, сделало бы большинство из его сверстников, он спокойно дождался, пока я не прижег пиявку зажигалкой, и она не отвалилась. На ноге осталась аккуратная ранка, на которую он тут же прилепил лист подорожника.

И сейчас он сохранял то же спокойствие перед лицом надвигающейся стихии. А ветер, меж тем, разыгрался не на шутку. С каким-то остервенением он оторвал изрядный кусок рубероида с крыши соседней нежилой избы и подкинул его высоко в небо, превратив в зловещую черную птицу, которая, тяжело кувыркаясь, полетела к лесу. За ручьем в огороде тягуче скрипели замшелые ольхи, словно жалуясь кому-то на свою затянувшуюся старость.

— Не выдержать им, — вслух подумал Андрюшка, — сломаются.

— Пожалуй, — согласился я. — А там, глядишь, и работенка на завтра будет — попилим и поколем...

Тут ветер дунул с такой силой, что с головы племянника сорвало джинсовую панаму и потащило ее по траве заука. Андрюшка, вскрикнув, соскочил со стола и, пригнувшись к земле, пустился в погоню. Мне же в спину ударили первые тяжелые капли дождя...

Через пять минут мы сидели за столом возле уютно пыхтящего самовара и пили чай с бутербродами. Электрический свет не зажигали, так как бабушка перед грозой выкрутила все пробки — чтобы не залетела молния. Поэтому сидели впотьмах, как при царе Горохе. За окном грохотало, ревело и чем-то шаркало по стеклам. Наконец блеснула молния, выхватив из потемок блестящий бок самовара и в нем вытянутое, с приоткрытым ртом, лицо Андрюшки.

— Ба, да никак ты боишься? — удивился я.

— Вовсе и не боюсь, — тихо постукивая зубами, отозвался Андрюшка. — Вон на той неделе мы с Димоном в такую грозу на реке попали... Мокрые все пришли.

Я с невольной улыбкой подумал о том, что в его возрасте небольшая речушка Комёла, конечно же, кажется рекой, а тот хиленький десятиминутный дождичек в их рассказах перерос в грозу.

— Ну, Андрей, держись, — рассмеялся я, — сегодня ночью будет либо шторм, либо конец света!

— Что и мелешь-то... — напустилась на меня мама. — Совсем парня запугал. Иди-ка, внучек, на печку. Да и укройся фуфайкой-то с головой. Глядишь — и уснешь.

Она слегка приобняла его и начала подталкивать к печи. Андрюшка безропотно залез на теплые кирпичи и дал бабушке набросить на себя фуфайку. Я же подсел к окну, закурил и стал наблюдать за тем, что творилось на улице. Тучи в небе сшибались с таким оглушительным грохотом, что просто закладывало уши. Молнии свергали одна за одной, высвечивая неистово переливающиеся ртутью толстые ноги дождя. При одном, особенно страшном, ударе грома Андрюшка, тихо взвизгнув, сполз с печки и, словно большая кошка, проворно метнулся под кровать.

— Что, там лучше? — поинтересовался я.

— По-про-хладней... — донесся из-под кровати приглушенный ответ.

— Ну ладно, коли так, — согласился я и снова начал смотреть в окно. Гроза бушевала еще минут сорок. Я сидел, как завороченный, никаких мыслей в голове не было: я весь отдался величию этой небывалой грозы. Мне казалось, что я растворился в ней, стал ее частью. Тело было легким и неподъемным одновременно. Как это здорово, когда в голове нет никаких мыслей! Осторожно, словно новорожденный, постигаешь мир ощущениями, и время от времени, откуда-то из района солнечного сплетения, подступает к горлу холодный комок восторга. Все расплывается перед глазами, и постепенно возникает одно большое чувство — радость, что ты просто есть. Радость, что ты малая доля этой жизни, этой необузданной первобытной стихии. Нет, тогда я не жил настоящим. Я был прошлым и будущим одновременно...

Но вдруг все резко кончилось. Я ощутил себя сидящим у раскрытого окна, а по моей занемевшей руке, протянутой ладонью вверх, лупили холодные струи уходящего дождя. Я встал, потянулся с хрустом в позвоночнике и, медленно приходя в себя, оглянулся. В избе чуть посветлело.

— Андрюшка, вылезай! Чайку поьем...

Никто не отозвался: мама, видимо, давно ушла спать в горницу, а Андрюшка...

— А где же Андрюшка? — громко спросил я, вкручивая пробки и включая свет.

Подожел к кровати, откинул полог и заглянул под нее. Предусмотрительный племянник, убегая с печки, не забыл прихватить с собой пару фуфаяк и теперь мирно спал на одной из них, другой укрывшись вместо одеяла.

— Ну и пусть спит, — решил я. — В избе тепло — не замерзнет.

Я пил поостывший уже чай и думал о том, как завтра все станут обсуждать эту небывалую грозу и дружно ругать ее за нанесенный ущерб. В том, что гроза уже накуролесила немало — я даже не сомневался. Но это будет завтра. А пока я сидел за остывшей чашкой чая и пытался вернуть себе то ощущение, которым я был охвачен всего полчаса назад.

Минут через пять с грустью понял, что вряд ли его верну. Встал, закурил и вышел во двор. Дождь уже кончился. Я стоял, прислонившись к промокшим доскам забора, и смотрел вслед уходящей грозе.

ПОЭЗИЯ

Двенадцатого июля 2010 года в редакцию пришла бандероль со стихотворениями и письмом, в котором Владимир Макаров, омский поэт и наш постоянный автор, писал: "Сердечный привет и поклон славному коллективу нашего любимого журнала от меня и многих омичей, которые с нами вместе... Высылаю новые стихи, надеюсь на Ваше внимание". А 20 июля Владимира Александровича не стало. Он был прекрасным врачом, истинным поэтом, тонким знатоком и поклонником классической музыки, настоящим русским интеллигентом и патриотом России. В последних его стихах явственны глубокие пророческие прозрения. Как же много талантливых поэтов в России! Вечная ему память.

ВЛАДИМИР МАКАРОВ

БЕССМЕРТНЫЙ ШУМ БЕРЕЗ...

* * *

Жизнь с ее непостоянством
Изменяет всех вокруг.
Поэтическим кумпанством
Мы и держимся, мой друг.

На раздраи невзирая,
Что объяли весь народ,
Трудимся, натурой зная,
Что случится наперед.

МАКАРОВ Владимир Александрович родился в селе Большеречье Омской области в 1938 году. Работал на пристани, а также в районной газете. Окончил Омский медицинский институт. По профессии детский врач. Кандидат медицинских наук. Автор двенадцати сборников стихов. Член Союза писателей России.

И одна грызет забота —
Мысли нынче нележки —
Зря нас сбросили со счета,
Записав всех в чудачки.

Выдадим строкой нелживой —
Скажем, только нас спроси,
Не одной валютой живы
Люди на святой Руси.

Деньги счастья не приносят,
Им в веках придет конец.
А Всевышний превозносит
Доброту людских сердец.

* * *

Добра и широка
Душа моей России.
И, видя ясный свет
Прекрасного лица,
Немало пышных слов
О ней произносили,
Божились дружбой с ней
До самого конца.

Да вот беда — божба
Подчас была притворной,
И клятвы вместе быть
Давались не всерьез,
О чем предупреждал
Могучих, непокорных,
Простых сынов ее
Вершинный шум берез.

Знал этот древний шум
Нашествие Батыя,
Ливонскую “свинью”,
Французов мерный строй.
Да разве всех сочтешь
Врагов твоих, Россия,
Что смерть тебе несли.
В веках любой порой.

И шум не утихал,
Звучал с тревожной силой
Во всех краях Руси,
На всем ее пути.
Казалось деревьям,
Как дочерям России,
Что дружный шум беду
Поможет отвести.

И нынче слышен он,
Волшебный шум древесный,
Хоть в инее стволы,
Хоть зелена листва,
И чем-то он сродни
Молитве неизвестной,

Да утеряли мы
Священные слова...

Спасите отчий край
От дикой распродажи,
Храните кров родной
От дьявольских угроз,
Чтобы всегда шумел
Над головою вашей
Вершинный шум берез —
Бессмертный шум берез!

* * *

Чернело пасмурное небо,
Но прояснело чуть вдали.
Для нас как не было, так нету
Роднее неба и земли.

Но кто-то в мире забывает,
Хлеб разворованный деля,
Что музыку нам навевает
Всё то же — небо и земля.

Сменились облака местами,
А часть из них ушла в распыл.
И, медленно качнув бортами,
Корабль мелодии поплыл.

ЗНАХАРЬ

Меня, мальчика, с утра зимою
В Михайловку повез отец.
Скрипели сани, под дугою
Пел одинокий бубенец.

Вся в инее была лошадка.
Терялся в елях чистый звон.
Мне под тулупом было сладко
Досматривать домашний сон.

Врач непонятные болезни
Нашел, и на исходе дня
Отец решил: всего полезней
В Михайловку свозить меня.

Всей области известный лекарь
Там жил, хотя не медик был,
В симптомах, видно, не кумекал,
Но травником отменным слыл.

Он был и сеятель, и пахарь,
Знал цену хлебу и овсу,
Но был к тому же сельский знахарь,
Округу пользовавший всю.

Таких поездок было три.
И вот я, мальчик, не болею,

И на лицо я стал круглее,
И стало легче мне внутри.

Не знаю я, скажу вам, право,
Методика чем хороша,
Где заговоры лишь да травы,
Да знахаря того душа.

Прошло десятилетье с гаком,
Я сам с годами стал врачом.
Но, знахарским спасенный знаком,
Мне был тот опыт нипочем.

К чему ж я вспомнил давний случай?
Я в деле был — больных лечил,
Но опыт тот загадкой мучил,
Тот, что я в детстве получил...

Я дома прикрываю веки,
Готовлюсь к вожделенным снам —
Какие силы в человеке
Доселе недоступны нам?

Чего не поняла наука?
О чем умалчивает речь?
Ведь знахарство отнюдь не штука,
Которой можно пренебречь.

И, как поэт о нежной Музе
Мечтает, чтоб явилась вдруг,
Так мы мечтаем о союзе
Народных знаний и наук.

Для нас нет лучшей в мире доли —
Болезни победить навек.
Пусть всё, конечно, в Божьей воле,
Но и не раб — сам человек!

ПЕРЕД ВТОРЫМ ПОТОПОМ

Матушка, Ее Величество —
Всемогущая Природа
Грозное электричество
Посылает с небосвода.

Ослепительные молнии,
Их гигантские зигзаги
О возмездии напомнили
В яви, а не на бумаге.

Вроде и не мать, а мачеха —
Дикой, несусветной силой
Там в лесу убила мальчика,
Там этаж разворотила.

Океанские трагедии —
Тысячи невинных трупов
Люди лишь на миг заметили
Памятью своею глупой.

И опять — за развлечения
В убежденье непреклонном,
Что грядущие мучения
Переадресуют клонам.

Слайды, голограммы, табели
Свирепеют год от года —
Люди скопом испохабили
Все, что создано Природой.

Так какую же молитвою
Улестить ее — кто скажет?
Или новой страшной битвою
Нас она сама накажет?..

* * *

Одиночеством тянет
За версту от меня,
Но душа не устанет
Жить до крайнего дня,
Ждать не чуда какого
И не дружбы какой.
Объяснит мне толково,
Что такое “покой”.
Можно жить одиноким,
Объяснит мне она,
Что нелегкие сроки
Тоже тянет одна,
Но не стонет, не ноет
В незавидной судьбе.
Так живи с ней одною,
Станет легче тебе.
И не вздумай измены
Ей устроить хоть раз,
С ней живи непременно
Каждый миг, каждый час.
Одолеее вместе
Одиночества муть,
Захотите и песню
Как-нибудь затянуть
Про рябину-калину,
Про речные пески,
И напев тот старинный
Вас спасет от тоски...

VIA DOLOROSA

В солнечной Италии, в стране —
Территории земного рая —
Люди польхают, как в огне,
От страстей немислимых сгорая.

Множатся и днем, и в час ночной
Яркие любовные моменты,
И дурманит песня под луной
Все, что движется, — “Вернись в Сорренто!”

И в Сибири мне она близка
Та страна — от Данте до Феллини,
Южной музыкою языка
Согреваюсь я в январской стыни.

Лилии, магнолии и розы,
Не земля — один сплошной букет.
Отчего же *via dolorosa*
Пусть земной зовут здесь с древних лет?

Via dolorosa — путь печали,
Пусть страданий и дорога слез...
Может, так ее повеличали
Римляне когда-то не всерьез.

Но словами этими не шутят
И умеют имена давать
Люди всех племен, чья жизнь, по сути —
Via dolorosa, что скрывать.

А краса пылающих соцветий
И стихов и песен красота —
Нам в подмогу, чтоб нести по свету
Легче ношу своего креста.

Всё же
италийские края
С их святынями — как Божью милость,
Может быть, с небес и узрю я,
Коль при жизни видеть не случилось.

* * *

Я смерти не боюсь, дойдя до края.
Мне некого встречать и провожать.
И мне не страшно, мать — земля сырая,
С ушедшими в одном ряду лежать.

Настанет день такой и час такой,
Когда неслышанным доселе словом
Нас очарует сладостный покой
И соблазнит подобьем жизни новой.

И позабудутся в тот самый час,
Как после процедур анестезийных,
Небесный цвет любимых женских глаз,
Берез сиянье и поля озимых.

Но — главное! — останется душа,
Она в тебе страдание разбудит,
О том, что жизнь была так хороша
И в будущем, пожалуй, лучше будет.

Вот почему оставшиеся дни
Дороже, краше серебра и злата.
И горечь глубже спрячь, что и они
Окончатся, совсем уйдут куда-то.

СЕРГЕЙ КУНЯЕВ

“ТЫ, ЖГУЧИЙ ОТПРЫСК АВВАКУМА...”

Глава 17. Коммуна и лежанка

6 апреля вытегорская газета “Известия” сообщала о собрании жителей города. Повестка дня насчитывала несколько пунктов: декрет об отделении церкви от государства, постановление Губернского Совдепа о переходе золота, серебра и изделий из них в общенародное достояние, распоряжение Священного Синода по поводу отобрания у церквей и учреждений духовного ведомства земли и других имуществ, о материальном обеспечении местного духовенства и другие текущие дела.

И в первую очередь зачитались 17 пунктов декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви.

Переполненное здание женской гимназии пронизывали токи ярости, недоумения, возмущения.

– Нам нужны церкви! Нам необходимы батюшки! – отчаянные вопли женщин заглушали речи казенных ораторов.

Корреспондент выражал недовольство тем, что “смешиваются понятия: храм, здание с церковью – обществом верующих”. Он утверждал, что “согласно декрета никто не покушается на храмы – церковь...” Все эти разъяснения не произвели на собравшихся ни малейшего впечатления.

“После краткой речи тов. Леонтьева, пытавшегося отождествить право **церкви**, как юридического лица, с таковым же правом **союза** потребителей, собрание, усматривая умаление значения церкви, настолько наэлектризовывается, что продолжительное время стоит гам и шум, как это бывает на многочисленных митингах, где большинство не знает друг друга, встречается только впервые, где понятен подобный взрыв страстей; здесь же столь острое выявление чувств было и неуместно, и даже вредно для дела церкви, на что и было справедливо указано о. Марковым, внесшим своим выступлением некоторое успокоение...”

Никакого “успокоения” не возникло и в помине. Более того, выступления очередных ораторов вызвали новый накал страстей.

“Оглашается известное выступление патриарха Тихона. Товарищ Клементьев, член Вытегорского Совдепа, пытается прочитать приговор нескольких волостей крестьян Самарской губернии на это послание...” А текст патриаршего послания, распространившегося по всей России с начала года, просто прочитанный вслух, сам по себе был способен накалить атмосферу до такой

Продолжение. Начало в № 1–11 за 2009 год, № 1–3, 6, 7 за 2010 год.

степени, что с собранием уже не смог бы справиться ни один – пусть самый опытный и волевой – оратор.

“Тяжелое время переживает ныне Святая Православная Церковь Христова в Русской земле: гонения воздвигли на истину Христову явные и тайные враги ее истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово и вместо любви христианской всюду сеять семена злобы, ненависти и братоубийственной брани...”

Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной...

Зовем всех верующих и верных чад Церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери нашей”.

И тут же, после чтения “приговора крестьян Самарской губернии”, как передал корреспондент газеты молодой поэт Сергей Ручьев – “опять митинг – и митинг беспорядочный. “Долой, вон, убирайся, не надо нам читать газету...” Под общий шум, даже не приступив к оглашению приговора, тов. Клементьев покидает трибуну.

Такой же прием оказывается вначале товарищу Николаевскому, члену Вытегорского Совдепа, но тов. Николаевский заставил собрание выслушать себя и, при некотором шуме, в течение получасовой речи доказывал целесообразность (закона) об отделении церкви от государства. Отделяясь, церковь становится свободной и вольна молиться или нет за царя, за разных Питиримов и проч., может не молиться и за тех, кто волею истории стоит у власти. Свободно верующий христианин все принимает на алтарь церкви. Церкви нужен живой дух, да она и есть – сама любовь и, только будучи несвободной, она могла иметь в своей среде Питиримов, Протопоповых, Распутиных и проч.”

Особо значимо здесь упоминание митрополита Петроградского Питирима, арестованного 2 марта 1917 года вместе с царскими министрами и уволенного 6 марта того же года на покой Постановлением Св. Синода. Он был одним из немногих в священноначалии, сохранивших верность Царскому Дому, наравне с о. Иоанном Восторговым, архиепископом Харьковским и Ахтырским Антонием, епископом Тобольским и Сибирским Гермогеном, епископом Камчатским Нестором, архиепископом Литовским Тихоном – будущим Патриархом... Почти все из упомянутых были также отправлены на покой – Синод избавлялся от “реакционного духовенства”, принимая в то же время приветственные послания от епархий новому строю и “новой эры в жизни церкви”... “Из Лабинской. Вздохнув облегченно по случаю дарования Церкви свободы, собрание священно-церковнослужителей принимает новый строй...”, “Духовенство города Екатеринодара выражает свою радость в наступлении новой эры в жизни Православной Церкви...”, “Тульское духовенство в тесном единении с мирянами, собравшись на свой первый свободный епархиальный съезд, считает своим долгом выразить твердую уверенность, что Православная Церковь возвратится новой жизни на началах свободы и соборности...”

Пройдет год – и жестокие мучения и смерть настигнет как большинство из немногих оставшихся верными Престолу “церковных реакционеров”, так и представителей “прогрессивного духовенства”, избавлявшихся от “обскурантов” в своих рядах. В марте 1918-го священника станицы Усть-Лабинской Михаила Лисицына перед тем, как зарубить, водили меж домов с петлей на шее. В Пасху того же года священника Иоанна Пригоровского станицы Незамаевской Екатеринодарской губернии живого закопали в навозной яме, перед этим выколол ему глаза и отрезав язык и уши. А в Туле той же весной крестный ход был расстрелян из пулеметов...

О. Иоанн Восторгов будет расстрелян 5 сентября после совершения в московском храме Василия Блаженного молебнов над святыми мощами “от жидов умученного” младенца Гавриила. Он спокойно подошел к вырытой могиле и после общей молитвы вместе со всеми приговоренными призвал всех с верою в милосердие Божие и скорое возрождение Родины принести испугательную жертву.

За месяц с небольшим до этого Совнарком издал закон об антисемитизме, предписывавший, в частности, следующее: “Принять решительные меры к пресечению антисемитского движения. Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить вне закона”.

Понятно, что молебен над святыми мощами младенца Гавриила был квалифицирован новой властью именно как погромная агитация.

Но вернемся в деревянную “сонную” Вытегру.

...— Нет среди нас гонителей церкви, как свободного общества, — вещал товарищ Николаевский. — Мы только хотим, чтобы свет евангельской истины не омрачался мракобесами...

Верил ли он сам в то, о чем говорил? Безусловно, верил. Как и многие из собравшихся верили в то, что с революцией пришел в Россию “свет евангельской истины”. Многим еще предстояло удостовериться — как к свету относится новая власть.

Собрания и митинги в провинциальном городке следовали один за другим. Следующий был посвящен “борьбе с обывательщиной”, на котором председатель президиума исполкома Вытегорского совета товарищ Мехнецов произнес зажигательнейшую речь:

— Товарищи, помогайте же вашей власти дружной работой устроить продовольственную разруху (эта жуткая оговорка попала в газетный отчет — Мехнецов хотел сказать “устранить”, но в эмоциональном запале произнес то, что произнес. — **С. К.**), помогайте вашей власти вести борьбу со спекуляцией... Помните, что вы должны быть хотя бы в душе красноармейцами Свободы. Будьте все строителями новой России и проповедниками Свободы! Пусть заря лучшей жизни встает над страной, заря светлая, мощная и радостная, при которой легче будет дышать!.. Перестанем быть обывателями, будем гражданами!

Но преобразование “обывателей” в “граждан” шло чересчур туго, свидетельством чему был отчет на соседней с выступлением т. Мехнецова газетной странице о побоище “на почве пользования лесом в даче бывшей помещицы Бельской” между гражданами Тихмангской и Ухотской волостей, “в результате которого убиты 2 и нанесены тяжкие раны 3 лицам. По распоряжению уголовной следственной комиссии виновные отданы на поруки. Дело будет направлено в Окружной Народный Суд”.

А 1 мая “Известия Олонецкого губернского исполкома” поместили чрезвычайно интересный “анонс” предстоящего мероприятия. Речь шла о вечере коммунистов-большевиков.

“Вытегорский Комитет Российской Коммунистической партии (большевиков) скоро устраивает вечер, посвященный Карлу Марксу.

Широко поставленная программа, участие на вечере такого известного поэта, как т. Николай Клюев, — безусловно должно привлечь на вечер не только широкие пролетарские массы города, но всех интеллигентов.

Как заключительный аккорд, в 3-м отделении будет поставлена чудная революционная пьеса т. Николая Клюева “Красная Пасха” — эта песнь Мщения, Скорби, песнь проклятия тем, кто предаст социалистическую революцию...

Эта пьеса, алмазная жемчужина, такая сильная, захватывающая за живое, потрясающая глубиной красочной мысли, — вылилась на бумагу. Кажется, только ради вечера, и нам, Вытегорам, выпало великое счастье первыми увидеть ее у себя, — на вечере коммунистов-большевиков.

Кроме того т. Николай Клюев скажет “малое слово от уст брата большевика “На пороге счастья и вечности” и прочтет несколько великолепных стихов из книги “Красный звон”.

Мы очень привыкли, если так можно выразиться, к “народнодомскому” искусству, что вечер коммунистов, независимо от того, как пройдут остальные №№ программы, — по одному тому, что на вечере примет участие т. Николай Клюев и будет разыграна его “Красная Пасха”, несомненно оставит на всех, кто будет присутствовать, неизгладимые впечатления”.

В этой заметке обращают на себя внимание два сообщения: упоминание о неизвестных нам клюевских текстах — пьесе “Красная Пасха” и речи под названием “На пороге счастья и вечности” — и свидетельство того, что эту речь Клюев произносит, как “малое слово от уст брата большевика”.

“Я не большевик и не левый революционер”, — еще недавно писал он Миролюбову. При всей духовной тяге и человеческой симпатии, связывавшей его с отдельными левыми эсерами — прежде всего, с Марией Спиридоновой, модельные иконки с изображением которой — наподобие Богородицы — он держал в руках еще во время бунтов 1905 года, а в начале 1917-го публиковал с посвящением ей свое старое стихотворение “Есть на свете край обширный...” — он не чувствовал себя связанным с партией идейно. Его тоска, действительно,

была тоской “об Опоньском царстве на Белых Водах” – и ближе всех он ощущал себе именно Ленина, в ком чувствовал “керженский дух”... Но “дух” – это одно, а партия с ее дисциплиной и уставом – нечто другое... Другое?

А вот здесь-то для Клюева не было разграничительной линии. Написав посвящение Ленину, он сознательно принял решение о вступлении в новый “монастырь”, дух которого, по его представлению, соответствовал духу Древней Святой Руси. Это при том, что в Олонецкой губернии наибольшей популярностью пользовались как раз левые эсеры, победившие на губернских выборах в июне 1918-го... Вытегорский уезд, правда, представлял собой некое исключение. Из 15 членов уездного исполкома 11 были большевиками и только 4 – левыми эсерами, а родной брат поэта Петр Клюев был утвержден заведующим Вытегорской почтово-телеграфной конторы распоряжением комиссара Мурманского почтово-телеграфного округа. После разгрома левых эсеров 6 июля он, уже назначенный комиссаром почт и телеграфов, на заседании исполкома объявил, что “признает платформу Советской власти и одобряет политику Совета народных комиссаров”.

Николай Клюев свой выбор сделал до 6 июля. И ведь до сих пор говорится и пишется о нем, как “игравшем” сначала в “крестьянского поэта”, потом в “большевика”... Но этот выбор в то время был не “игровым”, а смертным – в полном смысле этого слова. После него – отступления не было.

Жаль, что невозможно сейчас прочесть заявления Клюева в РКП(б), как и узнать – кто давал ему рекомендацию и в каких выражениях... Есенин, написавший в июне того же 1918-го “Иорданскую голубицу” (“Небо – как колокол, месяц – язык, мать моя родина, я – большевик. Ради вселенского братства людей радуюсь песней я смерти твоей”), где “большевик”, признающийся в своем “большевизме” с отчетливо слышимым вздохом неожиданности свершившегося, видит грядущую Россию ничего общего не имеющей с собственно большевистской программой (“Вижу вас, злачные нивы с стадом буланых коней, с дудкой пастушеской в ивах бродит апостол Андрей. И, полная боли и гнева, там, на окраине села, Мати Пречистая Дева розгой стегаёт осла”) – принес через некоторое время в виде “заявления в партию” поэму “Небесный барабанщик”, на которой бестрепетная рука столичного большевика вывела свою “рекомендацию”: “Нескладная чепуха. Не пойдет”. У Клюева – пошло. И есть большой соблазн предположить, что в качестве заявления он принес свою “Марсельезу”, то бишь “Красную песню” (“Богородица наша, земляца...”) и “Есть в Ленине керженский дух...” И был не просто принят местными большевиками – но принят с распростертыми объятиями.

Культурные, образованные люди в партии были наперечет. А обретение такого, как Николай Клюев, было подобно для местного исполкома обретению невиданного сокровища.

О пьесе “Красная Пасха” мы можем судить лишь по газетным отчетам – тем более интересно вчитаться в их пышущие эмоциями и трогательные в первобытной стилистической неграмотности и смысловой обнаженности строчки.

“Вечер памяти Карла Маркса

...На вечере выступил – первый раз у нас в городе – т. Н. Клюев, наш близко-родной поэт-коммунист, певец перезвонов сосен милой Олонии...

Во вступительном слове С. Ручьев рассказал биографию К. Маркса, т. П. Ваксберг познакомил присутствующих с коммунизмом, т. М. Мехнецов в горячей речи сказал о том, что царствие коммунизма придет и царствию его не будет конца, а т. Н. Клюев, встреченный громом аплодисментов, произнес “малое слово от уст брата-большевика” – “На пороге Счастья и Вечности”.

В 3-м отделении Вытегоры первыми увидели полную глубоких символов революционную пьесу т. Н. Клюева – “Красную Пасху”...

Пьеса заканчивается торжественным пением рабочих “Христос Воскресе из Мертвых!..”

С этой песнью радости народной Пасхи разошлись по домам те, кто искал, но не нашел на трудовом вечере большевиков того, о чем часто приходится слышать на всех углах и закоулках в сплетнях про большевиков-коммунистов”.

В тех же “Известиях Олонецкого губенского исполкома” поэт Александр Богданов, печатая большую статью о Клюеве “Пророк нечаянной радости”, уделил место и “Красной Пасхе”.

“Пьеса вызвала много разных противоречивых толков. Священник С. Марков с церковной кафедры назвал пьесу “Кровавой Пасхой”, небывалым кощунством.

Действительно, пьеса затрагивала больные нервы умирающего утонченного язычества.

Многими слушателями она была превратно понята.

Внешний рисунок прост, но, действительно, зрителям, привыкшим к реалистической драме, трудно было уловить гамму тонких ажурных символов...”

Но — несмотря на все “трудности восприятия”, Вытегорский комитет РКП(б) принял пьесу восторженно. Он, как передали “Известия”, принес “глубокую благодарность дорогим товарищам Н. А. Клюеву и М. Н. Мехнецову, всей “Красной Пасхе”: Мать-Земле (Н. Ф. Сидоровой), Любви-невесте (Л. И. Потаниной), Ангелу (Н. Г. Кучнеровой), Сыну-Воле (П. М. Ваксберг), Мщению (А. А. Абакумову), всем “Юным струнам”, Т. К. Николичеву и духовому оркестру, всем, принявшим участие в вечере, всем, почтившим память нашего великого учителя и друга Карла Маркса”.

Все это, вместе взятое, может произвести на современного человека чрезвычайно странное впечатление, но для тех людей ничего странного в происходящем не было.

* * *

“Великий Петр был первый большевик”, — так написал в поэме “Россия” Максимилиан Волошин, увидев в современных ему большевиках петровскую государственную “хирургию”, петровскую жажду ломать через колено оставшиеся древние устои и обычаи, петровскую ненависть к старой вере — впрочем, не только к старой, если вспомнить его “всешутейший и всепьянейший собор”, петровское стремление “научить Россию у Запада” и, конечно, то, что никакая плата человеческими жизнями за претворение в действительность задуманных проектов Петра не останавливала...

Клюевым революция воспринималась в антипетровском и в целом — в антиромановском ореоле (по-хорошему уж — в “антиголштинском”, ибо в 1730 году пресеклась династия Романовых по мужской линии, а в 1761 — и по женской, и фамилию носили выходцы из Гольштейн-Готторпской династии) — как возмездие за все содеянное на Руси за последние 250 лет...

“В Соловках, на стене соборных сеней изображены страсти: пригорок, дерновый, такой русский, с одуванчиком на услоне, с голубиным родимым небом напрямки, а по середине Крестное древо — дубовое, тяжкое: кругляш ушел в преисподние земли, а потесь — до зенита голубиного.

И повешен на древе том человек, мужик ребрастый; длани в гвоздиных трещинах, и рот замом дорожным, аглицким заперт. Полеву от древа барыня на скруте похабной ручкой распятому делает, а поправу генерал на жеребце тысячном топчется, саблю с копием на взлете держит. И конский храп на всю Россию...

Старичок из Онеги-города, помню, стоял, припадал ко древу: себя узнал в Страстях, Россию, русский народ опознал в пригвожденном с кровавыми ручейками на дланях. А барыня похабная — буржуазия, образованность наша вонючая. Конный енерал ржаную душеньку копием прободеть норовит — это послед блудницы на звере багряном, Царское Село, царский пузырь тресковый, — что ни проглотит — все зубы не сыты. Железо это Петровское, Санкт-Петербургское...”

Все переосмысленные символы Евангелия и Апокалипсиса были очевидны читателям газеты “Звезда Вытегры”, где стихотворение в прозе “Красный конь” появилось в апреле 1919 года. Сам же Клюев вкладывал в написанное еще один смысл, ведомый лишь ему самому. Когтем скребли по душе строки Есенина: “Не изменят лик земли напевы, не стряхнут листа. Навсегда твои пригвождены ко древу красные уста”. И Николай вслушивается в пророчество “старичка с Онеги-города”, что “вздыбится Красный конь на смертное сражение с Черным жеребцом. Лягнет Конь шлюху в блудное место, енерала булатного сверзит, а крестами гвозди подножные вздымет...” Тогда и “сойдет с древа Всемирное Слово”, срок которому уходит далеко в клубы времен, ибо у “старичка” клубок слезный “в горле со времен Рюрика стоит”...

И — свершилось. К вящему восторгу поэта.

“Нищие, голодные мученики, кандальники вековечные, серая убойная скотина, невежи сиволапые, бабушки многослезные, многодумные, старички онежские, вещие, — вся хвойная пудожская мужицкая сила, — стекайтесь на великий красный пир воскресения!

Ныне сошло со креста Всемирное слово. Восколыхнулсь вселенная — Русь распятая, Русь огненная, Русь самоцветная, Русь — пропадай голова соколиная, упевная, валдайская!”

И это уже дохристианская Русь мешается с христианской — и одна неотделима от другой, и “старичок с Онеги-города”, и воскресшее, подобно Христу, Всемирное слово, Русь огненная соединяются в едином праздничном действе с Матерью-Землей, Любовью-невестой, Сыном-Волей — героями “Красной Пасхи”.

И внимают они песне олонецких скопцов, чьи слова вынесены в эпитаф “Красному коню”:

*Что вы верные, избранные!
Я дождусь той поры-времечка:
Рознить буду всяко семечко.
Я от чистых не укроюся,
Над царями царь откроюся, —
Завладею я престолами
И короною с державою...
Все цари-власти мне полонятся,
Енералы все изгонятся.*

Понятно, что происходящее нововерный батюшка воспринимает, как кощунство. Но слушают Николая вытегорские коммунисты и беспартийные, и солидарны с ним, что коммунизму, как новому царству Христову, “не будет конца”, и почитают память “великого учителя и друга Карла Маркса”.

Все происходящее пронизано словом Христовым, каждый из присутствующих обяян подлинно религиозным вдохновением — и Маркс здесь не помеха, но союзник в религиозном действе — словно вопреки памятным утверждениям Сергея Булгакова 1906 года, который писал в работе “Карл Маркс как религиозный тип”:

“Хотя Маркс был нечувствителен к религиозной проблеме, но это вовсе еще не делает его равнодушным к факту религиозности и существованию религии. Напротив, внутренняя чуждость, как это часто бывает, вызывает не индифферентизм, но прямую враждебность к этому чуждому и непонятому миру, и таково было именно отношение Маркса к религии. Маркс относился к религии, в особенности же к теизму и христианству, с ожесточенной враждебностью, как боевой и воинствующий атеист, стремящийся освободить, излечить людей от религиозного безумия, от духовного рабства... Маркс борется с Богом религии и своей наукой, и своим социализмом, который в его руках становится средством для атеизма, оружием для освобождения человечества от религии... Социалистическая деятельность Маркса, как одного из вождей движения, направленного к защите обездоленных в капиталистическом обществе и к преобразованию общественного строя на началах справедливости, равенства и свободы, по объективным своим целям, казалось бы, должна быть признана работой для созидания Царствия Божия. Но то обстоятельство, что он хотел сделать это движение средством для разрушения святыни в человеке и поставления на место ее самого себя и этой целью руководился в своей деятельности, с религиозной точки зрения должно получить отрицательную оценку; здесь мы имеем именно тот тонкий и опасный соблазн, когда добро и зло различаются не снаружи, а изнутри. Что здесь перевешивает — плюс или минус, мы узнаем это только тогда, когда подведен будет и наш собственный баланс, а сами должны оставить вопрос открытым...”

Для самого Сергея Булгакова баланс был подведен и вопрос закрыт после октября 1917-го.

В самой же революции сталкивались силы, движимые исключительно “религиозными типами”. В самой бешеной борьбе с православием была настоящая религиозная страсть.

Спрашивается, зачем бороться с Богом, если, как было объявлено, его нет? Зачем бороться с пустотой?

Знали, что не с пустотой борются. Знали, что верховный авторитет, евангельское Слово обесценивает многое и многое, внедряемое в жизнь новой властью.

И невозможно не вспомнить, что огромное количество местечковых евреев, принесенное революционным потоком в наркоматы, в ЧК, в уездные комитеты, в газеты, в банковскую систему — воспитывалось в духе лютой ненависти к Христу, которого называли “мамзер” — “незаконнорожденный”. Им с детства внушали, что кресты и иконы — это “нечисть”. Более того — русские люди (“гой”) в их представлении не считались людьми, опять же квалифицировались, как “нечисть” и “бездушный скот”... Это отношение проявилось мгновенно и столь явственно, что вызвало соответствующую реакцию. В петроградской газете “Молва” в июне 1918 года описан митинг голодных людей на Знаменской площади:

“— Помитинговать штоль немножко?..

Против всех протестуют, но на “жидах” все соглашаются, как один. И не только свободные граждане, но и красногвардейцы охотно поддакивают им.

— Конечно, жида много портят. Они социализму вредят, потому ведь в банках — жида, в газетах — жида... А при настоящей коммуне — перво-наперво, конечно, всех жидов потопить...”

Конечно, проходили тогда в Петрограде и другие митинги и собрания. В частности, лекция магистра богословия, преподавателя Петроградской духовной семинарии иеромонаха Николая Ярушевича с характерным названием: “Святая Русь” (Думы о прошлом, перспективы будущего)”. В. Княжнин читал публичную лекцию “Патриарх Гермоген и его подвиг”. Будущий живоцерковник священник Александр Введенский произносил на диспуте “С Богом или без Бога” речь “Современные анархисты и социалисты, как богоборцы”, а в концертном зале Тенишевского училища протоиерей И. Егоров и В. Лебедев читали соответственно лекции: “Христос — основной закон жизни” и “Закон и Бог”.

Многое видевший в те дни своими глазами и много слышавший своими ушами Николай Бердяев, изо всех сил стремившийся сохранить “толерантность”, столь необходимую “русскому интеллигенту”, в частности, в своей работе “Христианство и антисемитизм” — все же вынужден был констатировать очевидное и неумолимое: “Ненависть к евреям расовая, бытовая, политическая недопустима для христианина, но возможна религиозная ненависть к антихристовой идее еврейства, и в глубочайшем смысле этого слова — она неизбежна... Русский народ должен дать приют избранному народу Божьему, и русский же народ должен всей силой своего духа противиться антихристианской идее еврейства, еврейскому отвержению Мессии Распятого и еврейскому ожиданию иного мессии”.

Вот только как сам Бердяев предполагал совместить одно с другим — отсутствие “политической ненависти” с “ненавистью религиозной”?.. Одна органично срослась с другой — и выплеснулась с обеих сторон, но с наиболее зверской жестокостью — именно с еврейской стороны.

Хотелось бы сказать — “а там, во глубине России, там — вековая тишина”... Но эпоха “вековой тишины” во глубине России и в каком бы то ни было ее углу кончилась. Страсти кипели и там, где русские коммунисты венчали Христа с Марксом и древними языческими стихиями. Никто этого, естественно, не формулировал, но подспудно чувствовали все — выбор стоит кардинальный. Какой будет Россия, перефразируя Владимира Соловьева — “Востоком Маркса или Христа?” — ибо их несовместность, явственно обозначенная Сергеем Булгаковым, изначально понимали вожди и идеологи, но ее же какое-то время упорно не желала понимать та самая “масса”, которая, по идее, и была движущей силой революции.

А не желала понимать именно потому, что начала справедливости, равенства и свободы были неотделимы для нее от святыни в человеке. И именно это органическое единство в русском существе составляло предмет звериной ненависти многих представителей новой власти, начинавшей помимо переустройства всей жизни страны и народа — свой знаменитый “штурм неба”.

Социальная и классовая война естественно переходила в религиозную — самую жестокую из всех войн. На э т о й войне не берут пленных и не оставляют живыми раненых. Начиналась религиозная война власти и ее ландскнехтов с частью народа, не желавшей сокрушать свое тысячелетнее мироздание.

30 июля 1917 года отец Павел Флоренский писал: “Все то, что происходит кругом нас, для нас, разумеется, мучительно. Однако я верю и надеюсь, что, исчерпав себя, нигилизм докажет свое ничтожество, всем надоест, вызовет ненависть к себе, и тогда, после краха всей этой мерзости, сердца и умы уже не по-прежнему, вяло и с оглядкой, а наголодавшись, обратятся к русской идее, к идее России, к святой Руси... Я уверен, что худшее еще **впереди**, а не позади, что кризис еще **не** миновал. Но я верю в то, что кризис очистит русскую атмосферу, даже всемирную атмосферу, испорченную едва ли не с XVII века”.

Это же мог бы через год повторить и Клюев, приехавший в Петроград уже в качестве почетного председателя Вытегорской организации РКП(б). Повторить, видя, как одна мерзость сменяет другую, как одна волна кризиса накачивается на предыдущую — с мыслью, кто худшее еще впереди.

Он приехал с материалами двухтомника “Песнослов”, по поводу издания которого в течение года вел переписку с хорошо ему известным издателем М. Аверьяновым, обговаривая и условия издания, и гонорар, и оформление. В конце концов, заручившись гарантией Наркомпроса, который изъявил желание издать двухтомник “в целях широкого распространения в народе”, объявил Аверьянову, что договор с ним считает недействительным. Одновременно готовит к изданию сборник избранных революционных стихотворений — “Медный кит”.

“Только во сто лет раз слетает с Громоваго дерева огнекрылая Естрафиль-птица, чтобы пропеть-провещать крещеному люду Судьбу-Гарпун.

И лишь в сороковую, неугасимую, нерпячью зарю расцветает в грозных соловецких дебрях Святогорова палица — чудодейная Лом-трава, сокрушающая стены и железные засовы. Но еще реже, еще потайнее проносится над миром пурговый звон народного песенного слова, — подспудного мужицкого стиха. Вам, люди, несу я этот звон — отплески Медного Кита, на котором, по древней лопарской сказке, стоит Всемирная Песня”.

Не знаю — понял ли хоть кто-нибудь из издательства при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов, где “Медный кит” выходил в свет, хоть что-нибудь в этом клюевском “присловье” к книге, где словно одновременно вещает Судьбу-Гарпун Естрафиль из “Голубиной книги”, растет Лом-трава и слышен звон подспудного мужицкого стиха... И все вместе — как тревожное пророчество...

Он встречается с Блоком, ночует у него на квартире, ведет с ним долгие разговоры об издании своих книг, о происходящем вокруг... Они с Блоком хорошо понимали друг друга, и многое из написанного старшим собратом в статьях весны-лета 1918-го могло быть созвучно мыслям Клюева.

“Учение Христа, установившего равенство людей, выродилось в христианское учение, которое потушило религиозный огонь и вошло в соглашение с лицемерной цивилизацией, сумевшей обмануть и приручить художника и обратиться искусство на служение правящим классам, лишив его силы и свободы.

Несмотря на это, истинное искусство существовало все две тысячи лет и существует, проявляясь то здесь, то там криком радости или боли вырвавшегося из оков свободного творца. Возвратить людям всю полноту свободного искусства может только великая и всемирная Революция, которая разрушит многовековую ложь цивилизации и поднимет народ на высоту артистического человечества...”

“... Считаю своим долгом ответить на вопрос — не волнующий, а сжигающий меня — что делать сейчас художнику.

Художнику надлежит знать, что той России, которая была, — нет и никогда уже не будет. Европы, которая была, нет и не будет. То и другое явится, быть может, в удесятенном ужасе, так что жить станет нестерпимо. Но того рода ужаса, который был, уже не будет. Мир вступил в новую эру. Та цивилизация, та государственность, та религия — умерли. Они могут еще вернуться и существовать, но они *утратили бытие*, и мы, присутствовавшие при их смертных и уродливых корчах, может быть, осуждены теперь присутствовать при их гниении и тлении (прямая переключка с клюевским “нищим колодовым гробом с останками Руси великой”. — **С. К.**); присутствовать, доколе хватит сил у каждого из нас...

Художнику надлежит пылать гневом против всего, что пытается гальванизовать труп. Для того, чтобы этот гнев не вырождался в злобу (злоба — великий соблазн), ему надлежит хранить огонь знания о величии эпохи, которой никакая низкая злоба недостойна. Одно из лучших средств к этому — не забывать о *социальном неравенстве*, не унижая великого содержания этих двух малых слов ни “гуманизмом”, ни сентиментами, ни политической экономией, ни публицистикой. Знание о социальном неравенстве есть знание высокое, холодное и гневное.

Художнику надлежит готовиться встретить еще более великие события, имеющие наступить, и, встретив, суметь склониться перед ними”.

И одновременно с этим — в записных книжках:

“Я одичал и не чувствую политики окончательно”.

“Как безвыходно все. Бросить бы все, продать, уехать далеко — на солнце и жить совершенно иначе”.

...Гражданская война полыхает по всей России. Англичане и французы хозяйничают в Мурманске, японцы во Владивостоке. Белыми взяты Ставрополь, Николаевск, Екатеринбург, Екатеринодар, Казань. В Архангельске было создано Временное правительство Северной области во главе с масоном Н. В. Чайковским... Этому самому Чайковскому, уже позднее пребывавшему в эмиграции в Париже, напишет письмо его бывший министр внутренних дел: “Вспомните, Николай Васильевич, хотя бы наш север, Архангельск, где мы строили власть, где мы правили... Вспомните тюрьму на острове Мудьюг в Белом море, основанную союзниками, где содержались “военнопленные”, т. е. все, кто подозревался союзной властью в сочувствии большевикам. В этой тюрьме начальство — комендант и его помощник — были офицеры французского командования, что там, оказывается, творилось? 30% смертей арестованных за пять месяцев от цинги и тифа, держали арестованных впроголодь, избиения, холодный карцер в погребе и мерзлой земле...” На территориях, что под контролем красных, соответственно не прекращаются расстрелы. В обиход входят выражения “пустить в расход”, “разменять”, “играть на гитаре”, “запечатать”, “отправить в Могилевскую область”, “отправить в штаб к Духонину” и т. д. и т. п.

Еще 20 мая Яков Свердлов выступил на пленарном заседании ВЦИК с совершенно людоедским докладом “О задачах Советов в деревне”: “Мы должны самым серьезным образом поставить перед собой вопрос о создании в деревне двух противоположных враждебных сил, поставить перед собой задачу противопоставления в деревне беднейших слоев населения кулацким элементам. Только в том случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиримо враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая шла не так давно в городе, если нам удастся восстановить деревенскую бедноту против деревенской буржуазии, только в том случае мы сможем сказать, что мы и по отношению к деревне делаем то, что смогли сделать для городов...”

Сельские Советы, как “контрреволюционные”, большевиков не устраивали. Начали создаваться комитеты бедноты, куда сплошь и рядом набиралось всякое отребье, помимо конфискации продукции занимавшееся погромами храмов. За недосдачу крестьянами хлеба по продразверстке уже полагается 10 лет тюремного заключения. Одно за другим вспыхивают крестьянские восстания. Еще до официального объявления “красного террора” расстреливаются, часто после жестоких мучений, священники, диаконы, пресвитеры, иеромонахи, иноки, послушники...

А после убийства Урицкого (который отменно проявил себя в Петрограде в качестве палача — во время его всевластия в Питерской ЧК было уничтожено около 5 тысяч человек) и покушения на Ленина — ВЦИК РСФСР под председательством Якова Свердлова (который и был фактическим организатором этого покушения) принял резолюцию: “...на белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов”.

Было вынесено и специальное постановление ВЦИК по “красному террору” под председательством того же Свердлова, который, если судить по стилю этого документа, совершенно ошалел от предвкушения большой крови: “...Расстреливать всех контрреволюционеров. Предоставить районам право самостоятельно расстреливать... Устроить в районах маленькие концентраци-

онные лагеря... Принять меры, чтобы трупы не попали в нежелательные руки. Ответственным товарищам ВЧК и районных ЧК присутствовать при крупных расстрелах (замечательно это “повязывание кровью”. — С. К.). Поручить всем районным ЧК к следующему заседанию доставить проект решения к вопросу о трупах”... Обращает на себя внимание и пункт о “концентрационных лагерях”. Впервые этот опыт был применен во время гражданской войны в Американских Соединенных Штатах — именно так поступали победители северяне с побежденными южанами. Потом его повторили англичане в Южной Африке во время англо-бурской войны. Настал черед Советской России...

“Красная газета” от 31 августа. Та самая газета, утробный рев которой поэтически транслировал Клюев в двучастном цикле “Из “Красной газеты”. “За кровь товарища Урицкого, за ранение тов. Ленина, за покушение на тов. Зиновьева, за неотомщенную кровь товарищей Володарского, Нахимсона, латышей, матросов — пусть польется кровь буржуазии и ее слуг — больше крови!” Начался, как выразился сам же чекист Яков Петерс, “истерический терпор”.

Одновременно с “истерическим террором” началось неудержимое захваливание Ленина в газетах и на митингах. Слова “великий”, “гениальный”, “дорогой учитель” лились сплошным потоком. Инициировал эту кампанию опять же Свердлов, Ленин при жизни стал превращаться в сказочный миф.

Но то, как откликнулся Клюев на ранение вождя, не имеет ни прецедентов в русской поэзии, ни последующего продолжения. Он создает совершенно фантастический цикл стихов — как по замыслу, так и по воплощению.

Более еретических стихотворений (не богоборческих, не антицерковных — именно еретических) не знала русская поэзия. Здесь впервые возникает мотив физиологического соития Божественного с земным — словно нет разницы между Богом-отцом и античным божеством, наслаждающемся земным блаженством.

*Братья, сегодня наша малиновая свадьба —
Брак с Землей и с орлиной Волей!
Костоедой обглоданы церковь и усадьба,
Но ядрено и здорово мужицкое поле.*

*Не жалейте же семени для плода мирского,
Разнежьте ядра и случкой китовьей
Порадуйте Бога — старого рыболова,
Чтоб закинул он удю в кипяток нашей крови!*

*Сладко Божью наживку чуют в заводах тела,
У крестца, под сосцами, в палящей мошонке:
Чаял Ветхий, что выловит Кострому да иконки,
Ан леса, как наяда, бурунами запела.*

Физиологический акт тождествен вселенской рыболовле, где “уды” фонетически и символически тождественны “уде”. Плод сего сакрального действия — Лев, тождественный Христу и Ленину (“Буйно-радостный львенок народов и стран”). Вся вселенная преображается с его приходом, вплоть до изменения магнитных полюсов Земли.

*Оглянитесь, не небо над нами, а грива,
Ядра львиные — солнце с луной!..
Восшумит баобабом карельская нива,
И взрастет тамарис над капустной грядой.*

“Пламенеющий ленинский рай” воспоют, по мысли поэта, и железный Запад, и сермяжный Восток, а пуля, пробившая тело вождя, — что удар римского копья в ребро распятому Христу.

*Ленин, лев, лунный лен, лучезарье:
Буква “Люди”, как сад, как очаг в декабре..
Есть чугунное в Пуде, вифанское в Марье,
Но Христово лишь в язве, в пробитом ребре.*

*Есть в истории рана всех слав величавей, —
Миллионами губ зацелованный плат...
Это было в Москве, в человеческой дубраве,
Где идей буреломы и слов листопад.*

Само слово “Ленин” становится сакральным в изменившейся вселенной, оно слышно в голосе природных стихий, в шепоте земли и пении океана, оно оплодотворяет все живое и порождает новое Слово, подобное Слову, порожденному почти тысячелетие назад.

*Жизни ухо подслушало “Люди” и “Енин”.
В этот миг я сохатую матку доил, —
Вижу кровь в молоке, и подойник мой пенен...
Так рождается Слово — биение жил.*

Слово Христа и Слово Ленина рождены той же силой, что некогда породила вешее Слово — о чем Ключев, и не только он, мог прочесть в “Поэтическом воззрении славян на природу” у А. Афанасьева: “В дуновении ветров признавали язычники дыхание небесного владыки, в... шуме падающего дождя слышали его дивную песню, а в громах — его торжественные глаголы; выступая в весенних грозах, он... будил ее (природу. — С. К.) от зимней смерти своей могучею песнею, вновь творил ее своим вещим словом. Слово божье=гром есть слово творческое”.

Ленинское слово воплотилось в жизнь — в “октябрь — месяц просини, листопада”, в месяц появления Николая Ключева на свет — и это временное наложение также исполнено для поэта сакрального смысла.

Символ Льва сопровождает весь “Ленинский цикл”, утверждая Ленина в его высшем предназначении, ничего общего не имеющем с “реальной политикой”.

“Лев грядет... От мамонтовых залежей Тянет жвачкой, молочным теплом...” “К пришествию Льва василек и коринка Осыпали цвет — луговую постель...” “К кронштадтскому молу причалили струги, — то Разин бурунный с персидской красой...” Отмерили год циферблатные круги, как Лев обручился с родимой землей”...

И подобно тому, как на стенах русских изб лев и единорог вырезались друг напротив друга, изготовившиеся и для схватки, и для супружества, Ключев во втором томе “Песнослава” рядом с циклами “Сердце единорога”, объединяющего “Избяные песни” и “Белую повесть”, и “Долина единорога”, включающего в себя предреволюционные стихи, многие из которых насыщены дьявольской символикой и напоены потусторонней энергетикой и которые не пропустила бы к печати ни одна духовная цензура (достаточно вспомнить “Полуденный бес, как тюлень на отмели, греет оплечья...” или дьявола, что станет “овцой послушной и простой” — по Оригену, утверждавшему прекращение вечных мук и прощение дьявола — и эти его утверждения были осуждены Пятым вселенским собором) — помещает цикл “Красный рык”, где “ленинский блок” занимает центральное место.

“Новому суровому слову” он несет свое подношение от лица и имени древней Руси, от сакрального животного и священного символа русских лесов.

*Я — посол от медведя
К пурпурно-горящему Льву, —
Малиновой китежской медью
Скупаю родную молву.*

.....
*Я — посол от медведя, он хочет любить,
Стать со львом песнозвучьем единым.*

Центральное место “ленинского цикла” принадлежит стихотворению “Багряного Льва предтечи...” Здесь слышится мерная поступь рока — а роковое начало несет в себе ожившая архаика, древняя непросветленная тьма, вышедшая из тысячелетних глубин, где томилась она подобно свергнутому и заточенным в Тартаре Зевсом титанам из Гесиодовой “Теогонии”.

*Багряного Льва предтечи
Слух-упырь и ворон-молва.
Есть Слово — змея по плечи
И схимника голова.*

*В поддевке синей пурговой,
В испепеляющих сапогах,
Перед троном плясало Слово
На гибель и черный страх.*

Это не Распутин. Это сам Ключев — вестник прихода древних подспудных сил, размыкающих земную кору, в земном воплощении орудующих, словно “зеленая банда” или орда громил в Царскосельском дворце, — и спасения от этой силы нет и быть не может.

*Царскосельские помнят липы
Окаянный хохот пурги...
Стоголовые Дарьи, Архипы
Молились Авось и Низги.*

*Авось и Низги — наши боги
С отмычкой, с кривым ножом, —
И въехали гробные дроги
В мертвый романовский дом.*

Известие о расстреле императора Ключев прочитал еще в июле в вытегорской газете.

“Расстрел Николая Романова

18 июля состоялось 1-е заседание президиума Центрального Исполнительного Комитета 5-го созыва. Тов. Свердлов оглашает только что полученное по прямому проводу сообщение от 8-го Уральского Совета о расстреле бывшего царя Николая Романова.

В последние дни столице Красного Урала Екатеринбург seriously угрожала опасность приближения чехо-словацких банд. В то же время был раскрыт новый заговор контрреволюционеров, имевших целью вырвать из рук Советской власти коронованного палача.

Ввиду этого президиум Уральского областного Совета постановил: расстрелять Николая Романова, что и приведено в исполнение 16-го июля.

Жена и сын Николая Романова отправлены в надежное место”.

И здесь же, на той же газетной странице — еще одно сообщение.

“Похищение бывших князей

Алапаевский исполнительный комитет сообщает о нападении утром 18 июля неизвестной банды на помещение, где содержались под стражей бывшие великие князья: Игорь Константинович, Константин Константинович, Иван Константинович, Сергей Михайлович и Палей.

Несмотря на сопротивление стражи, князья были похищены. Есть жертвы с обеих сторон. Поиски ведутся”.

Ложь на лжи — и волне объяснимая. Большевики, естественно, не пожелали обнародовать, что антимонархисты, за знаменами которых было начертано “Вся власть Учредительному собранию!”, наступавшие на Урал, ненавидели императора не меньше “ленинцев” и “свердловцев” и “вырвать из рук Советской власти” Николая II они могли только с целью самим прикончить его. Конечно, никто, кроме посвященных, не мог знать, что Свердлов через располагавшуюся в Вологде американскую миссию отправил телеграфное донесение Якову Шиффу в Америку с донесением о том, что царь может быть захвачен белогвардейцами или немцами, и получил в ответ приказ “ликвидировать всю семью”. Но самое главное в том, что от народа необходимо было скрыть еще одно преступление: убийство императрицы, малолетнего цесаревича и четырех царских дочерей. Вот поэтому “жена и сын Романова” были отправлены “в надежное место” (неназываемое), о дочерях не упоминалось вообще, а убитые и сброшенные в Алапаевскую шахту князья объявлялись “похищенными”. В противном случае трудно было квалифицировать свершившееся иначе как безжалостную бойню.

Впрочем, большевики сами своим умолчанием, длившимся 8 лет, поспособствовали возникновению многочисленных самозванцев и самозванок, про-должающих отравлять пространство памяти об убиенных вплоть до наших дней.

И, конечно, никто не должен был знать, что неизвестный, невесть откуда привезенный раввин после таинственного ритуала на месте злодеяния оставил на стене дома Ипатьева две каббалистические надписи: “В эту ночь Белшацар (Валтасар. — С. К.) был убит своими слугами” и — “Здесь, по приказу тайных сил, Царь был принесен в жертву для разрушения Государства. О сем извещаются все народы”.

А через 3 дня, в свежем газетном номере, где Клюев печатал с посвящением товарищу М. Мехнецову стихотворное проклятие “черным белогвардейцам”, “Романовскому дому” и “чумазому Распутину” и пел хвалу “пулемету, несытому кровью” — была опубликована новая заметка “Романов перед расстрелом”, призванная, очевидно, внушить еще большее отвращение читателей к Царской Семье.

“Окружавшие Николая в Тобольске попы, ханжи и обломки когда-то блестящей камарильи были от него далеко. Близкий друг его по Тобольску еп. Гермоген рыл окопы на чехословацком фронте.

Сам Николай в последние недели своей позорной жизни чувствовал себя совсем неплохо... Читал “Красный дьявол”, “Уральский рабочий”... Пополнел... Покраснел...

Алиса нервничала, фыркала, не переваривала тюремного режима...

Неусыпно охранял коронованных негодяев особый караул под командой рабочих, подступы к их последнему дворцу — отборный отряд рабочей красной армии...”

...Пройдет немногим более 10 лет, многое станет известно об этом ритуальном убийстве, многое переживет, перечувствует и переосмыслит сам Николай, с жутким и трагическим восторгом живописавший “гробные дроги” — на которых, ни больше ни меньше — “по-козьи рогат возница, на запятках Предсмертный Час. Это геенская страница, Мужичкого Слова пляс!” (вот во что превратилось тогда его “спасение демонов”!), — и в “Песни о великой матери” он найдет совсем иной тон и совсем иные слова для Николая II, описанного в преддверии мученической кончины.

*...И увидал я государя.
Он тихо шел окрай пруда.
Казалось, черная беда
Его крылом не задевала,
И по ночам под одеяло
Не заползал холодный уж.
В час тишины он был досуж
Припасть к еловому ковшу,
К румяной тучке, камышу,
Но ласков, в кителе простом,
Он все же выглядел царем.
Свершилось давнее. Народ,
Пречистый воск потайных сот,
Ковер, сказаньями расшитый,
Где вьюги, сирины, ракиты, —
Как перл на дне, увидел я
Впервые русского царя.*

.....
*Свершилось давнее. Семужный,
Поречный, хвойный, избяной,
Я повстречался вновь с судьбой
России — матери матерой,
И слезы застилали взоры, —
Дождем душистый сенокос,
Душа же роцею берез
Шумела в поисках луча,
Бездомной иволгой крича,
Но между роцей и царем
Лежал багровый липкий ком!*

...Когда в 1982 году я сидел в мастерской у живописца Анатолия Яра-Кравченко и расспрашивал его о Клюеве, маститый художник, автор портретов членов Политбюро ЦК КПСС, украшавших в праздничные дни фронтоны московских зданий, пряча таинственную улыбку, взял в руки дерматиновую папку и открыл ее с тихими словами: “Я Вам сейчас прочту”. Он начал читать вслух именно эти строки из поэмы, считавшейся навсегда утерянной, и я, приросший к стулу, только и смог выдавить из себя: “Можно я помогу Вам разобрать Ваш архив?” Анатолий Никифорович хитро усмехнулся и, закрывая папку, произнес: “Потом как-нибудь, потом...” Это “потом”, естественно, так и не настало, а целиком всю поэму, извлеченную из архива Комитета государственной безопасности, я прочел уже в роковые осенние дни 1991 года на журнальных страницах.

* * *

Цикл Клюева “Ленин” произвел ошеломляющее впечатление и на читателей и, особенно, на поэтов. Рискну предположить, что многие, писавшие потом об Ильиче, держали в подкорке величественные и жуткие клюевские строки, воплощающие перемену во всей Вселенной на сакральном уровне. Подспудно каждый из них стремился снизить тон разговора о вожде, “очеловечить” его в противовес клюевскому словотворчеству. Это касается и Есенина, который в поэме “Гуляй-поле” представил Ленина, как неразрешимую человеческую загадку (“Застенчивый, простой и милый? он вроде Сфинкса предо мной. Я не пойму, какою силой сумел потрясть он шар земной? Но он потряс...”), а в “Анне Снегиной” сказал о вожде, как о персонафицированном воплощении крестьянской Руси (“Скажи, кто такое Ленин? — Я тихо ответил: “Он — вы”). И, разумеется, это впрямую касается Маяковского, ненавистника всех “мужиковствующих”, который, не называя Клюева, подспудно отталкивался от его образа “Ленина-Льва” в поэме “Владимир Ильич Ленин”:

*Если б
был он царствен и божествен,
я б
от ярости
себя не поберег,
я бы
стал бы
в перекоре шествий,
поклонениям
и толпам поперек.*

*Я б
нашел
слова
проклятья громоустого,
и пока
растоптан
я
и выкрик мой,
я бросал бы
в небо
богохульства,
по Кремлю бы
бомбами
метал:
д о л о й!*

...С Маяковским Клюев встречался еще до революции. Как-то раз в доме Федора Шаляпина, обожавшего клюевские стихи, они сидели за хозяйским столом. Маяковский отчаянно пытался перетянуть одеяло на себя, “я... я... я...” не сходило с его губ. Клюев сидел, молчал, смотрел исподлобья, а по-

том тихонько, напевно произнес: “Иде-ет железо на русскую березку”... Можно себе только представить, с каким чувством ужаса и отчаяния за погибающую человеческую душу читал Клюев маяковское “Несколько слов обо мне самом”, где “полночь промокшими пальцами щупала меня и забитый забор, и с каплями ливня на лысине купола скакал сумасшедший собор”... Эту сцену орального секса в тени собора, от которой “Христос из иконы бежал, хитона обветренный край целовала, плача, слякоть”, и где, воззрившись на пустой киот? поэт в тупом отчаянии молит: “Время! Хотя ты, хромой богомаз, лик на-малюй мой в божницу уродца века...” — Клюев хорошо запомнил и в вихре революционного погрома воскрешал своим словом древнюю архаику, как надежную оборону против железа, которое, как он ясно видел? продолжает идти “на русскую березку” с удесятеренной силой. Отсюда и перекличка с Маяковским в “Медном ките”, где “Всепетая Матерь сбежала с иконы, чтоб вьюгой на Марсовом поле рыдать...”, и жалостливо-покровительственная интонация в ответе Маяковскому на громовые “р-р-революционные” вопли — последнего, в стихотворении 1919 года.

*Маяковскому грезится гудок над Зимним,
А мне — журавинный перелет и кот на лежанке.
Брат мой несчастный, будь гостеприимным:
За окном лесные сумерки, свиные зарянки!*

*Тебе ненавистна моя рубаха,
Распутинские сапоги с набором, —
В них жаворонки и грусть монаха
О белых птицах над морским простором.*

.....

*Простой, как мычание, и облаком в штанах казинетовых
Не станет Россия — так вещает Изба.
От мерез осетровых и кетовых —
Всплески рифм и стихов ворожба.*

*Песнетворцу ль радеть о краях подъемных,
Прикармливать воронов — стоны молота?
Только в думах поддонных, в сердечных домнах
Выплавится жизни багряное золото!*

Обостренное чувство, что из революции — его, клюевской революции — изымается то житнетворческое, самое главное, ради чего он, народный радетель и заступник, “посвященный от народа”, исторгал из своей лиры “музыку революции” с ее нотами злости, ненависти, ликования, проклятий, радости, победного клика, стона убиваемых — все более рождало в нем неприятие происходящего — и писались открытые инвективы “железному времени”, где он не стеснялся уже и отрицания своих собственных первоначальных революционных выкриков.

*Не хочу Коммуны без лежанки,
Без хрустальной песенки углей!
В стихотворной тягостной вязанке
Думный хворост буреломных дней.*

*Не свалить и в “Красную газету”
Слов щепу, опилки запытых.
Ненавистен мудрому поэту
Подворотный твякующий стих.*

.....

*Господи! Мы босы и наги,
На руках с неповинною кровью...
Шелестят леса из бумаги,
“Красная газета” мычит по-коровьи:*

*“Мму-у-у! Чернильны мои удои,
Жирна пенка — построчная короста”...
По-казенному, в чинном покое,
Дервенеют кресты погоста.*

...Эта “лежанка” долго еще будет вспоминаться Клюеву как при жизни, так и после его гибели. Над ней будут злорадно хохотать молодые неоперившиеся дикари-стихотворцы из Пролеткульта, в обществе которых окажется Николай в эту трагическую осень в Петрограде, в редакции журнала “Грядущее”, где он по соседству с “железными” пролеткультовскими мальчиками будет печатать свои “березовые” стихи.

(Продолжение следует)

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ПОЕЗД УБИРАЕТСЯ В ТУПИК

ВЕРТИКАЛЬ БЕССИЛИЯ

*Эта власть правит в
стране, где нет власти.*

А. Проханов

Второй раз в году московское метро опустело в августе. Следом обезлюдели улицы. В те дни затянутая дымом торфяных пожаров столица напоминала вымороченный чумою город.

Радио, ставшее основным источником новостей (ТВ с клиническим равнодушием гнало “мыльные оперы” и ток-шоу), сообщало апокалиптические подробности. В охваченных огнем районах сгорело более полусотни человек. Смертность возросла и в Москве. В два раза – по официальным данным департамента здравоохранения столицы (“Коммерсантъ-FM”, 09.08.2010). В четыре – по подсчетам независимых экспертов (“Бизнес-FM”, 11.08.2010). Утверждали, что в моргах покойников ставили стоймя – не хватало места (“Эхо Москвы”, 08.08.2010).

Под угрозой оказалось здоровье миллионов людей. Невозможно предугадать, какими болячками аукнется дымное лето-2010, когда каждый день в воздух выбрасывался 1 миллион тонн (!) угарного газа (“Эхо Москвы”, 08.08.2010).

Газетчики раскопали отчет хабаровских медиков о последствиях лесных пожаров в Приамурье в 1998 году – единственное, как сообщалось, исследование такого рода. Цитирую: “...У беременных женщин на 8% увеличилось количество самопроизвольных выкидышей, в 1,5 раза выросло количество “замерших” беременностей...” (“Московская правда”, 03.08.2010). К сожалению, статистика по другим группам населения в материале не приведена.

Колоссальный ущерб нанесен экологии. Очевидцы рассказывали, что птицы замертво падали от жара, рыба гибла в перегретых водоемах. Выгорело 10 млн гектаров леса, в том числе в самых перенаселенных областях – Московской, Нижегородской, Воронежской. Они и так задыхались от недостатка свежего воздуха. Теперь дышать станет еще труднее.

Чудом удалось предотвратить катастрофы поистине вселенского масштаба. Огонь подступал к ядерным центрам – Сарову, Снеженску, а также к Нововоронежской АЭС. После сообщения о том, что пожар бушует уже в промышленной зоне Сарова, в город срочно вылетел глава Росатома С. Кириенко, чтобы на месте руководить борьбой с огнем.

* Продолжение. Начало в № 7, 8 за 2010 год.

Огромны экономические потери. По некоторым оценкам, катаклизмы лета-2010 (пожары и засуха) обойдутся России в 1 триллион рублей (“Коммерсант-FM”, 08.08.2010).

С каждым днем бедствия нарастал градус общественного недовольства. Возмущало каменное равнодушие властей всех уровней к людской безысходности. “У нас что, в Москве – кризисная ситуация?” – на голубом глазу вопрошал пресс-секретарь столичной мэрии С. Цой, объясняя отсутствие градоначальника на рабочем месте (“Бизнес-FM”, 07.08.2010). Как раз в тот самый день специалисты предупредили, что ситуация в Москве близка к экологической катастрофе!

Пожары, унесшие жизни двух десятков жителей Нижегородской области, не помешали В. Шанцеву провести пышную инаугурацию. Правда, от “ликующих” горожан торжество пришлось отгородить милицейскими кордонами, оцепившими целый квартал в центре Нижнего Новгорода (“Независимая газета”, 10.08.2010).

Олимпийское равнодушие и бездействие “випов” еще больше раздражало измученных, обозленных людей. Замеры общественного мнения можно было делать вживую: радиостанции широко использовали интерактивные методы – и день ото дня звонки в студию становились все отчаяннее и резче.

Венцом стало обращение блогера из Тверской области в редакцию “Эха Москвы”. Используя ненормативную лексику, он напоминал руководителям, что в советские времена в его деревне было три пожарных пруда, пожарная машина и рында – для оповещения о возгорании. При новой власти пруды засыпали землей, а территорию продали дачникам. Пожарная машина исчезла, а вместо рынды поставили телефон, который не работает. “На х... нам какой-то информационный центр в Сколково, если у нас пожарных машин элементарных нет?” – вопрошал блогер. И требовал: “Верните мне, б..., мою рынду, суки, и заберите свой телефон на х...” (цит. по: “Новая газета”, № 86, 2010).

Так с властью у нас не разговаривали! Хотя первые матерки появились в блогсфере после взрывов в метро. Но тогда это прошло незамеченным. А теперь на обращение блогера ответил В. Путин, тем самым “легитимизировав” подобный тон.

Главред “Эха Москвы” А. Венедиктов, переславший письмо премьеру, сопроводил его запиской: “Народ негодует” (“Коммерсантъ”, 05.08.2010).

В те дни в эфире и в прессе звучало немало подобных заявлений. “Горит вся страна, вся система политической власти!” – утверждал опальный мэр Мурманска С. Субботин (“Коммерсантъ”, 31.07.2010). “Переименовать партию Путина из “Единой России” в “Сожженную Россию”, – предлагал слушатель “Эха Москвы” (06.08.2010). “Агония режима” – аршинными буквами вынесла заголовок на первую полосу газета “Наша версия” (№ 30, 2010).

Пожары оказались последним звеном в череде несчастий и катастроф, обличающих недееспособность власти. Они зловеще высветили ряд поминальных дат, не замечавшихся в августе, – гибель “Курска”, пожар на Останкинской башне, аварию на Саяно-Шушенской ГЭС. И слились с трагедиями года нынешнего – взрывами в метро, войной на Кавказе.

То, о чем говорила оппозиция, внезапно стало понятно всем. Билась годами без особого, надо признать, успеха. Но когда дым, в буквальном смысле слова, взял людей за горло, у них открылись глаза: власть ужаснее некомпетентна и неэффективна.

Конечно, пожар – стихийное бедствие. От него не застрахованы и более благополучные страны. Огненные бури бушевали в Калифорнии, Австралии, Греции. Но в нашем случае поражала абсолютная неготовность служб самого разного уровня – от государственного до муниципального. Неготовность Системы. Еще страшнее: бессилие Системы.

Внезапно выяснилось: все развалено! Развалено лесное хозяйство. Дозвонившийся до “Эха Москвы” лесник с горечью говорил: “В лесхозе на 70 га леса было 32 человека. Сейчас осталось два человека” (06.08.2010). Развалена служба предупреждения пожаров: Государственную лесную охрану ликвидировали три года назад. Федеральная служба по надзору в сфере природопользования, на которую возложили ее функции, оказалась не в состоянии обеспечить охрану лесов. У нее нет ни кадров, ни техники (“Ведомости”, 02.08.2010). Развалено

сельское хозяйство. Геннадий Зюганов ко времени напомнил: “В России 41 миллион гектаров зарос лопухом, бурьяном и сухой травой, поэтому все это и превращается в сплошной пожар” (“Наша версия”, № 30. 2010).

Развалена армия, которую в советские времена привлекали к пожаротушению. Материал на сей счет опубликовала “НГ”. В 2010-м в борьбе со стихией участвовало два трубопроводных батальона. Они развернули 60 км полевых магистральных трубопроводов (ПМТ). В 1972 году торфяные пожары тушили несколько десятков батальонов, которые развернули 1 300 км ПМТ (“Независимая газета”, 09.08.2010). Что называется, почувствуйте разницу!

Развал структур сопровождается чудовищным разворовыванием имущества. Подключили к тушению авиацию МЧС, хватились – а авиационный бензин кончился. Разворовали! (Радиостанция “Комсомольская правда”, 02.08.2010). Бросились искать деньги, ежегодно выделяемые на борьбу с пожарами, – их и след простыл (“Московская правда”, 03.08.2010).

Кстати, правительство похвально щедростью: выделено аж 2 млрд рублей. Дотошные газетчики разделили эту сумму на 83 – количество субъектов Федерации. Вышло в среднем по 24 млн. Эти деньги разделили на 31 тысячу – количество муниципальных образований. Получилось 64,5 тысячи рублей. Мизерные деньги, которые еще надо поделить между муниципальными поселениями. В итоге до конкретного получателя доходят копейки (“Новая газета”, № 86, 2010).

Но именно на местные администрации и возложили основные функции по борьбе с пожарами. И основную ответственность за неудачи. Побывав в Нижегородской области, премьер “в ультимативной форме предложил главам муниципальных образований, к которым есть претензии населения, добровольно сложить с себя полномочия” (“Коммерсантъ”, 31.07.2010). Претензии к ним, разумеется, есть, да только денег у них нету! Кому, как не Путину, знать: ведь он же распределяет средства.

“Региональные власти виновны в этом (пожарах. – А. К.) меньше всего, – возмущается лидер партии “Яблоко” С. Митрохин. – Должна проводиться федеральная политика, прежде всего, экологическая”. Митрохин напоминает о персональной ответственности “национального лидера” за ситуацию с экологией: “Путин, придя к власти, упразднил экологическое министерство” (“Коммерсантъ”, 31.07.2010).

Если правду договаривать до конца, следует вспомнить, что подпись Владимира Владимировича стоит под Лесным кодексом, который снял ответственность за охрану лесов с государства. “Кто учредил новый Лесной кодекс, согласно которому за лес отвечают арендаторы, а не государство? – вопрошает знаменитый эколог, член-корреспондент РАН Алексей Яблоков. – Именно государство испокон веков, начиная со времен Петра I, боролось с лесными пожарами. Но потом все это было специально порушено с помощью такой вот нехитрой идеологии: мол, государство должно уйти из лесов, а арендаторы должны отвечать за них” (“Наша версия”, № 30, 2010).

Вот оно, торжество теории экономического либерализма, столь любезной сердцу Путина и его великого визиря – вице-премьера и министра финансов В. Кудрина. Когда оппозиционные экономисты, публицисты, политики предупреждали об опасности неолиберализма, обыватели досадливо отмахивались: “Не напрягайте!”. Им казалось, что эта теория – как и все прочее – вещь отвлеченная, выдумка праздного ума. К реальной жизни она, дескать, отношения не имеет.

Поэтому, несмотря на предупреждения, большинство голосовало за Путина и “Единую Россию” и на всякую инициативу партии и правительства реагировало коллективным “одобрямс”.

В августе выяснилось: и экономические теории, и политика связаны с жизнью каждого. Да так крепко, будто их завязали морским узлом! Аукнулось все – управляемая демократия, отсутствие общественной (в том числе профессиональной) экспертизы проектов, бездумное голосование за любой закон, спущенный сверху (тот же Лесной кодекс). Как

язвительно заметил “МК”: “Пока парламент не место для дискуссий”, Россия – место для пожаров” (“МК”, 11.08.2010).

Стихийный урок политграмоты оказался на редкость эффективным. Опросы, проведенные основными социологическими службами, показывают, что уже в июле уровень доверия к тандему упал до рекордно низких значений. По данным Фонда общественного мнения, падение составило 10% у Медведева и 8% у Путина (“МК”, 11.08.2010). По итогам августа аналитики прогнозируют дальнейшее падение.

Известный специалист по элитам О. Крыштановская, несмотря на лояльность к нынешней власти, вынуждена признать: “Экстремальная обстановка в стране показала слабость российской управленческой системы” (“Независимая газета”, 05.08.2010).

О том же, но куда более красноречиво, высказался главный редактор “Московской правды” Ш. Мулоджанов: “Авральная ситуация всегда особенно ярко проявляет главные слабости системы. Вот и нынешнее сверхжаркое лето еще заметнее обозначило прорехи на властном кафтане. Горят не отдельные торфяники или лесные угодья – целые регионы... Что предпринимает “вертикаль власти”? Очередные селекторные совещания, готовность “принять необходимые меры” (здесь и далее “Московская правда”, 03.08.2010).

С необычной для него резкостью главред характеризует политику тандема: “Завиральные идеи, финансирование пустых проектов, замалчивание острых социальных, экономических, политических проблем, имитация борьбы с коррупцией и тотальным казнокрадством – вот, на мой взгляд, главные черты нынешнего курса”.

Поистине, если даже такие осторожные люди, как Мулоджанов, отваживаются на столь резкую критику верхов, то это означает, что недалеко до катастрофы.

В заключение статьи, язвительно озаглавленной “По ком дымит Сколково”, редактор “Московской правды” напрямую обращается к руководителям: “Вы пробовали вообще когда-нибудь посмотреть на родную страну не из кабинетов и с трибуны, не в выставочных залах и на мониторах, а живую, по-честному? Печальная, смею намекнуть, картина”.

На первый взгляд, этот упрек в случае с Путиным несправедлив. Если президент счел момент подходящим для презентации очередной идеи – переименования милиции в полицию (что даже не смешно!), то премьер трудился на совесть. Выезжал на “выжженную землю”, не уклонялся от трудного разговора с людьми, потерявшими все: дома, сбережения, одежду.

О том, как проходили такие встречи, рассказали корреспонденты. “МК” в статье, пафосно озаглавленной “Пожар народного гнева”, сообщал, что жители города Выкса побили своего главу и пытались наброситься с кулаками на неизменного любимца публики – главу МЧС С. Шойгу (“МК”, 31.07.2010). Корреспондент “Коммерсанта” уточнял: досталось и губернатору. “А товарища Шанцева надо бы поддержать за одно место...”

– Долой его, – кричали в толпе.

– Долой! Нет, в тюрьму” (здесь и далее: “Коммерсантъ”, 31.07.2010).

Несладко пришлось и Путину: “Когда премьер выходил с совещания, толпа снова обступила его. На этот раз у них было гораздо больше агрессии. Один человек что-то сказал премьеру, отчего тот повернулся и даже двинулся к нему, но потом взял себя в руки, отвернулся и пошел к машине”.

Для того чтобы выйти на такой разговор с народом, требуется, помимо прочего, непоказное мужество. Поведение Путина вызывало уважение. Даже если помнить о его личной ответственности за трагедию.

К сожалению, премьеру не удалось удержаться на взятой высоте. Уже его поездка в Рязанскую область 10 августа носила рекламный характер. Понятно, мало кто на его месте удержался бы от соблазна посетить погорельцев, только что вселившихся в новое жилье. И хотя осчастливили всего одну семью, картинка получалась великолепная: в конце июля премьер пообещал людям жилье – в начале августа они его получили.

* Скандальная обмолвка спикера Госдумы единоросса Б. Грызлова. Он спроста и не знал, что само слово “парламент” (от французского parler – говорить) прямо предполагает ведение дискуссий.

А когда Путин сел за штурвал Бе-200 и под прицелами телекамер собственноручно сбросил воду на очаг возгорания, стало ясно: перед нами эффектное начало избирательной кампании-2012. Жаль, никто не объяснил Владимиру Владимировичу, что в такой ситуации эффекты не просто не нужны – противопоказаны. Строжайше! Демонстрировать телевизионщикам крутизну, пиариться на беде – решение не из лучших!

Могут возразить: а вам не приходило в голову, что тут не пиар, а естественный порыв сильного человека в очередной раз испытать себя – удастся ли совладать с многотонной машиной?

Что же, не исключен и порыв. Но, во-первых, зачем тогда телевизионщики? Внимание телекамер автоматически переводит частное человеческое стремление в публичную акцию. Во-вторых, премьер не имел права рисковать – ни собою, ни командой Бе-200. Трагедия под Смоленском свежа в памяти. Сколько обличительных слов было высказано в адрес покойного президента Польши! Меньше всего хотел бы выступить адвокатом Качиньского. Но Путин поступил еще менее ответственно: если польский руководитель, как предполагают, оказывал на пилотов словесное давление, то российский премьер подменил одного из них (причем, по мнению некоторых экспертов, смотревших трансляцию, не второго, а первого пилота), что подвергло риску всех находившихся на борту, да и тех, кого Путин “спасал” на земле.

Но главное даже не в этом. Увы, мораль сегодня не в цене не только у власть имущих, но и у населения. И для него решающие соображения – не этические, а практические. О их и поговорим.

Метания Путина по стране с предельной наглядностью демонстрировали неработоспособность, бессилие вертикали. Которую выстроил сам “национальный лидер” и которая считалась чуть ли не главным его достижением. “Восстановил управляемость”, – патетически провозглашала политологическая обслуга. И что от той “управляемости” осталось? Губернаторов и градоначальников приходилось чуть ли не за шиворот вытаскивать из отпусков и насильно усаживать в рабочие кресла: “Действуйте!” Без верховной команды, да что там, без окрика, не делалось ни-че-го! Путину приходилось лично перезапускать управленческий процесс в каждом пострадавшем от огня регионе.

Между прочим, французский политический мыслитель А. Кожев, автор знаменитой книги “Понятие власти” (пер. с фр.: М., 2007), специально подчеркивал, что подлинная власть не требует личного присутствия лица, отдающего команды. “Проводимость” системы, ее способность четко реагировать на распоряжения на расстоянии является главным показателем наличия власти.

Но и без философских определений ясно: руководитель страны не может и не должен, подобно Фигаро, являться здесь и там, подменяя своих уклоняющихся от ответственности и работы подчиненных. Если же ему приходится заниматься подобной деятельностью, то это означает, что созданная им система не функционирует.

Александр Проханов с изяществом политического художника сформулировал парадокс конструкции, выстроенной Путиным: “Эта власть правит в стране, где нет власти” (“Особое мнение”, “Эхо Москвы”, 04.08.2010). “Она не может мобилизовать страну”, – подытожил писатель.

Путин фактически сам признал неудачу, отдав курьезное распоряжение об установке веб-камер на местах возведения жилья для погорельцев. Премьер подчеркнул, что изображение должно поступать в три адреса: на сайт правительства, в его личный кабинет и в его загородную резиденцию. “Отключение кабельного наблюдения... буду рассматривать как чрезвычайную ситуацию с выездом на место спецкомиссии из Москвы” (“Коммерсантъ”, 05.08.2010).

Строгость, конечно, хороша. Высокие технологии еще лучше. Но не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы уразуметь: негоже премьеру подменять рядового прораба. А заодно начальника строительства, главу района, губернатора, министров. Не его это дело. Его дело – заставить, заинтересовать, побудить работать всю эту прорву людей, все винтики, сочленения и приводные ремни системы. Работать в режиме самовоспроизводства, который делает излишним понукание и прочее воздействие извне.

Что же до “кабельного наблюдения”, то можно представить, какие картинки запечатлеет веб-камера, установленная на деревенской окраине. Утром на стройплощадку наведается коза. Пощиплет травку, потрется лбом о возведенный в авральном порядке фундамент. Вечером, возвращаясь из застолья, забредет подгулявший мужичок да и справит нужду.

И все это будут транслировать в Дом правительства. Несчастливая страна!..

... Среди откликнувшихся на августовскую трагедию был известный шоумен Д. Быков. Его статья в “Новой газете” среди прочего примечательна тем, что, не любя русское направление вообще и Валентина Распутина как его наиболее талантливого выразителя в частности, Быков на сей раз отдает должное повести “Пожар”. Объявляет ее чуть ли не провидческим произведением.

Видимо, огонь очистил сознание даже таких “маньеристов”, как Быков.

Размышляя о воздействии этого пламени на судьбу страны, Быков пишет: “Многое сгорит. Вера во власть и ее всеилие; вера в стабильность и ее благотворность; вера в патернализм; отождествление патриотизма с лояльностью; уверенность в благотворности запретов... И уж что, безусловно, сгорит – так это уверенность в том, что можно протянуть в таком полусонном состоянии еще десять, двенадцать, пятнадцать лет. Нельзя. Не та страна. В некоторый момент осыпание переходит в обрушение” (“Новая газета”, № 86, 2010).

Эффектно! Хотя и не со всем поспешу согласиться. Упрек в адрес страны, пусть и косвенный, несправедлив: дело не стране, а в Системе. Не стану осуждать стабильность – после катастрофических девяностых! Плоха не она, а тот симулякр стабильности, которым Система подменила подлинную устойчивость. Не стал бы даже осуждать запреты – разумные, к примеру: не жечь в этукую сушь траву. А вот дурацкие, вроде запрета на проведение акций в поддержку... Конституции, которые власть объявляет каждое 31-е число, отверг бы без колебаний.

Но в чем приходится согласиться с Быковым, так это в диагнозе: протянуть в этом состоянии ни двенадцать, ни даже десять лет невозможно.

И все же закончу этот сюжет не Быковым, а дорогим для меня Александром Блоком. В его “Дневнике” есть запись, поразительно созвучная нынешней ситуации:

– Спасайте, спасайте!

– Что спасать?

– “Россию”, “Родину”, “Отечество”, не знаю, что и как назвать... Но – спасайте! Желто-бурые клубы дыма уже подходят к деревьям, широкими полосами вспыхивают кусты и трава, а дождя Бог не посылает, и хлеба нет, и то, что есть, сгорит.

Такие же желто-бурые клубы, за которыми тление и горение (как под Парголовым и Шуваловым, отчего по ночам весь город всегда окутан гарью), стелются в миллионах душ, пламя вражды, дикости, татарщины, злобы, унижения, забитости, недоверия, мести – то там, то здесь вспыхивает...” (“Я лучшей доли не искал”. Судьба Александра Блока в письмах, дневниках, воспоминаниях. М., 1988).

Запись датирована 6 августа 1917 года. Что случилось три месяца спустя, хорошо известно.

(Окончание главы в следующем номере)

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук

МЕЖДУ ПРОГРЕССОМ И ВАРВАРСТВОМ

В последнее десятилетие в литературе, посвященной общественным проблемам, сначала тихо, почти неслышно, а затем все громче и громче зазвучал новый термин: архаизация.

В переводе с политкорректного на русский – деградация, скатывание в, казалось бы, навсегда канувшее в Лету прошлое, возвращение средневекового общественного устройства, которому, оказывается, отнюдь не мешают современные технологические достижения.

Это опровержение казавшейся незыблемой идеи неуклонного прогресса человечества, – как технологического, так и особенно социального, – кажется дикостью и безумием, однако наглядные примеры налицо в самых разных сферах общественной жизни.

1. Прощай, образование!

Более всего бросаются в глаза изменения в сфере образования. Не только в нашей стране – во всем мире система, призванная формировать нацию, вырождается в вульгарный инструмент социального контроля. *(Соответственно, и наука, являющаяся естественным продолжением системы образования, вырождается в набор все более сложных ритуалов и в средство поддержания нового социального слоя, все реже называемого “учеными” и все чаще – “научными работниками”.)*

Строго говоря, система образования является основным инструментом не только обучения, но в первую очередь воспитания молодежи и, таким образом, способом, которым общество непосредственно воссоздает себя в будущем.

На этом фоне официальные заявления, раздающиеся в самых разных относительно развитых странах о том, что система образования призвана не более чем готовить квалифицированных специалистов (несмотря на важность этой задачи), являются свидетельством ее деградации, происходящей при полном одобрении управляющих систем и элит*.

* “Впереди планеты всей”, как обычно, шагают российские либеральные реформаторы. Так, министр образования Фурсенко заявил о том, что главная задача системы образования России – подготовка “квалифицированного потребителя”... Он же с гордостью заявил, бессознательно подводя промежуточные итоги своих усилий, что “наши студенты ничуть не хуже наших машин” (имелись в виду легковые автомобили российского производства).

Однако на деле ситуация еще хуже: системы образования по всему миру все в большей степени превращаются в средство подготовки максимально удобного для управления “человеческого полуфабриката”. Этот “социальный материал” адаптирован к официальной пропаганде во всех ее видах и практически не способен к критическому восприятию авторитетных мнений, не говоря уже о самоорганизации ради защиты своих интересов.

Выразительный пример: российский эмигрант, преподавая в американской школе (справедливости ради надо отметить, далеко не в самом благополучном районе), дал старшеклассникам задание написать сочинение о том, почему Америку назвали Америкой.

То, что об Америго Веспуччи не знал ни один, его не удивило.

Потрясением стал ответ примерно 30% учеников, в разных вариациях сводившийся к тому, что Америку назвали Америкой потому, что “это земля свободы”.

Мысль о том, что когда-то слова “Америка” и “свобода” не были синонимами, просто не помещалась в их головы.

Способность к самостоятельному мышлению была ампутирована начисто: весь процесс мышления свелся к механическому перебору незначительного числа стереотипов.

Европа, окончательно не растратившая возрожденческого порыва к Знанию, встречает Болонский процесс, насаждаемый всей мощью брюссельской бюрократии, массовыми протестами преподавателей, студентов и школьников от Франции до Греции. Многократно выступали против него и преподаватели швейцарского Сент-Галленского университета, избранного для его приоритетной реализации.

Причина проста: ориентация на максимальную формализацию знаний при помощи унифицированной системы тестов существенно снижает качество знаний (особенно в слабо формализуемых гуманитарных науках), стимулируя зазубривание и отучая студентов от самостоятельных размышлений. С другой стороны – и это не менее важно – предусматривая приватизацию системы высшего образования и устанавливая исключительно платное магистерское образование, Болонский процесс делает его менее доступным для основной массы населения.

Последнее, конечно, можно объяснить тривиальной борьбой элит за ограждение своих детей от необходимости вынужденного соперничества с талантливыми представителями социальных низов. Конечно, недобросовестной конкуренции никто не отменял, – однако, пока общество нуждалось в профессионалах, в квалифицированных специалистах, в знаниях и умениях, понятный элитный эгоизм был обречен на общественное порицание и политическое поражение. *И даже такой махровый аристократ, как Черчилль, считал важнейшей задачей своей политики наиболее полное выявление и реализацию талантливых представителей малообеспеченных слоев общества – для повышения мощи страны в глобальной конкуренции.*

Что же переломило ситуацию?

Что заставило возвратиться более чем на столетие назад, когда российская элита конца XIX века тоже начала успешно защищать себя от конкуренции “кухаркиных детей”?

2. Технологический прогресс: невозможен и не нужен?

Если самые различные общества, в том числе и наиболее передовые по уровню развития, начинают отсекают бедных от высшего образования, – это свидетельствует о ненужности для них технологического прогресса. В свою очередь, такая ненужность может быть вызвана либо кардинальным изменением характера конкуренции между обществами, либо столь же кардинальным ее ослаблением ее интенсивности.

На самом деле, как представляется, налицо обе причины – просто они действуют на разных уровнях современного человеческого общества.

Важнейшим результатом качественного упрощения коммуникаций, знаменовавшего собой начало глобализации, представляется формирование нового всемирно-исторического субъекта – глобального управляющего класса, или, по классической терминологии Ж. Аттали, “новых кочевников”.

Упрощение коммуникаций сплачивает представителей различных управляющих систем (как государственных, так и корпоративных) на основе общ-

ности личных интересов и образа жизни. Новый глобальный класс собственников и управленцев противостоит разделенным государственными границами обществам не только в качестве одновременного владельца и управленца, но и в качестве всеобъемлющей структуры.

Этот глобальный господствующий класс не привязан прочно ни к одной стране или социальной группе и не имеет никаких внешних для себя обязательств. В силу самого своего положения “над традиционным миром” он враждебно противостоит не только экономически и политически слабым обществам, разрушительно осваиваемым им, но и любой национально или культурно (и тем более территориально) самоидентифицирующейся общности как таковой.

Под влиянием этого класса, попадая в его смысловое и силовое поле, государственные управляющие системы перерождаются. Они переходят от управления в интересах наций-государств, созданных Вестфальским миром, к управлению этими же нациями в интересах “новых кочевников” – глобальных сетей, объединяющих представителей финансовых, политических и технологических структур и не связывающих себя с тем или иным государством. Соответственно, такое управление осуществляется в пренебрежении к интересам традиционных обществ, сложившихся в рамках государств, и за счет этих интересов. Таким образом, конкуренция – больше, правда, напоминающая прямое владение, контроль и насилие – драматическим образом изменилась и ведется сейчас между глобальным управляющим классом и территориально обособленными, существующими в прежней реальности обществами. *Поэтому, кстати, так неистова ненависть “мирового сообщества”, представляющего интересы этого господствующего класса, к обществам, не допускающим его контроля – современному Ирану, Югославии второй половины 90-х годов, Белоруссии, Северной Корее и некоторым другим.*

В глобализованном мире привычная конкуренция между странами ослабляется: они подчиняются одному “хозяину”. Ослабляется она и по другой причине – новый правящий класс опирается, как на свой хозяйственный фундамент, на глобальные монополии, которые “загнивают” в полном соответствии с представлениями традиционной науки. *(Именно их “загнивание”, проявляющееся как кризис перепроизводства продукции информационных технологий или, с другой стороны, нехватка совокупного спроса, и является содержанием современной экономической депрессии).*

Ограничение загнивающего монополизма возможно двумя путями. Первый – открытие (или приоткрытие) рынков внешней конкуренции – нереален: монополии обрели всемирный характер и внешних рынков по отношению к себе просто не имеют.

Второй путь – технологический рывок, при котором новые технологии, меняя лицо не только экономики, но и общества, в силу этого резко ограничивают масштабы и глубину монополизации. Глобальные монополии противодействуют ему (в том числе неосознанно): они стремятся остановить технологический прогресс, чтобы затормозить прогресс социальный и сохранить свое доминирующее положение.

Тем самым они являются важным фактором как торможения технологического прогресса (в первую очередь через превратившуюся в инструмент злоупотребления монопольным положением систему защиты интеллектуальной собственности), так и общей архаизации человечества.

Наконец, для наиболее развитых стран, непосредственно определяющих лицо современной системы образования (и характер науки), безусловно, значительно большую роль играло качественное ослабление конкуренции между различными обществами.

С концом “холодной войны” исчезло непосредственное ощущение прямой внешней угрозы, доктрина борьбы с внешними врагами за собственное выживание ушла, казалось, в безвозвратное прошлое. Это прекрасно, – но вместе со страхом физического уничтожения даже у самых развитых обществ исчез (или, по крайней мере, существенно ослаб) стимул ограничивать социальную недобросовестность собственных элит.

Другим ушедшим в прошлое с завершением “холодной войны” фактором общественного прогресса явилась сама необходимость технологического прогресса, – и по тем же причинам.

Ведь технологический прогресс в его наиболее чистом виде открытия новых технологических принципов (а не последующего их коммерческого при-

менения) не только принципиально вне рыночен, но и, более того, прямо антирыночен!

Поставьте себя на место инвестора: вы прекрасно сознаете, что не понимаете смысла того, на что ученые просят у вас ваши деньги. При этом весьма вероятно, что никакого результата получено не будет. Если же он все-таки будет получен – вы не знаете, когда это произойдет и, главное, каким именно будет этот результат!

Ясно, что простое осознание изложенного заставит всякого нормального инвестора бежать с переднего края технологического прогресса!

С коммерческой точки зрения финансирование стержня технологического прогресса – открытия новых технологических принципов – представляет собой абсурдно усложненный аналог выбрасывания денег на воздух. Заниматься этим можно исключительно под страхом смерти, – причем непосредственной и немедленной. Именно поэтому главным стимулом технологического прогресса являются военные нужды.

С концом “холодной войны” исчез массовый страх перед смертью – и с ним, как это ни печально, исчез и стимул технологического прогресса. Это звучит парадоксально на фоне потока все новых и новых электронных устройств, упрощающих (а все чаще и усложняющих) нашу жизнь, однако они представляют собой плоды коммерциализации технологических принципов, открытых в ходе “холодной войны”. В последние два десятилетия интенсивность фундаментальных открытий резко снизилась.

Впрочем, снижение потребности в технологическом прогрессе отражает и значительно более глубинное, более фундаментальное изменение, связанное с качественной сменой самого вектора человеческого развития.

На всем протяжении своей истории человечество развивается, – а точнее, развивалось, – преобразуя окружающий мир. Изменение природы, приспособление ее к своим нуждам было основным способом существования человека, искренне считавшего себя ее царем.

Однако с началом глобализации ситуация изменилась принципиально. Те же самые технологии, которые обеспечили максимальное упрощение всех и всяческих коммуникаций, превратили в наиболее прибыльный из общедоступных видов бизнеса формирование человеческого сознания.

“Наиболее прибыльный из общедоступных” – значит “наиболее массовый”. Сегодня человечество неуклонно и стремительно переходит от трансформации окружающего мира к трансформации собственного сознания. Согревающая сердце экологичность этого подхода не должна заслонять принципиальную новизну сложившегося положения: на всем протяжении своей (как минимум, письменной) истории человечество еще ни разу не развивалось подобным образом!

Понятно, что это придает качественную новизну практически всем сферам человеческой жизни, в том числе и связанным с технологическим прогрессом.

Пока главным занятием человечества было изменение окружающего мира, – максимально точное и предметное знание об этом мире было ему крайне необходимо. Однако когда главным делом становится изменение самого себя, и в первую очередь своего сознания, картина меняется. Мощная наука, изучающая все сущее, уступает место манипуляторам, изучающим исключительно человеческое сознание и методы работы с ним.

Драматическое сужение предмета первоочередного исследования усугубляется отказом от научного подхода. Среди работающих с человеческим сознанием оказывается слишком мало ученых и слишком много узких практиков, заинтересованных в достижении конкретного результата, но никак не поиском истины. Их способности к познанию (а часто даже и к мышлению) легко и постоянно приносятся ими в жертву политической корректности, корпоративной лояльности, личному комфорту, административной целесообразности и миллионам других богов современного корпоративного язычества, поклонение любому из которых принципиально несовместимо с научным поиском.

Научное сознание, научный подход для данной системы мотиваций и восприятия окружающего мира становится попросту неактуальным, бессмысленным, ненужным. Соответственно, вместе с ними бессмысленными и ненужными становятся наука и образование в их классическом, привычном виде.

Весьма существенно и то, что превращение в основной объект воздействия человека его собственного сознания порождает огромное количество и

разнообразии “обратных связей”, просто-напросто снижающее познаваемость мира, а во многих значимых сферах делающее его принципиально непознаваемым для отдельной личности!

Осознание и принятие ограниченности возможностей человеческого познания (пусть даже не в принципе, а “здесь и сейчас”, применительно к данной личности в данных обстоятельствах) не просто порождает первобытное чувство беспомощности перед стихиями и не просто качественно снижает роль науки и образования. Оно меняет самоощущение общества.

Все это также способствует архаизации, в первую очередь через вырождение науки и образования, а в целом – через снижение социальной значимости знания как такового.

Однако и это вырождение – не более чем верхушка айсберга.

3. Компьютер: путь в мистику

Как ни парадоксально, социальный регресс порождается, среди других факторов, именно тем, что мы привыкли считать источником социального прогресса – прогрессом технологическим.

Воистину, “Мир наизнанку”*!

Символом технологического прогресса в последние четверть века заслуженно является компьютер. Его основная функция – формализация логического мышления и доведение его до совершенства, в принципе недоступного человеку. Примерным аналогом этого служит калькулятор, доведший до совершенства использование непростых, в общем, арифметических правил. Мы еще застали время, когда учителя в школах категорически запрещали использование калькуляторов, чтобы школьники сами научились умножать и делить в столбик, но сегодня это умение человека выполняет любые арифметические действия, а нам остается лишь правильно сформулировать задачу.

То же самое, что калькулятор сделал с арифметикой, компьютер уже в обозримом будущем, – скорее всего, в ближайшее десятилетие – сделает с формальной логикой как таковой.

Эпитафия изобретателя знаменитого пистолета гласит: “Господь Бог создал людей, а полковник Кольт сделал их равными”. При помощи интернета компьютер, как когда-то кольт, уже уравнивает людей, – не по физическим силам, но по доступу к (увы, непроверенной и во многом заведомо недостоверной) информации. Вскоре он уравнивает их и по логическим способностям.

Это будет означать, что человеческая активность будет вытеснена в принципиально недоступную компьютеру сферу внелогического мышления. В первую очередь к внелогическому мышлению, конечно же, относится творческое, – и нам предстоит не только увидеть время, когда конкуренция людей в рамках тех или иных коллективов и обществ будет вестись на основе преимущественно не логического, а творческого мышления, но и непосредственно участвовать в этой конкуренции.

Однако нельзя забывать, что подавляющее большинство людей не умеет пользоваться своими творческими способностями. Более того: управляющие системы не умеют обращаться с творческими людьми и потому, скорее всего, будут сдерживать массовое развитие творческих способностей, – хотя бы, как в позднем Советском Союзе, из чувства самосохранения.

В результате активность значительной, если не преобладающей, части человеческого общества будет вытеснена в сферу внелогического, но и не творческого мышления.

Такая сфера на сегодняшний день только одна.

Это – сфера мистики.

Рост мистических настроений уже сейчас является общемировой тенденцией. В России частота упоминаний соответствующих ключевых слов в интернете увеличивалась в 2005–2010 годы почти неуклонно и выросла в итоге минимум в 4 раза (по отдельным ключевым словам – в десятки раз).

В США на протяжении последних 20 лет (практически с момента распада Советского Союза) отмечается стремительный и охватывающий все социальные группы рост численности людей, убежденных в неизбежности наступле-

* См. более подробно: Деягин М., Шеянов В. Мир наизнанку: чем закончится экономический кризис для современной России? М., “Эксмо”, 2009.

ния конца света уже в течение их жизни. (В частности, численность секты, члены которой постоянно ходят с рюкзаками, чтобы иметь при себе все необходимое в случае конца света, превысила 1 млн чел.).

Потребность в мистике присутствует и в общественной жизни. В 60–70-е годы крупные корпорации (особенно японские и корейские) использовали для выработки лояльности у сотрудников воинские ритуалы. В последние 15 лет в среде топ-менеджмента крупных корпораций наблюдается отчетливая тяга к мистическим орденским ритуалам.

Фраза Сталина “партия – орден меченосцев внутри государства российского” все с большим пониманием воспринимается в структурах как корпоративного, так и государственного управления, а в самых различных обществах нарастает потребность в обретении лидера мистического типа.

Такой лидер действует внелогическим образом, ничего не объясняет, требует слепой веры – и непонятным, по сути дела, чудесным образом разрешает общественные проблемы. Потребность в нем есть далеко не только в истерзанной либеральными вивисекторами России – триумфальное избрание Обамы отражает колоссальную потребность в мистическом лидере американского общества – наиболее развитого в социальном отношении общества современности.

Помимо естественных причин (стихийной реакции общественного и индивидуального сознания на рост нестабильности и неопределенности), рост мистических настроений представляется в определенной степени индуцированным глобальными управляющими системами, исторически связанными прежде всего с США.

Причина, возможно, заключается в том, что исчезновение “советской военной угрозы” полностью разрушило всю систему самоидентификации Запада.

Во внешней политике это проявилось в исчезновении обоснования американского доминирования. Во внутренней политике проблема заключалась в исчезновении фундаментальной идеологической скрепы (страха перед нападением СССР), обеспечивающей единство общества и его подчинение, включая единство и подчинение общим интересам представителей элиты.

Логических оснований для сохранения прежнего положения, исключительно выгодного для американского управляющего класса, найти не удалось – скорее всего, их просто не было. Следовательно, надо было искать эти основания во внелогической сфере – при помощи создания новой системы управления, основанной на внелогическом, легко поддающемся манипулированию типе мышления – мистическом. А для этого надо было способствовать его распространению.

Можно с высокой степенью вероятности предположить, что интеллектуальным обеспечением работ по распространению мистического типа мышления как нового инструментария управления человеческим обществом занимается Институт сложности в Санта-Фе. Инициатором работ, насколько можно судить, является Фонд Рокфеллера, а в 2000-е годы – и Билл Гейтс вместе с Уорреном Баффетом; организационное и финансовое обеспечение работ осуществляется, скорее всего, преимущественно в рамках созданного ими “Хорошего клуба”).

Распространение мистического типа сознания отбрасывает человека на уровень до эпохи Просвещения. Главным достижением этой эпохи, осуществленной ею общественной революцией стало самоосознание отдельной человеческой личности, ранее воспринимавшей себя как элемент того или иного коллектива, как пересечение нескольких социальных систем.

Выделение индивидуальности из прежнего, слитно-роевого восприятия – главная заслуга Просвещения; распространение мистического сознания возвращает человеческую личность (за исключением некоторой части общественных элит) в прежнее состояние.

4. Светлое будущее: людоедство?

Технологический прогресс готовит нам и еще один весьма неприятный сюрприз.

Суть сегодняшнего мирового “кризиса”, являющегося на самом деле переходом человечества в некое новое, пока еще непонятное нам состояние, заключается в приспособлении социальных отношений, адаптированных к про-

шлым, индустриальным технологиям, к идущим им на смену качественно новым постиндустриальным, в первую очередь информационным, технологиям.

Это приспособление может быть весьма болезненным — и отнюдь не только на фондовых рынках, но и в повседневной жизни миллиардов людей.

В частности, информационные технологии по своей производительности качественно превосходят индустриальные. Даже простое дополнение традиционного индустриального оборудования информационными технологиями (включая системы коммуникаций и принятия решений), как показывает практика, резко повышает их производительность, — с неожиданно неприятными социальными последствиями.

В самом деле: сравнительно низкая производительность индустриальных технологий делала их владельца зависимым от работников. Каждый человек был потенциальным источником прибыли — поэтому его надо было привлечь, обучить, поставить к станку и еще сделать так, чтобы он был всем этим доволен. Отсюда выросли идеи “благополучия для всех”, общество массового потребления и средний класс в его современном понимании.

Однако для постиндустриальных технологий, лишь первым этапом развития которых являются технологии информационные, характерно качественно иное отношение к рабочей силе. Ведь они значительно более производительны — и использующее их общество для производства прежнего количества материальных благ (воспринимаемых рынками и находящих спрос) нуждается в качественно меньшем количестве работников!

Общество, использующее преимущественно постиндустриальные технологии, нуждается в существовании элиты, обеспечивающей управление, научные исследования и культурную среду, а также относительно небольшого количества людей, непосредственно занятых производством.

Все остальные оказываются попросту лишними, подобно основной части населения России в парадигме “экономики трубы” (то есть полной переориентации на экспорт сырья, проведенной в рамках либеральных реформ). Они нужны лишь с точки зрения потребления, как генераторы необходимого экономике спроса, — но производить им попросту нечего, любой произведенный ими продукт будет лишним, так как не найдет спроса.

Соответственно, они не производят, но лишь потребляют, а точнее — претендуют на потребление. С точки зрения коммерческой эффективности это недопустимо, и объективная задача общества заключается если и не в физическом их уничтожении, то в социальной утилизации, то есть в максимальном ограничении масштабов их потребления, которое по определению непроизводительно.

При этом максимальный разрыв между низкой производительностью и высоким потреблением наблюдается у наиболее благополучной части человечества — среднего класса развитых стран (*это естественно, ибо огромные массы нищего населения стран Африки, арабского мира, Индии и Китая потребляют крайне мало*).

Соответственно, обострение указанного противоречия и нарастание объективной потребности в сокращении непроизводительного потребления давит в первую очередь именно на средний класс, на источник глобальных настроений благополучия.

Результат — “размывание”, а если называть вещи своими словами, обнищание среднего класса как одна из основных тенденций глобализации. Мы видим разные стадии этого чудовищного процесса на постсоветском пространстве, в Восточной Европе и Латинской Америке, а в последнее десятилетие присутствуем при погружении в него США и, с заметным отставанием, “старой” Европы. На наших глазах глобальный финансовый кризис становится гомильщиком среднего класса наиболее благополучных западных обществ.

Сохранение прежней, коммерческой парадигмы развития вынуждает человечество решать людоедскую по сути своей задачу уничтожения значительных частей благополучных обществ. Понятно, что при этом произойдет глубокое преобразование и самих этих обществ, а с ними — и всего человечества (ибо они воплощают в себе сегодняшние представления об успехе всей остальной, неразвитой части человечества, являются овеществлением его мечты и осознанной целью его развития).

Прежде всего, совершенно неясно, что будет после социальной утилизации среднего класса развитых стран с их демократическим устройством — ибо

сегодня западная демократия формально представляет собой власть от имени среднего класса и в целях (с некоторыми оговорками) его благополучия; его рассасывание приведет к аналогичному рассасыванию самой традиционной западной демократии.

С точки же зрения экономики, а не политики, средний класс, пусть даже мало- или вовсе непроизводительный, генерирует ключевую часть спроса развитых обществ, необходимую для нормального развития их экономик. Его обеднение резко сократит спрос развитых стран – и, соответственно, сделает ненужными многие производства, столкнув не только развитые страны, но и весь мир в депрессионный штопор наподобие рубежа 20-х и 30-х годов прошлого века.

Чтобы избежать его, государствам придется либо искусственно поддерживать спрос, что в рамках коммерческой парадигмы развития описывается кейнсианской теорией и возможно лишь в течение ограниченного времени, либо поддерживать производства без учета сжимающегося денежного спроса, что вообще в принципе несовместимо с указанной парадигмой.

Таким образом, избежание депрессионного штопора в течение длительного времени объективно потребует отказа от коммерческой парадигмы развития, от ориентации на прибыль как главную цель развития человечества. Этот переход представляется неизбежным и, если он не будет осуществлен сознательно, он произойдет неосознанно, стихийно, через социальную катастрофу, связанную с утилизацией среднего класса, и вынужденную реакцию управляющих систем на ее последствия.

Однако сознательный отказ от коммерческой парадигмы развития в настоящее время представляется невозможным. С чисто теоретической точки зрения этот отказ будет означать замену мотива прибыли как главного мотива человеческой деятельности мотивом личного самосовершенствования, однако этот мотив (особенно по сравнению с мотивом прибыли) является слишком неопределенным и слишком слабым для того, чтобы стать значимым политическим фактором в современных условиях.

Не стоит забывать о том, что в рамках коммерческой парадигмы человечество развивается на протяжении почти всей своей истории. Значимая попытка вырваться за ее пределы была предпринята лишь советской цивилизацией, – но, несмотря на ее высочайшие достижения, историческое поражение СССР не вызывает желания двинуться по его следам.

Самое же главное заключается в том, что все ведущие участники процесса принятия решений сформировались и добились успеха именно в рамках коммерческой парадигмы развития и потому просто не могут представить себе своего существования в рамках какой бы то ни было иной парадигмы. Идея отказа от стремления к прибыли как главного мотива развития означает для них в прямом смысле слова идею социального (а иногда и физического) самоубийства и потому вызывает сильнейший отпор.

Это означает, что развитие человечества в обозримой перспективе будет осуществляться стихийным и, соответственно, разрушительным образом – через социальную катастрофу и вынужденную инстинктивную реакцию на нее.

Уничтожение среднего класса, пусть даже преимущественно социальное, а не физическое, приведет к резкой дегуманизации как управляющих систем (объективно вынужденных решать, по сути, людоедские задачи), так и обществ в целом (так как ценность человеческой жизни и в целом личности драматическим образом снизится).

Отказ от привычных для нас ценностей демократии и рынка будет означать огромный шаг назад – в “темные века” средневековья.

5. Природа сбросит ярмо человеческой цивилизации?

Понятно, что описываемая комплексная архаизация современного общества неминуемо вступит в жесткое противоречие со сложной и многообразной технологической инфраструктурой, созданной человечеством на прошлом этапе его существования, – во времена прогресса.

Регресс, как технологический, так и в первую очередь социальный, быстро сделает накопленную технологическую инфраструктуру непосильно сложной не только для управления, но даже для простого понимания.

Разрушение системы образования не позволит готовить должное количество высокопрофессиональных специалистов даже для простого поддержания технологической инфраструктуры в работоспособном виде.

Пример у всех перед глазами. Ключевыми причинами катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС, насколько можно судить в настоящее время, являются длительная, длившаяся около полутора десятков лет экономия на авторизованном ремонте, а также прямое нарушение условий эксплуатации энергетического агрегата. В воспоминаниях первого руководителя Саяно-Шушенской ГЭС было прямо указано, что в результате несовершенного процесса изготовления уникальных гидроагрегатов ни на один из них нельзя было подавать нагрузку в 100% проектной мощности, а для наименее “удачного” предельная нагрузка составляла 92% от проектной мощности.

Катастрофа произошла из-за перегрузки именно этого агрегата. Возможно, чрезмерная нагрузка была вызвана увольнением со станции всех специалистов, по-настоящему разбирающихся в ее оборудовании (с их заменой на “эффективных менеджеров” всех мастей), так что оставшиеся в прямом смысле слова “не ведали, что творят”. Однако не менее вероятно, что сохранившиеся на станции специалисты были запуганы до такой степени, что предпочитали неприемлемый технологический риск, ставивший их на грань самоубийства, административному риску возражения безграмотным указаниям руководства.

Не стоит забывать и об архаизации, вызванной массовым притоком неквалифицированных, а часто и просто неграмотных гастарбайтеров, выгодных для бизнеса из-за своей нищеты и бесправия.

Их использование на высокотехнологичных работах, вызванное не только безнаказанной алчностью бизнесменов и коррумпированных чиновников, но и утратой ими минимальной технической грамотности, ведет к чудовищным катастрофам.

На одной из российских электростанций “ремонтники” умудрились приварить вращающийся ротор к неподвижным частям установки. Никто, обладающий техническими знаниями в пределах школьного учебника физики, не проверил их работу, энергоагрегат был пущен на полную мощность и, естественно, мгновенно и с большими разрушениями прекратил существование.

Строительство жилых домов, промышленных сооружений и коммунальных объектов во многом ведется по сложнейшим современным технологиям людьми, которые гарантированно не могут выполнять инструкции, — хотя бы потому, что не могут их прочитать. Результатом явилось несколько аварий и общее снижение надежности строительства, масштабы которого еще предстоит оценить.

В целом массовое использование рабского, по сути, труда гастарбайтеров исключает возможность применения современных технологий, так как делает их нерентабельными. Более того: нерентабельными в целом ряде случаев оказываются даже вполне примитивные технологии вроде использования экскаваторов для копания траншей: десяток гастарбайтеров делают эту работу дешевле.

Однако и в намного более благополучных странах, чем современная Россия, падение социальной значимости знания, ведущее к пренебрежению управляющими системами (как коммерческими, так и контролирующими) технологическими нормами безопасности, ведет к разрушительным техногенным катастрофам.

Классическими примерами этого представляются наводнение в Новом Орлеане (где местные власти долгие годы предупреждали федеральные о неизбежности прорыва дамбы — пока ее наконец не прорвало) и авария буровой платформы *Deepwater Horizon* в Мексиканском заливе (перед которой прошло довольно бурное обсуждение необходимости введения жестких норм регулирования безопасности, по итогам которого было решено, что корпорации сами способны обеспечивать должный уровень безопасности без раздражающего их государственного регулирования).

В России ярчайшим примером является реформа электроэнергетики, приведшая не только к катастрофическому удорожанию электроэнергии и фактическому распаду единой энергосистемы страны, но и резко снизившая ее надежность. Не стоит забывать, что уже через полтора года после начала ее практического проведения (в мае 2005 года) обыденный пожар на подстанции привел к длительному обесточиванию половины Москвы и значительного числа объектов, расположенных в четырех соседних регионах. При этом без электроэнергии оставались крупный нефтеперерабатывающий завод и ряд хи-

мических производств, что могло нанести экологии столичного мегаполиса непоправимый ущерб.

Последствия описанного представляются достаточно тривиальными: непредсказуемая, но при этом достаточно быстрая деградация крупных технологических систем и, соответственно, разрушительные техногенные катастрофы.

6. Человек не хочет становиться на четвереньки

Современное человечество находится, по сути дела, в тупике: объективно обусловленное торможение технологического прогресса ведет его к разрушительной архаизации, — но и развитие технологий (в частности, в виде технологий формирования сознания и современных компьютерных систем) ведет все к той же архаизации.

Тем не менее этот тупик фиктивен: выход из него открывает понимание того факта, что развитие технологий ведет к архаизации лишь при условии сохранения прежней, преимущественно коммерческой парадигмы человеческого развития.

Рыночные отношения, еще недавно бывшие двигателем технологического прогресса, на глазах превращаются в его оковы и потому должны быть преодолены.

Выходом из кажущегося исторического тупика, действенным лекарством от архаизации должно стать настойчивое и целенаправленное развитие технологий.

Человечеству жизненно, в самом прямом и непосредственном смысле этого слова, необходим кардинальный переворот в сознании, кардинальное изменение массового отношения к технологическому прогрессу. Он должен стать не средством достижения каких-то сиюминутных и прагматических целей вроде извлечения прибыли, каким он был на протяжении всего развития человечества, но категорическим императивом, самостоятельной, едва ли не нравственной сверхценностью.

Единственный способ разрубить гордиев узел современных глобальных проблем — от тотальной архаизации до массового злоупотребления своим положением со стороны глобальных монополий — форсирование технологического прогресса, что достижимо лишь на пути отказа от корысти как основной движущей силы человечества.

Мы видим, что деньги неуклонно теряют значение, уступая свою роль символа и инструмента достижения успеха технологиям. В отличие от денег, они неотчуждаемы, и потому основанное на них господство намного прочнее основанного на деньгах. С другой стороны, использование технологий сплошь и рядом осуществляется на нерыночных условиях, закрепляющих господство их владельцев. Технологии все меньше продаются и все меньше передаются — это проявление не только монополизма, но и ограничения рынка, признак того, что общественную роль, еще недавно выполняемую исключительно деньгами, все в большей степени начинают выполнять технологии.

Поразительно, но уже сейчас, когда никто еще в явном виде не ставит коммерческую парадигму развития человечества даже под сомнение, — стратегические решения, принимаемые самыми разными обществами, носят все более некоммерческий характер.

Вероятно, наиболее масштабным стратегическим решением 2000-х годов стала европейская программа перехода на альтернативные источники энергии к 2020 году, по которой доля последних должна быть доведена до 20%.

Между тем практически все альтернативные источники энергии в Евросоюзе (кроме ветряков в Нидерландах, солнечных нагревателей воды в южных странах и некоторых других) так или иначе дотируются государствами и потому являются принципиально нерыночными. Надежд на то, что к 2020 году ситуация принципиально изменится, практически нет, — и потому с сугубо коммерческой точки зрения указанная программа представляет собой декларацию неслыханного расточительства и потрясающее торжество лоббизма.

И расточительство, и лоббизм имеют место, но принятие этой программы вызвано иным: растущей ответственностью европейцев за сохранение климата и, с другой стороны, обострившейся потребностью общего, объединяющего всех дела.

Другое принципиально нерыночное решение – совершаемый в настоящее время Китаем технологический скачок. Замена старых технологий новыми в китайской структуре цен часто коммерчески не оправдана и с точки зрения извлечения прибыли является не более чем расточительством. Однако растущая нехватка воды и перспектива нехватки почвы и энергии заставляют огромную страну идти на рыночные риски ради технологического – подчеркнем это! – выигрыша.

Стратегические решения нового, принципиально некоммерческого типа принимаются, как мы видим, в сугубо технологических целях.

Да, это пока еще не гуманизм, не самосовершенствование человека, – но тем не менее это уже отход от коммерциализации, которая, становясь всеобщей и всеобъемлющей, становится тем самым и самоубийственной.

Вырываясь из оков рынка, человечество стремится к восстановлению технологического прогресса, надеясь на возвращение его гуманизирующей роли, надеясь на то, что технологии вернут и приумножат “благосостояние для всех” и тем самым остановят все более пугающее сползание в варварство.

Упования на технологии против всемогущества рынка, при всей их наивности (как и любой надежды на лучшее будущее), представляются перспективными. По сути дела, это новая, современная форма социалистической идеи, превращающейся из традиционной социал-демократической, свойственной индустриальной эпохе, в идею **технологического социализма**, если угодно – техносоциализма.

Сегодняшняя форма общественной и идейной борьбы – это борьба стремления к прибыли и стремления к технологиям, это борьба глобального монополизма и ломающего его технологического прогресса, это борьба глубинной тяги к архаизации и жажды всеобъемлющего развития человечества.

Эта борьба двух тенденций вновь, как в годы великих войн, превращает лаборатории и кабинеты ученых в передовой край борьбы человечества за свое будущее.

Только если раньше речь шла и выживании и прогрессе лишь отдельных народов и их групп, то теперь – всего человечества без какого бы то ни было исключения.

КСЕНИЯ МЯЛО

ЗА ГОРИЗОНТОМ НУЛЕВЫХ

Когда очнулся Тарас Бульба от удара и глянул на Днестр, уже казаки были на челнах и гребли веслами; пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана...

Н. В. Гоголь

Если представить себе человека, году эдак в 1989–1990 чем-то отвлекшегося или даже задремавшего, а теперь, спустя пару десятилетий, очнувшегося, то представшая ему картина событий на первый взгляд могла бы показаться мало изменившейся. Те же курящиеся очаги напряженности на Днестре, в Закавказье, Средней (ныне Центральной) Азии. А чуть расширив рамку обзора, он вновь увидел бы и ширящийся наркотрафик из Афганистана, и гибнущие под бомбовыми ударами мирные селения, и наступающих моджахедов (теперь именуемых талибами), услышал бы бурные прения о необходимости – или всё-таки недопустимости – вывода войск из этой “могилы империй”. И только вполне вернувшись к действительности, он уразумел бы, что речь-то идет вовсе не о советских войсках, ибо советская армия перестала существовать, как и Советский Союз, осознал бы, что с тех пор минуло без совсем малого двадцать лет (всего-то полтора года остается до 8 декабря 2011 года!) и за это время успело вырасти целое поколение родившихся уже в мире без СССР, но покоя на планете от этого не прибавилось, как не прибавилось его и на советском (ныне постсоветском) пространстве. А стало быть, упования тех – допустим, что были и такие искренне заблуждавшиеся, – кто с исчезновением Советского Союза, названного ими “империей зла”, связывал едва ли не наступление эпохи кантовского вечного мира, пошли прахом.

Ведь ни один, подчеркиваю, ни один из конфликтных узлов конца XX века не был развязан, а некоторые (включая ближневосточный) затянулись еще туже. Насильственная ликвидация Югославии – как и СССР, страны-учредительницы ООН, чья подпись стоит также под Хельсинкским актом 1975 года, – не вполне охладил даже балканский котел, зато одним из своих, быть может, не запланированных следствий возымела усиление сепаратистских тенденций в самой Европе, не говоря уже о мире в целом. Вторая (после “Бури в пустыне”) война в Ираке и стремительное возрастание напряженности вокруг Ирана сильно, по сравнению с тем, что имело место при жизни СССР, расширили границы зоны нестабильности на Большом Ближнем Востоке, и на качественно новый уровень вышел фактор исламского радикализма, в свое время подпитанного и активизированного самими Соединенными Штатами, в их проти-

востоянии Советскому Союзу подхватившими традицию именно такого способа действий Британской империи в ее противостоянии империи Российской.

Словом, международная нестабильность за истекшие двадцать лет не только не уменьшилась, но и возросла; зато резко умалилась на международной арене роль РФ, считающейся правопреемницей СССР, но по своему политическому весу сегодня не могущей идти ни в какое сравнение с низвергнутым предшественником. И это так не только за пределами Союза, но и – что особенно показательно – во всех без исключения зонах горячих точек, сформировавшихся еще в последние годы его жизни.

Возможности нынешней России влиять на развитие ситуации убывают даже там, где и история, и международное право, и устойчивая пророссийская ориентация населения безусловно позволяли ей закрепить за собой роль главного посредника в урегулировании конфликтов. А возможно, и больше: заняв место действительно значимого, обладающего собственной волей действующего лица текущей истории, способного, без вошедшей уже в привычку осторожной оглядки на “княгиню Марью Алексеевну”, предлагать свои, неординарные пути решения проблем, явно не разрешаемых на путях попыток сделать это на основе возведенного в догму принципа сохранения территориальной целостности бывших союзных республик. Границы каждой из них на момент распада СССР не имели международно признанного статуса, а стало быть, вообще не могли являться объектом приложения этого принципа; и если между принципом сохранения территориальной целостности государств и правом народов на самоопределение вообще существует по меньшей мере весьма сложное соотношение (что, впрочем, нисколько не мешает ни США, ни ЕС всякий раз, когда они находят нужным, трактовать эту диалектику в свою пользу), то при распаде СССР произошла грубая подмена одного другим. И как раз поспешное, во многих случаях с опережением Запада, признание целостности даже тех, из тела Российской империи в свое время произвольно выкроенных административных образований, названных союзными республиками, на территориях которых уже полыхали конфликты, придало этому распаду глубоко порочный и абсолютно противоправный характер *межмоментальной дележа* с отчетливо выраженным привкусом крепостничества.

Между тем уже имеющиеся международные прецеденты вполне позволяли и горбачевскому руководству, при котором “процесс пошел”, и пришедшему ему на смену руководству ельцинскому опереться на них, дабы избежать передачи “земель с мужиками”. Более того: даже обязывали сделать это во имя провозглашаемых на каждом углу идеалов и принципов демократии, следуя по тому же пути, который еще в 60-е годы был обозначен Францией. Так, сообщают авторитетные международные эксперты, авторы основательного исследования “Международное право и независимость Приднестровья”, при распаде Французской колониальной империи “территории, которые не желали быть частью новых независимых государств, получали статус заморских департаментов Французской республики”. Именно таков, например, случай острова Майотта, жители которого не пожелали в 1966 г. отделяться от Франции и войти в состав Федеративной Исламской Республики Коморские Острова. О чем и заявили дважды, в 1964-м и 1976 годах, подавляющим большинством голосов. И хотя ООН не признает французских прав на Майотту, Париж сумел *de facto* настоять на соблюдении законных прав ее жителей – притом настоять очень твердо; ведь Майотта признана заморским департаментом Франции и на этом основании даже считается территорией Европейского Союза.

“Разумеется, – подчеркивают авторы, – никто не накладывает на Францию никаких санкций за одностороннее признание острова частью своей территории”*, а ведь очевидно, что узы, соединяющие маленький остров в Индийском океане с Францией, далеко не столь глубоко уходят в историю, нежели, к примеру, связи Приднестровья с Россией. Однако Россия ни разу не дерзнула поставить вопрос аналогичным образом, *ни разу* не напомнила, что право народов на самоопределение подразумевает самоопределение не только через отделение их от того или иного государства, но также и через *сохранение ими своего статуса как его части*. И Майотта являет отнюдь не единственный, хотя едва ли не самый экзотичный пример разрешения коллизий,

* Брюно П., Шансе Вельмот Ф., Верник О. Международное право и независимость Приднестровья. ПМР, Бендеры, 2007, с. 70.

аналогичных тем, с которыми столкнулся Советский Союз в конце 80-х годов минувшего века и которых до сих пор не в состоянии разрешить его преемница. Между тем в первой половине тех же 80-х годов малочисленное население Фолклендских островов на плебисците, состоявшемся после поражения Аргентины в войне с Англией, подтвердило свое желание остаться в составе Великобритании, что и произошло.

Еще более показателен случай Гибралтара, в 1703 году отторгнутого Англией у своего главного соперника на море. Однако несмотря на активное желание Мадрида аннулировать результаты этой очевидной аннексии, жители Гибралтара 10 сентября 1967 года проголосовали против независимости от Британии. И даже промежуточный вариант – план перехода под совместный англо-испанский суверенитет – был, по сути дела, единогласно отвергнут гибралтарцами 7 ноября 2002 года, что вынудило Испанию 4 года спустя согласиться с решением Лондона “принять во внимание волю жителей”. А ведь речь шла о двух членах ЕС, то есть отказ признать эту волю вовсе не грозил жителям Гибралтара теми трагическими последствиями, которые довелось в полной мере вкусить народам постсоветских *непризнанных*. И тем не менее, комментируя результаты Гибралтарского референдума, британский Форин Оффис счел нужным заявить, что “Соединенное Королевство никогда не вступит в такие соглашения, в соответствии с которыми жители Гибралтара могли бы попасть под суверенитет другой страны *против их свободно и демократическим путем выраженной воли*” (там же, стр. 70. Выделено в тексте).

Иными словами, здесь со всей определенностью постулировалось, что *люди не могут считаться принадлежностью территории и передаваться другому государству без учета их собственного волеизъявления*. Иное дело, что Великобритания, как и вообще страны Запада, к аргументации такого рода обращается, в основном, тогда, когда речь идет о ее интересах, но это, однако, ничуть не умаляет основополагающего значения самого принципа. И кто мешал советскому, а потом и российскому руководству в своих действиях руководствоваться тем же постулатом, тем более что именно к этому обязывал их действовавший на тот момент закон от 3 апреля 1990 г., соответствующим образом определявший процедуру выхода из СССР. Он, однако, был полностью проигнорирован, и только после августовской войны 2008 года российский министр иностранных дел С. Лавров попытался напомнить о *правовом* подходе к вопросу. “Мы, – заявил он тогда, – не можем считать людей некой “принадлежностью” чьей бы то ни было территории, которая может произвольно, без согласия этих людей переходить под суверенитет того или иного государства в нарушение Устава ООН, принципов Хельсинкского Заключительного акта. Такой подход возвращал бы нас – в сегодняшней Европе – к временам крепостного права” (“НГ”, 15 сентября 2008 г.).

Слова эти, однако, никак не были подкреплены соответствующими действиями, и даже больше – действия вопиюще противоречили словам. Ведь даже если ограничиться только Абхазией и Южной Осетией, которые в те дни все-таки были признаны Россией, то произошло это отнюдь не потому, что российское руководство наконец-то осознало непристойность своей приверженности к архаике крепостного права, а по причинам сугубо ситуативным, вследствие вторжения грузинских войск в Южную Осетию. Что и было вновь подчеркнуто президентом РФ Д. Медведевым во время его выступления в Сухуме 8 августа 2010 года. Тогда, подчеркнул он, “по сути было поставлено под угрозу существование народов Южной Осетии и Абхазии... Если бы решения тогда не были приняты, то сейчас ситуация была бы совсем иной” (“НГ”, 9 августа 2010 года). Между тем это странное связующее “и” не может не удивлять: ведь вторжения в Абхазию в 2008 г, в отличие от 1992 года, не было. Однако после той войны, после мучительной, длившейся почти год оккупации республики грузинскими войсками РФ не только не сделала никаких поползновений к признанию ее независимости, но, напротив, еще и предприняла попытки блокадой принудить ее к реинтеграции в Грузию. Ни намек не прозвучало и на необходимость международного суда над Э. А. Шеварднадзе, суда, идеей которого сегодня буквально одержима Москва по отношению к Саакашвили; не подвергался экс-президент Грузии и никакому остракизму с ее стороны. Все это, конечно, наводит на многие размышления о подлинных причинах и смыслах августовской войны, равно как и превентивного признания Абхазии. (Более подробно я писала об этом в “Нашем современнике”, № 11, 2008.)

Конечно, хотя и запоздало, но справедливость, по крайней мере по отношению к двум из четырех самопровозглашенных государств, сформировавшихся на постсоветском пространстве, была восстановлена, что в любом случае не может не радовать. Однако то, как это было сделано, показало, что никаких базовых принципов, которыми руководствуется и впредь намерена руководствоваться Россия, принимая подобные решения, у нее нет; ну, а превращение в изгоев двух других *непризнанных*, имеющих, однако, ничуть не меньшее право на признание, лишний раз подчеркнуло живучесть номенклатурного произвола как доминанты ее поведения в этом вопросе. В то же время не сумела она и достаточно убедительно продемонстрировать, что конъюнктурный, *ad hoc*, подход к нему, предъявленный ею международному сообществу в августе 2008 года, она намерена применять и впредь – подобно Западу, там и тогда, где и когда сочтет это нужным. Ей для этого не хватило куража (не в смысле склонности третировать более слабых, чего как раз хватает с избытком, а в смысле дерзкой готовности идти до конца), а потому она уже в значительной степени девальвировала свой успех 2008 года.

В сущности, в какой-то мере повторилась история со знаменитым броском на Приштину – ведь ни тогда, на Балканах, ни спустя девять лет на Кавказе Россия не встретила ни того решительного противодействия, ни, тем более, военного отпора со стороны Запада, которым постоянно пугали и продолжают пугать противники любого проявления ею собственной политической воли. Однако ни в 1999-м, ни в 2008 году развить свой успех Россия не сумела – или не захотела? В любом случае расплачиваться пришлось, и на Балканах такой расплатой стал вначале высокомерный отказ оправившегося от шока Запада в выделении ей собственной зоны ответственности в Косове, а позже, в феврале 2008 года, признание Западом провозглашенной Приштиной независимости. Провозглашенной в прямое нарушение принятой СБ резолюции 1244 и, однако, в конце июля 2010 года подтвержденной Международным судом в Гааге. И сегодня мало кто сомневается в том, что процесс международного признания Косова стал необратимым: с Приштиной установили дипломатические отношения уже 69 государств, а без членства в ООН она может пока и обойтись: ведь после череды локальных войн, ознаменовавших конец XX века, в начале века XXI всем уже ясно, что в решении судебных народов и государств отнюдь не ООН играет первую скрипку.

Что же до Кавказа, то и здесь уже успело осыпаться немало листьев с триумфального венка 2008 года, и даже директор Московского Центра Карнеги Дм. Тренин, быть может, в стремлении подсластить пилюлю начавший за здравие, вынужден кончить если не за упокой, то, во всяком случае, не на самых мажорных нотах свое описание нынешней ситуации в этом регионе: “Через два года после окончания войны на Кавказе Россия ощущает себя безусловной победительницей”, но – “статус Абхазии и Южной Осетии остается подвешенным”. С РЮО вообще много вопросов, а в более широком плане “нереализованной оказывается заявленная роль России в качестве лидера в создании системы безопасности на Южном Кавказе” (“Ведомости”, 09.08.10). А ведь какие жесты делались тогда в ее пользу, какие политические идеи выдвигались! Воспользоваться же ими РФ было бы тем легче, что не она была их инициатором, не она ввела, например, понятие “ядровой грузинской территории”, к которой, как явствовало из контекста речи канцлера ФРГ Ангелы Меркель, последняя не относилась ни Абхазию, ни Южную Осетию. А экс-президент Италии Франческо Коссиго заявил тогда же: “Я за территориальную целостность Грузии, но в ее естественных исторических и культурных границах” (“НГ”, 1 сентября 2008 года).

Решилась Россия развить свой успех, у нее, бесспорно, были бы все исторические и юридические, не говоря уже о нравственных, основания применить то же понятие “ядровой территории”, или, говоря словами Коссиги, “территориальной целостности в естественных исторических и культурных границах” к ситуации, сложившейся в Приднестровье и Нагорном Карабахе. Она, однако, предпочла эту ситуацию не просто сохранить, но усугубить самим фактом не имеющего уже никакого оправдания их “изгойства”. Рассчитывала ли она при этом на безгласное повиновение тех, кому отказано? Либо на чудодейственное “авось рассосется”? Либо – и это, на мой взгляд, наиболее вероятно, с учетом склонности руководства РФ делать ставку не на правовые решения, а на межноменклатурные соглашения – на приход к власти в

проблемных регионах каких-то политических сил, с которыми все-таки удастся договориться? В любом случае, ни того, ни другого, ни третьего не произошло, и жаркое лето 2010 года, по многим признакам, вновь поставило Москву лицом к лицу с этими двумя клочками земли, самочинно вторгшимися на политическую карту.

* * *

Разумеется, решение Международного суда в Гааге уже вызвало соответствующую реакцию и в Тирасполе, и в Степанакерте. МИД НКР заявил в этой связи: “22 июля Международный суд справедливости утвердил и исторически закрепил, что право народов на самоопределение и его осуществление не нарушают какой-либо принцип или норму общего международного права, в том числе принцип территориальной целостности... Данное решение имеет крайне важное правовое, политическое и моральное, а также прецедентное значение и не может ограничиваться лишь примером Косово”. (Цит. по: “НГ”, 27 июля 2010 г.) Со своей стороны, МИД ПМР, хотя и не делая столь широких обобщений, обратился в ООН с просьбой о признании независимости республики, также ссылаясь на решение Международного суда по Косово. “Изгоев”, стало быть, не смутила безапелляционная и пренебрежительная реплика представителя Госдепа США Филиппа Кроули, по мнению которого решение Гаагского суда не может распространяться на другие подобные случаи: “Нет... мы не считаем, что это применимо в любой другой ситуации”.

Спору нет – мнение самих “изгоев” не слишком много тянет на весах международной Фемиды, но свое слово на этом новом витке возвращения проблемы Косова как *прецедента* они уже сказали, и хотя слово это, конечно, можно замолчать, его нельзя вычеркнуть из истории вопроса, с ним, так или иначе, придется считаться.

Ну, а что же Россия? Ведь один раз, несмотря на свои грозные предупреждения, она возможность использовать решение Запада по Косову для разрешения проблем постсоветских самопровозглашенных государств уже упустила. Между тем нельзя исключить, что, сдержки она тогда свое слово, не потребовалась бы и кровавая цхинвальская операция, представшая – независимо от того, хотела этого Москва или нет, – как единственно доступный ей способ решения подобных вопросов. Однако и сегодня, после решений суда в Гааге и заявлений МИДов НКР и ПМР, никаких ни действий, ни жестов, ни даже слов, которые позволяли бы заключить, что уроки из событий марта–августа 2008 года извлечены, со стороны России не последовало – при том, что обе эти, столь удаленные друг от друга и географически, и исторически, “замороженные” горячие точки вот-вот грозят разморозиться.

В своем уже упомянутом выступлении в Сухуме 8 августа 2010 года президент Медведев заявил, в частности: “Сейчас ситуация успокоилась, как я вижу из общения с международными партнерами”. Если предположить, что сказанное относится исключительно к Абхазии и РЮО, то тогда, даже с учетом всех сделанных оговорок об их “подвешенном статусе”, с этим, может быть, и можно было бы согласиться. Но тогда, конечно, говорить о лидерской роли России на Южном Кавказе не слишком уместно, потому что регион этот никак не ограничивается двумя названными маленькими государствами. А вот если имеется в виду Закавказье в целом, то президентское утверждение об “успокоении ситуации” звучит несколько странно. Потому что в Степанакерте сегодня говорят о самой большой накаленности обстановки со дня подписания в мае 1994 г. протокола о невозобновлении огня. Начиная с последней декады июля текущего года на карабахско-азербайджанском рубеже происходит до 40–50 ежедневных нарушений режима прекращения огня, в чем стороны, естественно, обвиняют друг друга. Покою не добавляют слухи о продаже Москвой Азербайджану ЗРК С-300, ПМУ-2 и “Фаворит”, да и откуда бы взяться покою, если учесть, что Баку уже не раз со всей определенностью заявляло о возможности военного решения не решаемой иными способами проблемы. А потому в таком контексте особую тревогу в непризнанной республике вызывают участвовавшие облеты ее границ самолетами и беспилотными летательными аппаратами, что слишком уж напоминает происходившее в Абхазии и Южной Осетии накануне августовской войны.

В связи с этим президент НКР Бако Саакян счел нужным заявить: “Азербайджанская сторона должна крепко усвоить, что возвращение к советскому положению невозможно. Нагорный Карабах независим, не откажется от этого даже в самой мизерной степени и готов отстаивать свободу любой ценой”. А поскольку Москва упорно, на протяжении двадцати лет, минувших со дня распада СССР, демонстрирует приверженность к неприкосновенности его *внутренних* границ, то ситуация явно заходит в тупик. И если РФ так и не сможет предложить более внятного ответа на нее, то, думаю, вопрос о ее не только лидерстве, но даже и сколько-нибудь значимом посредничестве на Южном Кавказе потеряет всякую актуальность.

Ну хорошо, могут возразить мне, но ведь это Карабах, уже давно, а особенно в последние годы жизни Союза особо выраженной прорусской ориентацией не отличавшийся. Однако отсюда ведь вовсе не следует, что умаления роли Москвы можно ожидать не только здесь?

Увы, похоже, что следует: ведь сходным образом все более заметно развиваются события и в Приднестровье, геополитически мало связанном с Закавказьем, а культурно-исторически столь сильно и глубоко привязанном к России, что привязанности этой не смогли сломить все беды, пережитые непризнанной республикой за те же десятилетия, и все обиды и несправедливости, нанесенные ей Москвой. И, тем не менее, роль Москвы в урегулировании конфликта на Днестре тоже девальвируется — даже независимо от воли и желания Тирасполя, но просто потому что к этому толкает весь ход событий нескольких последних лет. Но особенно — перевалившего за первую половину 2010 года, отмеченного очевидной “перезагрузкой” позиции Запада на этом направлении. Притом перезагрузкой отнюдь не в сентиментальном смысле возрастания его благорасположения к России, как это в восходящей ко временам Горбачева лицемерной традиции порою еще толкуется прокремлевскими политобозревателями.

Конечно, на Днестре покуда не наблюдается столь явных признаков возможного военного столкновения, однако именно здесь гораздо четче и масштабнее уже обозначились как контуры очередного, притом весьма резкого натиска Запада на позиции России, так и полная пока невнятность ее реакции на эту новую реальность. Ключевым для всей системы приемов этого натиска можно считать понятие “деокупация”, частотность употребления которого стремительно возрастает.

Конечно, самыми сенсационными в этом смысле можно считать заявления госсекретаря США Хилари Клинтон, сделанные ею в ходе июльских визитов в Варшаву, Киев и Тбилиси. В заявлениях этих красной нитью — впервые за два года с такой настойчивостью! — проводилась мысль о “деокупации грузинских территорий”, то бишь Абхазии и Южной Осетии, уже без всяких упоминаний “ядровой территории” союзной республики, к которой они некогда были приписаны. Осторожный и уклончивый ответ российского премьера (именно премьера, хотя заявления по таким вопросам, как отметил немецкий эксперт Александр Рар, обычно делает президент) стал поводом для многочисленных комментариев и предположений, вплоть до возможной попытки Москвы в некоем неопределенном будущем отыграть ситуацию назад — по крайней мере, в том, что касается РЮО.

Однако мало кто обратил внимание на то, что июльским речам Клинтон предшествовал июньский демарш Ангелы Меркель, которая, в ответ на инициативы российского президента по созданию новой архитектуры европейской безопасности, предложила России для начала вывести свои войска из Приднестровья. Подчеркнув, что лишь после этого Европа вроде бы будет готова обсуждать предложение Медведева. Идею подхватила и развернула ответственный представитель Германского фонда Маршалла в Бухаресте Алина Инае, подчеркнувшая даже, что для европейцев и, в частности, для немцев “ключевой целью” (!) подобного сотрудничества должно было бы стать “оказание давления на Приднестровье с целью подтолкнуть его к компромиссу”. Ну, а российские миротворцы могли бы быть выведены или подчинены совместному мандату ЕС—РФ. И вот, возможно, самое главное по “гамбургскому счёту”, во всяком случае, для престижа России: “В более широком контексте инициатива проверит серьезность российских предложений о сотрудничестве”

(www.olviapress. 22 июня 2010 г.). Вот так – “проверит”. Словом, девочка, ве-ди себя хорошо, а там будет видно – но, похоже, никто в российской ни зако-нодательной, ни исполнительной власти не заметил унизительной ультиматив-ной увязки. И это тем более удивительно, если на энергичную инициативу Меркель (разумеется, с воодушевлением поддержанную в Бухаресте) взгля-нуть не изолированно, а в связи с другими, не менее значимыми событиями этого же года в этом же регионе.

Так, еще в феврале президент Румынии Траян Бэеску дал добро амери-канским планам размещения ПРО на ее территории, и вскоре Вашингтон подтвердил, что соответствующие переговоры с Бухарестом уже ведутся. Ки-шинев, конечно, активно поддержал позицию соседки, Приднестровье же предложило России свою территорию для размещения на ней того, что Рос-сия сочтет нужным разместить. Предложение Тирасполя повисло в воздухе, а далее события развивались следующим образом.

В конце апреля прозвучал целый ряд заявлений и. о. Президента РМ Ми-хая Гимпу, в которых Россия как правопреемница СССР была поставлена в один ряд с нацистским рейхом – как то, напоминая, уже было сделано в Вильнюсской декларации ПАСЕ год назад. В этой связи 28 апреля министр иностранных дел РФ Сергей Лавров обратился к Гимпу с увещанием: не ис-пользовать День Победы для политических спекуляций, в ответ на что молдав-ской и. о. напомнил России о необходимости вывести ее войска из Придне-стровья и в те же дни, будучи с визитом в Бухаресте, обратился к Румынии с просьбой о посредничестве в приднестровском урегулировании. Стоит доба-вить, что тогда же, в конце апреля, молдавские информационные агентства сообщили о том, что созданная по указу Гимпу государственная комиссия по изучению ущерба, нанесенного Молдавии вследствие оккупации ее “тотали-тарным коммунистическим режимом”, подсчитала сумму этого ущерба, воз-местить который и должна *правопреемница*. На мягкий увещательный тон обращения российского МИДа это, впрочем, никак не повлияло, а потому дальнейший ход событий вряд ли может удивлять: кто бы отступил, когда пе-ред наступающими услужливо открывается зеленая улица?

И вот, после того, как Москва оплатила прибытие в столицу и пребыва-ние в ней молдавских военных из роты президентского почетного караула, без которых юбилейный парад Победы, видимо, никак не мог состояться, 18 мая молдавский премьер Владимир Филат, в ответ на совместное заявление Д. Медведева и В. Януковича о необходимости интенсифицировать и коорди-нировать усилия по урегулированию приднестровского конфликта, *потребо-вал* вывода войск РФ из Приднестровья. И это при том, что в совместном за-явлении российского и украинского президентов вновь было подчеркнута, что урегулирование возможно только в формате сохранения территориальной це-лостности Республики Молдова. И, право, трудно отделаться от впечатления, что в очередной раз продемонстрированные Россией размытость и уклончи-вость в приднестровском вопросе поощрили Кишинев к новым жестам и дей-ствиям. Самым агрессивным из которых стало наконец-то побудившее ее хоть как-то высказаться по поводу происходящего на берегах Днестра предложе-ние Михая Гимпу объявить 28 июня Днем советской оккупации. За которую Россия как правопреемница СССР должна нести ответственность, в том числе и материальную.

Однако незачем делать вид, будто подобное требование прозвучало вдруг, как гром среди ясного неба, и что если, как, следуя своей излюблен-ной тактике, сейчас пытается делать Россия, “нехорошему” Гимпу найти бо-лее подходящую замену, то всё как-то утрясется, и вопрос о компенсации и “деокупации” как-то сам собой загложнет. Ничего неожиданного в требова-нии компенсации нет, разговоры об этом шли еще с конца 80-х – начала 90-х годов, когда вместе с быстрым восхождением к власти Народного фронта Молдовы все резче звучала тема “советской оккупации”. Что отнюдь не по-мешало Москве и лично М. Горбачеву решительно поддержать Кишинев в его политике грубого давления на Приднестровье, что, по сути, означало молча-ливое согласие с кишиневской, резко прорумынской трактовкой вопроса об *оккупации*. Под которой, согласно такой интерпретации, подразумевается ввод советских войск на территорию Бессарабии, аннексированной Румыни-ей в 1918 году.

Правомочность этой аннексии никогда не признавалась странами Запада, даже в периоды их наибольшей враждебности к СССР, в отличие от их позиции по отношению к прибалтийским государствам. Можно добавить также, что еще до вхождения советских танков в Бессарабию между Гитлером и “кондуктором” Антонеску была достигнута договоренность о совместных действиях в рамках операции “Барбаросса”, что, конечно, не могло не быть известно советскому, да и не только советскому руководству, а потому действия СССР тогда представляли тем более оправданными в глазах Запада. И, конечно, для сотен тысяч людей день 28 июня 1940 года стал, с высокой степенью вероятности, залогом их собственного спасения – в самом буквальном смысле слова: бессарабская полоска земли хоть насколько-то задержала продвижение фашистских армий и позволила им буквально выскользнуть из-под сапога. В числе этих людей была и моя мать, застигнутая войной на левом берегу Днестра и с двумя малолетними детьми, под бомбежками и обстрелами, успевшая на последних уходящих на восток эшелонах вырваться из готового сомкнуться кольца окружения. Спустя две недели Приднестровье было оккупировано румынско-фашистскими войсками – оккупировано именно оно, как оно же и было деокупировано в 1944 году Красной Армией, прямой наследницей тех российских войск, которые привел сюда Суворов. Привел тогда, когда Румыния вообще еще не существовала как государство, а Молдавское княжество (в состав которого, впрочем, никогда не входило Приднестровье) давно утратило независимость и зывало к России о помощи в борьбе за освобождение от османского ига.

Такова вкратце история вопроса, оспорить которую невозможно, но о которой Россия за все минувшие годы так ни разу и не решилась напомнить в полный голос. Как даже и теперь не решилась напомнить о том, что только превратности отечественной истории (основанный на приоритете идеологии – а не истории и культуры народов – способ формирования СССР, в главных своих чертах сформулированный и жестко навязанный Лениным) стали причиной того, что нормальный ход событий 1940 года, сутью которых было возвращение Советским Союзом незаконно отторгнутой части исторической России, получил, при образовании МССР, извращенный вид дарения только что возвращенной Бессарабии другой, столь же произвольно отторгнутой от основного массива, части единого государства. Конечно, отторжение это тогда представлялось чисто виртуальным, однако еще в 1924 году, когда вследствие создания здесь МАССР в составе Украины для него были созданы первые, еще зачаточные предпосылки, нашлись два дальнозорких политика, сумевших в событиях первой четверти XX века разглядеть зародыш того, что произошло в последнем его десятилетии. Одним из них был премьер-министр Королевской Румынии К. Братиану, о котором мне уже не раз случалось писать, а вот другим оказался известный советский дипломат Г. Чичерин, писавший Молотову 3 марта 1924 г.: “Создание МССР преждевременно в данный момент, так как вызовет экспансионистские устремления румынского шовинизма...” (Цит. по: “История Приднестровской Молдавской Республики”, т. 2, ч. 1. Тирасполь, 2001, с. 89.)

Полагаю, что имя Чичерина, конечно, хорошо известно в российском МИДе и что, изучая историю приднестровского вопроса, там не могли обойти вниманием и этот его столь проницательный прогноз. Правда, на протяжении последних двадцати лет все это можно было, как остается и сегодня, только предполагать, так как ничто в действиях российского руководства не позволяло сделать вывод, будто история его вообще интересует. Она, однако, не переставала интересовать других, и чем меньшей информацией о ней располагало советское, а позже российское общество, тем большей простор открывался для ее интерпретаторов с другой стороны. Мне самой пришлось убедиться в том, что в Румынии идея *возвращения (!)* Приднестровья в Молдову, с последующим присоединением всего целого к соседке, приобрела масштаб едва ли не общенациональный, тогда как огромное число русских в нынешней России с трудом, если и вообще вспомнит, где находится Тирасполь, и все-таки полагает, что Республика Молдова испокон веков существовала в том самом виде, в каком она покинула СССР в 1991 году. А потому с горечью еще и еще раз убеждаешься в правоте нашего национального поэта: “Мы ленивы и

нелюбопытны”. За что уже и расплачивались неоднократно, а вот теперь нам предлагают расплатиться вновь, притом чистоганом, что должно быть особенно чувствительно для вошедших во вкус рынка и денег “дорогих россиян”.

И, казалось бы, уж тут-то должно взыграть ретивое, коль скоро крепко уснуло считавшееся национальной чертой острое чувство справедливости, уж после того кишиневского демарша все точки над “і”; а если не все, то хотя бы главные, будут наконец расставлены. Хотелось думать, что долго отмалчивавшаяся – допустим даже, что из ложно понимаемого миролюбия – Россия все-таки решится на неизбежный шаг и напомним руководству РМ о дне и годе рождения республики в тех границах, на неприкосновенность которых она претендует сегодня. А также о том, что свое существование в этих границах она прекратила в 1990 году. Притом не вследствие вмешательства или давления со стороны тогда еще советского правительства, а по собственной воле, прекратила тогда, когда – о чем мне уже не раз доводилось писать и о чем, к сожалению, придется вновь и вновь напоминать – 23 июня 1990 года Верховный Совет ССР Молдова утвердил Заключение созданной им Комиссии “по политико-юридической оценке Советско-Германского договора о ненападении...”, где говорилось о незаконности создания 2 августа 1940 года Молдавской ССР, которое объявлялось следствием “советской оккупации” Бессарабии и Северной Буковины.

И лишь после этого, 2 сентября 1990 г., была провозглашена Приднестровская Молдавская республика, в этом году отмечающая свое двадцатилетие. Создание ее было абсолютно безупречно с правовой точки зрения: ведь, несмотря на брошенную Горбачевым приднестровцам кличку “сепаратисты”; до упразднения Молдавской ССР самое себя, – ибо других актов, конституирующих ее в тех границах, на которые Кишинев сегодня претендует, нет – они не объявляли о своем отделении даже от МССР. И уж тем более – от СССР, напротив: будучи создана, республика тотчас же обратилась к советскому руководству с просьбой о принятии ее в состав Союза, для чего действовавшая на тот момент Конституция СССР открывала все возможности. Однако тогда-то и прозвучало впервые то самое, барственное и высокомерное, “вам отказано”, под знаком которого непризнанная республика прожила минувшие десятилетия. Огромную личную ответственность именно за такой поворот событий осенью 1990 года несет руководство Верховного Совета СССР в лице А. Лукьянова и Р. Нишанова. А само по себе принятое им и не имеющее никакого сколько-нибудь вразумительного обоснования решение об отказе я считаю той точкой, где Россия отказала и самой себе в возможности сделать решительный шаг от обветшалой приоритетности приемов закулисных политических игрищ и номенклатурных сговоров при решении вопросов, судьбоносных для государства и населяющих его народов, к более гибкому и отвечающему требованиям века типу поведения. Итак, повторяю, хотелось надеяться, что уж теперь...

Но вот и спустя 20 лет, даже после оскорбительного кишиневского демарша, Москва не решилась ни напомнить Республике Молдова об акте ее самонанигиляции в 1990 г., ни признать ошибочным и антиконституционным вынесенный тогда же вердикт советского руководства относительно ПМР.

Напротив: почти синхронно с указом Гимпу об учреждении Дня советской оккупации МИД РФ заявил, что Россия и ЕС “будут делать все, чтобы как можно скорее вернуть стороны за стол переговоров”, главная задача которых – “искать обоюдоприемлемое решение этого конфликта в рамках сохранения и укрепления суверенитета Молдавии” (“НГ”, 25 июня 2010 года). При этом он не исключил участия ЕС в миротворческой миссии в Приднестровье, а это – огромная уступка, особенно с учетом контекста, в котором она была сделана. Ведь буквально в те же дни, опять-таки почти синхронно, президент Румынии внес на рассмотрение парламента проект Национальной стратегии обороны страны, в которой Россия обозначена как источник внешней угрозы. Ибо, было подчеркнуто особо, разместив войска на территории Молдавии без согласия Кишинева, Москва тем самым угрожает безопасности Румынии. А потому Бухарест, следовал вывод, намерен активно содействовать “продвижению решений, направленных на демилитаризацию региона”. Ясно, конечно, что в таком контексте под демилитаризацией подразумевается именно – и только – вывод российских “оккупационных” войск из Приднестровья, которого – причем немедленно – потребовал Гимпу 24 июня. Между тем, как напомнил ми-

нистр иностранных дел ПМР Владимир Ястребчак, в 1992 году российские миротворцы были введены в район боевых действий на Днестре в соответствии с межгосударственным соглашением между РМ и РФ. Под документом стоят подписи президентов двух стран (соответственно, М. Снегура и Б. Ельцина), а потому для переформатирования миротворческой миссии потребуются вначале денонсировать его, что может отбросить процесс к исходной точке, то есть именно к 1992 году, подчеркнул Ястребчак.

Отдают ли себе в этом отчет в Москве? И даже если худшего не произойдет, понимают ли, что подобный демонтаж всех соглашений, достигнутых еще при ведущей роли России в урегулировании конфликта, означает стремительное падение этой роли, возможно, до нулевой отметки? А ведь немалый отрезок пути к этому уже пройден, в чем свою роль сыграла неспособность или нежелание РФ (как почти всегда в таких случаях, в ее поведении трудно отличить одно от другого) положить конец одностороннему прекращению Кишиневом действия подписанного соответственно президентом России Б. Ельциным и президентом РМ П. Лучинским Меморандума об основах взаимоотношений между Молдавией и Приднестровьем.

Собственно, нарушение молдавской стороной условий этого документа, существенно расширявшего рамки политической и экономической самостоятельности непризнанной республики, началось еще в 2001 году, с приходом к власти В. Воронина. Тогда Москва, следуя излюбленной ею практике межличностных договоренностей, при полном безразличии к выработке внятных основополагающих принципов своего поведения, сделав на него основную ставку, видимо, понадеялась ценой уступок на приднестровском направлении закрепить свое положение и на правом берегу Днестра. Разумеется, в Кишиневе это расценили как слабость, которой и воспользовались не мешкая, в 2006 году введя, в нарушение Меморандума и будучи поддержаны в этом президентом Украины В. Ющенко, новый таможенный режим для Приднестровья. МИД РФ тогда выступил с заявлением, в котором выразил свою озабоченность этой, как было сказано в заявлении, “попыткой оказания экономического давления на Приднестровье”, а по сути дела — его экономической блокадой, и призвал все заинтересованные стороны немедленно начать консультации по выработке взаимоприемлемых путей решения проблемы, но... С тех пор минуло больше четырех лет, а воз и ныне там, так что действие Меморандума-1997 можно считать *de facto* прекращенным, что вряд ли сильно способствовало укреплению престижа России как посредника в урегулировании приднестровского конфликта. Однако и сейчас, когда, начиная с весны 2010 года, активизировался натиск Кишинева (хотя уместнее будет говорить о тандеме Бухарест — Кишинев) уже на позиции самой России, причем своей целью очевидно имеющий новую румынскую аннексию территорий, традиционно входивших в состав исторической России, — на сей раз не только Бессарабии, официально известной под именем Республика Молдова, но и Приднестровья, — МИД РФ ограничивается общими заявлениями благожелательного характера в духе кота Леопольда.

Иначе, пожалуй, и не назовешь прозвучавший на следующий день после того, как и. о. Президента РМ Михай Гимпу озвучил свою инициативу, ответ МИДа РФ, где рекомендовалось “не дестабилизировать обстановку в Приднестровье” и не вести дело “к конфронтации на политическом поле в многонациональном молдавском обществе”, но откуда никак нельзя было понять, что же именно думает руководство России по существу вопроса. Иными словами, считает ли оно, что 28 июня 1940 года и впрямь произошла оккупация Бессарабии и Северной Буковины советскими войсками, а если считает, то каким все же образом оно увязывает с этим Приднестровье, и до “роковой” даты пребывавшее там, куда оно вошло по Ясскому мирному договору, заключенному Екатериной II еще в 1792 году. Ну, а коль скоро главное не прозвучало, то, разумеется, никого не заинтересовали вялые паллиативы, вроде предложенной Россией увязки вывода российских миротворцев с “окончательным урегулированием приднестровского конфликта”, и они уже 30 июля послом Республики Молдова в Бухаресте были названы “контрпродуктивными и противоречащими Конституции РМ”.

Не помогло делу и извлечение на свет Божий доброй старой кулеврины в виде наложенного главой Роспотребнадзора Г. Онищенко очередного запрета на импорт молдавского вина в Россию. Это испытанное орудие как-то не

слишком впечатляет в век новых технологий (в том числе и политических), особенно на фоне представленного тогда же, в конце июля, доклада Госдепа США, где подчеркивалось, что российские вооруженные силы присутствуют на территории Грузии и Молдавии без согласия этих государств. Что, в сущности, было повторением сделанного уже после нашумевшего указа Гимпу заявления Хиллари Клинтон об оккупационном характере российского военного присутствия в Молдавии и Грузии. Ободренный позицией госсекретаря США, и. о. уже заявил о своем намерении посетить Тбилиси, намерении, которое, конечно, даже неуместно было бы комментировать, когда бы не его контекст, не очевидная, особенно при панорамном обзоре, тесная взаимосвязка всех отметивших 2010 год политических жестов и заявлений, связанных с темой советской и продолжающей ее российской “оккупации”! И эта взаимосвязка позволяет с высокой степенью вероятности предположить, что борьба Грузии и Молдавии за их, соответственно, “деокупацию” имеет верховного координатора. Для действий которого открывается тем больший простор, что РФ уже позволила довольно далеко зайти процессу эрозии российско-молдавских соглашений 1992 г. и, в сущности, демонтажу всех ею же самой созданных механизмов урегулирования конфликта и опор ее посреднической роли.

Новый виток игр с экс-президентом РМ В. Ворониным, затеянных Москвой в преддверии новых выборов в Кишиневе, свидетельствует о том, что она на днестровском направлении демонстрирует роковую неспособность к выдвижению даже новых политических фигур, не говоря уже о новых политических инициативах. А потому, если, допустим, и на сей раз такие игры приведут к желаемому результату, то это нисколько не приблизит решения проблемы в целом, но станет залогом ее возвращения в обостренной форме. Ведь Кишиневу нужна “деокупация”, и стоящий за его спиной претендент на главную роль в разрешении конфликта готов обеспечить ее. Однако для Тирасполя такой вариант разрешения означал бы его полное уничтожение, и он, все еще полагающийся на Москву, ждет от нее если уж не самого желанного – признания, то, по крайней мере, твердых гарантий. Но способна ли Москва дать их?

* * *

Ее ответы на вызовы 2010 года не слишком обнадеживают. На Карабахском нагорье инициатива, по сути дела, уже полностью выскользнула из ее рук, а на берегах Днестра если еще и удерживается, то лишь в силу глубокой привязанности народа Приднестровья к России. Однако никакой народ не может – да и не должен – бесконечно приносить в жертву этой привязанности свое собственное существование. Особенно там, где, не встречая хоть сколько-нибудь соизмеримой взаимности, он все более отчетливо начинает видеть себя превращенным в подсобное средство для достижения целей, ему все более непонятных и в любом случае не имеющих никакого касательства к ответу на главный для него вопрос: быть ему или не быть? А ведь именно об этом идет сегодня речь для ПМР, как, впрочем, и для НКР, для которой “сентиментальный” период вообще уже остался в далеком прошлом и опыт поведения которой в новых условиях может служить неплохим наглядным пособием для тех, кто, в свой черед и под давлением неумолимых обстоятельств, перешагивает эту черту. Как уже перешагнула ее Абхазия, еще совсем недавно пределом своих желаний видевшая воссоединение с Россией как наследницей Союза, а вот теперь, будучи признана ею, твердо заявившая о своем намерении быть независимой также и от нее. Упреки здесь неуместны: ведь усталость чувств – вещь очень серьезная, и с ней следует считаться в отношениях не только с отдельными людьми, но и с целыми народами.

В том, что касается Сухума, Россия приняла это как факт, с учетом которого и строит сегодня свои отношения с республикой. Однако тем более абсурдным предстает ее упорное стремление сохранить в неприкосновенности внутренние границы 20 лет назад ушедшего в историю СССР в Нагорном Карабахе и Приднестровье. Что до Закавказья, то Москва, целиком поглощенная проектом Олимпиады-2014, которому Кремль пытался даже – правда, безуспешно – придать статус общенациональной идеи, похоже, даже не задумывается о том, как сильно может измениться здесь ситуация, коль скоро Степанакерту вновь придется отстаивать свою независимость. И о том, что масштаб

этих изменений создаст новые риски для самого главного, даже по сравнению с Олимпиадой, ее сокровища, то бишь для системы трубопроводов и всей сплетенной вокруг них сети хитроумных политических игр.

Ну, а неизбежная, при продолжении той же излюбленной ею тактики “качелей”, утрата Россией влияния на Днестре может так сильно изменить расклад сил в Черноморском регионе, что для наших потомков воспоминания о ее некогда столь сильном и ярком присутствии на берегах этой вольной реки, окрест которой не раз сходились и мерялись силами “народы и цари”, станут примерно тем же, чем еще ко временам князя Игоря стали воспоминания о “веках трояновых”.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ЖРЕЦЫ И ЖЕРТВЫ ХОЛОКОСТА

КОСМАТЫЕ СЕРДЦА

Спасение Агасфера в его погибели.

Рихард Вагнер

В глубинах явления, именуемого Холокостом, таится множество исторических, политических, религиозных, этнических, психологических и прочих загадок. Не всем участникам этой бесконечной драмы выгодно, чтобы они были разгаданы. Потому-то Холокост объявляется событием не подлежащим изучению и осмыслению. Однако все тайное рано или поздно становится явным. Вот так постепенно проявляется одна из самых странных и зловещих тайн Холокоста, которую исследовал еще в 70-х годах прошлого века немецкий историк Хеннеке Кардель в книге “Адольф Гитлер – основатель Израиля”, переведенной на русский язык и опубликованный у нас в 2004 году крошечным тиражом.

После издания этой книги в Женеве автор неоднократно привлекался к суду со стороны еврейских организаций, но выиграл все судебные процессы, поскольку подтверждал в судах документами все спорные выводы своего исследования.

Хеннеке Кардель, подполковник вермахта в отставке, кавалер Железного креста, воевал в составе германских войск на Восточном фронте, побывал в советском плену, а после войны, задумавшись о ее причинах и тщательно изучив европейские архивы, сделал парадоксальный вывод о том, что многие вожди гитлеровского рейха, прославившиеся своими антисемитскими взглядами и ратовавшие за чистоту германской расы, на самом деле были сами отнюдь не “арийского”, а в той или иной степени семитского происхождения, и что их политика в 30-е годы прошлого века преследовала одну цель – вытеснение восточноевропейского еврейства в Палестину.

С этой точки зрения эпоху Третьего рейха и Холокоста истолковывали Иохим Фест в книге “Гитлер” (1973 г.), Б. Енгельман “Германия без евреев” (1970 г.), а также многие историки послевоенной Европы, такие как Конрад Хайден, Ганс Франк, Август Кубичек, Хельмут Хайдер, Ганс Циглер, и особенно Дитрих Брондер, профессор и доктор исторических наук, руководитель безрелигиозных еврейских общин Германии, издавший в 1975 г. в Швейцарии книгу “Bevor Hitler Kom” (“До прихода Гитлера”), из которой значительную часть информации взял для своего исследования Х. Кардель.

Продолжение. Начало в № 1–7 за 2010 год.

В этом же ключе написаны книги американских историков еврейского происхождения Вальтера Лангера "The Mind of Adolf Hitler" и Вилли Фришауэра "Himmler" (NY, 1962). Для советской "интернациональной" идеологии эта информация была крайне нежелательной. Подобные книги не переводились, не упоминались в исследованиях историков, и вообще вся тема находилась под цензурным запретом, что объяснялось особым характером создания высших эшелонов советской власти, начиная с первых лет ее существования: табу на тему "кремлевские жены", на семейную жизнь генсеков, родословное древо Владимира Ильича Ленина было обязательным.

Вспомним хотя бы, какой скандал вспыхнул в 30-е годы, когда Мариэтта Шагинян, собирая исторический материал для книги о вожде, "вдруг" обнаружила, что по материнской линии он происходит из еврейско-немецкой семьи Бланков! Скандал этот был моментально задавлен, и "табу" восстановлено.

Смешно сказать, но об одной шестнадцатой семитской крови в жилах Пушкина знал каждый любопытный школьник, но о Владимире Ленине этого знать было нельзя.

Поэтому такого рода знания и о гитлеровской верхушке не приветствовались в советской исторической литературе, как и тема "еврейского антисемитизма" в эпоху Третьего рейха.

За 10 лет до появления книги Карделя Ханна Арендт вплотную подошла к исследованию "антисемитизма" евреев, когда в очерках о процессе Эйхмана писала:

"Роль еврейских лидеров в уничтожении своего собственного народа — это для евреев, несомненно, самая мрачная глава во всей этой мрачной истории. В Амстердаме и в Варшаве, в Берлине и в Бухаресте нацисты могли рассчитывать на то, что еврейские функционеры составят списки лиц и опись имущества, добудут деньги на депортацию и уничтожение у самих депортируемых, возьмут на учет освободившиеся квартиры и предоставят полицию, чтобы помогать хватать евреев и запихивать их в поезда... То, что в лагерях смерти прямую помощь при уничтожении жертв оказывали обычно еврейские команды, этот сам по себе известный факт полностью подтвержден свидетельствами на процессах: как зондеркоманды работали в газовых камерах и крематориях, как они вырывали золотые зубы у трупов и отрезали волосы, как они рыли могилы, а позже снова разрывали те же могилы, чтобы скрыть следы массовых убийств, как еврейские техники строили газовые камеры в Терезиенштадте, которые, правда, не были использованы, как еврейская "автономия" дошла до того, что сама стала палачом евреев" ("Эйхман в Иерусалиме", 1964 г.)

Это — страшные картины. Однако то, о чем пишет Хеннеке Кардель, по своему и таинственнее и страшнее.

Если верить генеалогическим изысканиям Карделя и других европейских историков, на труды которых он ссылается, то почти у всех верховных жрецов Третьего рейха в жилах текла семитская кровь. **"После смерти президента Гинденбурга у рычагов власти в Берлине не осталось ни одного человека, который не имел бы примеси еврейской крови"** (Х. Кардель, стр. 126).

Сам фюрер, как сообщают многие источники, являлся по материнской линии внуком австрийского еврея Франкенбергера (стр. 20).

Йозеф Геббельс, министр нацистской пропаганды, был, оказывается, "потомок испано-голландских евреев, которого в школе дразнили раввином" (стр. 90).

"... Рудольф Гесс, сын английской еврейки, получивший английское воспитание в Египте, имевший хорошие связи с высшей английской знатью. Только он мог бы договориться с Черчиллем".

"При анализе этих тесных связей между гитлеровским движением и западными евреями заслуживает внимания начало политической карьеры будущего "заместителя фюрера" Рудольфа Гесса. На войне (1914–1918 г. — **Ст. К.**) он был летчиком, после войны стал в Мюнхенском университете ассистентом профессора политэкономии Хаусхоффера, католика еврейского происхождения, женатого на еврейке. Гесс и Хаусхоффер были членами Общества Туле. Гесс составлял тогда программу партии, а пункт 1 гласил: "Партия является антисемитской" (стр. 75–77).

"В политическом руководстве Гитлера был силен элемент с еврейской примесью среди тех, кто занимался борьбой с евреями и их уничтожением. И генерал СС Эрих фон дем Бах-Зелевский, возглавлявший борьбу против

партизан, и генерал СС и бывший гауляйтер Вены Одиль Глобочник, “истребитель евреев”, были люди с примесью еврейской крови” (стр. 206).

“Когда война стала войной на два фронта и тем самым была проиграна, Гитлер поручил своему ближайшему сподвижнику, начальнику полиции Рейнхарду Тростину Ойгену Гейдриху, отец которого первоначально носил фамилию Зюсс и о котором Гиммлер говорил, будто он “преодолеl в себе еврея”, заняться так называемым окончательным решением еврейского вопроса” (стр. 8).

“Повешенный в Нюрнберге генерал-губернатор Польши полуеврей Ганс Франк, во времена борьбы за власть юрисконсульт Гитлера, в своей опубликованной позже книге “Перед лицом виселицы” ясно дал понять, что знал о еврейском происхождении Гитлера... Его ненависть к евреям, возможно, обусловлена психозом ненависти к собственной крови” (стр. 14, 99).

“Адмирал Канарис, руководитель немецкой военной разведки и зарубежного шпионажа, вмешался во внутреннюю политику и предложил, чтобы все оставшиеся в рейхе евреи носили желтую шестиконечную звезду, как им предписывалось в разных странах в средние века. Эту идею он развил однажды в саду у соседа <...>. Соседа звали Рейнхард Гейдрих. Он с воодушевлением воспринял идею Канариса <...>. Он сделал и кое-что еще: приказал прикрепить к некоторым скамейкам в парках надписи: “Только для евреев”. Оба шефа секретных служб знали, что каждый из них хранит досье о еврейском происхождении другого в несгораемом шкафу” (стр. 150).

В элите итальянского фашизма, как сообщает историк В. Вулич (“В плену фикций”, журнал “Вече”, № 37, 1990), также состояли евреи: теоретик партии Ариас, основатель римской парторганизации Рокка, министр внутренних дел Финци. Более того, любовницей Бенито Муссолини была журналистка Маргарита Сарфатти, “которую называют духовной матерью итальянского фашизма <...>. Она родилась в богатой еврейской семье в Венеции <...> познакомившись с Муссолини, сыграла важную роль в его превращении из социалиста в лидера фашистского движения, будучи его имиджмейкером, психоаналитиком, автором его зажигательных речей и редактором официального журнала, рупора движения” (русскоязычная газета “Форум”, № 288, 2010. Нью-Йорк).

Холокост, конечно же, стал (при всех спорах об окончательных цифрах) одной из самых массовых “этнических чисток” в истории человечества. И тому способствовали два обстоятельства: преодоление элитой гитлеровского рейха “своей еврейской составляющей” и, конечно же, непримиримое отношение цивилизованных западных евреев к своим восточным родственникам.

* * *

Но здесь необходимо сделать отступление от гитлеровских времен в XIX век. Во время наполеоновских войн, пламенных и бурных, словно внешние грозы, Европа в считанные мгновения истории освободилась от последних пут средневекового бытия. Наступил век буржуазных революций во Франции, в Италии, в Австро-Венгрии, век мощного объединения Германии в бисмарковское государство и в конечном счете век окончательного освобождения европейского еврейства от всякого рода ограничений и притеснений. Более того, с утверждением банковской династии Ротшильдов, которые, по меткому определению Рихарда Вагнера, имея возможность быть “королями банкиров”, предпочли стать “банкирами королей”, а также с выходом на историческую арену Карла Маркса с его “Манифестом”, с националистическим ответом марксизму Теодора Герцля и его соратников по сионизму стало ясно: ближайший ход мировой истории будет во многом зависеть от того, как человечество совладеет со всеми этими тектоническими сдвигами, скоростно родившимися, как близнецы, из темной и, казалось бы, уже бесплодной утробы еврейства. Через две тысячи лет после появления христианства еврейство снова властно вышло на поверхность мировой жизни. Однако, как ни парадоксально, это триумфальное появление на авансцене истории одновременно рождало из среды самого еврейства немало пророков, выступавших с самыми мрачными прогнозами относительно судеб “избранного народа”.

Вениамин Дизраэли, будущий лорд Биконсфильд, не раз предупреждал своих современников о том, какую роковую роль в разрушении европейской

жизни играют ашкенази — восточноевропейские местечковые революционеры. **“Эта мощная революция развивается полностью под еврейским руководством <...>. Во главе всех тайных обществ стоят люди еврейской расы”**. Однако на пути этой революционной силы стояло сословие европейских ассимилированных евреев сефардов, о которых знаменитый в свое время американско-английский писатель Дуглас Рид в книге “Спор о Сионе” пишет так:

“Начиная с Французской революции жившие во Франции евреи постоянно предостерегали против пришельцев с Востока, провоцировавших вечные беспорядки и столкновения с коренным населением в Эльзасе; евреи Сефарды противились этому злему поветрию, дувшему с Востока. Уравнение в правах сняло с них многочисленные ограничения, и они рисковали потерять все полученное, если бы “разрушительный принцип”, принесенный с Востока талмудистской сектой евреев-ашкенази, остался победителем в своей войне против христианской Европы. Предостережения Дизраэли были обращены именно к ним, возможно, в еще большей степени, чем к христианам”. Дизраэли был не одинок в своих опасениях. Следующее поколение европейских мыслителей было куда более решительным. Чистокровный ариец, “сумрачный германский гений” Фридрих Ницше и еврейский вундеркинд Отто Вейнингер, живший в Австрии при молодом Гитлере, волею судеб объединились в общей ненависти и к еврейству и христианству, что объективно аукнулось через несколько десятилетий и способствовало практике Холокоста. Семидесятилетний Ницше умер в 1906 году, а двадцатитрехлетний Вейнингер покончил с собой в 1903-м.

Главные книги каждого из них — “Пол и характер” Вейнингера и “Антихристианин” Ницше — сразу же стали культовыми книгами и европейской и русской интеллигенции. Оба они и при жизни и после смерти были ее кумирами. Оба они, каждый по-своему, создали в Европе культ сверхчеловека, властно завладели душами евреев и немцев и определили во многом ход мировой мысли на несколько десятилетий вперед. Книга Ницше была издана в России неимоверными для того времени тиражами, книга Вейнингера лишь за первые пять лет после самоубийства автора выдержала 10 изданий.

“В страницах его книги, — писал в предисловии к одному из них модный критик А. Вольтский (Флексер), — целым пожаром горит та мучительная психология, которая так естественна для еврея, критикующего свой народ. Это одна из самых “своеобразных” философий антисемитизма”.

О Христе ариец Ницше говорит с ненавистью верховных жрецов иудейского Синдерииона, словами средневековых талмудистов и местечковых раввинов:

“Этот святой анархист, призывавший чернь, отверженных и “грешников”, чандалу иудейского народа, восстать против господствующего порядка языком, который, если можно верить евангелиям, и нынче привел бы в Сибирь, был политическим преступником... Это и привело его к кресту <...>. Он умер за свою вину, — нет ни одного довода за то, что он умер за вину других, сколько бы ни утверждали это”.

Роднит Ницше с отцами сионизма и отношение к слабым мира сего, к “сухим ветвям” племени, которых можно принести в жертву.

“Нет ничего более нездорового в нашей нездоровой современности, чем христианское сострадание. Здесь быть врачом, здесь быть неумолимым, здесь действовать ножом — это наше дело, это наш вид человеколюбия, это делает нас философами, гиперборейями”.

Ну как тут лишний раз не вспомнить высказывания одного из отцов-основателей сионизма о том, что “еврейская кровь — хорошая смазка для создания еврейского государства в Палестине”?

Конечно же, такая сионистско-арийская идеология изначально была враждебна православной основе русской культуры со всеми ее великими именами, и Ницше с его хищным мышлением прекрасно понимал это:

“Станный и больной мир, в который вводят нас Евангелия, — мир словно из русского романа, где как будто происходит rendez-vous отбросов общества, нервных страданий и детского идиотизма...” “Можно пожалеть, что вблизи этого интереснейшего декадента не жил какой-нибудь Достоевский”.

Именно такими же образами оперируют талмудические тексты о Христе, как о “сновидце”, “больном еретике”, “идиоте”; именно поэтому первое поколение победивших после 1917 года литераторов-прокуроров вроде Виктора

Шкловского и Емельяна Ярославского призывало общество к суду над Достоевским; наверное, поэтому прямой духовный потомок этих “суперменов” Анатолий Чубайс недавно не выдержал и проговорился, что он ненавидит автора романов “Идиот” и “Братья Карамазовы”... Может быть, в припадке гордыни в образе Смердякова он узнал себя...

Еврей Отто Вейнингер был по отношению к соплеменникам куда более жесток, нежели ариец Фридрих Ницше.

“Кто ненавидит еврейскую сущность, ненавидит ее прежде всего в себе самом” (“Пол и характер”, стр. 374).

“В Ветхом Завете отсутствует вера в бессмертие. У кого нет души, тот не может чувствовать потребность в бессмертии” (там же, стр. 386).

Однако беспощаднее всех – и Дизраэли, и Ницше, и Вейнингера – был Рихард Вагнер, чьи взгляды, изложенные в работе “Еврейство в музыке”, опубликованной в Санкт-Петербурге в 1908 году, до сих пор вызывают в еврейской среде нешуточные страсти, хотя бы потому, что сам Вагнер был полукровкой.

“Вагнер однажды признался во время прогулки философу Ницше: его отчим актер; еврей Людвиг Гейер – его настоящий отец. <...> Как и Вагнер, Гитлер тоже будет бороться с еврейским началом в себе и преодолет его. Могила Вагнера в Байрейте и позже оставалась для Гитлера местом паломничества. А его будущий главный идеолог Розенберг, сын еврея, иммигрировавшего в Швецию, превратится в Прибалтике в арийца и будет торжественно вещать: “Байрейт – это завершение арийской мистерии” (Х. Кардель, стр. 25).

Не случайно несколько лет назад в Израиле разразился большой скандал, когда один немецкий дирижер приехал на гастроль в Израиль с репертуаром из произведений Вагнера... Одни еврейские меломаны приветствовали эти гастроли, другие шумно протестовали. До сегодняшних дней одна часть образованного еврейства ненавидит Вагнера, другая обожает его “нордическую суперменскую сущность”.

Многие мысли Рихарда Вагнера, вульгарно понятые, впоследствии стали руководством к действию для Гитлера, если вспомнить, что он жаждал переселить восточноевропейское еврейство в Палестину:

“В религии евреи давно уже наши закоренелые враги. А в чистой политике мы, хотя и не приходили с ними в столкновение, но всегда готовы предоставить им основание нового царства в Иерусалиме” (Р. Вагнер. “Еврейство в музыке”. С.-П. 1908 г.).

И конечно же, самая опасная мысль Вагнера о необходимости “изживать из себя еврейство” была взята у него гитлеровским истеблишментом для ее буквального исполнения и воплощения:

“Для еврея сделаться вместе с нами человеком значит прежде всего перестать быть евреем <...>. Такое спасение не достижимо в довольстве и в равнодушно холодном удобстве. Оно стоит тяжких усилий, нужды, страха, обильного горя и боли.

Принимайте же не стесняясь, мы скажем евреям, участие в этой спасительной операции, так как самоуничтожение возродит вас! <...> Только это одно может быть вашим спасением от лежащего на вас проклятия, так как спасение Агасфера – в его погибели”.

Конечно, и Ницше, и Вейнингер, и Вагнер в своих размышлениях о судьбах еврейства играли с огнем, не зная, конечно, что это будет огонь Холокоста. Но их откровения нашли благодарную аудиторию.

Западноевропейская апостасийная, а по сути антихристианская интеллигенция с жадностью проглотила сочинения Ницше, Вейнингера, Рихарда Вагнера. Захмелевшая, очарованная диктаторской страстностью стиля, ядовитой смесью опасной правды и притягательной площадной лжи, она восприняла их как новых молодых пророков дряхлой Европы. Наша русская интеллигенция вслед за европейской – лишь бы не отставать от Запада! – тут же бросилась в бездну этих соблазнов, не смущаясь ни площадной вульгарностью, ни провокаторской энергией этих незаурядных умов. Религия сверхчеловека одурманила головы целого поколения и подготовила Европу к усвоению гитлеровской “Моей борьбы” и розенберговского “Мифа XX века”. Но слава Богу, на этом этапе мы уже были отгорожены от коричневых соблазнов Европы советской цензурой и железным занавесом.

Не случайно же, размышляя о Вагнере, Отто Вейнингер, который, видимо, обладал незаурядным провидческим даром, предсказал явление в немецкой истории фюрера народу.

“И другому человеку, еще более великому, чем Вагнер, дано будет преодолеть в себе еврейство, прежде чем он найдет свою миссию” (О. Вейнингер, стр. 376).

Однако, в отличие от Ницше, Вейнингер не порывал до конца с христианством, надеясь, что этот будущий спаситель Германии от фарисейского еврейства будет опираться на опыт Христа:

“Христос тот человек, который преодолевает в себе сильнейшее отрицание – еврейство, и тем самым создает сильнейшее утверждение – христианство, как самую крайнюю противоположность еврейства” (О. Вейнингер, стр. 406). Маниакальная иллюзия своего мессианства всегда владела сознанием Гитлера. Еще не ставший кумиром Германии, 18 декабря 1926 года на празднике Рождества Христова в одной из мюнхенских пивных он вещал:

“Рождение Человека, которое празднуется сегодня, имеет для нас, национал-социалистов, огромное значение. Христос был нашим величайшим предшественником в борьбе против еврейского всемирного врага. Он был величайшим бойцом, какой когда-либо жил на земле. Дело, которое Христос начал, но не докончил, я доведу до конца <...>.”

Целью галилеянина было освободить свою страну от еврейского гнета” (Х. Кардель, стр. 180).

Вот так в больном пропагандистско-плебейском сознании “мессии” национал-социализма Царство Божие, которое должно зародиться в душах человеческих и по Евангелию быть “не от мира сего”, обретало зловещие очертания будущего “тысячелетнего третьего рейха”.

* * *

Более подробное и тщательное изучение генетических комплексов Холокоста открывает исследователям еще одну тайну “еврейского антисемитизма”. Оказывается, что мировое еврейство отнюдь не однородный организм, как это нередко кажется представителям других народов. Оказывается, что “в европейской иерархии западные евреи, сефарды, стоят выше, чем ашкенази” (Х. Кардель, стр. 77).

“Гитлеру в его борьбе против восточных евреев оказывали финансовую поддержку западные евреи из Нью-Йорка, которые и сегодня не позволяют хоронить на своем кладбище ни одного восточного еврея, даже если он живет в Нью-Йорке уже в третьем поколении” (стр. 95).

“Гитлер хорошо научился различать культурных и образованных евреев и приезжающих с Востока лапсердачных еврейских торгашей. Он знал о старинной вражде между ними на протяжении столетий. Когда после проигранной Первой мировой войны польские евреи начали массами заселять Берлин, еврей Ратенау, министр иностранных дел Веймарской республики, заговорил об “азиатских ордах на песках Бранденбургской марки” (стр. 38).

О сефардах и ашкенази, о западной и восточной ветвях еврейства я узнал еще в 70-х годах прошлого века, прочитав изданные в 1979 году советским издательством “Прогресс” мемуары видной функционерки из ГДР Мишкет Либерман, озаглавленные “Из берлинского гетто в новый мир. Мемуары антифашистки”. Это был живописный и подробный рассказ о том, как еврейская община из Галиции, прожившая века в замкнутом талмудическом мире под властью раввинов, после начала Первой мировой войны, спасаясь от ее ужасов, переселилась не просто в глубь Германии, а в Берлин, и не просто в Берлин, а в его центр – в район Александерплатц и знаменитой Линденаллеи, в течение полутора лет (в 1915–1916 годах) вытеснив оттуда немецкое население. Евреи-беженцы организовали в сердце Германии свое гетто и начали жить в нем по своим законам и обычаям. Вот несколько отрывков из этой откровенной книги: *“Да, и в Берлине было гетто. Добровольное... У гетто было свое продовольственное снабжение... Евреи-иммигранты сами отрезали себя от внешнего мира. Они жили, как Моисей на Синайской горе: строго следовали десяти заповедям и сотням запретов... Большинство ортодоксальных евреев – и старых, и молодых – не умели читать и писать по-немецки... Девочкам при-*

ходилось совсем плохо. Они сидели дома и ждали, когда наступит брачный возраст. Смешанный брак считался у верующих евреев самым большим грехом. О нем вообще не могло быть и речи...” О матери: “Какие были у нее волосы, не знала она сама. Она их просто не имела со времени свадьбы. Ее заставили сбрить их, прежде чем идти к алтарю. Так требовал ритуал. Теперь она стригла их каждый месяц. Почти до лысины. Она носила парик, который делал ее старше и еще некрасивей. Мужчинам ритуал запрещал стричь волосы. Они носили длинные бороды и пейсы почти до плеч. Безумный мир...”

О сестрах: “...они накрывали праздничный стол. Все было приготовлено еще в пятницу. Еда стояла в печи. Ее накрывали перинами, чтобы она держала тепло целые сутки. Еда действительно не остывала, но прокисала, особенно летом. Отсюда столько страдавших желудком из числа фанатичных”.

“Участвовать в пирушке женщинам не позволялось. Ни молиться в одной комнате с мужчинами, ни сидеть за одним столом”.

“Пурим был очень веселым праздником. Как ночь карнавала. Пурим основан на легенде о прекрасной Эстер, еврейской жене персидского короля Артаксеркса. Эстер удалось удержать министра Хамана от убийства евреев. В этот день в гетто царили дети и молодежь. Они наряжались, ходили от дома к дому и разыгрывали эту легенду. Вечером они шли гурьбой в синагогу, захватив с собой трещотки. Как только раввин произносил имя Хамана, они начинали трещать. Возникал оглушительный шум, все смеялись и радовались. Вот и дали же мы антисемиту Хаману!”

“Птице связывали ножки, крутили ее над головой и при этом произносили молитву. Малышам надо было все время повторять: “Тебе на смерть, а мне для жизни”. Мой маленький братик тоже шепелявил эти слова, в то время как отец крутил петуха над его головой. Затем животных доставляли еврейскому мяснику, чтобы они были зарезаны по ритуалу”.

Оказывается, не все евреи похожи на Альберта Эйнштейна, на лорда Дизраэли или на Иосифа Кобзона. Среди них в начале XX века жила ветвь, цивилизованная не более, чем племя таджикских огнепоклонников, с которыми я встречался в горах Памира, или африканская народность тутси... Зная все это, начинаешь понимать Ратенау, называвшего восточных евреев “азиатскими ордами на песках Бранденбургской марки”, и даже мысль Гитлера становится понятной, когда он говорил о том, что **“нам необходимо избавиться от этого груза, отправить этот народ туда, откуда он пришел – в пустыню”** (Х. Кардель, стр. 127).

В связи с этим на поверхность истории всплывает один весьма щепетильный вопрос, проясняющий, почему американские и европейские банкиры из сословия сефардов помогали национал-социалистической партии обрести власть и становиться на ноги, почему нефтяной король Детеринг, основатель фирмы “Шелл” Самюэль Маркус, банкир Варбург помогали становлению фашизма. Ответ напрашивается сам собой: потому что в их глазах советский коммунизм олицетворяли местечковые варвары “с косматыми сердцами”, по выражению В. Шульгина.

“В начале 20-х годов гамбургский банкир Варбург посоветовал немецкому президенту Эберту остановить наплыв восточных евреев. Когда один посланник Уолл-стрита, который должен был обеспечить Гитлера деньгами, засомневался в последнем и спросил Варбурга о его мнении, тот со смехом ответил: “Гитлер сильный человек, и он нужен Германии. Под евреями Гитлер понимает галицийских евреев, которые после войны стали чумой Германии. Евреев чисто немецкого происхождения он признает абсолютно однородными” (Х. Кардель, стр. 95).

Весьма глубоко и своеобразно понимал сущность еврейско-немецкого “узла” Генрих Манн, который незадолго до конца войны, обращаясь к разгромленным соотечественникам, писал в “Слове к Берлину” о причинах изменения политики американского истеблишмента к фашистской Германии, о том, почему американские евреи сначала помогали национал-социализму встать на ноги, а потом вступили с ним в беспощадную борьбу:

“Теперь вы можете знать, что это на самом деле было: насильственное прекращение вашей революции (фашистской. – **Ст. К.**). Они предотвратили ваше социальное движение, потому что некоторые магнаты использовали его против других народов (речь идет об истреблении восточноевропейского еврейства. – **Ст. К.**). Их порученец Гитлер так же не был немцем, как и они”.

История, как любил говорить Карл Маркс, западный еврей, осуществляется, как трагедия, а повторяется, как фарс. Об этом вспоминаешь, когда до тебя доходят вести о том, как арабская молодежь громит магазины и поджигает автомобили в окрестностях Парижа, как ужасаются чопорные англичане при виде целых кварталов Лондона, оккупированных пакистанцами, или о том, как датский карикатурист, изобразивший в карикатурном виде пророка Мухаммеда, скрывается от мусульманских мстителей.

Но разве этот фарс, этот своеобразный реванш Востока не связан историческими корнями с воплями фюрера на арийских сходках 30-х годов о наступлении на Европу “жидобольшевизма”?

“Гейдрих при создании своих зондеркоманд в 1941 году (...) говорил полицейским перед отправкой на Восток своим звонким резким голосом: “Восточное еврейство – это резервуар большевизма, и поэтому, по мнению фюрера, его необходимо уничтожить” (Х. К. – стр. 195).

“По мере эмиграции евреев в США сефарды стали сетовать, что “сброд” грозит наводнить побережье, а восточные евреи, которых они так обзывали, жаловались, что при въезде в США эти “аристократические евреи допрашивали их как преступников” (там же, стр. 78). Может быть, поэтому корабль “Сент-Луис” с ашкенази на борту не был принят в 1939 г. американскими сефардами, потомками голландских и английских евреев, и вынужден был вернуться обратно в Европу, где вскоре его пассажиры были погружены в вагоны и отправлены в восточноевропейские лагеря антисемитской Польши, в Освенцим и Дахау, над воротами которых изгибались громадные лозунги: “Работа – освобождает”...

“Эйхман стал работать под руководством офицера СС, еврея Леопольда фон Мильденштейна, друга сионистов, который планировал “пробудить в возможно большем числе евреев стремление уехать в Палестину”. “Товарищи по СС удивлялись, как этот еврей Эйхман с ярко выраженным семитским носом попал в их круг <...>, но их обрывали: “Молчать! Приказ фюрера!” (Х. Кардель, стр. 131).

А нацистская молодежь в это время, маршируя по улицам немецких городов, скандировала, запугивая еврейских обывателей: *“Пускай они уедут в свой Иерусалим, и пусть их там встречает их прародитель Сим” (там же, стр. 59).*

Но был ли легендарный Сим прародителем восточноевропейских евреев? И подтверждает ли история их семитское происхождение? На эти вопросы мысль человеческая в разные времена давала разные ответы.

* * *

Длительное время историческая наука считала, что восточноевропейское еврейство – это потомки евреев, которые в VII–VIII веках пришли вместе с арабами в Испанию, потом постепенно расплозились по западноевропейским сторонам, но, начиная с XII века, спасаясь от погромов и депортаций, происшедших в Англии, Испании, Португалии, Франции, Италии, Бельгии, Голландии (это был первый “холокост”, во время которого евреи потеряли около 40% своего этноса), они перекочевали в Восточную Европу, в основном в Польшу и Галицию, где замкнулись от внешнего мира в местечковых гетто аж на несколько столетий.

Однако более тщательные исторические исследования, проведенные в XX веке, отвергли эту гипотезу.

После трудов еврейского историка Кастейна, книги Дугласа Рида “Спор о Сионе” и особенно после издания книги “Тринадцатое колено” А. Кестлера взгляд на происхождение восточного еврейства круто изменился.

Все они, и убедительнее всех венгерский еврей Артур Кестлер, с железной логикой доказали, что восточноевропейские евреи ашкенази являются прямыми потомками тюркского племени и никакой общей крови с западными евреями-сефардами не имеют. А объединяет их с семитами не кровь, а всего лишь иудейская вера, которую их предки хазары приняли в VII–VIII веках новой эры через константинопольских раввинов.

До конца XVIII века европейские народы считали евреями исключительно сефардов, сохранявших память о своем пути из Ханаана через Северную Африку и Испанию в Западную Европу. На таком длительном пути они, конечно,

не могли сохранить полную расовую чистоту и полную сохранность иудаистской религиозной жизни, и потому некоторые историки считают их “нечистыми евреями”, но присутствие в их жилах семитской крови несомненно, как несомненно и то, что они со страхом относились к своим якобы соплеменникам ашкенази, которые, не имея никаких оснований называть себя семитами, тем не менее имели перед сефардами преимущество в соблюдении всех расистских законов Торы, Талмуда и Шулхан Аруха, благодаря замкнутой жизни в гетто под властью всемогущего восточноевропейского раввина.

Вот как описывает все эти противоречия в иудаистской среде Дуглас Рид: “Западные, испанские евреи-сефарды в массе своей были против революции. Она была направлена не только против христиан, но и против них самих, поскольку в результате эмансипации в Европе сефарды в значительной степени ассимилировались и вышли из-под влияния старейшин иудаизма, теряя свою власть в итоге слияния множества евреев с остальным человечеством. Сегрегация была жизненно необходима талмудистскому иудаизму; интеграция означала его смерть <...>. До этого Запад знал только один вид “евреев”, и это были сефарды. По словам Кастейна, относящимся к тому времени, когда Дизраэли впервые указал на еврейское руководство революцией, “с этого момента можно говорить о восточных и западных евреях”. Фактически эти столь различные группы существовали независимо друг от друга около тысячи лет <...> многовековая, ничем не ограниченная власть раввинов в местечковых гетто спаяла восточных евреев в единую массу <...>. Они были идеальным материалом, представляя варваров азиатского происхождения, прошедших вековую талмудистскую тренировку в условиях строжайшего восточного деспотизма”.

“Запертых в местечковых гетто восточных евреев-ашкенази заставляли сопротивляться эмансипации всеми возможными средствами, не останавливаясь, если нужно было, и перед убийствами”.

“Автор этих строк долго жил в Европе и хорошо помнит, с каким недоверием и даже страхом западные евреи смотрели на восточных, видя в них угрозу насильственного возвращения в гетто к раввинскому абсолютизму. Немецкие евреи не говорили о восточных евреях иначе как с отвращением: “diese ostjuden”; восточные же, переселившиеся после Первой мировой войны из России и Польши в Германию, в свою очередь с презрением называли живших в Германии единоверцев “dise Berliner”!

Я предвижу, какие могут быть возражения этой системе аргументов. Когда я привел их в разговоре с трезво мыслящим историком и публицистом еврейского происхождения, он поморщился: “Дуглас Рид — человек правых англо-саксонских взглядов, он ведь был близок к Генри Форду с его тенденциозной книгой о еврействе!” Поэтому, чтобы достичь предельной объективности в этом щепетильном вопросе, мы приведем несколько выдержек из энциклопедии “Холокост”, созданной коллективом еврейских историков во главе с американским куратором Уолтером Лакером, которых ни в коем случае невозможно заподозрить ни в какой “антисемитской тенденциозности”.

Энциклопедия впервые была издана в Лондоне в 2001 году, а переведена и переиздана в России издательством “Роспэн” в 2005 г. с помощью посольств США и Франции, при участии Института толерантности Всероссийской Государственной библиотеки иностранной литературы.

Из энциклопедии “Холокост”, статья “Британские евреи”:

“В 1930-х годах британские евреи пережили период глубоких и болезненных социальных перемен. Небольшая, но уважаемая община сефардов утратила свое доминирующее положение. Ведущую роль перехватила элита богатой ашкеназской общины, представители которой возглавили руководящие органы британского еврейства”.

“Британских евреев разделяло многое: происхождение, принадлежность к разным поколениям и классам, место жительства, идеология, иммигрантов из восточной Европы, приверженных еврейскому традиционализму, оскорблял патернализм англоязычной элиты. Европейская молодежь, родившаяся в Великобритании (преимущественно рабочие), чувствовала отчуждение от культуры родителей иммигрантов (то есть уходила из-под власти Талмуда и раввина. — Ст. К.), но в то же время слабо приобщалась к духовным ценностям основной части англо-еврейского общества”.

К этому можно добавить, что евреи-сефарды в то время уже глубоко просочились в слои британской аристократии: “виконт Герберт Самюэль”, “лорд Рединг”, “лорд Мелчетт” – такого рода титулы уже не удивляли высшее общество. Да и сам Уинстон Черчилль по материнской линии, как утверждают некоторые источники, был полукровкой, подобно Рудольфу Гессу.

Но тем не менее, когда после аннексии гитлеровским Рейхом Австрии наплыв еврейских иммигрантов в Англию резко увеличился, “еврейские комитеты спасения”, – сообщает энциклопедия “Холокост”, – не могли ни пропустить массы евреев, желавших попасть в Великобританию, ни обеспечить их гарантиями”. Тогда Отто Шифф, глава Временного убежища для евреев, предупредил английские власти, “что Комитет помощи немецким евреям больше не в силах справляться с административными и финансовыми проблемами, и предложил временно приостановить въезд беженцев в страну” (! – Ст. К. Стр. 98). “Называя австрийских евреев “лавочниками и мелкими торговцами”, Шифф настойчиво побуждал их либо вписаться в британский образ жизни, либо резмигрировать. Подобные предрассудки ограничивали возможность въезда в Великобританию евреев-ортодоксов” (энциклопедия “Холокост”, стр. 100).

“После падения Франции (1940 г.) новый премьер-министр У. Черчилль приказал ввести массовое интернирование иностранцев на том основании, что в их среде могла скрываться “пятая колонна” (! – Ст. К.). К началу июня 1940 г. было задержано около 27 тысяч беженцев, из них 5 тысяч выслано в Канаду и Австралию. Поначалу британские евреи весьма пассивно относились к массовому интернированию еврейских беженцев, в том числе и тех, кто уже прошел через Дахау и Бухенвальд. Такая политика была едва ли не одобрена влиятельной газетой “Европейская хроника”, номер 17.05.1940 г.” (стр. 100).

“Британские евреи по большей части стремились эмоционально дистанцироваться от событий в Европе” <...> “18 июня 1944 г. Хаим Вейцман в нарушение принятого ритуала выступал на пленарной сессии Депутатского совета с речью, в которой подверг резкой критике британских евреев”.

“Составной частью британо-еврейской идеологии стала точка зрения, согласно которой в антисемитизме в какой-то степени виноваты сами евреи” (энциклопедия “Холокост”, стр. 102).

Позиция американских евреев была не лучше английской.

“Религиозные обычаи восточноевропейских евреев, консервативные и традиционные, нелегко приспособлялись к протестантской культуре США <...> враждебность к приехавшим раньше иммигрантам из Германии и Центральной Европы подогревалась классовыми и культурными различиями. Достаточно сказать, что немецкие евреи назывались “верхний город” (uptown), а восточноевропейские – “нижний город” (downtown).

В первую очередь разногласия выражались в том, что евреи “нижнего города” (ашкенази. – Ст. К.) продолжали считать себя народом особым, избранным, и тяготели к сионизму” (энциклопедия “Холокост”, стр. 25).

В какой-то степени это отношение англо-саксонского и сефардского истеблишмента к ашкенази было, видимо, и своеобразной мстью за те варварские методы, которыми пользовалась “местечковая братва” во время захвата власти и во время гражданской войны в России.

Как бы то ни было, такая политика британской и американской элиты независимо от ее целесообразности объективно увеличивала масштабы того явления, которое сегодня называется Холокостом.

Но после окончания войны американские ашкенази взяли реванш. Борьба двух еврейских сил закончилась, как и должно было быть, капитуляцией одной из них.

В 1954 году в Нью-Йорке состоялась мировая конференция евреев-сефардов, участники которой вынуждены были признать свое поражение в длительной столетней борьбе с “местечковыми ордами” и пришли к горестному заключению, что из почти 12 миллионов евреев, живущих на земном шаре, только 1 млн 744 тысячи (около 15%) могут считаться сефардами, и что лишь 52 тысячи из этих пятнадцати процентов живут в Западной Европе, где в прежние времена других евреев кроме сефардов просто не было.

Дуглас Рид, вспомнив, что в течение всего предыдущего столетия европейские сефарды предостерегали Западную Европу от надвигающейся местечковой опасности, с иронией заметил: “В наказание их (сефардов. – Ст. К.) подвергли “отлучению” путем самой удивительной операции, когда-либо про-

деланной статистиками над целым народом: сефарды в течение одного столетия были объявлены фактически исчезнувшими (подобно “исчезнувшим” таким же образом много раньше десяти “коленам Израиля”) за то, что они “перестали верить в свое особое предназначение, отличающее их от соседей”.

Такова была “кровная месть” потомков хазар по отношению к своим сводным семитским “братьям-отступникам”.

Исторический реванш “неразумных хазар” состоялся. Капитуляция сефардов была принята мировым сообществом. Пророчества лорда Дизраэли оправдались. Однако эта победа имеет свою историю.

* * *

В 1897 году Теодор Герцль со своими единомышленниками предложил евреям “всего мира” собраться в Мюнхене на I Сионистский конгресс. Европейские сефарды в большинстве своем отказались от этой авантюры. Американские евреи заявили, что они не ожидают “ни возвращения в Палестину, ни восстановления каких-либо законов, касающихся еврейского государства”.

Раввины Германии заняли ту же позицию, мюнхенские евреи поддержали их, и Конгресс пришлось проводить не в Мюнхене, а в Базеле.

Когда 197 делегатов прибыли в Базель на “Всемирный конгресс”, оказалось, что все они из Восточной Европы, и среди них, к удивлению “отца сионизма” Теодора Герцля, почти половина участников была из России. Обескураженный Герцль поразился их появлению на арене истории, их местечковой агрессивной сплоченности:

“Перед нами вдруг поднялось русское еврейство, о силе которого мы даже не подозревали. Семьдесят делегатов прибыли из России, и всем нам было ясно, что они представляют мысли и чувства пяти миллионов евреев этой страны. Какое унижение для нас, не сомневавшихся в своем превосходстве”.

Восторженный романтик Герцль! Он-то мечтал о создании государства в Палестине, как о прекрасной утопии, в которой, по его словам, — **“Богатым евреям, принужденным теперь прятать свои сокровища и пировать при опущенных шторах, там можно будет свободно наслаждаться жизнью”**. Наивный человек, представляющий государство евреев как государство исключительно богатых людей, как какой-нибудь Лазурный берег или нынешний Куршавель, как “праздник, который всегда с тобой”, как Рио-де-Жанейро Остапа Бендера, где все ходят в белых брюках.

Но государственность нельзя купить. На деле строителям этого государства пришлось шагать по трупам сначала англичан, потом мирных палестинских феллахов, вооружаться до зубов, расширять пределы своих завоеваний, спать в обнимку с автоматами УЗИ, тайно от всего мира создавать атомное оружие, выучиться всем навыкам терроризма... И все это могли осуществить лишь местечковые фанатики, появление которых на авансцене истории с ужасом предвидел британский сефард лорд Биконсфильд-Дизраэли. А чем закончится этот кровавый проект, пока что не знает никто, разве что один Господь.

Из истории известно только одно: христианство овладело душами сотен народов, построивших несколько десятков больших и малых государств. Мусульманство по количеству объятаго им населения Земли и по числу государств, возникших на базе ислама, не уступает христианству. Буддизм охватил сотни миллионов жителей юго-восточного ареала земли, и все государства с народами, исповедующими учение царевича Гаутамы, подтвердили свою жизнестойкость. Вот какова была роль трех великих мировых религий в создании целых цивилизаций. В их число особой могучей ветвью входит православие.

Иудаизм же рядом с ними отнюдь не мировая, а всего лишь племенная религия, которую приняли в течение земной истории только два племени — древние евреи и тюрки-хазары. И оба эти народа утратили свою государственность, как будто в иудаизме с незапамятных времен живет разрушительный вирус рассеяния, аннигиляции, самоуничтожения. Слово бы в его ДНК заложен мистический ген, отторгающий зарождение государственной “ткани”, а говоря точнее, ген расизма, питающий манию избранности и препятствующий созданию органического полноценного государства, которое во все времена возникало, чтобы объединять людей разных верований и разных национальностей. Да, древняя Иудея и древняя Хазария просуществовали ка-

кие-то небольшие исторические сроки, но иудаистская идея избранности в конце концов подточила основы их существования. Государство Израиль живет полвека с небольшим, но посмотрим, надолго ли его хватит. Поистине, как гласит древнечеловеческая мудрость, народ, выбирающий веру – выбирает судьбу.

Дуглас Рид в “Споре о Сионе” достаточно мудро и взвешенно прокомментировал эту историческую драму:

“Возможно, что за 500 лет до Рождества Христова эти амбиции не выглядели чрезмерно фантастическими в среде примитивных ближневосточных племен и на ограниченной территории известного тогда мира; однако, перенесенные в наш глобальный век (эти слова писались 60 лет тому назад. – Ст. К.), они представляются патологической манией величия, сияющей навязать всему миру древние племенные вождения, порожденные в условиях стычек мелких племен далекой древности”.

А еще в “Споре о Сионе”, в главе, касающейся создания государства Израиль, есть одно пророчество, особенно актуальное сегодня, после ряда арабо-израильских войн, после иракской войны и особенно после того, как в современной истории завязался ирано-израильский узел:

“С образованием Всемирной сионистской организации, которую западные державы вскоре признали, как власть, стоящую выше их самих, эта “жгучая проблема” стала управляться ходом исторических событий. То, что от нее зависит и “будущее всего мира”, стало ясно в 1956 г., когда заканчивалась эта книга; в начале этого года политические руководители Америки и Англии вынуждены были с досадой и горечью признать, что следующая мировая война может начаться в любой момент именно в том месте, где они устроили еврейское государство, и они мечутся с тех пор взад и вперед по земному шару, пытаясь предупредить это “завершение”.

Что ж, как говорит русская народная пословица, – за что боролись, на то и напоролись...

* * *

В 1922 году в Берлине вышла в свет брошюра, на титуле которой было напечатано: “Ахадъ Хамъ (Ашер Гинцберг). Тайный вождь иудейский”. Автором брошюры был объявлен некий L. Fry, переводчиком с французского на немецкий Ф. Винберг. Перевод был сделан с публикации из журнала “La vieille France”. Суть этой публикации заключалась в попытке доказать, что автором “Протоколов сионских мудрецов” был отнюдь не основоположник политического сионизма Теодор Герцль (такая версия имела хождение), а подданный Российской империи еврейский религиозный и политический деятель Ашер Гинцберг, публиковавшийся в те времена под псевдонимом “Ахад Хам” (“один из народа”). Гипотеза эта базировалась на том, что “Протоколы” сначала были якобы написаны на древнееврейском языке, которым не владел Герцль, но который в совершенстве знал Гинцберг, и что оригинал этого документа, написанного на иврите, не только видели (аж в 1890 году!) некие евреи, жившие в Одессе, но и в руках его держали. Но перевод на французский язык был будто бы сделан специально для участников I Базельского конгресса сионистов (1897 год), не знавших иврита, и что одна из “французских” копий попала в руки Сергея Нилуса. Отсюда и потянулась вся дальнейшая запутанная и до сих пор еще темная история знаменитого манифеста сионских мудрецов.

Гипотеза эта в брошюре не выглядит достаточно аргументированной, однако сама публикация, если не обращать внимания на антиеврейские банальности, типичные для патриотической немецкой прессы тех лет, содержит в себе немало свидетельств и фактов, полезных для объективного историка и проливающих некоторый свет на историю Холокоста.

Ашер Гинцберг, как утверждает автор брошюры, “родился в Сквире Киевской губернии 5 августа 1856 г. Его родители принадлежали к еврейской секте хасидов <...>, семнадцать лет он женился на внучке Менахема Менделя, знаменитого раввина из Любавичей”...

Надо сказать, что поскольку раввинат в современном иудаизме – высшая кастовая власть, то такого рода брак можно считать приобщением к правящей династии восточного еврейства.

“В 1886 г. он окончательно поселился в Одессе”, где основал тайное общество “Бне Мойше” (“сыны Моисея”). К тому времени он начинает получать крупную финансовую поддержку от известного еврейского торговца чаем К. Высоцкого.

Название общества объясняется особым поклонением Гинцберга пророку Моисею, а также тому, что “в течение ряда веков евреи верили, что существует где-то в неведомом месте ответвление еврейского племени, совершенно отделенное от прочих своих соплеменников и состоящее из прямых потомков по прямой линии Моисея. Эти “сыны Моисея” будто знают тайну, открывавшую способы и средства, с помощью которых евреям суждено добиться покорения всего мира”. (из брошюры об Ахад Хама).

Гинцберг с группой своих соратников принял участие в Базельском конгрессе сионистов и когда выяснил намерения вождей западноевропейского сионизма, их идеологию и тактику, то “сделался определенным их противником. Существовавший в то время официальный сионизм он прозвал “политическим”, свой же собственный “духовным” или “практическим” <...>. “Политический сионизм” Герцля был исполнительным органом независимого ордена “Бнай Брит” и группировал вокруг себя всех евреев Западной Европы и Америки” <...> “Практический сионизм” Ахад Хама собрал под свое знамя евреев Восточной Европы”.

Вскоре между Герцлем и Ахад Хамам возникла ожесточенная полемика. Герцль, как сказано во французской брошюре, “был евреем западным, “ассимилированным” и никогда не испытывал беспощадной ненависти к неевреям”. Он призывал евреев к тому, чтобы они чувствовали себя гражданами тех стран, где они жили в диаспоре, не порывали с их культурой, языком, образом жизни, даже к ассимиляции он относился спокойно, чего фанатик будущего национал-сионистского Израиля не мог принять. И когда Герцль в 1903 году издал роман “Старая новая родина”, в котором изложил свои взгляды на сионизм, Ахад Хам впал в ярость и жестоко высмеял западного либерала Герцля в своем журнале. Ближайший сподвижник Теодора Герцля Макс Нордау заступился за основоположника политического сионизма:

“Ахад Хам упрекает Герцля в желании подражать Европе. Он не может допустить и мысли, чтобы мы перенимали у Европы ее академии, ее оперы, ее “белые перчатки”. Единственное, что он хотел бы перенести из Европы в “старую новую родину”, — это принципы Инквизиции, приемы и способы действий антисемитов, ограничительные законы Румынии в той форме, в какой они нынче принимаются против евреев. Такие чувства и мысли, им высказанные, могли бы вызвать ужас и негодование против человека, не способного подняться выше уровня гетто <...>. Идея свободы — выше его понимания. Он представляет себе свободу в виде гетто, но только с переменной ролей; так, например, по его мнению, преследования и угнетение должны существовать по-прежнему, но с тою разницей, что уже не евреи будут их жертвами, а христиане*.

Великую ошибку совершают те евреи, которые доверяют Ахад Хама! Он ведет их к пропасти”.

Однако после того, как Герцль в 1904 году умер при весьма таинственных обстоятельствах, на двух ближайших сионистских конгрессах 1911-го и 1913 года восточные комиссары, возглавляемые Ахад Хамам, Хаимом Вейцманом, Захером и другими отморозками еврейства, сокрушили сопротивление толерантных сторонников Герцля.

“На этих конгрессах сионисты “политические” “Бнай Брита” приняли всю программу сионизма “практического” восточных евреев <...> принуждены были уступить свое место восточным евреям, русским, румынским, галицийским, прошедшим школу Ашера Гинцберга”.

О том, что просвещенные образованные российские евреи опасались своей дикой родственной ветви, живущей в черте оседлости, свидетельству-

* Все перечисленное составляет содержание сегодняшней израильской жизни. Вполне возможно, что эта тирада была написана Максом Нордау после того, как он прочитал “Протоколы сионских мудрецов” и поверил, что они принадлежат перу Ахад Хама. “В своем труде, озаглавленном “Переоценка ценностей”, по мысли и стилю представляющем точное подобие “Протоколов”, Ахад Хам применяет учение Ницше о “сверхчеловеке” к еврейскому народу, который он называет “сверхнацией”, — пишет автор разбираемой нами работы.

ет деятельность И. Гурлянда, о которой личный секретарь Григория Распутина Арон Семанович пишет так: “Господин Гурлянд по рождению своему еврей, сын раввина в Одессе, перешедший уже взрослым в христианство сделался страшным юдофобом . . . Он был главным редактором правительственной газеты “Россия” . . . Он имел сильное влияние на царя в еврейском вопросе. Я подозреваю даже, что фактическим застрельщиком процесса Бейлиса был Гурлянд. Во всяком случае он был неофициальным руководителем по этому поводу проводимой антиеврейской пропаганды. Совещение о том, как использовать этот ритуальный процесс вообще в борьбе с еврейством, состоялось на его квартире”.

Последнюю попытку разобраться в отношениях сефардов и палестинских арабов со “спецназом Ахад Хама” сделал в 1912 году один из ярчайших публицистов сионизма Владимир Жаботинский.

“У нас, евреев, с так называемым “Востоком” ничего общего нет, и слава Богу. Поскольку у наших необразованных масс (читай “ашкенази”. — Ст. К.) имеются духовные пережитки, напоминающие “Восток”, надо наши массы от них отучить, чем мы и занимаемся в каждой приличной школе < . . . >. Идем мы в Палестину, во-первых, для своего национального удобства, а во-вторых, как сказал Нордау, чтобы “раздвинуть пределы Европы до Евфрата”; иными словами, чтобы начисто вымести из Палестины, поскольку речь идет о тамошнем еврействе нынешнем и будущем, все следы “восточной души”. Что касается до тамошних арабов, то это их дело; но если мы можем им оказать услугу, то лишь одну: помочь и им избавиться от “Востока”.

“Поскольку же нам, в течение переходного периода, или после, придется в Палестине жить среди окружения, пропитанного дыханием “Востока”, — будь это окружение арабское или староверо-еврейское, все равно — рекомендуется тот жест, который каждый из нас невольно делает, когда проходит в пальто по узким “восточным” улицам Стамбула, или Каира, или Иерусалима: запахнуть пальто, чтобы как-нибудь не запыхтелось, и смотреть, куда поставить ногу. Не потому, что мы евреи; и даже не потому, что мы из Европы; а просто потому, что мы цивилизованные люди”.

(В. Жаботинский. “Избранное”. 1978 г. Израиль, статья “Восток”, 1912 г.)

Конечно же, это исповедь “цивилизованного колонизатора”. Но чтобы показать бесчеловечную последовательность одного из идейных основателей сионизма, приведу еще одно его высказывание, полное предельного высокомерия и полной уверенности в том, что судьбами народов можно распоряжаться, как деревянными фигурками на шахматной доске:

“Европа морально “наша” < . . . > этический пафос, создавший все ее освободительные движения, легший в основу ее социальных переворотов, вскормлен нашей Библией < . . . >. Ее экономический прогресс был бы немыслим без международной торговли и без кредита < . . . > от “Авицебрана” до Эйнштейна десятки тысяч индивидуальных евреев в разных странах лично делали науку, философию, художество, технику, политику и революцию, одни на высотах мировой славы, как Спиноза, или Гейне, или Дизраэли, или Маркс, другие во втором, и третьем, и десятом ряду. . .”

“Европа наша; мы из ее главных созидателей < . . . > мы начали ее строить еще до того, как начали ее строить афиняне. Ибо главные черты европейской цивилизации: недовольство, “богоборчество”, идея прогресса < . . . > эти черты дали Европе мы”.

“Может быть, мы больше всякого другого народа имеем право сказать: “западная” культура есть плоть от плоти нашей, кровь от крови, дух от нашего духа. Отказаться от “западничества”, сродниться с чем-либо из того, чем характерен “Восток”, значило бы для нас отречься от самих себя < . . . > и соседям нашим по Азии желаем того же: скорейшей ликвидации “Востока” (там же, стр. 255–256).

Красиво все изложено. Но если внимательно вдуматься в эту отлакированную Жаботинским историю, то станет очевидным, что он приписал евреям строительство всей европейской цивилизации и умолчал о том, какую страшную цену уплатили народы Европы за участие в этом строительстве евреев: захват реальной политической власти еврейскими кланами, взращивание и финансирование почти всех европейских революций Домом Ротшильдов и другими финансовыми магнатами Европы, разрушение национальных госу-

дарств, внедрение в людские души атеистического мышления, выдавливание, выхолощивание христианства из жизни народов, работорговля и создание мировой колониальной системы, организация войн мирового масштаба, унесших десятки миллионов жизней и знатных сословий Европы, и европейского простонародья. Да и, в конце концов, создание общества потребления, являющегося последней ступенью к уничтожению всей земной цивилизации.

В сущности, если отвлечься от деталей, Жаботинский еще в 1910–1915 годах сказал многое из того, что было повторено нацистской верхушкой, состоявшей из “четвертинок”, “полтинников” и даже стопроцентных евреев.

Они втайне считали себя потомками сефардов, что давало им право свысока смотреть на восточноевропейское, дикое “хазарское” еврейство, хлынувшее во время Первой мировой войны в города Центральной и Западной Европы.

Сам Жаботинский, видимо, происходил из ашкенази, но очень хотел стать сефардом. И в этом была его противоречивая раздвоенность, его мировоззренческая шизофрения, и даже несовпадение его внешнего облика с убеждением об избавлении европейских евреев от всего “восточного”.

В 1989 году в сборнике “Перестройка и еврейский вопрос”, изданном Антисионистским советским Комитетом, было опубликовано письмо девяностолетнего харьковского еврея П. Довгалевского о том, как он, юный гимназист, в 1910 году встретился в Харькове с молодым Жаботинским.

“Низенький, смугловатый, с некрасивым обезьяньим лицом, говоря со мной о сионистском движении, о будущем еврейском государстве, этот человек совершенно преобразился. Он словно вырос, глаза его горели, лицо стало одухотворенным, прямо-таки прекрасным... Жаботинский напомнил мне протопопа Аввакума, Саваноролу, библейских пророков и яростных членов Синедриона”... но “вряд ли видели Жаботинские в марше своих грез военизированные поселки на склонах гор и в опутанных колючей проволокой долинах, где люди ложатся спать с винтовкой в головах и с пистолетом под подушкой <...>. Как не похож сегодняшний Израиль на то царство, какое рисовалось в мечтах Жаботинскому. Это государство создало свое счастье на несчастье других. Оно изгнало с земли за свои пределы жившее в Палестине арабское население и сотни тысяч людей обрекло на скитания вдали от родины. Сегодняшние сионисты сами посеяли ветер и, если не поумнеют и вовремя не спохватятся, обязательно пожнут бурю”.

Но наш прекраснодушный харьковчанин идеализировал в своих воспоминаниях Жаботинского, потому что последний как раз в те годы, когда произошла встреча двух молодых людей в Харькове, писал: “Мир в Палестине будет, но будет тогда, когда евреи станут большинством или когда арабы убедятся в неизбежности такого исхода; то есть именно когда им станет ясно, что “решение проблемы” не зависит от их согласия”. (В. Жаботинский. “Избранное”, стр. 248).

Вот это уже слова не мальчика, но мужа, сказанные по-гитлеровски за тридцать лет до “окончательного решения вопроса” и до начала Холокоста.

* * *

В отличие от образованных сословий народов Западной Европы и западных сефардов российские сефарды и русская интеллигенция (дворянская, творческая, чиновная, клерикальная и прочая) знали, что представляют из себя революционеры хазарского происхождения.

Знали, но не до конца. Потому что даже самые пронизательные из них не ожидали, что произойдет после двух революций 1917 года с выдрессированной равнинами массой местечковой молодежи, которая вырвется из-под власти своих жрецов-дрессировщиков и бросит “в мир, открытый настежь бешенству ветров” (Э. Багрицкий) черную энергию своей талмудической ненависти к этому открытому “и для эллинов и для иудеев” бескрайнему христианскому миру. Освободившись от всех внешних оков иудаистского гетто, это поколение ни на йоту не освободилось от чувства, которое Эдуард Багрицкий назвал “мщенье миру”.

Василий Витальевич Шульгин, знавший эту публику по Украине и Галиции, так отзывался о них в книге “Что нам в них не нравится”. Сначала его по-

разили “лапсердаки и фантастические пейсы, которые можно было видеть на старинных картинках. Я их впервые увидел “живыми” в 1914 году, когда наши войска вошли в Гатчину; там в полуразрушенном местечке Рава Русская я видел евреев, как бы сошедших со старинных гравюр”. Но через три года он писал о них уже куда как с более глубоким знанием: “Коммунисты ухитрились вытащить на социальные верхи <...> тучи мрачных жидов, выскочивших из гетто. Правда, без пейсов, но с косматыми сердцами, а в разряд париев посадили недорезанную часть русского культурного класса” (“Что нам в них не нравится”, стр. 171).

Октябрьский переворот поставил под власть местечковых плебеев российское аристократическое еврейство. Оно, боровшееся за права “меньших братьев”, получившее после февральской революции все гражданские права, все политические и экономические перспективы, после Октября враз потеряло их и рассталось со всеми своими привилегиями, со всеми надеждами на участие в будущих парламентских и прочих демократических структурах. Однако российские сефарды, в отличие от западных, не сдались местечковым якобинцам, как овцы. Впервые это сопротивление показало себя жарким летом 1918 года.

20 июня 1918 года при не до конца выясненных обстоятельствах в Питере был убит Моисей Гольдштейн, лодзинский приказчик, который сначала эмигрировал из Польши в Америку, а потом в 1917 году на “корабле Троцкого” под фамилией Володарский прибыл в Петроград, где стал комиссаром Северной коммуны по делам печати, пропаганды и агитации. ЧК арестовало несколько человек, якобы участвовавших в заговоре, кого-то расстреляли, но шумной кампании из дела не получилось. Фигура была незначительная.

Гораздо более громким и трагическим по своим последствиям стало покушение на другого “красного Моисея” — шефа Петроградского ЧК Урицкого. Именно оно, совершенное 30 августа, в тот же день, что и покушение на Ленина в Москве, стало поводом для того, чтобы 2 сентября 1918 г. ВЦИК, где командовал Яков Свердлов, объявил Советскую республику военным лагерем, а 5 сентября Совнарком принял постановление о “красном терроре”.

Словом, знойное лето 1918 года изобиловало событиями, столкнувшим и Россию в пропасть гражданской войны: левозэсеровский мятеж, мятеж чехословацких военнопленных, страшный декрет о борьбе с антисемитизмом, написанный рукой Якова Свердлова, подписанный Лениным и опубликованный 27 июля 1918 г., через 9 дней после зверского убийства царской семьи. А тут еще несколько покушений. Ну как после этого обойдешься без “красного террора”!

Убийцей Моисея Урицкого оказался молодой человек Леонид Канегиссер, выросший в почтенной сефардской семье. Его дед Самуил был военным врачом, получившим потомственное дворянство в 1884 году, отец Иоаким был знаменитым инженером с европейским именем. В доме отца бывали многие аристократы Петербурга, вплоть до министров.

Леонид Канегиссер дружил с Есениным и бывал у него в Константиново, писал талантливые стихи и восторгался февральской революцией, которая дала ему, крещеному еврею, равноправие и открыла двери в Михайловское артиллерийское училище, сделала юнкером, а впереди его ожидало офицерское звание. Канегиссер был благородным человеком.

*И если, шатаясь от боли,
К тебе припаду я, о мать,
И буду в покинутом поле
С простреленной грудью лежать,*

*Тогда у блаженного входа
В предсмертном и радостном сне
Я вспомню — Россия, свобода,
Керенский на белом коне.*

Однако одновременно он состоял и в сионистской организации, но “гертцлевского”, сефардского типа, а люди такого склада презирали и боялись Урицкого. Один из них, врач Моисей Грузенберг, в те дни отозвался о Канегиссере так: “Он из лучшей семьи Петрограда, и священный долг его был

убить Урицкого. Я даже не остановился бы благословить моего сына, чтобы он убил такого мерзавца”.

Но убийство Урицкого и покушение на Ленина вызвало ответную волну жестокости со стороны высших функционеров власти. Н. Бухарин откликнулся статьей с многозначительным названием “Ленин—Каплан, Урицкий—Канегиссер”, расследовать “дело Урицкого” в Питер приехал сам Дзержинский, который и допрашивал Канегиссера (материалы допроса не сохранились). Нарком внутренних дел Петровский обратился с циркулярной телеграммой ко всем Советам с требованием развернуть “красный террор”: “Ни малейшего колебания при применении массового террора”.

И террор начался. Самый кровавый — в Питере и в Москве. Но и провинция не отставала. На Валдае, к примеру, известнейший русский публицист Меньшиков был расстрелян на глазах у жены и детей без суда и следствия. Был ли террор спровоцирован этими покушениями — до сих пор неясно. Но местечковые Робеспьеры воспользовались ими на полную катушку. Из воспоминаний А. Мариенгофа:

“Стоял теплый августовский день... На улице ровными каменными рядами шли латыши. Казалось, шинели их сшиты не из серого солдатского сукна, а из стали. Впереди несли стяг, на котором было написано: “Мы требуем массового террора”.

Первый список заложников, начинавшийся с фамилий великих князей, появился в “Красной газете” 6 сентября 1918 г. Он состоял из фамилий бывших банкиров, купцов, владельцев типографий, бывших офицеров, правых эсеров, фабрикантов и прочей “монархическо-буржуазной сволочи”. Для острастки сефардов, одобрявших поступок Леонида Канегиссера, в списке было несколько представителей “еврейской аристократии”... Но из дальнейших списков фамилии такого рода исчезли. Списки были подписаны чекистами Г. Бокием и А. Иоселевичем. На следующий день после покушения на Урицкого было “пущено в расход” 929 человек бывших дворян, чиновников, офицеров и членов их семей.

Внешне покушение на Урицкого выглядело, как отмщение молодого поэта за смертный приговор, вынесенный Петроградским ЧК другу Канегиссера по артиллерийскому училищу еврею Владимиру Перельцевейгу, который якобы руководил заговором в училище против власти Зиновьева—Урицкого. Но одновременно покушение это выглядело, с точки зрения евреев-сефардов, как отмщение за их “февральскую Россию”, как кульминация распри между ашкенази (Урицкий) и сефардами (Канегиссер). Но для обывательской еврейской среды в целом оно было и как гром среди ясного неба: “еврей убил еврея!” Этого не допускали ни законы Моисея, ни правила Талмуда, ни заповеди Шулхан Аруха.

Что же касается произошедшего одновременно покушения на Ленина, то, видимо, ни мотивы, ни причины его никогда не будут выяснены. Поставить Фанни Каплан рядом с Канегиссером? — не получается. Тогда она должна быть сефардкой, еврейской аристократкой, просвещенной дамой, а не местечковой “жидовкой”. Версия “мести Ленину” сефардами не убедительна, поскольку он был крещеным в православие, стал образованным юристом, блистательным политическим журналистом с незаурядными задатками философа и историка, русским человеком по отцу. Да и мать его, полукровка из немецко-еврейского семейства врачей Бланков, отнюдь не местечкового, была куда ближе к Дизраэли, нежели к Урицкому.

Его полное равнодушие к иудаизму, атеистический склад природы и последовательная борьба за ассимиляцию российского еврейства не дают основания принять эту гипотезу.

Меня всегда удивляли наши патриоты, придававшие фатальное значение четвертушке еврейской крови, пульсировавшей в ленинских венах и артериях. На мой взгляд, Ленин относился к еврейскому засилью в революции куда более раздраженно и скептически, нежели Сталин. Более того, он позволял себе такие высказывания о еврействе, на которые сам Сталин никогда не решался.

Помнится, что в одном из сочинений 1911-го или 1912 года Ленин неожиданно заявил о том, что в нашем черносотенстве помимо всяческой интеллигентской “затхлости” есть здоровое ядро — “грубый мужицкий демократизм”.

А в начале 20-х годов он же предупреждал Сталина, чтобы последний умел сопротивляться авторитетам и воле еврейских партийных функционеров, а то ведь, заметил Ленин, “на шею сядут”.

Незадолго до революции живший в Швейцарии Ленин встретился с двумя людьми, приехавшими из России, о чем написал в письме:

“Один еврей из Бессарабии, выдавший виды, социал-демократ или почти социал-демократ, брат-бундовец и т. д. понатерся, но лично неинтересен... Другой воронежский крестьянин из старообрядческой семьи. Черноземная сила. Чрезвычайно интересно было посмотреть и послушать”.

Недаром Есенин в “Анне Снегиной” на вопрос своих земляков: “Скажи, кто такое Ленин?” – отвечает: “Он – вы”; а Николай Клюев в 1919 году пишет знаменитые строки: “Есть в Ленине керженский дух, диктаторский окрик в декретах. Как будто истоки разрух он ищет в поморских ответах”.

Да, Ленин признавал, что без местечкового еврейства революция потеряла бы поражение:

“Эти еврейские элементы были мобилизованы против саботажа. Таким образом они имели возможность спасти революцию в этот критический период. Мы имели возможность захватить административный аппарат только потому, что имели под руками этот запас разумной, образованной рабочей силы”.

По некоторым данным, количество “разумной образованной рабочей силы”, хлынувшей в Центральную Россию из-за “черты оседлости” и занявшей почти все большие и малые административные должности, в том числе и ЧК, составляло более миллиона человек.

За эту поддержку “Революции” (то есть за спасение большевистской власти) Ленину пришлось заплатить большую цену, в том числе и подписать чудовищный декрет “о борьбе с антисемитизмом”.

Но в своих стратегических планах Ленин рассчитывал после достигнутой стабильности все-таки уменьшить еврейское влияние в высших эшелонах власти.

В конце 1922-го – начале 1923 года он обратился с письмом к XIII съезду партии (“Завещание” Ленина), в котором попытался совершить своего рода переворот в Центральном Комитете ВКП(б).

“Я советую вам очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе” <...>. “В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни” (в ЦК тогда было 27 человек. – Ст. К.).

По предложению Ленина в новый ЦК должны были войти люди, “стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крестьян”. <...> *“Я предлагаю съезду выбрать 75–100 рабочих и крестьян... выбранные должны будут пользоваться всеми правами членов ЦК”* (т. 45, стр. 343, 348, 384).

Так что местечковому большинству в государственном аппарате было чего бояться. Однако партийные верхи отвергли ленинское предложение, а Троцкий написал в ЦК письмо о том, что такое “расширение” ЦК лишило его “необходимой оформленности и устойчивости” и “нанесет чрезвычайный ущерб точности и правильности работ ЦК”. Вся еврейская часть ЦК поддержала Троцкого, и сущность ленинского письма была сведена к ленинским характеристикам кандидатов на роль генсека, в то время как идея расширения ЦК была куда более важной. Неудивительно, что среди “старых партийцев” распространились слухи, что Ленин после инсульта не в себе, потому и предлагает утопические и вредные для партии реформы. Ленин был действительно болен и, несмотря на свой авторитет, не мог уже провести в жизнь решение, которое сделало бы ЦК более “народным” и более “русским”.

А письмо это настолько было революционным (или контрреволюционным, с точки зрения “иудушки Троцкого”) и опасным для партийных верхов не только 1923 года, но и будущих времен, что его полностью опубликовали лишь в 1956 году.

В сущности, Ленин предлагал то, что осуществил Сталин во второй половине 30-х годов. Ленин, в отличие от Сталина, обладал мастерством открытой политической борьбы, никогда не скрывал своих планов и убеждений, и это обстоятельство могло настроить против него его ближайшее еврейское окружение. Некоторые нынешние историки выдвигают гипотезу о том, что летом 1918 года в центре такого заговора мог стоять Свердлов. А история с Каплан таинственна настолько, что даже имя ее подлинное в одних источниках публикуется как “Дора”, в других “Фанни”.

“Дело Канегиссера” исследовано до мельчайших подробностей, о нем написаны романы, воспоминания, исторические очерки... Об этой же местечковой “Шарлотте Корде” не известно абсолютно ничего, кроме того, что сразу после неудачного дилетантского покушения таинственная фурия была доставлена на допрос к председателю ВЦИКа (“президенту”) Янкелю Свердлову и через три дня следствия (от которого не осталось никаких документов) была расстреляна.

Наверное, тайна эта никогда не будет раскрыта. Любопытны суждения Шульгина о Ленине из книги “Что нам в них не нравится”.

“Гениальность Ленина и состояла в том, что он в водворившемся хаосе увидел еврейского Кита, который плыл среди урагана; уселся ему на спину и поехал к своей цели <...> народная молва, чувствуя истинное положение дела, но расцветивающая его в легендарные краски, утверждает, что Ленин в конце концов возмущился, когда понял, что он только еврейская пешка. И тогда будто бы евреи убили его утонченным и тайным ядом” (стр. 100).

Но как бы то ни было, воспользовавшись двумя оглушительными покушениями, совершенными в один день 30 августа 1918 года, наши ашкенази развязали “красный террор”, число жертв которого до сих пор неизвестно. Одни источники говорят о тысячах, другие о десятках тысяч, третьи о сотнях...

Столица погрузилась в ужас. Все, что потенциально могло сопротивляться, было раздавлено. Не исключено, что и благородный порыв Канегиссера был включен в общую схему этой исполинской провокации.

“Мы сошлись с Осипом Мандельштамом первого мая 1919 года, – пишет в своих “Воспоминаниях” вдова поэта Надежда Мандельштам, – и он рассказал мне, что на убийство Урицкого большевики ответили “гекатомбой трупов”.

Но те, кто в 1918 году во время “красного террора” посеяли ветер, через 20 лет во время “большого террора” пожали бурю.

А что касается сегодняшних оценок истории, то ни Володарский, ни Урицкий, ни Канегиссер, ни несколько десятков благонамеренных сефардов не зачисляются в холокостный поминальник, в отличие от некоторых еврейских жертв 1937–1938 годов, еврейского антифашистского Комитета, “дела Михозэlsa” и “дела врачей”.

* * *

Анализируя события начала века, Василий Витальевич Шульгин пришел к неутешительному выводу о фундаментальном вкладе, который внесли местечковые революционеры в кровавую оргию всех трех русских революций. Он посчитал, что лишь в 1905–1906 годах в России было убито и ранено более 20 тысяч городских, офицеров, государственных чиновников и даже рядовых солдат. Конечно, не все они были убиты еврейскими руками, но очень и очень многие:

“Мардохейская история не умерла. Время от времени дикие мысли о массовой расправе “с врагами” обуревают еврейские мозги. Что это так, нам доказали еврей-коммунисты, которые уничтожали русскую интеллигенцию ничуть не хуже, чем Мардохей вырезал (под именем амановцев) персидский культурный класс” (В. Шульгин, стр. 154).

Как по команде, российские “мардохеи” разделились на два отряда. Один (Ахад Хам, Жаботинский, Вейцман, Бен-Гурион, Голда Меир, Пинскер, Менахем Бегин, Ицхак Шамир, Шимон Перес и т. д.) бросился в национал-сионистскую революцию, а другой (Троцкий, Зиновьев, Урицкий, Свердлов, Губельман-Ярославский, Юровский, Голощекин, Блюмкин, Каганович, Ягода, Бела Кун, Френкель, Розалия Землячка, Уншлихт и т. д.) в обе русские – сначала в февральскую, потом в октябрьскую.

Проницательно писал о генетической общности сионистов и российских местечковых революционеров первого призыва еврейский публицист И. Бикерман в 1923 году:

“Оба с одинаковой решительностью отрекаются от старого мира <...> один и другой имеет каждый свою обетованную землю, которая течет млеком и медом. Это единство схем накладывает удивительную печать сходства на мышление, обороты речи и повадки сионистов и большевиков”.

Сейчас об этой когорте “псов и палачей” (как поется в “Интернационале”) принято говорить толерантно, с интонациями умеренного сожаления: “Неко-

торые евреи в России первые 20–25 лет советской власти активно ей помогали” (из статьи известного диссидента Г. Померанца, “Литературная Россия”, № 28, 1990 г.).

Февраль 1917 года снял с местечковой массы все ограничения в правах, и ее питомцы вместо того, чтобы воспользоваться этими благами и свободами, сразу же показали себя во всей красе:

*Моя иудейская гордость пела,
Как струна, натянутая до отказа.
Я много дал бы, чтобы мой пращур
В длиннополом халате и лисьей шапке,
Чтоб этот пращур признал потомка
В детине, стоящем подобно башне
Над летящими фарами и штыками.
(Э. Багрицкий. “Февраль”)*

От той пламенной эпохи осталось бесчисленное количество свидетельств очевидцев и участников событий, людей совершенно разных сословий и классов, порой враждебных друг другу, но тем не менее с одинаковым ужасом оценивавших небывалый в мировой истории погром, развернувшийся в России.

В 1923 году в Берлине был издан коллективный сборник статей видных деятелей дореволюционного еврейства (скорее всего “сефардов”) И. Биккермана, Г. Ландау, И. Левина, Д. Пинского, В. Мандела, Д. Пасманика под названием “Россия и евреи”, в котором они с ужасом и отчаянием оценили деяния своих сводных братьев иудейской веры и хазарского происхождения:

“Поразило нас то, что мы всего менее ожидали встретить в еврейской среде – жестокость, садизм, насильничанье, казалось чуждое народу, далекому от физической воинственной жизни; вчера еще не умевшие владеть ружьем, сегодня оказались среди палачествующих головорезов” (из статьи Д. Пасманика).

Особенной страстностью, аргументированностью и честностью выделяется в этом эпохальном сборнике статья Иосифа Биккермана. Задолго до еврейского понятия “Холокост” он написал о “русском холокосте” такую правду, от которой до сих пор по истечении девяноста лет душа содрогается и трепещет: *“Если мы свои потери можем еще определять гадательными числами, то русские и этого делать не могут. Кто считал русские слезы, кто русскую кровь собирал и мерил. Да и как считать и мерить в этом безбрежном и бездонном море”*.

Василий Гроссман в своем известном сочинении “Все течет” обвинил Россию и русский народ в изначальном стремлении к рабству. “Россия – раба” – эту расхожую фразу Гроссмана в начале перестройки кто только не повторял, начиная от Александра Яковлева и кончая каким-нибудь Коротичем или Радзиховским.

Иосиф Биккерман был честнее. Он в первую очередь обвинил своих соплеменников в рабском следовании логике террора:

“Когда ж это мы превратились в рабов? – гневно вопрошал Биккерман местечковых фанатиков. – Когда же это мы дошли до оголтелости, где и когда еврейский народ растерял драгоценнейшее свое достояние: накопленный в течение веков и под всеми земными широтами жизненный опыт, в котором залог устойчивости?”

И совершенно хрестоматийным и точным с исторической точки зрения является отрывок из статьи Биккермана, который, как я предполагаю, был внимательно прочитан в 20-е годы и русской эмиграцией, и русскими патриотами, оставшимися в России, и некоторыми европейскими политиками.

“Русский человек никогда прежде не видел еврея у власти; он не видел его ни губернатором, ни городовым, ни даже почтовым чиновником. Бывали и тогда, конечно, и лучшие и худшие времена, но русские люди жили, работали и распоряжались плодами своих трудов. Русский народ рос и богател, имя русское было велико и грозно. Теперь еврей – во всех углах и на всех степенях власти. Русский человек видит его и во главе первопрестольной Москвы, и во главе невской столицы, и во главе Красной Армии, совершеннейшего механизма самоистребления. Он видит, что проспект св. Владимира носит теперь славное имя Нахимсона, исторический Литейный проспект

переименован в проспект Володарского, а Павловск – в Слуцк. Русский человек видит теперь еврея и судьей и палачом...”

Всем современникам было понятно, что в этом отрывке, где не названо ни одной фамилии, речь идет о еврейском триумvirате, захватившем полную власть над Россией во время болезни Ленина – о Троцком-Бронштейне, о Каменеве-Розенфельде и о Зиновьеве-Апфельбауме...

Книга “Россия и евреи” – повторюсь – была издана в 1923 году в Берлине. Но мысли и стилистика этого отрывка были столь впечатляющими, что я выдвигаю гипотезу о том, что он, как некая матрица, властно повлиял на публицистику самых разных его современников.

Во-первых, я уверен, что его читал друг Есенина, русский националист Алексей Ганин, которому Есенин, возвращавшийся из Америки в 1923 году, мог привезти эту книгу из Берлина, где у него произошла знаменательная ночная встреча с Романом Гулем, во время которой поэт буквально кричал в лицо своему собеседнику: “Я не поеду в Москву, пока Россией правит Лейба Бронштейн!”.

Вот он, отрывок из манифеста друга Есенина, вологодского крестьянина и русского националиста Алексея Ганина, “Мир и свободный труд народам”, за который он был объявлен главой ордена “Русских фашистов” и расстрелян 30 марта 1925 г.:

“За всеми словами о коммунизме, о свободе, о равенстве и братстве народов таится смерть и разрушение”... “Достаточно вспомнить те события, от которых все еще не высохла кровь многострадального русского народа, когда по приказу этих сектантов-комиссаров оголтелые, вооруженные с ног до головы, воодушевляемые еврейскими выродками банды латышей, беспощадно терроризируя беззащитное сельское население, всех, кто здоров, угоняли на братоубийственную бойню, когда <...> за отказ от погромничества помещиц выжигались целые села, вырезались целые семьи”. “Вместо законности дикий произвол Чека и Ревтрибунала, вместо хозяйственно-культурного строительства – разгром культуры и всей хозяйственной жизни страны <...>. Все многомиллионное население коренной России (и Украины), равно и инородческое, за исключением евреев, брошено на произвол судьбы” <...> “Всюду голод, разруха, издевательство над жизнью народа, над его духовно-историческими святынями. Поистине над Россией творится какая-то черная месса для идолопоклонников”.

Несомненно, что статью Биккермана читал В. В. Шульгин. Вот отрывок из его книги, написанный, согласно моей гипотезе, по “биккермановской матрице”.

“Не нравится нам то, что вы фактически стали нашими владыками. Не нравится нам то, что, став нашими владыками, вы оказались господами далеко не милостивыми; если вспомнить, какими мы были относительно вас, когда власть была в наших руках <...> под вашей властью Россия стала страной безгласных рабов <...>. Вы жаловались, что во время правления “русской исторической власти” бывали еврейские погромы; детскими игрушками кажутся эти погромы перед всероссийским разгромом, который учинен за одиннадцать лет вашего властвования! И вы спрашиваете, что нам в вас не нравится!!!” (стр. 35).

Во время нелегального посещения СССР зимой 1925–1926 года, когда Шульгин перешел границу, чтобы найти своего сына, все передвижения Шульгина по стране, его поездки в Киев, Ленинград, Москву внимательно контролировались ОГПУ в рамках операции “Трест”. И несмотря на то, что, находясь в эмиграции с 1920-го по 1925 г., Шульгин написал три антисоветских книги – “Годы”, “Дни”, “1920”, ОГПУ не чинило ему никаких помех и спокойно выпустило его обратно на Запад, надеясь, что после посещения СССР борец с советской властью напишет книгу, лояльную по отношению к молодому государству. Так оно и случилось, “Три столицы” стала именно такой книгой. И, наверное, после этого Шульгин мог бы вернуться на Родину, но в 1928 году он вдруг издал в Париже новую книгу с названием “Что нам в них не нравится”, после чего путь на Родину ему, конечно, был отрезан. Именно за эту книгу (поскольку после нее никаких других он не издавал) Шульгин, 66-летний старик, после освобождения от немцев Югославии в 1945 году был арестован СМЕРШем в маленьком сербском городке Сремски Карловцы, в котором тихо жил с 1931 года, препровожден в Москву, где “за активную анти-

советскую деятельность” был приговорен судом к 25 годам тюрьмы... Этот фантастический срок он получил, конечно же, за то, что в своей последней книге нарушил всякие запреты и рассказал всю правду о еврейском палачестве в годы революции и Гражданской войны. Вспомним еще раз, что за прежние три антисоветские книги, в которых еврейский вопрос не поднимался, он не понес никакого наказания.

Третьим человеком (после монархиста Шульгина и русского поэта А. Ганина), который, видимо, был знаком с книгой “Россия и евреи” и читал статью Бикиермана, оказался не кто-нибудь, а молодой Гитлер, который в конце 1923 года попал за попытку государственного переворота в баварскую тюрьму, где начал писать “Майн кампф”, ставшую вскоре мировым бестселлером, который был переведен на все языки мира и отпечатан тиражом более 10 миллионов экземпляров. Общий гонорар Гитлера составил 15 млн марок. Книга была переведена и на русский язык, но для служебного пользования, что совершенно понятно, поскольку в главе о Советской России будущий германский вождь размышлял о том, что получается с народами, власть над которым захватывают инородцы, резал напропалую правду-матку, перемешивая ее с грубой пропагандистской ложью:

“Самым страшным примером в этом отношении является Россия, где евреи в своей фантастической дикости погубили 30 миллионов человек, безжалостно перерезав одних и подвергнув бесчеловечным мукам голода других, — и все это только для того, чтобы обеспечить диктатуру над великим народом за небольшой кучкой еврейских литераторов и биржевых бандитов”...

Молодой Адольф Алоизович в этой тираде почти слово в слово повторил мысли о местечковых палачах, сказанные либеральным сефардом Биккерманом, русским националистом и поэтом Алексеем Ганиным, монархистом и белогвардейцем Шульгиным. Правда, в двух местах он дал волю своему вульгарному площадному стилю, когда ради красного словца озвучил совершенно немыслимую цифру “жертв еврейского террора” — 30 млн человек, и когда заклеил “биржевых бандитов”, видимо, перепутав Россию с Германией. В России “биржевых бандитов” не было. Были “пламенные революционеры”.

* * *

В главе “Метисы” из энциклопедии “Холокост” подробно излагается расовая теория “нюрнбергских законов” о “чистоте расы”, “о смешанных браках”, о “защите германской крови и духа от всякого рода “метисов”, “бастардов” и “ублюдков”, то есть “полукровок”, “квартирантов” и прочих немецких граждан, “нечистых в расовом отношении”. Однако крайне любопытно, что автор статьи “Метисы” А. Эхманн (чуть-чуть не Эйхман) нигде и ни разу не засвидетельствовал известную историкам всего мира истину о том, что вся “арийская верхушка гитлеровского рейха, начиная от самого фюрера, была “метисами”, “бастадами” и “ублюдками”. Авторам “Энциклопедии” не хватило научной честности признать тот факт, что исполнителями дьявольского замысла об “окончательном решении еврейского вопроса” были близкие жертвам по крови, а жрецам и по убеждениям люди. Уровень исторического комментария энциклопедии часто не выдерживает никакой критики. Вот что, к примеру, пишет главный ее куратор, шеф-редактор, американский историк И. Лакёр:

“Почему же евреи не оказали нацистам большого сопротивления? Потому что доля молодых мужчин и женщин, имевших военную подготовку, в еврейском населении была ничтожна. Впрочем, даже само число молодых евреев и евреек к тому времени сильно сократилось от голода и болезней, и немало их замерзло в суровые зимы, поскольку евреям не разрешалось иметь теплые жилища и одежду”. Но почему-то те же местечковые евреи эпохи революции и гражданской войны в России, по словам Д. Пасманика, одного из авторов книги “Россия и евреи”, “далекие от воинственной жизни (...) не умевшие владеть оружием” — когда надо было, моментально овладели этим искусством и “оказались среди палачествующих головорезов”! Такое солидное издание и такие наивные аргументы!

“Толерантность” Лакёра доходит до того, что он не “помнит”, как евреи Кастнер и Эйхман отправили в 1944 году несколько сотен тысяч венгерских ев-

реев в польские лагеря смерти, как глава Вильнюсского юденрата Якоб Генс утопил в крови все попытки молодых евреев поднять в гетто вооруженное восстание против нацистов и их еврейских пособников.

Одно дело возмущаться, споря с антисемитами всех стран и народов, делая из Холокоста орудие политической борьбы и успешной бизнес-индустрии, другое — честно признаться, как Ханна Арендт, что в еврейской трагедии во многом виноваты твои соплеменники. Если бы это обстоятельство было известно историкам, политикам и широкому мировому общественному мнению в 1948 году, то едва ли бы Генеральная Ассамблея ООН проголосовала за создание государства Израиль.

А вот еще смехотворный “исторический комментарий” из энциклопедии “Холокост”: *“Среди вещей, принадлежавших убитой императрице Александре Федоровне, нашли экземпляр “Протоколов” Нилуса, что белогвардейцы истолковали, как свидетельство убийства императорской семьи евреями”*... Как будто у белогвардейцев не было других аргументов! Мне даже неловко объяснять автору статьи о “Протоколах сионских мудрецов” Михаэлю Хочемейстеру и шефу-редактору энциклопедии Уолтеру Лакёру, что расстрельной командой в Ипатьевском доме руководил местечковый палач Хаим Юровский, что рядом с ним были его поделельники Шая Голощекин и Лазарь Пинхусович Войков, что за их спинами стоял всемогущий московский сатрап Яков Свердлов, что в числе расстрельной команды были мадьяры с фамилиями Эдельштейн, Гринфельд и Фишер, что все свидетели, вошедшие по горячим следам в роковой подвал Ипатьевского дома, зафиксировали надпись на стене, торжественно сообщавшую миру на древнееврейском языке о “крушении царства”... А тут какой-то детский лепет о том, что императрица читала “Протоколы сионских мудрецов” и что это обстоятельство было единственным аргументом, которое подпитывало слухи о расстреле царской семьи евреями.

“Глобочник Одиль (1904—1945) — старший офицер СС. В 1941—1943 приво-дил в исполнение “окончательное решение” на территории Польши. Г. подписывал распоряжения, согласно которым евреев направляли на тяжелые принудительные работы, а их собственность конфисковали. По его приказу были уничтожены свыше 2 млн польских евреев. В мае 1945 в ожидании суда над военными преступниками Г. покончил жизнь самоубийством”.

Все в этой справке, опубликованной в энциклопедии на странице 194, правда. Не сказано лишь то, что Глобочник был чистокровным евреем.

Та же операция “толерантного умолчания” о том, “кто есть кто”, совершена в отношении к Йозефу Крамеру (“Офицер СС”, “адъютант Р. Гесса в Освенциме”, “Комендант лагеря Нацвеймер Штрутхоф”, “В последние месяцы войны комендант концлагеря Бреген Бельзен”, “Осужден британским судом и казнен”). С таким же биографическим “изъятием” составлена справка на ключевую фигуру в истории Холокоста оберштурмфюрера СС Курта Герштейна, который начинал свою служебную карьеру борцом антинацистского сопротивления, распространял брошюры и листовки, призывавшие к борьбе с гитлеровским режимом. Но после двух арестов вдруг был принят в ряды СС, стал поставщиком ядовитого газа “Циклон Б” для концлагерей. Одновременно Герштейн стал распространителем среди иностранцев ужасных слухов о массовых уничтожениях евреев, о предстоящих депортациях и репрессиях, целью которых было “вытеснение” европейских евреев из Европы на Ближний Восток. А ключевой фигурой в истории Холокоста он стал потому, что именно устами этого хорошо подготовленного провокатора на Нюрнбергском процессе впервые была запущена в юридический обиход зловещая легенда о 6 миллионах. Ничего вышесказанного в энциклопедиях “Холокост” о Курте Герштейне нет, так же как и о его национальной принадлежности.

Кончил он свою жизнь, как и положено функционерам такого масштаба — “самоубийством” во французской тюрьме в 1945 году. Держать его дольше в живых было нецелесообразно и опасно.

* * *

Шефом-редактором энциклопедии Холокост является американский специалист по “русскому фашизму” Уолтер Лакёр. В свое время Вадим Валерианович Кожин беспощадно высмеял исторические фальсификации Лакёра о русских черносотенцах:

“Этот “русовед” объявляет, например: “Что касается “окончательного решения еврейского вопроса”, то Пуришкевич предлагал переселить евреев в районы Колымы и к Заполярному кругу, тогда как Марков считал, что все евреи “до последнего” должны быть перебиты в предстоящих погромах. Союз (русского народа. – **Ст. К.**) внес свою легенду в воплощение этой идеи в жизнь, организуя жестокие погромы”.

“Перед нами, – комментирует В. Кожинев эти “откровения” Лакёра, – уникальная по своей развесистости клюква <...> когда и где внес свое “предложение” Пуришкевич, Лакёр не сообщает <...> профессиональный лгун У. Лакёр считает допустимым внушать своим читателям, что Н. Е. Марков требовал развернуть колоссальную кампанию погромов, в ходе которой должны быть уничтожены пять миллионов евреев! Да уж, как говорится, бумага все терпит...”, “его задача – пропаганда мифа, согласно которому деятели Союза русского народа – прямые наставники, воспитатели германских нацистов. И ради этого Лакёр готов прибегнуть к любым фальсификациям” <...> “Это, прямо скажем, наглешее сопоставление <...> стало излюбленным занятием многих профессиональных русофобов. Один из наиболее влиятельных из них – живущий в США Уолтер Лакёр” (“Наш современник”, №4, 1994 г.) И вот этот “профессиональный лгун”, выведший истоки Холокоста из деятельности Союза русского народа, сегодня курирует, редактирует и пропагандирует громадную 700-страничную энциклопедию о Холокосте. Конечно, под таким “шефством” она иной и быть не могла. Но кроме Лакёра к созданию энциклопедии причастны многие породистые и знаменитые ашкенази вместе с известными русскими шабегоями. В попечительский совет издания входят писатель Г. Я. Бакланов-Фридман, директор “библиотеки иностранной литературы” Е. Гениева, писатель Д. Гранин, бывший посол США в России А. Вершбоу, А. Гербер, Берл Лазар, Михаил Горбачев, Владимир Лукин, Сергей Филатов, А. Шаевич, Николай Сличенко (поскольку гитлеровцы цыган тоже уничтожали). Руководитель проекта Е. Гениева, она же состоит в редколлегии, где присутствует от “Мемориала” А. Рогинский, от фонда “Холокост” И. Альтман, от клерикальной диссидентуры “отец Георгий Чистяков”, от историков ельцинский архивист С. Мироненко и А. Чубарьян, известные своей прогеббельсовской антирусской позицией в Катынском вопросе.

Конечно, создание государства – величайшая цель и мечта всякого народа. И все народы, имеющие сегодня государства, принесли на протяжении своей истории во имя этой цели громадные жертвы, совершали великие подвиги и великие преступления “против человечности”. В двадцатом веке такого масштаба жертву попытались принести и евреи. Оправдана ли была эта жертва – пусть об этом судят они сами. Не чересчур ли великую цену заплатил еврейский народ за осуществление своей мечты, и нет ли угрозы того, что принесенная жертва (я говорю о шести миллионах) напрасна? А если оно так, то и отцы-основатели этого проекта могут быть подвержены посмертному суду. Но это – еврейское дело. И лучше всего другим народам в него не вмешиваться. А то, что ропот недовольства проектом набирает силу – тому есть серьезные доказательства. Проект “Израиль” – сегодня выглядит совсем не бесспорным, о чем не задумывались восторженные сионисты начала XX века. Сегодня же споры о целесообразности существования Израиля, как говорится, выходят на финишную прямую. Я приведу без комментариев несколько взаимоисключающих мнений по этому поводу.

Мнение первое:

“Сегодня весь мир делится на сионистов и антисионистов – врагов государства Израиль, мирового еврейства, врагов каждого из нас. Их много, и они весьма многолики и разношерстны: от раввинов “Нетурей Карты” до леволиберальных американских и европейских интеллектуалов, от “ненавидящих себя евреев” в Госдепартаменте США и аппарате президента Обамы до редактора газеты “Завтра” Александра Проханова и депутатов Госдумы России, от ливийского диктатора Муаммара Каддафи, который, оказывается, “любит евреев, но ненавидит сионистов”, до “патриота Израиля” южно-африканского еврея, бывшего судьи Ричарда Голдстоуна – автора доклада комиссии ООН о “зверствах ЦАХАЛа в Газе” и т. д., и т. п. Не говоря уже об Ахмадинежаде, ХАМАСе и Хезбалле...”

Я хочу закончить свое обращение, чуть перефразируя Юлиуса Фучика.
“Евреи! Будьте бдительны!”

Даниил Голубев (Газета “Форум”, Нью-Йорк, №288, 2010 г.)

Мнение второе:

“Первые идеологи сионизма обещали евреям, что если будет создано еврейское государство, то оно окажется единственным местом на земле, где евреи будут находиться в безопасности. И какое-то время казалось, что сионизм выполнил это обещание. Однако лето 2006 года положило конец иллюзии безопасности. <...> Многие израильтяне задаются вопросом: если сионизм не оправдал себя, то ради чего они строили страну на болотах, посылали своих детей воевать? Авраам Бург – бывший спикер Кнессета и сын одного из отцов-основателей государства Израиль. Его недавно вышедшая книга “Победить Гитлера” наделала немало шума. В ней он, в частности, пишет, что сионизм не освободил еврейский народ, а стал катастрофой, приведшей к созданию закрытого гетто, напоминающего концлагеря. Рецензия на книгу была опубликована в том числе и в арабской газете “Аш-Шарк аль-Аусат” под названием “Евреи против Израиля”. Однако это не совсем так. Бург отрицает Израиль такой, какой он есть сегодня, но не сам факт существования государства. Бург пишет о возвращении к “духовному сионизму”, возрождении еврейской сущности, которая теряется за понятием “израильтянин”. Он не одинок в своем мировоззрении, и подобные мысли высказывались евреями на протяжении всей истории сионизма. <...> Мыслители, подобные Бургу, ставят очень серьезные вопросы: а может ли быть в современном мире демократическое государство исключительно “еврейским”? Может ли быть демократическим государство, чье законодательство во многом базируется на религиозных постулатах? Не ведет ли сионизм к расизму, и почему критика этой идеологии приравнивается к антисемитизму? Может ли, в конце концов, государство все время жить с ощущением, что “весь мир против него”?

(“Форум”, №284, 2010 г.)

Мнение третье:

“ТОРА ОСТАНЕТСЯ НЕИЗМЕННОЙ

Раввин Е. Шварц

Сегодня сионисты празднуют 42-ю годовщину создания своего государства, а мы, евреи, 42-й раз скорбим.

Сионизм утверждает, что нас изгнали потому, что мы были слабы в военном и экономическом плане. Однако Тора говорит: “Мы были изгнаны со своей земли за грехи наши. Только Всемогущий без какого-либо вмешательства со стороны людей после полного искупления наших грехов вернет нас из изгнания. И настанет всеобщий мир”.

С момента возникновения сионизма все ведущие раввины решительно выступили против него, ибо сионизм – противник нашей Торы и веры. Например, один из величайших раввинов того времени Шулем Дов Бер Шнеерсон писал, что даже если сионисты чтити бы Тору, мы все равно должны выступить против идеи их государства, ибо мы дали клятву Всемогущему “не прибегать к усилиям людей в создании государства, не восставать против наций, не освобождаться от изгнания раньше времени” (Талмуд, стих IIIa). Мы должны противиться такому государству, ибо оно противоречит нашей реальной надежде и нашей вере, и лишь один Всемогущий вернет нас из изгнания, когда пришлет Мессию.

Каждый, кто так или иначе помогает сионизму, будет отвечать перед Всевышним, ибо играет на руку тем, кто вводит массы людей в заблуждение. Каждый, кто предан Б-гу и его Торе, не должен сотрудничать с сионистами. Напротив, необходимо бороться с сионизмом всеми возможными способами. Так писал 90 лет назад последний Любавический раввин.

Постепенно развращаемые деньгами и почестями, сионисты продались золотому тельцу. Те, кто хотел сохранить свою веру и продолжать борьбу с сионизмом, отошел от этих партий.

Сионистское государство эксплуатирует “главных раввинов” и использует “религиозные партии” для того, чтобы придать себе клерикальную внешность. Они изучают Тору с комментариями, приспособленными для того, чтобы придать содержащимся в ней словам националистическую окраску.

Настоящие евреи против того, чтобы изгонять арабов с их земли и из их домов.

Согласно Торе, им следует вернуть их землю.

Евреям запрещается господствовать, убивать, унижать другие народы или причинять им ущерб, а также иметь что-либо общее с сионистами, их политическими авантюрами и войнами.

Мир должен знать, что сионисты украли название “Израиль” и не имеют права выступать от имени еврейского народа.

(“Нью-Йорк таймс”, 30.04.1990 г.)

Неужели “израильский вектор” меняется, и побежденная было идея сепардов возрождается из пепла и берет реванш у отцов-основателей Израиля, у местечковых ашкенази с “косматыми сердцами”?

* * *

Идеологическое и даже нравственное обеспечение “революционного правосознания” (то есть террора) взяли на себя множество историков, превознесившие Французскую революцию, как предтечу октябрьской. Обо всех ее вождях, обо всех женщинах — “фуриях Французской революции” в 20–30-х годах были написаны популярные книги в серии “Жизнь замечательных людей”. Авторы — Блос, Захер, Ольшевский, Фридлянд и т. п. Интересно, что сию эстафету после “оттепели” приняли духовные дети авторов этой эпохи — шестидесятники, с упоением ринувшиеся в Политиздат с рукописями о пламенных революционерах всех времен и народов — о Робеспьере (А. Гладилин), о Пестеле (Б. Окуджава), о Красине (В. Аксенов).

А поэтов и прозаиков, воспевших террор, в молодой советской литературе 20–30-х годов было хоть пруд пруди. “Героями ихнего времени” в полном смысле стали чекисты. Иные местечковые таланты не просто восхищались чекистами и славили их, но почитали за честь верой и правдой служить в ведомстве Дзержинского и Ягоды. Из автобиографического рассказа Исаака Бабеля “Дорога”, в котором писатель вспоминает о том, как поступал на службу к Моисею Урицкому:

“Наутро Калугин повел меня в ЧК на Гороховую, 2. Он поговорил с Урицким. Я стоял за драпировкой, падающей на пол суконными волнами. До меня долетали обрывки слов.

— Парень свой, — говорил Калугин, — отец лавочник, торгует, да он отбилсЯ от них... Языки знает.

Комиссар внутренних дел коммуны Северной области вышел из кабинета раскачивающейся своей походкой. За стеклами пенсне вываливались обоженные бессонницей, разрыхленные, запухшие веки...

Не прошло и дня, как все у меня было — одежда, еда, работа и товарищи, верные в дружбе и смерти, товарищи, каких нет нигде в мире, кроме, как в нашей стране <...> так начиналась тринадцать лет назад превосходная моя жизнь, полная мысли и веселья...” (Как тут не вспомнить Мандельштама — **“я лишился и чаши на пире отцов и ВЕСЕЛЬЯ и чести своей”!**)

Рассказ был написан Бабелем в начале 30-х годов, а через десять лет **“верные в смерти товарищи”** поставили чекиста Бабеля (бывших чекистов не бывает) к стенке. Он, к сожалению, так и не успел написать роман “Чека”, о котором в свое время поделился замыслом с Фурмановым. Александр Исбах так описывает этот эпизод: *“В тот день Бабель говорил Фурманову о планах своего романа о “Чека”. Я не помню точно его слов, но Митяй, как всегда, записал их в своем дневнике. — Не знаю, — говорил Бабель, — справлюсь ли, очень уж однобоко думаю о ЧК. И это оттого, что чекисты, которых я знаю, ну... просто святые люди... И я опасаюсь, не получилось бы приторно. А с другой стороны, не знаю вовсе настроений тех, кто населяет камеры, это меня как-то даже и не интересует...”*

Вообще-то круг его интересов был широк и даже изыскан. Однажды во время посещения Зимнего дворца он позволил себе завалиться в альков императрицы, не сняв сапоги. Демонстративно. Мало того что зверски убили императора и жену, и детей, и слуг, но надо было еще с мстительным сладострастием покошунствовать! Ну добро бы такое совершил какой-нибудь пья-

ный матрос, несовершеннолетний умом и душою! Но — интеллигент, писатель, “языки знает”... Поистине “косматое сердце”.

*Когда вознесся красный флаг
на небом северной столицы,
писатель Бабель Исаак
залез в альков императрицы,
прилег, не снявши сапоги,
чтоб возвратить в одно мгновенье
всем соплеменникам долги
за слабость и уничижение,
но ровно через двадцать лет,
из революционной чаши
допив до дна, обрел ночлег
на нарах. Около парашаи...
Урок не впрок. Один актер,
недавно Сталина играя,
в его постель залез, как вор...
но это — серия вторая.*

Это мои стихи 1991 года...

Интересовался Бабель и судьбами крестьянства. Весной 1930 года он принимал участие в кампании по коллективизации Бориспольского района Киевской области (это его собственная формулировка). Когда же он вернулся в апреле 1930 года в Москву, то сказал своему другу Багрицкому: **“Поверите ли, Эдуард Георгиевич, я теперь научился спокойно смотреть на то, как расстреливают людей”** (Липкин Семен. “Квадрига”. М., 1997 г., стр. 59).

Через год Бабель опять отправился в те же места. Понравилось, видно, ему смотреть на картины расстрелов. (Воспоминания о Бабеле. М., 1989, стр. 327.)

Можно предполагать, что с момента ареста в 1939-м году и до расстрела в 1940-м писатель узнал *“настроения тех, кто населяет камеры”*. Но это знание уже не помогло ему в работе над романом “Чека”. Другой его ровесник, менее знаменитый, успел написать пьесу “Чекисты” — это был М. Козаков, отец знаменитого актера Михаила Козакова, блистательно сыгравшего в кино роль Дзержинского. Знание чекистов у него было семейной традицией. Старший Козаков не случайно же был удостоен чести попасть в бригаду писателей, поехавших по предложению Генриха Ягоды изучать опыт перевоспитания “социально чуждых элементов” на Беломорканал, в гости к “воспитателям” и высшим чинам ГУЛага Берману, Раппопорту, Когану, Френкелю и Фирину. Бригада на 80% состояла из местечковых талантов — Михаил Козаков, Виктор Шкловский, Семен Гехт, Вера Инбер, Леопольд Авербах, Анна Берзинь, Лев Славин, Яков Рыкачев, Бруно Ясенский, Лев Никулин, Евгений Габрилович, Александр Безыменский и другие вдохновенные певцы ЧК и ГУЛага. Книга, которую они сотворили, была эпохальной и опасной: она несла на себе проклятие “Декрета об антисемитизме”. Через 30 лет после ее создания Александр Солженицын обнародовал имена воспетых бригадой чекистов, и его за этот скромный подвиг идейные внуки Урицкого и Ягоды объявили антисемитом.

С особым благоговением местечковые поэты славили чекистов женского пола. Джек Алтаузен сделал это с непревзойденной искренностью в стихотворенье, названном простенько и со вкусом: “Чекистка”.

*Притворяться мне не пристало.
Как я рад, что увидел ту,
У которой должны кристаллы
Занимать ее чистоту.*

Тут надо пояснить, что под “кристаллами” он имел в виду драгоценные камни, для которых эталоном является “чистота чекистки”. Автор горюет, что от тяжелейшей работы у его бриллиантовой подружки поседел волосы:

*Почему пробивается проседь
У чекисток моей страны?*

И дает ей клятву мужской и гражданской верности:

*Потому что солгать ей — значит
Все равно, что солгать стране.*

Когда Алтаузен сочинял эту оду, он одновременно со своими друзьями (М. Голодным, С. Кирсановым, И. Уткиным, А. Безыменским) подписал сочиненное ими же письмо в “Правду” о том, что хулиган и дебошир поэт Павел Васильев “уже давно прошел расстояние, отделяющее хулиганство от фашизма”, что “он избил поэта Алтаузена, сопровождая дебош гнусными антисемитскими и антисоветскими выкриками” и что “необходимо принять решительные меры”. Письмо было опубликовано в “Правде” 24 мая 1935 года, и вскоре “решительные меры” в отношении Павла Васильева чекистами и “чекистками” были приняты.

Ближайший друг Павла Васильева Ярослав Смеляков, конечно же, зная стихи Алтаузена о чекистке, написал впоследствии стихотворение, являющееся историческим ответом алтаузенскому панегирику.

Жидовка

*Прокламация и забастовка.
Пересылки огромной страны.
В девятнадцатом стала жидовка
Комиссаркой гражданской войны.*

*Ни стирать, ни рожать не умела,
Никакая ни мать, ни жена —
Лишь одной революции дело
Понимала и знала она...*

*Брызжет кляксы чекистская ручка.
Светит месяц в морозном окне,
И молчит огнестрельная штучка
На оттянутом сбоку ремне.*

*Неопрятна, как истинный гений,
И бледна, как пророк взаперти.
Никому никаких снисхождений
Никогда у нее не найти.*

*Все мы стоим того, что мы стоим.
Будет сделан по-скорому суд,
И тебя самое под конвоем
По советской земле повезут.*

Ярослав Смеляков родился и вырос в глухом белорусском местечке и хорошо знал, какой “чистоты” были эти “бриллианты” с именами Розалия Залкинд-Землячка, Лариса Рейснер, Софья Гертнер, работавшая следователем ленинградского управления ОГПУ-НКВД, о которой “Аргументы и факты” в 1993 году (№19) сообщили: “Гертнер изобрела свой метод пытки: привязывала допрашиваемого за руки и за ноги к стулу и со всего размаха била туфелькой по “мужскому достоинству”. Среди чекистов и заключенных ее звали “Сонька золотая ножка”. В книге известного историка эмигранта С. Мельгунова “Красный террор”, изданной на Западе в 1923 году, а у нас впервые в 1990-м, есть упоминания о многих “фуриях революции”: о Евгении Бош, свирепствовавшей во время гражданской войны в Пензенской области, о знаменитой своими жестокостями следователе Киевского ЧК по фамилии Ремовер, о бывшей фельшерице Тверской губернии Ревекке Пластининой-Майзель, ставшей

женой архангельского чекиста Кедрова и одновременно сотрудницей архангельского ЧК. Все вроде бы правильно в этой книге, но поскольку послесловие к ней писал известный правозащитник А. Даниэль, становится понятным, почему она была издана в начале перестройки: у Мельгунова, а тем более у Даниэля нет ни слова о национальности этих чекистских ведьм. Более того, причины жестокости Октябрьской революции, гражданской войны и “красного террора” и осторожный историк Мельгунов, и комментатор Даниэль объясняют, цитируя неумные и смехотворные высказывания Максима Горького из его работы “О русском крестьянстве”: “Когда в “зверствах” обвиняют вождей революции – группу наиболее активной интеллигенции, я рассматриваю это обвинение, как ложь и клевету” <...> “Жестокость форм революции я объясняю исключительно жестокостью русского народа”. А между тем в “Красном терроре” приводятся слова Зиновьева (“меч, вложенный в руки ЧК, в надежных руках. Буквы ОГПУ не менее страшны для врагов, чем буквы В. Ч. К. Это самые популярные буквы в международном масштабе”) или “стихотворенье” чекиста и “поэта” Эйдука, опубликованное в “Тифлисской книге” под названием “Улыбка Чекиста”:

*Нет большей радости, нет лучших музык,
как хруст ломаемых жизней и костей.
Вот отчего, когда томятся наши взоры
и начинает буйно страсть в груди вскипать,
черкнуть мне хочется на вашем приговоре
одно бестрепетное: “К стенке! Расстрелять”.*

Но и Зиновьев, и Эйдук для Мельгунова и Даниэля всего лишь “коммунисты”, не имеющие национальности. Правда, у чекистки из Киева Ремовер национальность есть – она “венгерка”, видимо такая же, как “венгр” Бела Кун и “Матиас Ракоши”. Но жесток именно русский народ, как это утверждает великий пролетарский писатель, в молодости крепко избитый деревенскими мужиками, которым не понравились речи молодого Пешкова, призывавшего их к революции. Ведь и другие классики наши тоже не стеснялись в изображении русской жестокости. Вспомним хотя бы персонажи из “Тараса Бульбы”, из “Капитанской дочки”, из “Тихого Дона”. Но в то же время рядом с этими жестокими героями жили и князь Мышкин, и Платон Каратаев, и Максим Максимович – тоже русские люди. Да что говорить! Нежестоких революций в мире не было и не будет. Кроме одной, бескровной, ограничившейся голгофской жертвой. Горький не прав и потому что, читая Пушкина, Гоголя и Есенина, понимаешь: русская жестокость – это стихия, мгновенно вспыхивающая от несправедливости и легко гаснущая. Народ живет чувством, всплеском отчаяния, отщепености, негодования. Они – эти всплески – естественны, а жестокость нашей революции XX века была неестественной, теоретически обоснованной, юридически обставленной, коммерчески организованной, тоталитарно выстроенной. Словами “большевизм” или “классовая борьба” здесь ничего не поправишь, они лишь кое-как маскируют жестоковыйную сущность силы, хлынувшую во власть в первые революционные годы.

А русская революция, конечно же, была неизбежной. Слишком долго правящее сословие России злоупотребляло крепостным правом, которое сыграло свою решающую роль в становлении Российской империи в XVI–XVIII веках, но после войны 1812 года потеряло свою историческую плодотворность и стало почвой для семян грядущих бедствий. Освобождение крестьян без земли в крестьянской стране еще глубже вбило клин в трещину русской жизни. Но если бы не местечковые дрожжи, вспучившие революционное тесто, наша смута была бы гораздо менее жестокой и кровавой, как и коллективизация. А “контрреволюции 1937 года” тогда вообще могло бы не быть.

Особую роль, более сложную и противоречивую, в идеализации революционного терроризма сыграло творчество Бориса Пастернака. На короткое время весной 1917 года он стал, как Леонид Канегиссер, поклонником Февральской революции красных бантов и в косноязычных, но страстных стихах проклял Ленина. Цитировать эти вирши бессмысленно, потому что они состоят из ленинских призывов “жги!”, “режь!”, “грабь!”. Их якобы выкрикивает Ленин, едущий в Россию в plombированном вагоне при помощи коварных немцев и “стрелочника-ганноверца”, передвинувшего железнодорожные

стрелки в нужном направлении. Пафос стихотворения был естественен – Пастернак, как и Канегиссер, происходил из добропорядочной известной буржуазной семьи, и ему было не по пути с местечковыми волчатами.

Однако через несколько лет Борис Леонидович эволюционировал и написал поэму “Девятьсот пятый год”, в которой воспел знаменитую террористку Марию Спиридонову, участвовавшую в 1905 году в убийстве московского шефа полиции генерала Тепкова:

*Жанна д’Арк из сибирских колодниц,
Каторжанка в вождях, ты из тех,
Кто бросались в житейский колодец,
Не успев соразмерить разбег.*

*Ты из сумерек, социалистка,
Секла свет, как из искры огнив,
Ты рыдала, лицом василиска
Озарив нас и оледенив...*

Но в 1922 году большевики организовали судебный процесс против левых эсеров, и Мария Спиридонова, возглавлявшая этот спецназ революции, вновь, словно в царское время, пошла по тюрьмам и ссылкам вплоть до войны 1941 года. Последний срок она отбывала в орловской тюрьме, где и была расстреляна перед отступлением наших войск из Орла.

Пастернак же, отметив поэмой “Девятьсот пятый год” двадцатилетие первой русской революции, стал готовиться к юбилею революции Октябрьской и сочинил в 1927 году поэму “Высокая болезнь” в честь Владимира Ильича Ленина, по воле которого в 1922 году все руководство левых эсеров исчезло с политической арены. В “Высокой болезни” Ленин изображен уже отнюдь не “немецким шпионом”, террористом и площадным демагогом, а “гением”, управляющим ходом мировой истории: “он был, как выпад на рапире”, “он управлял теченьем мысли и только потому страной”... Победителей, как говорится, не судят, а славят... Но следующим победителем стал Иосиф Сталин, и Борис Леонидович циклом блистательных стихотворений, открывающих новгородный номер газеты “Известия” за 1936 год, перевернул первую страницу Советской Сталинианы.

*А в эти дни на расстоянье
За древней каменной стеной
Живет не человек — деянье,
Поступок ростом с шар земной.*

Да, до культа чекистов Пастернак не опускался. Но очень хотел быть своим для власти. Опомнился от соблазнов революционной романтики, от народоволок, знаменитых террористок и вождей Борис Леонидович только на закате жизни, видимо, вспомнил свое “сефардское”, буржуазно-интеллигентское происхождение, то, что он все-таки крещеный еврей, и, написав покаянный роман “Доктор Живаго”, в сущности, перечеркнул поэтические заблуждения не только своей молодости, но и почти всей жизни.

Когда-то Борис Пастернак, обращаясь к Владимиру Маяковскому, писал:

*Я знаю: Ваш дар неподделен,
Но как Вас могло занести
Под своды таких богаделен
На искреннем Вашем пути?*

Борис Леонидович недоумевал напрасно. Плебей Маяковский вышел из семьи русских разночинцев, и путь его в революцию был естественен. Но как “могло занести” благополучного еврейского вундеркинда Пастернака с его знатной родней в Англии, с его марбургским образованием – в старейшем университете Европы, с его окружением из художников и композиторов в мир эсерки Спиридоновой, большевика Ленина, диктатора Сталина?

Когда читаешь поэтическую летопись 20–30-х годов, вышедшую из-под пера наших ашкеназов, то ужасаешься иррациональной злобе, исходящей от

их восклицаний. Иные стихотворения из книги тех лет могут быть с успехом использованы как материал для психиатров:

*Гора наш сев,
Жги! Рви! Язви!
Ты им страшной землетрясений,
ходи в сердцах,
бунтуй в крови.
Мути им ум,
ломай колени.*

Это — из поэтических откровений Михаила Голодного (Эпштейна),

*Довольно!
Нам решать не ново.
Уже подписан приговор.*

Это его же строки, как и стихи, требующие расправы над поэтом Павлом Васильевым:

*Ох, поздно ж, пташечка, ты запела,
Что мы решили — не перерешить,
Смотри, как бы кошка тебя не съела,
Смотри, как бы нам тебя не придушить.*

У Михаила Светлова-Шейкмана, именем которого и сейчас названы сотни детских и юношеских библиотек России, культ ЧК-ОГПУ даже по тем временам казался недосыгаемым для других поэтов:

*Яжимаю твою ладонь —
Она широка и крепка.
Я слышу, в ней шевелится огонь
Бессонных ночей Чека.*

У поэта как будто не было другой жизни, кроме как в чекистских застольях и на чекистских дачах, где приятно **“закусывать мирным куском пирога”**.

*Пей, товарищ Орлов,
Председатель ЧК...
.....
Эта ночь беспощадна,
Как подпись твоя.*

Багрицкий, как и Светлов, обожал пировать с чекистами, иногда в доме какого-нибудь несчастного “пущенного в расход”:

*Чекисты, механики, рыбоводы <...>
Настала пора — и мы снова вместе!
Опять горизонт в боевом дыму!
Смотри же сюда, человек предместий,
— Мы здесь! Мы пируем в твоём дому!*

Рифмованные и прозаические опусы, приветствующие все судебные процессы от Шахтинского дела до 1937–1938 годов, сочиняли апологеты режима — Павел Антокольский, Семен Кирсанов, Александр Безыменский, Э. Дельман — отец Натана Эйдельмана, Перец Маркиш, — все возмужавшие во время революции, “красного террора” и гражданской войны...

Но дуэль двух ветвей еврейства все-таки продолжалась и в 30-е годы. Аделина Адалис, как бы вспомнив обвинение со стороны сефарда Д. Пасманника местечковому спецназу, прозвучавшее в 1923 году со страниц книги “Россия и евреи” (“Все охамившиеся евреи, заполнившие ряды коммунист-

тов, — все эти фармацевты, приказчики, коммивояжеры, недоучившиеся студенты, и вообще полуинтеллигенты — действительно причиняют много зла России и евреюству“.), с самодовольным торжеством победителя ответил ему после коллективизации, в 1934 году, когда положение советских местечковых функционеров вроде бы окончательно упрочилось:

“Мы чувствовали себя сильными, ловкими, красивыми. Был ли это так называемый мелкобуржуазный индивидуализм, актерская жизнь воображения, “интеллектуальное пиршество” фармацевтов и маклеров? Нет, не был. Наши мечты сбылись. Мы действительно стали “управителями”, “победителями”, “владельцами”, шестой части земли” (А. Адалис, 1934 г., из книги “Воспоминания о Багрицком”). Однако в это же время человек общерусской культуры (не хочется говорить про него “сефард”), всю жизни бежавший от “иудейского хаоса”, от “мщения миру”, — Осип Мандельштам ужасался чекистско-палаческому пафосу стихов Багрицкого с **“нежными костями”**, которые **“сосет грязь”**, с кровью, которая **“вьется”**, как **“подпись на приговоре”**, **“струей из простреленной головы”**, и, отвергая этот “поэтический садизм”, с достоинством и брезгливостью возвращал Багрицкому-Дзюбину его растленные эпитеты и метафоры:

*Мне на плечи бросается век-волкодав,
но не волк я по крови своей.
Запихай меня лучше, как шапку в рукав
жаркой шубы сибирских степей,
чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязи,
ни кровавых костей в колесе,
чтоб сияли всю ночь голубые песцы
мне в своей первородной красе...*

(подчеркнуто мной. — Ст. К.)

Но что мог сделать одинокий старомодный гуманист Осип Эмильевич, если за Багрицким бежала целая стая местечковых “волков по крови своей”, уже знаменитых, называвших себя “пролетарскими”, “большевистскими” — Александр Безыменский, Иосиф Уткин, Джек Алтаузен, Лев Кассиль, Лев Копелев? Последний начинал свою общественную карьеру, как молодой троцкист, расклеивал листовки, распространял брошюры. По молодости простили. Во время коллективизации “раскулачивал” деревню. Получил разрешение носить личное оружие*. Поступил в ИФЛИ. Во время войны работал переводчиком и пропагандистом. Вступив в составе наших войск в Германию, писал о немцах: **“расстрелять придется, может быть, миллиона полтора”** (из книги “Хранить вечно”). Обнаружив в одном из немецких поселков тяжело раненную немку, этот гуманист, поклонник Шиллера и Гете, приказал своему подчиненному: **“Сидорыч, пристрели! — Это я сказал от бессилья”** (из книги “Хранить вечно”). А за Копелевым подрастала волна литераторов второго призыва, прославлявших террор 1905 года, “красный террор” 1918 года, террор Гражданской войны. Вот только причину и смысл “большого террора” они не поняли.

*Их предки в эпохе былой,
из дальнего края нагрянув,
со связкой гранат под полой
встречали кареты тиранов.
(А. Межиров)*

“Дальний край”, упомянутой в этой строфе, — местечко Межиров из Галиции, давшее псевдоним отцу поэта, фамилия которого осталась неизвестна истории.

* О таких, как Копелев, “раскулачивателях” Соня Марголина в книге “Конец лжи: Россия и еврейство в XX веке” писала:

“В конце 20-х годов впервые немалая часть еврейских коммунистов выступила в сельской местности командирами и господами над жизнью и смертью. Только в коллективизации окончательно отчеканился образ еврея, как ненавистного врага крестьян — даже там, где до тех пор ни одного еврея не видали”.

Ровесник Межирова, известный советский переводчик Лев Гинзбург в книге “Разбилось лишь сердце мое” так вспоминал о своем местечковом детстве:

“В школьные годы у меня были тайные от всех игры. Сначала я сам с собой или сам для себя играл в суд, печатал на пишущей машинке грозные определения, приговоры, обвинительные заключения с беспощадной до замиранья сердца подписью: “Верховный прокурор СССР, — дальше шел росчерк — какая-нибудь выдуманная фамилия”. Ну что это как не этническая шизофрения? Ею был болен и Арон Копштейн, издавший в 1939 году книгу “Радостный берег” — о Дальнем Востоке, архипелаге лагерей, в одном из которых именно тогда умирал Осип Мандельштам. Копштейн заклеил троцкистов-бухаринцев в косноязычных, но выпретенных стихах:

*Их вырвали, как вырывают с поля
Побеги чуждых, злобных сорняков,
О, Сталина незыблемая воля,
Присяга партии большевиков.*

Постоянные поиски врагов в 30-е годы, как болезнь, унаследованная от отцов, входила в плоть и кровь нового поколения литераторов, едва возмужавшего к 1937 году. В 1937 году сын Э. Багрицкого (первый муж Елены Боннер) и тоже поэт Всеволод писал: “Вспоминаю с гордостью теперь я про рассказы своего отца”. Но сын унаследовал от него не только манию преследования, жившую в генах отца-одессита: “Оглянешься, а вокруг враги, руку протянешь — и нет друзей. Но если он (век. — **Ст. К.**) скажет: “Солги!” — солги. Но если он скажет: “Убей!” — убей”, но, подражая отцу и буквально повторяя его, шестнадцатилетний юноша пишет:

*Какое время! Какие дни!
Нас громят или мы громим (! — **Ст. К.**),
Я Вас спрошу,
И ответите Вы:
“Мы побеждаем,
Мы правы”.
Но где ни взглянешь* — враги, враги...
Куда ни пойдешь — враги.
(1938 г.)*

А творец “Бригантины” — знаменитого гимна авантюристов-романтиков Павел Коган? Он ведь тоже самозабвенно играл не в “казаки-разбойники”, а в чекистов времен Ягоды и Агранова.

*Мы сами, не распутавшись в началах,
Вершили скоротечные суды.
(1937 г.)*

*Во имя планеты (! — **Ст. К.**), которую мы
У мора отбили,
Отбили у крови,
Во имя войны сорок пятого года,
Во имя чекистской породы.
(1938 г.)*

*В лице молочниц и мамаш
Мы били контру на дому —
Двенадцатилетние чекисты,
Принявши целый мир в родню.
(конец 30-х годов)*

Интересны здесь некоторые проговорки. Вроде бы Павел Коган, как его старшие учителя, опирается в своих надеждах на будущее, на чекистов, на

* Так у автора, который, видимо, унаследовал и “одессизмы” отца.

касту, замкнутую в советских границах, но одновременно пытается говорить о какой-то совершенно утопической местечковой всемирности: “Во имя планеты”, а не только России, “принявши целый мир в родню”... И конечно, апогеем этого “глобализма” были знаменитые строки:

*Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла родина моя.*

Но эта родина – уже не Россия, а просто “шестая часть земли”, на которой, по словам Аделины Адалис, в 30-е годы жили “управители”, “победители”, “владельцы”...

Поразительно то, что, когда война уже стучалась в двери нашего Отечества, потомки местечковых обывателей продолжали жить в плену болезненных “химер”, если говорить словами Льва Гумилева...

Единственным и решающим оправданием этого “потерянного поколения”, жившего во власти химер, было то, что многие из них, мечтая умереть в боях за мировую революцию в районе Ганга, погибли кто в Карелии, кто в донской степи, кто в брянских лесах на священной Отечественной войне... Но они так и не поняли, что главная мировая революция совершилась 2000 лет тому назад на их “исторической родине” и что напрасно их отцы и они сами искали ее в самых разных обличьях – в нацистском, в советском, в сионистском.

Но закономерно то, что в 60-е годы, когда последние зарницы багрицко-светловской романтики с культом “бригантины” и “гренады” вспыхнули было на литературном небе, замечательный русский поэт Алексей Прасолов поставил последнюю точку в этом историческом споре. Будучи подростком, он однажды с ужасом наблюдал, как на воронежской станции Россошь разгружается наш эшелон с ранеными.

*Спешат санитары с разгрузкой,
по белому с красным кресты,
носилки пугающе узки,
а простыни смертно чисты.*

*Кладут и кладут их рядами,
сквозных от бескровья людей...
Прими этот облик страданья
душой присмирелой своей.*

*Забудь про Светлова с Багрицким,
постигнув значение креста (подчеркнуто мной. – Ст. К.).
Романтику боя и риска
в себе задуши навсегда...*

*Те дни, как заветы, в нас живы.
И строгой не тронут души
ни правды крикливой надрывы,
ни пыл барабанящей лжи.*

Но справедливости ради должно сказать, что идейное сопротивление жестокой метафоре Павла Когана – “Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал”, оказал его ровесник Наум Коржавин-Мандель, ответивший Когану: “Я с детства полюбил овал за то, что он такой законченный”. А еще глубже кровавую, грязную драму революционного еврейства понимал Давид Самойлов (Кауфман), выходец из семьи московских врачей, чья родословная тянулась от западноевропейского еврея-маркитанта по имени Фердинанд, отправившегося с наполеоновским войском в Россию и оставшегося там после поражения французского императора. Он был одним немногих поэтов военного поколения, понимавших, что в первые годы революции во власть “хлынули многочисленные жители украинско-белорусского местечка... с чуть усвоенными идеями. С путаницей в мозгах, с национальной привычкой

к догматизму...” “Тут были еврейские интеллигенты или тот материал, из которого выработывались многочисленные отряды красных комиссаров, партийных функционеров, ожесточенных, одуренных властью. И меньше всего было жаль культуры, к которой они не принадлежали”. Мысли эти Самойлов-Кауфман записывал в дневнике. Опубликованы они были лишь после его смерти. При жизни он, естественно, не рисковал обнародовать их. Скорее всего, “страха ради иудейска”. А бояться, понимая все это, было чего. Давид Самойлович был человеком образованным, прекрасно знал и русскую классическую и советскую поэзию, и, конечно же, судьбу Осипа Эмильевича, которому его соплеменники “с косматыми сердцами” не могли простить того, что он в отличие от них “не волк по крови своей” и что он по своей доброй воле лишился и “чаши на пире отцов и веселья и чести своей”, “чаши”, наполненной слезами и кровью, на “революционном пиру” отцов-победителей, где он видел во время “красного террора” “гекатомбы трупов”.

Так кто же, в конце концов, затравил истинного поэта? Кто ввергал его в нищету, в отчаяние, в мысли о самоубийстве? Гонителями Осипа Мандельштама были, и от этого никуда не деться, в основном критики и функционеры еврейского происхождения. 10 августа 1933 года критик С. Розенталь на страницах газеты “Правда” заявил, что “от образов Мандельштама пахнет великодержавным шовинизмом”; за 9 лет до этого уже в 1924 году литературный деятель Г. Лелевич (Калмансон), обличая поэта, писал: “насквозь пропитана кровь Мандельштама известью старого мира” (из воспоминаний вдовы поэта Н. Я. Мандельштам).

Как пишет В. Кожинов в книге “Правда сталинских репрессий”, глава “Драма самоуничтожения”: “Вероятным доносчиком, передавшим в ОГПУ текст мандельштамовской эпиграммы на Сталина, был еврей Л. Длигач, а “подсадной уткой”, помогавшей аресту поэта, Надежда Яковлевна называла Давида Бродского... Приказ об аресте отдал в мае 1934 г. зампред ОГПУ Я. Агранов (Сорензон)...” А сюжетов, когда одни одни еврейские функционеры советской эпохи уничтожали других – не счесть.

Сын восточного еврея Якова Свердлова Андрей, в должности следователя НКВД, грубо допрашивает в 1938 году жену Н. Бухарина Анну Ларину (Лурье): “Я была возмущена до крайности, был даже порыв дать ему пощечину, но я подавила в себе это искушение. (Хотела – потому что он был свой, и не смогла по той же причине”).

Та же коллизия возникла при допросе Ханны Ганецкой – дочери известного европейского революционера Я. С. Ганецкого-Фюрстенберга, бывшего “посредником” между Лениным и Гельфандом-Парвусом: “Когда Ханна Ганецкая увидела, что в комнату для допроса вошел Андрей Свердлов, она бросилась к нему с возгласом: “Адик! – “Какой я тебе Адик, сволочь!” – закричал на нее Свердлов”...

* * *

В последний раз бацилла чекистского мышления неожиданно воскресла в творчестве поэта следующего за военным поколения – шестидесятника Давида Маркиша, сына Переца Маркиша, прославившего в свое время террор 1937 года и сложившего свою курчавую местечковую голову в эпоху борьбы с “космополитизмом”. Его сын, переселившийся в 80-е годы прошлого века в Израиль, сочинил на “исторической Родине” своеобразный манифест:

*Я говорю о нас, сынах Синая,
О нас, чей взгляд иным теплом согрет.
Пусть русский люд ведет тропа иная,
До их славянских дел нам дела нет.*

*Мы ели хлеб их, но платили кровью,
Счета сохранны, но не сведены.
Мы отомстим цветами в изголовье
Их северной страны.*

.....

.....
*Мы дали Маркса вам себе в ущерб,
Мы дали Вам Христа себе на горе.*

*Когда сотрется лыковая проба,
Когда заглохнет красных криков гул,
Мы станем у березового гроба
В почетный Караул.*

Когда я прочитал это стихотворенье, то не понял: они за наш хлеб “пла- тили” чьей “кровью”?.. Может быть, Маркиш имел в виду “красный террор” 1918 года, когда за наш хлеб было заплачено “нашей кровью”? Или он вспо- минает нашу кровь, пролитую на жертвенник продразверстки и коллективиза- ции? Но это ведь та же “славянская” кровь, до которой ему “нет дела”. “Мы дали вам Христа”... Ну это уже наглость. Вы отправили его на Голгофу, что- бы он никому не достался.

Ну что остается сказать в заключение “Сыну Синая”? А вдруг он ошибает- ся, как ошиблись его старшие братья, когда жаждали умереть за мировую ре- волюцию, а она обернулась Отечественной войной? А вдруг не ему, а нам придется “класть цветы” в изголовье не “северной”, а южной ближневосточ- ной страны? Что тогда? Тогда Маркишу придется вспомнить, что он не только “сын Синая”, но и побочный сын России, преобразиться из местечкового аш- кеназа-чекиста в благонамеренного сефарда и вернуться на свою не мифиче- скую, а в полном смысле историческую родину, в земле которой лежит прах его предков, и где мы с ним обнимемся, как “дети разных народов”. Очень разных... .

От страха за судьбу проекта государства Израиль у еврейских историков сегодня просто “крыша поехала”.

Недавно я прочитал в газете “Форум” (№ 282, 2010 год) исторические изыскания некоего Семена Файна из Нью-Йорка, в которых историк предьяв- ляет миру счет за геноцид во время иудейской войны I века нашей эры, **“ис- требивший два миллиона евреев”**, во время которого еще **“один миллион”** был изгнан, еврейское государство “уничтожено”. А все это является доказа- тельством того, **“что Иудея и Самария (нынешний Западный берег реки Иор- дан. — Ст. К.) являются законной родиной евреев и сегодня”**.

Пафос этой статьи бесподобен с клинической точки зрения: **“За Холокост 20 века нацисты понесли наказание. Почему же Холокост 1 века остае- тся не наказанным?”** Поскольку как считает Семен Файн, Холокост I века н. э. организовали антисемиты-греки при помощи антисемитов-римлян, то, види- мо, греки и должны расплачиваться за это преступление, подобно гитлеров- ским нацистам. Одна беда: с Греции сегодня с ее долгами объединенной Ев- ропе взять нечего, и наш историк согласен на территориальные компенсации: **“Два миллиона убитых древних евреев не вернешь, а вот кровные ев- рейские территории человечество может и должно возратить, наконец, евреям — истинным их владельцам”**.

Если бы грозная фантазия Файна закончилась на этом! Нет, он обвиняет подлых греков в том, что они во времена Александра Македонского, понимая, что их **“древнегреческая мифологическая религия”** устарела, решили из- бавиться от нее, а взамен **“по достоинству оценили иудейскую религию, ее высокие моральные и нравственные качества <...> Греки поняли, что лишь она своей гениальностью в состоянии спасти греческую нацию. И они решили любыми средствами приобрести Еврейское Священное Писание”**.

Короче говоря, для этого и уничтожили два миллиона евреев (и один мил- лион изгнали), захватили в свои грязные антисемитские руки священные ев- рейские книги и состряпали из них свою Библию, “состоящую из Ветхого и Нового заветов”. Поскольку они стали хозяевами положения, то насочиняли все, что их душе было угодно. И Христа “сочинили”.

“Новый завет — это мифологическое сочинение греческого произ- водства о мнимых преступлениях евреев с вымышленными еврейскими персонажами — Иисусом Христом, Иоанном Крестителем, апостолами, подвергающимися казням руками самих же евреев” <...> Грекам “уда-

лось интерполировать в события I века вымышленный суд и казнь Иисуса Христа в 29 г. н. э. и внедрить по всей Римской империи молву об Иисусе Христе” А как же быть с проклятиями Талмуда по поводу Христа? А как же быть со стихами Давида Маркиша, обращенными к нам, русским: **“Мы (то есть евреи, а не греки. — Ст. К.) дали вам Христа себе на горе?”** А главное — кого лечить? — Давида Маркиша или Семена Файна? И еще вопрос: каким образом в деревнях Самарии и Иудеи жило столько же евреев, сколько их живет в современной Америке?

* * *

Последнюю точку в противостоянии, начавшемся между Урицким и Канегиссером, поставил Валентин Петрович Катаев, всю жизнь вынашивавший мечту рассказать правду о “красном терроре” и о романтиках, развязавших его. Он осуществил свою мечту на закате жизни, когда решился напечатать повесть “Уже написан Вертер” в июньском номере “Нового мира” за 1980 год. Именно в этой повести осторожный, запуганный жизнью старый конформист пошел в отличие от Самойлова ва-банк, создав бессмертные образы чекистов из одесской “чрезвычайки”. Главный из них носил имя Наум Бесстрашный.

Он **“стоял в позе властителя, отставив ногу и заложив руку за борт кожаной куртки. На его курчавой голове был буденновский шлем с суконной звездой”**.

“У Маркина был неистребимый местечковый выговор. Некоторые буквы, особенно шипящие, свистящие и цокающие, он произносил одну вместо другой, как бы с трудом продираясь сквозь заросли многих языков — русского, еврейского, польского, немецкого”.

— **“У тебя сидит один юноша, — начал Лось.**

— **А ты откуда знаешь, что он у меня сидит? — перебил Маркин, произнося слово “знаешь”, как “жнаишь”, слово “сидит”, как “шидит”**.

— **Ты просишь, чтобы я его выпустил?**

Он произнес “выпустишь”

— **Я застрелю тебя на месте.**

“На месте” он произнес как на “мешти”.

Перед нами, в сущности, герой поэмы Багрицкого “Февраль” — убийца и местечковый провинциальный авантюрист, стоящий на броневике “над летящими фарами и штыками”. Вспомним о том, что и Багрицкий и Катаев — оба были одесситами и почти однолетками.

* * *

История испытала на практике три пути “преодоления еврейства в себе”. Один — ницшеанский, гитлеровский — изгнание, вытеснение, в конечном счете уничтожение. Другой — советский, в который верил Ленин, носивший в себе, как и Гитлер, “четвертинку” еврейской крови: полная ассимиляция, растворение еврейства в русской стихии при помощи интернациональной коммунистической идеологии.

И третий путь; пролеглий через самопожертвование, через Голгофу, путь полного духовного перерождения, — это путь Христа.

(Есть еще путь честной и объективной оценки еврейского менталитета и еврейской истории — путь интеллектуалов нового времени Ханны Арендт, Роже Гароди, Нормана Финкельштейна, но это путь атеистов-одиночек).

Неоудухотворенность бунта завела “арийцев”, изживавших в себе еврейство, в темные дебри Холокоста. Вера в абсолют крови, в которой якобы живет душа человеческая, обернулась примитивным культом суицида, отворила бунтовщикам двери к самоубийству — и они, один за другим — Отто Вейнингер, Адольф Гитлер, Йозеф Геббельс, Генрих Гиммлер, Герман Геринг, Рудольф Гесс и воспитавший их всех профессор геополитических наук Хаусхоффер — шагнули в эту темную бездну, первопроходцем в которую был первый антихристианин и самый знаменитый ренегат в истории челове-

чества Иуда из Кариота. (Кстати, единственный в истории человечества памятник Иуде был сооружен нашими местечковыми именно в России.) А сколько тысяч жрецов сатанистского культа крови и расы, исповедуемого в Третьем рейхе, бастардов и метисов, жрецов рангом помельче, и потому недостойных остаться в истории, разгрызали ампулы с цианистым калием, совали дуло пистолета в рот, завязывали ремни на спинках железных кроватей в своих камерах, словом, избирали безблагодатный, беспокорянный и потому греховный путь в небытие, и мир навсегда забыл о них, недостойных памяти...

Одним из самых ярких антисемитов, помогавших Гитлеру на пути к высшей власти, был полукровка Юлиус Штрейхер, казненный в 1946 году в Нюрнберге. Смерть его, в сущности, являлась тоже формой самоубийства, выбранного им самим:

“Стоя перед виселицей, он громко воскликнул: “Хайль Гитлер!” На вопрос об имени он резко ответил: “Вы его знаете”. В сопровождении священника он поднялся на ступеньки и воскликнул: “Пурим 1946 год и к Богу”. <...> На ящике, в который уложили труп Штрейхера, было написано имя “Абрахам Гольдберг” (Х. Кардель, стр. 76). Напомним, что казнь гитлеровских преступников в Нюрнберге совершилась в 16 октября 1946 года в праздник Пурима, почитаемого, как еврейский праздник радости.

Но и Ницше, потерявший рассудок и кончивший свои дни в сумасшедшем доме, тоже ведь по своей воле совершил духовное самоубийство.

* * *

Змея кусающая собственный хвост, — это ветхозаветная метафора, выражающая сущность драмы самоуничтожения. Все происходит, как в книгах Ветхого завета — помните, “Адам родил Каина”, “Авраам родил Исаака” и т. д.? Но у нас немного по-другому: еврей Урицкий приговорил к смерти еврея Перельцвейга; еврей Канегиссер приговорил к смерти еврея Урицкого; еврей Зиновьев приговорил к смерти еврея Канегиссера; еврей Ягода приговорил к смерти еврея Зиновьева; еврей Уншлихт приговорил к смерти еврея Ягodu... Несчастный народ...

Наилучшей иллюстрацией к этому процессу, который “пошел” и идет до сих пор, является символическое событие ветхозаветной силы, о котором поведал грядущим поколениям видный чекист сталинской эпохи А. Орлов-Фельдбин:

“20 декабря 1936 года в годовщину основания ВЧК–ОГПУ–НКВД Сталин устроил для руководителей этого ведомства небольшой банкет... Когда присутствовавшие основательно выпили, Паукер (начальник охраны Сталина, комиссар госбезопасности 2-го ранга, т. е. генерал-полковник. — Ст. К.), поддерживаемый под руки двумя коллегами <...> изборожал Зиновьева, которого ведут в подвал расстреливать. Паукер... простер руки к потолку и закричал (изображая Зиновьева-Апфельбаума): “Услышь меня, Израиль, наш Бог есть Бог единый”.

(А. Орлов. Тайная история сталинских преступлений. Нью-Йорк–Иерусалим, 1983 г., стр. 82.)

Через полгода 14 августа 1937-го Паукер повторил путь Зиновьева в расстрельный подвал, а Орлов-Фельдбин, шпион, сбежавший в июле 1938 года в США, первым делом, как сообщается в книге О. Царева и Д. Каstellо “Роковые иллюзии”, посетил синагогу, где, видимо, произнес слова той же древнееврейской молитвы. Да что говорить о местечковых шпионах и резидентах, если образованный, абсолютно ассимилированный, вросший в русскую культуру и советскую литературную жизнь Давид Самойлов, запуганный провокаторами из наших СМИ, кричавшими в конце 80-х годов о приближающихся еврейских погромах, почувствовал, что у него ожили от страха все наследственные еврейские комплексы, впал в истерику и записал на страницах дневника:

“Если меня, русского поэта и русского человека, погонят в газовую камеру, я буду повторять: “Шмо исроэл! Адоной элехейну, адоной эход!” Единственное, что я запомнил из своего еврейства”. Ничего себе единственное! Да это еврейское “все”, начало молитвы: “Услышь меня, Из-

раиль, наш Бог есть Бог единый”. Эти слова даже атеист и негодяй Паукер вспомнил перед расстрелом... Бедный Дезик.

Все вроде бы ясно, но остается только один вопрос, на который нет ответа: почему и с какой целью Создатель попустил, чтобы в кровавые внутри-семитские разборки, словно в черную воронку истории, затягивались племена и народы, ни сном, ни духом не виновные в трагедии, которая началась в доисторические времена и которая завершится в День Гнева.

Ветхозаветная змея не просто укусила свой хвост, — она растерзала его в клочья.

(Продолжение следует)

Открывая 19 мая заседание Совета по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, посвященное проблемам Северного Кавказа, Президент Д. А. Медведев наметил основные вопросы, которые предстоит решать в регионе, чтобы обеспечить живущим там гражданам России “самое главное, самое фундаментальное право, которое есть у любого человека, — право на жизнь”. Помимо терроризма, Д. А. Медведев особое внимание уделил теме коррупции, которая, по его словам, является преступлением в любом регионе, но только “на Кавказе она приняла абсолютно угрожающий характер, она угрожает, по сути, национальной безопасности, ослабляет государственные, социальные институты. И, к сожалению, по сути, та коррупция, которая существует, является фактом прямого пособничества сепаратистам и убийцам...” О механизме этого зловещего процесса, о том, как он влияет и на воспитание молодежи, и на преодоление безработицы, и на развитие традиций взаимоуважения между национальностями, словом — на весь тот комплекс проблем, о которых говорил в своем выступлении Президент, — интервью известного политика и ученого, внесшего выдающийся вклад в укрепление обороноспособности России, Героя Социалистического Труда, академика РАН Михаила Залиханова.

МИХАИЛ ЗАЛИХАНОВ

депутат Госдумы

ТЕРРОРИЗМ НЕ ХОДИТ В ОДИНОЧКУ

Беседа Виктора Руденко с Михаилом Залихановым

Михаил ЗАЛИХАНОВ: В 1991 году сепаратистами во главе с Басаевым был захвачен самолет в аэропорту Минводы. Годом позже во время рабочей поездки был убит мой друг — вице-премьер России, глава Временной администрации в зоне осетино-ингушского конфликта Виктор Поляничко. Вместе с ним погибли начальник Владикавказского гарнизона, генерал-майор Анатолий Корецкий и старший лейтенант Виктор Кравчук. Вот первые из наиболее громких событий, ознаменовавших начало эры использования насилия или угрозы насилием в политических целях. С тех пор терроризм перестал быть для нас чем-то выходящим из ряда вон, хотя и сегодня каждое событие такого рода заставляет нас содрогаться и задумываться над тем, в какое время

ЗАЛИХАНОВ Михаил Чоккаевич родился в селе Эльбрус Кабардино-Балкарской АССР. Окончил КБГУ. Доктор географических наук, профессор, академик РАН. С 1999 года — депутат Госдумы РФ. Председатель подкомитета Госдумы по проблемам устойчивого развития.

мы живем и как мы дожили до такой жизни. За последние 15 лет террористы погубили 12 тысяч россиян. По количеству жертв современные убийцы мирных людей уже превзошли “Народную волю” и все другие экстремистские организации императорской России, а ведь их кровавая деятельность явилась и одной из причин, и предвестником ее гибели. Сегодня, сто лет спустя, террор снова стал массовым, и уже всем ясно, что это далеко не спонтанное явление. В эпоху, когда делаются попытки перекраивать и историю, и государственные границы, а на карте мира продолжают исчезать и появляться целые страны, самое время разбираться в том, что скрывается за этими демонстративными актами насилия.

Виктор РУДЕНКО: Из уст политиков и политологов можно услышать максимы типа: терроризм был всегда, искоренить терроризм невозможно. Есть в этом некая фатальная безысходность – словно нас психологически готовят жить на пороховой бочке, в вечном страхе.

М. З.: Я считаю такого рода рассуждения вредными, поскольку они подводят теоретическую базу под безответственность. Ведь мы живем не в абстрактной стране, а в конкретном государстве, которое создано гражданами – в том числе и для того, чтобы ограждать их от антиобщественных проявлений и устранять причины этих проявлений. Вспомним, что до того, как Президент РФ подписал Указ о борьбе с коррупцией, политологи точно так же говорили о ней, как о неизбежном зле. Искоренить терроризм нельзя, если рассматривать его как спонтанные действия фанатиков идеи. Терроризм никогда не ходит в одиночку, он всегда имеет и корни, и почву, и заботливых селекционеров и садовников, которые эту почву культивируют, и работодателей, которые щедро оплачивают их труд и определяют сроки работ. Другими словами – это системное явление, ставшее характерным для нашего общества, и его нужно рассматривать в контексте всего комплекса проблем, стоящих перед страной в целом и ее регионами – в частности. Террор всегда является вспомогательным элементом разрушительной стратегии, а не стихийно развивающимся процессом. Поэтому версии о том, что “бандиты решили напомнить о себе, чтобы получить деньги от своих покровителей” или “отомстить за товарищей”, не могут, на мой взгляд, считаться исчерпывающими. Точно так же, как стремление представлять все без исключения акты кровавого насилия “вылазками международного терроризма” или “религиозных фанатиков”. Из этих кровавых пазлов давно пора сложить картину, тогда многое станет на свои места, и можно будет выработать реальную стратегию антитеррористических действий, в том числе и понять, откуда будут исходить угрозы завтра.

В. Р.: Чем можно объяснить весенний всплеск террористической деятельности на Кавказе? Ведь одновременно и вслед за событиями в московском метро убийства на Кавказе продолжают с пугающей регулярностью.

М. З.: Если масштабные трагедии с 2004 года обходили Москву стороной, то это не значит, что во всей стране царил благодать. В прошлом году был совершен целый ряд покушений на представителей государственных и правоохранительных органов Ингушетии и Дагестана, в том числе – и высокопоставленных. Кстати сказать, террористические акции той же “Народной воли” были направлены не против зарвавшихся бюрократов, но, по преимуществу – против чиновников, твердо отстаивавших интересы государства.

В. Р.: Российская интеллигенция на рубеже XIX–XX веков рассматривала терроризм как крайнее выражение отчаяния людей, убедившихся в невозможности добиться справедливости “иными путями”. Однажды общество в лице присяжных оправдало Веру Засулич, ранившую петербургского градоначальника генерал-адъютанта Федора Трепова.

М. З.: Правящий класс в целях самосохранения должен помнить о том, что в этом утверждении есть своя логика, и уметь поступаться своими интересами и даже деньгами во имя сохранения государства. Именно так поступил западный капитализм, когда начал создавать средний класс, который до сих пор является его опорой. Демократия как раз и устроена для того, чтобы люди могли добиваться справедливости “иными путями”. Чтобы складывалось социальное партнерство, элита должна выслушивать людей, но это должна быть дорога с двусторонним движением, и люди должны уметь выслушивать элиту, если она действует в государственных интересах. Если этот баланс нарушается и с той, и с другой стороны, значит, в стране нет единства, а “дом, разделившийся надвое, не устоит”. К пониманию этой истины Запад

подтолкнули уроки российской истории, где оправдание терроризма привело впоследствии к 4 годам гражданской войны, унесшей 7 миллионов жизней, и диктатуре, которая уничтожила значительную часть именно этой благодушно настроенной интеллигенции. Но и российский капитализм должен усвоить уроки Запада, научиться делиться своими доходами с народом, а не стричь его, как овцу. В такой ситуации и появляется социальная почва для возмущения, социальных протестов, оправдания террора, если каиновы деяния могут иметь хоть какое-то оправдание. Мы – не одни в мире, и всегда найдутся силы, готовые вносить смуту в умы, подменять реальные интересы людей ценностями мнимыми.

Несколько слов о современном терроризме. Характерно, что толерантное отношение к террористам, но только к тем, которые действуют на территории России, формируют и западные СМИ, называя их “повстанцами”, вольно или невольно оказывают им моральную поддержку. Как видим, события столетней давности имеют прямое продолжение и сегодня, но нынешние убийцы упали в своей аморальности до охоты за женщинами и детьми, женщин же в этой охоте и используют. И еще одна немаловажная деталь – первопроходцы террора и в мировой истории, и в нашей стране в массе своей отнюдь не мусульмане – и все они были не в ладах с верой, а то и богоборцами. Так что террор – это не изобретение ислама, и те люди, которые сейчас участвуют в нем, за редким исключением – безбожники, как и сто лет назад. Хотелось бы обратить внимание еще на одну деталь, характерную для нашего времени.

Сообщения о террористических актах тонут в потоке заказных убийств на экономической почве (только в Москве их происходит в среднем по три в день), и для зрителей теленовостей все эти события сливаются в сплошную кровавую детектив, в котором не ясно, где заканчивается криминал и начинается религиозный фанатизм или политический террор, поскольку героями этого зрелища часто становятся одни и те же лица.

В той или иной степени это характерно для любой части нашей страны, но для Северного Кавказа – в первую очередь, поскольку там очень хорошо научились находить “политические следы” в уголовщине, уголовщиной покрывать злодеяния на национальной почве и т. д. Кроме того – именно там придуманы такие “универсальные громоотводы”, как “международный терроризм” и, в первую очередь, “вылазки ваххабитов”. Между тем отнюдь не только религиозные фанатики, действия которых порой заходят в кровавое противоречие с лозунгами “справедливости для всех”, которыми они прикрываются, ответственны за нестабильность. Президент Д. А. Медведев потому и назвал Кавказ “самым проблемным регионом страны”, и принял меры, вплоть до образования нового федерального округа, чтобы приступить к решению проблем, которые реально создают напряженность и служат питательной средой для террористических проявлений, кем бы они ни были инспирированы.

В. Р.: Есть версия, что именно попытка навести порядок на Кавказе и вызвала экстренную активность террористов.

М. З.: В известной степени с этим можно согласиться. Наведение порядка новый полпред Президента в СКФО А. Г. Хлопонин начинает с работы по устранению социально-экономических причин нестабильности в регионе. Например, 16 апреля он объявил о том, что на создание новых рабочих мест в регионе будет выделено 8,5 миллиарда рублей, на миллиард рублей больше, чем в прошлом году. В любом другом регионе ему за такие дары памятник бы поставили. Но только не у нас. Развитие событий в очередной раз показало, что действиями убийц и тех, кто за ними стоит, движет отнюдь не забота о благополучии народов Кавказа, и попытки стабилизировать ситуацию их раздражают. С другой стороны – это еще одно свидетельство того, что одними экономическими мерами проблемы не решить.

Какие осложнения можно еще предвидеть? Если полпред Президента будет серьезно разбираться с распределением трансфертов из Центра или будут затронуты финансовые интересы производителей нелегальной водки, это, безусловно, опять-таки вызовет соблазн раскачать ситуацию и, обратившись к “помощи международного терроризма” и “религиозного экстремизма”, направить недовольство обворованных людей по проторенному пути – обратить их гнев против федеральной власти. Неучтенных денежных средств криминальный бизнес накопил достаточно и для того, чтобы строить потемкинские деревни и устраивать пиры для нужных людей “из центра”, которые вполне

могут стать валтасаровыми, поскольку все это является частью широкомасштабной дезинформации центральной же власти. На мой взгляд, вся террористическая активность, и последние события – не исключение, являются и артподготовкой, и дымовой завесой, призванной отвлечь внимание от глубинных деструктивных процессов, которые происходят на Кавказе.

В. Р.: Другими словами, некий общий знаменатель у террористической активности есть?

М. З.: Каждому теракту необходим свой диагноз. Но, на мой взгляд, есть ряд общих положений, которые определяют терроризм как явление. Как я уже говорил, в своем современном виде терроризм вернулся в Россию на рубеже 80–90-х годов. И в этом смысле, безусловно, у него есть общий корень: государство в 90-е годы сознательно отказывалось от своей функции борьбы с антиобщественными проявлениями: реформа правоохранительных органов в эпоху Ельцина началась с их разгрома. Тем самым государство утратило способность к защите и своих граждан и самого себя, власть лишилась достоверного и неподкупного источника информации, который не смогла компенсировать “свободная пресса”. Мало того, что ушли лучшие специалисты, подрван авторитет органов правопорядка. Был раскрыт ящик Пандоры. Оттуда, из начала 90-х, тянется традиция заказных убийств, взрывов и угроз взрывами. И сегодня методы террора используются и криминальные группировки в борьбе между собой и против государственных органов (которые сами зачастую выступают как представители кланов, как это происходит, например, в Дагестане), и кланы в междоусобной борьбе за власть. Террористические проявления используются и для решения более широких задач как внутреннего, так и геополитического характера, в которых при участии зарубежных спецслужб участвуют опять-таки – те же кланы и криминал. Спектр проявления террористической активности очень широк – это и устранение неугодных людей, и способ давления на власть, и психологическая обработка населения. Вот поэтому каждое террористическое проявление нуждается в точном диагнозе. Но мы должны помнить о том, что в подготовке революций начала XX века роль терроризма была скорее вспомогательной. “Убирали” наиболее опасные потенциальных противников, создавали атмосферу хаоса. Решающая же роль принадлежала планомерной антигосударственной пропаганде, работе с лидерами общественного сознания – интеллигенцией, и идеологической обработке молодежи, при финансовой и пропагандистской поддержке внешних конкурентов. Сегодня это – универсальная схема всех “цветных” революций и геополитических проектов масштаба расчленения Югославии, включая феномен Косово. На Северном Кавказе нам угрожает сравнимое по размерам и по последствиям явление.

В. Р.: Но ведь тогда сыграли свою роль, причем отнюдь не последнюю, и пороки государственной системы. В первую очередь – коррупция, которая была связана в ту пору, по преимуществу, с выполнением военных заказов, падение, под влиянием кризиса, вызванного войной, уровня жизни населения и появление неоправданно быстро разбогатевших людей, новой элиты, не осознавшей своей ответственности перед народом, что усугубило социальное расслоение общества и протестные настроения в нем.

М. З.: Начну с того, что, как говорили римляне, всякое сравнение хромот. Историю нельзя забывать, но и прямые исторические аналогии проводить нельзя. Действительно, и сегодня страна оказалась втянутой в глобальный кризис. Но трудно недооценить и усилия политической власти России, направленные на то, чтобы сгладить его последствия для большинства населения, “подтянуть социальную сферу”, хотя далеко не все идет так, как нам хотелось бы. Не случайно Президент РФ создал по своей эгиде Совет по противодействию коррупции. Коррупция стала злом номер один, поскольку она способна заставить механизм власти работать по собственным законам, противоречащим не только провозглашенному Президентом и Правительством курсу на модернизацию, но и интересам общества и государства в целом во всех сферах жизни. И тогда она не может не вызвать, а кое-где – и вызывает нарастающие протестные настроения.

Одна из специфических черт Кавказа состоит в том, что “наиболее продвинутые” клановые элиты научились манипулировать этими протестными настроениями, переводить стрелки недовольства на Центр, в том числе и разыгрывая национальную карту, использовать акты террора в собственных ин-

тересах. В том числе и для того, чтобы удержать собственную власть, порой шантажируя власть федеральную по принципу: “Мы уйдем, а сторожа не справятся”.

В. Р.: Не секрет, что полукриминальные группировки имеют влияние не только на Кавказе, но и в других регионах России. Оргпреступные сообщества, равно как и не чурющиеся связями с “мафией” властные группировки, тоже принято называть “кланами”. Не возникнет ли и у “наиболее продвинутых” из них желания использовать “кавказский опыт” по части перекалывания вины за собственные просчеты и вызванное их действиями недовольство людей на Москву? Говорят, дурные примеры заразительны.

М. З.: Мне представляется, что политическое руководство страны не может не учитывать такой опасности. По крайней мере, и предпринимаемые сегодня меры по борьбе с коррупцией, и реформа правоохранительной системы зримо об этом свидетельствуют. Хочу особо подчеркнуть, что я говорю о частных случаях, но не о ситуации в целом. Тот же А. Г. Хлопонин, став во главе Красноярского края, очень быстро сумел разобраться с криминалом, прежде всего – с криминалом при власти. Страна живет и развивается потому, что подавляющее большинство руководителей субъектов Федерации, в том числе и на юге страны, служат России и ее народу, а не собственным либо клановым интересам.

В. Р.: Коль скоро Вы упомянули о “национальной карте”, не кажется ли Вам, что мы, в своем стремлении создать гражданское общество в полиэтнической стране, несколько забежали вперед и недостаточное внимание уделяем национальной политике?

М. З.: Создание гражданского общества в государстве, которое возникло и строилось как многонациональное, это сложный процесс, который не может быть стихийным, особенно в условиях “вулканизации этносов”. Он возник как реакция на глобализацию и выражается в повышенном, иногда даже – болезненном интересе народов к своим корням, своей национальной культуре, своему месту в истории. С одной стороны – это замечательно. С другой стороны, возникает соблазн переписать свою историю, заняться мифотворчеством, порой возвеличивая свой народ за счет других народов, а это почва не только для шовинизма, но и для национального экстремизма, сепаратизма. Все эти явления формируются, если говорить словами К. Г. Юнга, на уровне “коллективного бессознательного”, но вполне сознательно действующими группами людей. Терроризм в любой его форме выгоден тем, кто разжигает подобного рода настроения, пытается манипулировать общественным сознанием путем эксплуатации эмоций.

Как геофизик, я знаю, насколько разрушительной может стать игра стихий, но даже она всегда чем-то обусловлена. Всякое природное возмущение в конце концов приводит к стабильности, но какой ценой! Если же говорить о человеческом обществе, то вся его история строится на преодолении стихийности, подавлении животных инстинктов, стремлении к справедливой самоорганизации.

Выделил бы два великих постулата, благодаря которым люди становятся сознательными гражданами, а страны – цивилизованными государствами. Первый: “Не делай другому того, чего бы не хотел, чтобы сделали тебе”. Второй – “Твоя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого человека”. Для реализации этих идей и придумано и такое государство, в рамках которого закон един для всех его граждан, и множество других общественных институтов. К числу таких институтов, от которых мы неоправданно отказались в нашей полиэтнической стране, можно отнести палаты национальностей при законодательных собраниях, где каждая нация имела бы равное представительство с другими, что является защитой от национальных предрассудков, притеснения одного этноса другими, гарантией равноправия народов. Однако такие палаты были устранены. А это опасно, поскольку в национальных республиках может привести к этнократии, а этнократия – это не только анахронизм. История давно доказала, что когда правящая верхушка получает неограниченную возможность действовать исключительно в собственных интересах, она в конечном итоге начинает попирать и интересы того народа, который сама представляет. Но начинается все с нарушения прав других народов. В моей родной Кабардино-Балкарии так и происходит, причем нарушаются не только гражданские и имущественные права балкарцев, казаков, татов, рус-

ских, но и самих кабардинцев. Не говорю сейчас о балкарцах, поскольку сам балкарец, приведу лишь две цифры: русских и казаков в КБР в начале 1990-х годов было 42% от общего числа проживающих, а в настоящее время эта цифра составляет 22%. Только в 2008 году 3 тысячи казачьих семей оставили земли, на которых они жили в течение 500 лет. Но в последнее время на первое место по количеству внутренних иммигрантов из республики вышли представители кабардинского народа! А это означает, что в республике создается атмосфера, в которой себя чувствуют неуютно буквально все.

Как гражданин России, а это высокое звание, и я им горжусь, я хочу, чтобы мои права, как и права каждого гражданина нашей Великой Родины, соблюдались, где бы мы ни находились на территории страны. Всю жизнь я посвятил взаимодействию и взаимообогащению культур наших народов. И всегда воспринимал это, как важнейшее общегосударственное дело. Я уже писал о том, что мне выпало счастье работать и участвовать в становлении Высокогорного геофизического института как всемирно признанного научного центра. Выражаясь современным языком, это своего рода научно-внедренческий центр, разработки которого и сегодня востребованы в народном хозяйстве России, конкурентоспособны на мировой арене. Почему? Потому, что кадры для института подбирались не по «национальной квоте», а по профессиональным качествам, здесь работали ради единой цели лучшие специалисты, в том числе – и горцы, и славяне, и евреи, и грузины. Приехавшие на Кавказ москвичи, сибиряки, уроженцы Поволжья – другими словами, россияне – не только вносили свой вклад в формирование высокого научного престижа Нальчика и КБР в целом, они во многом способствовали формированию горской интеллектуальной элиты. Из тысячи ученых «марку фирмы» поддерживают сегодня двести. Люди, для которых Нальчик стал родным, которые так пригодились бы делу модернизации региона, самые ценные кадры разъехались и продолжают разъезжаться. И даже не потому, что их целенаправленно травят. В условиях, когда национальные предрассудки становятся нормой, им некомфортно жить. Вот к чему приводит этнократия. Становится ли КБР от этого богаче?

Сегодня я с тревогой наблюдаю за тем, что многие структуры гражданского общества, служившие реализации принципов взаимодействия и взаимообогащения культур, утверждения равноправия народов – рушатся. Мало того, на их месте возникают другие структуры, и цели их работы порой прямо противоположны интересам нашего государства.

Государство перестало руководить национальной политикой, и это не только почва для возникновения национальных предрассудков, национальной розни, но и для возникновения национального экстремизма, сепаратизма, угрожающего самому существованию Великой России. А терроризм, на мой взгляд, это кровавый индикатор того, что «не все в порядке в Датском королевстве», что угрозы, которые несет в себе сепаратизм, реальнее, чем кажется многим.

В. Р.: Вернемся в 1992 год, к истокам пореформенной России. Чеченской войне предшествовал, как мы помним, раздел Чечено-Ингушской автономной республики. Сходные проблемы тогда возникли и в Кабардино-Балкарии. Тут, как и в Чечне, нашлись люди, которые стремились вытолкнуть Кабарду из состава России. В то время Вы, с Вашим авторитетом ученого и руководителя одного из крупнейших в стране научных центров, стали инициатором и одним из основателей движения за единую Кабардино-Балкарию в составе России. Мир в республике, как и саму КБР, удалось сохранить. А сегодня многие балкарцы считают, что Вы совершили ошибку, надо было разделяться, «уходить» под крыло Ставропольского края. Не жалеете сегодня о том, что так тогда поступили? У кабардинцев, чья элита окрылена мечтой о создании Великой Черкесии, воссоединении с родственными народами, своя дорога, у балкарцев, которых вполне устраивала жизнь на земле предков в составе Великой России – своя. Вот и пошли бы каждый по своей.

М. З.: Не жалею. Я считал и продолжаю считать, что кабардинцы и балкарцы – братские народы, хотя и принадлежат к разным языковым группам. Их породнил не только многолетний опыт добрососедства, но и прямые родственные связи. Считал и продолжаю считать, что, вступив в состав России, эти народы сделали правильный выбор, поскольку это способствовало их развитию, позволило заявить о себе в мировой культуре, науке, истории, обрести государственность. В тот момент и подавляющее большинство балкарцев, и подавляющее большинство кабардинцев мыслило именно так. Если бы си-

лы сепаратизма тогда возобладали, и Кабардинская республика пошла бы по пути дудаевской Ичкерии, то мы сегодня жили бы уже совсем в другом государстве, и неизвестно, кто бы хозяйничал сейчас на юге России. Но они не возобладали – и на долгие годы именно КБР стала островом стабильности в бушевавшем регионе. Не могу не помянуть добрым словом и Валерия Кокова, который играл выдающуюся роль в сохранении нашей многонациональной республики в составе России до тех пор, пока тяжело не заболел, и под его именем не стали творить черные дела те, против кого он боролся. Хочу сразу оговориться – нет среди горцев народа, который бы не внес свою лепту в дело сохранения Кавказа в составе России. Как тут не вспомнить мужество дагестанцев, остановивших Шамиля Басаева, или жизненный подвиг Ахмата Кадырова – не случайно одна из улиц Москвы названа его именем.

В. Р.: Но ведь если верить большинству публикаций и рапортам руководства республики, и сегодня дела в КБР обстоят хорошо. Откуда тогда упреки в Ваш адрес? Считаете ли Вы, что сегодня положение изменилось?

М. З.: Считаю, что и публикации, и рапорты не отражают истинного положения в республике и имеют целью ввести в заблуждение тех, кому они предназначены. Перефразируя известную формулу о том, что если государство отказывается кормить свою армию, ему придется кормить чужую, можно сказать: если государство не занимается национальной политикой, ее начинают проводить другие, и отнюдь не в интересах государства. Если законы РФ не выполняются на территории какого-либо субъекта Федерации, можно ли называть этот субъект частью России? О неблагоприятной миграционной динамике я уже говорил. Теперь несколько слов о том, отчего в первую очередь страдают те, кто остался – и кабардинцы, но в первую очередь – балкарцы и казаки.

Что произошло с моей малой родиной? На языке юристов произошло следующее. В нарушение ч. 2 ст. 131 Конституции РФ, ч. 3 ст. 11 Федерального Закона № 131-ФЗ от 6 октября 2003 года “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и распоряжения Правительства РФ № 707-р от 25.05.2004 г., Парламент КБР принял в 2005 году республиканские законы № 12-РЗ “Об административно-территориальном устройстве КБР” и № 13-РЗ “О статусе и принципах муниципальных образований в КБР”.

Что это означает на практике? На землях Балкарии, которая вместе с Кабардой и образовала Кабардино-Балкарскую АССР, были созданы так называемые “межселенные территории”. Земли, которые балкарцы возделывали и обустроивали веками, где тысячелетиями вызревала их самобытная культура; склоны и альпийские луга, которые веками их кормили (в советские годы там располагались балкарские колхозы и совхозы), – были изъяты у поселений и отнесены к категории “межселенных территорий”, то есть “переподчинялись” вышестоящим органам власти республики. Как это восприняли простые балкарцы? Они решили, что земли просто-напросто захватил сильный кабардинский клан и стал распоряжаться ими по своему усмотрению.

Дальновидный руководитель должен считаться с такого рода эмоциональными настроениями, если даже они возникли на почве недопонимания и недоумения. А как он должен поступать, если эмоции возникают в результате ошибочных (а можно и точнее сказать – противоправных) действий республиканских властей? Он должен сначала восстановить “статус кво”, приостановить действие “спорных” законов, вернуться к исходной ситуации, тем более что она-то как раз укладывалась в рамки 131-го закона. Было это сделано? Нет. И этот вопрос не может вечно висеть в воздухе. Между тем Правительством РФ были строго определены субъекты РФ, где такого рода преобразования были действительно необходимы. Все они расположены в субъектах РФ с предельно низкой плотностью населения, где расстояние между населенными пунктами составляет многие сотни километров. Вот эти-то пространства, куда “только вертолетом можно долететь”, и были названы межселенными. Но ведь в КБР плотность населения в три раза выше, чем в среднем по стране! Правительство, составляя свой перечень, как раз и исходило из того, чтобы у не в меру предприимчивых руководителей не возникала идея проводить землеустройство в угоду чьим-то, отнюдь не государственным, а иным, например – корыстным, интересам. У балкарцев в буквальном смысле выдернули из-под ног родную землю вместе с кладбищами, пастбищами, археологическими, культурными и природными памятниками. Историческая Балкария перестала существовать. Казачьи станицы – пустеют.

Как это отражается на судьбе конкретных людей, которые могли бы вносить вклад в развитие экономики республики и готовы его вносить? Вот только один пример. В балкарском селении Безенги живет мой избиратель – 75-летний пенсионер-фермер, имеющий 200 овец, 50 коров (на ферме работают его трое сыновей со своими женами). Где ему теперь пасти скот, может ли он рассчитывать на приобретение земли, которой пользовался раньше наряду с односельчанами, в собственность? И в подобном положении все жители горных сел.

Та же судьба постигла в КБР и казаков. Причины этой уникальной ситуации, подобных которым мир не знает со времен лишения индейцев их племенных территорий, казалось бы, лежат на поверхности: то, что раньше называлось неудобьями, теперь стало горнолыжными склонами, стоимость земель резко подскочила. Стали ли кабардинцы в своей массе от этого богаче? Нет. Но есть, на мой взгляд, и глубинные причины.

В. Р.: Парламент КБР не остановило то обстоятельство, что работу по приведению законов субъектов Федерации в соответствие с федеральными начал сам Путин, когда был президентом?

М. З.: Не остановило. Не остановило и то, что Конституционный суд Российской Федерации вынес определения № 171-ОП от 03.04.2007 г. и № 715-О-П от 02.10.2007 г., в соответствии с которыми Парламент КБР был обязан пересмотреть вышеуказанные республиканские законы, привести их в соответствие с законодательством страны и международным правом – иначе все принятые в соответствии с ними решения власти не имеют законной силы.

Судя по действиям представителей нынешней власти, выходит, что все определяет не законодательство России, но «цена вопроса». А цена такова, что заинтересованные лица готовы заплатить не только за то, чтобы заволынить вопрос в юридических процедурах, но развернуть российское законодательство в выгодное им русло, пожертвовать репутацией партии, благодаря которой они пришли к власти, в глазах тысяч обездоленных избирателей.

В. Р.: Может быть, балкарцев, и казаков, и татов устраивает сложившееся положение?

М. З.: Конечно, ни один из вышеперечисленных народов никогда не смирится с потерей родины предков. Мы протестовали и будем протестовать всеми средствами, которыми располагаем, как граждане России, в рамках процедур, предусмотренных законами Федерации. Ведь определения Конституционного суда уже вынесены, и по закону должны были вступить в силу с момента их оглашения. Вы представляете, как поднялось у людей доверие к федеральной власти, какое чувство удовлетворенной справедливости они испытывали в 2007 году? Эта вера жива и сегодня, поскольку все в республике прекрасно знают, что находящийся у власти клан дезинформирует Центр, утверждая и в официальных ответах на многочисленные обращения граждан, и в прессе, что в КБР ведется интенсивная работа по приведению законодательства в соответствие с российским. Она не ведется. Мои избиратели верят, что тайное станет явным, что те, кто творит произвол, будут наказаны, словом – ждут и терпят. С другой стороны, люди знают и то, что если они попытаются использовать дарованные им Конституцией РФ возможности для защиты своих прав, правящий клан сделает все, чтобы спровоцировать беспорядки и обвинить в них балкарцев, представить их экстремистами. Так, Совет старейшин балкарского народа уже был объявлен Верховным судом КБР экстремистской организацией только за то, что добивался... выполнения российских законов на территории КБР. Верховный суд РФ отменил это решение, тогда офис Совета сожгли... Мало того, не без участия представителей нынешних властей сепаратистами искусственно моделируются ситуации, которые, по их замыслам, должны были бы приводить к межэтническим столкновениям. Так было, например, когда к балкарскому селу Кенделен прибыл конный отряд сепаратистов под зеленым знаменем «Великой Черкесии» с культурной якобы целью – установить памятник во славу кабардинского оружия. Причем – почему-то именно на земле балкарского поселения. Тогда только вмешательство В. В. Путина после моей срочной телеграммы помешало спровоцировать столкновение.

Несколько слов об этом знамени. Этот флаг – три перекрещенных стрелы под двенадцатью звездами на зеленом поле – был придуман резидентом Великобритании Дэвидом Урквартом в 1836 году для черкесов как символ объединения племен в войне против России, в разжигании которой Англия, имевшая тогда свои виды на Кавказ, была кровно заинтересована.

Казаков, которые давно привыкли жить с горцами как с кунаками, сепаратисты также пытаются довести до точки кипения. Один из последних примеров – избивание несовершеннолетних школьников поселка Янтарное зрелой кабардинской молодежью из села Алтуд 7 апреля. За развитием событий наблюдал представитель милиции, сам уроженец Алтуда. Поскольку он, видимо, болел “за своих”, он не принял никаких мер, чтобы предотвратить кровопролитие. Вот маленький штрих, демонстрирующий то, как работает “вертикаль” власти в сегодняшней КБР. Казакам надоело терпеть клановый произвол, и они обратились в Правительство РФ с предложением. Его суть: чтобы разрушить коррумпированную клановую систему управления и прекратить произвол, создать новую структуру Северо-Кавказского федерального округа, поделив его на четыре области, в которых был бы последовательно и полностью реализован принцип единой российской гражданской нации при широкой культурной автономии населения СКСФО народов. И это при том, что такие идеи никогда прежде казакам, насколько я знаю – и в голову не приходили. Это же надо было так людей довести, так дискредитировать идею национальных республик! Но вся эта информация не доходит до центра или доходит в версиях, выгодных шовинистам.

В. Р.: В чем, на Ваш взгляд, причина такого обострения ситуации и как она может разрешиться? Почему власти КБР так упорствует в своих, скажем так, очевидных управленческих промахах?

М. З.: Безусловно, идти против закона, даже для тех, кто убежден в том, что купить в сегодняшней России можно все, – это риск. Давайте задумаемся над тем, что побуждает этих людей идти на это, откровенно попирая национальное равноправие, провоцируя межэтнический конфликт, способный взорвать весь Кавказ?

Сегодня те самые сепаратисты, которые выступали в начале 90-х за “независимую Кабарду”, пытаются достичь своих целей, избежав прошлых ошибок. Вспомним, что аналогичный проект, дудаевская “Независимая Ичкерия”, несмотря на пролитые моря крови, не состоялся. Отвлечемся от главной причины, которая заключалась в том, что разрыв многими десятилетиями налаживавшегося комплекса всепроникающих интегральных связей с Россией представлял реальную угрозу существованию чеченского народа, даже без всякой войны. Но и сам выбранный сепаратистами путь к ложной цели, как путь прямой конфронтации, открытого агрессивного вызова, с самого начала обрекал всю затею на неудачу.

Теперь у сепаратистов и национальность другая, и стратегия новая. Она заключается в том, чтобы загодя, постепенно, создать предпосылки для выхода из-под юрисдикции страны, обеспечив себе и надежный плацдарм, и широкую международную поддержку. В том числе используя и пробелы в законодательстве РФ, и достижения нашей демократии, такие, как включение прессы в рыночные отношения, а значит, и возможность закупать газетные полосы и эфир, манипулировать общественным сознанием, дезориентировать общество и даже – руководство страны. Сепаратизм негласно проникает во властные структуры, стремится использовать в своих целях авторитет парламентских партий, максимально задействовать в своих целях бюджетные средства. Безусловно, все это было бы невозможно, если бы не коррупционные механизмы, которые, как считают сепаратисты, открывают любые двери.

В. Р.: Вы говорите о сепаратизме, имея в виду какой-то конкретный новый политический проект, который реализуется сейчас на Кавказе?

М. З.: Да, я имею в виду вполне конкретный проект – создание “Великой Черкесии”, и вполне конкретную республику – мою родную Кабардино-Балкарию, которая становится центром его реализации. К стати сказать, проект этот не такой уж и новый – работа над ним началась еще в конце 80-х годов.

В том, что его реализация в 1992 году была отложена, сыграло роль и то, что Кабардинская республика не имела выхода к государственной границе РФ. На пути сепаратистов лежала Балкария. После принятия 12 и 13 республиканских законов КБР в 2005 году это препятствие было устранено. Другими словами, российское законодательство было нарушено и продолжает упорно нарушаться не столько из корыстных соображений, которые, как я уже говорил, лежат на поверхности, сколько из политических. Не случайно ни один крупный зарубежный инвестор в республику не пришел – хорошо информированные западные бизнесмены не станут выбрасывать деньги в огонь войны.

В. Р.: В состоянии войны с РФ, если судить по заявлениям его лидеров, ныне состоит лишь самопровозглашенный “Имарат Кавказ”, который взял на

себя ответственность за взрывы в Москве и получил таким образом большую прессу. После последних терактов вряд ли кто усомнится в его существовании. А вот “Великая Черкесия” в СМИ не упоминается вовсе, а в интернете употребляется только в сочетании со словом “миф”. И какое отношение кабардинцы имеют к Черкесии?

М. З.: Первое. Что касается “Имарата Кавказ”. Не считаться с его существованием нельзя – его можно сравнить со своего рода черным знаменем. Вышел некто на видное место, воткнул древко в землю – и вокруг полотнища стали собираться недовольные и религиозные фанатики. Сделали черное дело – и затаились. Ваххабизм – не цель, а инструмент в руках тех, кто рассматривает людей, в том числе – мусульман-неофитов, искренне ищущих свою, новую дорогу к Всевышнему, как орудие уничтожения. Нечистоплотные политики приноровились использовать ваххабизм как жупел, под который можно списать все что угодно. Любой террористический акт, любую кровь, любую провокацию, любую мерзость, как это произошло в Нальчике в 2005 году, когда была произведена заранее обреченная на провал попытка захвата власти. Действия участников и руководителя этой акции, представителя дворянского кабардинского рода Анзора Астемирова, прошедшего специальную подготовку на Ближнем Востоке, с позиций элементарной логики объяснить невозможно. Что же это за мятежники, которые даже не знают азбуки подобных выступлений? Ее, благодаря В. И. Ленину, знал каждый советский школьник: она предполагает захват наиболее важных пунктов – правительственных зданий, телефонной станции, телеграфа, вокзалов, банков, мостов. Мало того, тот же Астемиров, занимая высокие посты в “Имарате Кавказ”, был прекрасным знаком с тактикой террора и с тем, как террористы работают с масс-медиа. Так почему же боевики штурмовали самые защищенные объекты в городе, но телевидение, радио, центры связи, здания мэрии, парламента, администрацию президента, где на тот момент была только личная охрана главы республики, не тронули? Почему они даже не попытались воспользоваться эфиром, чтобы рассказать народу, ради чего они затеяли эту кровавую авантюру и в чем цель ваххабитского движения? Какую перед ними ставили цель: погибнуть и сесть в тюрьму? Наконец, почему администрация только что пришедшего к власти президента даже не вызвала подкрепления, словно заранее знала планы террористов? На эти вопросы могли ответить следственные органы и суд Нальчика, но расследование было проведено так, что удовлетворительных ответов общественность не получила.

И взрыв 1 мая в столице КБР вызывает немало вопросов. Зачем было трудиться – нашпиговывать заряд, размещенный, как об этом сразу сообщил “Интерфакс”, за бетонной стеной (по другой версии – на бетонном же козырьке ВИП-ложи) ипподрома, обрезками арматуры, при таком расположении бомбы – бесполезными? Какой была цель теракта? Убить Героя-ветерана? Нельзя не высказать слов скорби по этому поводу, нельзя не выразить сочувствия и пострадавшим посетителям ВИП-ложи. Но ведь все в городе знали, что первого лица, а значит, и других влиятельных персон на ипподроме не будет. Так кем же и зачем была задумана эта гнусная пародия на трагедию, которая произошла несколько лет назад в Грозном и унесла жизнь великого горца? Может быть, новым силам, чтобы “назначить” виновных во взрыве неугодных людей?

Второе. Этнология народов Кавказа – это увлекательная наука, потому что каждый из них имеет свою богатейшую историю, традицию, культуру. Они принадлежат к нескольким языковым группам. Одна из них – адыгская. К ней относятся собственно черкесы, кабардинцы, адыгейцы, шапсуги, абазинцы и абхазы. Все они образуют один суперэтнос: “адыге”. Но в России и на Ближнем Востоке они более известны как черкесы. Часть этой этнической территории – современная Абхазия. Живут представители этой группы народов и в Турции, Сирии, Иордании, однако автономии имеют только в России. Можно ли назвать планы создания Великой Черкесии мифом – судите сами. 23 ноября 2008 года в столице Карачаево-Черкесии состоялся чрезвычайный съезд черкесского народа. В ходе съезда было озвучено обращение к федеральным властям о воссоединении Черкесии на территориях трех современных республик – Адыгеи, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Прошла презентация карты “Великой Черкесии”, уже опубликованной многотысячными тиражами в Сирии, Иордании и США на русском, арабском и английском языках. В границы проектируемой республики включены, кроме КБР, КЧР и Адыгеи, Чеченская республика, равнинные территории Дагестана, часть Ставрополь-

ского и Краснодарского краев, включая Сочи и Красную Поляну. В 2009 году аналогичные съезды были проведены в КБР и РА.

В. Р.: Что плохого, если осуществится вековая мечта “адыге” – создать общее государственное образование?

М. З.: Проблема в том, что адыгские народы исторически (а они уже в позднее средневековье играли видную роль на Северном Кавказе) расселились в регионе некомпактно: между черкесами и кабардинцами живут балкарцы и карачаевцы. Большинство населения Адыгеи – русские. Шапсуги – братья адыгейцев живут в Большом Сочи. Нужно создавать коридоры, меняться территориями, и об этом уже велись и ведутся переговоры, а кое-где административные карты районов перекраиваются по-живому, что уже вызывает межнациональную напряженность. Массу неудобств это создаст и для большинства черкесов, привыкших жить в мире с соседями. Но опыт Кабардино-Балкарии показывает, что идеального сценария в таких вопросах не существует.

У меня есть большие сомнения в том, что появление новой моноэтнической республики упростит наше стремление к созданию российской гражданской нации. Равно как и в том, что это нужно и самим представителям адыгского суперэтноса, тем более что свое право на национально-культурное развитие они реализуют в полной мере. Конгресс черкесского народа – постоянно действующая организация. Отделения международной организации “Адыгэ хасе” есть во многих западных и ближневосточных странах, во всех вышеперечисленных республиках, и даже в Москве – и все они активно работают.

Но, к сожалению, работают они не только ради развития собственной культуры, чтобы обогатить тем самым общероссийскую, внести свой вклад в дело создания российской гражданской нации. Они выступают как политические организации, формирующие новую национальную идеологию, выдвигающие территориальные требования, стремящиеся влиять на региональные и даже федеральные органы власти. Представим себе, что за этим стоит только стремление всеми, пусть даже неблагоприятными, методами создать единую моноэтническую республику в рамках России. Тогда зачем именно этими организациями ведется активная борьба за придание черкесам международного статуса разделенного народа, муссируется тезис о геноциде адыгов русскими в XIX веке, провозглашается лозунг: “Нет Олимпиаде на земле геноцида”, делается все возможное, чтобы спровоцировать новый межнациональный конфликт на Кавказе?

Ответ напрашивается один: цель – создание “Великой Черкесии”, сначала в пределах, а в последующем – вне юрисдикции РФ. Искусственно сконструированному политическому проекту необходимо пропагандистское обеспечение. Нужно в очередной раз попытаться настроить кавказцев и весь мир против России, сформировать новые очаги национальной и международной напряженности, поставить под угрозу срыва Олимпиаду в Сочи или, на худой конец – получить орудие политического шантажа против Российской Федерации. Первое им, скорее всего, не удастся. Второе – как они сами считают, вполне по силам.

В. Р.: Может быть, России стоит повиниться перед адыгами, тогда и напряженность спадет, и лозунг “Нет Олимпиаде на земле геноцида” сепаратисты забудут?

М. З.: Этот вопрос можно рассматривать в политической и научно-политической плоскости. Среди моих коллег-политиков, которые озаботились проблемой “Великой Черкесии” только после угроз сорвать Олимпиаду, не скрою, возникают идеи попытаться “договориться” с сепаратистами, “купить спокойствие” в обмен на уступки. Все это – иллюзии людей, не знающих всей глубины проблемы. Ведь мы имеем дело не с капризными детьми, которых можно утихомирить конфетами и игрушками. В лице сепаратистов мы имеем дело с профессиональными политическими шантажистами, действующими против России в целом, и действующими по четко разработанному плану, от которого они не хотят и не могут отказаться. Есть проверенная веками мудрость – никогда не платить шантажисту. Сейчас некоторые балкарские правозащитники считают бездеятельность Генеральной прокуратуры РФ в связи с невыполнением определений Конституционного суда РФ по вопросам незаконного отторжения земель балкарских и казачьих поселений, попустительство фактической ликвидации исторической Балкарии именно такой уступкой. Но, как гражданин России, я не верю, что моя страна способна пожертвовать пусть небольшой, но верной и преданной частью своего народа в политичес-

кой игре с непредсказуемыми последствиями. Хочу подчеркнуть — я говорю именно о сепаратистах. Но кавказцам, и не только адыгам, было бы приятно, если бы в культурной программе Олимпиады, которая проводится на Черноморском побережье Кавказа, прозвучали бы и кавказские, и греческие народные мотивы. Это было бы, на мой взгляд, политически правильно.

Затронем теперь научно-политический аспект проблемы. По сути дела, вопрос о геноциде — это вопрос об исторической правде. Бесспорно, война была страшной трагедией для адыгского народа, как и для всех народов, вовлеченных в кавказские события второй и третьей четверти девятнадцатого века, и все мы склоняем головы перед памятью погибших. Но сам вопрос о геноциде представляется многим серьезным историкам далеко не бесспорным, и его нужно решать в беспристрастных научных дискуссиях, а не торопиться вставлять в учебники истории как бесспорный и общепринятый факт, как это делается сейчас в КБР, КЧР и Адыгее. Что происходило тогда на Кавказском побережье Черного моря: безжалостное избиение заведомо слабого сильнейшим или спровоцированная третьими силами битва доблестных воинов? Ведь ни для кого не секрет, что именно адыги были в то время доминирующей нацией в регионе, и отваги им было не занимать. То, что мы называем сегодня Россией, есть плод коллективного творения народов, населявших огромные пространства от Камчатки до Балтики в течение двух тысячелетий. Свои исторические границы страна получила еще во времена хана Батыя, в первой четверти прошлого тысячелетия: тогда государство строилось с востока на запад. В позднее средневековье движение пошло в обратном направлении и жертвы несли (и нанесли) все народы, участвовавшие в становлении великого государства, которое при всех его недостатках и трансформациях помогло им всем сохранить свое национальное лицо и государственность. Если бы Российская империя не пошла на Кавказ, он стал бы частью Османской империи, и в этом случае вопрос не только о Великой Черкесии — об автономиях для горских народов не стоял. Слов нет — Кавказская война принесла адыгскому народу и всем горским народам много горя. И не меньше горя, как всякая война, она принесла и другим российским народам, в том числе — и русскому. Сами кабардинские историки и писатели называют гигантские цифры потерь императорской регулярной армии, но, кстати, почему-то забывают о том, что сама эта армия, так же как и офицерский корпус, состояла отнюдь не только из этнических русских, то есть это не была война русских с адыгами. На Кавказе воевала империя, и в числе военачальников можно встретить и немецкие, и украинские, и грузинские, и армянские, и азербайджанские, и горские фамилии. Атажукины, Анзоровы, Мисостовы — и этот перечень громких черкесских имен российских военачальников, стяжавших себе славу под знаменами императорской армии, можно продолжать и продолжать. Сами кабардинские историки не отрицают того факта, что свою кровавую лепту в Кавказскую войну внесли и Османская империя, и Персия, не остались в стороне и Великобритания с Францией.

В этой связи возникает несколько вопросов: почему за события 150-летней давности должна отвечать только Россия, которой самой в течение 70 лет не существовало на карте мира (официальное название — РСФСР)? Почему за политику имперского Петербурга должна отвечать Москва в лице Д. А. Медведева и В. В. Путина? Хотелось бы отметить и тот факт, что в XIX веке на Северном Кавказе именно кабардинцы были в наибольшей степени включены в систему российской государственности. Все ли сделали сами руководители Кабарды того времени, чтобы сгладить противоречия?

И еще один, и далеко не последний вопрос, на который хотелось бы иметь четкий ответ: если Кабарда добровольно вошла в состав России (а именно в ознаменование 450-летия этого события глава республики предложил построить в столице Кабардино-Балкарии Нальчике Триумфальную арку на въезде в город со стороны Пятигорска и завершить строительство кафедрального православного собора Марии Магдалины), то каким образом она оказалась на стороне противников империи, в строительстве которой к моменту катастрофы сама в течение 300 лет участвовала? Наконец, почему власти Кабарды, с одной стороны, столь наглядно демонстрируют лояльность Москве, а с другой — санкционируют выпуск учебников, которые могут восприниматься юными душами как призыв к газавату? Почему они поощряют историков, теории которых, мягко сказать — дискуссионны? Роль адыгских племен в истории нашей страны никто не собирается преуменьшать, поскольку

Россия и стоит на том, что в ней нет не великих народов: культура каждого из них – драгоценность. Но единого государства адыгов, Великой Черкесии – не существовало, и поэтому “хищнически уничтоженной русскими” она быть не могла. У разрозненных черкесских племен не было ни единой границы, ни столицы, ни единого языка. Не случайно, собираясь вместе, даже записные шовинисты, чтобы понимать друг друга, говорят по-русски.

В. Р.: На заседании Государственно-патриотического клуба “Единой России” депутат В. Р. Мединский поддержал создание единого учебника истории для стран СНГ. Ваше отношение к такого рода “хорошо забытому старому” – ведь все школьники СССР учились по единым программам и учебникам.

М. З.: Если Россия хочет остаться единой, то, безусловно – такие учебники нужны, и должен быть сформирован общий подход к преподаванию истории. Все мы живем в великой стране, с более чем тысячелетним опытом развития и взаимодействия народов, историю творили и народы юга России. В. Р. Мединский, кстати, очень точно сказал о том, что если у нас будет не один учебник по этому формирующему мировоззрение предмету, а “линейка учебников”, то мы получим не единую страну, а “линейку” стран, чего сепаратисты и добиваются. Из этого учебника дети должны узнавать правду и о Кавказской войне, основанную на неоспоримых фактах, с учетом реалий того периода, в историческом контексте. Великий поэт России, аварец Расул Гамзатов сказал как-то: Дагестан добровольно в состав России не входил, но добровольно из России не выйдет. И школьник должен понять из учебника, что дало повод этому мудрейшему человеку произнести такую фразу. “История, написанная злобой и ненавистью, настолько же фальшива, как и история прилизанная. Жить только прошлым нельзя”. Эти слова принадлежат В. В. Путину, и я готов под каждым из них подписаться. Нужен подход к истории, благодаря которому нашим детям было бы понятно, почему “народы, распри позабыв”, смогли в “великую семью соединиться” и построить Великую Державу. Но сегодня некоторые кабардинские историки ставят перед собой прямо противоположные задачи. С точки зрения науки это – недобросовестно. С точки зрения нашего общего будущего – опрочетливо и опасно. История не должна быть отражением сегодняшней геополитики, обращенной в прошлое.

В. Р.: Вы говорили о том, что в 1992 году сами кабардинцы не поддержали собственных сепаратистов. Как обстоят дела сегодня?

М. З.: Конечно, массированная пропаганда, которая ведется в первую очередь в школьных классах и аудиториях среди молодых лидеров общественного мнения, через общественные организации, не может не влиять и на подрастающее поколение кабардинцев и других адыгов. Побоище в Янтарном – реальное выражение такого влияния. Возникает явление, которое обществоведы называют “террором среды”: хочешь жить – молчи, даже если не согласен. В таком положении оказались те, кто гордился и продолжает гордиться историей своего замечательного кабардинского народа, его вкладом в строительство нашего великого многонационального дома – Российской Федерации, дорожил своими братскими отношениями с соседями.

В. Р.: Кому это выгодно?

М. З.: Тем клановым силам, которые заинтересованы в нестабильности на Кавказе, тем, кто создал капитал и учился искусству управления во времена и методами смуты 90-х и по-иному, подобно Борису Березовскому, жить просто не могут и не хотят. Совсем не случайным считаю тот факт, что с 20 по 21 марта в Тбилиси (Грузия) был проведен Международный форум “Черкесы – скрываемая нация. Продолжающиеся преступления. Народы Северного Кавказа между прошлым и будущим”. Среди организаторов форума – грузинские исследователи Северного Кавказа и “Джеймстаун Фаундейшн” (США). Не буду приводить здесь весь текст принятой на форуме резолюции, ограничусь лишь выдержкой из нее: “Объявить 21 мая, дату, знаменующую собой российскую оккупацию Северо-Западного Кавказа в 1864 году, днем памяти жертв черкесского геноцида и признать г. Сочи местом и символом геноцида черкесов и этнической чистки”. На словах руководитель КБР активно открещивается от форума. Однако представитель КБР – адвокат Лариса Дорогова на конференции присутствовала и выступила затем на научно-практической конференции Общественной палаты КБР. Она заявила: “Мы ездили не к Саакашвили, а к народу Грузии... Я хочу, чтобы, наконец, признали геноцид черкесов в Кавказской войне и прекратили войну на Северном Кавказе, Я не согласна с проведением Олимпийских игр на месте массового истребления адыгов”.

Проект “Великая Черкесия” — это не миф, но продукт далеко не среднего ума, который, не в обиду будет сказано его реализаторам, им не принадлежит. А реализуется проект полным ходом и по планам, разработанным с коварством и изощренностью, которые сделали бы честь лучшим разведкам мира. Не случайно даже “Джеймстаун Фаундейшн”, один из международно-признанных центров формирования глобальной политики, озаботился судьбой этого начинания. Вот где сосредоточены великие игроки современной истории, не без основания претендующие на роль ее творцов. Чтобы играть с ними на равных и не попадаться в ловушки, нужно хорошо подготовиться к партии, в розыгрыш которой мы вовлечены, просчитать все варианты.

Первой жертвой проекта стал балкарский народ. Но над всем югом России нависла реальная, грозная опасность. Сепаратисты могут радоваться: их заметили в мире и отвели достойное место — фигур в чужой шахматной игре. Это игра такого масштаба, что и перманентный терроризм на Кавказе, и взрывы в Москве могли быть цинично использованы в ней как маневр, отвлекающий от направления главного удара. Вся эта история с “Великой Черкесией” в предлагаемой всем нам, в том числе и адыгам, конфигурации — по сути изощренная вариация на тему Косова.

В основе нарастающей радикализации черкесских национальных движений на юге России, и в частности — в КЧР, лежит не спонтанная реакция на якобы имеющее место притеснение адыгов, а хорошо продуманная акция зарубежных спецслужб, направленная на дестабилизацию Северного Кавказа по югославскому сценарию и выведению его по частям из юрисдикции РФ.

Об этом я неоднократно пытался проинформировать руководство РФ, однако все мои попытки наталкивались на коррупционные барьеры. Информация до политического руководства страны в полном объеме не доходит либо преподносится в искаженном виде. К тому, что события развиваются именно по такому сценарию, имеют прямое отношение корыстные интересы влиятельной части элит субъектов Федерации, которые готовы поступаться интересами России ради сохранения возможности использовать свои властные полномочия в целях личного обогащения, а также связанные с ними коррумпированные федеральные чиновники и влиятельные силы за рубежом, которых в равной степени интересует господство над Кавказом и ослабление России. Нынешний лидер КЧР Б. С. Эбзеев к этой категории элит не принадлежит. Как высокопрофессиональный юрист, всю свою жизнь проработавший в центральных областях России, а перед избранием Президентом КЧР — в Конституционном суде РФ, он не может не быть сторонником создания единой гражданской нации при одновременном развитии культурных автономий. И именно этот принцип стал краеугольным камнем той политики, которую он в республике проводит. И она дает хорошие результаты не на бумаге и в рапортах, а в жизни. Он закладывает в республике реальные предпосылки стабилизации. Но что хорошо для КБР и для России в целом — плохо для сепаратистов.

Они упорно осуществляют свой сценарий: устраняются (убийство Ф. Шебзухова — кандидата на пост премьер-министра КЧР) либо дискредитируются (травля Б. С. Эбзеева) наиболее последовательные сторонники единства с Россией. На Кавказе формируется государственный строй, несовместимый с задачами, которые ставятся политическим руководством РФ, и с жизненными интересами России как единого многонационального государства, построенного на принципах, определенных ее Конституцией.

Чтобы этот процесс происходил скрытно, ведется интенсивная психологическая война, которая включает в себя захват российского информационного пространства для использования его в целях дезинформации. С одной стороны, создается благостная картина экономических и социальных “успехов” там, где реализация антироссийских планов происходит по вышеприведенному сценарию. С другой стороны — объектами пропагандистских ударов становятся те силы, которые стоят на пути сепаратистов и верно служат интересам России.

ЮРИЙ ЕМЕЛЬЯНОВ

ПОСРАМЛЕНИЕ ФУТУРОЛОГОВ

Можно ли заглянуть в будущее?

С незапамятных времен люди пытались заглянуть в будущее. С конца 50-х – начала 60-х годов прошлого века процесс был поставлен на научную основу: родилась наука футурология. Одна за другой выходили книги именитых авторов – Дж. Томсона “Предвидимое будущее” (1958), Ст. Гейма “Космический век” (1959), Ф. Бааде “Взгляд в 2000 год” (1960). О том, какая жизнь будет в XXI веке, рассуждали участники международных конгрессов в Амстердаме, Вашингтоне и других мировых центрах.

Одним из форумов, на котором обсуждались футурологические прогнозы развития науки, техники и всего человеческого общества, стал симпозиум Американского астронавтического общества, состоявшийся в марте 1966 года в Вашингтоне. В нем приняли участие ученые самых различных отраслей наук, как общественных, так и естественных, а также инженеры, практики и организаторы производства. Материалы симпозиума были опубликованы, а затем переведены в СССР и изданы отдельной книгой “Космическая эра. Прогнозы на 2001 год”. Автор этой статьи переводил ряд глав книги и теперь, по прошествии 40 с лишним лет, имеет возможность, полистав ее страницы, оценить, насколько верными оказались прогнозы.

Отвечая на поставленный им же вопрос: “Как будут работать люди 2001 года?”, вице-президент фирмы “Теледайн” Дж. Козмецки сообщал: “Человек 2001 года будет ставить задачи по управлению перед самопрограммирующими вычислительными устройствами, которые сами будут принимать решения и управлять автоматизированным производством, причем за человеком останется право контроля. К этому времени управление достигнет такого уровня, когда освобожденный от бесконечных заседаний и текучки человек сможет посвятить свое время разработке новых принципов управления, на основе которых автоматическая система принятия решений будет выбирать оптимальные решения проблемы”.

Исполнительный секретарь НАСА Э. К. Уэлш говорил: “Все современные дома и рабочие помещения будут оборудованы цветными телевизионными стенами... На отдельных участках земного шара можно будет контролировать погоду. Аэропорты и космопорты могут стать поистине одними из самых здоровых мест на Земле, так как над ними не будет ни облаков, ни снега, ни тумана; днем там будет сиять солнце, а ночью звезды”.

Участники симпозиума были уверены, что к концу XX века состоится высадка человека на Марс, на Луне создадут стационарную базу, а в околоземном пространстве появится нечто вроде межпланетного ГАИ для контроля за интенсивным движением между планетами.

Это говорили не писатели-фантасты, а специалисты в различных областях науки и техники того времени. Подавляющее большинство участников симпозиума не сомневалось: в 2001 году человечество будет уверенно идти по пути прогресса. Вице-президент отдела перспективных исследований и разработок управляемых ракет и космических систем фирмы “Дуглас эйркрафт” К. Дж. Дорренбахер уверял, что уже в 1985 году человечество успешно решит следующие проблемы: “Видеосвязь. Опреснение морской воды. Надежные прогнозы погоды. Управление природными ресурсами. Эффективный контроль рождаемости. Автоматизированный скоростной транспорт”.

Сбывшиеся прогнозы

Не все, обещанное футурологами, оказалось несбыточным. Так, участники дискуссии в Вашингтоне 1966 г. верно предсказали, что “типичными для всего мира станут прямые передачи через спутники”. Они предвидели начало сотрудничества советских и американских космонавтов с середины 70-х годов и исходили из того, что Китай станет “одним из основных членов содружества “космических стран”. Один из участников симпозиума Э. К. Уэлш так изобразил жизнь 2001 года: “Если говорить о связи, то каждый человек, если он этого захочет, будет иметь легкую удобную электронную аппаратуру, с помощью которой он сможет на ходу разговаривать со своей семьей, друзьями, коллегами, а возможно, и оппонентами, если они не предпочтут отключиться”. Это было сказано задолго до появления мобильных телефонов.

Совершилась подлинная революция в средствах связи, передачи и обработки информации. Только с 1997-го по 2007 г. число личных компьютеров выросло с 325 млн до 808 млн, число пользователей интернета (в миллионах) – с 117 до 1344.

Сбылся и ряд других прогнозов. Рост мировой экономики и научно-технический прогресс в конце XX – начале XXI века неоспоримы. Бурно развивались все виды транспорта. В 80-х гг. на железных дорогах появились первые высокоскоростные поезда. По воде перемещались все более вместительные суда. Автомобильное производство выросло за полвека с 1950-го по 2000 год в 6 раз – с 10 миллионов автомобилей до 60 миллионов. Рос и автомобильный парк. Если в 1987 году в мире насчитывалось 500 миллионов автомобилей, то в 2011-м их будет в два раза больше – 1 миллиард. Пассажиропотоки коммерческой авиации, начиная с 1950 года, возросли к в 60 раз.

Как и считали футурологи, население мира быстро перемещается в города. С 1950-го по 2000 г. городское население мира выросло в 3,5 раза. С 2008 года в городах проживала большая часть населения Земли. Число городов-миллионеров возросло с 77 в 1950 г. до 459 к 2008 году. В 2008 году в городах-миллионерах проживало 40% горожан и 20% населения планеты.

Мировое производство электроэнергии выросло с 1970 г. по 2000 г. в 2,9 раза, а мировое потребление ископаемых энергоносителей – в 4,6 раза. Если в 1950 году мировое потребление нефти составляло 10 миллионов баррелей в день, то в 2008 году – 88 миллионов баррелей, то есть увеличилось в 8,8 раза. Производство зерна в мире также росло, хотя медленнее – с 1950-го по 2000 год в 3 раза, мяса и рыбы – в 5 раз.

Средний ежегодный доход жителя планеты увеличился с 1950-го до начала XXI века в 3 раза. Рост потребления и прогресс в медицине отразился на продолжительности жизни людей, которая в среднем на планете увеличилась с 56 лет в 1970 году до 66 лет в 2000 году.

Отдых миллионов людей стал разнообразнее, интереснее и комфортабельнее. Во второй половине XX века численность международных туристов увеличилась почти в 28 раз, а сумма поступлений от этого вида услуг – в 237 раз.

Быстро развивалась передовая техника, о которой мечтали в начале и в середине XX века. В 20-х годах слово “робот” придумал писатель-фантаст Чапек. Затем о них не раз писал Айзек Азимов. Если в 60-х годов роботы создавались лишь в отдельных лабораториях, то в начале XXI века было налажено их промышленное производство. В США были созданы роботы-водолазы. В Австралии – роботы-стригали овец. В Японии появился робот-геолог, способный вести разведку в океане на глубине до 6000 метров.

Хотя космос осваивали не такими темпами, как это грезилось в середине 60-х годов, достижения в космических исследованиях существенны.

Биологическая наука овладевала тайнами наследственности. Значительные достижения были отмечены в медицине. 3 декабря 1967 года доктор Кристиан Барнард в Южной Африке проводит первую в мире операцию по пересадке сердца. А сейчас в мире ежегодно проводится около 6 тысяч таких операций.

В 1990 г. сотрудники ИБМ нанесли атомами ксенона три буквы, являющиеся логотипом их компании. Так начались опыты в области нанотехнологии. Кстати, одним из первых, кто в XX веке описал ее возможности, был советский писатель Борис Житков, автор фантастической повести “Микроруки”. Но еще в XIX веке герой Н. С. Лескова Левша точно определил необходимые параметры микротехники: “Если бы, – говорил он, – был лучше микроскоп, который в пять миллионов раз увеличивает, так вы изволили бы... увидеть, что на каждой подковинке мастера выставлено: какой русский мастер ту подковинку делал”. Так что не Чубайса и его команду, а Левшу и его товарищей можно считать первыми нанотехнологами.

“Гладко было на бумаге...”

Казалось, современные достижения отвечают представлениям о будущем, высказанным более чем 40 лет назад в Вашингтоне. Однако наряду с верными прогнозами на вашингтонском симпозиуме 1966 года было высказано гораздо больше таких, которые не сбылись.

Описывая мир глазами человека 2001 года, представитель фирмы “Аутонетикс” К. А. Эрике заявлял: “Великими целями прошлой эры была борьба с голодом, болезнями, неграмотностью, рабским трудом и плохими условиями жизни. Теперь эти цели были в основном достигнуты”. Представитель фирмы “Юнайтед эйркрафт” Весли Курт надеялся, что “в полночь 31 декабря 1999 г. мы, возможно будем иметь удовольствие наблюдать гигантский орбитальный фейерверк в честь нового тысячелетия, символизирующий мирное уничтожение мирового арсенала ракетно-ядерного оружия”. Эрике был прав в одном: поскольку наступление 2000 года во многих странах мира ошибочно считалось началом нового тысячелетия, то повсеместно состоялись фейерверки. Однако мировой арсенал ракетно-ядерного оружия не был уничтожен, а продолжал существовать и распространяться по планете.

Наступил XXI век, и к его началу группа экспертов ООН подготовила список современных “угроз человечеству”, в котором были перечислены: бедность, инфекционные заболевания, деградация окружающей среды, межгосударственные войны, гражданские войны, геноцид, другие злодеяния (например, торговля женщинами и детьми для сексуального рабства или похищение для продажи человеческих органов), оружие массового поражения (распространение ядерного, химического и бактериологического оружия), терроризм, транснациональная организованная преступность. За истекшее десятилетие эти угрозы не только не исчезли, но усилились, а их перечень стал более длинным.

Первая в списке – проблема бедности. Достижения науки и техники, богатства, созданные после вашингтонского симпозиума, распределялись в мире неравномерно. Ныне 10% населения планеты принадлежит 85% всех богатств мира. На долю же 50% населения Земли приходится лишь 1% мирового богатства. Быстро растущие города превратились в арены вопиющих социальных контрастов. Соавтор доклада “Состояние мира в 2007 году” Молли О’Мира Шихан отмечала, что из 3 миллиардов городского населения планеты около 1 миллиарда обитает в трущобах без чистой воды, без надлежащих санитарно-гигиенических условий. 1,6 миллиона городских жителей умирают ежегодно по причинам, связанным с отсутствием чистой воды, ассенизации и канализации.

За истекшие десятилетия разрыв по уровню благосостояния между населением богатых и бедных стран увеличился. Доход среднего американца превышает доход среднего жителя Афганистана в 55 раз.

Бедность – это голод. В докладе организации ООН по вопросам продовольствия (ФАО) 2008 года сообщалось, что всего за полгода число голода-

ющих выросло на 400 миллионов человек. Ежегодно от голода в мире умирает свыше 9 миллионов человек.

Вопреки прогнозам футурологов, в мире до сих пор миллионы людей умирают от инфекционных болезней, которые современная медицина давно научилась лечить. Эксперты Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) констатировали, что в 2002 году 2,1 миллиона человек в мире умерли от болезней, которые можно было предотвратить с помощью вакцин.

Футурологи не подозревали, что в мире появятся невиданные прежде инфекционные заболевания. С 1981 года до 2004 года число умерших от СПИДа составило 23 миллиона человек.

В последние десятилетия по планете быстро распространялись и другие опасные вирусные инфекции, с которыми люди пока не могут справиться. Сохраняется высокий эпидемический потенциал всех известных гепатитов – А, В, С, D, E, G. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), различными видами вирусных гепатитов за последние 5 лет переболело около 2 миллиардов человек.

В докладе ВОЗ говорилось, что “в наш век вирусный гепатит А превратился в эпидемию. Это может быть вызвано понижением общего защитного (иммунного) уровня человечества”.

Ухудшается состояние природной среды. В мире быстро исчезают леса. Общая вырубка лесов в мире составляет 17–25 млн га в год, и только на 20% этих площадей производится их восстановление. При сохранении таких темпов через 150–180 лет лесов на планете не останется. Однако наиболее ценные влажные тропические леса рубают гораздо быстрее. Некоторые специалисты считают, что к 2040 году они исчезнут.

Еще более активно уничтожаются подземные ресурсы планеты. Ежегодно человек извлекает из земных недр около 200 миллиардов тонн горных пород. Исходя из наличия доказанных запасов, железной руды должно хватить на 64 года. Меди – на 60 лет. Никеля – на 76 лет. Считают, что через 20–30 лет будут исчерпаны запасы свинцовых и цинковых руд, олова, золота, серебра, платины. После этого может наступить “металлический голод”.

Эксперт нефтяной отрасли Эрик Лоран констатировал: “Понадобилось 500 миллионов лет для создания нефтяных месторождений и менее ста лет, чтобы они почти иссякли. С начала 80-х годов ежегодная добыча нефти почти в два раза перекрывает открытие новых месторождений. Из всех ископаемых у нефти будет самая короткая жизнь, хотя мы думаем, что наше процветание без ее замены будет длиться вечно. Рожденное вместе с нефтью, это процветание исчезнет вместе с ним”.

Однако наиболее острую нехватку человечество испытывает не в металлах или редкоземельных элементах, и даже не в энергоресурсах, а в воде. В материалах ООН утверждается, что, по мнению 200 ученых из 50 стран, нехватка воды стала одной из двух самых главных проблем человечества. В течение последних 50 лет потребление воды в мире возросло в 3 раза. Сейчас 2,4 миллиарда людей на планете испытывают трудности с доступом к воде для бытовых нужд и около 1,2 миллиарда – к воде для питья. Уже в 2025 году 40% населения Земли будет жить в странах с абсолютным дефицитом воды.

Те грандиозные материальные ценности, которые создало человечество для удовлетворения своих нужд, не только привели к сокращению запасов ископаемых богатств, лесов, но и изрядно испортили атмосферу планеты, окружающую среду. Объясняя быстрое распространение бронхиальной астмы и других видов аллергий, эксперты ВОЗ писали: “Бурное развитие науки и техники, химических технологий привело к тому, что за какие-то 50 лет человек, по сути, создал новую среду обитания, в которой значительное место занимает химическая, синтетическая продукция: отделка квартир и автомобилей, мебель, посуда, одежда, белье, чистящие и моющие средства, лаки, краски, лекарства и многое другое. Однако биологически адаптироваться за столь короткий срок к этой новой среде мы так и не смогли. Вот почему произошел мощный взрыв различных аллергических заболеваний, в том числе и бронхиальной астмы”. За последние 10 лет число заболеваний бронхиальной астмой выросло на 50%.

Ухудшением экологической обстановки объясняют и рост онкологических заболеваний. Как сообщал директор Международного агентства ВОЗ по изучению рака Питер Бойль, в 2000 году от онкологических болезней страдали

около 25 миллионов человек, а 7 миллионов людей умерли от них. К 2030 году общее число больных может достичь 75 миллионов.

Нездоровая среда обитания в сочетании с нездоровым питанием, распространенным ныне в мире, порождает рост и других заболеваний. Ежегодно на 5–7% растет число больных диабетом. Увеличивается количество сердечно-сосудистых заболеваний. Президент Международной федерации заболеваний сердца Филипп Пул-Вильсон сообщал, что сейчас в мире ежегодно умирает от сердечно-сосудистых заболеваний 17 миллионов человек. Эти болезни усугубляются растущей нестабильностью погоды.

Хотя видные климатологи оспаривают теорию о “глобальном потеплении”, они обращают внимание на то, что вследствие загрязнения атмосферы в последнее время произошли изменения в движении воздушных масс. Прежнее преобладание воздушных потоков с запада на восток сменяется преобладанием меридиональных потоков. Вследствие этого все чаще наблюдаются внезапные вторжения теплого воздуха с юга, что вызывает жару летом или оттепели зимой, и одновременно вторжения холодного воздуха с севера, порождающие необычно сильные морозы и снегопады зимой. Следствием резких перемещений воздушных масс стали участвовавшие ураганы, бури, штормы, сходы снежных лавин и оползни.

Война против себя

Фантазии о джинне, вырвавшемся из бутылки и не подчиняющемся человеку, о “чудовище Франкенштейна”, искусственном существе, которое стало убийцей своего создателя, все чаще вспоминали по мере того, как обнаруживалась неспособность человечества управлять развязанными им технологическими революциями. XX век был отмечен не только двумя разрушительными мировыми войнами и сотнями локальных конфликтов, унесшими десятки миллионов жертв. В течение всего столетия человечество вело несколько мировых войн против самого себя.

Одна из таких войн разворачивается на автомобильных дорогах. Каждый год гибнет 1 миллион 200 тысяч человек и от 20 до 50 миллионов людей получают различные травмы. Более чем 40% смертей от ДТП происходит среди людей до 25 лет. Ежегодные глобальные издержки оценивают в 578 миллиардов долларов.

Не меньшее число людей в мире становится жертвами в ходе другой, “производственной” войны. Меры по технике безопасности, принимаемые на производстве, обесцениваются из-за того, что постоянно возрастают скорости движущихся механизмов, эффективность применяемых химикатов, мощность электрических потоков, а также радиоактивных и иных излучений. В результате даже незначительная поломка сложного производственного механизма чревата угрозой жизни десятков, а то и сотен рабочих предприятия. По данным Международной организации труда (МОТ), каждый год 270 миллионов трудящихся становятся жертвами несчастных случаев на производстве и регистрируется около 160 миллионов случаев профессиональных заболеваний. Ежегодно в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний умирает 2 миллиона человек.

Фронты необъявленных мировых войн проходят и через жилые дома, служившие некогда надежными крепостями от опасностей внешнего мира. Современный дом, изобилующий многочисленными бытовыми удобствами, одновременно заполнен опасными ловушками, в которых человек губит свое здоровье.

Человечество проигрывает в войне против преступности. Организованная многоуровневая преступность на планете имеет капиталы на сумму в 2 триллиона долларов.

Выдающиеся открытия в медицине последних десятилетий создали условия для нового вида преступности. Быстрыми темпами стала расти торговля органами человека (почки, сердце, роговая оболочка глаза и т. п.). Донор получает за почку от 1 до 2 тысяч долларов, а она продается больному за 125 тысяч долларов. Все чаще сообщают о том, что людей убивают, чтобы воспользоваться их органами для продажи.

Ежегодно в мире погибает от 200 до 300 тысяч человек. Это равносильно числу жертв бомбардировок Хиросимы и Нагасаки.

Почему ошиблись футурологи?

Нет возможности даже вкратце перечислить все те угрозы, которые стали возрастать на пороге между первым и вторым десятилетиями XXI века. В то же время очевидно, что от современного человека старательно скрывают масштабы тех катастроф, которые происходят в мире. Мое общение с миром информации началось в годы Великой Отечественной войны, когда день начинался с новостей с фронта и сопровождался разговорами о жестокой войне. Ныне человечество ведет одновременно несколько войн. Нам же сообщают (и очень подробно!) о перипетиях в семейной жизни звезд экрана, как о величайших мировых драмах. Если же в мире происходят цунами, наводнения или теракты, то нас успокаивают заявлениями о том, что “россиян среди жертв не было”. Нам стараются не напоминать, как позорно провалились многочисленные оптимистические прогнозы на будущее, которые были даны авторитетнейшими людьми.

Очевидно, что нынешние угрозы человечеству многие футурологи не предвидели в 60-х гг. XX века. Почему же ошиблись десятки тысяч ученых, инженеров и других специалистов, составлявших тогда оптимистические прогнозы на начало грядущего XXI века? Обратив внимание на тенденции бурного экономического и научно-технического прогресса, они не учли других тенденций, которые противостояли ему.

Нельзя сказать, что все участники футурологических дискуссий были слепыми оптимистами. О противоречивости последствий технического прогресса ярко и убедительно сказал в своем выступлении на Вашингтонском симпозиуме 1966 года главный архитектор Афин Константин Доксиадис. Справедливо указав на огромные достижения человечества в науке и технике, он констатировал, что “человек потерпел поражение в городах”, и вывел парадоксальную закономерность: “Чем выше скорость транспорта, тем больше нужно времени, чтобы добраться до центра города. В XVIII веке обыкновенному человеку требовалось 10 минут, чтобы дойти до центра города пешком, потому что площадь среднего города составляла 2000 x 2000 метров. В XIX веке к пешеходному способу передвижения добавили железную дорогу, и чтобы добраться до центра города, требовалось уже 20–25 минут. В XX веке требуется от 50 до 60 минут... У нас есть машины, которые могут развивать большие скорости. Но что происходит на самом деле? Мы пересекаем Нью-Йорк, Лондон и Париж со средней скоростью 15 километров в час, то есть со скоростью телеги в начале века. Таким образом, техника достигла прогресса, система — нет... С точки зрения затрат времени человеком мы катимся назад... Это полный провал наших структур”.

Однако у подавляющего большинства футурологов начала 60-х гг. не было сомнений в том, что мир движется вперед. Именно так сначала казалось рыбакам из рассказа Эдгара По “Низвержение в Мальстрем”, которые оказались захваченными стремительным течением у берегов Норвегии. Лишь потом они поняли, что их лодка быстро неслась вперед по стенам гигантской водяной воронки, одновременно опускаясь все ниже и ниже в океанские бездны. Не возвращается ли человечество все стремительнее по кругу неразрешаемых проблем, одновременно опускаясь ко дну?

Судьба нашей страны в последние два десятилетия красноречиво свидетельствует о том, как незаметно может произойти низвержение в пропасть. Ныне благополучно забытая газета “Россия” в номере от 31 августа 1991 года писала: “Сегодня мы все, россияне, находимся как бы на одном из пиков горной системы истории. Рушатся тоталитаризм, империя, насильственно насажденные Идолы. На новом витке осуществляется возврат к пути развития, исключаяющему насилие над естеством, в лоно цивилизованных государств”. В новогоднем обращении накануне 1992 года Борис Ельцин объяснил тогдашние трудности страны тем, что предыдущие 74 года Россия якобы провела в “глубокой яме”. Августовские победители уверяли, что под их руководством начнется быстрый подъем.

Не прошло и двадцати лет, как один из тех, кто вел страну к сверкающим вершинам, признанный прораб перестройки академик А. Г. Аганбегян в книге “Кризис: беда и шанс для России” бесстрастно констатирует: с начала до конца 90-х Россия падала в яму, а не выбиралась из нее. С 2000 г. до 2007 г., утверждал академик, Россия выбиралась из ямы. Нынешний кризис,

считает ученый, вновь отбросит Россию по крайней мере на 2–3 года назад. За эти годы многие страны мира, особенно Китай, быстро двинулись вперед. В результате, **если с 1917 г. по 1985 г. доля нашей страны в мировом промышленном производстве выросла с 3% до 20%, то теперь на долю России приходится менее 3% мирового промышленного производства. Почти сто лет напряженного труда народов нашей страны были выброшены за борт под предлогом приобщения к мировой цивилизации.**

Оказавшись позади значительной части стран земного шара, мы получили многие проблемы современного капитализма в гипертрофированном виде. Не случайно кризис с особой силой ударил по России. Мало где в развитых капиталистических странах так велик разрыв в материальном благосостоянии между богатыми и бедными, как в нашей стране. В России быстро развились эпидемические заболевания, характерные для самых бедных стран мира. Россия вырвалась на первые места в мире по числу жертв ДТП, убийствам и самоубийствам, по степени коррумпированности чиновников, алкоголизации и темпам роста наркомании.

Об этом стоит подробнее поговорить в следующий раз.

История Катыни, все обстоятельства, связанные с этим во многом еще не раскрытым до конца событием начала Второй мировой войны заставляют вспомнить о более ранних временах советско-польских отношений. Образовавшееся в ноябре 1918 года независимое польское государство сразу, по воле руководителя этого государства Юзефа Пилсудского, взяло курс на агрессию против Советской России. Пилсудский бредил о “500-тысячной армии”, во главе которой он намеревался въехать в Москву. Требовал оружия и помощи у западных держав. Эти “наполеоновские” планы неизбежно привели правительство Польши к войне с Советской Россией, полыхавшей в 1919—1920 годах. Ныне уже 90 лет тем событиям, но причины и корни, породившие их, не умерли, они до сих пор отравляют отношения между двумя нашими народами, чему свидетельство — та шумиха, что поднята вокруг судьбы польских военнопленных в СССР. Но были ведь десятки тысяч советских военнопленных, заложников и гражданских пленных в Польше. Их трагической судьбе посвящена книга историка Николая Семеновича Райского “Польско-советская война 1919—1920 годов и судьба военнопленных, интернированных, заложников и беженцев”. Учитывая важность данной темы в ходе нынешних польско-российских исторических споров, редакция публикует сокращенный вариант этого интереснейшего и актуального исследования.

НИКОЛАЙ РАЙСКИЙ

ПОЛЬША. ВОЙНА С РОССИЕЙ И СУДЬБА ПЛЕННЫХ

1. “Признать за польским народом...”

История взаимоотношений Польши и Советского государства включает ряд сложных и актуальных проблем, составляющих так называемые “белые пятна”. Одной из таких проблем является польско-советская война 1919—1920 гг. и в особенности судьба военнопленных, интернированных и заложников, находившихся как в Польше, так и в Советской России.

Опубликованная в 1994 г. работа российского исследователя И. В. Михутиной “Польско-советская война 1919—1920 гг.” проливает свет на причины войны, которые вытекали из политических изменений и территориального спора между двумя соседними странами. На приводимых в книге примерах война показана не только как продолжение политики обеих стран, но и как человеческая трагедия, унесшая тысячи жизней и сломавшая судьбы десятков тысяч людей.

Противоречивые сведения о количестве погибших военнопленных красноармейцев в польских лагерях приведены в статьях и заметках, опубликованных за последние годы в российской периодической печати. Явно заниженные сведения о количестве советских военнопленных и, в особенности, относящиеся к определению числа погибших в плену содержатся в исследованиях польских историков Збигнева Карпуса и Ежи Куманецкого. Оценка этих сведений будет изложена в тексте данного исследования.

Опубликованная четверть века назад книга П. Н. Ольшанского “Рижский договор и развитие советско-польских отношений. 1921–1924 гг.” представляет интерес с точки зрения фактического материала о польском населении на территории тогдашней России. Автор отмечает, что в годы Первой мировой войны на территории России находилось около 3 млн польских беженцев в основном из губерний, отошедших затем к Польше по Рижскому договору. В это число входили также рабочие и служащие эвакуированных на восток польских промышленных предприятий. Точное число беженцев на 1 января 1917 г. составляло 3 112 180 чел., распределенных по 69 губерниям России. Возвращение этого огромного количества населения на территорию Польши представляло собой сложную и трудноразрешимую проблему.

В результате смены социально-экономического и политического строя в России и международной обстановки, под влиянием последствий мировой войны возникли сложные противоречия между Польшей и Советской Россией. В конце 1917 г. на этнической польской территории под покровительством германских и австро-венгерских оккупационных властей было воссоздано Королевство Польское, во главе которого был образован так называемый Регентский Совет (РС).

Брестский мир, заключенный в марте 1918 г. между Германией и Советской Россией, отменял права России на Королевство Польское, и Регентский Совет, стремясь закрепить статус самостоятельного правительства, пытался учредить польское дипломатическое представительство в России. Эта миссия была поручена председателю образованной еще при Российском Временном правительстве Ликвидационной Комиссии по делам Королевства А. Ледницкому. Однако Народный Комиссариат по Иностранным Делах РСФСР (НКИД) в начале апреля 1918 г. отказал ему в приеме в качестве официального представителя польского независимого государства. Что касается возвращения польских беженцев, реэвакуации имущества и других вопросов, то все они были переадресованы в образованный еще в ноябре 1917 г. Комиссариат по польским делам при Комиссариате по делам национальностей РСФСР. И тем не менее **Совет Народных Комиссаров РСФСР (СНК) 29 августа 1918 г. принял декрет, которым отменялись “все договоры и акты, заключенные правительством бывшей Российской империи с правительствами Королевства Прусского и Австро-Венгерской империи, касающиеся разделов Польши, ввиду их противоречия принципу самоопределения наций и революционному правосознанию русского народа, признавшего за польским народом неотъемлемое право на самостоятельность и единство”**. Тому уже 92 года...

Поражение Германии и Австро-Венгрии в мировой войне и внутренние изменения в них привели к активизации политических сил на оккупированных территориях, в том числе и в Польше. В первых числах ноября 1918 г. в Люблине было образовано Временное народное правительство Польской Республики, которое объявило о низложении Регентского Совета. Учитывая это обстоятельство, Советское правительство лишило находившуюся в стране миссию РС дипломатического иммунитета, а польские социал-демократические радикалы в России, явочным порядком, используя Комитет польских беженцев, опечатали здание, архивы и имущество миссии. Но вскоре политические изменения, произошедшие в Польше, привели в середине ноября к власти лидера идеи общенациональной коалиции Юзефа Пилсудского. Он принял власть из рук Регентского Совета, стал Начальником (главой) Государства с широкими, почти диктаторскими полномочиями. 16 ноября 1918 г. было объявлено об образовании Польского государства, сформировано левое правительство во главе с Е. Морачевским.

2. “Послать 500-тысячную армию на Москву...”

С первых дней после восстановления польской государственности отношения между двумя странами не улучшились, и напряженность не ослабевала. 26 ноября министр иностранных дел Польши Л. Василевский направил в Москву ноту протеста против ликвидации миссии Регентского Совета с угрозой применить репрессии против российских граждан в Польше.

Советская сторона сдержанно отвечала на польские ноты, пытаясь урегулировать конфликт, гарантировала безопасность сотрудникам миссии, свобо-

ду пребывания и выезда из России. Наряду с этим Нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин выразил готовность установить межгосударственные отношения с Польшей путем обмена дипломатическими представителями. Однако содержание ответных нот МИД Польши, выдержанных в резких тонах, свидетельствовало о жесткой позиции, занятой польским правительством в отношении Советской России, и не способствовало установлению дружественных отношений между двумя странами.

Правительство РСФСР, со своей стороны, выполнило все условия, связанные с выездом из России миссии Регентского Совета, который был назначен на 2 января 1919 г. Однако именно в эти дни на территории Польши были убиты пять делегатов Российского Общества Красного Креста (РОКК), в том числе две женщины. Делегация эта была направлена в Польшу для оказания помощи российским военнопленным, возвращавшимся из Германии на родину в Россию. В связи с этими событиями персонал миссии РС был арестован.

Учитывая внутренние политические перемены в Германии в ноябре 1918 г., Советское правительство аннулировало Брестский мирный договор, а 17 ноября части Красной Армии перешли демаркационную линию и начали занимать оставляемые немецкими войсками литовские и белорусские земли, являясь одновременно опорой для левых сил в борьбе за власть. К концу года в Литве, Белоруссии и на Украине были образованы советские республики. Это обстоятельство не устраивало польское правительство, которое претендовало на эти территории. В связи с этим оно активно противодействовало большевистскому влиянию в этих регионах. В своей деятельности правительство Польши опиралось на местное польское население, которое представляло в них наиболее зажиточные слои. В Литве и Белоруссии из числа поляков были организованы отряды самообороны, создан Комитет защиты восточных окраин, сформирована литовско-белорусская дивизия. Все эти действия Ю. Пилсудский характеризовал как превентивную защиту Польши от революции извне. Позже он откровенно писал, что «Польша имела начало войны с Советами уже в 1918 г.». И далее он подчеркивал, что поставил себе независимо от кого бы то ни было, уже в 1918 г., четкую цель в войне с Советами, а именно решил напрячь силы, чтобы возможно дальше от тех мест, где рождалась и выковывалась новая жизнь, пресечь все попытки и поползновения еще раз навязать ее Польше.

Не отвечая на конкретные советские предложения по установлению межгосударственных отношений, Польша в нотах МИД от 22 и 30 декабря 1918 г. протестовала против продвижения советских войск к польской границе. Дипломатические шаги сопровождались определенными военными действиями. 1 января 1919 г., используя отряды самообороны, подкрепленные офицерами польской армии из Варшавы, поляки взяли Вильнюс. Однако через три дня город вновь был освобожден частями Красной Армии. Эта неудача не охладила устремлений Польши на восток. Левое правительство Е. Морачевского было заменено на правительство И. Падеревского, которое более отвечало целям и задачам Начальника Государства Пилсудского, и его действия соответствовали интересам западных держав, поддерживавших Польшу в ее борьбе против Советской России.

Неоднократные обращения Советского правительства к Польше установить нормальные межгосударственные отношения между двумя странами для разрешения возникших проблем не находили положительного отклика. Это могло свидетельствовать только об одном – об агрессивных намерениях польских властей в отношении Советской России, что и подтвердилось дальнейшими событиями.

8 февраля 1919 г. Германия, выполняя волю стран Антанты, подписала с Польшей военно-политическое соглашение о принципах эвакуации немецких войск и замене их частями польской армии на литовских и белорусских землях. В соответствии с данным соглашением 10 тысяч польских солдат двумя оперативными группами продвинулись до рек Неман и Припять, где пришли в соприкосновение с частями Западного фронта Красной Армии. Таким образом польско-советский фронт был открыт на большом протяжении и принял более четкие и реальные формы.

Поскольку численный состав советских войск в то время был значительно ослаблен переброской частей на Восточный фронт для борьбы с армией

Колчака, то польским войскам не составило большого труда вести успешные наступательные действия. В начале марта поляки заняли Слоним, Пинск и другие белорусские города. 19 апреля 1919 г. польские части вновь заняли Вильнюс.

Занимая города и населенные пункты, легионеры польской армии учиняли погромы, арестовывали коммунистов и им сочувствующих, многих из которых расстреливали. 28 марта Председатель Совета Народных Комиссаров Литовско-Белорусской Республики В. Мицкевич-Капсукас в радиোগрамме правительствам стран Антанты и Германии сообщал о насилиях, совершаемых польскими войсками над “всеми попадающимися в их руки сторонниками рабоче-крестьянской власти” и теми, кого они считали ее приверженцами. **“Еврейское население почти совершенно истребляется, – указывал он, – заподозренные в близости к Советской власти расстреливаются или вешаются на месте”.**

Письмо с протестом против насилий, совершаемых над белорусским населением польскими легионерами, направил также Нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин 20 апреля 1919 г. Он приводил факты избиения обвиненных в принадлежности к коммунистам жителей в Белостоке, Слониме и расстрела 6 марта в Пинске в госпитале № 1 шестерых санитаров. 25 апреля, в связи с вероломным нападением на Вильно польских солдат, переодетых в русские красноармейские мундиры, Г. В. Чичерин сообщил польскому представителю А. Венцковскому о прекращении переговоров и о его высылке из Москвы.

Более того, в ответ на жестокое обращение с населением оккупированных территорий, на массовые расстрелы поляками жителей литовских и белорусских земель правительство РСФСР 6 мая 1919 г. заявило, что “в Советской России были арестованы в качестве заложников представители польской буржуазии и помещиков”. Вновь арестован освобожденный было персонал миссии бывшего Регентского Совета.

К тому времени в Польше были арестованы и находились в тюрьмах сотни коммунистов, членов профсоюзов и представителей советской власти на занятых поляками территориях. 20 мая заместитель министра иностранных дел Польши В. Врублевский в ноте Г. В. Чичерину осудил действия советских властей и потребовал освобождения задержанных в России лиц. Наряду с этим он предлагал произвести обмен арестованных в Польше коммунистов на поляков, арестованных в России. 3 июня в ответной ноте Г. В. Чичерин привел многочисленные факты арестов, расстрелов и грабежей, произведенных польскими военными, и заявил от имени Советского правительства самый решительный и негодующий протест.

Мы, говорилось в протесте, оказались “...принужденными прибегнуть к захвату заложников только под давлением необходимости, в которую поставил их **беспримерный образ действия польских властей, в особенности же те неслыханные жестокости, погромы и расправы, которые стали повседневным явлением в практике польских войск и которые обгарили кровью улицы Вильно, Лиды, Пинска и бесчисленного количества других городов и сел”.**

Вместе с тем Советское правительство соглашалось на выдачу задержанных в России в качестве заложников лиц – в обмен на арестованных в Польше советских деятелей и коммунистов.

7 октября 1919 г. НКВД (а 22 октября 1919 г. и Совет Народных Комиссаров РСФСР) уполномочил лидера польских коммунистов Ю. Мархлевского на ведение переговоров с представителями Польского Общества Красного Креста.

Но переговоры шли трудно. Пользуясь тем, что Деникин в это время рвался к Москве, польские войска захватили значительные территории в Белоруссии, вместе с городом Минском.

На неоднократные обращения Советского правительства начать переговоры по вопросу прекращения боевых действий польское правительство не отвечало, предполагая дальнейшее продвижение своих войск. Эти устремления были продемонстрированы Польшей в сентябре 1919 года на заседании Высшего Совета мирной конференции стран Антанты в Париже. **На одном из заседаний Совета тогдашний глава польского правительства И. Паде-ревский заявил об имеющемся польском проекте послать 500-тысячную армию на Москву.** Там же он объявил о крупных военных успехах на всех направлениях, подчеркнув, что к тому времени было “захвачено в плен от трид-

цати до тридцати пяти тысяч большевиков”. О 540-тысячной польской армии говорилось и в памятной записке заместителя военного министра Польши Т. Соснковского французскому правительству, где излагалась просьба к государствам Антанты оказать немедленную помощь польской армии обмундированием и вооружением. Такая же просьба содержалась и в письме И. Падеревского от 15 октября 1919 г. военному министру Великобритании У. Черчиллю. “Если такая помощь не будет нам предоставлена немедленно, – пугал Падеревский Черчилля, – наш большевистский фронт может быть в любой момент прорван по всей линии, и тогда можно ожидать самого худшего”.

Все это свидетельствовало о том, что польское правительство не намеревалось вести переговоры с Советской Россией о прекращении военных действий.

3. “Мальбрук в поход собрался...”

Дело в отношениях между двумя странами шло к военной развязке. Об этом прямо указывал в своей записке В. И. Ленину глава НКВД Советской России Г. В. Чичерин 26 февраля 1920 г. “Надо готовиться к нападению на нас поляков, хорошо теперь вооруженных, и мы должны серьезно думать об обороне Западного фронта”. А тремя днями раньше, 23 февраля, командующий Западным фронтом В. Гиттис написал в Совет Труда и Обороны России рапорт о необходимости усиления фронта новыми воинскими соединениями, мотивируя это тем, что угроза нападения польских войск возрастает, а численность последних значительно превосходит силы Красной Армии. В связи с этим Председатель СНК В. И. Ленин 27 февраля отдал распоряжение перебросить на Западный фронт подкрепления из Сибири и Урала.

Пробные вылазки польские войска предприняли уже в первых числах марта 1920 г., заняв железнодорожные узлы Калинковичи, Мозырь и Овруч. Это было прелюдией планируемого тогда наступления на Украину и желанием доказать Антанте, что поляки располагают достаточными силами для начала военных действий против Советской России. Польский представитель в Лондоне Е. Сапега сообщал в Варшаву, что польские успехи на фронте производят там хорошее впечатление и увеличивают ее престиж.

Правительство УССР и Нарком иностранных дел РСФСР направили ноты протеста против агрессивных действий Польши и вновь предлагали решить спорные вопросы мирными средствами. Но польское правительство лишь 27 марта ответило на предъявленные ноты, сообщив, что выработаются “условия заключения мира с Советской Россией”. Более того, как свидетельствует видный политический деятель Польши Ст. Козицкий, уже в феврале С. Патек сообщил ему, что **“...начальник готовится к походу на Россию, будучи уверенным, что его войска с легкостью продвнутся так далеко на восток, как он это сочтет нужным”**. Следует отметить, что дата отправки ноты совпала с датой завершения разработки французским генералом Анрисом плана военных операций польской армии на востоке.

Советское правительство, с целью не допустить развития конфронтации между двумя странами, предлагало рассмотреть вопрос о ведении переговоров в любое время и в любом месте. Предлагались Эстония, Москва, Варшава, Петроград, а также Париж и Лондон. Но Пилсудский и его окружение, взяв курс на военное решение своих задач, при поддержке прессы, выдавали незначительные стычки на фронтах за масштабные боевые действия, за наступление Красной Армии. 17 апреля 1920 г. польские войска были приведены в состояние боевой готовности.

К этому времени Польша признала правительство Петлюры на Украине, взяв на себя обязательство помочь ему отвоевать утраченные территории за уступку Польше шести уездов на Волыни и выставив ряд других, буквально кабальных для Украины, условий. Были сформированы украинские части до 30 тыс. чел., куда вошли бежавшие ранее в Польшу те же войска Симона Петлюры, часть пленных советско-польской и польско-украинской войн в 1919 г., а также отряды, ведшие на Украине партизанскую борьбу против Советской власти.

Генеральное наступление польских войска началось 25 апреля на широком фронте от Припяти до Днестра, и уже в течение двух дней поляки овладели рядом крупных городов, вышли к Киеву, который заняли 8 мая.

Военные успехи Польши были бы невозможны без огромной поддержки западных держав. В частности, Франция к весне 1920 г. поставила Польше в кредит 327 700 винтовок, 2 800 пулеметов, 48 000 револьверов с 518 млн патронов, 1 494 пушки различного калибра, 291 самолет, 250 легковых и 800 грузовых автомобилей, 4 500 конных телег, а также 40 тыс. шинелей, 665 тыс. гимнастерок, 540 тыс. брюк, 780 тыс. пар сапог и многое другое имущество и обмундирование (оно и понятно, как же без штанов воевать. — **Прим. ред.**). 11 048 винтовок было закуплено в феврале в Вене по 140 крон за штуку. Кредит в полмиллиарда франков был выделен Францией в течение 1919 г. и до лета 1920 г. Кроме того, Соединенные Штаты Америки предоставили Польше кредит в 50 млн долларов. За февраль-август 1919 г. США предоставили Польше в виде помощи 260 202 тонны продовольствия на сумму 51 671 749 долларов.

Отступление советских войск под натиском поляков на Юго-Западном фронте сопровождалось потерями не только территории, но и живой силы, в том числе пленными свыше 30 тыс. красноармейцев и командиров. Об этом с удовлетворением сообщал упомянутый выше премьер-министр Польши И. Падеревский представителям Антанты. Польское посольство в Финляндии также выражало удовлетворение и сообщало об успехах, в частности о занятии Киева и захвате 25 тыс. пленных. «Поляки трубят победу, — говорилось в донесении резидентуры Особого отдела ВЧК из Финляндии, — и даже вывели флаг над зданием посольства».

Польские армии развивали наступление и не встречали серьезного сопротивления со стороны советских войск. Отдельные контрудары частей Красной Армии, в частности в Белоруссии 14 мая, хотя и не внесли перелома на полях сражений, однако к 18 мая Юго-Западный фронт (командующий А. И. Егоров) стабилизировался. Части Первой Конной армии под командованием С. М. Буденного появились в расположении Юго-Западного фронта и, опираясь в определенной степени на поддержку местного населения, которое испытало на себе плоды польской оккупации, в начале июня прорвали польскую оборону и в результате быстрых маневров и непрерывных боев овладели рядом населенных пунктов, в том числе городом Ровно. В результате прорыва 1-й Конной армии противостоящие польские части были разгромлены. Поляки потеряли 8 тыс. погибшими и свыше 1 тыс. пленными. 3-я польская армия в районе г. Киева оказалась отрезанной от своего тыла и перед опасностью быть полностью окруженной начала спешный отход в направлении Коростеня. 6-я польская армия в районе Каменец-Подольского, потеряв опору на левом фланге и из-за опасности быть прижатой к Днестру, также была вынуждена начать отход.

Отступая, польские войска осуществляли грабежи и различного рода насилия над местным населением, применяли систему заложничества, договоренность об отказе от которой была достигнута в Микашевичах. Но, по мнению поляков, эта договоренность якобы не распространялась на территорию Украины. Согласно справке начальника Информационно-исторической части Генерального Штаба РККА Рыльского только с 1 по 10 июля были отмечены случаи систематических грабежей, в которых принимали участие солдаты из 13-го, 23-го, 29-го, 30-го, 31-го, 33-го и 159-го полков поляков. Зафиксированы случаи изнасилования женщин, расстрела крестьян, поджогов деревень, принуждения местных крестьян к отравлению колодцев, а также расстрел трех красноармейцев и совершенных над ними издевательств. Материалы справки свидетельствуют о таком факте, когда не выдержавший насилия 65-летний старик в деревне Прудие убил польского солдата, на что поляки ответили массовым террором и на глазах родителей расстреляли молодых коммунистов и советских работников: Юрченко, Велишенко и Косоченко. Насилия и издевательства над мирными жителями были отмечены за этот период и на других участках польско-советского фронта, в частности — в зоне действия 35-го и 64-го полков 9-й польской дивизии.

Такие действия польских войск вынуждали к ответным акциям со стороны советских войск. При отступлении командование Красной Армии также увозило в тыл польских заложников, частично их освобождая, стремясь тем самым не допустить расправы над оставшимися на оккупированных польскими войсками территориях представителями советской власти, угрожая ответными мерами в отношении увезенных поляков. Однако избежать погромов и

жестокого обращения с населением удавалось лишь в отдельных случаях. Занимая территории, польские власти продолжали арестовывать, сажать в тюрьмы и расстреливать представителей местной власти, большевиков и им сочувствующих. Особую жестокость в этом проявляли снабженные и вооруженные поляками отряды Булак-Балаховича и других командиров белого движения.

К июлю 1920 г. советское командование, подтянув резервы и пополнив численный состав частей Красной Армии, подготовило широкомасштабное наступление под командованием М. Тухачевского, которое началось 4 июля на Западном фронте. Прорвав оборону противника, части Красной Армии стремительно продвигались на запад, не останавливаясь на этнической границе Польши. В рапорте от 7 июля 1920 г. командующего Западным фронтом М. Н. Тухачевского Главнокомандующему РККА С. С. Каменеву сообщалось о разгроме польских войск в результате контрнаступления. «В настоящее время, — констатировалось в нем, — главные массы разгромленного противника в полном беспорядке, оставляя нам пленных и прочие трофеи, хлынули в направлении Полтавы, Свенцяны». 11 июля был освобожден Минск, в городе восстановлена советская власть. И хотя польские войска оставили Бобруйск, Минск, Вильнюс и 1 августа Брест, тем не менее, несмотря на поражения и свыше 10 тыс. попавших в плен, польские части в значительной степени сохранили свою боеспособность и личный состав.

4. «Пленный польский солдат уже не враг»

В зените советского наступления Председатель ВЧК РСФСР Ф. Дзержинский 26 июля отдал распоряжение своим подчиненным обращать внимание на содержание пленных, в том числе и поляков, которых к тому времени уже насчитывалось более двух десятков тысяч. В распоряжении указывалось на недопущение незаконных действий, озлобляющих пленных. В частности, предписывалось не допускать изъятия личных вещей, в том числе одежды и обмундирования. За исполнением этого распоряжения надлежало послать по лагерям, где содержались польские военнопленные, группу контролеров.

Отношение к польскому военнопленному регламентировалось также постановлениями высших органов власти и приказами командования Красной Армии. Приказом РВС от 15 августа 1918 г. № 60 и приказами по войскам Западного фронта от 1 мая 1919 г. № 92 и от 15 июля 1919 г. № 1139 бойцам РККА предписывалось «гуманное обращение к пленным», за нарушение которого устанавливалось наказание «... в соответствии с законами военного времени». В приказе командующего Западным фронтом от 17 июня 1920 г. также говорилось, что «пленные должны отправляться в тыл в той же одежде, в какой застало их пленение. Красноармейцы, — говорилось в приказе, — должны твердо усвоить, что пленный польский солдат уже не враг».

15 сентября 1920 г. Совет Труда и Оборона РСФСР принял специальное постановление о военнопленных польской армии на территории России. По данному постановлению все попавшие в плен военнослужащие польской армии передавались в ведение Главного Управления общественных работ и повинностей НКВД, которое должно было их размещать в специально отводимых для этой цели помещениях. Народный Комиссариат продовольствия обязывался отпускать продовольствие для польских военнопленных согласно существующим нормам красноармейского пайка, а Центральному Управлению снабжения Красной Армии предписывалось «снабжать их вещевым довольствием применительно к красноармейским частям». «Справедливость требует заметить, — вспоминает автор работы «От Двины до Вислы» Е. Н. Сергеев, — что принятые в этом направлении меры дали благие результаты и, наряду с единичными нежелательными случаями, нам приходилось наблюдать, как в Вильнюсе босоногие конвоиры вели толпы пленных в новеньком обмундировании и щегольских французских ботинках».

Подобную картину отмечал в докладной записке о работе Временного Революционного Комитета Польши Ю. Мархлевский в конце июля 1920 г. **Характеризуя деятельность Красной Армии в период наступления на территории Польши, он подчеркивает, что она «вела себя безукоризненно, не грабила, не бесчинствовала, не причиняла лишнего притеснений».** В отношении к пленным Мархлевский приводит случай, когда «...шел транспорт пленных, прекрасно одетых и обутых, их сопровождал маленький конвой бо-

ских и оборванных красноармейцев”. “Эти герои, — подчеркивал он, — отказались, значит, от того, чтобы взять у своих пленных сапоги”.

5. “Не делать ничего, что предопределило бы мир”

В период успешного наступления частей Западного фронта министр иностранных дел Польши Е. Сапега от имени польского правительства с целью “прекратить кровопролитие и восстановить мир” предлагал “немедленное перемирие и открытие мирных переговоров”. Этому же числа начальник Генерального штаба польской армии ген. Т. Розвадовский предложил командованию Красной Армии прекратить военные действия и прислать военных представителей для установления перемирия. Ответ на это предложение должен был поступить до 3 часов дня 25 июля.

23 июля Г. В. Чичерин известил Е. Сапегу о согласии немедленно начать мирные переговоры. В этот же день Главком РККА уведомил главное командование польской армии о получении распоряжения Советского правительства начать переговоры о перемирии и мире. На следующий день командующий войсками Западного фронта М. Н. Тухачевский в радиограмме командованию польской армии назначил 30 июля переход советских представителей через линию фронта для ведения переговоров. То есть практически все было готово для начала переговоров. Однако польская сторона, видимо, не намерена была вести дело к миру. На секретном заседании Совета Министров Польши 29 июля были определены цели правительства, которые состояли в том, чтобы добиться “непродолжительного перемирия” и получить от союзников необходимое вооружение. **Польское правительство приняло к сведению рекомендации союзных государств, “чтобы при переговорах о перемирии не делать ничего такого, что предопределяло бы мир”.** Правительство Польши, учитывая эти рекомендации, пришло к выводу, что “можно было бы заключить мир без вмешательства союзных держав”, при условии, если “большевики предложили бы выгодные условия”. В конечном итоге Совет Министров постановил, что “в случае, если большевики проявят стремление сразу же заключить мир, делегация должна уехать, чтобы поставить об этом в известность правительство”. Таким образом и поступила польская делегация, покинув Барановичи 2 августа 1920 г. Однако уже 5 августа Е. Сапега сообщил о готовности послать в Минск представителей для ведения мирных переговоров, возложив при этом ответственность за дальнейшее продолжение военных действий на советскую сторону.

Одновременно польское правительство опубликовало в стране обращение “Родина в опасности”, в котором утверждало, что Советское правительство отвергло перемирие... В Польше был объявлен призыв добровольцев, и к середине августа их уже насчитывалось свыше 70 тыс. К этому времени польское командование, перегруппировав силы и получив подкрепление, 16–17 августа перешло в контрнаступление. Новое правительство, сформированное крестьянским лидером В. Витосом, нашло поддержку у народа и умело сочетая дипломатические шаги с военными успехами, нанесло ряд поражений Первой Конной армии в Галиции, тем самым лишив поддержки части Западного фронта на подступах к Варшаве. К 23–24 августа польские войска вышли к Восточной Пруссии и развили наступление в восточном направлении.

Что касается варшавского похода частей Красной Армии, то уже к 10 августа все отчетливее стали прослеживаться крупные просчеты советского командования. К ним, прежде всего, относились несогласованность взаимодействия между фронтами и отдельными армиями, чрезмерное удаление передовых частей от тыла, усталость от длительного перехода, а также враждебное отношение польского населения. Армии Тухачевского, быстро продвигаясь, не успевали создавать на освобождаемых и занимаемых территориях свои устойчивые органы власти, а там, где они создавались, во главе их ставились нежелательные для местного населения лица еврейской национальности. Все это в целом отрицательно сказалось на дальнейших событиях.

6. “Польские легионеры избивали до смерти”

Неудавшийся поход на Варшаву и беспорядочное отступление частей Красной Армии обернулись огромными потерями, в том числе и военноплен-

ными. Поляки брали в плен тысячами и целыми полками. По показаниям, например, бежавшего из плена красноармейца В. В. Балуева, попавшего в плен 18 августа под Новоминском, пленено было около 1000 чел. «Из всего состава, — показывал он на допросе в Ковно, — выбрали коммунистов, комсостав, комиссаров и евреев, причем тут же на глазах всех красноармейцев один комиссар еврей был избит и потом расстрелян». Далее он свидетельствовал, что у всех отбирали обмундирование, а кто сразу не исполнял приказания, тех польские легионеры избивали до смерти. Всех попавших в плен отправили в концентрационный лагерь Тухоль Поморского воеводства, где уже было много раненых, которых не перевязывали неделями, вследствие чего у них в ранах заводились черви. Многие из раненых умирали, каждый день хоронили по 30–35 чел.

Другой красноармеец И. И. Кононов, также бежавший из польского плена, сообщил, что прилитоительно в то же время в августе 498-й и 499-й полки 6-й советской дивизии были окружены и попали в плен. После разоружения у солдат отобрали обмундирование, деньги, личные вещи и документы и даже сняли белье. Взамен дали старую и рваную одежду. Польские легионеры, избивая пленных плетками и прикладами, добивались выдачи коммунистов и командиров. Затем всех отправили в Белосток, в лагерь для военнопленных.

В результате беспорядочного отступления частей Красной Армии большие массы красноармейцев и командиров оказались в польском плену. Кроме того, 40–50 тыс. советских солдат перешли германскую границу, где они были разоружены и интернированы. Эта часть красноармейцев находилась в более благоприятных условиях, нежели те, которые попали в польский плен. Свидетельством тому может служить информация советского Уполномоченного НКВД РСФСР в Берлине В. Л. Коппа. Он передавал в Москву, что получил банковский кредит в 20 млн немецких марок, и запрашивал разрешение на продажу лошадей, что позволило бы на вырученные деньги приобрести питание и одежду для интернированных в Германии красноармейцев.

Оказавшиеся в польском плену красноармейцы и командиры, а также большое число гражданских политических пленных, основную массу которых составляли арестованные представители советской власти на территории Украины, Белоруссии и России, находились в многочисленных концентрационных лагерях. Некоторые из этих лагерей были построены еще австро-венграми, другие сооружены за короткое время и были совершенно не приспособлены для длительного содержания военнопленных и интернированных. Например, лагерь в Домбе под Краковом состоял из бараков с деревянными неплотными стенами, во многих из которых не было деревянных полов. Отопление помещений должно было производиться железными печами. Кроватей и нар почти не было. Только в женских бараках было небольшое количество кроватей. Военнопленные спали на досках, на земле, поскольку соломы и сена почти не было. По свидетельству представителя Американского Союза Христианской Молодежи (Отдел помощи военнопленным в Польше), обследовавшего польские лагеря осенью 1920 г., было зафиксировано отсутствие белья, одежды, обуви, а также отмечался холод в помещениях, неудовлетворительное питание и грязь и подчеркивалось, что все это грозило громадной смертностью для военнопленных. В отчете констатировалось, что часть пленных ходила на работы, но большинство не работало и не имело возможности починить свое белье и одежду. Указывалось также на то, что тех, кто пытался жаловаться, офицеры избивали. На 11 сентября 1920 г. в лагере находилось 5 тыс. пленных. Среди них были и интернированные бредовцы, деникинцы, красноармейцы, польские дезертиры, а также 500 политических и 860 гражданских пленных белорусов, украинцев и русских.

К концу войны общее число пленных красноармейцев и командиров в лагерях Польши насчитывалось свыше 150 тыс. По этому вопросу имеются различные оценки как в польской, так и российской исторической литературе и периодической печати. Так, польский историк Збигнев Карпус оценивает общее количество российско-украинских военнопленных в 110 тыс. чел. Что касается российских историков, то у них существуют различные точки зрения на количество попавших в плен красноармейцев. Опираясь на архивные материалы АВП РФ, РГВА, ЦХИДК и польские архивы, к наиболее реальной оценке в этом вопросе подходит И. В. Михутина, определяя общее число российско-украинских военнопленных в 165 550 человек.

Наряду с военнопленными польское командование пополняло контингент так называемых гражданских пленных. 21 августа командование Северного фронта польской армии издало приказ об аресте и предании суду лиц, сотрудничавших с советскими властями. Всем начальникам гарнизонов предписывалось выявлять “всех жителей, которые во время большевистского нашествия действовали во вред польской армии и государства, поддерживая активную связь с неприятелем, – развешивали агитацию в его пользу, создавая большевистские комитеты и т. д.”. Арестовывались также лица, в отношении которых имелись “основательные подозрения”, но не было достаточно улик. Все они, наряду с арестованными ранее в 1919 г. и первой половине 1920 г., составили огромную массу гражданских пленных.

7. Для них мир был “бесмыслицей”

Учитывая благоприятное развитие военных действий на фронтах, польское правительство согласилось на начало переговоров о перемирии и мире и послало в Минск представительную делегацию в количестве 30 членов во главе с Я. Домбским. Советскую делегацию возглавил член коллегии НКВД РСФСР К. Х. Данишевский. Первые пять заседаний прошли в Минске. Но поскольку военные действия существенно затрудняли связь с правительствами обеих сторон, 2 сентября было принято обоюдное решение о переносе конференции на нейтральную территорию в Ригу. Советскую делегацию возглавил опытный дипломат А. А. Иоффе. Ему был выдан мандат “на ведение переговоров и подписание договора о перемирии и прелиминарных условиях мира с Польшей”.

На переговорах в Минске предметом обсуждения была советская декларация об основных условиях советско-польского мирного договора. Главными из 15 требований, предъявленными советской делегацией в декларации, было ограничение польских вооруженных сил до 50 тыс. чел., граница по так называемой линии Керзона и ряд других различных ограничений. Польская делегация категорически выступила против этих требований, считая их неприемлемыми, заявляя, что “отстаивание этих основ русской делегацией делает дальнейший обмен мнениями бесцельным”. И когда польские войска достигли линии Керзона (примерно совпадает с этнической границей польской нации. – **Прим. ред.**), Совет Оборона государства 27 августа высказался за нарушение этой линии.

На заседании Совета Ю. Пилсудский заявил, что “мир является бесмыслицей”.

Российская делегация в составе 30 чел., в том числе представители Украины, прибыла в Ригу 12 сентября. Польская делегация в количестве 80 членов прибыла в латвийскую столицу 16 сентября. 23 сентября ВЦИК РСФСР опубликовал заявление по вопросу об основах соглашения между РСФСР и Польшей, в котором Советское правительство отказывалось от выставленных ранее условий и выразило готовность немедленно подписать перемирие и прелиминарные условия мира на основе признания границы, проходящей значительно восточнее границы, установленной Верховным Союзным Советом 3 декабря 1919 г. Отказ Польши от данного предложения, говорилось в заявлении, “означал бы, что Польша решилась, вероятно, под давлением империалистов Франции и других стран Антанты на зимнюю кампанию”.

Среди широкого круга вопросов конференции, основными из которых были прекращение военных действий и договор о мире, в повестке дня был также вопрос об обмене военнопленными, заложниками, интернированными и о эвакуации населения, оказавшегося на территории противника. Для их обсуждения и выработки по ним согласованных решений была создана Специальная двусторонняя комиссия, советскую делегацию в которой возглавил сотрудник НКВД РСФСР И. И. Лоренц, польскую – Э. Залеский. В состав советской делегации входили также и представители Украины, поэтому делегация, как и делегация на мирной конференции, в целом именовалась Российско-Украинской. В связи с этим решения по обмену военнопленными, заложниками, гражданскими пленными и интернированными касались как России, так и Украины.

Большое значение при обсуждении в Специальной комиссии вопросов о военнопленных, гражданских пленными и заложников имели материалы, представленные уполномоченным РОКК в Польше С. Семполовской. Опираясь на

эти данные, глава советской делегации в Риге Иоффе телеграфировал в Москву 5 декабря 1920 г. о том, что положение пленных, интернированных, политических заключенных и беженцев в Польше крайне тяжело. Трудно провести грань в положении различных групп. Более того, согласно официальным инструкциям польских властей все военнопленные в лагерях были разделены на 4 категории. Первая категория – “русские” – это та часть пленных, которая поддавалась белогвардейской агитации и являлась переходной ступенью на пути в их формирования. Пленные этой категории жили в относительно сносных условиях. На их территории в бараках имелись кровати. Вторая категория – “поляки” – это бывшие красноармейцы польской национальности, попавшие в плен. Из этой категории по мере возможности пополнялись польские воинские части действующей армии. Условия их жизни были несколько лучше, чем у военнопленных остальных двух категорий. Третья категория – “большевики” – это самая многочисленная часть красноармейцев, попавших в плен во время боевых действий. Жила эта категория в тяжелейших условиях, в постоянном холоде, голоде и несправедливости. И, наконец, четвертая категория – “красноармейцы-коммунисты”. Она находилась в самых жутких условиях, в бараках, окруженных колючей проволокой, без права общения между бараками. Режим был тюремный. Пленные были одеты хуже всех и почти все без обуви. Администрация лагеря объясняла это тем, что коммунисты, мол, не ходят на работу. Некоторые бараки были переполнены настолько, что пленные “не могли лежать, а принуждены были стоять, облокотившись один на другого”.

В таком же режиме, как и пленные коммунисты, находились и пленные красноармейцы-евреи. Их положение усугублялось еще и тем, что в то время в Польше резко поднялась волна антисемитизма.

Не лучшими были условия в тюрьмах, где содержались политические заключенные. По свидетельству советского писателя, сотрудника ЧК в 20-е годы Н. Равича, арестованного поляками в 1919 г. и побывавшего в тюрьмах Минска, Гродно, Повонзках и лагере Домбю, в камерах было так тесно, что только счастливицы спали на нарах. В минской тюрьме в камере повсюду были вши, особенно ощущался холод, поскольку верхняя одежда была отобрана. “Кроме осьмушки хлеба (50 граммов), утром и вечером полагалась горячая вода, в 12 часов та же вода, приправленная мукой и солью”. Пересыльный пункт в Повонзках “был забит русскими военнопленными, большинство из которых были калеки с искусственными руками и ногами”. Германская революция, пишет Н. Равич, освободила их из лагерей, и они стихийно пошли через Польшу к себе на родину. Но в Польше они были задержаны специальными заслонами и загнаны в лагерь, а некоторые на принудительные работы”. Лагерь в Домбю представлял собой целый город, окруженный колючей проволокой, с многочисленными домами, улицами, площадями. Контингент разнообразный, и в зависимости от положения, значения и ряда других условий заключенные жили в бараках или в специальных домах.

8. Трудные переговоры в Риге

В процессе переговоров в Риге 12 октября 1920 г. был подготовлен и подписан Договор о перемирии и о прелиминарных условиях мира между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой. Договор был ратифицирован ВЦИК 23 октября, Всеукраинским ЦИК 21 октября и польским Сеймом 22 октября 1920 г. Обмен ратификационными грамотами состоялся в Либаве 2 ноября 1920 г.

В соответствии со ст. VI Договора стороны обязались “включить в Мирный договор положения, касающиеся обмена военнопленными и возмещения действительных расходов по их содержанию”. Статья VII предписывала образовывать смешанные комиссии в целях безотлагательной выдачи заложников и незамедлительного обмена гражданских пленных, лиц интернированных, а по мере возможности и военнопленных и организации возвращения беженцев и эмигрантов. Ст. VIII обязывала стороны “издать соответствующие распоряжения о приостановлении судебных, административных, дисциплинарных и всяких других преследований против гражданских пленных, лиц интернированных, заложников, беженцев, эмигрантов и военнопленных”.

В соответствии со статьями Договора военный министр Польской Республики генерал К. Соснковский издал 28 октября 1920 г. особый приказ, дове-

денный до руководства лагерей, а также “отделов и учреждений, в которых находятся лица, указанные в ст. VII Договора”. В приказе предписывалось до 15 ноября представить во II отдел Генерального штаба польской армии списки гражданских пленных, лиц интернированных, беженцев, эмигрантов, граждан Советской России и Украины. Наряду с этим следовало немедленно отправить “в лагерь № 10 в Калите тех лиц, кои на основании ст. VII и VIII подлежат немедленной выдаче властям их государств”. Этот лагерь предназначался для сосредоточения партий указанных категорий пленных, в том числе пленных и интернированных в период Первой мировой войны. В дальнейшем, согласно приказу, военнопленные после санитарной обработки и возврата личных вещей и после урегулирования всех вопросов, связанных с обменом, должны были отправляться на родину. Документ, которым следовало руководствоваться при обмене пленными, в свою очередь, должна была выработать образованная согласно ст. VII соглашения Смешанная комиссия. Этой же комиссии предоставлялось право защиты интересов и оказания помощи всем категориям пленных.

Вопрос о создании двусторонних смешанных комиссий, одна из которых должна была работать в Польше, а другая в России, решался в Риге на образованной в начале ноября Специальной комиссии по возвращению заложников, пленных, интернированных, беженцев и эмигрантов. В состав советской делегации в данной комиссии входили кроме ее председателя И. И. Лоренца представители НКВД, РОКК и Цетропленбежа.

С первых же заседаний в комиссии возникли расхождения во взглядах на проблему обмена военнопленными и другими категориями лиц, оказавшихся по разные стороны линии фронта. Различные точки зрения обнаружились по двум основным вопросам, а именно по очередности обмена и по составу смешанных комиссий и их полномочий. Польская сторона предлагала приступить к немедленному обмену хотя бы части лиц из общей массы пленных. Э. Залесский на одном из заседаний заявил, что “. . . для Польши важно быстро произвести обмен 30–40 чел., которые во имя гуманности должны были быть выданы немедленно”. Лоренц возражал, мотивируя тем, что “соображения гуманности должны были бы заставить польскую сторону подумать в первую очередь о массе, подлежащей обмену”. Заседания комиссии не оставляли сомнения в том, подчеркивал И. И. Лоренц, что поляки, опираясь на Берлинское соглашение, стремились добиться от советской стороны “своих нескольких важных интернированных, чтобы потом опять развязать руки и не быть заинтересованными в дальнейшем соглашении, по которому к ним могли бы возвращаться массы беженцев”.

Против немедленного обмена не возражала и советско-украинская делегация в Комиссии, но, как указывал Г. В. Чичерин в своей депеше в Ригу, следовало учесть, “чтобы обмен польских белогвардейцев произошел значительно позже, под самый конец”. Кроме того, необходимо было, чтобы Польша предоставила транзит для перевозки пленных и интернированных из Германии. Далее Чичерин рекомендовал советской делегации “отнестись чрезвычайно осторожно к громадной беженской массе, соблюдая строгую плановость и не давая возможности полякам выбирать из нее лишь полезные им элементы, фактически оставляя других надолго в России”.

Это была дальновидная рекомендация, поскольку в дальнейшем так и происходило на практике при составлении списков и их визировании польской делегацией в Смешанной комиссии в Москве и при непосредственном обмене.

9. Участь пленных в Польше и в России

Между тем, каждый день пребывания российских военнопленных в польских лагерях уносил все новые и новые жизни. И указывая, в каких ужасных условиях находились в то время в них военнопленные красноармейцы, председатель Российско-украинской мирной делегации 9 января 1921 г. направил пространное письмо председателю польской делегации. В нем были приведены примеры нечеловеческого отношения к российским военнопленным в различных лагерях и тюрьмах Польши. Обращалось внимание на то, что “несмотря на неоднократные обещания предпринять меры к улучшению условий содержания российско-украинских пленных, в положении их никаких существ-

венных перемен не произошло”. В лагерных лазаретах и больницах по-прежнему не было матрацев, одеял, а часто и кроватей, не хватало врачей и другого медицинского персонала, а имевшихся специалистов и медсестер из военнопленных ставили в такие условия, которые не давали им возможности исполнять свои профессиональные обязанности.

Нечеловеческие условия содержания пленных имели самые жуткие последствия и приводили к быстрому их вымиранию. В лагере Домбе зафиксированы случаи избияния пленных офицерами польской армии. В Злочеве пленных били плетьюми, изготовленными из железной проволоки от электропроводов. В лагере Тухоли избит комиссар 12-го полка Кузьмин. В Бобруйской тюрьме военнопленному перебили руки только за то, что он не выполнил приказа выгрести нечистоты голыми руками. Инструктор Мышкина, взятая в плен под Варшавой, была изнасилована двумя офицерами и без одежды брошена в тюрьму на Дзелитной улице в Варшаве. Артистка полевого театра Красной Армии Топольницкая, также взятая в плен под Варшавой, была избита на допросе резиновым жгутом, подвешивалась за ноги к потолку, а затем отправлена в лагерь в Домбе.

Эти и подобные им случаи издевательств над российскими военнопленными стали известны польской прессе и вызвали определенные голоса протеста.

Правительство России и Украины, указывалось далее в письме руководителя российской делегации Иоффе, “категорически настаивают на немедленном изменении условий содержания российско-украинских военнопленных, в частности на немедленном отстранении от занимаемых должностей тех лиц администрации лагерей, которые виновны в вышеуказанных злодеяниях. Не допуская мысли о возможности подобных условий существования для польских военнопленных в России и Украине, — подчеркивалось далее в письме, — даже на основе взаимности Российское и Украинское правительства все же, в случае непринятия польским правительством мер, вынуждены будут применить репрессии к польским военнопленным в России и на Украине”.

Если в Польше российско-украинских военнопленных было более 150 тыс., то польских военнопленных в России насчитывалось почти в пять раз меньше. По сведениям, имеющимся у Польской секции при Политуправлении Реввоенсовета Республики (РВСР), которая проводила большую работу среди польских военнопленных, все они были размещены в 33 лагерях России и Украины. На 11 сентября 1920 г. по данным, полученным Польсекцией из 25 лагерей, в них содержалось 13 тыс. чел. Однако, по мнению руководства Секции, эти сведения были далеко не полными, и оно считало, что общее число польских военнопленных и интернированных на тот момент достигало 30 тыс. человек

Согласно сводке Организационного Управления РККА о потерях и трофеях за 1920 год, количество пленных поляков по Западному фронту по состоянию на 14 ноября 1920 г. составило 177 офицеров и 11 840 солдат, то есть всего 12 017 чел. К этому количеству следует добавить попавших в плен поляков на Юго-Западном фронте, где только во время прорыва Первой Конной армии в начале июля под Ровно было взято в плен свыше тысячи поляков, а по данным оперативной сводки фронта от 27 июля, только в районе Дубно-Бродского было захвачено 2 тысячи пленных. Кроме того, если сюда приплюсовать интернированные части полковника В. Чумы, воевавшие на стороне армии Колчака в Сибири (свыше 10 тыс.), то общее количество польских военнопленных и интернированных в 30 тыс. — вполне реальная цифра.

Положение польских военнопленных в России было гораздо сноснее, нежели российско-украинских в Польше. Гуманное к ним отношение, как отмечалось выше, в значительной степени регламентировалось постановлениями и распоряжениями государственных органов и приказами командования Красной Армии. В Главном Управлении общественных работ и повинностей НКВД на 1 декабря 1920 г. имелся план распределения работ на 62 тыс. пленных. В это число входили не только польские пленные, но и пленные гражданской войны, а также 1 200 балаховичевцев, которые находились в Смоленском лагере. Согласно справке Главного Военно-хозяйственного управления НКВД (Главвоенхозупра) от 8 декабря 1920 г. в распоряжение Мурманского подотдела Главвоенхозупра были отправлены шинели, мундиры старого образца, шаровары, валенки, шапки и другое имущество на 2 тыс. пленных поляков. 10 декабря Ярославскому подотделу было отправлено такое же имущество на

1500 чел.; Иваново-Вознесенскому – на 500 чел.; 11 декабря в Москву было распределено подобное обмундирование на 1 266 чел.; в Харьков в адрес Принудительных работ Украины – на 2 000 чел. Кроме того, губернские военкоматы только в Нижнем Новгороде и Мурманске должны были отпустить вещевого довольствия на 6 тыс. военнопленных польской армии.

Лагеря в России, подчиненные образованному в декабре 1918 г. Центропленбежу, как правило, располагались в дореволюционных воинских казармах и были более приспособлены к содержанию такой категории лиц.

Польская секция при ПУРе, начиная с 23 августа 1920 г., проводила среди военнопленных поляков просветительскую работу. Издавался двухнедельный журнал “Голос пленного”, в лагерях проводились собеседования, чтение книг, образованы школы, в которых для неграмотных проводились обязательные занятия, работали библиотеки, читальни. Из военнопленных выбирались комиссии, которые занимались вопросами улучшения быта. В 16 лагерях имелись специальные инструкторы, а также 3 объездных инструктора-контролера. Их количество увеличивалось по мере мобилизации для этой работы гражданских лиц польской национальности. Согласно сводке Польсекции при ПУРе с 24 по 31 августа в лагеря, где содержались польские военнопленные (Вятку, Красноярск, Ярославль, Иваново-Вознесенск, Орел, Звенигород, Кожухов, Костром, Нижний Новгород), были направлены 10 представителей Секции с соответствующей литературой.

Периодические проверки советскими официальными лицами совместно с представителями Польсекции лагерей, где находились польские военнопленные, давали положительные результаты в плане улучшения условий их содержания. Так, при осмотре лагерей в г. Мценске было зафиксировано, что стены с тройной засыпкой, в каждом бараке имелось 6 печей голландского типа, на 15 баракон имелся барак-кухня с 6 котлами и печами, способными обслужить не менее 15 тыс. чел. А вот в деревне Сергеево Орловской губернии лагерь был мало приспособлен к приему военнопленных: двойные нары, столовой не было, только остро нуждающиеся получали белье, один рукомыльник, туалеты переполнены, кругом грязь. Пища малопитательна, пленные ели из бачков. Правда, на 15 декабря в этом лагере находилось всего 60 заключенных и 20 военнопленных. Все это фиксировалось, и принимались действия к исправлению ситуации.

В целом условия содержания польских пленнх в России были намного лучше, чем условия, в которых находились российские и украинские пленные в Польше. Определенная заслуга в этом принадлежала Польской секции при ПУРе РККА, работа которой расширялась и предполагалась открыть ее отделение при Политуправлении Западного фронта.

2 февраля 1921 г. Малый Совнарком РСФСР принял Постановление о военнопленных польской армии, по которому при НКВД учреждалась должность уполномоченного по данному вопросу. По этому постановлению Главному Управлению общественных работ и повинностей НКВД предписывалось в двухнедельный срок разработать план размещения всех военнопленных польской армии на оставшийся срок в отдельных лагерях и других местах по возможности ближе к крупным центрам, сосредотачивая их большими группами. Следовало составить план маршрутов и расчет необходимого числа вагонов для осуществления их передвижения, а также выявить для этого точное число пленнх. Предписывалось также немедленно вернуть всех польских военнопленных с работ на Мурманской железной дороге. Наряду с этим Центральному управлению по снабжению Красной Армии надлежало снабдить пленнх поляков вещевым довольствием в количестве 4 тыс. комплектов.

24 февраля 1921 г. Соглашение о репатриации между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей – с другой было подписано. Оно было заключено во исполнение статьи VII Договора о прелиминарных условиях мира от 12 октября 1920 г., вступало в силу с момента подписания и не подлежало ратификации. Соглашение состояло из 38 статей, разбитых на 4 раздела. Согласно статье 1-й обе договаривающиеся стороны обязались немедленно “приступить к возможно скорейшей репатриации всех находящихся в пределах их территорий заложников, гражданских пленнх, интернированных, военнопленных, беженцев и эмигрантов”. Ст. 2-я разъясняла понятие “гражданский пленный”, “интернированный”, “военнопленный”, “беженец” и “эмигрант”. Гражданскими пленными и интернированными считались все находившиеся на территории одной

из договаривающихся сторон граждане другой стороны, содержащиеся или содержавшиеся в заключении, под арестом или под административным надзором. В эту категорию входили также граждане, подвергавшиеся или подвергавшиеся судебным или административным репрессиям за политические или государственные преступления или преступления в пользу другой стороны. Под военнопленными понимались военнослужащие (комбатанты) договаривающихся сторон, “взятые в плен армиями другой стороны на российско-украинско-польском фронте, равно как и некомбатанты, входившие в состав действующих вооруженных сил и захваченные в плен армиями другой стороны, а также лица, входившие в состав польских отдельных войсковых частей и отрядов, взятые в плен российско-украинскими армиями и на других фронтах, и разоруженные, и интернированные российскими и украинскими властями”.

10. Обмен пленными

Обмен начался с составления списков подлежащих обмену 20 поляков и 40 российских военнопленных. 4 декабря 1920 г. они были доставлены на станцию Столбцы. Обмен произошел 10 декабря: 18 фактически прибывших польских военнопленных на 36 красноармейцев. Представитель Белкомэвака С. Каган составил протокол о действительном состоянии российских военнопленных. “Красноармейцы, — отмечалось в протоколе, — прибыли чрезвычайно изнуренные и истощенные, в лохмотьях. Один даже без всякой обуви. Жаловались на дурное питание и обращение. Вагон был совершенно не приспособлен к перевозке и даже не был очищен от свежего конского навоза, который лежал слоем в четверть аршина”. Всем прибывшим красноармейцам на месте были розданы табак, спички, хлеб, сахар, теплое обмундирование. В Минске они были осмотрены врачами, и 30 из них отправлены в медицинский изолятор Белкомэвака, а остальные в общежитие.

На официальный протест со стороны Председателя Российско-Украинской делегации И. Иорданского по поводу безобразного отношения к российским военнопленным шеф польской делегации обещал, что “виновные будут преданы военно-полевному суду”.

В ноябре-декабре 1920 г. в ряде воинских частей Красной Армии были собраны пожертвования деньгами, вещами и продуктами для российских военнопленных. В Польше также были подготовлены 2 вагона подарков, которые 7 января отправились в Москву в распоряжение Е. П. Пешковой. Российские же два вагона были отправлены в Польшу 14 января.

22 декабря в львовской газете “Вперед” сообщалось, что 9-го числа в польском лагере Тухоль в один день умерли 45 российских военнопленных. Причиной этому послужило то, что в морозный и ветреный день “полуголых и босых” пленных “водили в баню” с бетонным полом, а затем перевели в грязные землянки без деревянного пола. “В результате, — сообщалось в газете, — непрерывно выносили мертвецов или тяжелобольных”.

На официальные, основанные на материалах газеты, протесты со стороны российских делегаций в Риге на бесчеловечное отношение к военнопленным польские военные власти провели расследование. Его результаты, естественно, опровергли сообщения в газете. “9 декабря 1920 г., — извещала польская делегация, — установлена смерть 10 пленных, умерших от сыпного тифа... Баня была нагрета... и здоровые пленные после купания размещались в бараках, предварительно продезинфицированных, больные же помещались прямо в госпиталь”. Газета “Вперед” по результатам расследования была закрыта на неопределенный срок, разумеется, “...за помещение преувеличенных и тенденциозных сведений”.

Польские власти, чтобы отвлечь внимание от нечеловеческих условий содержания российско-украинских военнопленных, пытались предъявить претензии к советским властям в отношении условий содержания польских пленных в России и на Украине. В частности, с польской стороны было выражено недовольство условиями содержания 3 тыс. военнопленных в Харькове, которые якобы живут в вагонах без довольствия, вследствие чего, мол, ежедневно от голода и холода умирает несколько человек. На это заявление 20 февраля 1921 г. поступил ответ НКВД Украины, в котором решительно опровергались доводы польской стороны. В опубликованном заявлении сообщалось, что все польские пленные уже давно были сведены в особые трудовые части, из ко-

торых образованы одна бригада, три полка и отдельный батальон. В Харькове расквартирован по казармам 3-й полк и отдельный батальон, всего около 1,5 тыс. чел. Помещения чистые, хорошо отапливаются. Люди спят на топчанах или нарах. На работу на фабрики, железную дорогу и другие места ходят только исключительно здоровые и имеющие теплую одежду. Каждая рота имеет свой командный состав из самих пленников. За январь месяц, сообщалось далее в заявлении, в среднем в лечебные учреждения обращалось 14 чел. в день, в амбулаторию 46 чел. Смертность составила всего один человек в отдельном батальоне. Сообщалось также, что ожидается получение дополнительных комплектов теплой одежды. Ответственность за польских военнопленных, говорилось в заявлении, возложена на командование войсками Украины, Штаб трудовой армии, Укрзвак и НКВД Украины. Всем военным властям и гражданским учреждениям предписано отправлять пленников поляков в трудовые бригады впредь до эвакуации на родину.

Процесс обмена пленными происходил довольно интенсивно. Начало отправки российских военнопленных из Польши приходится на март 1921 г., когда первый эшелон прибыл на станцию Негорелое 16 марта в 22 часа, хотя по соглашению о репатриации станциями обмена были Столбцы и Койданово. Сообщение об отправке было выслано 6 марта шефом Польдеlegationи ПРУВСК Гемпелем с информацией, что со ст. Барановичи 7 марта в Россию отправляются 2 поезда военнопленных по 1 000 чел. в каждом – один на Столбцы, другой на Ровно. Фактически на ст. Негорелое прибыл эшелон с 1 500 военнопленными и 3 гражданскими пленными. По его прибытии 27 чел. больных были переданы в санчасть. До 3-х часов все были накормлены в поезде питания, ночевали в вагонах. Польский питательный пункт (как положено было по Соглашению) еще не был готов к приему пленников. В 15 часов следующего дня эшелон был отправлен в сторону Смоленска.

В это же время из России прибыл эшелон с польскими военнопленными в количестве 400 чел., который 19 марта в Орше пополнился и в 5 часов отбыл в Польшу уже в количестве 620 чел.

Второй эшелон с российскими и украинскими военнопленными из Польши отбыл из Барановичей на станцию Негорелое в 9 часов 21 марта в количестве 600 чел. Соответственно эшелон с польскими пленными был отправлен из Москвы 16 марта с 360 пленными и 27 заложниками на станцию Койданово. 26 марта шеф Польдеlegationи ПРУВСК проинформировал российскую делегацию о том, что отправлен новый транспорт из 500 пленников и 21 интернированных женщины с детьми. 30 марта прибыл четвертый эшелон с российскими военнопленными и с ними 13 интернированных, но общее количество не сообщалось, говорилось лишь о том, что из прибывших было 5 “партоварищей”, выделенных в отдельный список.

В целом начавшийся поток военнопленных с обеих сторон был довольно интенсивным, и советская сторона в начале апреля даже вынуждена была его приостановить на несколько дней. Но уже 4 апреля Комиссар Административного управления Западного фронта Носырев дал команду возобновить прием пленников, подготовив в Могилеве 500 мест и в Смоленске – 1 000 мест. 8 апреля в Негорелое прибыл очередной эшелон с 500 пленными, а 11 апреля на Украину в Здолбуново был отправлен транспорт из Польши с 665 пленными.

Следует подчеркнуть, что процесс обмена военнопленными происходил относительно планомерно, что нельзя сказать об обмене заложниками и гражданскими пленными. Составление списков, их согласование и в особенности их соблюдение вносили постоянную путаницу. Так, отправив второй эшелон с польскими военнопленными и 27 заложниками, советская сторона не получила соответствующего эквивалента с польской стороны, как было предусмотрено в отношении заложников и гражданских пленников по Соглашению о репатриации. В связи с этим зав. отделом Запада НКВД Якубович отдал распоряжение И. Иорданскому задержать отправку эшелона в Польшу. Но к тому времени поезд уже пересек российско-польскую границу.

Следует подчеркнуть, что Польша в процессе обмена делала упор в основном на отправку из России гражданских пленников и заложников и включала в списки наиболее состоятельных польских граждан. Что касается военнопленных, то польские власти торопили советские органы с отправкой польских офицеров из Тульского лагеря и интернированных из Сибири польских частей полковника Чумы.

23 июля Москва выразила протест Польше о нарушении польской стороной прав российских военнопленных в Польше, приводя 52 конкретных случая по этому поводу. В связи с этим была приостановлена отправка в Польшу контингента Тульского лагеря.

В свою очередь, польское правительство в депеше от 27 августа также обвиняло российскую сторону в том, что репатриация добросовестно не проводится в жизнь. “Советские власти, — говорилось в ней, — только для видимости держатся лояльно в отношении договора репатриации”. Польское правительство обвиняло советские власти в преднамеренном создании категории скрытых заложников, списки которых не доводились до сведения польских властей.

Полностью требования Польского правительства были сформулированы 18 сентября 1921 г. в специальной ноте поверенного в делах Польши в Москве Т. Филиповича. В ноте из 8 пунктов содержались в первую очередь требования “высылки в Польшу всех польских заложников, интернированных и гражданских пленных, бывших и настоящих”. Вторым требованием был “возврат всех военнопленных, находящихся на территории Европейской России”. Затем “отправка эшелонов с польскими военнопленными из Сибири”, а также освобождение лиц польской национальности от службы в Красной Армии, не исключая комсостава, санитарных и технических частей. Далее требования касались прекращения антипольской агитации и пропаганды среди репатрируемых.

Избрав тактику давления на РСФСР в вопросе репатриации, польское правительство как бы отвлекало внимание международной общественности от той ситуации, которая фактически сложилась с обменом к тому времени.

Советское правительство, со своей стороны, “убеждало” польскую сторону цифрами и фактами. Председатель Центроэвака РСФСР Пилявский еще в мае писал в Варшаву Е. Н. Игнатову для сведения Польской делегации в Смешанной комиссии, что за время до 15 мая из России отправлено 7 631, а из Украины 2 769 военнопленных поляков и 2 эшелона беженцев. Принят план репатриации на июнь до 28 000 чел. в месяц вместо 16 000, в том числе 6 тыс. военнопленных. Вместе с беженцами это составит более 30 тыс. чел. “Из чего вытекает необходимость, — указывал Пилявский, — увеличить до этой цифры число отправляемых из Польши красноармейцев” и открыть дополнительный обменный пункт. Кроме того, он просил сообщить точное количество имеющихся в Польше российских военнопленных.

16 июля 1921 г. Игнатов сообщил Пилявскому, что пока дать общее число военнопленных затруднительно, поскольку, мол, большинство членов Польдеlegationи в отпуске, и указал, что “комиссия условилась разгрузить в первую очередь лагерь в Стжалково, ввиду тяжелых там условий”. Всего в лагере к тому времени находились до 7 тысяч советских пленных, из которых свыше 200 чел. коммунисты и около 100 чел. комсостава. При этом Игнатов подчеркнул, что разгрузка лагеря поляки ставят в тесную связь с отправкой Тульского эшелона с офицерами.

Неделей раньше Е. Н. Игнатов уже информировал Наркома Г. В. Чичерина о трудностях в работе Смешанной комиссии, которые возникали часто из-за неуступчивости Председателя Польдеlegationи Ст. Корсака. Однако участие в работе заместителя председателя Польдеlegationи в Смешанной комиссии в Москве А. Зелезиньского, который хорошо знал ситуацию в России, привело к тому, что, как писал Игнатов, “сгущенная атмосфера стала рассеиваться” и польская сторона приняла некоторые меры к урегулированию наиболее сложных вопросов в жизни военнопленных. Объезд лагерей показал, что положение наших пленных было по-прежнему тяжелым. В июне всего отправлено 6 885 красноармейцев и 4 261 — остальных категорий, а по плану следовало отправить 10 тыс. С 28 мая по 15 июня не было отправлено ни одного эшелона из Польши, а по спискам обмен вообще не производился. Задержка с отправкой пленных из Польши была вызвана тем, что польская сторона специально задержала отправку.

“В общем, — отмечал глава РУД Е. Н. Игнатов в интервью польской газете “Варшавский голос” 2 июля, — в настоящее время можно считать, что Россия выслала не менее 80 тыс., получив до 40 тыс. человек”.

Нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин в ответной ноте поверенному в делах Польши Т. Филиповичу 22 сентября изложил советскую точку зрения на предъявленные Польшей требования. В ней говорилось, что поль-

ское правительство, “нарушая вопиющим образом Рижский Договор и подрывая всякую основу добрососедских отношений, в то же время ответило отказом на предложение Российского Правительства об одновременном выполнении к первому октября обеими сторонами требований, касающихся исполнения Рижского Договора”. Подчеркивалось, что польское правительство до сих пор не выполнило своего обязательства, вытекающего из Дополнительного протокола к Соглашению о репатриации от 24 февраля с. г. и до сих пор не вернуло Российскому правительству лиц согласно поименному списку в количестве 300 чел., вследствие чего произошла задержка отправки польских интернированных из России. В ноте констатировалось также, что Польское правительство задерживает прием беженцев из России из-за нежелания усилить пропускную способность приемных пунктов на границе.

Одновременно с этим Российское правительство выдвинуло ряд требований к Польскому правительству в отношении высылки из пределов Польши лиц, “причастных к организации бандитских и контрреволюционных нападений на Россию”, ареста и предания суду участников разбойничьих налетов на русскую территорию, перевода лагерей интернированных контрреволюционных армий подальше от российской границы и некоторые другие требования.

Правительство РСФСР, со своей стороны, пошло навстречу требованиям польской стороны и ускорило процесс увольнения из Красной Армии поляков, подлежащих репатриации. Реввоенсовет Республики издал специальный приказ № 2 577 об увольнении из армии польских военнослужащих в бессрочный отпуск. В начале ноября 1921 г. было созвано специальное совещание из представителей Центроэвака, НКВД, НКВД, ВЧК и Мобилизационного управления РККА, которое приняло простейший порядок как в вопросе эвакуации военнопленных поляков, так и освобождении их из Красной Армии и отправки на родину. Кроме того, Совет Труда и Оборона Республики образовал особую комиссию в составе представителей РСФСР, ВЧК под председательством представителя Центроэвака, которой поручалось разрешать на месте все вопросы по репатриации так называемых “военноотпускных”. Членом комиссии разрешалось “допускать отступления от установленных правил, руководствуясь соответствующими записями в красноармейских документах и данных личного опроса”. Это решение было вызвано тем, что на западных областях России скопилось огромное количество уволенных в бессрочный отпуск бывших военнослужащих поляков.

Добиваясь различными способами отправки из России “желательных” польских репатриантов, Польша вместе с тем затрудняла работу Смешанной комиссии на польской территории по отправке советских военнопленных. Членам РУД ставились препятствия в предоставлении возможности посещать лагеря и тюрьмы, где принимались заявления и жалобы от пленных и заложников. Под различными предлогами польская сторона старалась не допустить членов РУД осуществлять свои функции в этом вопросе. 3 сентября в очередном сообщении в Москву Игнатов отмечал, что “очевидно, поляки хотят по возможности скрыть неприглядную и тяжелую картину жизни красноармейцев. Мои протесты, — отмечал он, — против проволоочки существенного влияния, вероятно, не окажут, т.к. поляки в связи с поднятой нами энергичной кампанией против избиений начнут затруднять доступ наших уполномоченных в лагерь к интернированным”.

Все же в начале сентября 1921 г. Российско-Украинская делегация в Смешанной комиссии добилась очередного посещения лагерей и тюрем. Однако объехать все лагеря уполномоченным не удалось, так как польская сторона к концу посещения все больше и больше “придиралась ко всякому пустяку”. Перед посещением лагеря в Стржалково поляки заявили, что ни в коем случае не допустят, чтобы члены РУД получали письменные заявления и жалобы непосредственно от пленных и интернированных. Такое же требование они выставляли и при посещении лагеря в Домбе, но после полуторадневного препирательства поляки все же уступили, и члены РУД беспрепятственно получили в Домбе все заявления от пленных и интернированных. В лагере же Стржалково требования членов российской делегации в этом вопросе не были удовлетворены.

Требования Российско-Украинской делегации были вполне законными и не противоречили Соглашению о репатриации и постановлениям, принятым

на заседаниях Смешанных комиссий в Варшаве 8 июля и в Москве 7 мая 1921 г., которые давали такие права членам делегаций.

Во время объезда лагерей представители РУД посетили лагеря в Бресте, Ковеле, Львово, Домбе, Щипиорно и Ланцуте. Не были осмотрены лагеря в Стржалково и Тухоли. Это были как раз самые неблагополучные лагеря российских военнопленных, поэтому была вполне понятна позиция польских властей, стремившихся не допустить их осмотра.

Во время неудавшегося осмотра лагеря в Стржалково членам делегации стало известно, что с последним эшеломом поляки, с согласия председателя Польдеlegationи Ст. Корсака, хотя и с большим опозданием, но все же отправили из этого лагеря командный состав и “коммунистический барак” с более чем 200 чел., за исключением 22 пленных, которые были переведены в лагерь в Домбе.

Объезд лагерей имел в целом положительную сторону, а именно позволил ускорить отъезд в Россию военнопленных и интернированных. “В настоящее время, – сообщал Игнатов в очередном письме в Москву, – уже отправлено до 70 тыс. чел. и осталось около 10 тыс., которые в сентябре должны быть отправлены в Россию”. Что касается интернированных, то только в лагере в Домбе их было свыше тысячи. Среди них большое число составляли крестьяне, частью неграмотные, взятые поляками как представители местных комитетов власти или за то, что их сыновья служили в Красной Армии, а частично и вовсе без всяких поводов.

Надежды оставшихся в Польше российских и украинских военнопленных и интернированных на отправку на родину в сентябре не оправдались. Процесс продвигался медленно, с большим трудом. Польская сторона создавала все новые и новые препятствия на пути обмена.

11. Печальные итоги

Чем ближе к завершению шел процесс обмена военнопленными, тем острее и труднее он проходил. Во второй половине декабря в польском лагере Стржалково произошли трагические события. В ночь с 18 на 19 декабря дело дошло до стрельбы по баракам, в результате чего был ранен красноармеец Калита Корней. Дело в том, что заключенным запретили выходить из барачных после 6 часов вечера, а туалетов в бараках не было. Выходящих пленных избивали специально следившие за этим польские солдаты. “До настоящего времени, – говорилось в ноте полномочного представителя РСФСР в Варшаве Л. Карахана правительству Польши 5 января 1922 г., – в лагере происходят ежедневные надругательства над личностью пленных. Избиения военнопленных составляют постоянное явление, и нет возможности регистрировать все эти случаи. РУД в целом ряде отношений приводила длинные списки избитых пленных. Все эти избиения не только остаются безнаказанными, но до настоящего времени не опубликованы, вопреки постановлению Смешанной Репатриационной Комиссии, приказ от 6 августа 1921 г., запрещающий бить пленных, и таким образом тормозится борьба с этим преступным отношением к военнопленным”.

В целом к концу 1921 г. процесс обмена хотя и замедлился, но не останавливался. Общее количество оставшихся военнопленных и интернированных в обеих странах было примерно равным. Польские власти очень следили за отправкой эшелонов из Сибири, а также арестованных поляков, находившихся в основном в тюрьмах Европейской России. Советская сторона тоже стремилась получить оставшихся в концентрационных лагерях военнопленных и освободить многих арестованных политических деятелей. По имеющимся к тому времени в РУД данным, к ноябрю 1921 г. в Польше осталось 1 602 военнопленных. Из этого количества 12 ноября было отправлено 472 чел. и были готовы к отправке 257 чел. из лагеря Тухоля, в том числе 161 чел. комсостава. В лагере Стржалково в то время находилось 649 чел., из которых 386 чел. были военнопленные, 200 интернированные, 49 женщин (16 из них фактически военнопленные – бывшие медсестры, санитарки) и 11 детей, в большинстве с родителями. Кроме того, 224 пленных находились в Ровно. Таким образом, по состоянию на 12 ноября 1921 г. в лагере Стржалково находилось 873 чел. В лагере в Домбе военнопленных не было. Отправку оставшихся пленных из Стржалково и Тухоля поляки связывали только с прибытием си-

бирских эшелонов с интернированными. В течение нескольких дней в Польшу были отправлены три сибирских эшелона с интернированными, за что в качестве компенсации в Россию выехали 472 военнопленных. 22 ноября в Москву из Сибири для следования в Польшу прибыли еще 4 эшелона, в составе которых было более 2 тыс. интернированных поляков.

К 10 января 1922 г. в польском лагере Тухоль еще оставались российские военнопленные. Однако к апрелю 1922 г. уже ни одного военнопленного красноармейца в польских лагерях не было. Смешанная комиссия по репатриации могла бы закончить свою миссию, однако работа продолжалась в основном по персональному обмену, а затем и по репатриации изъявивших желание вернуться на родину солдат бывшей царской армии и амнистированных военнослужащих частей белой армии. 3 ноября 1921 г. Президиум ВЦИК РСФСР принял Постановление об амнистии отдельным категориям военнослужащих, находящихся за границей и желающих вернуться на родину. Постановление касалось полной амнистии участвовавших в военных организациях Колчака, Деникина, Врангеля, Савинкова, Петлюры, Булак-Балаховича, Перемыкина и Юденича «в качестве рядовых солдат, путем обмана или насильственно втянутых в борьбу против Советской власти» и находящихся в Польше, Румынии, Эстонии, Литве и Латвии. Амнистированным предоставлялась возможность вернуться в Россию на общих основаниях с возвращающимися на родину военнопленными. Затем 10 февраля 1922 г. Председатель ВЧК издал приказ о порядке применения амнистии ВЦИК к бывшим белым офицерам, по которому отдельные категории военнослужащих офицеров также подлежали амнистии.

Что касается российских и украинских военнопленных, то из общего их числа более чем 150 тыс. на родину вернулось около 80 тыс. Около 60 тыс. умерли в лагерях и тюрьмах из-за болезней и нечеловеческих условий существования. В ноте Наркома иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина от 9 сентября 1921 г. уже приводилась цифра в 60 тыс. умерших, и в очередной ноте от 24 ноября того же года поверенному в делах Польши в РСФСР подчеркивалось, что «перед подобными цифрами все упреки и претензии польского правительства по данному вопросу отпадают без дальнейших доказательств».

Прошло не одно десятилетие с 1940 г. до признания советской стороной ответственности за гибель польских офицеров в Катыни, а также интеллигенции, государственных, общественных и политических деятелей, и мы вправе ожидать этого же и от польской стороны, тем более что со времени гибели российских военнопленных в польских лагерях прошло гораздо больше времени.

АНДРЕЙ УБОГИЙ

ХАЙРЕ! — РАДУЙСЯ!

I

Греция сверху. Эвтимеос и Лазарь. Предместья Афин. Олеандры. Эгейское море. Мотоциклисты. Вино. Гречанка Варилопуло. Акрополь. Холм Ареопага.

Вид на Грецию сверху, с высоты десяти тысяч метров, уже вызывает в душе безотчетную радость. Внизу архипелаг Северные Спорады — и облачность, закрывавшая от нас Турцию, как раз кончилась. Видно бирюзовое, солнцем залитое море, по которому разбросаны четкие, словно отштампованные, буровато-зеленые острова. К такой резкости черт и полуденной яркости красок наш русский взгляд пока непривычен — размытость и полутона нам понятнее, ближе, — но понемногу, любуясь греческими островами, становишься как бы другим человеком: по-южному резким, горячим, живым.

Белые теплоходы заметны даже с большой высоты — а скоростные катера, сами невидимые, оставляют за собой пенные, хорошо различимые сверху, усы. Интересно, что море в кильватерных струях судов всегда более светлое: густая сине-зеленая бирюза превращается в бледно-небесного цвета лазурь. Недаром же написал Лермонтов: *“Под ним струя светлей лазури...”*.

Не успеваешь налюбоваться на Грецию сверху, как самолет начинает снижаться к Афинам. Четверть часа уходит на паспортный контроль и получение багажа — и вот мы знакомимся с гидом, который будет сопровождать нас всю греческую неделю. Высокого художавого парня зовут Эвтимеосом. Его живой взгляд приветлив, а его русский почти безупречен. Похоже, с гидом нам повезло — как повезло и с водителем Лазарем, смуглым крепышом лет 50-ти. Они с Эвтимеосом подшучивают друг над другом, смеются — и в автобусе устанавливается атмосфера непринужденного веселья.

Тем временем катим по восточным предместьям Афин. Пригороды всех больших городов друг на друга похожи: что Афины, что Тула или Москва полны пыли и рева машин. Однако разница есть: олеандры. В Афинах вдоль улиц тянутся насаждения дикого лавра, сплошь увитые белыми либо розовыми цветами. Это очень красиво, но Эвтимеос предупреждает: *“Олеандры не трогать и даже не нюхать — они ядовиты!”* Впрочем, губительность красоты — это слишком избитая тема, чтобы развивать ее в этих кратких заметках.

Мы поселились в отеле под названием *“Феникс”* — и я тороплюсь на Эгейское море, купаться. Оно совсем рядом: пересечь только шумную, в остервенелых машинах, дорогу. Городской пляж многолюден, и зрелище тел, рас-

пластавшихся под полуденным солнцем, как и всегда, удручает. Древние эллины, те еще как-то пытались сделать мышцы тугими, движенья пластичными; нам же, теперешним — кажется, лучше б и вовсе не раздеваться.

Но море есть море. С облегченьем ложусь в его теплую синь и, гребок за гребком, отдаляюсь от берега. Море очень соленое, и вода щиплет пересохшие губы; но эти соленые поцелуи Эгейского моря чем-то даже приятны. Вода чистая, теплая: кажется, можно плыть бесконечно.

Минут через двадцать выхожу на песок, в гомон пляжной толпы, надеваю майку и шорты на мокрое тело и иду поискать: где бы выпить вина? Пять, десять минут шагаю обочиной шумной дороги, идущей вдоль моря, но не нахожу ничего, похожего на кафе или магазин. Мимо, один за другим, проносятся мотоциклисты: их вообще очень много в Афинах. Чаще всего за рулем сидит парень в “косухе”, гордо расправивший плечи, а к его спине припадает условно одетая девушка. Эта мотоциклетная пара пронесется с ревом, в угарном дыму, как некий мираж мегалополиса — а им, молодым, промелькнувшим видением кажешься как раз ты, бородатый и лысый мужик на обочине.

Добрел, наконец, до бензоколонки, где был магазинчик. Взял бутылку местного красного, сел за столик в тени, отхлебнул два приличных глотка и вот только теперь ощутил: я в Элладе... Возможно, вы скажете: экий ты, братец, хитрец — да с вином-то любой ощутит себя где угодно, хоть на Луне. Отчасти, конечно, вы правы. Но, с другой стороны: где взять в Калуге вот эту морскую лазурь, которая словно стекает по мачтам толпящихся в бухточке яхт, этот стрекот цикад, слышимый даже сквозь непрерывный гул трассы, этот зной, эти резкие тени акаций и пальм на горячем асфальте? То превращение из обитателя севера в жителя юга, которое началось еще в самолете — оно вполне обозначилось только здесь, за бутылкой вина, в шумном пригороде Афин.

Но всего удивительней был эффект дежавю, то есть чувство, что я здесь уже был. Все то, что я видел впервые — мачты яхт, море, сухие холмы вдалеке — оно вовсе не было мне незнакомым. Если б я верил в метемпсихоз, то сказал бы, что в прошлой жизни я был, без сомнения, греком. Впрочем, в каком-то смысле так оно и есть: среди моих прямых предков, в пятом все-го поколении, была настоящая гречанка.

Эта история стоит того, чтоб ее рассказать. Где-то в первой трети позапрошлого века (Пушкин еще не закончил “Онегина”) на окраине курского села Выгорное, где тогда жили мои предки по матери, появилась молодая черноволосая женщина, имевшая при себе только свернутый в трубку ковер да кофейник. Она шла откуда-то с юга и была совершенно измучена жаждой, усталостью, зноем. В крайней хате села странница попросила напиток. Кто-то из крестьян Герасимовых дал ей воды, потом пустил в хату переночевать — а потом и женился на смуглой красавице, едва знавшей по-русски несколько слов. Фамилия этой загадочной странницы была Варилопуло*, а то время как раз совпадало с борьбой греков против турецкого ига — то есть появление греческих беженцев в южных российских губерниях было вполне объяснимо. Так вот и случилось, что к русым кудрям моих курских предков оказалась подмешана греческая чернота. Даже в моей родной бабушке Марии Денисовне (правнучке этой гречанки) была явно заметна нерусская, южная кровь: прямые черные волосы, чуть смугловатая кожа, черты лица правильно-резкие, очень красивые.

Не забудем еще и о том, что Греция — родина русского православия; а если брать шире — то и родина всей европейской цивилизации. Так что, помимо кровных, еще и духовные узы соединяют меня с этой древней землей. Мы здесь — во всех смыслах слова — на родине...

...Вечером, уже в густеющих сумерках, трамвай вез нас к центру Афин. За стеклом, как в калейдоскопе, складывались и распадались огни красно-синие-зеленых реклам, проплывали машины, деревья, дома и шагавшие люди. Но все это воспринималось как нечто миражное — словно сон, еще только мечтающий о своем воплощенье.

И вдруг, надо всей нереальной, плывущей в ночи, пестротой, взгляду открылось нечто настолько знакомое — что нас всех, туристов, пригнуло к окну

* “Варилопуло” — “большая бочка”. Видимо, виноделие (или, может быть, винопитие?) было не чуждо моим греческим предкам.

и исторгло единый и радостный выдох: “Акрополь!”. На холме, в ореоле подсветки, парил колонны и стены, немного был виден фронтон Парфенона, и все это нам показалось до боли родным. Согласитесь: архитектура классической Греции нам знакома не только по школьным учебникам. Имперское зодчество нашей советской эпохи копировало именно античные образцы. Любой дом культуры или кинотеатр в любом захудалом поселке страны возводился по образу и подобию Парфенона: треугольный фронтон и колонны были столь же привычны эпохе, как красное знамя или улица Ленина.

Пройти на Акрополь нельзя, уже поздно – и мы идем вокруг холма, по улице под названием Перипат. Именно здесь бродили, беседуя, философы-перипатетики. Сейчас здесь туристы, запоздалые торговцы сувенирами да на показ обнимающаяся молодежь. Ступени ведут наверх, на какую-то каменную скалу: там слышен смех, переборы гитары.

Поднимаемся. Внизу море афинских огней, над нами – парящий в подсветке Акрополь; а вокруг, на теплых камнях, расположились компании разноразличной смеющейся молодежи. Но что это за место? Открыв карту путеводителя, соображаю: это же Ареопаг, холм суда – то самое место, где осудили Сократа! Значит, именно здесь совершалось печально известное это судилище, здесь считали бобы – и черных оказалось всего штук на тридцать больше, чем белых, – здесь Сократ произнес две свои знаменитые речи, здесь он, на прощанье, сказал: “Ну, что ж, афиняне: вам пора отправляться жить, мне – умирать, а что из этого лучше, еще неизвестно...”.

Спустившись с холма, идем дальше. Внизу темнеет агора; справа небольшой храм, на котором написано: “Метаморфозис”. Он восхищает и грубою кладкой, и низким куполом с православным крестом, и всем своим древним, приземистым видом.

На улочках старого города пахнет кофе и жареным мясом. Из дверей таверн звучит музыка; в раскрытые окна нам видно, как развеселые посетители пытаются танцевать сиртаки. Ночь так хороша и нежна, она так волнует, что на месте сидеть невозможно: ноги сами несут сквозь тесноту кривых улиц, сквозь запахи кофе и звуки бузуки (гибрида гитары и банджо), сквозь длящийся праздник ночных, полных жизни, Афин...

Возвращались последним трамваем. Усталость брала свое, и то, что мелькало в трамвайном стекле, вновь представлялось какою-то странною смесью яви и сна. Огни, лица, надписи, снова огни – все это зыбко дрожало, сливаясь друг с другом и вновь разрываясь, все таяло и расплывалось, теряло привычные формы. “Все течет, все течет...” – словно кто-то назойливо, в сонной твоей голове, повторял знаменитую формулу Гераклита. Диалектика сна казалась сильнее метафизики яви, и ты уже не был уверен: действительно ты был сегодня в Афинах – или это всего лишь приснилось тебе?

II

Пирей. “Царица небесная”. Море и острова. В порту Идры. Храм на острове Эгина. Народные танцы. Греческое небо. Боги и герои.

Утром, пока еще нет больших уличных пробок, едем в Пирей, афинский порт. Пирей – это город, теснящийся к морю; и это громады домов – белых, многоэтажных, красивых – которые, при ближайшем рассмотрении, оказываются не домами, а морскими судами. Всех огромней паромы, которые ходят в Италию. Это что-то невообразимое по высоте и длине, по тому многолюдью, какое шумит на их многочисленных палубах.

Наш теплоход, к счастью, меньше: всего-то три палубы. Зато называется он – только не смейтесь – “Царица Небесная”. Как потом оказалось, в Греции это традиция; я видел корабль, называвшийся просто: “Христос”.

На “Царице Небесной” – всякой твари, как говорится, по паре. Итальянцы и англичане, французы и греки, японцы и американцы – весь мир оказался представлен на нашем ковчеге. Вон там “пшекает” Польша; там пьет водку швед с рыжей шкиперской бородой; а вон там, похоже, испанки: четыре старухи, одетые в черное, вот-вот, кажется, встанут и застучат каблуками, танцую фламенко. Обходить палубы и рассматривать корабельную публику было так интересно, что я не заметил, как мы отчалили. Громады судов, об-

ступавшие нашу “Царицу”, сместились к Афинам, к их белеющим до горизонта домам – а моря и ветра вокруг стало больше. Я поднялся на верхнюю палубу и долго смотрел, как форштень отваливал маслянисто-густую, сливового цвета, волну. Солнце жгло, встречный ветер был сух и горяч. Чайки вились, кричали и падали к пенной струе за кормой. Для полного счастья не хватало лишь чашечки кофе; я взял в баре “метрос эллиникос”, то есть средне-сладкого кофе по-гречески – и затем долго, блаженно сидел под навесом на палубе, глядя в море, на чаек и на острова, и медленно перетирая в зубах кофейную горьковатую гущу.

Острова здесь повсюду: пустого, безбрежного моря увидеть нельзя. Есть острова совсем маленькие – вроде того, что сейчас проплывает по правому борту: кроме чаек да ящериц на нем, похоже, никто не живет – и есть острова посolidнее. Например, Саламин – вон вдали возвышается его бурый, скалистый, обветренный берег. Острова породили особую – вот именно, что “островную” – психологию древних эллинов. Жить на острове означало вести самобытную жизнь. Та идея города, как самоуправляемой и самодостаточной единицы, к которой европейская цивилизация шла веками – она была дана грекам уже изначально, самим их землеустройством, самим разделением их мира на обособленно существующие острова. Ведь даже, живя в коллективе, в своем роду-племени, грек всегда создавал: он в этом обществе тоже является островом, некоей особой и самодостаточной единицей – точно так, как любой, даже самый маленький остров Эгейского моря является необходимою частью огромного Архипелага. Все, что дали нам древние эллины, все, что они породили – а они породили, придумали и сотворили едва ли не все, чем живет наш теперешний мир, – вышло именно из островной психологии, из ощущения себя, человека – отдельной, пускай даже малой, но необходимою частью огромного мира.

Не вдаваясь в подробности и оговорки, можно сказать коротко: греки сделали ставку на личность. В сущности, все человечество, от ветхозаветных времен до сегодняшних дней, можно делить на две части: на человечество личностей – и человечество масс. Первая – это античные греки и порожденная ими цивилизация Запада, вторая – Восток. Это вовсе, конечно, не значит, что Запад всегда, однозначно, хорош, а Восток всегда плох; современный-то Запад как раз не выносит высокого бремени личностного существования. Но это слишком серьезная тема; тут без бутылки, как у нас говорят, не разберешься – куда уж пытаться сейчас, с этой маленькой чашечкой кофе?

Солнце все выше. Небо становится все более бледным и плоским – зато море, напротив, все гуще, лиловей: в тени под бортом оно почти черное. Народ жметя в тень полосатых навесов, пьет фраппе (кофе со льдом), отдувается, млеет, потеет. Любуюсь на двух негритянок-подруг: обе черны, как сапожная вакса, но одна так худа, что похожа на черный скелет, а другая настолько толста, что вот-вот, кажется, лопнет. Соединить бы вас, думаешь, вместе, да потом поделить пополам – какие бы вышли красотики! Но, по поговорке, Бог и деревья в лесу не сровнял...

Приближается остров Идра, наш первый сегодняшний пункт остановки. Издалека он казался пустынно-скалистым. Но, как-то вдруг, из-за скального мыса открылся порт Идры: ослепительно-белые домики под черепичными красными крышами, которые облепили склон бурой горы, а в бухте – скопленные лодки и яхты, чьи мачты цветом качались на фоне пронзительно-синего моря. Эти три цвета – синий цвет моря, красный цвет черепицы и белый цвет домов – были настолько нарядны и райски-свежи, что вся корабельная публика тотчас вскочила, столпилась у левого борта, и затворы фотоаппаратов захлопали, словно аплодисменты.

Часа полтора мы бродили по райскому острову. Поднимались и опускались по улочкам-лестницам, сворачивали в проулки, фотографировали кошек, осликов и голубей, чей воркующий стон выражал как бы самую суть нашего собственного отношения к острову Идра: восхищение, для которого не доставало привычных, обыденных слов. Что такое полтора часа? Казалось, не только всю жизнь, но и целую вечность можно провести вот на этих ветвящихся улочках, то тенистых, то залитых солнцем – или внизу, в сложном гомоне порта, в тени полосатых маркиз, где свежо пахнет морем и кофе.

Даже к “Царице Небесной”, и то уходить не хотелось. Но все же, в положенный срок, мы отчалили – и остров Идра остался в душе как еще один об-

раз рая, как то заветное место, которое будет еще появляться в мечтах или снах.

Стоянка на следующем острове, Поросе, была скоротечной. Увидели башню с часами, цветущие заросли кактусов да берег Пелопоннеса: он совсем рядом, за узким проливом.

А вот на острове Эгина мы задержались подольше. Сначала пошли в храм Николая Чудотворца, покровителя моряков и крестьян. Церковь приземиста и коренаста, совсем как у нас, в южнорусских краях; но во дворе растут не березы, а пальмы и эвкалипты. Внутри храм пуст, гулок, сумрачен. Удивили стоящие посередине кресла для прихожан и резной трон митрополита. Но, в целом, дух храма был именно наш, православный, родной: лики икон и лампы, библейские росписи стен, запах ладана, золото алтаря...

По возвращении на “Царицу Небесную” нас ждал фольклорный концерт. О греческих танцах надо сказать особо. Танцор одет в юбку и туфли с помпонами. Смотрится это довольно потешно, но во всем есть практический смысл. Юбка для горных народов привычнее и удобнее брюк (вспомним шотландцев); а помпоны на туфлях, изначально подшивавшиеся для тепла, позднее служили тайником для ножей: грекам, так долго жившим под властью турко-османов, носить оружие запрещалось.

Возможно, что это же самое четырехсотлетнее иго османов, которое пало лишь в XIX веке, сформировало характер и греческих танцев. Ведь танец можно рассматривать как конспект исторической жизни, как краткое изложение, в ритме и жесте, побед и трагедий народа. Каков греческий танец? Поначалу это медленно-сонное, как бы подавленное, движение – словно попытка очнуться, ожить, сбросить нечто гнетущее – а потом бурный, радостный взрыв! Впрочем, описывать танец – дело почти безнадежное. Надо его если уж не танцевать самому – то хотя бы смотреть, хотя бы ладонями и каблуклами отбивать его страстный и радостный ритм...

Уже вечером, возвратившись в Афины, мы после купания в море сидели на пляже и любовались на звезды. Они здесь сочные, крупные: похоже, на звезды, как и на виноград, благотворно влияет тепло средиземного юга. И они висят очень низко: кажется, подними только руку – коснешься живой, перезрелой звезды...

Да, близкое небо – вот один из ключей, открывающих нам психологию древнего эллина. Небо, обитель богов, было именно своим, доступным: это же удивительный, если вдуматься, факт. Боги греков свободно сходили на землю, общались с людьми – но и люди могли подниматься на небо. Так, герой аристофановской комедии “Мир” прилетает к богам на навозном жуке – и это всех очень смешит, но никого особенно не удивляет.

Сближая себя, свою жизнь с олимпийцами, греки не то чтобы принижали богов – нет, божества оставались, как им и положено, божествами, – но люди зато возвышали себя. Наверное, этим и объясняется то, что гармоничный человек, насколько вообще он возможен в реальности, был явлен именно в Греции. Слова “он не умеет ни читать, ни плавать” означали в устах древних греков непроходимо-тупого невежду, человека, бездарного умственно и физически, антипода тому олимпийскому идеалу, стремиться к которому было долгом любого мало-мальски порядочного человека и гражданина.

Близость греков к их олимпийскому небу, наделенные богами человеческими чертами, отсутствие резкой и непроходимой границы между миром богов и миром людей породило еще одно следствие. Речь о героях, о тех, кто рожден земными женщинами от бессмертных богов. Античный герой, понятно, не бог – но уже не вполне человек. С одной стороны, герой смертен и проигрывает богам в прямом состязании; но, с другой стороны, герой всегда может расти, совершенствоваться, побеждать сам себя – в нем скрыта та сила саморазвития, которой не обладают статичные боги. Герой, так сказать, интереснее бога, в его личности есть динамика и драматизм, в нем больше жизни и тайны.

Через героев небо как бы породнилось с землей и стало действительно близким. В каком-то смысле именно греческое мифотворчество психологически подготовило души людей к новой эре, к рождению Христа. Ведь Христос, по понятиям древнего эллина – настоящий герой, то есть сын Бога и земной женщины. В этом смысле Древняя Греция – духовная родина христианства не в меньшей степени, чем Древняя Иудея. Недаром же то православие, кото-

рое позже пришло и в Россию, является, по выражению богословов, “эллинистическим христианством”.

III

Элевсиний. Мегары. Коринфский канал. Диоген и его потомки. Дорога над морем. Театр Эпидавра. Терапия трагедией. “Хайре!”.

Сегодня мы едем на Элевсиний. В древности в этих местах совершались Элевсинские таинства в честь богини Деметры. Теперь здесь нефтяные заводы: сакральное снижено до прагматического.

Справа – лимонные и апельсиновые рощи, слева – остров Саламин. Вот именно в этом проливе, в 480 году до н. э., греками был уничтожен флот Ксеркса. Все здесь когда-то гремело от криков, ударов и треска ломаемых весел, и вода была красной от крови. . .

Проезжаем Мегары, город пьяниц, обжор и любителей роскоши. Говорили: “Мегарцы объедаются каждый день так, будто им завтра умирать”. Сейчас это тихий, маленький городишко, и особенной роскоши что-то не видно.

А вот и Коринфский канал. Зрелище, право же, стоит того, чтоб покинуть автобус и с моста, не спеша, оглядеть это грандиозное творение человеческих рук. Шестикилометровый перешеек, на котором “висит” полуостров Пелопоннес, словно разрезан гигантским ножом: щель шириной метров сорок и глубиной около ста (!) прошла через скалы, соединив Ионическое море с Эгейским. Интересно, что сказал бы мудрец Диоген, обитавший неподалеку, в Коринфе – если б ему показали сие рукотворное чудо? Что одним островом в Греции стало больше (ибо Пелопоннес теперь, говоря строго, остров), но что эллинам надо бы заботиться не об умножении числа островов (их и так много) – но об умножении числа настоящих, достойных людей? “Ищи человека!” – сказал бы, возможно, мудрец.

Пока остановка – поговорим еще о Диогене. Похоже, что именно он, сын фальшивомонетчика из Синопа – самый знаменитый из философов Греции. Если спросить какого-нибудь нерадивого, но смышленного современного школьника: “Знаешь ли ты хоть одного древнегреческого мудреца?” – он, скорее всего, ответит: “Как же, знаю! Ну, этот. . . который жил в бочке!” То есть Диоген выражает собой архетип мудреца, образ философа как такового.

А что же он сделал такого, чтобы настолько прославиться? Ведь уже современники сознавали, какой удивительный человек живет с ними рядом. Когда хулиганы-мальчишки разбили пифос, бочку философа, то мальчишек поймали, торжественно высекли, а Диогену, на средства коринфской казны, купили новую бочку.

Говоря коротко, Диоген попытался освободить человека ото всего лишнего. И в этом безжалостном эксперименте (поставленном, что особенно важно, над самим же собой) он показал нам: человек не сводится ни к телу, со всей его физиологией, ни к еде и одежде, ни к каким-либо условиям и условностям быта, ни к социальному положению, ни к общепринятым нормам морали (пренебрежение общепринятым – одна из основ философии киников) – но человек есть особая сущность, невыводимая из условий материального мира и способная быть независимой ото всех этих материальных условий. То есть Диоген произвел вычитание из человека – всего, что не есть человек.

По сути, бунт Диогена – это великий бой за человека, бой за его честь и достоинство. Мудрец добровольно принял на себя три условия самого страшного наказания и проклятия, какое только могло пасть на эллина – “жить без общины, без дома и без отечества”. Вместо общины, отечества, дома мудрец избрал плащ, котомку и посох; но при этом он оставался человеком поразительной цельности. Лишившись всех внешних опор, он обрел их внутри себя самого. Знаменитый его разговор с Александром Великим – “Диоген, проси, чего хочешь!” – “Отойди, не загораживай солнца. . .” – это же образец отношений свободного человека с носителем власти; и недаром сам Македонский воскликнул: “Не будь я Александром – я хотел бы быть Диогеном!”

У Диогена, как это ни странно, оказалось немало наследников. “Рожденный богом” (именно так переводится его имя) сам породил мировую тради-

цию опрощения и нонконформизма. Так, движение хиппи середины XX века, с их славным девизом “All you needs is love” – лишь один из наиболее ярких примеров реинкарнации идей Диогена в новейшее время. А наша российская жизнь? Она же на каждом шагу рождает диогеновские сюжеты. Каждый из нас – стоит выйти из дома – ежедневно встречает Диогенов-бомжей, которые, за неимением пифосов, коротают ночи в подвалах, на чердаках или в коллздах теплоцентралей – а с наступлением дня выползают на наши “агоры”, туда, где толчется народ и где, стало быть, есть возможность раздобыть себе пищу. Конечно, интеллектом они послабей своего знаменитого предка; но ведь и условия жизни у них куда жестче. Еще неизвестно, как бы Диоген размышлял, как бы спорил с Платоном или беседовал с Александром Великим – переживи он хотя бы одну среднерусскую зиму.

Не только бродяги-бомжи, но и весь русский народ несет в себе, можно сказать, генетический культ Диогена. Почтенье и жалость к юродивым, нищим, убогим есть национальная особенность русских – столь же непонятная прагматичному Западу, как и вообще “загадочная русская душа”. Для западного человека юродивый, нищий, бродяга есть всего лишь ошибка социума, неудачник – “отброс от общества”, как выражалась моя покойная бабушка. В традиционном же русском – то есть православном – сознании именно нищий, бродяга, юрод есть человек, Богом избранный, тот, кто живет у Него на ладони – и поэтому он стоит выше социально успешных и внешне благополучных людей. Разница, согласитесь, огромная. И ныне, когда прагматическое западное сознание все более искажает исконный наш взгляд – мы, русские, почти уж готовы считать и самих себя некоей ошибкой природы, “отбросом от общества”, какими-то вечными “лузерами”. Помогает – спасибо ему! – Диоген. Здесь, в Греции, я твердо знаю и чувствую, что русскому нашему взгляду на мир, на убогих людей, на богатство и нищету – как минимум, две с половиною тысячи лет.

Дорога ведет нас на юг, по восточному краю полуострова Пелопоннес. Шоссе вьется над морем, по лесным склонам гор. Одна за другой открываются панорамы заливов: “Разрывы круглых бухт, – как писал Мандельштам, – И хрящ, и синева, И парус медленный, Что облаком продолжен...”. Созерцая все это – синеву моря и паруса облаков, уют греческих бухт – осознаешь, что идея гармонии, меры – то есть то главное, на чем выросла античная цивилизация – была дана грекам самой природой, была им внушена самим ритмом вот этих холмов и заливов, и мерным гекзаметром бьющих о берег полуденных волн...

Приближается Эпидавр, место рождения бога Асклепия, главного лекаря античного мира. Бедняга рос сиротой – мать его умерла, отцу, Аполлону, было не до прижитого между делом мальчишки – лишь коза да собака растили того, кто в дальнейшем сумеет лечить саму смерть. Вот на этом холме он и рос: коза его кормила, собака стерегла.

Самое яркое впечатление от Эпидавра – античный театр. Он составлял как бы единый комплекс со святилищем бога Асклепия, с той общеэллинской клиникой, куда приходили и приезжали за исцелением со всей Греции. Именно театр был первым шагом на пути восстановления духовного и физического здоровья. Терапия трагедией – то, что нам с вами непросто понять и представить – органично входила в жизнь эллинов и помогала им сохранить гармонически-светлое отношение к миру. До нас дошло только слово “катарсис”, которое означает, по Аристотелю, “очищение души через ужас и сострадание”.

Как же все это происходило? Вот мы сидим на краю громадной каменной чаши, на верхнем ряду – и слышим, как хрустят камушки под ногами у тех, кто расхаживает внизу: акустика, в самом деле, здесь поразительная. Вон там, внизу, была сцена, палатка для переодеваний – из которой, на высоких котурнах и в ярко раскрашенных масках, выходили актеры. Они нараспев, завывая, читали свои монологи – а хор гудел грозно, неотвратимо, и в скорбном гуденье его греки слышали голос судьбы...

Трагизм театрального действия был порою предельным. Вот, скажем, “Медея” Еврипида. Уж как ни накручивай страсти и ужасы современный нам театр и кинематограф, но додуматься до того, чтоб одержимая ревностью женщина, стремясь досадить изменившему мужу, жестоко убила не только соперницу и ее отца, но и собственных детей – раздуть угли трагедии до та-

кого пожара мы с вами вряд ли способны. Дело даже не в том, что у нас не хватит на это воображения — у нас не хватит на это психического здоровья. И драматург, и актеры, и зрители должны быть достойны трагедии — иначе вместо терапевтического эффекта наступит эффект разрушительный. И должна быть особого рода драматургическая культура, должна жить традиция театра, не потакающего прихоти публики — но возвышающая зрителя до высот сострадания и очищения.

Удивительно, но такой театр, такая традиция живы — еще и за это земной поклон грекам. И если кто-то желает почувствовать дух того, архаически-древнего, театра, желает понять, как трагическое способно лечить, желает почувствовать, что такое катарсис — ему нужно идти на церковную службу. В самом деле: что происходит во время храмовой службы — если смотреть на нее не с церковно-мистической, а с драматургической стороны? Священник и хор повествуют нам о страдальческой жизни Христа — но ведь это подобно тому, как актеры античного театра вели рассказы о подвигах и страданиях героев, рожденных земными женщинами от богов. Содержание действия страшно: смерть пожирает все то, чем мы так дорожим. Но, по мере того, как мы причащаемся грозному миру трагедии, по мере того, как сердца очищаются ужасом и состраданием — оживает и крепнет уверенность в том, что смерть не всесильна, что время не властно над человеческой, укрепленной страданием, душой.

И, конечно, лишь только в таком причащении трагическому человек и способен быть истинно счастлив. Недаром же и само слово “с-частье” означает именно “при-чащение”, соединение с тем, что и больше, и выше, и значимей нас. Вот это и есть терапия, вот это и есть настоящий катарсис; любое другое лечение, которое может нам предложить медицина и которое сводится, по преимуществу, к ремонту неотвратимо ветшающих тел — это все только паллиатив.

Можно сказать даже так: мы с вами действительно люди лишь только тогда, когда мы причастны трагедии — то есть соприкасаемся с тем, что несет неизбежную гибель, но что вместе с тем выявляет бессмертную, высшую суть человека. Недаром же сказано:

*Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог...*

К слову сказать, жили древние греки на удивление долго. Возраст расцвета мужчины — акме — сорок лет; примерно в этом же возрасте старались и обзаводиться детьми. Бомж Диоген прожил, питаясь объедками, 90 лет; Демокрит, догадавшийся о существовании атомов, — 100; а софист Горгий — целых 107. Возможно, секрет долголетия греков еще и в том, что они умели жить радостно — несмотря на трагизм, наполнявший их жизнь. Жизнь им нравилась, их увлекала, и они не спешили с ней расставаться. Даже слово-приветствие, что сохранилось от древности и до сегодняшних дней, звучит: “Хайре!” — “Радуйся!” А ведь приветствие — главное слово в любом языке, это, можно сказать, девиз и программа народного существования*.

IV

Нафплион. Микены: архаика. “Скелеты в шкафу”. Греческая кухня. Гроза над Лаконией. Роковой выбор Спарты. Лягушки Олимпии.

Городок Нафплион, недолгое время бывший даже столицей Греции, запомнился византийскими бастионами, зарослями цветущих кактусов у стен цитадели, маленькой крепостью Бурджи посередине гавани — и печальной историей Иоанниса Каподистрии. Некогда русский министр, а затем первый президент освобожденной от турок Греции, он был убит спецслужбами Анг-

*Для сравнения, вспомним приветствие американцев: “How do you do?” — то есть, буквально, “как ты обделываешь свои дела?”

лии – так как его политика сближения Греции и России была костью в горле для тогдашней Европы.

За Нафплионом – Микены. Это архаика, это эпоха Троянской войны – это то, что даже и для Гомера было седой, легендарною древностью. Но поражает здесь, в городе древних царей Арголиды, даже не циклопически-мощные стены, не львы над воротами – поражает жестокость, какой полна была жизнь ахейцев. Вот, к примеру, история семьи Агамемнона, вождя греков во время Троянской войны. Его отец Атрей, невзлюбив родного брата, велел убить его детей, изжарить их и подать брату на ужин. Неплохое начало. Сам Агамемнон, отправляясь воевать Трои, приносит в жертву собственную дочь, Ифигению: удача военного предприятия ему явно дороже. Война прошла, в целом, успешно; но жена Агамемнона, Клитемнестра, не может простить мужу смерть дочери. И, когда утомленный муж-победитель вернулся в Микены и пошел в баню, чтоб смыть пот и кровь многотрудной войны – Клитемнестра приказывает слугам зарезать его. Тут уже возмущаются ее дети, Орест и Электра – и, в свой черед, мстя за отца, убивают мать. Может, кровавое месиво длилось бы дольше – но тут вмешиваются сами боги, судят Ореста (кстати, оправдывают его) – и останавливают побоище.

Это, конечно же, миф. Но миф лишь сгущает реальность – а сами сюжеты, характеры мифа рождаются в жизни. Так что у древних греков, при всей гармонической светлости их взгляда на мир, хранилось немало скелетов в шкафу. Греческой жизнью управлял, в сущности, ужас – ужас перед неотвратимостью смерти и перед тяжелою поступью рока. В том мраке и ужасе, что караулил за дверью любого жилища, стоял за спиною любого из греков, еще не было видно просвета – весть о Спасителе не была еще возведена, – и поэтому так безнадежны финалы всех греческих мифов.

Но, с другой стороны, поэтому так безудержно-веселы Дионисийские гульбища, так громки крики “Эван, эвое!”, поэтому реки вина омывают античную жизнь, и звенят стрелы Эрота... У греков все так наполнено жизнью, весельем и пляской, как будто действительно люди живут накануне последнего, Страшного дня. Почти как у нас, в нашей русской припевке:

*Эх, пить будем,
Гулять будем,
А смерть придет —
Помирать будем!*

Осмотр микенских развалин немало нас утомил, и обед в придорожной таверне был как раз кстати. Что сказать о греческой кухне и о местных напитках? То, что подают в качестве аперитива – местная водка “узо” – так пахнет анисом, что больше походит на детскую микстуру от кашля. Вино же “рецина”, то, которое должно пахнуть смолой, на деле так часто отдает плесенью, что не стоит даже своей невысокой цены. Так что если бы не подвернулась, несколько дней спустя, пара бутылок довольно приличного критского белого – я бы сказал, что на родине Диониса пить, увы, нечего.

Из еды же вкуснее всего показались кальмары. Обжаренные в оливковом масле до золотистой корочки и обрызганные лимоном, по вкусу они – нечто среднее между рыбой и курицей. Впрочем, в классической Греции морепродукты редко попадали на стол; хлеб, оливки и сыр – вот чем жили греки. И, судя по всему, обжорство у эллинов не поощрялось.

Мы, увы, непохожи на них: осоловевшие от обильной еды, мы едва добрались до автобуса и попадали в кресла. Под гул мотора мне удалось минут сорок вздремнуть. Когда я очнулся – мы, горными перевалами, пересекали север Лаконии. Вон там, к югу – Спарта, земля величайших в истории воинов. Как по заказу, небо завалили грозные тяжелые тучи – может быть, для того, чтобы мы ощутили, насколько суровой была жизнь спартанцев. В сущности, это была непрерывная подготовка к одному-единственному событию: славной смерти в бою.

Община спартанцев походила на военизированный монастырь: все, от царя до последнего воина, жили скудно, питались из общих котлов (“Лучше смерть, чем такая еда!” – воскликнул один из персидских царей, попробовав чечевичную похлебку спартанцев), отвергали вино, а с женщинами сходились лишь по необходимости, в целях рождения будущих воинов.

Спарта была антиподом Афин. Удивительно, как один и тот же народ, говорящий на одном языке, почитающий общих богов – мог так раздвоиться, что создал как бы две, совершенно различные, цивилизации. Недаром Афины и Спарта так упорно и непримиримо враждовали между собой: гражданские Пелопонесские войны, которые истощили все силы эллинов, были столь же бессмысленны, сколь неизбежны. Афины делали ставку на личность, а Спарта – на подавление личности: так, уже на заре человечества, был поставлен великий социальный эксперимент, результаты которого, к сожалению, никого и ничему не научили.

И я думаю, что афиняне, как это ни странно звучит, были все-таки мужественнее спартанцев. Ибо они выбрали жизнь, со всей ее сложностью, смесью трагизма и радости – и несли, как могли, ее груз на своих человеческих хрупких плечах. А спартанцы – те выбрали смерть. Убоявшись живой, многотрудной, изменчивой жизни, не решившись взвалить на себя ее горестный груз, они жизнь упростили, облегчили и оскопили... Пусть простит меня тень царя Леонида и тени всех прочих героев-спартанцев – но достойно прожить свою жизнь все же много трудней, чем героически погибнуть в бою.

Спарта уже позади – мы успели уехать из-под висящей над перевалом грозы – и нас ждет Олимпия. Это деревня, в которой зимою живет восемьсот человек; но сейчас разгар сезона, и Олимпия превратилась в разноязыкий, кишачий туристами, город. Подробно осматривать место рождения спорта мы будем завтра – остаток же дня мы потратим на то, чтобы заселиться в отель, принять душ и поужинать, а потом, уже в сумерках, сидя на лавочке перед отелем, выпить вина да послушать лягушек. Они так переливчато, нежно поют в тростниках у реки, протекающей мимо Зевесовой рощи, что иные туристы уверены: это певчие птицы. “Is it a night birds?” – спрашивает меня словоохотливая англичанка-старуха, состоящая из кожи, костей и соломенной шляпки. “No, mam, it’s a night frogs”, – отвечаю я ей с церемонным поклоном...

V

Утренний зной. На родине спорта. Руины и стадион. Забег на один стадион. Метафизика спорта: беседа Сократа и Гиппогона.

Еще только восемь утра – а уже жарко. Перед отелем жужжит газонокосилка, и от этого раннего зноя, от жестяного зудящего звука голова плывет так, словно ты выпил за завтраком не две чашки кофе, а бутылку вина.

День начался с осмотра святилища Зевса. Пока здесь пустынно, но с каждой минутой народ прибывает: скоро здесь будет так же многолюдно, как и в дни древних Олимпиад. В сущности, тогда здесь было почти все то же самое, что и теперь. Запах сосен, нагретых утренним солнцем; звон цикад; бормотание горлинок; шарканье сотен подошв по нагретым камням – тем самым камням, по которым ходили и древние греки. Развалины храмов? Но тогда храмы строились, нынче их реставрируют: и в том, и в другом случае зритель видит столбы мраморных колонн, над которыми бледно синее небо. В целом, видеоряд почти одинаков. Так что можно сказать, что античность жива и поныне. А уж то, что придуманный греками спорт сейчас так популярен – еще более приближает нас к древним.

Согласитесь: спорт надо было именно изобрести, надо было придумать его – как придумали колесо или паровую машину. Когда, вместо того, чтобы проламывать друг другу черепа дубинками, люди стали соревноваться в силе и ловкости – человечество сразу шагнуло на иную ступень. А уж для греков-то, так и подавно: Олимпийские игры (основанные, по преданию, самим Гераклом) были тем, что сплотило весь эллинский мир и сформировало греков как единую нацию.

Первым, и долгие годы единственным, видом античного спорта был бег. Бегали один стадию, 192 метра: в почете был именно спринт. Даже тогда, когда состязания стали проводиться и в прыжках, и в метаниях, и в кулачном бою – главным олимпийником все равно считался победитель-бегун: его именем и называли Олимпиаду. Мне, бегуну в прошлом, узнать это было приятно.

Эвтимеос проводит нас мимо обломков колонн, лежащих грудками, словно серые барабаны, и подробно рассказывает, где чье святилище было — здесь Зевса, здесь Геры — но мне-то, понятное дело, не терпится выйти на стадион. Проход на него называется “криптой”. Ее арка ненадолго набрасывает на нас тень — и вот мы оказываемся на огромном и пыльном пространстве, лицом к лицу с жарко пылающим солнцем. Когда-то трибуны ревели, встречая атлетов; теперь — тишина. Одни лишь зеленые ящерицы мелькают на склонах, покрытых чахлой травой. Порою потянет горячим, сухим ветерком — и зыбкое марево задрожит, словно солнечный студень...

Вот линия старта: скользкая мраморная плита. Колодок еще не придумали, и стартовать было трудно — тем более, что за спиной стоял судья с хвостостиной, который стегал нарушителей правил. Впереди, в пыльном мареве, дрожат столбы финиша.

Эвтимеос предлагает нам пробежать взапуски: он даже приготовил оливковый венок для победителя. Вот уж не думал, что мне придется когда-нибудь стартовать на стадионе в Олимпии. Склоняюсь к мраморной линии старта — Эвтимеос машет рукой — и ноги, которые все-таки помнят былое, начинают вжимать меня в вязкий утренний зной. Не ожидал, что будет так тяжело. Ноги быстро зачугунели — а столбы финиша, как заколдованные, не приближались. Пришлось потерпеть. Зато, падая грудью на финиш, я ощутил свою близость к древним атлетам: азарт напряженного бега соединил нас, как мост длиной в тридцать веков.

О спорте я могу говорить очень долго. Но уместнее не предаваться спортивным воспоминаниям — они, как правило, интересны только рассказчику — а привести некий текст, который навеяло мне созерцание роц и руин Олимпии. Попробуем порассуждать о метафизике спорта, изложив мысли именно в греческом стиле — в форме сократического диалога. Представим себе Сократа, гуляющего в тех же примерно местах, где происходило действие знаменитого диалога “Федр” — и представим, что он повстречал бегуна (назовем его “Гиппогон”, то есть “рожденный конем”), который, готовясь к олимпиаде, только что бежал по знойным холмам близ Афин.

Г и п п о г о н (*отирая пот*). — Хайре, Сократ!

С о к р а т. — Хайре! Прекрасное вижу я зрелище!

Г и п п о г о н. — Что ж в нем прекрасного? Я весь в поту и в пыли — мне стыдно, Сократ, что ты меня видишь таким.

С о к р а т. — Я вижу сейчас победителя — а победитель прекрасен всегда, даже если он пахнет потом.

Г и п п о г о н. — Ты смеешься, Сократ? Напротив, мне кажется, что я занимаюсь бессмысленным делом — в то время, как прочие граждане заняты чем-то действительно важным. Один строит храм, другой обсуждает законы, третий торгует, приумножая тем самым богатство Афин, — один я, словно проклятый, бегаю тут по жару...

С о к р а т. — Разве прославить Афины на Олимпиаде — это не важно?

Г и п п о г о н. — Но беда в том, Сократ, что мне так и не удалось выиграть. На прошлой Олимпиаде Меандр из Коринфа обошел меня на два локтя — и на будущей, чувствую, мне тоже не стать победителем. До сих пор болит раненая нога. Проклятый спартаец пробил ее копьем — в том бою, помнишь, Сократ, когда мы отступили?

С о к р а т. — Как не помнить — ты храбро сражался...

Г и п п о г о н. — Храбро, не храбро — но победителем, чувствую, мне уже не бывать. Я бегаю здесь по какой-то странной привычке — и сам порою стыжусь того, что я делаю.

С о к р а т. — Нет, клянусь Зевсом, ты все равно — победитель! И то, что ты делаешь — может быть, самое важное дело на свете.

Г и п п о г о н. — Опять ты смеешься! Ох, Сократ, до чего же ты любишь высмеивать наши людские пороки...

С о к р а т. — Люблю, это верно. Но с тобой, Гиппогон, я говорю совершенно серьезно. Я действительно вижу в тебе победителя — и берусь сейчас это тебе доказать.

Г и п п о г о н. — Докажи! Может быть, это и впрямь мне поможет поверить в себя.

С о к р а т. — Хорошо. Но сначала давай-ка присядем. Клянусь Гэрой, прекрасный уголок! Этот платан такой развесистый и высокий, а верба здесь

прекрасно разрослась, дает много тени... Да и этот прекрасный родник, что пробивается под платаном: вода в нем совсем холодная, вот можно ногою попробовать...

Гиппогон. — Да, хорошо отдохнуть здесь, в тени, после бега... Ты знаешь, Сократ, я дважды сегодня добежал до Пирея, вернулся обратно, а потом еще бросал камни, чтоб укрепить грудь и спину.

Сократ. — Осталось укрепить твою веру в себя. Итак, начинаем: я буду спрашивать, ты — отвечать. Вот скажи мне: цель жизни — благо, не так ли?

Гиппогон. — Конечно.

Сократ. — И все мы должны стремиться к нему?

Гиппогон. — Разумеется, да.

Сократ. — Но раз мы стремимся к благу — и правильно делаем — значит, сами-то мы, как мы есть, благом в достаточной степени не обладаем?

Гиппогон. — Конечно. Иначе зачем бы стремиться к тому, что у нас уже есть? Разве сытый стремится к еде, а тот, кто насытился женщиной — к женщине?

Сократ. — Прекрасно! Вижу, что разум твой так же крепок, как и твои знаменитые ноги. Правда, я мог бы заметить, что, скажем, пьяница будет стремиться к вину тем сильнее, чем больше он уже выпил; а, например, алчный богач никогда не утолит свою жажду богатства — но это побочное рассуждение слишком нас отвлечет.

Гиппогон. — Тем более, что мы говорили о благе — а вряд ли является благом опьянение или богатство само по себе.

Сократ. — Отлично сказано, о Гиппогон! Но — ближе к делу. Значит, если мы, люди, благом в достаточной степени не обладаем и к нему лишь стремимся — значит, мы несовершенны?

Гиппогон. — Ну да. Совершенны лишь боги.

Сократ. — А что же является причиной нашего несовершенства? Я хочу сказать: лежит ли эта причина внутри нас самих — или она находится где-то снаружи?

Гиппогон. — Ясное дело, причина несовершенства — внутри. Разве этот вот платан, или этот ручей, или те два орла, что парят в вышине? — разве они виноваты в том, что я несовершенен?

Сократ. — А то, что внутри нас — это мы сами, не так ли?

Гиппогон. — Разумеется, так.

Сократ. — Значит, причина несовершенства — мы сами?

Гиппогон. — Конечно, а кто же еще?

Сократ. — Но, с другой стороны, раз мы стремимся к благу, то есть к совершенству — значит, мы что-то знаем о нем?

Гиппогон. — Конечно. Как можно стремиться к тому, чего вовсе не знаешь?

Сократ. — Значит, какую-то часть себя мы все же соприкасаемся с благом и совершенством — мы, так сказать, находимся с ним в некотором родстве?

Гиппогон. — Видимо, так. Чтобы иметь о чем-либо понятие, надо нести в голове или сердце образец самого предмета понятия — иначе этот предмет не сможет тебя ни заинтересовать, ни чем-либо привлечь.

Сократ. — Ты рассуждаешь, как настоящий философ. А теперь будь внимателен, ибо мы приближаемся к самому главному. Выходит, что мы, люди, в одно и то же время и совершенны, и несовершенны. Точнее сказать, мы совершенны по некоей идее, которая вложена в нас, — а несовершенны по степени воплощения этой идеи в реальности.

Гиппогон. — Клянусь Зевсом, ты прав! Еще Фидий — а я хорошо его знал — говорил мне, что даже самая удачная статуя не выходит из-под его резца столь же прекрасной, какой он себе ее представлял.

Сократ. — Что ж, удачный пример. Выходит, ты сам признаешь, что мы сложены из противоположных начал, из совершенства и несовершенства?

Гиппогон. — Да, это так.

Сократ. — И мы должны, стремясь к благу, опираясь на то совершенство, что в нас уже есть — бороться с собственным несовершенством?

Гиппогон. — Твое рассуждение безупречно, Сократ.

Сократ. — То есть наш главный противник — мы сами?

Гиппогон. — Конечно.

Сократ. — И труднее всего победить именно самого себя?

Гиппогон (*смеясь*). — Да, пожалуй, что так: уж больно это назойливый и неотступный соперник...

Сократ. — Ну, а если все-таки человеку удалось одолеть свою трусость, лень, похоть, усталость — разве он тогда не победитель?

Гиппогон. — Клянусь Зевсом, да!

Сократ. — И победитель серьезнейшего, может быть, самого главного своего врага?

Гиппогон. — Выходит, что так.

Сократ. — Так что ж ты тогда удивился, когда я назвал тебя победителем? Ведь ты, невзирая на боль старой раны, на зной, на усталость — четырежды покрыл расстояние от Афин до Пирея и потом еще бросал камни, укрепляя спину и грудь! Укрепил ты, скажу тебе, прежде всего свою душу. А о душе-то нам всем надлежит заботиться в самую первую очередь.

Гиппогон. — Получается, бегая тут по жаре, я занимался не такими уж пустяками?

Сократ. — Напротив: ты делал важнейшее дело! Еще скажу тебе, о Гиппогон, свою давнюю мысль. Улучшить себя самого гораздо труднее, чем изменить окружающий мир. Посмотри: даже боги, сокрытые в тучах Олимпа и способные вызвать то землетрясение, то наводнение или грозу, то ужасную засуху — то есть способные изменить все, что есть на земле — самих-то себя, хоть они и бессмертны, не могут никак переделать. Зевс остается все так же падох на женские прелести, Гера все так же ревнива и мстительна, Гермес — трусоват, Афродита все так же наставляет хромому мужу рога с грубияном Аресом — иными словами, бессмертные боги не могут улучшить самих же себя. А вот мы, люди, как мы порой ни ничтожны, ни слабы — победить себя можем. Выходит, мы в чем-то сильнее богов.

Гиппогон. — Не богохульство ли это, Сократ?

Сократ (*задумчиво*). — Может быть, может быть... Но я чувствую, Гиппогон, что мой долг — рассуждать о различных вещах, не пугаясь итогов своих рассуждений. Иначе я был бы подобен трусливой кобыле, боящейся собственной тени: ведь это смешное и жалкое зрелище, правда?

Гиппогон (*вздыхая*). — Ох, Сократ, как бы не повредил тебе твой удивительный ум...

Сократ (*улыбаясь*). — Не хочешь ли ты, Гиппогон, стать еще и прорицателем — помимо того, что ты первый в Афинах бегун и почти готовый философ?

Гиппогон. — Ну, куда мне...

Сократ. — И еще, напоследок, скажу тебе, о Гиппогон. Опасайся людей, призывающих изменить мир, — и верь людям, стремящимся изменить самих же себя. Наилучшие изменения — это изменения нравов, смягчение душ, а вовсе не те перемены, к которым так часто нас призывают политики. Сделай лучше себя — и весь мир станет лучше.

Гиппогон. — Я постараюсь, учитель!

Сократ (*смеется и машет рукой*). — Ну, какой я учитель! Я просто философ — я просто люблю рассуждать о различных вещах...

VI

Патры: собор Андрея Первозванного. Вантовый мост Рио-Антирио. Путь над Коринфским заливом. Сервантес и Байрон. Оливы. Парнас. Вечерние Дельфы.

После обеда в Олимпии наша цель — Патры. В этом городе был распят Андрей Первозванный, святитель Руси. Вот главное, что соединяет Россию и Грецию: православная вера. Религия занимает весомое место в сегодняшней греческой жизни: 98% греков считают себя православными христианами, а действующих монастырей и скитов в Греции — около тысячи! И это в стране с населением, чуть превышающем 11 миллионов человек; легко подсчитать, что на каждые одиннадцать тысяч жителей приходится один монастырь.

Конечно, важнейшей причиной серьезного отношения греков к религии является то, что Греция есть форпост христианского мира перед лицом исламского Востока. Право быть христианами греки пострадали: четыреста лет османского ига, героическое восстание против турок в девятнадцатом веке, гражданские войны и “малоазиатская катастрофа” двадцатого века — какая еще страна, кроме России, имеет столь же трагическую историю?

Собор Андрея Первозванного в Патрах большой и нарядный. В глаза бросаются два основных отличия греческих храмов от наших: во-первых, у греков посреди храма сиденья, что нам непривычно, и, во-вторых, свечи горят не в самом храме перед иконами, а в притворе, налево от входа, в длинном жестяном коробе с песком, и ставят их там вперемешку, и за здоровье, и за упокой.

В соборе хранится череп апостола Андрея и обломок креста, на котором он был распят. Стоя в очереди желающих приложиться к святыням, мы долго ждали, пока женщина в красной кофточке встанет с колен и, отворачивая заплаканное лицо, отойдет, уступая нам место.

Рядом с храмом — пещера с источником. Именно здесь, в I веке, был распят Андрей Первозванный. Живая память об этом событии и о кресте, на котором святой принял смерть, — русский Андреевский флаг.

За Патрами — вантовый мост Рио-Антирио, один из красивейших мостов мира. Мосты вообще — рукотворное чудо, это именно то, чем человек дополняет творение Божье. Только представьте, сколько на свете мостов: от простого осклизлого бревнышка, переброшенного через канаву, от какой-нибудь гати через болотину до грандиозных созданий человеческой мысли и рук, до инженерных шедевров, выражающих лучшее, что есть в человеке: его созидательное, объединяющее, преобразующее природу начало.

Четыре опоры и тросы, которые держат полотно моста Рио-Антирио, издавна так изящны, что кажутся карандашным эскизом — на просини бледного неба. А въезжаем на мост — как взлетаем над морем: под нами, сверкая на солнце, бежит синь густых ионических волн.

И все здесь, как и везде в Греции, дышит живым ощущением истории. Вон в той бухте, близ городишка Нафпактос, в бою с турецкой эскадрой Сервантес потерял левую руку. Хорошо, не правую: а то как бы он писал “Дон Кихота”?

А вон там, за поворотом дороги — крыши Месолонги, города, где в дешевой гостинице умер Байрон. Говорят, он в предсмертной тоске произнес, глядя на жалкие стены гостиничной комнаты: “Или я — или эти обои...” — и умер. Что ж: обои — то есть мелочный быт, убивающий душу, — могут быть постыдней, чем турецкие сабли.

Живописен путь над Коринфским заливом: внизу справа море, синь его бухт, островки, на которых белеют рыбацкие домики, — а по сторонам от дороги плывет бледная зелень олив. Нам, русским, трудно понять, что же такого греки находят в этом зеленоватом плоде, похожем на недозрелую сливу. Оливки составляют не просто основу греческой кухни — но являются национальной святыней. Видимо, надо быть греком, надо вырасти вот на этих холмах, напиться аттическим зноем — чтоб маслянисто-пряный вкус здешних оливок стал бы вкусом самой этой земли, стал осязаемым символом родины. Мне же приятнее было не есть, а смотреть на оливы, на их коренасто-тугие стволы, узловатые сучья и бледную зелень, на всю их библейскую, древнюю мощь. Многим деревьям здесь лет по пятьсот; и как тут не вспомнить, что первую весть о спасении от потопа, которую голубь Ноя принес на ковчег — была именно ветвь оливы?

Миновав городишки Итея и Хриссо, по серпантину горной дороги мы стали подниматься выше и выше. Бледно-зеленое море олив оставалось внизу. Эвтимос, показав рукой вперед-вверх, сказал: “А вот это — Парнас”.

Как сильно действие звуков! С туго бьющимся сердцем я прыкнул к окну и стал жадно глядеть на хребет, по склону которого, напряженно гудя, поднимался автобус. Неужели вот эта гора, с виду точно такая же, как и остальные — и есть знаменитый Парнас, обиталище муз? Мы все ближе и ближе к вершине мифической этой горы — а ее контур все более четок и строг на черном, уже розовеющем, небе...

О том, что мы на Парнасе, я помнил весь вечер. И тогда, когда мы заселялись в отель “Курос”, и когда шли ужинать в ресторан, с веранды которого открывался торжественный вид на долину и на вечернее море, и когда мы,

уже возбужденно-хмельные, катались по ночным улицам Дельф на смешном автопоезде – а темный массив легендарной горы возвышался над нами, сливаясь с тьмой теплой греческой ночи.

Даже утром, когда я проснулся от грохота мусоровоза под нашим окном – он, со звоном и скрежетом, сыпал в свой кузов содержимое уличных мусорных баков, – то первое, что я подумал: “Боже мой, я – на Парнасе!” Ибо где еще самый будничнейший звук – звон бутылочных стекол и шорох пакетов – воспринимается как авангардная музыка, как бодрящий и радостный гимн наступавшему дню?

VII

Кастальский источник. Омфалос. Храм Аполлона и пифии. Перекресток Эдипа и Лая. Фермопилы. Цыгане. Ливень в долине кентавров. Поселок Каламбаки.

После завтрака выезжаем к святилищу Аполлона. Первая остановка – Кастальский источник. Пока мы все шли за Эвтимисом, я вспоминал Пушкина:

*В степи мирской, печальной и безбрежной,
Таинственно пробилась три ключа:
Ключ юности, ключ быстрый и мятежный
Кипит, бежит, сверкая и журча;
Кастальский ключ водою вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит;
А третий ключ — холодный ключ забвенья,
Он слаще всех жар сердца утолит...*

Но, увидев сам Кастальский источник, впору было расхохотаться: вот так символ! Пробившись из склона Парнаса, струя воды протекает по каменистому желобу – и проваливается сквозь ржавую решетку канализации. Да, печальна судьба вдохновения: родившись от чистых парнасских снегов – кончиться сточной канавой. . .

От источника дорога ведет вверх, к святилищу Аполлона. Подниматься по склону Парнаса легко: утренний Гелиос нас покуда щадит. В кронах сосен и кипарисов копошатся сойки и дрозды; цикады уже начинают потрескивать, обещая палящий безоблачный день.

Подходим к о м ф а л о с у, пупу земли. Греки считали этот серый выпуклый камень мировым центром: на географических картах они помещали омфалос точно посередине всей Ойкумены. Что ж, великая цивилизация и должна начинаться с того, что она сознает себя центром, всемирной точкой отсчета. Это наивно и мудро одновременно; так и каждый из эллинов мог бы сказать про себя: я – пуп земли, я – “мера вещей”, и все, что есть в мире – всего лишь мое окружение. Культура Греции тем-то и уникальна, что в ней человек был впервые поставлен в центр мира, объявлен важнейшей и глубочайшей тайной – и все мироздание оттого обрело, так сказать, человеческое лицо.

Далеко не о каждой цивилизации можно сказать то же самое. Например, мифология древней Японии, объясняя происхождение мира из тела заснувшего исполина – из волос его, дескать, произошли леса, из коленей – горы etc. – толкует, что люди возникли из вшей, ползавших по волосатым подмышкам гиганта. Понятно, что отношение к человеку, возникшему таким образом, будет не слишком-то трепетным: вошь, она и есть вошь, чего с ней церемониться?

В Греции было иначе. “Познай самого себя” – было выбито на стене Дельфийского храма, и все великие мудрецы античности, во главе с Сократом, не уставали твердить, толковать, воплощать это главное правило греческой жизни. “Познай самого себя” – вот путь и цель человека, вот где кроется главная тайна всего бытия. Но это же значит, что каждый из нас есть бездонный и неисчерпаемый Космос. Это значит, что личность священна и что человек не может быть превращен в средство для достижения каких бы то ни было, пусть даже самых благовидных, задач.

Все по очереди кладут руку на темя омфалоса и загадывают желание. Сразу видно, что мы – европейцы. Любой правоверный буддист осудил бы нас: желание, сказал бы он, порождает страдание. Неужели мы мало страдали? Выходит, что мало...

Как ни смешны эти детские игры с загадыванием желаний – они вызывают томление сердца. Спросите себя: чего вы хотите? Ответить на этот вопрос – все равно, что ответить: зачем я живу? И вообще, хочу ли я, чтоб исполнилось то, чего я желаю? Ибо чем меньше впереди нас осталось несбывшегося – тем меньше осталось и жизни.

Вот и храм Аполлона – сердце Дельф, центр античного мира. Теперь здесь одни только серые плиты да обломки желобоватых колонн. А когда-то вот именно здесь, на золоченом треножнике, сидела девушка-пифия, дышала ядовитыми газами, поднимавшимися из щели в скале, – чтобы после, в угаре экстаза, бормотать возбужденно-невнятные речи. Это и было, как верили эллины, гласом судьбы. Люди вообще не могут жить без предсказаний: недаром же к разного рода прогнозам, от метеорологических до астрологических, мы до сих пор питаем неугасающий интерес. А красotka, которая что-то вещает с экрана – чем не дельфийская пифия? Чем меньше в ее предсказаниях смысла, ума – тем, бывает, сильнее шаманское это камлание влияет на души.

Солнце все выше, и зной все густеет. Кажется, если постоять на припеке, тепловый удар неизбежен: взгляд поплывет, мысли спутаются, и забормочешь бессвязную чушь – не хуже, чем древняя пифия. Поэтому жмемся в тень кипарисов и уж оттуда, сквозь мреющий воздух, смотрим то вверх, на парнасские скалы и сосны, то вниз, где когда-то, в лесистом разломе ущелья, сраженный стрелой Аполлона, *“клубясь, издох Пифон...”* Виды здесь величаво-торжественны – как торжественны и руины храмов, их посереженный от времени мрамор, по которому, словно живые прожилки, порой пробегают зеленые ящерки. Может быть, и хорошо, что здесь больше нет толчеи изваяний, колонн – что обломки кумиров вынесены в музей, расположенный неподалеку. Есть палящее солнце, есть горы и древние камни святилищ, есть сухой звон цикад, который здесь кажется даже древней, чем само время, есть нежный стон горлинок – и все это, взятое вместе, создает строгий образ некрополя, кладбища самой, быть может, прекрасной из человеческих цивилизаций. А всего удивительней то, что ее образы, мифы, предания продолжают жить до сих пор. Здесь, в Греции, остро чувствуешь, насколько античные мифы вошли в твою личную память и стали как бы воспоминаниями твоей собственной жизни.

В тот же день, уже после обеда, мы ехали по-над глубокою оврагом, по склону горы – как вдруг проводник показал: “Видите тот перекресток?” Мы посмотрели налево. По дну оврага, действительно, распластались две пыльные дороги. Там, где они пересекались, стоял сарай из ракушечника, паслись козы, росло несколько чахлах олив. “Так вот, – продолжал Эвтимийос, – на этом перекрестке Эдип убил своего отца, Лая”.

Надо же: в этом вот затрапезе, в пыли двух унылых дорог, завязался не просто один из классических сюжетов литературы, но был стянут тот узел, который (с подачи Зигмунда Фрейда) ныне считается одним из важнейших узлов человеческой психики! Именно здесь вздорный старик вытянул плетью ни в чем не повинного незнакомца – а Эдип, не стерпев, взмахнул посохом, и Лай упал мертвым... Перекресток Эдипа давно уже скрылся из глаз, а я все думал об этой истории, о бессмертии мифа – и о том, что лишь мифами, в сущности, мы и живем. Нам претит голая правда, как она есть, нам отвратителен мир, состоящий из одних только фактов. Из жизней, которые мы с вами живем, из их достоверно-фактической сути – мы стараемся сотворить некие мифы, стараемся что-то придумать, домыслить, досочинить: страсть к мифотворчеству живет в нас неистребимо. Иными словами, мы пытаемся стать из тех, кто мы есть – персонажами мифа о собственной жизни.

А уж здесь-то, в Элладе, этой всечеловеческой фабрике мифотворчества – встречаешься с мифами буквально на каждом шагу. Вот и теперь мы подъезжаем к очередному мифу: впереди “Термо-пилас”, “горячий проход” – или Фермопилы, как нам привычнее говорить. История трехсот спартанцев, остановивших неисчислимое войско персов, стала любимой историей мальчишек всех стран и народов.

А что было на самом-то деле? Историки доказали, что греков при Фермопилах было гораздо больше, чем триста – их было семь тысяч. Их героизма

и славы это, конечно, не убавляет – Фермопильская битва все равно остается знаменитейшей битвой в истории войн, – но это обнажает жестокие правила мифотворчества. Сколько теперь ни доказывай – в человеческой памяти все равно будут жить только триста героев: так эффектнее, так ближе к сказке и чуду.

Интересно, что греки, пытаясь восстановить справедливость, к установленному некогда памятнику царю Леониду и его личной гвардии уже в недавние времена добавили еще один памятник, мужской крылатый торс – чтобы почтить остальных павших героев. Но даже и этот благородный жест вряд ли внесет изменения в миф, что сложился веками: героев останется триста.

Теперь там, где гремело сражение, пыльный пустырь. Рядом – афинская трасса, за ней, вдаль – море (оно отступило за две с половиною тысячи лет); горные склоны, поросшие лесом – те, которые не позволили персам развернуться во всю свою силу, – непрístupными вовсе не кажутся. Неподалику горячий источник: возможно, сам Ксеркс принимал здесь горячие ванны.

Полезли в источник и мы. На горячих камнях, на их рыжей слизи легко поскользнуться; в ноздри бьет резким запахом сероводорода. Не сказать, чтобы все это было очень приятно. Кое-как примостившись под льющимся сверху потоком горячей воды, пытаюсь расслабиться и получить удовольствие. Но ничего не выходит: здесь зловонно, томительно, душно. Но зато, говорят, эти воды целебны – так что будем считать, что мы вылезли помолодевшими.

Дорога ведет нас на север и поднимается на перевал. По сторонам – виноградники, рощи олив; вдаль видно море. Похоже на наш Крым, только все как-то крупнее, размашистей: горы повыше, долины пошире. Но характер ландшафта такой же: земля камениста, суха – много солнца и мало воды. К середине лета зелень во многих местах выгорает, и холмы Греции, как и холмы Крыма, приобретают цвет древнего, выцветшего манускрипта: рыже-вато-коричневый, христо-бледный, волнующий душу своей благородной печалью. Да, это похоже на очень древнюю рукопись – только писал ее не человек, а Господь...

Направо от выходящей серпантином дороги – поселок цыган. В придорожной пыли, где нет ни единого деревца или куста, друг к другу лепятся фанерно-картонные будки. Их входы завешены рваной полиэтиленовой пленкой, ветер взметает мусор, собаки и дети гоняются друг за другом в пыли – и все это зрелище жизнерадостной нищеты ужасает и восхищает одновременно. Здесь, на древнейшей земле, колыбели всечеловеческой цивилизации – набор цыган выглядит словно насмешка над достижениями этой самой цивилизации. Веселые эти цыганки, трясущие пестрыми юбками, эти смуглые неугомонные дети, швыряющие вслед автобусу камешки, эта вся жизнерадостно-пестрая жизнь словно нам говорит: ну, и что? И чего вы добились, создавая все ваши культурные ценности, строя дворцы, города, расширяя границы империй, диктуя законы и совершая открытия, покаяя природу и убивая друг друга в бесчисленных войнах? Может быть, вы теперь счастливы? Что-то не очень похоже: посмотрите-ка на самих себя в зеркало. Вы бледны и чахлы, унылы и озабочены, вы почти разучились смеяться и быть благодарными жизни. Если в вашем автобусе вдруг поломается кондиционер, или на электронных табло ваших бирж вдруг изменится несколько цифр – вы же впадете в отчаянье, вы начнете горстями пить транквилизаторы и побежите к психоаналитикам, а кое-кто из вас даже попытается наложить на себя руки. Хороша же ваша цивилизация! А вот мы, цыгане, прожившие бок о бок с вами все эти тысячи лет – мы ничего не строили, но зато ничего и не разрушали, мы не захватывали чужого (воровство по мелочи – это не в счет), мы не копили добра, мы вообще ни к чему земному особенно не прилеплялись – ни дома, ни родины у нас, цыган, нет – но зато мы остались живыми, и живем на земле так, как поем наши песни: с жестокой свободой, с ничем не стесненной волей. Мы – Божьи дети – и верим, что Бог не оставит своих, пусть порой и беспутных, детей...

Пока я так размышлял, автобус преодолел перевал, и перед нами раскинулась Фессалийская долина, главная житница Греции. Мифические кентавры родом отсюда; именно фессалийские всадники так ловко, одними ногами, могли управлять конем, что казалось: и всадник, и конь являют собою одно существо. Ныне кентавров что-то не видно – вокруг только автомобили.

Едва мы спустились в долину, как нас прихватил грозовой ливень. За окнами все помутнело, и дорога вскипела грязно-белыми пузырями. Зажглись фары машин. Эвтимос возбужденно воскликнул: “Зевс приветствует нас!” Чернильное низкое небо нервически дергалось — молнии рвали его и никак не могли разорвать — а из громокипящего кубка на нас низвергался рокошущий, влажный, тоскующий грохот грозы...

За стеной ливня проплывали поля Фессалии. Крестьяне в мокрых белых рубахах, кажется, были рады дождю. Больше всего здесь росло кукурузы; недаром и тот поселок, куда мы направлялись, назывался “Каламбака”, то есть “кукурузный”.

Зевс ярился недолго. Вот уже небо опять засинело, дождь перестал — но на северной стороне небосклона, там, куда мы направлялись, продолжали темнеть грозовые тяжелые тучи. Они были похожи на черные скалы; всмотревшись, мы поняли, что это скалы и есть. “Метеоры”, — сказал проводник. Черные скалы росли по мере того, как мы к ним приближались, и, когда мы въезжали в поселок — крыло этих мрачно чернеющих скал уже закрывало треть неба. Оно нависало над крышами Каламбаки как суровое напоминание о грозящей всем смерти, о трагической участи каждого человека — но никто из жителей, беззаботно бродящих по улицам или сидящих за столиками кафе, похоже, не обращал никакого внимания на это грозное предупреждение. Жизнь шла своим чередом — и ей было не до того, чтобы помнить о смерти...

VIII

Иконная лавка. “Парящие” монастыри. Фрески. Античность и христианство. В винном погребе. “Суп Язона”. Новейшая история Греции. Дети у храма.

Следующий день начался с посещения иконной лавки-мастерской. Хозяин широким жестом предложил выпить вина — поднос со стаканами уже встречал посетителей, — а потом стал показывать технологию производства икон. Хлопя сусального золота закружились в воздухе наподобие сажки. На полках и на витринах икон было столько, что смотреть на все это сверканье окладов и множество одинаковых ликов было неловко: слишком уж откровенно проявлялась торговая суть заведения. Видно, затем и вино предлагали на входе, чтоб превратить посетителей — в покупателей.

Стало даже смешно, когда в смежном зале я увидел на полках не только нагих Афродит, Аполлонов и козлобородых сатиров — но и тряпичную ведьму, качающуюся на помеле. Была бы возможность и выгода торговать самим “повелителем мух”* — им бы здесь обязательно торговали.

Но вот мы садимся в автобус и едем к монастырям. “Метеоры” означает “парящие”; на каждом из каменных пальцев, направленных в небо, расположен небольшой монастырь. В восемнадцатом веке их было двадцать четыре; теперь только семь.

Метеоры называют восьмым чудом света: вид этих обителей, парящих между землею и небом, действительно поражает. Вряд ли еще где на целой планете есть место более подходящее для монастырей — то есть так вознесенное к небу и так отделенное от соблазнов земли.

Первый монастырь, который мы посещаем — женский, имени св. Христофора и св. первомученика Стефана. Крестьясь, входим в ворота и видим монашку, метущую двор. Как нарочно, она молода и красива. Кто она? И откуда? И что привело ее в эту обитель? Впрочем, читатель сам может додумать те мысли, которые возникают при встрече с красавою и молодою монашкой.

Монастырский двор невелик, но опрятен, в цветах: во всем видны женские руки. На цепях висит деревянный брус, било — чтоб созывать, когда это необходимо, сестер. Храм обители сумрачен, древен, суров. На левой стене — фреска, изображающая, как первомученика Стефана забивают камнями жители Иерусалима.

Но даже сцена казни святого Стефана бледнеет в сравнении с теми картинами пыток и казней первохристианских мучеников, которые изображены в

* Одно из средневековых имен сатаны.

притворе храма Преображения Господня – в следующем монастыре, который мы посетили. Мегало Метеора – самый древний, большой, почитаемый здесь монастырь; и от фресок в притворе его главного храма кровь леденеет в жилах. Это настоящая энциклопедия пыток и казней: тут и четвертования, и сажания на кол, и поджаривание заживо, и терзание людей львами – тут все, до чего мог додуматься подстрекаемый дьяволом ум человека. Простое усекновение главы кажется милостью и подарком судьбы.

Да, тяжело принимал древний мир ученье Христа... Гонителям христиан представлялось, что новая вера отвергает все то, чем люди жили доселе. Но в своем ослеплении злобные люди не видели, что на самом-то деле христианство спасает античность, выводит ее из мрачного и безнадежного тупика. Уже в эллинистическую эпоху, то есть начиная с походов Александра Великого, античный мир начинал вырождаться: идея империи стала преобладать над идеей свободной и независимой личности.

Рим? Но Рим почти не развивал – он лишь тиражировал то, что оставили греки. Живая культура Эллады окостенела и высохла на площадях и аренах холодного Рима. Императорский Рим – это жесткость и логика, сила, порядок; суть римского отношения к жизни выразил император-мудрец, Марк Аврелий. Он писал (кстати, по-гречески): “Жизнь – это бой, пребывание в чужой стране”. Разве мог бы истинный грек эпохи Сократа, Перикла и Аристофана сказать нечто подобное? Для эллина жизнь была все-таки праздником, радостью, *п р е б ы в а н и е м д о м а* – до тех пор, пока не иссякла та детская, необъяснимая радость существования, та священная влага Эллады, на которой выросло и расцвело чудо греческой цивилизации.

По сравнению с солнечным детством Эллады Рим был жестоким подростком: угрюмым и сумрачным, не доверяющим миру. Сама жестокость римских развлечений носила характер именно что подростковый: только подростки способны с таким холодным сладострастием мучить котят и лягушек – или наслаждаться мучениями гладиаторов.

Человечеству было пора, наконец, повзрослеть. Христос и принес миру то, что сделало нас, в полном смысле, людьми: Он принес нам любовь. Он вложил сердце в грудь бессердечного и остывавшего мира. Но жить с живым сердцем в груди было так непривычно, так больно, так страшно; поэтому те, кто боялись живого, старались его умертвить, уподобить себе – поэтому столько гонений и пыток обрушил мир на христиан.

А здесь, в храмах “парящих” монастырей, пыткам подвергнуты были даже и фрески. Жутко смотреть на выколотые, выщербленные, выжженные глаза, на ослепшие лики святых. Это постарались, уже в девятнадцатом веке, турецкие оккупанты.

Но не только трагедий полна монастырская жизнь. Мы проходим на кухню и в трапезную, осматриваем винные погреба – и душа наполняется радостью от того, какое здесь все настоящее, древнее и простое. Вот огромные бочки – вмещают до тысячи (!) литров вина – вот медные перегонные кубы и виноградные прессы, вот деревянные фляги на кожаных грубых ремнях, вот кубки и чаши, вот крючковатые посохи здешних монахов, вот крупорушки, ослиные седла, вот старинный токарный станок с ножным приводом – на таком любил поработать наш император Петр I, – атрибуты суровой и трудовой, полной истинных радостей, жизни. Я спросил: “А дают ли вино современным монахам?” Эвтимииос, чуть удивившись вопросу, ответил: “Конечно, дают – дважды в день”. “И они его, что, разбавляют водой?” – продолжал я наивный допрос. “Конечно же, нет”, – отвечал проводник.

Именно здесь, в винном погребе Мегало Метеора, я смог так почувствовать монастырскую жизнь – как будто и сам был когда-то монахом. Предметы старинного быта порой несут в себе больше духовности, чем даже иные иконы – Дух дышит, где хочет, – поэтому я не хотел уходить вот от этих корзин, прессов, бочек, от их благородной и грубой, живой простоты.

После монастырей был обед. Вкусный суп из фессалийской козы назывался “супом Язона”, по имени здешнего уроженца, который доплыл на “Арго” аж до нашей Колхиды. У ресторана – бассейн с голавлями и карпами; было забавно смотреть на их стайки, скользящие в мелкой, просвеченной солнцем воде.

Едем дальше, на юг – и боремся с послеобеденной дремой. Я бы, может быть, и заснул – но неловко: Эвтимииос рассказывает о новейшей истории Гре-

ции. Даже в сравнении с русской, такой беспощадно-кровавой, историей жизнь Греции в XX веке представляется чередой непрерывных трагедий. На долю этой многострадальной страны выпадают две Балканские войны, затем — две мировые, в которых Греция тоже принимает участие, еще две гражданские войны — а что может быть страшнее и беспощаднее гражданских междоусобиц? — затем — война с Турцией, в которой греки терпят поражение, путч “черных полковников” (чья диктатура держалась аж до 1974 года) — и, наконец, еще одна война с турками за Кипр. Грекам досталось, как мало кому; чего стоит одна “малоазиатская катастрофа” 1921 года? Тогда, в одночасье, беженцами оказалось более полутора миллионов жителей малоазиатского, исконно греческого, побережья. Об этих событиях писал их очевидец, молодой журналист Эрнест Хемингуэй. Вот несколько строк из его рассказа “В порту Смирны”:

“Трудно забыть набережную Смирны. Чего только не плавало в ее водах. Впервые в жизни я шел до того, что такое снилось мне по ночам. Рожавшие женщины — это было не так страшно, как женщины с мертвыми детьми. А рожали многие. Удивительно, что так мало из них умерло. Их просто накрывали чем-нибудь и оставляли. Они всегда забирались в самый темный угол трюма и там рожали. Как только их уводили с мола, они уже ничего не боялись.

Греки тоже оказались милейшими людьми. Когда они уходили из Смирны, они не могли увезти с собой своих вьючных животных, поэтому они просто перебили им передние ноги и столкнули с пристани в мелкую воду. И все мулы с перебитыми ногами барахтались в мелкой воде. Веселое получилось зрелище. Куда уж веселей”.

Ужасна все-таки жизнь на стыке религий, цивилизаций, культур. Это как рана, которая никогда не заживает: одно неловкое движение, один резкий шаг — и непрочный струп сорван, и вот уже рана снова сочится живою и теплою кровью...

Въезжаем в Афины. Встречный поток машин нескончаем: нынче, в пятницу вечером, все стремятся покинуть столицу. По выходным Афины пустеют наполовину; это нам, разумеется, на руку. Проезжаем Акрополь — он высится справа — а потом мчим вдоль моря, по улице имени Посейдона. Вот и наш отель “Феникс”: уже четверо суток нас не было здесь.

Солнце садится, но все еще жарко. Наскоро приняв душ, иду купить вина к ужину — и по пути захожу в небольшой храм Успения Богородицы, где еще длится вечерняя служба. Людей здесь немного, человек всего тридцать; но зато не одни лишь старушки, как это обычно у нас — много и молодых. Одна из женщин по книге читает молитвы, остальные внимательно слушают, крестятся. Все двери распахнуты, и хорошо слышно, что происходит снаружи. Вплотную к храму устроена спортплощадка, и дети, азартно крича, там играют в футбол. Вот мяч упруго ударил в церковную стену, шум игры накатил и отхлынул — но это нисколько не нарушало течения общей молитвы. Кажется, если даже мяч залетит в храм — его, с понимающей и дружелюбной улыбкой, отпасуют к играющим детям назад и продолжат молиться. Мне это очень понравилось. Хорошо, что сегодняшний день, начинавшийся в монастырях Метеор, завершается именно тем, что дети играют у храма и подтверждают тем самым, насколько жива наша общая вера.

IX

Утро. Акрополь: священные камни. Колонны Парфенона. Коры-кариатиды. Виды Афин. Музей Акрополя. Агора. Ливень. Башня ветров. Греческая свадьба. Греция и мы.

Афинское утро, купание в море. Рассвет нежно-палевый, над холмами мерцает Венера. На безлюдном пляже — собаки, вороны и голуби: все бродят неспешно, вразвалку, не обращая внимания ни друг на друга, ни на меня.

Плыву в теплой, соленой воде. Вдалеке, как картина, проходит белый теплоход с еще не погашенными ночными огнями. Светает быстро: заходил в воду я еще в теплых сумерках ночи, а выходил уже днем. Вот прошел первый трамвай в центр Афин; вот по магистрали, гудя, стали промелькивать машины и мотоциклисты — стало быть, город проснулся.

Сегодняшний день целиком посвящен Афинам. Не буду подробно описывать, как мы завтракали, как потом ехали по еще утренней, но уже жаркой

столице — а за окном проплывал то главный греческий стадион, то памятник Байрону, то площадь Синтагмы и здание университета, — а перейду сразу к главному: вспомню, как мы посещали Акрополь.

Его холм виден отовсюду. Кружа по городу, мы подбирались все ближе к нему, и громада Акрополя все вырастала над нашими головами. Возле касс, где толпится народ — много бродячих собак. Они все худы и облезлы — но, что удивительно, на каждой есть и ошейник, и бирка. “Наши священные киносы”, — шутит Эвтамиос. И вдруг понимаешь: ведь эти собаки — прямые потомки тех самых собак, что бродили здесь и при Сократе, и при Эсхиле. Они, можно сказать, несут в своих генах эстафету античности.

С уважением переступая через лениво лежащих собак, поднимаемся к Пропилеям, входу в Акрополь. Мрамор колонн, некогда белоснежный, теперь пожелтел — за тысячелетия окисляется даже и мрамор, — но этот телесный и ласковый цвет куда лучше белого: он теплее, живее.

За Пропилеями, над головами и спинами гомонящих туристов — сухой блеск античного солнца, порывы горячего ветра; а из слепящего блеска, как бы из сгущення его, вырастает символ античности: Парфенон, храм Афины Паллады. Какими словами его описать? Он слишком прост, гармоничен для каких бы то ни было слов — и выразить красоту Парфенона способен лишь только молчание. Издалека он кажется невелик, вблизи вырастает до огромных размеров; по мере того, как ты приближаешься к храму, растет восхищение благородной его простотой. “Какая ясность и какая стройность!” — думаешь пушкинскими словами, обходя ряды желтоватых колонн, над которыми бледно синее афинское небо. А когда еще узнаешь, что, если продолжить линии всех колонн Парфенона, они сойдутся в одной точке на высоте около полутора километров — то изумление перед мудростью, смелостью и мастерством древних зодчих переходит в благоговение.

При созерцании Парфенона приходит еще одна мысль. Конечно же, то, что этот храм оказался разрушен — трагедия. Когда, в XVII веке, ядро попало в пороховой склад, который турки разместили между колонн Парфенона — на воздух взлетело воистину одно из чудес света. Но не прекрасней ли, думаешь, эти руины — того, что здесь было когда-то, в ту пору, когда Парфенон был живым центром античных Афин? Мало того, что тогда храм украшало множество разных скульптур — и фронтоны, и фризы кишели обилием мраморной плоти — так эти скульптуры и даже колонны были ярко раскрашены, что, наверное, придавало всему вид вульгарно-лубочный. Не лучше ли — эта вот простота и печаль, благородная незавершенность руин?

Мысль не столь уж дика, как это может казаться. И она соответствует, в сущности, мысли Платона о том, что идеи вещей — и прекраснее, и долговечнее, чем эти вещи, как таковые. Что мы видим в руинах? Мы видим “эйдос”, идею стоявшего некогда храма — и эта вот незавершенная колоннада, этот траченный временем мрамор говорят сердцу больше, чем говорил бы, наверное, Парфенон во всем его прежнем, раскрашенно-ярком, наряде.

Выходит, не стоит уж так опасаться разрухи и тления — ибо то, что достойно бессмертия, не подвластно ни землетрясению, ни взрыву турецкого пороха? Скажем более: может быть, только разрушенный храм начинает жить в вечности?

На эту тему поговорить бы с японцем Юкио Мисимой, автором знаменитого романа “Золотой храм”. Он-то как раз и считал, что лишь смерть одаряет бессмертием, и лишь только разрушенный храм достигает того совершенства, какое в реальности недостижимо. Но Мисима, увы, так стремился к бессмертию и к совершенству, что разрушил и храм собственного тела (храм, который он так самозабвенно строил и совершенствовал всю свою жизнь) — дело кончилось тем, что Мисима сделал себе харакири...

Зной все крепчает, и бродить по Акрополю все тяжелей. Но нельзя же не посмотреть знаменитый Эрехтейон и его портик с кариатидами?

Идея, что женщины держат над головой кровлю храма, да еще и умудряются, в то же самое время, как бы и танцевать — очень нам, русским, по сердцу. Эти коры-кариатиды, со всей их спокойною статью, неяркой улыбкой, щекастыми лицами — это же русские, в сущности, бабы. А держать над головой крышу храма — задача ничуть не труднее, чем выносить нашу русскую жизнь, да при этом еще оставаться первейшими в мире красавицами.

Акрополь прекрасен не только сам по себе — он замечателен также и видами, что открываются сверху. Вон, внизу, кусты и колонны агоры, некогда средоточия торговой и философической жизни Афин; вон знаменитый театр,

где ставились драмы Софокла, Эсхила и Еврипида – в присутствии, разумеется, авторов. Когда давали аристофановские “Облака”, где в комическом виде был представлен Сократ и его школа-“мыслильня”, реальный Сократ встал со скамьи, чтобы зрители лучше видели прототип героя комедии – и, на глазах у хохочущей публики, невозмутимо простоял все представление.

Так же невозмутимо он выпил и чашу с цикутой – вон там, на склоне холма, где была афинская городская тюрьма. Сократ просидел там, в ожидании казни, целый месяц – и даже начал учиться играть на флейте. Когда же убитые горем друзья восклицали: “Ох, Сократ, и нашел же ты время для уроков музыки!” – мудрец, со спокойной улыбкою, им отвечал: “А другого времени у меня уж не будет...”

Спустившись с Акрополя, мы снова прошли Перипатом – улицей, по которой бродили, беседуя, перипатетики. Сегодня философов не было: вместо них на горячих бульжниках сидел одинокий саксофонист. Он, одурев от жары, выдувал из горящего золотом саксофона одну и ту же тягучую, знойную музыкальную фразу.

Спасением от зноя для нас стал новый, недавно открытый, музей Акрополя: там было прохладно и гулко. Античной скульптуры мы уже рассмотрели за эту неделю, и нам трудно было разделить восторг Эвимиоса, нашего проводника – который с азартом и пылом влюбленного юноши водил нас от изваяния к изваянию. Но вот что в самом деле запомнилось, так это – коры, античные девы. Их было много, они были разного роста. Складки каменных пеплосов ниспадали со статных фигур – а на их лицах окаменел совершенно особый, невозмутимый покой. Этот тысячелетний покой изливался теперь и на нас, созерцающих каменных дев.

Как ни томил полуденный зной, мы все же пошли на агору. Что это ныне? Обширный пустырь, по которому там-сям растут акации и гранатовые деревья и видны развалины портиков. Вдали, на пригорке – руины храма Гермеса, бога торговцев. Торговать греки умели не хуже, чем философствовать; но разница меж торговашом и философом та, что даже самый успешный торговец, в конце концов, остается в проигрыше – ничего, кроме драхмы во рту, в загробную жизнь он не унесет – а философ всегда выигрывает. Как рассуждал перед смертью Сократ? Если смерть есть ничто, пустота, прекращение всего – то я рад прекращению тягот и зол надоевшей мне жизни. Если же, как мы надеемся, наши души бессмертны, то я встречу в вечности души великих людей, смогу побеседовать и с Гомером, и с Пифагором – так стоит ли мне бояться того, что, в любом случае, сулит только благо?

Пройдя каменистую пустошь агоры, миновав место “расписной стои” – именно здесь стоял некогда портик, где собирались стоики, рыцари мужества и безнадежности, – мы выходим на шумную улицу. Здесь, за столиками уличных кафе, галдят туристы со всего света – здесь кипит бесконечный, бездумный, хмельной праздник жизни.

Пока мы смотрели агору, небо стало затягивать тучами, дневной свет померк – и вот на горячие улицы шумных Афин хлынул ливень. Мостовые и тротуары как будто вскипели, потоки мутной воды понесли мусор к решеткам ливневых стоков – а среди отдыхающей публики началась веселая суматоха. Словно из-под земли выскочили мальчишки-торговцы с зонтиками и стали бойко сбывать их бегущим, нахохленным, мокрым прохожим. Зонтики шли нарасхват: что значат навыки оперативной торговли!

Ливень всех освежил и взбодрил – Афины помолодели, умывшись, – а мы зашагали по пенным потокам разыскивать Башню ветров. На тротуарах воды было по щиколотку, ноги хлюпали, и идти напрямик, через лужи, было приятно, как в детстве.

На Башне ветров следили не только за направлением и силою ветра – но наблюдали и за течением времени. Были там и солнечные часы, и водяные – они назывались клепсидра, – там непрерывно следили за тем удивительным и неуловимым, что превращает нас из детей в стариков, а из живых – делает мертвыми. Древние, видно, догадывались, что пространство и время – едины; и что, наблюдая движение ветра, то есть пространства, мы можем что-то понять и о времени, о его беспощадном и все уносящем потоке...

Башня ветров восьмигранна, груба и плечиста. На каждой из граней – изображение одного из ветров. Раздув щеки, каждый ветер, представленный в виде могучего мужа-атлета, пытается одолеть семерых своих братьев – и из этой борьбы получается то, что мы, люди, зовем так поэтически: роза ветров.

...Вечером этого долгого, полного впечатленьями, дня мы любовались греческой свадьбой. Она проходила в отеле, во двореке возле бассейна – и нам, с балкончика нашего номера, все было видно, как на ладони. Гости съехались поздно – последние подходили уже где-то к полуночи – но, что интересно, молодых с гостями не было. Молодоженов проводили до двери их номера и оставили там вкушать дары Гименей. Тем временем родственники и друзья расселись за столиками – вода бассейна бросала голубоватые блики на лица – и, тост за тостом, славили это событие. Закуски и выпивки было немного (на наш русский взгляд, столы были просто пустыми), но веселились греки от души.

Скоро начались танцы. В сухих, энергических ритмах бузуки было что-то от звона цикады. Меж столиков сделалось тесно и весело. В самом центре статная женщина в платье лилового цвета – оно ниспадало до пола навроде античного пеплоса – танцевала, кружась, плавно-медленный танец. Показалось, что я уже видел сегодня и эту округлую, полную руку, приподнимавшую над коленом подол, и рыжую эту прическу с узлом на затылке, видел эти изгибы тугого, плывущего между танцующих, тела...

Ну, конечно: красавицы-коры в музее Акрополя! Одна из них словно вдруг ожила и теперь танцевала с гостями. В ее плавных движениях и поворотах, в обнаженной руке, что держала пурпурную розу, во всей пластике женского тела выражался живой дух античности – и мы зачарованно, долго следили за танцем ожившей кариатиды...

P. S. Так уж случилось, что, спустя всего месяц после греческого путешествия, я оказался на русском Севере. Казалось, вот только что я сидел на палубе “Царицы Небесной” и любовался на острова Эгейского моря – и вот я снова на палубе, снова смотрю, как мимо плывут острова, и горластые чайки снова взмывают и падают к пенной струе за кормой. Только вокруг не лазурные воды Эгейского, а фиолетово-черные волны студеного Белого моря. Катерок перевалку, с одышкой везет нас из Кеми на Соловки. Я ежусь от зябкого ветра и думаю: “Как все похоже на Грецию – острова, море, чайки – и какое же все совершенно иное...”

Действительно: там, далеко – ласка солнца и моря, там мир раскрывает объятия перед человеком, там есть возможность неспешно бродить, размышляя, в тени серебристых олив – или любоваться, держа в руке чашу с вином, на купающихся в теплом прибое красавиц.

Здесь же, на Севере – и голой-то женщины можно за всю свою жизнь не увидеть: не тот, увы, климат. Здесь жизнь настолько сурова, что превращается в непрерывную схватку со смертью. Чего стоит один такой факт: поморы, отправляясь на промысел, обязательно брали с собой смену чистого “смертного” белья – это было так же естественно и необходимо, как взять на коч бочку пресной воды.

Как бы Сократ и Платон рассуждали вот здесь, где-нибудь в декабре, когда дует моряна и некуда скрыться от ледяного дыхания Севера? Чего уж там удивляться, что Запад нас, русских, не понимает: среднему европейцу просто непредставимы условия, в каких нам порою приходится жить.

Куда удивительнее другое: то, что нам, русским, не просто понятны и близки иные культуры, иные миры – но что мы воспринимаем и чувствуем их, словно нечто, нам кровно родное. “*Нам внятно все: и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений...*” – писал Александр Блок. Да, грекам в Греции трудно представить себе Соловки и ту жизнь, что ведут здесь русские; но зато русским на Соловках Греция и близка, и понятна. Иконы и фрески монастыря, и церковная служба, и весь уклад строгой монашеской жизни – это же все православное, греческое, идущее от Византии. Сердце, можно сказать, Соловков, да и всего православного русского Севера – родом из Греции.

И потому, когда старый наш катерок, переваливаясь под напором зюйд-веста (этот ветер не любят здесь и называют “шалоник”) – когда наш катерок, уже на багровом закате, поравнялся с Бабьей Лудой, я подумал: “А ведь мы, в сущности, опять приближаемся к Греции...”. Мы стремимся туда, куда нас ведет наше сердце, а оно у нас – “греческой” веры. И потому, куда бы мы ни пошли, ни поехали, ни полетели – но, если мы путешествуем по велестью души, по сердечному зову, то впереди у нас всегда будет Греция, с ее истиной и красотой – и с ее негасимо сияющим Словом...

“НАЧАТЬ СВОИМИ РУКАМИ ОБУСТРАИВАТЬ РОССИЮ”

Основная тема всех писем наших читателей, приходящих в журнал, – боль за Россию. Русские люди не остаются, не могут оставаться равнодушными, видя вокруг себя продолжающееся разрушение основ русской народной жизни. Это касается и политики, и области культуры, экономики и идеологии. И по мере сил наши сограждане борются с деструктивными процессами, навязываемыми нашему обществу как равнодушием власти, так и откровенно враждебными действиями иных наших деятелей политики и культуры. И в этой связи именно журнал “Наш современник” становится тем организующим центром, который собирает вокруг себя здоровые национальные силы. Мы делаем свое дело, но в этом нелегком труде, прежде всего, мы ждем помощи от всего нашего общества, от каждого ее члена, от каждого сознательного гражданина. Ведь только мы с вами, наши дорогие читатели и соратники, и можем “...начать своими руками обустроить Россию”. Да и просто спасти ее!

ЛУЧШИЙ ПОДАРОК – КНИГИ “НАШЕГО СОВРЕМЕННОКА”

Дорогой Станислав Юрьевич!

Примите запоздалое, но сердечное спасибо за прекрасный подарок, коим являются книги “Нашего современника” – от Пушкина до наших дней! Выразить благодарность хотелось тотчас, по получении двух первых номеров.

“Наш современник” в советское время я выписывал с тех самых пор, когда в нем печатались щемящие душу повести и рассказы Белова, Распутина, Астафьева, Абрамова, Солоухина, Шукшина, Ткаченко, Яшина, Носова и других “деревенщиков”. Читал журнал и позже в окаянное безвременье, когда на передовую заступили публицисты Кожин, Казинцев, Шафаревич и, не в последнюю очередь, Вы, Станислав Юрьевич. Помню Вас и по встрече в нашем СП, куда Вы явились в славном окружении – А. Казинцева, В. Бондаренко, Е. Нефедова и других. Символично: в зале было очень холодно, и Вы выступали, как Чапай или Щорс на поле боя – не снимая накинутой на плечи верхней одежды. Да, в то время в пору было братья за шашки, да и сейчас не мешало бы... Хорошо, что шашку и штык вполне заменяет перо, коим Вы отменно владеете. Мы ценим, что Вы, как редактор, продолжаете традиции “Нашего современника” и выступаете по самым острым вопросам, в частности, по русско-еврейскому “диалогу”, от которого противная сторона трусливо уклоняется.

Желаю Вам и другим сотрудникам журнала крепости духа и непримиримости в борьбе с многоликими врагами нашего Отечества. Мечтаю и сам быть полезным журналу.

С уважением –

Юрий Владимирович ЧЕРНОВ,
писатель
г. Красноярск

“ВЫ ОЧЕНЬ МНОГО ЗНАЧИТЕ В МОЕЙ ЖИЗНИ...”

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Написал отклик на Вашу работу “Жрецы и жертвы Холокоста”. Видимо, накопело... В настоящее время заканчиваю работу над очередной книгой альманаха “Тобольск и вся Сибирь”, которая будет посвящена сибирскому казачеству. Также приступил к работе (как редактор-составитель) над Антологией стихотворений сибирских поэтов “Во имя Матери” – здесь стихи, посвященные нашим мамам, о мамах, ну и те, где – “Россия-мама”. Это моя давняя идея, которую горячо поддержал Аркадий Григорьевич Елфимов. Елфимов стал несколько торопить меня с книгой-альбомом, о которой я Вам говорил. Он знает, что Вы дали согласие написать предисловие. Называться он, скорее всего, будет “Солнечный скворечник”, и, видимо, надо отметить иллюстратора – самого Елфимова. Впрочем, Вы, наверное, видели похожую книгу – Мизгулин в соавторстве с Елфимовым.

Главное: подписку на журнал продлил. Здесь все всегда будет в порядке: Ваш журнал и Вы очень много значите в моей жизни. Дай Бог Вам здоровья!

Всегда с Вами –

Юрий Петрович ПЕРМИНОВ,
писатель, публицист, редактор газеты “Омское время”
г. Омск

“ДЕЛО В РУСИ, В РУССКИХ!”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Конечно, правда о Холокосте и поведение людей во время смертельных испытаний очень важны, но для истинного русского еще более важно – почему при наших просторах, природных богатствах, при наших малых запросах и терпении за сто последних лет народы России так и не стали жить лучше, духовнее, свободнее, без надрыва, неопределенности и преждевременного ухода, как те же евреи (которые ныне быстро прогрессируют в Израиле), греки, казахи?... И почему мы, имея тяжелую победу во Второй мировой войне, церковь, конституцию, коммунистов, профсоюзы, многих несогласных, не протестуем против клановой узурпации власти, бездарности и воровства властей (посмотрите на последние декларации о доходах – стыд!)? И что вообще впереди при такой эволюции страны?

Неужели у нас и впрямь рабская, а порой и подлая, психология, без уважения себя, что всячески культивируется нашими “вождями” (на фоне которых Николай II – несомненно честный и патриотичный правитель). Вот о чем, по-моему, следует больше писать – дело в Руси, в русских! А иначе все развалится, и снова останется только наивный, терпеливый и ограбленный народ.

“НС”, пожалуй, единственный, способный сие поднять, и он это делает, но еще недостаточно с учетом значения вопроса.

Владимир Александрович СЕРОВ,
пенсионер
г. Архангельск

“ВСЕ ВАШЕМ ЖУРНАЛЕ ТАК БЛИЗКО И РОДСТВЕННО...”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Получил нежданно-негаданно бандероль с двумя экземплярами журнала “Наш современник”. Страшно растроган этим, спасибо.

С большим удовольствием читаю журнал. Все в нем так близко, так родственно, так греет душу, как не было давным-давно.

Виталий Александрович ЖИГАЛКИН,
член СП России
г. Новосибирск

“СРАЖАТЬСЯ ЗА РОДИНУ, ПРОНИКНУТЬ В КАЖДУЮ НАРОДНУЮ ДУШУ...”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Я очень рада, что, несмотря на все перипетии судьбы и кризисы, журнал “Наш современник” по-прежнему в строю и даже немножко увеличил тираж. Спасибо за то, что продолжаете сражаться за Родину, пытаетесь проникнуть в каждую народную душу. Дай Бог Вам подольше светить на нашем неласковом небе. А Россия переживает очередной (который уже?) позор. Не попали на чемпионат мира по футболу. С треском проваливаем Олимпийские игры. Рост цен на услуги ЖКХ убивает последнюю надежду на моральный отдых. Узнаю все новые и новые случаи жилищного унижения ветеранов Отечественной. Да такого просто не должно быть! Вместе с провалами на спортивной арене тают остатки доверия к власти. Ведь это она, власть, превратила стадионы в барахолки и казино. Это власть разбазарила наши тренерские кадры и уничтожила массовый спорт в глубинке. Это она, власть, сделала наших спортсменов практически беззащитными перед диверсиями разного рода. С 1993 г. (когда растоптали людей) идет уже ничем не прикрытое уничтожение нашего спорта. Что сейчас скажет наша власть? А как поступили бы мы?.. Что мы можем?.. Я выписываю “Наш современник” и даю его читать кому только можно. Равнодушных практически нет. Есть у меня и свои успехи. На фестивале поэзии Западной группы районов Красноярского края “Шарыповская лира” я стала дипломантом. Сейчас я являюсь заместителем председателя совета села и стараюсь добросовестно выполнять возложенные на меня обязанности. В этом году, хочется верить, при содействии отдела культуры выйдет мой сборник стихов. Но чувствую, что могу много больше, но как себя реализовать? Хочется и дальше читать Ваш журнал, переписываться с Вами, услышать дельный совет, узнать о книжных новинках по русской истории и литературе.

С уважением к Вам –

Оксана САРИНА
село Никольск Шарыповского района
Красноярского края

ТАКОГО “КИНА” НЕ НАДО!

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Хочу поделиться с Вами своими мыслями по поводу просмотренных мной фильмов, которыми наше телевидение “порадовало” нас, русских людей, в канун Великой Победы. Что же нам преподнесли?..

1-й канал решил порадовать страну очередными шедеврами “военного кино”. Первым из них стал фильм Петра Тодоровского “Риорита”, вторым – “Исчезнувшие”. Конечно, снова запустили, как козла в огород, мегасериал “Диверсант”. Новинки выглядят очень потасканно: их ровно год назад крутили к предыдущему юбилею. Но это позволяет сделать вывод: данные фильмы и сериал чем-то дороги двуглавному медведю, они становятся частью новой

государственной идеологии, поэтому я считаю своим долгом проанализировать их, выделив основные идеи и постулаты.

Бестселлер “фронтовика”, Тодоровского, названный в честь игривой довоенной песенки “Риорита”, при внимательном рассмотрении обнаруживает удивительное сходство со сказкой Ершова про Конька-горбунка: отец, три сына, коварный завистник и конечный хэппи-энд для младшенького. Правда, создатель “Интердевочки”, известный певец проституток, не искал легких путей. Если у Ершова старший брат был “умным детиной”, средний “был и так, и сяк”, а младший, конечно, “дурак”, то Тодоровский превратил в дебилов всю семью. Его теперь никто не обвинит в плагиате!

Сюжет незатейлив: папаша и три его сына, отсидевшие под властью Третьего рейха два года, по освобождении области призываются в Советскую Армию. Здесь же выясняется удивительная вещь: никто из них не был партизаном и не помогал им. Сидели “унтерменши” под немцем тихонько, как мыши, пахали землю, собирали урожаи в германские закрома. Герои...

Безо всякой проверки их зачисляют в строевую часть, предварительно переодев семейку в окровавленные (!) шинели, снятые с трупов – надо полагать, для поднятия боевого духа. Старший брательник, надевав в штаны от страха, решает в первый же день удрать к жене, под теплый бочок. Ради этого он, послушавшись совета коварного сослуживца, сразу невзлюбившего братьев, стреляет себе в ладонь из винтовки. Естественно, первая же медсестра его разоблачает, и злобные смершевцы перед строем части расстреливают его. Сцена расстрела снята так, что не испытываешь ничего кроме отвращения к покойному. Это характерная особенность фильма Тодоровского – герои не вызывают никакой симпатии. И не потому, что они трусы и шкурники, а потому что представлены откровенными идиотами. Это подтверждает каждый кадр означенного фильма.

Средний брат (“так и сяк”) недалеко ушел в развитии. Он ходит, слушая постоянно музыку своих золотых часов (странная вещь для крестьянина), улыбается, пускает слюни и лопочет что-то невнятное. Этим он очень смахивает на современного “продвинутого” подростка с наушниками в ушах. Единственный его плюс это то, что он тихий юродивый – в отличие от своего буйного старшего брата.

Но жадный завистник, погубивший старшего, теперь не отстает от среднего брата. Причина проста – часики золотые спать не дают негодяю. Вскоре средний гибнет так же тихо, как и жил. Батя (опять же с подачи рокового злодея) решает реабилитировать семью в глазах товарищей по оружию. Он идет в разведку, попадает в какой-то немецкий лабаз, в который, наверно, еще недавно свозил картошку для оккупантов. Как и положено отцу трех остолопов, глава семейства не отличается сообразительностью. и появившиеся фрицы убивают старика. Далее следует самый бездарный эпизод фильма: младший брат, подоспевший к шапочному разбору, с диким криком “Батя, батя!” косит врагов как лапшу. Вроде бы героический момент, а снято так вяло и ненатурально, что вызывает лишь смех. По “мощности” актерской игры эта сцена может поспорить с визгливой истерикой Анны Михалковой в фильме “Обитаемый остров”. “Не верю!” – сказал бы Станиславский.

А война, между тем, уже близится к завершению, и надо воздать подлецу по его заслугам. Обнаружив золотые часики своего брата у хитрого сослуживца-прощельги, младший братан тут же попытается с ним разобраться, но офицер благородно избавляет его от этого, он сам хватает негодяя за голову и бьет затылком о каменную стену до тех пор, пока все мозги не вытекают. Ничего не скажешь, “сильная” сцена, но это же плагиат из “Чеченского блюза” Проханова. Как не стыдно!

Финальные кадры фильма режиссер явно создавал под влиянием рекламы “Воронцовских сухариков”: длинноволосые усатые блондины косят траву, и играет музыка. Сразу видно, что фильм Тодоровского испечен в рамках известной антисоветской традиции – забавы дураков ради.

В День Победы Тодоровского еще раз показали по ОРТ. Очевидно, других фронтовиков Эрнстом не обнаружено. Давно известно, что как писатель пишет о себе, так и режиссер снимает о себе. Кем же зашифрован Тодоровский: старшим братом с манией преследования, тихим дебилом или истеричным колхозником? Или его лирическое “я” – тупой батька, прячущийся от фронта. А может – все?

Фильм “Исчезнувшие” прошел по экранам еще в 2009 году. Его вторичная трансляция год спустя, как и в случае с “Риоритой”, служит закреплению антисоветского бреда в головах подрастающего поколения. С одной стороны, фильм посвящен партизанам Великой Отечественной, то есть должен быть полезен. Ведь даже в советское время партизанам кино уделяло не так уж много внимания. Трилогия “Фронт за линией фронта” Цвигуна — редкое исключение. Но это — случай особый: не каждый автор мог похвастаться дружбой с Брежневым.

Впрочем, при малейшем знакомстве с “Исчезнувшими” человек свежий заподозрит, что ему что-то не то впаривают. В самом деле, даже если отбросить нелепицы и несуразицы историко-военного характера, история партизанского отряда, спасающего секретные архивы, буквально смердит. Все без исключения народные мстители либо служили полицией, либо дезертировали из Красной Армии. У всех есть родственники и друзья среди немецких прихвостней, бургомистров, карателей и прочей швали. Такое ощущение, что весь наш народ представляет собой сборище предателей, трусов и шкурников. И когда это только герои фильма успели “перековаться”? И главное — зачем? В фильме нет и намека на какие-то душевные терзания, на раскаяние героев. Почему же народ вообще воевал с немцами? Сидели бы себе на печи в ожидании бутылки баварского пива из рук славных “освободителей” от большевистского гнета! Все так называемые “лирические отступления”, которыми фильм нашпигован, рисуют одну и ту же картину: злобные чекисты, сталинские репрессии... Единственный достойный человек в отряде — его командир, летчик авиации дальнего действия (АДД). С коллаборационистами не яштался, на немцев не “шестерил”. Молодец! Конечно, такой подозрительный товарищ вечно на прицеле у “палачей НКВД”, допрашивающих днями сбитого летчика. Видимо, намереваясь расстрелять. Рейд на дальнюю бомбежку, гибель самолета и друзей, выход к партизанам для вылета на “Большую землю” — все это точно и увлекательно описали в своих мемуарах такие летчики АДД, как Молодчий, Решетников, сам Главный маршал авиации Голованов. Дальняя авиация, подчинявшаяся лично Сталину, даже в 1941 году переправляла своих пилотов из партизанских отрядов в их родные части. Их тут же сажали — но не в застенки, а за штурвалы! Привилегированный род авиации, элита.

Создателям “кина про войну” не нужны мемуары и подлинные рассекреченные документы. Они уже давно, как медведи лапу, сосут сюжеты из своих грязных пальцев. Кстати, есть у “Исчезнувших” еще один поганый смысл, заложенный в названии фильма и подтвержденный последними кадрами природы, растворяющей в себе тела партизан: вот, мол, будете воевать за Родину и исчезнете, даже могилки не останутся, подохнете и никто о вас не вспомнит. Такая вот “патриотическая пропаганда”.

Суперсериал “Диверсант”, который лучше было бы назвать “Галкин против Гитлера”, занудливо тянется уже третий год. Сага об армейских разведчиках, которых почему-то посылают не за “языком”, а в глубокий немецкий тыл, впечатляет нервных людей. Одна моя сослуживица, просмотрев “военное мыло”, так разволновалась, что даже всплакнула, рассказывая о тяжелой судьбе “парнишек”: “...И все сделали!.. А их посадили!..” Можно понять, кровавая гэбня не ограничивается летчиками. Впрочем, подробный “разбор полетов” по сериалу “Диверсант” произвел Максим Калашников в газете “Дуэль” (№ 25, 2008).

Новый патриотизм с “лицом Путина” выглядит как власовская провокация. В нем нет глубинного содержания, того, что Лев Толстой назвал скрытой теплотой. Скорее, это скрытый холод. Для доверчивого народа закатали роскошный парад на Красной площади, лицемерно вспомнили о ветеранах. “Они подарили нам жизнь!” Думаю, многие ветераны захотели бы забрать у путинцев этот подарок назад.

Они щеголяют самолетами и танками, построенными еще в СССР, потрясают “Тополями”, которые заказал промышленности еще Устинов, проводят показательные полеты самолетов Ту-160, забывая, что к ним уже нет запчастей. Двигатели созданы на ныне уже не существующих заводах. Единственное, что демонстрирует власть “бесиков” (бело-сине-красных) из своих достижений — форма Валентина Юдашкина и ограниченный контингент НАТО, топчущий русскую грудь. Пиндосы и их прихвостни никогда не пригласили нас на свои праздники — вроде 60-летия высадки союзных войск в Нормандии. Они вообще исключили нас из истории Второй мировой. Нет бы научиться

у янки отношению к бывшему! Замечу, что когда я посмотрел “Утомленных-2” Михалкова (“Предстояние”), разрекламированных как наш ответ “Рядовому Райну”, то понял, что информационная война нами проиграна вдребезги. Никакой американец (даже Оливер Стоун) не станет с таким грязно-мазохистским наслаждением копать в старых язвах. Дай-то Бог, чтобы Никиту Сергеевича тоже однажды макнули как следует. Но не в торт, а в нечто менее ароматное. Барин, конечно, может быть добрым, но он должен себе уяснить: мы не рабы и не холопы. А если это трудно осознать, то можно ему вспомнить судьбу других бар после народной революции – эмиграция или тюрьма – в лучшем случае.

Возвращаясь к сериалу “Диверсанты”, отмечу, что для воссоздания истинного облика войсковых разведчиков опять же имеются и воспоминания, и прекрасные художественные произведения разведчика Владимира Карпова (вечная ему память). Но, очевидно, у кинодельцов особая гордость – на советских смотреть свысока. Мнение ветеранов им безразлично, главное, молодые “просвещаются”...

В свете недавней статьи Владимира Шведа о Катynie показательно публичное оплевывание России из сладких уст правящей парочки. Катынские камлания, увенчавшиеся недавним жертвоприношением шляхты с последующей слезливой показухой, едва не закрыли собой весенние праздники. Накануне Дня Победы Медведев кинул полякам кусок старой тухлятины – 82 тома дела № 159, признав “сталинские преступления”. Сведущие люди знают, что за барахло в этих томах. Отдельным перлом сверкают таксонометрические чертежи нар, на которых спали польские офицеры в плену. Глядя на эти доказательства, невольно испытываешь трепет перед дебилизмом тех, кто их насобирал. Как же скучно отрабатывать польские злотые! Совсем нет вдохновения! Команда следователей больше всего напоминает мне бригаду старьевщиков, скопидомных, как гоголевская Коробочка. Не беда, если подобный хлам перекочет в Польшу. Тревожит совсем другое – подобные полупризнания наверняка сопровождалась закулисной торговлей. Мол, вы откажитесь от “геноцида польского народа”, а мы вам втихаря за это... что? Нефть и газ по халаянным ценам? Нужно будет проследить за динамикой цен на энергоносители во взаимной торговле. Хотя аппетиты “катынских семей” (а это сотни тысяч ляхов) вряд ли будут удовлетворены таким гешефтом.

Парад прокатился, прогрохотал, разорвал звуковым ударом истребителей московское небо, и снова молчит площадь, помнящая приглушенные снегом шаги ополченцев 41-го, звенящие серебряные трубы и деревянный стук падения знамен фашизма. Глухо стонет святой красный прах, вмурованный в стену. Некогда ее багровые твердыни вздрагивали от бьющегося в них горячего сердца Родины, пульсировали горячей кровью приказов, толчками тяжелой воли, оживляющей народное тело. Ныне усевшиеся в Кремле предатели, как в годы Великой Смуты, присягают иностранным владыкам, расшаркиваются перед “погаными”. Новый Лжедмитрий глумится над исконными традициями, умаляет нашу силу и славу, равняя катынскую ячницу с Божиим даром Победы. Усердно искореняется все, что еще связывает нас с ушедшим величием: отменяется проход суворовцев, стыдливо (или бесстыдно?) закрывается декорациями Мавзолей. Возлагая цветы к могиле Неизвестного солдата, равнодушно проходят “патриоты-державники” мимо могил Верховного главнокомандующего и маршалов. Даже мертвые, они страшат последователей Власова.

Бьется ли еще русское сердце или тупо гоняет по кругу трупный яд и холодную слизь бюрократизма? Михаил Илларионович Кутузов считал, что с потерей Москвы не потеряна Россия, пока сохраняется армия... Ныне мы – эта армия, и нам уже некуда отступать, ибо последняя пядь русской земли уже осыпается под нашими ногами.

У Юрия Петухова есть строки, которые я очень хочу послать Вам: “Он и не знал, что он и есть последний. Предпоследних убили в Приднестровье, в Боснии, на верхних этажах Белого Дома... Умрет он, и некому будет защищать Родину”. Как же хочется, чтобы последние стали первыми!

Ваш –

БЫКОВ О. Б.
поселок Яя Кемеровской области

“Я РЕШИЛ ОТВЕТИТЬ НЫНЕШНИМ ВЛАСОВЦАМ...”

Уважаемый Александр Иванович!

Рад, что могу обратиться к Вам. Выписываю “Наш современник” с 2002 года и в первую очередь читаю публицистику. Сын сразу же читает журнал от корочки до корочки.

Пятый номер обрадовал емкостью публицистики, которая отстаивает нашу Победу. В первую очередь прочитал Станислава Куняева – “Жрецы и жертвы Холокоста”. Много для меня прояснилось. Большой интерес вызвала статья Александра Севастьянова “Мечтатели рейха и русские мальчики”. Замечательно, как автор “отбрил” хулителей нашей Победы. Сейчас наши “либерал-демократы” утверждают, что все предатели России, в том числе Ельцин, Горбачев, Чубайс и им подобные – радетели России. Загнали в яму страну, а кто ее будет вытаскивать оттуда?

Меня взорвало, когда я залез в интернет. Правнук Власова оправдывает прадеда – не он один был таким. А. Блинец сунул статью “От Сталина к Гитлеру и обратно” – не зная броду, полез в воду. Он не увидел подвига военнопленных. Дело в том, что я знаю, как возникла 1-я Антифашистская бригада и как это соединение сражалось в белорусских лесах с оккупантами. Об этом мне рассказывал в 70-х годах еще полковник КГБ в отставке Г. С. Морозкин. Фашисты для своих целей создали бригаду из наших военнопленных, но бригада перешла на сторону партизан. Полковник Морозкин тепло отзывался о борьбе антифашистов и давал высокую оценку ее командира В. В. Гиль-Родионова и его заместителя В. М. Орлова. 10 месяцев сражались антифашисты с оккупантами в 1943–44 гг., тысячи фашистских солдат и офицеров отвлекая на себя. В. Гиль стал первым в стране военнопленным, которого наградили орденом Красной Звезды, потом присвоили звание полковника.

А вот А. Блинец нудит, что хорошо, мол, что погибли, а то бы сгнили потом в “сталинских застенках”! Ни слова не промолвил новоявленный предатель о героизме антифашистов. И я решил ответить нынешним власовцам – написал и издал за свой счет книгу “Подвиги бессмертны”, чтобы потомки знали, какие герои были в Стране Советов.

С уважением к Вам –

В. МОТОВИЛОВ

г. Калачинск Омской области

“НИКТО ЭТОГО НЕ СДЕЛАЕТ ЗА НАС...”

Добрый день, Александр Иванович!

С удовольствием прочла начало новой Вашей работы в июльском номере журнала. Хочу высказать Вам несколько мыслей по этому поводу.

Считала и по-прежнему считаю, что эти и другие главы “Дневника современника” должны лежать на столе у наших правителей, как аналитическая записка по текущему моменту. Подобный грандиозный труд также вполне достоин стать предметом большого разговора на конференциях, посвященных состоянию современного общества. Вам, конечно, прежде всего, нужны отклики крупных специалистов. Но, увы! Исчезла традиция широкого обсуждения важных тем, ученые заняты своими “проектами” и оформлением “грантов” для их воплощения. Писатели никак не придут в себя от внушаемой обществу мысли о необязательности их присутствия. Помню очень верные слова о нынешней атмосфере С. Кара-Мурзы на одном из иркутских “Сияний России”: сегодня люди не собираются вместе, чтобы поговорить о главном. А партии? То, о чем Вы пишете – родной материал и для КПРФ, и для “Справедливой России”. Они-то хоть сказали Вам спасибо за прибавленную аргументацию?

Многое упускается. Мне кажется, до сих пор не прочитан И. А. Ильин – его глубокие исследования во имя России стали достоянием ограниченного числа патриотически настроенных читателей и не врастают в реальность, а как современны!

Теперь о своем восприятии.

... С нами что-то произошло в 90-е годы. Мы перестали успевать читать. Я говорю только о людях своего возраста и круга — тех, кто когда-то выписывал по 3—4 журнала, “Литгазету”, местную газету и был в курсе “всего”. Ныне я постоянно читаю один “НС”, другие журналы от случая к случаю — просто не хватает времени. Читаю главным образом в транспорте, по дороге на работу и обратно, лучшее место — троллейбус, в маршрутке невозможно. Выгадываю час в день, но этого мало. Отстаю, журналы накапливаются... увы!

Мое внимание на “Дневник современника” несколько лет назад обратил Валентин Распутин, хорошо отозвавшись о нем, когда представлял Вас в Иркутске. Но признаюсь, читать я бросилась не сразу. Почему не сразу? То, что относится к политике, вроде как не сфера моих прямых интересов, душа больше тянется к художественной литературе: Вот написала и тут же подумала: а что, собственно, дает мне сегодня художественная литература, проза например? Мало, очень мало. Ждешь больше по привычке...

Останавливал объем публикаций, и эти частые выделения жирным шрифтом, да еще с разрядкой внутри. Для меня, редактора со стажем, это признак запальчивости автора и следующей отсюда многословности. Однако же, когда я начала читать “Дневник”, я ни разу не пожалела об этом. Хотя порой казалось, будто у Вас нет ни семьи, ни детей, Вы совершенно один и только и делаете, что пишете и пишете, читать не поспеваешь.

“Возвращение масс”... Помню, как меня удивило название (кстати, точное, **именно масс — не множеств**). Первая мысль: да возможно ли? Но громадой собранных фактов Вы меня убедили, что возможно — в принципе. Насколько реально для нашей страны — об этом я теперь думаю. Так что Вы открыли для меня целую тему, и если Вам интересно, поделюсь некоторыми из своих размышлений.

Брошенные Вами зерна, боюсь, упали на твердую (пока?) почву. Вы правы: мы переживаем “мировоззренческий откат”. Только не могу согласиться, что молчание читателей надо отсчитывать от 1992 года — “капитуляции экономической”, как Вы пишете, и последовавших за ней дальнейших капитуляций. Вы забываете об огромном поражении активных граждан страны на рубеже 80—90-х. Я говорю о тех, кто всю советскую историю пытался улучшить социализм. Л. Бородин, например, считает (может, теперь уже не считает, но считал в пору своей борьбы, он говорил), что социализм в нашем варианте нельзя улучшить, не разрушив его полностью. **Но я принадлежу к тем, кто считал, что улучшить можно, и делал это в меру своих сил на своем месте. Таких было много.** С 70-х годов помню это противостояние. Мы спорили с начальством по производственным делам, не соглашались с какими-то решениями, предлагали свои, настаивали на собраниях и в более высоких инстанциях, выступали против разного рода несправедливости. И кое-что удавалось. Участвовали в движении в защиту памятников культуры и природы в 80-е — это уже было заметно.

Повторяю: таких людей было много, и, едва почувствовав свою силу в середине 80-х, они были убиты морально чудовищным обманом приватизации и натиском дикого капитализма, вдруг победившего. Перестройка обещала другое. Они до сих пор не пережили провала. Оставшиеся силы в последние 20 лет тратят единственно на то, чтобы спасти свои семьи от голода — финансовыми подушками они не обзавелись, а успешными бизнесменами стали немногие, так как по роду занятий это были не торговцы, а производители, которые теперь уничтожены не как класс, а как целый слой. Поэтому вполне понятно, что, имея малую копейку от какой-нибудь случайной работы, далекой от прежней престижной профессии — инженер-конструктор или начальник цеха, главный агроном совхоза и т. д., дотянув до пенсии, эти люди говорят: жить можно... и не хотят никакой борьбы.

Заставить их поверить в возвращение масс на арену истории, согласиться, не так уж просто — их опыт “улучшения” уже построенного социализма повергнут в прах.

У стран Латинской Америки, которые Вы приводите в пример, другой опыт — более постепенных достижений, противник у них в основном не меняется. А у нас какие оборотни явились!

Наверное, придется учиться у венесуэльцев и бразильцев, которые когда-то учились у нас, их “демократии участия”. Но для этого еще не сформи-

ровались новые силы. **Протест – дело молодых, и Ваше слово должно быть обращено, прежде всего, к ним.** Но наша молодежь все еще переживает (хотя уже меньше, чем 10 лет назад) романтику капитализма. Да, легкие деньги, и нелегкие – ради них готовы положить все силы.

Вот Вы пишете: “Из общественного дискурса изгоняют идею труда, целенаправленной работы, обеспечивающей успех” (НС, 2009, № 11, с. 229). Верно. А почему это стало возможно? Потому что исчезла возможность выбрать работу по призванию. Призвания не ищут – ищут заработка, и мало кто может гордиться своим трудом.

Молодежь (да и не только она) не понимает, в каком государстве живет. Не прописаны цели России, средства достижения, не сделан пересмотр истории, с тем, чтобы выбрать точку отсчета. Нужна мозговая атака для выработки нового курса, а кто ее поведет?

Мы привыкли думать, что это должно делать государство. А государство отказалось от всего. Замолчали о поиске национальной идеи. И это закономерно – **национальной идее не нашлось места в Конституции.** Значит, государство не имеет права ее вырабатывать. И какая может быть национальная идея, если русские, основная часть населения, с их мировоззрением и жизненным укладом, по сути, находятся под негласным запретом.

Могу наблюдать, как неохотно многие лица чиновные лица произносят слово “русский” в названии ежегодного иркутского праздника – **Дни русской духовности и культуры** “Сияние России”, а иные попросту его исключают. Дескать, Сибирь у нас многонациональная. Да, но каждый национально-культурный центр в Иркутске: бурятский, украинский, белорусский, польский, еврейский, армянский, литовский, татарско-башкирский, киргизский, таджикский, дагестанский, есть даже городская национально-культурная греческая автономия – может проводить и проводит свои праздники. В такие дни мы гости друг у друга, разве этого мало? И как можно входить равноправно русским в татарский или армянский праздник? Не получится, можно только аплодировать из зала. **Почему же говорить о русском празднике в полный голос кому-то кажется неудобным и нескромным?**

То, что мы живем в идеологической оккупации Запада с его рыночными законами, уже ясно. Не перешагнули ли мы критической черты в этом направлении, мы не знаем.

С чем не могу согласиться. В “НС” за 2009 г., № 8, с. 245, Вы пишете, что “... главный разлом – даже не в идеологии, нет, в самой жизни – между богатыми и бедными. Все остальное... распределяется по этим полюсам”. Зачем наступать на те же грабли, что и в 1917 году? Когда дошли до раскулачивания, и крестьянин, имевший две коровы, считался богачом против имевшего одну. Богатые и бедные – величины непостоянные, а хамы есть и там и там, и порой они берут верх. Бунт бунту – рознь. По мне, так мир делится на идеалистов и материалистов, религиозных и безрелигиозных, совестливых и бессовестных, создателей и потребителей.

О сильной руке. Всюду и везде – она невозможна, глобализацию не остановить. Сильная рука нужна в государственном секторе, причем он должен быть не только в экономике, но во всех сферах жизни страны. Кстати, о нем поначалу говорили, теперь не только замолчали, но с новой энергией бросились сбрасывать “лишние” заботы с плеч государства. Похоже, правители не справились с разделением в этом случае мух от котлет. А тут как раз главное – не смешивать. Госсектор живет по своим законам – никакой коммерции, никаких 51% на 49% в разделе собственности и прибыли – все государственное, строгая отчетность, строгая властная вертикаль. Бизнес – по своим законам, ему не мешать, не раскулачивать всей чиновной ратью, брать только налог. И люди распределяются согласно своим склонностям: кто-то будет рад служить государству за не очень большую, но твердую зарплату, кто-то рискнет обогатиться в свободном предпринимательстве. Легче будет и отслеживать коррупцию.

Мне очень понравился Ваш обзор народных движений – держу эти номера журнала под рукой как своего рода энциклопедию. Мы с В. Козловым и нашему Александру Турику (председатель Главного совета русского народа. – **Прим. ред.**) о нем говорили, и Козлов подарил ему номер, где он упомянут. Не знаю, отозвался ли Турик... А тогда тоже пожаловался: у меня, говорит, от пола до потолка отложенных книг и журналов, когда только читать все буду.

На этом я себя останавливаю – говорить о затронутых Вами проблемах можно долго – волнует все. Но хочу напоследок обратиться к Вам Ваши же слова: **“Пора окончательно избавиться от патерналистских иллюзий и начать своими руками обустраивать Россию. Иного решения не существует. Никто этого не сделает за нас”**.

У меня есть предложение как раз в свете избавления от “патерналистских иллюзий”.

Смотрите, Путин, когда в свое время стал президентом, сказал примерно так: считаю себя менеджером, нанятым на работу гражданами России на определенный срок...

Но у менеджера должен быть хозяин, и это не те ли самые граждане России, которые его “наняли”? Следовательно, они должны самоорганизоваться и доводить до “менеджера” свою волю. И почему это только социально-экономическая сфера? А мировоззренческая? А это уже и наша с Вами забота. Почему мы должны ждать, когда нас пригласят или не пригласят на ТВ? Пригласят, а в последний момент вырежут, как Вы рассказываете. Почему главный идеолог – Сурков? Если спросить Медведева, не исключено, что он ответит: “А больше некому, он лучше других подходит”. Но в наших массах есть немало носителей идеологии, и они должны иметь право голоса.

“Наш современник” могуч своей публицистикой – это общеизвестно. Какие мудрые у журнала авторы! Почему редакции не взять на себя инициативу в проведении конференций, “круглых столов” по важным вопросам – и на страницах журнала, и в интернете. Назвать это, допустим, “Голос современника” (кажется, такая рубрика у вас уже была, если не ошибаюсь). А главное, не просто провести – поговорили и разошлись, а сформулировать выводы и предложения и заставить власть ответить на них. Как – надо придумать. Если уже пытались – надо пытаться еще. Я не говорю, что это должны делать лично Вы, но ведь это Москва, неужели не найдется несколько энтузиастов из авторского актива, из амбициозной политической молодежи Вам в помощь? Могут предложить несколько вопросов навскидку:

На что опирается в своей идеологии государство Россия?

Почему понятие “русский” выталкивается из общественного сознания?

Какое место занимает государственный сектор в многоукладной экономике России и что он из себя представляет?

Так кто же организует мыслящих людей в нашем Отечестве? Или “никто этого не сделает за нас”?..

С глубоким уважением и безмерным сочувствием –

Валентина СЕМЕНОВА,
редактор отдела критики журнала “Сибирь”
г. Иркутск

“ПОСЛЕ ВАШЕЙ КРИТИКИ ХОЧЕТСЯ ДЕЙСТВОВАТЬ”

Здравствуйте, уважаемый Александр Иванович!

Прочитала Ваши “Дневники” о России без русских и нахожу, что для меня это самая лучшая аналитическая работа по национальному вопросу. Изумительная аргументация! Поклон Вам с благодарностью за Ваш труд. Если бы русские люди, переживающие национальное унижение, прочитали в “НС” №6 за 2009 год и в №2 за 2010 год Ваш “Дневник”, они бы, несомненно, растащили бы его во все стороны России по абзацам и цитатам и переслали разным политикам, организациям и движениям – нате вам, читайте русскую правду! Может быть, читатели, которых Вы когда-то посадили в “окопчики”, так и сделают.

Ваша критика какая-то другая. Она не та, от которой начали отворачиваться демонстранты на митингах и протестных акциях, говоря: “От ваших газет и сборников, хоть вы и националисты, вешаться хочется... Опять травить душу будете?”. Нет, после Вашей критики – хочется действовать.

М. Н. Сотова
г. Москва

МИХАИЛ ФЕДОРОВ

ТАМ ЗЕМЛЯ ПРОПИТАНА КРОВЬЮ...

Жарким летом 1942 года немцы в обход Воронежа рвались на Волгу, в район Сталинграда, и в их планы не входило занятие Воронежа. Знали, город будут оборонять, и они отвлекут большие силы от Сталинграда. А Сталинград был их главной целью. Но случилось так, что мост на Семилуки не взорвали, и легкие немецкие танки ворвались в Воронеж.

Но это был не только боевой успех, но и добыча: заняли крупный город. Все танки потом были набиты всяким барахлом. Немцы посылали посылки в Германию – и продуктовые, и вещевые. И они влетели в Воронеж с жадной пограбить мирный город, не задумываясь, что нарушают диспозицию своего командующего барона фон Вейхса. Грабеж был их целью, и, увлекшись грабежом, они даже мосты не заняли железнодорожные, отроженские, которые вели на левый берег реки Воронеж. Так и получилось, что фронт прошел фактически через город. Пришлось нашему командованию срочно заделывать эту дыру.

Первая значительная сила Красной армии появилась здесь 17 июля 1942 года, когда из Сибири доставили в Липецк 303-ю стрелковую дивизию под командованием полковника Остроухова. И они из Липецка пешком лесными дорогами вдоль реки Воронеж вышли в район города и попытались 18 июля одним ударом овладеть Воронежем.

Но сходу, с марша пустили в прорыв только два полка – третий еще не подошел, и, главное, не подошел артиллерийский полк – была одна пехота. И никакой разведки не было, никто не знал, что представляют собой немецкие позиции. Здесь распорядился генерал Антонюк, командующий 60-й армией. Вот он и пустил дивизию в наступление. Сибиряки прошли сто двадцать – сто тридцать километров тяжелейшими дорогами по лесу. Там яры, ручьи, заросли. Бойцы страшно устали, не ели, не пили. Сбили себе ноги. А их хотели бросить сразу, да еще на ночь глядя. Но полковник Остроухов все-таки отвоевал время до утра.

Утром на рассвете, туман еще был, в тумане пошли на город. На немецкие пулеметы, в лоб... Потери были жуткие. Командир героической сибирской дивизии Лев Иванович Остроухов был убит, и могила его там, где горит Вечный огонь на Задонском шоссе. Комиссар дивизии также погиб. (Сначала их похоронили в Чертовицке. А потом, уже в 1960-е годы перенесли, когда воздвигался бетонный памятник в Задонье: боец лежит запрокинувшись, и Вечный огонь памяти горит).

Это была первая попытка освободить Воронеж. Потом в августе была предпринята еще одна попытка, и все. Не было тогда сил и не было нужды тут

воевать с немцами, потому что они дальше не двигались. Всех их усилия сосредоточились в направлении на Сталинград и Кавказ. Такова она, сермяжная правда обороны Воронежа.

Воронежу в оккупацию досталось. Все оставленное имущество разграбили немцы и прислужники их – полицаи из местных. Они приезжали в город из соседних районов, которые заняли немцы. Эти районы вдоль реки Ведуги были поставщиками полицаяв почти что на всю оккупированную часть Воронежской области. Тем семьям, из которых на службу к немцам в полицаи пошла молодежь, немцы давали разные льготы. И в качестве льгот давали пропуска в пустой, без жителей город. Грабить...

Все дома оставлены. Часть воронежцев от немцев успела убежать на восток, а тех, что остались, немцы угоняли на запад. Изгнание началось 12 августа 1942 года. Немцы показали направление на Хохол, и эти выселенные поехали Бог знает куда: кто на Западную Украину, кто в Германию. Жителей выгоняли потому, что рядом по реке Воронеж проходил фронт. Примерно сто пятьдесят тысяч населения оставалось в прифронтовом городе. Наши по немцам стреляют с левого берега реки, у немцев здесь и позиции и артиллерия, окопы нарыты, бои идут. И мешают, несет потери гражданское население. Кроме того, немцы боялись, что среди оставшихся есть переодетые красноармейцы, партизаны. Ведь происходили диверсии: то провода порежут, то что-то сожгут. Это делалось и стихийно жителями из мести к оккупантам, и нашими военными диверсантами, которых засылали с другого берега реки.

Разбираться среди жителей немцам было некогда, почему они и приняли решение очистить город. Дали сроки, дали направления и начали выгонять, начиная с севера, северо-восточного угла, от стадиона “Динамо”. Это сейчас почти в центре города. А тогда напротив стадиона “Динамо” было лишь начало города, первые улицы к реке. Вот отсюда немцы и начали сгонять население. Конечно, снять всю массу людей и двинуть на запад было нельзя, поэтапно это делалось. Немцы ходили и объявляли приказы с переводчиками, развешивали вывески: “Кто останется – расстрел”. Жители знали, немцы разбираться не будут, по какой там причине человек остался. И воронежцы с кровью, со слезами двинулись в изгнание...

И гнали несчастных жителей Воронежа сначала в направлении Песчаного лога, далее на понтонную переправу, а оттуда на Хохол. А в Хохле были регистрационные пункты. Начинали сортировать, проверять паспорта, разбивать на группы, кого куда. Выявляли семьи военнослужащих. Из семей военнослужащих – кто в комиссарах, политработниках. Выявляли комсомольцев, членов партии, отделяли евреев... Всех их расстреливали недалеко от Хохла. Там памятники сейчас стоят. Многих опознали, потому что трупы находили с документами, которые позволяли узнать имя. А в опустевший город хлынули мародеры.

Одной из наиболее страшных страниц из жизни Воронежа и являются события, произошедшие в Песчаном логе. Там сразу после войны нашли четыреста пятьдесят трупов. Некоторые были с документами, некоторые без. Там лежат плиты памяти. На некоторых плитах есть имена, а есть плиты чистые – памятники тем, кто оказался без каких-либо документов. Но когда всех убитых откопали, пересчитали, то вышло, что их ровно четыреста пятьдесят... Осталась живой Анна Федосовна (или Федосеевна) Попова. О ней много писали, когда освободили Воронеж.

Тогда власть обратилась к вернувшимся горожанам приходиться в райсоветы и рассказывать, что знают о зверствах немцев. И Анна Федосовна показала это место в Песчаном логе. Она чудом спаслась. Немцы привезли ее, как и многих других, из школы, которая находится на улице 20-летия Октября. Эта школа была превращена в госпиталь для гражданского населения, раненых от бомбежек, пуль. Там была врач Мухина Раиса Григорьевна, ее немцы расстреляли прямо во дворе школы. А потом этих больных в течение нескольких дней партиями на грузовиках с брезентовыми кузовами, человек по пятьдесят–шестьдесят, вывозили в место Песчаного лога, там расстреливали, вывозили и в другие места, но они не выявлены.

Да и про Песчаный лог узнали только потому, что в живых осталась Попова. Когда расстреливали, клали всех в ряд, живых... Потом шли и стреляли. Скорее всего, эти палачи были бандеровцами, потому что Попова говорила, что они гутарили по-украински. Были в немецкой форме, но не полной. Кто в

немецкой куртке, кто в штанах с лампасами, на ком какая-нибудь гимнастерка, может, снятая с красноармейца. Много там было всякой швали – бандеровцы, оуновцы, власовцы, кто шел в подручные к захватчикам.

Пришли и всю грязную работу – вешать, расстреливать – выполняли они. Немцы дают им паек, они подписывают обязательство и сразу начинают служить. Немцы делили пошедших к ним на службу по доверию на пять степеней. Пятая степень доверия высшая – в руки давалось оружие. А если он только начинал служить немцам, то оружие еще не давалось, не было известно, что он с ним делает. А уж если пятая степень доверия, то назначали каким-нибудь командиром. Ведь все эти спецотряды состояли, как правило, из изменников Родины, из военнопленных, часто “западенцев”, потерявших всякий человеческий облик. Так вот, в Песчаном логу людей клали на землю, и потом шел этот размовлявший по-галицийски “немец” и стрелял из пистолета.

А Анна Федосовна легла рядом с мужчиной, который был в шубейке. Почему в шубейке? Видимо, это все его имущество было, и он полагал, что пригодится. И шубейка была раскинутая и накрыла Анну Федосовну, и стрелявший “немец” убил этого мужчину, а ее не заметил. И она, когда немцы уехали, выползла. Но сначала и говорить не могла. Суток трое скрывалась в каком-то доме, не знала, что делать, боялась, что ее опять схватят, слышала, как опять подъезжали машины, раздавались выстрелы, крики, вопли, стоны. Потом уезжали. Она была ранена, почему и лежала в больнице – ранена пулей или осколком в ногу. Но потом сообразила, что в Воронеже оставаться нельзя, город зачищают от жителей, и надо двигаться туда, куда всех гонят. И она пошла к Дону, перебралась через Дон и где-то там, в каком-то районе на другой стороне Дона дождалась наших.

Когда вернулась, стала рассказывать соседям. Они ей говорят: “Анна Федосовна, это и по радио объявляли и на стенах написано, пойдди, расскажи властям”. Она пошла, рассказала. У нее спросили: “А вы можете место показать?” – “Могу”. Поехали, но она сразу не нашла и попросила дать ей время. Она сама походит, посмотрит спокойненько, неторопливо. И так она там несколько дней ходила, не сразу могла найти. Ведь немцы что делали? Расстрелянных клали под подошвой высокого песчаного бугра. А потом сверху обрушивали песок. Так что попробуй найди. Но Анна Федосовна нашла, потому что нашла тот дом, в котором пряталась, осмотрелась, все-таки трое суток там просидела. А когда показала, то стали раскапывать.

И вот, когда сняли слои песка и дошли до трупов, а город освободили в начале 1943 года, а раскапывали лишь летом 1943-го, то когда дошли до трупов, они уже были в желеобразном виде. Сколько было человеческой крови, мяса, костей... Тела еще не превратились в мощи, запах жуткий, там копали солдаты в противогазах. Люди задыхались, они не могли там присутствовать. И заходили с той стороны, откуда дул ветер, чтобы на них не шел запах. Сцены были ужасные...

А надо было рыться в этом, ведь искали документы, письма, фотографии, а многие трупы оказались неопознанными. Среди расстрелянных был отец одноклассника воронежского писателя Юрия Гончарова Миши Вержбловского. Это был еврей, но принявший православие. Жил и работал в Воронеже еще до революции. И в списке расстрелянных, опубликованном в газете “Коммуна”, его фамилия присутствует. Да, досталось Воронежу в оккупацию! И одним из свидетельств тому остался Песчаный лог. Пойдите туда... Там земля пропитана кровью... Вы поймете, насколько ужасной была та война.

ЛЕБЕДИ НАД НЕПРЯДВОЙ

В этом сентябре мы отмечаем 630 лет величайшего события русской истории — битвы на поле Куликовом. Поэтому судьба России, судьба русского народа — тема очередной подборки материалов наших читателей. Боль России, слава России — они неразрывны. Ждут ли нас в Европе, помним ли мы о том, что дал русский человек миру... Многие эти вопросы подняты нашими читателями на страницах нашего журнала.

ВАЖНЕЙШИЙ ВОПРОС СОВРЕМЕННОСТИ

Русский вопрос — важнейший национальный вопрос современности, причем не только для России, но и для всего мира. Это наглядно показали глобальные катастрофические последствия разрушения Советского Союза — приемника исторической России, русского в своей основе государства, созданного, прежде всего, русским народом, сплотившим вокруг себя все другие народы нашей страны.

Под национальным вопросом в широком смысле понимается вопрос об отношениях между национальностями или этническими группами многонациональных государств, о месте и роли национальных (этнических) факторов в жизни обществ и государств. Главной целью решения национального вопроса является достижение национального равноправия как на личностном уровне, так и на уровне всего общества путем обеспечения основных потребностей составляющих его больших и малых этносов (народов).

Авторитетный этнолог В. И. Козлов понимает под русским вопросом две основные группы проблем, одна из которых относится к понижению жизнестойкости русского этноса, другая — ухудшению отношения к нему со стороны большинства “титulyных” этносов, имеющих свою государственность, к умалению его ведущей роли в жизни многонациональной России.

Решение “русского вопроса” в Российской Федерации заключается, прежде всего, в утверждении его фактического равноправия с этносами, имеющими свои формы “национальной государственности” и пользующимися внутри них различными привилегиями.

Было бы глупо, однако, надеяться, что “русский вопрос” удастся хоть в какой-то степени решить, если ориентироваться только на интересы других российских этносов и на высказывания русофобов. В сложившейся ситуации столкновение этнических интересов — неизбежно, а потому следует думать лишь о том, чтобы ввести возможные межэтнические конфликты в демократическое русло. Например, применять при территориальных спорах уже не раз опробованную в международном праве практику референдумов. Это утверждение В. И. Козлова, высказанное еще в 1999 году на страницах его книги “Этнос. Нация. Национализм. Сущность и проблематика”, является честной,

глубокой трактовкой русского вопроса, полностью сохраняющей свое значение и сегодня.

Богатую пищу для размышления о русском вопросе дают публикации в журнале “Наш современник”. Так, С. Кургиян, отмечая, что откровенная русофобия поутихла (хотя и она продолжается), пишет о кардинальной смене русофобами стратегии: “Теперь русским будут особым образом лстыть. Лстыть коварно и разрушительно”. Об этом же пишет и В. Алкснис, обращая внимание на проявления русофобии не только в словах, а главным образом в практических делах против русских. “Сегодня именно практическая реализация политики русофобии как вокруг нашей страны, так и внутри ее представляет главную опасность для России и русского народа”. В итоге проводимой властями политики русские в России – люди второго сорта, для них Россия – чужая страна, где никто не защищает их коренных прав. Автор приводит большой и хорошо документированный список разительных фактов. Например, “в Чечне численность русских сократилась с 23 до 3,7 процента; в Ингушетии – с 23 до 1,2 процента”, “Постановлением правительства РФ назначили русским беженцам из Чечни максимальную выплату 120 тысяч рублей за утраченное жилье и 20 тысяч – за утраченное имущество. А чеченцам соответственно 300 и 50 тысяч”, “Во всех национальных республиках России созданы этнократические администрации, проводящие жесткую политику приоритета титульной нации”.

Осуществленный В. Алкснисом анализ фактического положения дел обосновывает вывод: политика властей приводит русских людей к протесту, к зарождению национально-освободительного движения русских. По мнению автора, общенациональной идеей, способной повести за собой большинство населения страны, должен стать просвещенный русский национализм.

Из сказанного с очевидностью следует: современная русская идея – это прежде всего идея спасения русского народа и России; ведь русский народ – основной государствообразующий народ России.

Это утверждение – простая констатация очевидного исторического факта. И только русофобы, не считаясь с этим фактом, выступают противниками внесения в соответствующие официальные документы записи о русском народе как опоре, ядре, связующем стержне, основном государствообразующем народе России, без которого она не могла бы состояться как целостное государство.

Конечно, все народы, вошедшие в Россию и проживающие на ее территории, внесли свой вклад в образование государства Российского, но основную, ведущую роль в этом процессе сыграл именно русский народ. Поэтому, не отказывая другим народам в их участии в образовании России как единого государства, о русском народе следует говорить именно как об основном, главном государствообразующем народе России.

Следует отметить, что формулировки “русские – основной государствообразующий народ” и “русские – государствообразующий народ” по существу идентичны, и поскольку именно русский народ объединил вокруг себя другие народы и сплотил их в единое государство, без него этого не случилось бы.

Создание русскими мощного государства на стыке Европы и Азии и трагическая его судьба в XX в. собственно и породили тему Евразии, евразийства, особенно модную в настоящее время. Надо согласиться с Т. М. Глушковой, подчеркнувшей еще в 1993 г., что эта тема может иметь значение только в связи с темой русского народа, помимо которой она теряет социально-исторический смысл, оставаясь чисто географическим вопросом. В ответ на замечание одного из участников дискуссии, что “проблема Евразии никак не снимает проблемы русскости”, Т. М. Глушкова подчеркнула: “Я бы заострила и даже перевернула этот тезис, сказав: проблема Евразии всецело опирается на проблему России и русских, зависит от них, а без них – совершенно надуманна, эфемерна. Потому что никакой, помимо чисто географической, Евразии, то есть весьма условного пространства на стыке двух частей света, без России и русских просто не существует. Без России и русских это понятие лишено реального содержания – культурологического ли, государственного, религиозно-духовного. Вне России и русских никакого “евразийского” единства (двуединства) нет. Оно было создано русскими, великой державостроительной нацией”.

И, действительно, как нечто цельное в общественно-человеческом смысле Евразия совпадает с теми границами, в которых действовало или продол-

жает действовать русское объединяющее начало. Сейчас эти границы сузились и фактически продолжают сужаться даже в пределах географической территории современной Российской Федерации. Например, нелегко ответить на вопрос, какое объединяющее начало действует на территории нынешней Чечни?

Интересно сравнить отношение В. И. Ленина и И. В. Сталина к вопросу о роли русского народа в создании великой России. В. И. Ленин, выступая в январе 1914 г. против объявления русского языка в качестве обязательного государственного языка России (под предлогом, что в языковой политике не должно быть насилия), допустил выражение: “великороссы будто бы (подчеркнуто мною. – Е. С.) были строителями и собирателями земли русской”, ставя под сомнение этот факт. И. В. Сталин же без всяких сомнений утверждал годом раньше: “В России роль объединителя национальностей взяли на себя великороссы, имевшие во главе исторически сложившуюся сильную и организованную дворянскую бюрократию”.

Во времена царской России не подвергалось сомнению, что она является государством прежде всего русского народа. Если признавать нацию особым состоянием этноса на высшем уровне его развития (сравнительно с предшествующими его состояниями), то русский народ давно уже стал нацией. В частности, он давно уже создал Россию как свое собственное государство, как единственное свое Отечество. Конечно, русская нация продолжала свое существование и в рамках СССР, а сейчас продолжает существовать в рамках Российской Федерации. Но и по условиям материального и духовного бытия, и в юридическом, правовом плане положение русских в созданном под их руководством и при их гигантских трудовых и военных усилиях государстве, а значит, в их собственном государстве резко изменилось. Неразрывная связь нашего государства с русским народом отражается теперь только в его названии – Россия, Российская Федерация. В Конституции же России (кроме, повторяем, самого этого имени) русские никак не упоминаются, их положение в государстве никак не определяется. В советском гимне хоть были слова, что союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь. Сейчас же об этом просто опасно напоминать. Юридически, конституционно у русских нет своего государства. Но это нонсенс, бессмыслица. Единственный способ избавиться от существующей нелепости – это официально признать в соответствии с историческими реалиями, что этносоциальным образованием (ЭСО), неразрывно связанным с русской нацией, является вся нынешняя Российская Федерация, что вся она в своей общей основе является именно русским государством, то есть государством в первую очередь русского народа, объединившего вокруг себя другие народы (этносы), у которых наряду со всей Россией по существующему положению дел имеются внутри нее свои собственные ЭСО (республики или округа). Если представители этносов, имеющих внутри России свои собственные ЭСО, являются полноправными гражданами всей России, то и русские должны быть полноправными гражданами на всей территории России, в том числе и на территориях этносоциальных образований всех других народов России. Юридически это как будто признано и закреплено в соответствующих законодательных актах. Но ведь это и означает, что для русских единственным их собственным ЭСО является вся Россия, что они являются государствообразующим народом всей России, а не какой-либо отдельной ее части. Без официального же признания этого русские юридически оказываются никем в своем собственном отечестве. А в пределах внутренних республик или округов других российских народов русские оказываются и практически весьма ограниченными в реальных возможностях своего существования.

80% населения России составляют русские. По международным нормам Россия может считаться мононациональной страной. Россия носит имя русского народа. Таким образом, он является титульной нацией, и в этом тоже проявляется тот факт, что вся Россия является в своей основе русским государством.

Тем не менее, у русских вырабатывается стереотип поведения бедного родственника, живущего не у себя дома, в то время как Казахстан или Латвия с 50% титульного населения спокойно объявляют себя национальными государствами.

Чтобы закрепить униженное и ослабленное положение русских в своей собственной стране, сейчас усиленно пропагандируется гражданско-государ-

ственная (этатическая) концепция нации, сторонники которой настаивают на том, что все граждане России независимо от их принадлежности к разным народам (этносам) являются представителями единой российской нации, в соответствии с чем уже давно русские именуются не русскими, а некими абстрактными “россиянами”. Во всяком случае, господствующие в России экономические и политические силы и выражающие их интересы представители науки давно уже поставили задачу сформировать общероссийскую нацию. Их противники, более осторожные и объективные ученые, напоминают, что в СССР уже существовала подобная общегосударственная общность, известная всему миру как советский народ, состоявший из ряда наций и народностей, объединенных общей экономикой, политикой и государственной идеологией. Советский народ как особая историческая общность действительно состоялся. Причем эта общность была явно более прочной, чем современное объединение российских народов. Тем не менее советский народ ни официальным руководством СССР, ни большинством ученых не объявлялся единой нацией, а характеризовался как особая многонациональная и многоэтничная и в этом смысле метаэтническая общность. Термин “метаэтническая общность” введен в этнологию для обозначения группы этносов, обладающих элементами общего самосознания, основанными на этногенетической близости, на длительном хозяйственном и культурном взаимодействии, закреплённом политическим объединением.

Конечно, метаэтническая общность может стать единой нацией, как это случилось в США, а может и не быть таковой, по крайней мере, на данном этапе своего развития, как было в СССР и особенно как есть в современной России. Причем результат развития зависит не только от длительности исторического процесса, но и от органических форм объединения народов (этносов). Административно-территориальное деление регионов способствует сплочению и перемешиванию этносов и их превращению, в конце концов, в единую нацию, а со временем (весьма длительным) и в новый единый народ в собственно этническом смысле этого слова. Напротив, национально-территориальное размежевание административных единиц в качестве внутренних этносоциальных образований в виде национальных республик тормозит процесс объединения этносов в большие нации, а в далекой перспективе и в новые большие народы-этносы.

И в СССР этнонациональная политика была непоследовательной, а в современной России эта непоследовательность проявляется еще резче. С одной стороны, звучат призывы к созданию единой общности, а в современной России даже к созданию единой нации. С другой стороны, ранее в СССР и РСФСР создавались, а теперь сохраняются национально-территориальные образования внутри России, проводилась и проводится политика фактического неравноправия русского народа, ущемления его материальных и духовных интересов.

В Советской России, а затем в СССР вместо принципа культурно-национальной автономии был применен принцип национально-территориальной автономии. По данным переписи 1926 г., в СССР насчитывалось около 200 наций, народностей, национальных и этнических групп. Они были организованы в 30–50 национально-государственных образований с разными правами, определявшимися в значительной мере произвольно. Все это приводило к напряженности в ряде регионов, к дополнительным противоречиям, к национальным трениям и т. п. Централизация экономической политики и связанный с ней рост бюрократизации приводили к отождествлению бюрократического центра с Москвой, Россией, русским народом, на которого стала возлагаться ответственность за усиливавшийся бюрократический централизм, а борьба с ним осознавалась в республиках как борьба с “великодержавным (русским) шовинизмом”.

Для объяснения неповторимости федеративного устройства СССР и РСФСР справедливо обращают внимание на два обстоятельства. 1) С помощью национально-территориального разделения единой царской России большевикам легче было взять власть и укрепить свои позиции. 2) Федеративный союз с иерархией субъектов федерации оправдывал себя как средство оказания помощи малым и отсталым народам со стороны большого русского народа, обладавшего в целом более развитой материальной и духовной культурой. В СССР установилось правило в распределении средств между на-

родами – “больше тому, кто слабее”. На первых порах, когда различие было слишком большим, такое правило было справедливым. Но выкачивание средств из России, из русского центра продолжалось без конца, продолжается оно и сейчас.

Из анализа практического опыта СССР, Социалистической Федеративной Республики Югославии и других государств непрерываемо следует вывод: “Существование государств внутри другого государства – вещь невозможная. Большевики создали такие государства. Однако, чтобы совладать с инициированными ими же процессами в регионах (в том числе и автономных образованиях), они вынуждены были создать, в сущности, централизованное унитарное государство”. Как только централизация, реальная центральная власть ослабляется, сразу же проявляется склонность национально-федеративных государств к распаду. Надо согласиться с мнением А. И. Вдовина о том, что в 1945–1953 годы существовала реальная возможность перехода СССР к территориальному федерализму, но она была тогда упущена, а в 1970–1980-е годы это стало уже невозможным. В образовавшейся после разрушения СССР Российской Федерации отказ от национально-территориального деления теоретически вполне был возможен, но для Б. Н. Ельцина главным был только вопрос о его личной власти, ради которой он готов был вначале наделить внутренние республики России каким угодно суверенитетом, переводя автономные республики в полноправные национальные республики и закрепив принцип национально-территориального деления России.

Многие авторы отмечают следующий парадокс современной России. А. Г. Кузьмин в 1999 г. писал о том, что в РФ продолжается практика искусственного создания привилегий для всех народов кроме русского и, естественно, за счет русского. Он считал совершенно ненормальным то, что в условиях слома прежней общественной системы 50% российской территории “приватизируют” 7% ее жителей, поскольку границы республик проводились без опроса населения и везде за счет русских земель.

А. И. Вдовин, В. Ю. Зорин и А. В. Никонов прямо пишут о противоестественности основ федерации, “внутри которой были и есть государственные образования всех сколько-нибудь крупных народов, кроме русского. У русских... нет своей республики, в то время как составляющие 7,02% всей численности населения России нерусские национальные группы (подсчитано по данным переписи 1989 г.) имеют 21 национальную республику, одну национальную область и 10 национальных округов”. По подсчетам социолога В. Н. Иванова, опубликованным в 1995 г., 36% проживающего в России нерусского населения принадлежат к народам из других республик бывшего СССР (украинцы, белорусы, армяне, азербайджанцы и т. д.), либо из стран дальнего зарубежья (немцы, греки, поляки и т. д.). Для них, естественно, нет проблемы государственного суверенитета. 28,5% нерусских жителей России обитают вне пределов своих национальных образований. Это означает, что в своих национальных образованиях проживают немногим более трети (35,5%) нерусских граждан России, от общего населения которой они составляют всего 6,6%.

Сложившаяся в СССР практика произвольного установления границ между республиками также идет от В. И. Ленина. Вот некоторые высказывания его на этот счет. “Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций”. Это сказано в декабре 1918 г. по поводу распада России на отдельные республики. На VII съезде РКП(б) 19 марта 1919 г. Ленин заявил: “С красным финским правительством, которое существовало короткое время, мы заключили договор, пошли на известные территориальные уступки, из-за которых я слышал не мало возражений чисто шовинистических: “Там, дескать, хорошие рыбные промыслы, а вы их отдали”. Это такие выражения, по поводу которых я говорил: поскрести иного коммуниста – и найдешь великорусского шовиниста”. А ведь почти за год до этого сам же Ленин 28 мая 1918 г. констатировал, что в получивших независимость от России Украине и Финляндии мы видим “неслыханные зверства и моря крови, которыми буржуазия и ее сторонники от кадетов до эсеров заливают города, побеждая их при помощи своих союзников”. И после всего подобного Ленин продолжал не замечать практического значения вопроса о границах, прямо усматривая в практическом подходе к этому вопросу проявления “ве-

ликорусского шовинизма”, которого в упомянутом случае и в помине-то не было.

16 декабря 1919 г. Ленин, будучи фактически главой государства, опять выступает не как ответственный перед государством реалист-политик, а скорее как абстрактный философ-мыслитель, даже утопический мечтатель: “Для интернационалиста вопрос о границах государств – вопрос второстепенный, если не десятистепенный”. И еще не раз та же мысль: “Вопрос о том, как определить государственные границы теперь, на время – ибо мы стремимся к полному уничтожению государственных границ, – есть вопрос не основной, не важный, второстепенный”. Удивительно, но факт, это уму непостижимо, как можно главе правительства выступать абсолютно утопическим мечтателем, так сказать, абстрактным, чистым философом, а не реалистом-политиком. И далее: “Было бы единство в борьбе против ига капитала, за диктатуру пролетариата, а из-за вопроса о национальных границах, о федеративной или иной связи между государствами коммунисты расходиться не должны”. И это говорится уже после поражения краткосрочных красных (пролетарских) правительств в Финляндии, Венгрии и Германии.

Никакого отрезвления ультраинтернационалиста, а ведь в других же отношениях В. И. Ленин несомненно был великим, гениальным мыслителем и политиком-практиком. Вот какую силу имеют идеологические, мировоззренческие установки, если угодно, шаблоны даже над великим умом.

Мнение о второстепенном значении вопроса об обоснованности границ между республиками было опровергнуто последующей советской практикой, не говоря уже о проблемах, возникших в отношениях между республиками при их расхождении в процессе разрушения СССР, и продолжающих сохраняться и обостряться проблемах в отношениях между странами так называемого СНГ. Вспомним бездумную передачу Крыма Украине, проблемы Нагорного Карабаха, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья... А особую боль вызывает затяжная проблема Курильских островов, порожденная, как и проблема Крыма, тем же самым примитивным и бесшабашным “интернационалистом” Н. С. Хрущевым.

Теперь о Русской республике в составе Советского государства и нынешней Российской Федерации. Данный вопрос обстоятельно рассмотрен в книге А. И. Вдовина и соавторов. По мнению авторов книги, существование Русской республики способствовало бы равноправию русского народа с другими народами, позволило бы несравнимо больше учесть интересы самого русского народа, не отказываясь от помощи с его стороны другим народам. Идея создания Русской республики выдвигалась не раз. Так, на Первом Всероссийском совещании по работе среди национальных меньшинств в январе 1927 г. зашла речь и о статусе русского народа. Но в связи с этим один из участников совещания и произнес фразу “Ванька прет!”. Была поставлена задача “бороться с русским Ванькой”. Выдвижение вопроса о русской республике признали нецелесообразным в связи с тем, что это могло иметь последствия, от которых “мелким национальностям лучше не будет”. О том, нужно ли это самому русскому народу, речь и не шла.

И. В. Сталин считал, что создание Русской республики потребовало бы выделить русское население из состава автономных республик в состав Русской республики, перекроить территории республик и осуществить другие организационные перестройки.

Конечно, выделение Русской республики и оформление ее как нового субъекта Российской Федерации потребует определенных организационных и других усилий, но ведь с ними сталкивались и при создании республик других российских народов. Почему же не пойти на определенные затраты при создании республиканской государственности самого большого народа России? А. И. Вдовин, В. Ю. Зорин и А. В. Никонов убедительно опровергают подобные возражения против создания Русской республики. Спокойное и взвешенное обсуждение идеи ее создания с учетом всех аргументов за и против вполне допустимо. Постановка этого вопроса правомерна. Очень важно, чтобы при этом не допускались оскорбительные и политические обвинительные выпады в адрес тех и других оппонентов.

С точки зрения существующего положения дел, наличия в составе Российской Федерации национальных республик других народов выдвижение идеи создания Русской республики логично и справедливо. Если Российскую

Федерацию не считать государством русского народа (как это есть сейчас и юридически и фактически) и если ряд других народов имеют в составе России свои республики, организационно обеспечивающие интересы их “титульных” народов, то вполне закономерно напрашивается предложение создать и Русскую республику. Но ведь невозможно отменить закон перехода количественных изменений в качественные и, наоборот, качественных изменений в количественные. И качественно (по своему значению для России, по своей исторической роли), и количественно русский народ несподручим ни с каким другим народом России. Это же несомненный факт. Выделить Русскую республику – это выделить основу России, объединяющую и скрепляющую все другие народы. Вместо живого мощного организма получатся нежизнеспособные осколки, которые приберут к своим рукам другие целостные государства. Все это обойдется боком и самой Русской республике. Идея выделения в составе единой и целостной России самостоятельной Русской республики полезна лишь в одном отношении – она доводит до абсурда принцип национально-территориального устройства государства в государстве, создания в нем внутренних республик-государств. Обсуждение вопроса о создании Русской республики подводит к бесспорному теоретическому выводу о необходимости отказа от национально-территориального разделения Российской Федерации и перехода к административно-территориальному ее устройству.

Известный юрист В. Д. Зорькин еще в 1994 г. писал о необходимости изжить двойственность подходов в национальной и федеральной политике, унаследованных со сталинских времен. “Россия должна стать федерацией территорий, а не “самостийных” национальных государств, федерацией равноправия, где нет субъектов первого и второго сорта. Надо решительно кончать, – заключает автор, – с практикой двойных стандартов, согласно которой национальное возрождение “малых” народов – это хорошо, а вот что касается русского, то... как бы чего не вышло. Межэтнический мир в России недостижим за счет подавления национального самосознания одного большого народа в пользу многих маленьких. От этого в конечном счете страдают все. Потому новая национальная политика должна базироваться на принципе поддержки национальной самобытности всех народов России, отметая как неприемлемые крайности равно слепой национальной эгоизм маргиналов и губительный национальный нигилизм “общечеловеков”.

Административно-территориальное устройство многоэтничной страны вполне допускает культурную автономию народов. Ленинский тезис о том, что национально-культурная автономия разделяет трудящихся по национальному признаку, побивается практикой, показывающей, что национально-территориальная автономия приводит к этому в несравнимо большей степени. Нельзя ни преуменьшать, ни преувеличивать значение этнонациональных аспектов жизни общества.

Самое же справедливое и обоснованное, соответствующее исторической реальности предложение – это признать Россию государством русского народа и от имени этого народа, его правительства гарантировать людям всех других национальностей гражданское равноправие и свободу национального развития.

Современная действительность такова, что вопреки Конституции, провозглашающей равенство национальностей и субъектов Российской Федерации, национальные республики ряда ее народов фактически поставлены в привилегированное положение по сравнению с областями и краями, организующими жизнь большей части русского народа. Администрация этих территорий фактически действует как денационализированная администрация, имеющая дело не с русскими как таковыми, а с денационализированным населением в своих территориях. В связи с этим известный общественный государственный деятель Е. А. Павлов предлагает учредить в составе российского правительства “министерство по общерусским делам, способное не только придать необходимый вес и значение русскому народу, но действительно гармонизировать национальное отношение в стране”.

Это предложение очень ценное, так как оно вполне реализуемо и в рамках нынешнего устройства России. Создание специального органа, уполномоченного представлять и защищать интересы русского народа, в современной России целесообразно и возможно. Но и это частичное решение вопроса, для осуществления которого нет никаких объективных препятствий, осталось без

внимания государственной власти, хотя опубликовано оно было еще в 1994-м и 1995 годы.

Итак, русский народ – опора, ядро, главный государствообразующий народ России. И это должно быть отражено в ее Конституции. С учетом исторической длительности проживания русских в самых дальних уголках России, их вклада в обустройство территорий они должны считаться коренными жителями любых ее регионов и чувствовать себя в каждом из них как в своем доме наряду с титульными народами. У русских нет другого государства, кроме всей России. И она вся в целом является государством русского народа, а не какая-то локальная ее часть.

Конечно, и при нынешнем устройстве России многое может быть сделано для обеспечения жизненных интересов всех народов России и, прежде всего, естественно, самого большого из них – русского народа. Необходимо только сместить акценты проводимой ею реальной политики. Все дело в этом. Но в будущем надо сделать так, чтобы государственное устройство России уже самой административной структурой, всей системой управления обеспечивало интересы русского народа как государствообразующего народа.

Е. Ф. СОЛОПОВ,
доктор философских наук, профессор
г. Москва

ЧТО ДАЛ РУССКИЙ НАРОД МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ?

Когда всматриваешься в глубину веков, то отнюдь не случайным кажется то, что матушка-история определила разным народам те земли, на которых они живут и поныне. Отнюдь не случайно волею судеб было предназначено восточным славянам поселиться в самой горячей точке Евразии – от Белого моря на севере до Черного на юге, от Припяти и Днепра на западе до Волги и Урала на востоке. Ну, какой бы другой народ выдержал все то, что суждено было выдержать русскому? Какой бы другой народ выдержал все это, и не просто выдержал, а сохранил бы при этом природный свой ум и горячее сердце, необычайный гуманизм и неисчезающую ответственность за судьбы всего мира?

“Карл Пятый, римский император, говаривал, что гишпанским языком с Богом, французским с друзьями, немецким с неприятелем, итальянским с женским полом говорить прилично. Но если б он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашел бы в нем великолепие гишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков”. Не ради красного словца приведено здесь высказывание Михайлы Ломоносова о русском языке, а для того, чтобы лишний раз доказать: коль уж судьба даровала русскому народу такой язык, то он, этот народ, не имел права на простое земное прозябание. Всем ходом своего исторического развития он был обязан доказывать справедливость и заслуженность такого дара. И он, этот народ, можно с полным основанием утверждать, доказал это, ибо трудно найти в настоящее время страну, где бы не изучался русский язык. Ведь по статистике, если не считать Россию, свыше ста изданий на русском языке выходят в 47 странах мира. А коль его стремятся изучать, коль многие желают лучше познать историю, культуру, географию нашего народа – это ли не дань уважения нашему языку?

С самого начала восточным славянам суждено было стать щитом Европы, о который разбивались бесчисленные орды кочевников с севера и востока. Восточным славянам своей грудью суждено было защищать развивающуюся ускоренными темпами цивилизацию Европы.

Европы, которая называла русичей азиатами и варварами только потому, что меч, который постоянно держал в руках русич, не давал ему взяться за плуг или ручку станка, а то и гусиное перо с бумагой. Но русские не в обиде за то на Европу. Они слишком любят жизнь, слишком любят человечество, чтобы обижаться на это. Даже в самые черные свои години русские остава-

лись самими собой и никогда не теряли ни своей головы, ни веры в лучшее время. Народ, который никогда сам не признавал рабства – никогда не будет рабом, никогда не смирится с тем, чтобы где-то в других странах и землях были рабы! Народ, который в минуту несчастий встает, как один, на защиту своей свободы, никогда не сломить. Народ же, который, сбросив с себя ярмо завоевателей, освобождает от этого ярма и другие народы, и вовсе непобедим!

Да, Россия была поработанной, но не была покоренной. Да, Россия терпела военные катастрофы, но не катастрофы государственные. Да, России предрекали смерть, но она каждый раз побеждала ее. И как тут не вспомнить слова, сказанные в глубокой древности восточнославянским князем в ответ на предложение предводителя одного из кочевых племен сдаться: “Родился ли на свет и согревается ли лучами солнца тот человек, который подчинил бы себе силу нашу?” – Это было сказано более тысячи лет назад.

В самом деле, нет в мире больше такой страны, как Россия, которая столько воевала в своей истории и столько побеждала в, как правило, навязываемых ей войнах. Русская земля всегда была лакомым кусочком для завоеваний и всегда становилась преградой для всемирных завоевателей: готы и гунны вынуждены были стороной обходить укрепления восточных славян, которые для этих кочевников-завоевателей стали непреодолимой преградой; орда Бату-хана была обескровлена в схватках с русичами и, хотя и прорвалась в Европу и вышла к “последнему морю” – Адриатике, этот европейский поход был скорее символическим – сил для полного сокрушения европейских государств у нее уже не было. Да и рискованно было оставлять у себя в тылу такой непокорный русский народ. Наполеону, чтобы покорить всю Европу, необходимо было смять Россию, но он нашел здесь свою погибель как политика, так и полководца. Более того, русский народ не остановился лишь на том, что прогнал захватчиков за рубежи своей Отчизны. В своем освободительном порыве русский солдат принес свободу всей Европе. Гитлер справедливо рассуждал, что, стерев с лица земли Россию, он станет полноправным хозяином всего мира, но именно здесь он и потерпел крах. Более того, русский народ снова разогнал свинцовые тучи рабства, нависшие над Европой, да и всем миром... Народная мудрость гласит: если сильный добивается мира, значит, он действительно его хочет.

Я не претендую, в данном случае, на какие-то важные исторические открытия. Я хочу просто составить более или менее подробный путеводитель по живым памятникам Земли Русской. Я хочу, чтобы люди помнили о них, чттили их и так же взяли под свою защиту, как берет под свою защиту государство лучшие творения рук человеческих и природы. А таких живых памятников в нашем Отечестве немало.

В самом деле, одно лишь сравнение, сопоставление исторических лиц может дать представление о богатстве России. Причем сопоставление, подобное ломоносовскому, процитированному в самом начале.

Тысячелетия поражают мир, к примеру, имена и деяния гениальных представителей Древней Эллады: Гомера, Александра Македонского, Архимеда. Но Русь дала миру безымянного (во всяком случае, пока!) автора бессмертного “Слова о полку Игореве”, непобедимых полководцев древности Владимира Мономаха и Александра Невского, гениальных выходцев из народа, величайших ученых и изобретателей своего времени – Ломоносова, Кулибина, Ползунова. Мир математиков делит сегодня геометрию на Эвклидову и Лобачевского.

Кем гордится, к примеру, старая добрая Англия? Исааком Ньютоном? Так у нас есть Ломоносов. Адмиралом Нельсоном? Так у России были адмиралы Ушаков, Нахимов... Шекспиром, Байроном, Шелли? Но им ни в чем не уступают Пушкин, Лермонтов, Гоголь... Был у англичан свой крестьянский вождь – Уот Тайлер. Но в России царей пугали Разин, Пугачев...

Кем славится никогда не унывающая, веселая Франция? Жанной д’Арк? Так ничем ее не хуже монахиня Алена, стоявшая во главе семитысячного отряда крестьян, громившая бояр и примкнувшая к войску Степана Разина, и старостиha Василиса Кожина, успешно разившая со своим отрядом наполеоновских захватчиков. Тут уж вина литераторов, что о русских жаннах знают гораздо меньше, чем они того заслуживают. А Дюма, Бальзак, Стендаль? – Но разве им в чем-то уступают Лев Толстой, Достоевский, Шолохов... Пусть не

столь популярны в мире, но фигуры Радищева и Новикова не менее колоритны и величественны, чем Дидро и Вольтер. Вольнодумцы Марат и Робеспьер? Такими же вольнодумцами у нас были декабристы, среди которых выделялась гигантская фигура Михаила Лунина. Талантливый полководец Наполеон Бонапарт? – Но его бивал гений русской военной мысли Кутузов... Наконец, прорицатель и предсказатель Мишель Нострадамус? Но в России в конце XVIII – начале XIX веков жил не менее замечательный предсказатель, монах из простолоудинов Авель, который, кстати, в отличие от довольно абстрактных размышлизмов француза, четко, с точностью до дня предрек смерть Екатерины II, убийство Павла I и даже конец династии Романовых.

А горячая, темпераментная Италия – кого дала миру она? Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэля? Но ведь и Россия родила Андрея Рублева, Дионисия, Прохора из Городца, Симона Ушакова... Марко Поло? – Но не меньшую лепту в изучение мира внесли Афанасий Никитин, Семен Дежнев, Миклухо-Маклай... Могут добавить, что Земля обязана Христофору Колумбу за то, что он открыл Америку. Совершенно верно! Но не следует забывать, что он-то плыл в Индию, да, видать, перепутал стороны света. Русские же адмиралы Крузенштерн и Лазарев открыли другой материк – Антарктиду. Причемплыли они именно в ту сторону, куда надо, и именно с целью нового открытия! Италия дала миру Паганини, Вивальди, Пуччини, Россини... Россия добавила миру свою когорту великих – Глинку, Чайковского, Бородина, Рахманинова... Великим итальянцем был Энрико Карузо. Великим русским певцом – Федор Шаляпин.

Ну, а что же трезвая, пунктуальная, расчетливая Германия? Там родились Карл и Фридрих Великие. Но в России родились не менее великие Иван Третий и Петр Первый. Там творили Кант, Гегель, Фейербах, Ницше... В России же были Чаадаев, Лунин, Герцен, Бакунин, Соловьев, Бердяев, Лосский, Флоренский, также сыгравшие свою значительную роль в развитии мировой философской мысли. Мир благодарен Гете, Шиллеру, Гейне за их шедевры. Но не менее благодарен мир и Достоевскому, графам Толстым, Чехову... Германия дала Эйнштейна, Россия – Менделеева и Вернадского. Даже теоретики коммунизма Маркс и Энгельс, возможно, так до сих пор и пугали бы Европу призраком коммунизма, если бы их идеи на практике не попробовал воплотить Ленин.

Разумеется, это всего лишь поверхностный перечень имен, но и он вполне достаточен для того, чтобы дать представление о самобытности, самородности, талантливости русской земли, а точнее, всего русского народа. И корни этого уходят в седую древность, в те времена, когда цивилизованная Европа только еще училась произносить короткое, но заковыристое слово “Русь”...

Наивысший расцвет культуры на Руси Киевской связан с именем великого князя Ярослава, которого русичи прозвали Мудрым. И не зря! Ярослав Мудрый первым из русских князей собрал довольно большую библиотеку, открыл школы, где должны были обучаться не только отпрыски “больших людей”, то есть вельмож различного ранга, но и дети простолоудинов. С этой поры и вплоть до царствования Ивана Грозного русский народ был одним из самых образованных народов Европы. При нем культивировалось просвещение, знание, законность. Именно Ярославу Древнерусское государство обязано первым юридическим сводом законов. О довольно высоком уровне культуры русского народа в средневековье свидетельствуют не так давно найденные в Новгороде берестяные грамоты – письма, авторами которых были простые горожане. В то время в Великом Новгороде была почти поголовная грамотность среди мужчин, умели читать и писать многие женщины. Не говоря уже о том, что дочь Ярослава Мудрого Анна, выйдя замуж за французского короля, в отличие от своего коронованного мужа, умела читать и писать!

Кстати сказать, довольно высокий уровень российского народного образования сохранялся вплоть до 1917 года. Оно вообще считалось одним из сильнейших в мире, а русская интеллигенция – одной из самых высокообразованных. Косвенно это подтверждает даже тот факт, что, когда в 1920 г., согласно декрету Совнаркома, Родину вынуждены были покинуть “сливки” интеллектуальной мысли России, они (а также уехавшие до или после этого и по другим мотивам) не только не затерялись в странах, их приютивших, но продолжали и там играть ведущие роли в своих областях знаний (филологи Якобсон и Трубчевский, философы Бердяев, Лосский, Шестов, С. Булгаков,

изобретатели Сикорский и Зворыкин, композитор Рахманинов, биолог Тимофеев-Ресовский, будущий Нобелевский лауреат писатель Иван Бунин, экономист Леонтьев, социолог Сорокин и многие другие). Да и поныне “русские мозги” ценятся на Западе очень высоко, и беда нашей страны в том, что Россия испокон веку разбрасывалась своими талантами и не могла своевременно оценивать их по достоинству.

Надо сказать, что в истории России было не так уж много государей, видевших благоденствие своего государства в культивировании просвещения в народе. Уж на что была строга, а порою и жестока императрица Екатерина II, но и та позволяла себе чуточку побаловаться просветительством, понимая, что именно в этом и будет выражаться ее успех в заграничных землях. Свидетельствует об этом ее переписка с Дидро и Вольтером и издание ею журнала (кстати, первого в России журнала!) “Всякая всячина”, предназначенного для самых широких читательских масс. Большинство статей в этом журнале принадлежит перу самой монархини. Более того, сие баловство просветительством дало и более реальные всходы – в Петербурге, Казани и Харькове открылись университеты, в большинстве уездов открылись школы. И вообще, императрица мечтала открыть университеты в каждом крупном губернском городе. Екатерина была фактически первой из правителей России, перешедших от слов о просвещении к делу (правда, справедливости ради надо сказать, не без помощи уже сложившихся к тому времени благоприятных для этого условий).

К государям просветителям можно отнести и молодого Ивана IV, прозванного позже за крутой нрав Грозным. Он подарил России великолепные образцы литературного письма – его переписку с бывшим соратником и близким другом, впоследствии бежавшим за границу от несправедного гнева государя, боярином Андреем Курбским, выдающимся писателем и мыслителем своего времени. Как ни был крут царь Иван, все же в начале своего царствования он видел процветание России в прогрессивных реформах и просвещении. Иначе не посмел бы царский холоп Иван Пересветов, олицетворявший собою идеологию самого передового дворянства, в прямом послании царю заявить: “Которая земля порабощена, в той земле зло сотворяется... и всему царству оскудение великое”. По повелению Ивана Грозного началось в России и книгопечатание. Еще в 1552 г. была, так сказать, проба пера в этом сложном процессе, а уже в 1564-м вышел в свет широко у нас известный “Апостол”, напечатанный первопечатником русским и украинским Иваном Федоровым. Так, Россия стала пятьдесят шестой страной мира, где появилось книгопечатание. Правда, здесь необходима оговорка, ибо первым восточнославянским книгопечатником был Франциск Скорина. Монах Франциск (в миру – Георгий) Скорина еще в 1519 г. напечатал типографским способом свою первую книгу. Деятельность его протекала в Белоруссии, входившей тогда в состав Великого княжества Литовского, и в самой Литве.

Умным, образованным правителем был Борис Годунов, первым из русских царей обещавшим открыть на Руси университеты. Кроме того, он, не теряя зря времени, первым же из русских правителей посылает наиболее одаренных русских людей учиться за границу – восемнадцать избранных уехало в Англию (правда, из-за смутного времени, наступившего на рубеже XVI–XVII вв., никто из них не вернулся на родину, но и за границей многие из этих восемнадцати играли заметную роль в обществе). Деятельность Бориса Годунова высоко оценил Петр I (что и не удивительно, учитывая западническую ориентацию обоих), назвав его “правителем преизрядным”. В заслугу Годунову можно поставить то, что он отменил прямые налоги, ужесточил меры за взяточничество, запретил продажу вина в стране. Анонимные доносы Годуновым не принимались и не рассматривались.

Трудно найти аналогии в мировой истории Петру Великому. Несмотря на неуравновешенный до жестокости характер и противоречивые оценки, выставляемые ему историками, этот “и мореплаватель, и плотник” вписал поистине золотую страницу в историю Российского государства. Много сотен страниц посвящено описанию жизни и деятельности Петра. Известно выражение: “Не человек движет историю, а история выдвигает человека”. Спорность сего афоризма заключается в том, что история для того и выдвигает человека, чтобы талантливый, мыслящий на многие годы вперед “выдвиженец” затем сам двигал эту самую историю. Таким “двигателем” в полной мере был Петр I. Его

деятельность не ограничивалась лишь политикой, экономикой и военным искусством. Петру Россия, например, обязана первым, причем бесплатным музеем – Кунсткамерой, куда он пожертвовал большую часть своей личной коллекции. Интересно, что царя Петра можно назвать и первым экскурсоводом России: приглашая своих гостей в Кунсткамеру, он сам водил их по музею, рассказывая о каждом экспонате. Петр ввел в русскую письменность гражданский шрифт, которым мы, с небольшими дополнениями и изменениями, пользуемся и сейчас. А разве не являются шедеврами зодчества и градостроительства одухотворенные самим Петром Петербург и Петергоф?

Прославили землю русскую и имена уже упоминавшихся Ивана Пересветова, Михайлы Ломоносова, Александра Радищева, прославило и имя Василия Каразина.

Василий Назарович Каразин, как и его предшественник Ломоносов, – одна из самых примечательных и интереснейших личностей своего времени (конца XVIII – начала XIX вв.). Так же, как и Михайла Ломоносов, Василий Каразин – выходец из народа. Еще будучи простым сержантом, он увлекся изучением языков и точных наук, познакомился с вольнодумными трактатами западных философов. Когда же понял, что в затхлой атмосфере самодержавия он не сможет посвятить себя ни науке, ни обществу, решил бежать за границу, но был пойман и посажен в тюрьму. Находясь в тюрьме, отчаялся написать деспотичному царю такие строки: “Я желал укрыться от Твоего правления, страшась Твоей жестокости. Свободный образ мысли и страсть к науке были единственной моей виной...”. Пораженный неслыханным дотоле тоном записки, Павел I помиловал Василия Каразина и определил его на государственную службу. А вот как писал впоследствии о Каразине Александр Герцен в своем “Колоколе”: “Неутомимая деятельность Каразина и глубокое, научное образование его были поразительны: он был астроном и химик, агроном, статистик... живой человек, вносящий во всякий вопрос совершенно новый взгляд и совершенно верное требование”.

В самом деле, деятельность его обширна, активна и многообразна. Так, в первые годы царствования Александра I Василий Каразин подает ему проект политического и экономического переустройства России, а вскоре становится и советником царя. Получает высокий чиновничий пост, входит в правительство М. М. Сперанского (кстати, еще одна незаурядная личность в русской истории – Сперанский, в обмен за которого Наполеон предлагал Александру на выбор одно из своих многочисленных островных владений). По предложению Каразина создается министерство просвещения и открывается университет в Харькове. Он по-новому ставит вопрос о женском образовании, организывает народные школы, обличает казнокрадство и крепостничество.

Кроме того, Каразин был прекрасным изобретателем и селекционером. Его уму следует приписать получение водоупорного цемента, парового отопления, изобретение паровой лодки, передвигающейся с помощью реактивного двигателя. Это все впервые в мире! Вывел он несколько новых сортов пшеницы. Первым в мире Каразин предложил создать целую систему метеорологических станций, объединенных в государственный метеорологический комитет, который бы выдавал долгосрочные прогнозы погоды.

Нет смысла писать здесь что-то новое о лучших представителях русского искусства: художниках Андрее Рублеве, Дионисии, Симоне Ушакове, братьях Аргуновых, Кипренском, Тropicине, Сурикове, Репине, Васнецове, Левитане, Иванове, Врубеле, Малевиче, Глазунове... архитекторах Баженове, Казакове, Жилярди, Шехтеле, Щусеве... композиторах Глинке, Чайковском, Мусоргском, Бородине, Римском-Корсакове, Рахманинове, Шостаковиче, Прокофьеве, Щедрине... литейщиках Чохове, главное творение которого – Царь-пушка – и ныне радует глаз множества туристов, и целой династии Маториных, детище которых – всемирно известный Царь-колокол – до сих пор поражает и изумляет весь мир; скульпторах Коненкове, Вучетиче, Клыкове; писателях и поэтах Пушкине, Жуковском, Лермонтове, Гоголе, Тургеневе, Достоевском, Толстом, Чехове, Горьком, Блоке, Есенине, Ахматовой, Шолохове... артистах балета Анне Павловой, Нижинском, Улановой, Барышникове, Нуриеве, Плисецкой, Васильеве... – за всех этих людей прекрасно и лучше всяких слов говорить их бессмертные творения, известные в любом уголке нашей планеты.

А кому неизвестны имена архитекторов Бармы, Постника и Воронихина? Творения их рук – храм Василия Блаженного в Москве (Барма и Постник) и

собор Казанской Богоматери в Петербурге (Воронихин) – поражают людей всего мира совершенством своих форм и смелостью замысла. А кто был автором единственных в своем роде архитектурных шедевров – деревянных храмов в Кижях, построенных без единого гвоздя? Русский народ! Это лишь те памятники зодчества, которые широко знают во всем мире. А сколько еще менее известных, но не менее прекрасных!

Прекрасные традиции имеет наше государство и в области военной мысли. И это тоже началось не вдруг. Еще в далеком 860 году, летом, русичи во главе с киевским князем Аскольдом совершили набег на Византию, потрясший огромную империю своей необычной дерзостью, а заодно и прославивший молодую тогда еще Русь. Поход этот был ответом на расправу византийцев с русами, не заплатившими им какую-то пошлину. Тем самым князь Аскольд (совершивший, кстати, еще не один победоносный поход) как бы предварили высказывание другого князя, прославленного полководца древности Александра Ярославича Невского: “Кто к нам с мечом придет, от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет земля Русская”. Русское государство гордится тем, что оно родило и выпестовало немало полководцев, практически не знавших поражений в военных баталиях. И это тем более замечательно, что политика войны НИКОГДА НЕ БЫЛА доминирующей политикой России.

К таким полководцам с полным правом можно отнести: великого князя Киевского Святослава Игоревича, чей девиз “Иду на вы!” приводил в трепет многих вершителей судеб европейских и кочевых азиатских народов; Владимира Мономаха, который, по его же собственным словам, совершил 83 похода, прошел 16 тысяч километров, пленил и казнил 200 ханов, продиктовал 20 договоров. Блестящими тактическими находками обогатил мировую военную мысль непобедимый полководец древности, новгородский князь Александр Ярославич, одержавший свою первую победу еще в шестнадцатилетнем возрасте. В историю он вошел под именем Александра Невского – автора побед в битве на реке Неве с армией шведских завоевателей и на озере Чудском с немецкими рыцарями, когда ему было всего лишь двадцать с небольшим лет.

Князь Дмитрий Иванович, получивший впоследствии прозвище Донской, больше известен как полководец, возглавлявший русское войско в битве с татарами на Куликовом поле ранней осенью 1380 года. В этой битве, кстати, впервые в России было применено огнестрельное оружие: затинная фитильная пищаль и мушкеты. А двумя годами раньше, в 1378 г., князь Дмитрий одержал победу в сражении на реке Воже, которое ряд историков оценили, как “первое правильное сражение русских против татар”.

Неплохим полководцем проявил себя и Петр I, сначала потерпевший поражение под Нарвой, а затем одержавший важную для всей дальнейшей истории России победу под Полтавой в Северной войне со Швецией, продолжавшейся двадцать лет. Это об этой войне уже цитировавшийся здесь Карл Маркс сказал: “Поражение под Нарвой – первое поражение нации, умеющей поражения превращать в орудия победы”. Россия обязана Петру и созданием военно-морского флота, уже в первые годы своего существования одержавшего немало красивых и важных побед.

В XVIII веке блистали на мировом небосклоне полководческие звезды Румянцева, Суворова, Ушакова, этого “морского Суворова”, проведшего блестящую операцию по освобождению от французов, бывших тогда в силе, греческого острова Корфу и вписавшего золотые страницы в русскую “науку побеждать”. Адмирал Федор Федорович Ушаков совершенно справедливо тогда заметил, что врагов нужно бить, а не считать.

В начале XIX в. вспыхнули немеркнущим огнем таланты Кутузова, освободившего Европу от наполеоновского рабства, Раевского, который, дабы воодушевить солдат на подвиг, во время одного из сражений вывел на поле двух своих несовершеннолетних детей, сказав при этом, что он жертвует своими детьми во имя жизни Отечества, и Багратиона, участвовавшего в ста пятидесяти победоносных сражениях. Последней, сто пятьдесят первой, оказалась для него битва на Бородинском поле. Первым организатором и руководителем партизанского движения, а также его виднейшим теоретиком стал адъютант Петра Багратиона, славный поэт-гусар Денис Давыдов. Имя же “белого генерала” Михаила Скобелева навсегда останется вписанным на скрижали истории не только российской, но и болгарской и, вероятно, турецкой, ибо сей герой Плевны не только совершил крутой поворот в, казалось бы, начисто

проигранной войне, но и явился одним из главных действующих лиц в освобождении Болгарии от почти пятисотлетнего турецкого ига.

Славные традиции русского оружия продолжили в XX веке генерал Брусилов, герой Первой мировой войны, и Георгий Константинович Жуков, лучший полководец Второй мировой, не проигравший в своей блистательной военной карьере ни одного сражения.

Впрочем, русский военный гений с блеском проявил себя не только на полях сражений. В руках у него было не менее надежное, чем русский характер, оружие. Так, еще в 1911–1912 годах сын Дмитрия Менделеева сделал чертеж первого в мире танка. А в 1915 г. Россия пошла в этом деле еще дальше – на Рижском заводе был построен первый в мире танк, изобретателем которого был Александр Пороховщиков (кстати, дед известного современного киноактера, тоже Александра Пороховщикова). Лучшим же танком всех времен и народов по праву считается отечественный танк Т-34 конструктора Кошкина, увы, рано умершего. Уместно будет привести высказывание известного английского специалиста по танкам Д. Орджила: “Из всех видов боевой техники, с которыми столкнулись германские войска во Второй мировой войне, ни один не вызвал у них такого шока, как танк Т-34”.

Прекрасный памятник себе соорудила и группа изобретателей самоходных реактивных установок, любовно прозванных солдатами “катушками”. Думается, излишне говорить о гении русского самородка – изобретателя автоматического оружия Михаила Калашникова, изобретением которого пользуется весь мир. Хотя хочется верить, что он сам был бы больше удовлетворен, если бы его детищам не находилось применения в нынешнем беспокойном мире.

Американцы по праву гордятся изобретением Генри Форда, впервые в мире внедрившим на своем автомобильном заводе сборочный конвейер. Однако на заводе “Красное Сормово” впервые в мире русские инженеры разработали уникальный метод конвейерной сборки самолетов, что позволило с 1944 года выпускать по 25 самолетов в день. Более того, до сих пор данное предприятие остается единственным в мире, освоившим эту технологию.

Известный английский священник, видный общественный и политический деятель послевоенного времени Джонсон сказал: “За мощью России в войне стоит мощь в мире”. И это, безо всякого сомнения, верно, ибо, по словам Чернышевского, “нет в Европе народа, более усердного к работе, чем русский”.

Вспомним, хотя бы судьбу уникального самородка-изобретателя Ивана Петровича Кулибина, сына мелкого нижегородского торговца, умершего в беспросветной нищете. Еще в юные годы у него обнаружили исключительные способности к изготовлению различных механических устройств. В 1764–1767 годах он создал часы в форме яйца, представлявшие собой сложнейший механизм автоматического действия, которые он вскоре преподнес в дар императрице Екатерине Второй. Но на этом он не остановился, сконструировав “планетные” карманные часы, применив в них компенсационное устройство новой системы. Кроме часов, минут и секунд, часы показывали месяцы, дни недели, времена года, фазы Луны. Разработал даже проект миниатюрных “часов в перстне”, вошедших в моду лишь во второй половине XX века. В 70-е годы XVIII века Кулибин спроектировал деревянный одноарочный мост через реку Неву с длиной пролета 298 м (вместо применявшихся тогда в мире 50-метровых пролетов), предложив использовать оригинальную фермы с перекрестной решеткой. В 1776 году Кулибин построил модель этого моста в 1/10 натуральной величины, которую испытывала специальная академическая комиссия. Проект получил высокую оценку таких светил мировой науки, как Л. Эйлер, Д. Бернулли и др., но осуществлен не был. Еще через три года Иван Петрович сконструировал знаменитый ныне фонарь-прожектор, дававший при слабом источнике мощный свет. Это единственное изобретение Кулибина, которое было использовано в промышленных целях – для освещения мастерских, судов, маяков и т. п. В 1791 г. Кулибиным была изготовлена повозка-самокатка, в которой он применил маховое колесо, тормоз, коробку скоростей, подшипники качения и т. д. Повозка приводилась в движение человеком, нажимавшим на педали. В том же году Иван Петрович разработал конструкцию “механических ног” – протезов. Этот проект после войны 1812 года использовал на полную катушку один из французских предпринимателей, не заплатив, естественно, Кулибину ни франка.

Впрочем, приоритет изобретения педальной “самоходной коляски” принадлежит не Кулибину, а другому русскому самородку – Леонтию Лукьяновичу Шамшуренкову, между прочим, узнику Нижегородской тюрьмы, где он находился свыше десяти лет из-за тяжбы с местной властью. Так вот, еще в 1741 году он изобрел “самобеглую коляску”. Слух об этом изобретении дошел до самой столицы, и в 1752 году российская императрица Елизавета Петровна, еще за сто лет до официально зарегистрированного в Европе изобретения немца Дреза каталась по парку на дрезине, построенной руками Шамшуренкова. Это транспортное средство двигалось за счет мускульной силы человека и действовало по принципу, который позже был использован Дрезом, применившим дрезину для железной дороги. Причем Шамшуренков снабдил свою коляску и “часами-верстомером”, то есть, говоря современным языком – первым в мире спидометром. Кроме того, в голове у этого изобретателя родилось еще несколько технических идей, намного опередивших свое время. Например, о сооружении подземной дороги (пробораз метрополитена) и судоходного канала между Волгой и Москвой-рекой (между прочим, на том самом месте, где нынче этот канал и проложен).

Если снова вернуться к Кулибину, то стоит добавить и еще несколько его изобретений, опередивших свое время, а потому, возможно, и не наших при его жизни практического применения. Так, он создал оптический телеграф для передачи условных сигналов на расстоянии. В 1804 г. построил “водоход”. Испытания показали полную пригодность и экономичность таких судов, но и это изобретение не было использовано, а само судно через некоторое время продано на слом. Впрочем, такая же судьба постигла и первый в мире паровой двигатель еще одного русского мастера Ивана Ползунова.

В начале XVIII столетия народный умелец, уральский мастеровой Ефим Никонов построил первую в мире подводную лодку, которую назвал “Потаенное судно”. Независимо от англичан, отец и сын Черепановы, крепостные крестьяне, работавшие по найму на одном из уральских демидовских заводов, соорудили паровоз, несколько раз затем совершенствуя его. Русский механик-токарь Андрей Нартов в 1738 г. построил первый в мире станок с механическим суппортом и набором сменных зубчатых колес.

Обязана мировая цивилизация России и изобретению таких необходимых в современном хозяйстве механизмов, как трактора. Причем обоих видов – колесных и гусеничных. В 1837 г. Дмитрий Загряжский создал “экипаж с подвижными колеями”, то есть на гусеничном ходу. Но из-за отсутствия средств Загряжский не смог реализовать свое изобретение, и через два года его патент аннулировали. Впрочем, его почин не пропал втуне, ибо в 1879 г. Федор Блинов получил государственную привилегию на “вагон особого устройства с бесконечными рельсами” для перевозки грузов по трактам и проселочным дорогам – прототип современного гусеничного трактора. А в 1888 г. на сельскохозяйственной выставке в Москве Блинов представил первый в мире гусеничный трактор с двумя паровыми машинами (для сравнения: первый серийный выпуск гусеничных тракторов был налажен лишь в 1912 году в США). В том же 1879 г. русский изобретатель-конструктор Костович изобрел первый карбюраторный бензиновый двигатель, весивший 240 кг и развивавший мощность в 60 лошадиных сил.

Если приоритет в создании в 1830 г. колесного трактора с паровыми двигателями принадлежит Англии и Франции, то первый в мире колесный трактор с двигателем внутреннего сгорания изобрел в 1893–1895 гг. ученик Блинова Яков Мамин.

А сколько ученых с мировым именем дала русская наука!

Париж по праву гордится своим инженером Александром Гюставом Эйфелем, по проекту которого в конце 1880-х годов построен современный символ и гордость французской столицы – ажурная Эйфелева башня (к строительству которой, опять же, руки приложили и русские. Когда проект был уже готов, когда все эти фермы уже лежали на превратившемся в строительную площадку Марсовом поле, выяснилось, что не хватает... нужного количества строительных рабочих, способных работать на высоте. Ведь профессия монтажников-высотников родилась лишь в XX веке. И тогда предприниматели нашли несколько неожиданное решение – они обратились за помощью к русским артистам-акробатам, выступавшим в то время на цирковых аренах Европы и

Америки. Двести пятьдесят смельчаков, используя довольно примитивные, но единственно возможные в тех условиях подъемные устройства и страхуясь простыми веревками, всего за два года соорудили трехсотметровую башню-красавицу, употребив для этого два с половиной миллиона металлических заклепок. А потом, в день открытия Всемирной выставки, русские циркачи отметили это событие акробатическими номерами и трюками на верхней смотровой площадке башни, расположенной на отметке 276 метров от уровня земли). Но не меньше должна гордиться и Россия своим, как его при жизни называли, “инженером № 1” — Владимиром Григорьевичем Шуховым. Первым его детищем стали павильоны Нижегородской ярмарки, специально построенные к Всероссийской выставке 1896 года. Посетителей ошеломлял вид легких, кажущихся невесомыми шатров из металла и стекла, раскинувшихся над просторами залов, и ажурных цилиндрических сводов с живописной системой затяжек. Шухов впервые в мире предложил принципиально новые строительные конструкции — висячие металлические покрытия, позволявшие перекрывать большие пролеты; впервые же применил мембранное покрытие: центральную часть круглого здания диаметром 25 м он закрыл тонким листовым железом, которое, провисая, образовывало огромную вогнутую чашу.

Но “гвоздем” выставки стала его же водонапорная башня высотой в 32 м — первая в ряду уникальных металлических конструкций Шухова. Башня не только украшала выставку, но и служила по назначению: держала резервуар на десять тысяч ведер питьевой воды (123.000 литра). Над резервуаром была смотровая площадка, куда вела винтовая лестница, по которой поднимались желающие полюбоваться панорамой выставки и всего города. Именно эта башня стала прообразом знаменитой 150-метровой Шаболовской башни в Москве, построенной по проекту Шухова в 1922 году. Чуть позже, в 1926 г. Шухов спроектировал две башни-опоры линии электропередач высотой 120 метров на берегу реки Оки у города Дзержинска Нижегородской области (к настоящему времени, к сожалению, уцелела лишь одна). Идея шуховской башни была высоко оценена во всем мире. Ее стали широко применять, выполняя опоры ЛЭП, водонапорные и пожарные вышки, башни военных кораблей, антенны радиостанций.

В 1895 году, практически закрепляя изобретение видного русского ученого Александра Попова, была проведена первая в мире радиопередача. И не вина его, а общая российская беда, что Попов сразу не запатентовал свое изобретение, что и дало повод итальянцу Маркони оспаривать первенство. Дело Попова, тем не менее, продолжили другие русские ученые. Так, 19-летний (!) сотрудник Нижегородской радиолоборатории Олег Лосев создал первый в мире кристаллический детекторный приемник-гетеродин, который французский журнал “Radio Paris” назвал “сенсационным” и присвоил ему имя “Кристадин” (кристаллический гетеродин). Открытие молодого русского инженера на целых 20 лет предвосхитило твердотельную полупроводниковую радиотехнику. Впрочем, Лосев на этом не остановился. Он первым в мире открыл явление электролюминесценции, положившее начало его практическому применению в сигнализации, телевидении и светотехнике. Это явление было названо по имени первооткрывателя — “свечением Лосева”. Кроме того, он же изобрел “световое реле” — светодиод и открыл новый вид отрицательного сопротивления и так называемый емкостный фотоэффект.

Другого русского ученого-инженера, Николая Жуковского, с полным основанием называют отцом современного самолетостроения. А отцом высшего авиационного по праву можно называть русского летчика Петра Нестерова, который не только первым в мире сделал на своей тогда еще плохо управляемой в силу несовершенства конструкции воздушной машине “мертвую петлю”, которую иначе называют “петлей Нестерова”, но и такую фигуру высшего пилотажа, как “бочка”, и боевой разворот. Кроме того, Петр Николаевич совершил первый ночной полет с прожектором, сделал первую аэрофото съемку с самолета, а также впервые в истории провел воздушный бой, совершив 8 сентября 1914 года первый же в мире воздушный таран, и погиб при этом.

Дело и идеи Жуковского развил и продолжил талантливый конструктор Игорь Сикорский, построивший первые в мире многомоторные самолеты “Русский витязь” и “Илья Муромец”, а также опять-таки первый в мире самолет-амфибию.

Конструктор Николай Поликарпов построил первый в мире истребитель-моноплан с полностью закрытой кабиной и убирающимся шасси – И-16. Это сразу дало прирост скорости до 80 км в час. Да и первый в мире серийный сверхзвуковой истребитель – МиГ-19 – тоже был создан российскими авиастроителями. Он достигал максимальной скорости в 1452 км/час и был очень популярным во многих странах мира. В конструкторском же бюро Туполева построили первый в мире пассажирский сверхзвуковой авиалайнер Ту-34.

Химик Дмитрий Менделеев сделал открытие, перевернувшее все представления о внутреннем строении химических веществ – его Периодическая система позволяла предсказывать существование некоторых, не известных еще в то время, химических элементов. Перевернули представления о физиологии человека и открытия, сделанные биологом Иваном Павловым. Академик Константин Тимирязев впервые вырастил растения в сосудах, заполненных раствором минеральных солей, положив таким образом начало гидропонике, новому методу выращивания растений без почвы, широко распространенному в наши дни во всем мире. Академик Николай Вавилов, трагически погибший по навету, является родителем генетики, науки, которая, после смерти основателя, надолго оказалась в нашей стране под запретом, но без которой уже немыслимо представить современность. Широка и разнообразна для XX столетия была научная деятельность Владимира Вернадского, основоположника новой науки – геохимии.

В 1938 году на телецентрах Москвы и Ленинграда впервые в мире отечественными инженерами экспериментально было осуществлено электронное телевидение. Это была настоящая революция в развитии человеческой цивилизации, закончившаяся победой электроники. До тех пор было распространено лишь малостроичное механическое телевидение, без живой картинки. А со следующего года началось уже регулярное электронное телевидение. Впрочем, прерогатива в изобретении телевизора принадлежит другому русскому ученому – Владимиру Зворыкину, который начал работать над этим еще в 1912 г. вместе со своим учителем профессором Борисом Розингом. Зворыкин (правда, будучи уже в Америке, куда он эмигрировал после революции) первым предложил электронную модель глаза – телевизионную систему, состоящую из иконоскопа и кинескопа. Впоследствии он же построил электронный микроскоп, устройство для ориентации самолетов в тумане, инфракрасный прицел и прибор для ночного видения. Еще в 1954 году Зворыкин предсказал, что человек увидит поверхность Луны и других планет с помощью телекамеры.

А вот первым в мире теоретически обосновал возможность полета человека в космос (а значит, и на другие планеты) простой калужский учитель Константин Циолковский (еще одна парадоксальная закономерность русского характера – как говорится, лезть не в свое дело и в этом деле кое-чего добиваться!). Воплотить же теорию в практику, также впервые в мире, история доверила другому крупнейшему отечественному ученому – Сергею Королеву: 4 октября 1957 года был запущен первый в мире искусственный спутник Земли, открывший новую эру в истории человечества. 12 апреля 1961 г. первый космонавт нашей планеты провел на околоземной орбите 108 исторических минут. Этим космонавтом номер один стал, как всем известно, Юрий Гагарин. Первой из женщин побывала в космосе также наша соотечественница – бывшая ивановская ткачиха Валентина Терешкова. Леонид Леонов в 1965 г. первым из землян наблюдал нашу голубую и, как оказалось, такую маленькую планету из открытого космического пространства. Среди землянок эту же миссию впервые выполнила также россиянка Светлана Савицкая.

И в недрах земных покопались наши соотечественники и, пораскинув мозгами, одарили человечество новыми находками. Так, еще в 1745 г. русский мужик Федор Прядунов на приполярной реке Ухте впервые в мире начал перегонять нефть в керосин. Завод Прядунова в год давал одну тысячу пудов керосина, для чего ему понадобилось перегнать 134 кг сырой нефти. Правда, кончил он плохо (впрочем, как и практически все русские гении) – в 1753 г. Прядунов умер в Москве под арестом Берг-коллегии за невыплаченный налог аж (!) в 35 рублей 23 копейки. Другому русскому повезло больше (правда, он уже жил в США) – ученый-химик Владимир Ипатьев изобрел высокооктановый бензин в самом начале Второй мировой войны. Теперь им пользуются в основном автомобилисты, а тогда этот бензин помог американ-

ским самолетам летать с невиданной по тем временам скоростью и бить фашистов.

А медицина? Еще в XIX веке хирург Пирогов первым применил анестезию при хирургической операции. Он же, кстати, изобрел современный способ бальзамирования человеческого тела и применил его на себе (разумеется, не он сам, а его ученики забальзамировали тело учителя, которое хранится нетленным и до сих пор). Весь мир благодарит русского врача Чумакова, победившего казавшуюся непобедимой такую детскую болезнь, как полиомиелит. Можно и дальше продолжать эту же тему...

Жизнь продолжается, история идет своим чередом. Гении и таланты на Руси, к счастью, не переводятся. Да и вряд ли когда переведутся. На том стояла и стоять будет земля Русская! Вероятно, именно это и имел в виду великий прорицатель человечества Мишель Нострадамус, предрекавший много сотен лет назад, что XXI век станет веком “страны северных медведей”, то есть России. Будем надеяться на справедливость этого предсказания.

В. В. ЮНАК

кандидат филологических наук, писатель

г. Москва

ЕВРОПА. И ПОСЛЕ...

Европейский союз ныне насчитывает 27 государств-членов. За последние годы он поглотил не только бывшие социалистические страны – союзники СССР, но и вторгся на территорию прежнего Советского Союза.

Что же представляет собой сегодня это образование в фундаментальном экономическом, социально-политическом, классовом смысле?

Содержание европейского объединения внутренне противоречиво. Оно безусловно отражает мощный прогрессивный процесс интернационализации общественной жизни человечества, значение которого раскрыли еще основоположники марксизма. Над этими проблемами размышлял и В. И. Ленин. В начале Первой мировой войны, высказываясь по поводу лозунга “Соединенных Штатов Европы”, он предсказал: такие Штаты будут невозможны или будут реакционны. Это предвидение оправдалось. Почему? Да потому что процессы интернационализации и интеграции, глобализации и мондиализации, будучи по своей внутренней перспективной сути подготовкой объединенного человечества, не знающего национально-государственных и классовых различий, на сегодняшний день развиваются в классовом обществе, где преобладает капитализм, господствующий класс которого – крупный финансовый капитал – спекулятивно использует прогрессивные тенденции, в определенной мере подчиняя их своим эгоистическим интересам и целям. Так и получается, что объединенная Европа – объективно небольшой шаг в направлении социализма, в своем настоящем виде, под руководством эксплуататоров, выступает инструментом защиты, экспансии и увековечения капиталистического строя. Сознательная политика руководящих органов ЕС во всех своих сферах и проявлениях проникнута именно этим духом.

Между тем Европу сотрясает очередная волна общего кризиса капитализма, кризисы экономической, финансовой, валютной и т. д. Падает реальное производство, лопаются финансовые мыльные пузыри, катастрофически растет безработица. Растет, конечно, и негодование трудящихся, массовый протест, европейски согласованные выступления. Вот на таком фоне подошел срок очередных выборов в Европейский парламент. Они проводятся как прямые и всеобщие с 1979 года. После расширения ЕС на Восток недавно были пересмотрены квоты мандатов, приходящихся на каждую страну. 388 млн граждан ЕС могли придти к избирательным урнам, чтобы выбрать 736 евродепутатов.

Могли, но не пришли. С 1979 г. идет непрерывный процесс падения участия в этих выборах. Ныне от голосования в общеевропейском масштабе воздержалось около 57% избирателей. Наемные аналитики капитала старательно уклоняются от выяснения действительных источников этой цифры. А эти источники – прежде всего, нарастающее понимание массами трудящихся под-

линной социально-классовой сущности европейского объединения, реакционной и антинародной политики, ее разрушительных результатов. И избиратель-трудящийся отказывается поддерживать политиков Брюсселя и Страсбурга своим голосованием, но зато организует настоящие походы в эти европейские центры с грозным протестом.

В условиях, когда большинство избирателей, голосующих на выборах, составляет мелкая буржуазия разных оттенков, совершенно не удивительно, что и большинство депутатских мест прочно обеспечено за различными правыми партиями. Не изменили, а усугубили это положение и выборы 4–7 июня 2009 года.

Остановлюсь на некоторых личных впечатлениях от избирательной кампании и самих этих выборов.

Много лет не был я в Германии. Краткое пребывание в Берлине и подорожные встречи не дают, конечно, исчерпывающего представления о положении в этой стране. Но некоторые выводы можно сделать уверенно. Берлин не так давно – столица первого социалистического государства на немецкой земле, Германской Демократической Республики. Поглощение ГДР империалистическим государством Западной Германии – Федеративной Республикой Германия объясняется многими факторами.

Важнейшими среди них, на мой взгляд, явились два: стремление массы немцев к воссозданию национального единства и неспособность горбачевщины защитить социализм всеми необходимыми средствами, как в СССР, так и в ГДР. В германском вопросе недалекими руководителями, вроде Хрущева, было допущено немало ошибок. К ним я без колебаний отношу сооружение Берлинской стены – пассивное, оборонительное мероприятие. Между тем в распоряжении советских властей были активные политические средства, которые направили бы объединительные стремления немцев не против СССР, а против тех, кто до сих пор держит войска и базы в Германии, а базы НАТО продвинул к границам Белоруссии, Украины и России, готовит установку там радаров и ракет, развернул авиабазы и т. п.

Разумеется, ответственность за сдачу ГДР и других социалистических стран непосредственно несет Горбачев и его политика, но эти негативные явления стали возможны из-за глубокого разложения верхушки КПСС и СССР, которая оказалась бессильна вовремя исправить положение, заменить обанкротившегося руководителя, выработать и осуществить иную политику.

Противоречивое взаимодействие национальных и классовых интересов заметно в Берлине на каждом шагу. Немцы довольны национальным объединением. Но в значительной массе народа Восточной Германии, пережившей исторический опыт социалистического строительства, живет сожаление об утрате завоеваний социализма. Империалистическое государство без промедлений устранило возможность политического влияния сторонников социализма из бывшей ГДР. Правда, концлагерей для них пока нет. Нынешняя власть старается не нарываться на отпор населения. Но кризис капитализма – общий, исторический, а также конкретный, текущий, вызывает рост классовой борьбы. Выступают рабочие, крестьяне, молодежь.

Активный интерес к выборам в Европарламент был практически малозаметен. Даже суэта партийных верхушек ФРГ была какой-то вялой, лишенной принципиального содержания. Отсюда вполне ожидаемые итоги. Только 43% участвовало в выборах. Правящая партия христианских демократов понесла потери по сравнению с предыдущими выборами 2004 года. Социал-демократы потерпели провал, получив худший результат за всю историю европейских выборов. Так СДПГ заплатила за свою новую коалицию с ХДС, созданную после национальных выборов в 2005 году, когда полный тупик угрожал необходимостью тут же проводить новые выборы.

Роста народной поддержки добилась Левая партия, созданная в июне 2007 года. В ней объединились Партия демократического социализма, наследница коммунистов ГДР, и “Избирательная альтернатива за труд и справедливость”. Остро критикуя капитализм и реакционные реформы социал-демократа Шредера, Левая партия завоевала дополнительное место в Европарламенте.

Собираясь в Прагу, я хотел уехать поздним ночным поездом, чтобы с раннего утра начать работу в столице Чехии. Однако такого удобного поезда в расписании не оказалось.

Чешская республика проводила евровыборы 5 и 6 июня (тогда как Германия, Франция и еще 16 стран голосовали 7 числа). Мероприятия избирательной кампании много людей не собирали. Когда началось голосование, я побывал на нескольких участках, беседовал с членами избирательных комиссий и проголосовавшими гражданами. “Хорошо, если придут голосовать процентов 30”, – говорил мне один председатель участковой комиссии. Не получилось, пришло 28%. Такую оценку политики ЕС дал чешский избиратель.

А среди голосовавшего меньшинства вперед вышла Гражданская демократическая партия свергнутого в апреле премьера Тополанека. Сильно отстали социал-демократы. На третьем месте оказалась Коммунистическая партия Чехии и Моравии, потерявшая сравнительно с выборами 2004 года около 6% голосов и 2 евромандата. Руководители и активисты партии ожидали эти потери, объясняя их тем, что ранее классовый противник недооценивал влияние коммунистов, а сейчас развернул кампанию дискредитации коммунизма. Этот фактор, безусловно, действовал. Но им объясняется не все.

Как избирательная программа партии, так и агитационные материалы кандидатов несли много прогрессивных и своевременных идей. Но они нередко выглядели как благие пожелания, а не энергичные требования. Двусмысленно звучал призыв “Изменим наше будущее в Европе”. В каком направлении, в чьих интересах направляет будущее нынешняя “Европа”?! В целом кампании чешских коммунистов не доставало (даже в сравнении слевой партией Германии) критических оценок ЕС и политики ее руководящих органов. Такие, а не благостные, оценки, конечно, ближе отвечали настроениям избирателей из трудящихся.

КПЧМ несет свое коммунистическое знамя, отстаивает интересы трудящихся масс. Но внутри этой партии (как и влевой партии немцев) сожигаются сейчас различные течения. Видную, если не руководящую, роль играют кадры, склонные к политическим решениям социал-демократического типа. Сотрудничество с социал-демократией возможно как в тактических, так и в стратегических вопросах. Однако следует учитывать при этом далеко зашедшее вырождение практики и теории современных реформистов социал-демократии: отказ от марксизма, отречение от борьбы за социалистическую перспективу, переход на прямое обслуживание интересов крупного капитала.

На предвыборном митинге в Праге мне довелось переговорить с сопредседателемлевой партии ФРГ Лотаром Биски (что не удалось в Берлине). Биски приехал и выступал в качестве председателя Партии европейских левых. Эта партия является объединением в Европарламенте коммунистических и других левых партий. Как общеевропейская организация, Партия европейских левых получает субсидию от властей ЕС. Факт этой финансовой зависимости, наряду с другими резонами, привел к тому, что целый ряд европейских компартий не вошел в ПЕЛ. Сама КПЧМ присутствует там лишь в качестве наблюдателя.

Митинг в Праге 3 июня (как и предшествовавшие в других городах и заключительное мероприятие кампании 4 июня в Пршибраме – центре урановых рудников) прошел очень интересно, в духе традиций братского чешского народа. Местом митинга была выбрана центральная пешеходная улица На Пршикопе (“На рву”) – нечто аналогичное нашему Бульварному кольцу на Пушкинской площади. Но я помнил эту тогда проезжую улицу иной: 1 мая 1968 года по ней двигалась демонстрация трудящихся, в первых рядах которой шагал Александр Дубчек, недавно избранный руководителем КПЧ.

Пражское собрание на этот раз началось с 9 утра и состояло сначала из разных развлекательных и привлекательных акций, поддерживавших контакт с публикой. А с 14 часов началось главное политическое мероприятие – выступление кандидатов на выборах, иностранных гостей, друзей КПЧМ. И эта часть митинга прошла по-чешски весело и нешаблонно. Кандидаты не только разъясняли свои взгляды, но и должны были петь и танцевать (с партнерами, выбранными в публике).

Массовое музыкальное и певческое искусство чешского народа хорошо известно. Я сам впервые столкнулся с ним на первом курсе института, когда выступала самодеятельность нашего многонационального коллектива. Как живая, стоит перед глазами маленькая, 3–4 человека, кучка чехословацких студентов, удивительно стройно поющая народные песни своего славянского

племени. Ну а на болгарском побережье Черного моря в прежние годы публику Европы развлекали как раз чешские оркестры и ансамбли.

Заключительным пунктом моего путешествия по Европе был Париж. Я приехал туда утром в день голосования и сразу же направился навстречу избирателям – на участки. Избиратели на свидание не спешили. В итоге воздержались от участия 59,5% имеющих право голоса. Поэтому торжествующие клики о победе правящей партии с 28% набранных голосов на деле означают незначительные 11% зарегистрированных избирателей. Но это все же успех на фоне провала французских социалистов – 16,48%, которых настигла по числу мандатов (14) группировка “зеленых” – 16,28% голосов. Продвинулась компартия, которая в составе Левого фронта завоевала 4 мандата, плюс мандат примкнувшего представителя заморских территорий.

Во Франции, как ни в одной другой стране Западной Европы, видно, что проблемы общественного развития будут решаться не на выборах, где не участвует масса трудящихся. Едва пробило полночь 7 июня, как утром началась забастовка на самой активной линии подземной железной дороги Парижа. Она постепенно расширялась, и, в конце концов, руководитель одной из общественных организаций Франции взялся доставить меня в день отъезда в аэропорт, так как никто не мог установить или предвидеть, какой размах приобретет забастовка транспортников в это утро.

На той же неделе прошла пятая в этом году акция протеста всех профсоюзов страны против экономической и социальной политики властей. В более чем 150 городах состоялись массовые демонстрации. Особой остротой, напряжением и длительностью отличается сейчас борьба крестьян Франции и других государств ЕС. Они добиваются ограничения производства посредников и установления справедливых цен на их продукцию, становящуюся убыточной. При этом применяются эффективные средства борьбы. Так, во Франции протестующие блокировали 40 снабженческих баз (половину их числа), поставляющих молочную продукцию в крупнейшие супермаркеты и другим продавцам. В результате даже в аэропорту Руасси продавцы жаловались на перерыв в снабжении.

За всем этим стоит грозная реальность общего кризиса капитализма, многочисленные частные кризисы. Безработица во Франции достигла рекордного с 1974 г. уровня. Растет всеобщее недовольство, а государственные власти, стараясь приукрасить положение вещей, в то же время вынуждены делать катастрофические прогнозы. Даже на поверхностный взгляд заметны их предпосылки. Париж все больше переполняется выходцами с других континентов и стран. Крупный капитал, привлекая дешевую и бесправную рабочую силу иммигрантов, сам создал грядущие проблемы. Пока я был в Париже, проходил судебный процесс над эксплуататорами иностранных работников, чье положение даже официальные органы называли “современным рабством”.

Общественное сознание Западной Европы находится в том же кризисном состоянии, что и экономика, финансы и т. д. Наиболее проницательные мыслители разных стран горько жаловались мне на отставание теоретической работы, на отсутствие глубоких обобщений действительности, на явный недостаток смелого видения будущего, чем так ярко отличался марксизм и ленинизм. Дефицит позитивного представления реакция и ее наемники пытаются компенсировать разного рода антирусскими, антисоветскими и антикоммунистическими кампаниями. Излюбленный материал для них – историческое прошлое нашей великой Родины.

Надо с удовлетворением отметить, что эти кампании встречают отпор лучших людей Германии, Чехии, Франции, всех стран Европы. Но надо и нам упрочить усилия в неизбежной идеологической схватке. Расчеты горбачевщины на приоритет общечеловеческих ценностей без учета контекста классовых интересов давно и окончательно обанкротились.

Утром в день отъезда собираю свой нехитрый багаж – в основном книги, газеты, материалы. Парижское радио сообщает: из-за забастовки печатников не вышла ни одна центральная газета и большинство региональных. Французские органы информации находятся в глубоком упадке, их довелось этого господство денежного мешка. В особо жалком положении оказалась газета “Монд”, которая в 50–80-х гг. была лучшей газетой капиталистического мира. А теперь, сообщили мне в редакции, осуществляется третий “социальный план”, то есть новый этап сокращения персонала и расходов. Показывая на кучу непроданных номеров “Монда”, киоскер на парижском бульваре Распай говорил мне, сокрушенно покачивая головой: “Теперь это не то, что было раньше”.

Небольшой, но очень показательный символ того, что во Французской Республике, как и в датском королевстве Шекспира, не все в порядке. Как, впрочем, и то, что в сборной Франции по футболу почти не осталось французов французского происхождения.

После выборов 2009 года состав Европейского парламента еще более сдвинулся вправо. Выросло число депутатов от “зеленых”, сократилась группа объединенных левых. Но самый большой прирост – у так называемых “евроскептиков”. Формирование парламентских групп показало: большинство для проведения антироссийских резолюций в Европарламенте обеспечено. Что ж, поживем – увидим...

А. Т. ДРОБАН,
доктор философских наук, профессор
г. Москва

РУССКИЙ ВОПРОС И БУДУЩЕЕ УКРАИНЫ

14 февраля ЦИК Украины официально объявила избранным Президентом Украины Виктора Федоровича Януковича, что само по себе стало знаменательным событием.

Прошло еще полгода, и, увы, накануне осени 2010 г. многие разочарованы отдельными действиями новой власти, а в октябре – уже очередные выборы в местные органы власти. Конечно, на юге и востоке Украины православным есть смысл голосовать за коммунистов и прогрессивных социалистов, но на западе Украины православные русские люди могут голосовать только за Партию регионов – другие истинно патриотические силы там просто не преодолевают избирательный барьер. Западноукраинский регион и субэтнос слишком специфичен, и верно говорит академик П. П. Толочко, что после Брестской унии 1596 г. украинский народ расколот на две цивилизации и духовно не однороден.

П. П. Толочко отмечает, что за “оранжевое” пятилетие предпринята попытка тотальной замены центральной и восточноукраинской культурно-исторической традиции единой западноукраинской. Поразительно, но борьба с русским языком в Украине продолжилась борьбой с литературным украинским. Он объявлен этноидеологами не вполне украинским, русифицированным, не отражающим лингвистически западноукраинские и диаспороукраинские диалекты.

Между тем, и у “регионалов” на первом месте вновь оказывается “европейский выбор”. В обращении по случаю 20-летия провозглашения Декларации о государственном суверенитете Украины В. Янукович, в частности, сказал: “Европейская перспектива, развитие стратегических отношений с центрами мировой политики... обеспечат нам экономическое процветание и социальный прогресс”. Премьер Н. Азаров на встрече с Комиссаром ЕС по вопросам региональной политики Йоханнесом Ханом также говорил, что приоритет для Украины есть сотрудничество с ЕС. Украинцы уже получили европейские цены, скоро получат пенсионный возраст, как в Европе, и европейский тотальный электронный контроль.

Увы, первые полгода президентства В. Ф. Януковича многих удивили. Сначала – первый визит – в Брюссель, потом неоднократные заявления о европейском (благо, что не о евроатлантическом!) выборе, разговоры о начале многих непопулярных реформ (увеличение пенсионного возраста, поднятие цен на коммунальные услуги, подорожание продуктов и т. д.). В июле – совместные учения с НАТО в Одессе и т. д. Особенно поражает ситуация с проектом нового Налогового кодекса, который, в частности, ущемляет права верующих отказываться от принятия идентификационного кода. Неужели мы, украинцы, становимся еще на шаг ближе к всемирному электронному концлагерю, “где предлагается каждому украинцу со дня его рождения присвоить номер его учетной карточки физического лица – плательщика налога?” (Ю. Истомин). Планируют в ближайшем будущем разместить микрочипы даже на украинских студенческих билетах.

16 июля этого года в Киеве торжественно отмечали 20-летие провозглашения Декларации о государственном суверенитете Украины; невольно вспо-

минались в то время слова Л. Подервянского: “Половина депутатов пришла из тюрьмы, а по другой половине тюрьма плачет”.

А между тем, уже третью неделю подряд возле здания Парламента Украины стояли православные, выступая против “проклятых” систем тотального контроля (идентификационных и иных кодов, чипизации и всеобщей “нумерации”) населения Украины. Единственных и подлинных борцов за свободу слова и совести, увы, не слышали ни СМИ, ни собравшиеся в Парламенте. Более того – большинство украинцев не знали об этом героическом, начатом еще 29.06.2010 бессрочном стоянии за правду, свободу, справедливость и возможность выбора. При молитвенном стоянии мироточили иконы: Божией Матери “Избавительница” (из Житомира) и Царских мучеников. Молитва нашла отклик у некоторых депутатов из Партии регионов. Спасибо и на этом!

9 июля этого года Виктору Януковичу исполнилось 60 лет. Первым В. Ф. Януковича с 60-летием поздравил Президент ЕС. Ю. Тимошенко по этому случаю бестактно и странно заметила: “Януковичу есть чем гордиться, он самый “дорогой” пенсионер в стране”.

В начале 2010 года сторонники Ю. Тимошенко и прочие последователи проклятой ющенковщины пугали обывателей, что “все будет Донбасс”, и вспоминали несознательный поступок молодого Вити Януковича, забывая более поздние делишки Л. Кучмы, Юлии Владимировны (в частности с П. Лазаренко, осужденным в США на 9 лет).

Тяжелейшее наследие оставили “оранжевые” Украине. С мая 2010 года над Юлей опять нависла угроза попасть на нары, а В. Янукович и Н. Азаров практически спасают Украину.

Президент Всеукраинского еврейского конгресса, бизнесмен и общественный деятель Вадим Рабинович предложил выдвинуть В. Ф. Януковича на Нобелевскую премию мира за сохранение единства страны. Прежняя “героизация фашизма чуть не развалила Украину”, заявил В. Рабинович. Но все равно, впереди – тяжелые годы: Украине грозит катастрофа, в том числе и дефолт.

Очень хотелось бы, чтобы Президент Украины В. Ф. Янукович старался улучшить социально-экономические, демографические и иные показатели. Особая благодарность должна быть выражена им пророссийскому востоку и югу Украины, традиционным донорам экономически слабой западной Украины. Особенно важно В. Ф. Януковичу оправдать надежды своего электората. Нельзя обманывать себя мыслью: как бы угодить и понравиться всем. Идейные наследники “СС-Галичины”, почитатели И. Мазепы и С. Петлюры, последователи Р. Шухевича и ОУН-УПА не будут поддерживать “москаля” В. Ф. Януковича. А, погнавшись за чужим избирателем, можно потерять своего, проверенного и надежного, еще не забывшего угроз горячих голов крайних национал-радикальных ющенковцев: Донбасс и Харьков обнести колючей проволокой, замучив затем в изоляции и в голоде, а Одессу и весь “москальский” юг Украины сбросить в море и утопить там. Или пощадить, конфисковав имущество и изгнав в Россию: “из Харькова и Донецка до России не так уже и далеко!”

Союз с Москвой гораздо нужнее Киеву, чем Москве. Россия для нас всегда была не злой, чужой метрополией империи, а доброй, родной “матушкой”. Московское государство вполне логично было бы назвать не империей, а антиимперией, ведь Москва всегда выступала спасительницей, защитницей и донором регионов, была центром, дотирующим окраины. Кремль традиционно выступал как антиметрополия, отрывая от себя в пользу ближних, братьев-реципиентов, все им необходимое. Москва была охранительница, защитница и спасительница Киева и его земель. Вспомним совершенно ненужные царю войны с могущественной Польшей из-за “казацкого” (украинского) вопроса. И нельзя украинцам повторять лозунги 1990–1991 гг.

В. Ф. Януковичу важно, как минимум, не забывать свою программу и лозунги 2004-го и 2010 гг. И для начала необходимо хотя бы морально поощрять своих избирателей, особенно юго-востока Украины. Донецк – это город, который во многом может стать образцом, эталоном для всей Украины, Одесса – крупный порт, Запорожье, Луганск, Днепропетровск – научные и промышленные бастионы, оплоты истинного казачества, здравого смысла и патриотизма. Необходимо возрождать славные здравницы и инфраструктуру гостеприимных и чудесных Николаева и Херсона. Особое внимание надо уделить ласковому, неповторимому Закарпатья и специфическому русинскому

вопросу. Крым – великая международная курортная база и пример успехов имперского оружия. Недаром Севастополь – город русских моряков, а доброжелательная интернациональная Ялта – южная столица восточных славян – имеет даже улицу в честь президента США Ф. Рузвельта. Киев, бывший столицей при С. Петлюре и В. Ющенко, разумно, исходя из исторических уроков и реалий (некогда практически каждый новый украинский гетман создавал свою столицу – Чигирин, Батурин, Хортица и т. д.), укрепить надежным Харьковом. Харьков (столица советской Украины до 1934 года и более русофильский) мог бы вновь стать административным центром Украины, столицей новой Украины. Интеллектуальный и иной потенциал Харькова может быстро сравниться с потенциалом Киева и даже превзойти его.

Вполне решаемые для Президента Украины В. Ф. Януковича вопросы – это вопросы русского языка, корректировка гуманитарных программ, возрождение истинного патриотизма, консолидация славян, освобождение от рабского американского хулиганства и лакейского преклонения пред всем западным. При премьер-министре Ю. Тимошенко “западенский” Минкульт издал чисто геббельсовский указ об уничтожении “неправильной русской и советской литературы”.

В. Янукович хорошо выучил украинский язык, а теперь Н. Азаров и его Кабмин усиленно и успешно осваивают “мову”. Может, впереди новая украинизация? Ленинский районный суд Севастополя отменил решение горсовета о присвоении русскому языку статуса регионального, требующего развития и охраны. По словам депутата-коммуниста Л. Грача, “суды хорошо знают, что русскому языку не светит официальный статус, и теперь они будут принимать решения в пользу украинской мовы”.

Министр образования Д. Табачник: “В Киеве 529 средних учебных заведений, из них только 6 – это русские школы и гимназии”.

Важно срочно, ради единения людей, народов и братских государств, особенно славянских, создать новый формат братского единства. Союзная структура России с Белоруссией давно вызывает замечания и нуждается в совершенствовании и в дальнейшем развитии. Нужно, пока не поздно, создавать новое братское объединение (международное, межгосударственное или т. п.). Единное экономическое пространство – это очень малый шаг; нужна глубокая духовная, политическая и культурная интеграция.

К сожалению, первые полгода президентства могли бы быть более деятельными, но Президента В. Ф. Януковича можно понять. Академик П. П. Толочко пишет: “Как по команде, оппозиционные средства массовой информации (так было и в 2004 г.), а это практически те же газеты, телеканалы и радиостанции, которые осуществляли идеологическое обеспечение режима Ющенко, заговорили об авторитаризме В. Януковича, угрожающем свободе слова и печати”.

Благодаря Президенту Украины В. Ф. Януковичу Украина получила уникальный шанс – реализовать глобальный геополитический прорыв, став важным мировым центром. И наш президент – это последний шанс у истощенной Украины и ее измученного и многострадающего народа.

Виталий РАДЗИЕВСКИЙ

г. Киев

ШЕСТЬСОТ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД...

Шестьсот тридцать лет прошло с того дня, но до сих пор историки не могут прийти к единому мнению о Куликовской битве. На ее месте не найдено ни могил, ни каких-либо материальных свидетельств сражения, кроме двух-трех десятков наконечников стрел и нескольких обломков мечей.

Летописи не дают даже точного количества сражавшихся, данные колеблются: русская армия от 40 до 150 тысяч, войска Мамая от 300 до 700 тысяч воинов. Известно, что “Дон три дня тек кровью”, а после битвы русская рать еще стояла на месте сражения 8 дней (по некоторым данным – 11 дней). Сражение явно было кровавым, но тишина в Истории и только легенды, легенды, легенды...

А нужно просто приехать на поле Куликово 8 сентября, день должен быть солнечный, лечь в траву близ берега Дона, закрыть глаза, и откроется поразительная картина...

... Войско собрано, передовые отряды уже двинулись к Дону. Князь Дмитрий Иванович приехал за благословением и советом к преподобному Сергию Радонежскому. Благословил его Сергей и дал знаменитый легендарный совет: “Растворись в войске, и пока там, где ты стоять будешь, жив хоть один будет, все русичи считать будут, что это ты!”

Легенда прекрасна, но совет был другой.

Встала на поле Куликовом Стена Железная в тринадцать верст. Никаких лаптей и сермяг, никаких дубин и вил, как изображают художники, желая подчеркнуть “народность”, – везде сверкала сплошная сталь лучшего в мире оружия одетых в сплошную броню Людей Русских.

Медленно стало подходить войско Мамай, ибо никто и никогда даже не слыхивал о такой Железной Стене!

Долго готовился князь Дмитрий, днем и ночью ковал по всей Руси оружие, каждый год после сбора урожая проводил обязательные для всех мужчин двух-трехнедельные воинские сборы, и каждый крестьянин умел владеть оружием.

Остановилось в отдалении войско Мамай – перед ним действительно стояла Сама Русь в лице практически всех боеспособных мужчин, включая и монахов!

Не максимум 150 тысяч, как выводят историки – минимум 200 тысяч воинов не менее чем в 20 рядов стояли на поле Куликовом да плюс Засадный полк. Ставка была очень высока – Мамай давно вел речи о полном уничтожении Руси как государства!

Выехал Челубей, и выехал Пересвет – он не был в рясе, это легенда. В броне он был, как и все в русском войске, а вот Челубей был одним из немногих в татарском, кто был в броне.

Они летели друг на друга на полном галопе, и только поэтому... погиб Пересвет. Сила удара силача Челубея плюс скорость обоих – русская броня не выдержала, как не выдержала и татарская...

Увидев, что оба пали, Мамай допустил ошибку, решив, что все-таки сможет разорвать русский строй и сбросить русских в Дон, пользуясь своим численным превосходством. Некоторые русские летописи сообщали о 700 тысячах татарских воинов, историки не верили, а зря – их было больше!

При численности своего войска в семьсот тысяч Мамай просто не рискнул бы ударить в лоб русской армии, стоящей в таком боевом строю. Он все-таки был ранее “темником” (командиром 10 тысяч) и боевой опыт должен был иметь. Наверняка он знал о таком европейском приеме полевой обороны.

Как только пали поединщики, тучи стрел из самострелов (арбалетов) обрушились на войско Мамай. Стрельба велась железными стрелами-“болтами” (без оперения) как прямым, так и навесным обстрелом вглубь боевых порядков Мамай. На передзрядку русского самострела уходило от 8 до 15 секунд, и до момента схватки татарская армия находилась 20–25 минут буквально под ливнем “болтов” из 4–6 тысяч самострелов, которые могли выпустить до миллиона стрел! Болт из тяжелого русского самострела весил 600 граммов и на расстоянии до 400 метров пробивал доспехи западного рыцаря. Даже если только один из десяти “болтов” на Куликовом поле попадал в цель, то еще до схватки Мамай мог иметь до 100 тысяч убитых и раненых!

...Сторожевой полк полег весь – его буквально задавили трупами, атакуя с трех сторон, натиск пошел на Большой полк, где в доспехах рядового воина стоял сам князь Дмитрий, на флангах давление было меньше.

Стена прогибалась, но не пробивалась – общий строй в 13 верст мгновенно отступал на несколько шагов, освобождая место для... следующего вала трюпов атакующих! Русские не атаковали!

Вот почему нет, и историки не могут понять, почему именно нет подробностей битвы на Куликовом поле – в действительности это была не битва. Это была бойня – на Куликовом поле с четкостью автомата работала гигантская русская живая “мясорубка”, в которую “мясо” лезло само!

Рекой в буквальном смысле лилась кровь татарская, в ужасе смотрели издали на происходящее несколько специально привезенных сюда Дмитрием купцов-иноземцев, которые по скорому санному пути должны были ехать в разные страны – пусть весь мир знает, как посягать на Землю Русскую!

А они все лезли и лезли, поднимался очередной вал окровавленных трюпов, коротко взрывавали за Стеной трубы, и тринадцативерстная сплошная броня, как единое существо, делала назад несколько шагов: следующие! Картина была страшной!

...Начал заметно слабеть натиск, и в очередной раз как-то особенно взревели русские сигнальные трубы, и именно там, где стоял князь Дмитрий, вдруг стала медленно прогибаться Железная Стена, а весь остальной русский фронт остался стоять на месте.

Мамай начал снимать с других участков всех, кого можно, и бросать их к месту прогиба, и все больше и больше становился прогиб, но по-прежнему остальные русские продолжали стоять, не отходя назад.

Понял Мамай: еще одно усилие, и он прорвет эту страшную стену щитов, а воевода Дмитрий Боброк в дубраве отдал приказ: “Проверить подпруги!”

Мамай “заглотнул наживку” – те, кто рвался в прогиб, не успевали понять, почему при растяжении фронта в сплошной стене огромных щитов не возникает даже просветов – они падали; следующие видели подозрительную картину: сплошная броня не давала трещин, ибо в каждый образующийся просвет из выдвигался новый щит. Если кто-либо и успевал понять происходящее, то сказать об этом он уже не успевал. . .

На полном галопе устремился в прогиб последний, самый последний резерв Мамаея – его личная “тьма” телохранителей и генуэзский полк!

Не шли генуэзцы в первых рядах – они прекрасно знали, что такое стена щитов, а тем более такая! Да и генуэзцев там если и было, то десяток-другой – это были рыцари-наемники со всей Европы, прибывшие к Мамаю через генуэзскую колонию Кафу (ныне Феодосия). Они прекрасно знали о неприступности стены щитов, но также знали, что если стена щитов дала прогиб, то удар в это место ее прорвет – пусть с потерями, но прорвет обязательно. Русские историки сообщают о 4 тысячах “генуэзцев”, но их могло быть и больше, все они были в броне, как и 10 тысяч телохранителей, и все вместе были они отличными воинами-профессионалами, и должны были все они сначала “увязнуть” в Стене. . .

...И вылетела из дубравы бронированная русская рать из сорока тысяч профессионалов-воинов – сводный Засадный полк русских княжеских дружин, а их учили на Руси военному делу с трехлетнего возраста! И как учили! Физическая и воинская подготовка “на отлично”, обязательная грамотность, вежливость со всеми без исключения, особенно со стариками и женщинами, обязательное умение играть в шахматы, каждый дружинник мог командовать отрядами в сотни ополченцев и еще владел мирными профессиями. Это были Рыцари как оружием, так и Душой – гвардия Руси из выходцев всех сословий!

Задние ряды тарана даже не успели понять, что происходит, следующие сумели только повернуть голову, слетевшую тут же, третьи смогли оглянуться и только ахнуть!

Взревели трубы Стены, и дальний конец прогиба, бросив копья, упал навзничь, закрывшись щитами.

Мамай побежал с Красного холма, как только увидел, какую большую свинью подложили ему русские.

Уйти сумел Мамай с немногими приближенными и теми из ордынцев, кого вынесли кони. Пехота полегла вся – все пятьдесят верст до реки Красивая Меча были отмечены трупами убегающих, пленных не было.

Еще слышался вдали грохот копыт бросившейся в погоню всей русской конницы, как начался подсчет потерь и поиск русских воинов, погребенных под горами вражеских тел. Воеводы считали и пересчитывали, снова считали и снова пересчитывали, лишь на следующее утро, 9 сентября, доложив князю Дмитрию, теперь уже навсегда Донскому, о потерях несслышанных. . .

В память о погибших установила русская церковь Дмитровскую родительскую субботу в начале ноября, когда падает на русскую землю первый снег. Ратников с поля Куликова ждали в их родных краях до первых снегов. . . Затем уже снег покрывал горькие раны Русской земли.

*Мы с тобой над Доном ночью встали,
Не вернуться, не уйти назад.
Над Непрядвой лебеди кричали
И сейчас, сейчас они кричат...*

Александр Блок

А. Г. ПОДЪЯПОЛЬСКИЙ,
писатель
г. Москва

НИНА КРЕЙДИЧ

ЧИТАЯ ПИСЬМА ЧАЙКОВСКОГО

*Посвящается поклоннице П. И. Чайковского Л. А. Новиковой,
без которой этот очерк не мог бы появиться*

Наверное, немного найдется имен, более известных и в России, и за границей, чем имя Петра Ильича Чайковского. Все знают и почти все любят его музыку, но много ли кто представляет, что за личность стоит за этим именем, что чувствовал сам Чайковский, создавая свои произведения, каковы были его политические взгляды, его отношения с родственниками, с коллегами по Московской консерватории, с братьями по искусству. А ведь его переписка дает блестящую возможность ответить на эти вопросы и на десятки других.

Немного кто писал столько писем, писем таких длинных, часто до предела откровенных. А ведь еще есть дневник, который вел Чайковский, правда, отнюдь не аккуратно, не постоянно. Ко всему этому следует еще прибавить те комментарии, которыми снабдил переписку своего старшего брата Модест Ильич Чайковский, с которым композитор был в самых душевно близких отношениях.

Разные читатели по-разному оценят эту переписку, каждый обратит внимание, отдаст предпочтение тому, что ближе его внутреннему миру, его убеждениям и взглядам. Но, наверное, никто не пройдет мимо отношения Чайковского к России, к русскому народу. А сколько в его письмах свидетельств острого чувства национальной принадлежности! В роду Чайковского был предок с отцовской стороны – православный шляхтич, который, как пишет Модест, “ходил с Петром под Полтаву, в чине сотника”, но упоминания о польском происхождении сердили Петра Ильича, который считал себя русским и гордился этим. (Кстати, точно так же относился к своему турко-греческому происхождению художник Архип Иванович Куинджи. Он тоже сердился, когда кто-то подвергал сомнению его принадлежность к русской нации.) Ведь родился композитор в одном из “медвежьих углов” России, в Вятской губернии, на территории которой находился в 1840 году Камско-Воткинский завод. “Трогательная, совершенно исключительная привязанность ко всему русскому была присуща Петру Ильичу до могилы”, – свидетельствует Модест Ильич.

А вот запись из дневника самого Чайковского, сделанная в 1873 г. в Швейцарии: “Среди этой величественной природы я всей душой стремлюсь в Русь, и сердце сжимается при представлении ее равнин, лугов, рощей. О милая родина, ты во сто крат милее и красивее этих чудных уродов – гор, которые, в сущности, ничто иное, как окаменевшие конвульсии природы. У нас ты так спокойно прекрасна!!”

А приехав в Венецию в следующем, 1874 г., Чайковский пишет: “Если бы пришлось прожить здесь неделю, то на пятый день я бы удавился с отчаяния...”

Чайковский будто нарочно выбирает самые красивые города Европы, чтобы писать о том, как он скучает о России. Вот, например, что он пишет из Неаполя: “Я дошел до такого состояния, что ежедневно проливал слезы от тоски по родине...”

После прочтения “Смерти Ивана Ильича” Чайковский пишет в дневнике: “Величайший из всех писателей, когда-либо и где-либо бывших, — есть Толстой. Его одного достаточно, чтобы русский человек не склонял голову, когда перед ним вычитывают все великое, что дала миру Европа...”

Находясь за границей, Чайковский всей душой переживал все, связанное с Россией. В 1870-х годах его волновал ход русско-турецкой войны. Вот как он отреагировал на взятие русской армией болгарского города Плевны: “Я чуть не бросился в объятия к кельнеру, сообщившему, что “Плевна пала”.

Письма Чайковского пестрят объяснениями в любви к России: “Как бы я ни наслаждался Италией, какое бы благотворное влияние ни оказывала она мне теперь, — все-таки я остаюсь и навеки останусь верен России... Я еще не встречал человека более меня влюбленного в матушку-Русь вообще и в ее великорусские части в особенности... Я страстно люблю русского человека, русскую речь, русский склад ума, русскую красоту лиц, русские обычаи... Напрасно я пытался бы объяснить эту влюбленность теми или другими качествами русского народа или русской природы. Качества эти, конечно, есть, но влюбленный человек любит не за них, а потому, что такова его натура, потому что он не может не любить...”

А дальше Чайковский пишет те слова, которые как нельзя более злободневно звучат сегодня, когда определенная категория населения России высшим счастьем считает жить за границей, все меряет по заграничным меркам, посылает учиться своих детей за границу, при каждом удобном случае ввертывает в свои рассказы: “Когда я был во Франции...”, “Когда я летал в Америку...” и т. п.

Вот эти слова: “Меня глубоко возмущают те господа, которые готовы умереть с голоду в каком-нибудь уголку Парижа, которые с каким-то сладострастием ругают все русское и могут, не испытывая ни малейшего сожаления, прожить всю жизнь за границей на том основании, что в России удобств и комфорта меньше. Люди эти ненавистны мне; они топчут в грязь то, что для меня несказанно дорого и свято... Я бы пришел в ужас, если бы меня приговорили вечно жить даже в такой чудной стране, как Италия...”

“В оправдание” сегодняшним Иванам, не помнящим родства, надо заметить, что не по уголкам Парижа они ютятся, а строят виллы на Лазурном берегу и в тому подобных местах.

Любителем всего русского был Чайковский и в музыке. Вот его признание в одном из писем: “Относительно русского элемента в моих сочинениях: мне нередко случалось прямо приступать к сочинению, имея в виду разработку той или иной понравившейся мне народной песни. Иногда это делалось само собой, совершенно неожиданно. Что касается русского элемента в моей музыке, т. е. родственных с народной песней приемов в мелодии и гармонии, то это происходит вследствие того, что я вырос в глуши, с детства самого раннего проникся неизъяснимой красотой характеристических черт русской народной музыки; что я до страсти люблю русский элемент во всех его проявлениях, что, одним словом, я РУССКИЙ в полном смысле этого слова”.

Народность музыки Чайковского отмечали и зарубежные музыкальные критики. Вот что писал 8 января 1888 г. немецкий профессиональный музыкант в Лейпцигской газете: “Чайковский стоит на почве народной музыки; но он не говорит на грубом мужицком языке в гостиню; у него народный элемент одухотворен, просветлен и ярко отражается в его произведениях в истинном своем виде, — эта черта у Чайковского общая с другими великими композиторами”.

Уже упоминалось, как рад был Чайковской нашей победе над турками в битве под Плевной. О той же войне 1887–1888 годов он писал: “Не сомневаюсь, что, в конце концов, Россия и вообще славянский мир возьмет свое, из того уж, что на нашей стороне правда, честность, истина. Я рад, что во время войны буду находиться в России. Много неприятных минут пришлось мне

вынести на чужбине, видя то злорадство, с которым принимались везде известия о наших малейших неудачах, и, наоборот, злобу, когда на нашей стороне была победа”.

И еще раз он пишет о русской природе: “Я люблю нашу русскую природу больше всякой другой, а русский зимний пейзаж имеет для меня ни с чем не сравнимую прелесть. Это, впрочем, нисколько не мешает мне любить Швейцарию и Италию, но как-то иначе”.

Много путешествуя по Европе, Чайковский видел, “какая бездна разделяет” нашего “мужика и его быт от французского поселянина”. И болит у него душа за этого “нашего мужика”, умиляется он “смирением и долготерпением русского народа”.

Поселившись в Майданове (рядом с Клином) в 1885 г., он пишет фон Мекк: “Избы в здешней деревне самые жалкие, маленькие, темные, духота в них должна быть ужасная... Не знаю почему, но народ здесь особенно бедный. Большинство бедствует... Между тем, и это всего замечательнее, все они — и старики, и взрослые, и дети — имеют вполне счастливый и довольный вид, нисколько не жалуется на горемычную судьбу свою... У детей удивительно симпатичные лица. Жалко смотреть на этих детей, обреченных жить материально и умственно в вечном мраке и духоте. Хотелось бы что-нибудь сделать, и чувствуешь свое бессилие...”

А вот как пишет уже 50-летний Чайковский той же фон Мекк: “Вы не можете себе представить, как я стремлюсь в Россию и с каким ощущением блаженства думаю о моем деревенском уединении. Между тем в России теперь что-то неладное творится. Но ничто не мешает мне любить ее какой-то страстной любовью”. В 1890 г. Чайковского пригласили на гастроли в США. Народ этой страны оставил у него самые благоприятные впечатления. Американские порядки, нравы и обычаи он называет “симпатичными”. “Но, — продолжает он, — всем этим наслаждаюсь подобно человеку, сидящему за столом, уставленным чудесами гастрономии, но лишенного аппетита. Аппетит во мне может возбудить только перспектива возвращения в Россию”.

Завершая тему отношения Чайковского к России, нельзя не процитировать его слова, написанные из Венеции 19 ноября 1877 г.: “Я люблю путешествовать в виде отдыха за границу; это величайшее удовольствие. Но ЖИТЬ можно только в России, и только живя вне ее, постигаешь всю силу своей любви к нашей милой, несмотря на все ее недостатки, родине”. И в этом Чайковский не одинок. Аналогичные признания делали многие русские. Среди них Маяковский и Есенин.

* * *

Болел душой Чайковский и за международный престиж России. Всегда чувствовал себя ее представителем и понимал, что, унижаясь сам, он унижает и свою страну. Европейская известность, а потом и слава пришли к нему не в один день. Часто находясь за границей, он мог бы заниматься саморекламой, однако напрочь отвергал этот путь: “Я бы очень помог распространению своих сочинений за границей, если бы делал визиты ТУЗАМ и говорил им комплименты. Но, Боже мой, до чего я это ненавижу! Если б вы знали, с каким оскорбительно покровительственным тоном они относятся к русскому музыканту...” Он отказывался “ездить к этим господам на поклоны”.

Русско-турецкая война, окончившаяся освобождением Болгарии от турецкого ига, не была легкой для России. Был, например, эпизод взятия турками болгарского города Елены, в битве за который 5 тысячам наших солдат противостояло 20 тыс. турков. Чайковский в тот момент был в Вене, которая не имела никаких мотивов очень любить Турцию, так как Австрия была, мягко выражаясь, ее соперником на Балканах. Тем не менее нелюбовь к России перевешивала, что выдавала пресса. Чайковский писал фон Мекк: “Если бы вы знали, как торжествуют и празднуют здешние газеты это известие!” А вот как он описывает реакцию Австрии на взятие русской армией Плевны: “Австрия ощущает себя как будто обиженной этим успехом и дует на нас за то, что турецкая армия в плену”.

Какая прекрасная иллюстрация к словам Александра III, сказанным в вещании своему сыну, о том, что у России нет друзей, ее огромность пугает;

что у нее есть только два союзника: русская армия и русский флот. Эти слова нашего замечательного императора-Миротворца Чайковский подтверждает не раз. Вот, например, что он написал в одном из писем: “Как ни глубоко я ненавижу англичан, но я не могу не находить, что в их озлоблении на Россию есть последовательность, есть смысл; они не могут не трепетать за свое политическое могущество, с которым связано и их материальное благоденствие”. Чайковский возмущается “бесстыдством англичан, которые систематически отравляют, развращают, разоряют сотни миллионов людей в Индии, а обвиняют нас в жестокости, называют варварами за то, что ценой невероятных жертв наши освободили турецких славян от притеснения. Что за возмутительно бессовестная национальность!” И если он может объяснить политику Англии, то Венеция его изумляет: “Неужели и мирная красивая Венеция, потерявшая некогда свое могущество в борьбе с теми же турками, дышит все-таки общему всем западным европейцам ненавистью к России?.. Когда же кончится, наконец, эта ужасная война?.. А между тем драться нужно до тех пор, пока в лоск не будет положен враг. Но как совестно требовать такой борьбы до “последней капли крови”, когда сам сидишь в уютной комнате, сытый, обеспеченный от непогоды и физического страдания!”

Завершилась война с Турцией 1877–1878 годов Сан-Стефанским мирным договором, условия которого не соответствовали значимости русских побед. Это был результат происков западных держав, не желавших усиления России. Чайковский был этим огорчен, но утешал себя: “Умеренностью Россия доказала всем здравомыслящим людям всего мира, что она дралась не из интереса, а ради великой идеи”.

Интересно впечатление Чайковского о Неаполе, высказанное в 1882 году. Прошло более ста лет, но сегодняшние посетители Неаполя иногда чуть ли не дословно повторяют слова Чайковского: “Народ здесь не симпатичный, нищие не дают прохода... Неаполь – город столь же изумительно красивый и чудный, сколь отвратительный по людям, населяющим его. Это громадная шайка хищников, которые не стыдятся самым грабительским образом относиться к иностранцам”.

XIX век давал повод испытывать гордость за Россию, за ее литературу, в частности: “Как приятно воочию убедиться в успехе нашей литературы во Франции! На всех книжных стеллажах красуются переводы Толстого, Тургенева, Достоевского, Писемского, Гончарова... в газетах постоянно встречаешь восторженные статьи о том или другом из этих писателей”. Радуюсь этому, Чайковский высказывает надежду: “Авось настанет такая пора и для русской музыки”. Судя по одной из музыкальных программ лондонского радио, такая пора наступила.

Путешествуя по Европе, знакомясь с народами разных стран, сравнивая их с русскими, Чайковский всегда отдает предпочтение своему народу: “Француз по природе своей не может дойти до тех геркулесовых столбов, которые доступны широкой и бесшабашной русской натуре”.

* * *

Не только внешняя политика России интересует Чайковского. Еще более живую реакцию вызывают у него события внутри страны. А время, в которое он жил, было беспокойным, богатым событиями, которые в конце концов привели к 1917 году. (Собственно говоря, было ли у России когда-нибудь время спокойное?!)

В 1878 г. госпожа Засулич стреляет в петербургского градоначальника Трепова. Суд присяжных ее оправдывает. Чайковский называет это оправдание “возмутительным фактом”. В период коммунистического правления едва ли кто-нибудь решился бы вслух согласиться с Чайковским. А по существу-то неужели террористы не заслуживают самого сурового наказания? Вот и Чайковский испытывал “отвращение к тем проявлениям антипатриотического духа, которыми ознаменовалось ее оправдание и московское побоище”. Этой кучке “сумасшедших представителей молодежи” Чайковский противопоставляет простой русский народ, который дал почувствовать сторонникам Засулич, “до какой степени их поведение не согласно со здравым смыслом и духом народной массы”. Какие точные слова нашел Чайковский для оценки по-

зиции присяжных! Она противоречит именно здравому смыслу и духу русского народа. А дальше он продолжает: “И как жаль нашего бедного доброго государя, так искренно желающего добра и встречающего такие убийственные разочарования и огорчения!”

В следующем году он пишет фон Мекк: “Без ужаса не могу взять в руки газету”. Он одобряет решительные меры, которые начинает применять правительство в борьбе с революционерами, но считает, что они все же недостаточны: “Зло мне представляется столь глубокими, что я далеко не вполне им доверяю. Мне кажется, что это паллиативы...” Он вновь отмечает доброту Александра II и предлагает: “Пусть призовет он на помощь всех нас, т. е. людей, преданных России и ему, — и только тогда прольется свет, и все дрянные зловредные букашки спрячутся в такие норки, из которых вредить они никому не в состоянии”.

Революционная пропаганда велась тогда, видимо, с большим размахом, потому что, будучи за границей, Чайковский читал прокламации нигилистов, как тогда их называли. И вот его оценка: “Возмутительнее и циничнее этого ничего нельзя выдумать. И как подобные революционеры отдаляют те реформы, которыми государь увенчал бы свою карьеру... Что социалисты творят от имени России — это глупо и нагло”. Их требования от Александра II созыва парламента Чайковский считает притворством. “Ведь им не это нужно: они хотели бы социалистической республики и даже анархии”. Допуская, что если в России когда-нибудь установится представительная форма правления, то первой задачей “будущей земской думы будет искоренение той отвратительной кучки убийц, которая воображает, что ведет за собой Россию. Эти господа не понимают, что мы все точно так же и даже, может быть, больше ненавидим их, чем государь, который олицетворяет Россию, в лице которого они оскорбляют и весь Русский народ. Конечно, они — СИЛА, но ведь только потому так, что бьют из-за угла. Ах, как все это отвратительно, и как сердце ожесточается против подобных соотечественников! Приходится радоваться, когда правительство принуждено приниматься за крутые меры”.

А менее чем через год, 8 февраля 1880 г., Чайковский жалуется в письме к фон Мекк, что не может плодотворно работать из-за “грандиозного безобразия, которое представляет в эту минуту наше бедное отечество. Руки опускаются и уста немеют. Я чуть с ума не сошел от злобы и бешенства по получении известия о новом покушении на жизнь государя. Не знаешь, чему удивляться: наглости и силе омерзительной шайки убийц или тому бессилию, которое обнаруживает полиция. Спрашиваешь себя, чем все это кончится, и теряешься. Все это нестерпимо больно и горько”.

Чем это кончилось — известно. 1 марта 1881 г. Александр II был смертельно ранен там, где стоит сейчас названный в народе “Спас-на-крови” на берегу канала Грибоедова в С.-Петербурге. Чайковский потрясен этим известием, которое дошло до него 3 марта, так как он находился за границей. В тот день он пишет отчаянное письмо Модесту, сожалея, что он не в России, чтобы быть ближе к источнику сведений, чтобы принять участие в демонстрациях новому царю, “жить общию со всеми своими жизнью”.

В своей переписке с фон Мекк Чайковский дает пример отношения простого народа к революционерам. Когда в Москве везли в тюремных каретах студентов, арестованных в Киеве за “беспорядки”, за ними молодые люди с криками “Ура!”, “Шапки долой”. Поняв, что везут в ссылку преследуемых правительством, “толпа с криком “Бей изменников белого царя” набросилась на толпу агитаторов и мгновенно смяла ее”. Таков был “ответ русского простого народа”, — подытоживает Чайковский.

В связи с новыми террористическими актами (убийства жандармских офицеров в С.-Петербурге, в Киеве) Чайковский пишет: “Это плоды оправдания Засулич. Общество само должно презирать и уничтожать всяких Засулич и подобных ей, а она теперь благодушествует в Женеве, когда в России льется кровь невинных жертв ее “геройства” и беспечности русского общества”.

Еще решительнее высказывается Чайковский после чтения брошюры, автор которой пытается УБЕДИТЬ нигилистов, что убивать нехорошо. Чайковский убежден, что это все равно что пытаться убедить тигра превратиться в овцу. “Нигилистов нужно ИСТРЕБЛЯТЬ — другого средства против этого зла нет”, — так заканчивает Чайковский свою тираду.

Он не только осуждает образ действий нигилистов, но и решительно не приемлет их теорию. О коммунизме он пишет так: “Более бессмысленной утопии, чего-нибудь более несогласного с естественными свойствами человеческой природы нельзя выдумать”. Он считает, что имущественное равенство приведет к отсутствию борьбы за существование, и жизнь превратится в “бессмысленное произрастание”. Узнав о ссылке некоторых участников революционных кружков, Чайковский пишет: “Этих мне не жаль. Им мы обязаны тяжёлым положением нашей родины... Это лентяи, проповедующие коммуны под фирмой социализма. Я их не люблю”.

Чайковский убежденный монархист и в теории, и на практике. Его сознательная жизнь прошла в царствование тех государей, которых он уважал и искренне любил. С Александром III он неоднократно встречался, а началось их знакомство с того, что Чайковский написал кантату для церемонии его коронации. Уже тогда он писал: “Я питаю к государю тем большую симпатию и любовь, что мне известно из достоверных источников, что он, со своей стороны, благоволил моей музыке, и я очень рад, что на меня пал жребий положить на музыку кантату”.

Взгляды Чайковского на государственное устройство, политический режим, на форму правления не оставались неизменными в течение его жизни. Он сам пишет об этом: “Было время, когда я совершенно искренне верил в то, что для устранения произвола и водворения законности и порядка необходимы политические учреждения вроде земских соборов, парламентов, палат и т. д., и что стоит только завести что-нибудь подобное, и все у нас будет великолепно, и все почувствуют себя счастливыми. Теперь не то, чтобы я перешел в лагерь ультраконсерваторов, но, по крайней мере, усомнился в абсолютной пригодности этих учреждений. Всматриваясь в то, что происходит в других странах, я вижу, что везде есть масса недовольных, везде борьба партий, взаимная ненависть и все тот же ПРОИЗВОЛ и тот же БЕСПОРЯДОК в большей или меньшей степени. Из этого я заключаю, что ИДЕАЛА правительственного нет, и что люди осуждены в этом отношении до конца веков испытывать разочарования. Изредка появляются великие люди, благодетели человечества, управляющие справедливо, пекущиеся об общем благосостоянии, а не о своем благе, но это – редкие исключения. Во всяком случае, я убежден, что благополучие больших единиц зависит не от ПРИНЦИПОВ и ТЕОРИЙ, а от случайно попадающих по рождению и вследствие других причин во главу управления личностей. Одним словом, человеку оказывает услугу ЧЕЛОВЕК же, а не олицетворяемый им принцип. Теперь, спрашивается, есть ли у нас человек, на которого можно возлагать надежды? Я отвечаю – да, и человек этот ГОСУДАРЬ. Он произвел на меня обаятельное впечатление как личность, но я и независимо от этих личных впечатлений склонен видеть в нем хорошего государя. Мне нравится осторожность, с коей он вводит новое и ломает старое. Мне нравится, что он не ищет популярности; мне нравится его безупречная жизнь и вообще то, что это честный и добрый человек”.

Чайковский неоднократно писал о своей любви к Александру II, например, в письме к фон Мекк: “Я, как и вы, большой сторонник нашей династии, люблю государя всем сердцем, питаю большую симпатию к наследнику и сокрушаюсь от образа правления, от которого и происходят все слабости, все темные стороны нашего политического развития”. Вероятно, Чайковский имеет здесь в виду мягкость политического режима, плохую, как он считал, работу полиции по защите России от революционеров, снабжаемых зарубежными банками или ограблением банков отечественных.

Любовь Чайковского к Александру III возникла не только в силу интуитивной симпатии. Он знал, какие неоценимые услуги оказал тот русскому искусству. В частности, русской опере, которая только по его воле и оказалась на главных сценах Москвы и Петербурга, где до этого монарха господствовали итальянцы. Александр III был первым из русских царей, кто стал собирать коллекцию русского изобразительного искусства и создал Русский музей в 1895 г., который до революции по праву носил его имя. Будучи чутким к реакции Европы на русские дела, Чайковский не мог не радоваться тому, как высок был авторитет России во всем мире в царствование Александра III: ни одно событие международной жизни не могло произойти вопреки его воле. Не могло не радовать Чайковского и то, что Александр III и его супруга, Мария Федоровна, так полюбили его оперы, что отрывки из “Пиковой дамы” и “Спя-

щей красавицы” исполнялись в Аничковом дворце (или в Гатчине во время их пребывания там) придворным оркестром каждое воскресенье.

* * *

По письмам Чайковского можно проследить его отношение к вере в Бога, к религии. Они были такими же не простыми, как непрост и своеобразен был характер и склад ума Чайковского. Сам он писал об этом в 1877 г. так: “Относительно религии натура моя раздваивалась; с одной стороны, мой разум упорно отказывается от признания истины догматической стороны православия, так и всех других христианских исповеданий. Например, сколько я ни думал о догмате возмездия и награды, смотря по тому, хорош человек или дурен, я никак не могу найти в этом веровании никакого смысла... За что награждать, да и за что наказывать? Столь же недоступна моему разумению и твердая вера в вечную жизнь”.

Вопреки сомнениям и признаниям в непонимании Чайковский посещал церковные службы и в России, и за границей и имел возможность сравнить православное богослужение с католическим, отдавая предпочтение первому. Католическая месса кажется ему лишенной торжественности, и, по его мнению, она не приобретает “предстоящих к собеседованию ксендза с Богом”. В другом письме он говорит, что католическая служба “далеко не имеет того торжественного обаяния, которым проникнута православная”.

Спустя несколько лет Чайковский возвращается к теме веры: “В голове темно, — да иначе и быть не может, ввиду таких неразрешимых для слабого человека вопросов, как смерть, ЦЕЛЬ и СМЫСЛ ЖИЗНИ, БЕСКОНЕЧНОСТЬ или КОНЕЧНОСТЬ ЕЕ, — но зато в душу мою все больше и больше проникает свет веры... Я все больше склоняюсь к этому единственному оплоту нашему против всяких бедствий. Я чувствую, что начинаю УМЕТЬ ЛЮБИТЬ БОГА, чего прежде не умел. Сомнения еще посещают меня; я все еще пытаюсь иногда своим слабым и жалким умом постигнуть непостижимое, но все громче и громче начинает доходить до меня голос божественной правды. Я уже часто нахожу неизъяснимое наслаждение в том, что преклоняюсь перед неисповедимую, но несомненную для меня Премудростью Божией. Я часто со слезами молюсь Ему (где Он?, кто Он? Я не знаю, но я знаю, что Он есть) и прошу Его дать мне смирение и любовь, прошу его простить меня, вразумить меня, а главное, мне сладко говорить Ему: “Господи, да будет воля Твоя”, — ибо знаю, что воля Его Святая”.

В том же 1881 году он пишет профессору МГУ Рачинскому С. А.: “Быть может, благодаря удалению от суетного вращения среди городской толпы, я все более и более проникаюсь новым и сладостным чувством, прежде находившимся во мне лишь в зародыше. Я стал веровать в Бога и любить Его, чего прежде не умел. Если он пошлет мне силы, то я, согласно высказанному Вами желанию, потружусь для церковной музыки”.

Как раз в период активной переписки Чайковского появилась книга Л. Толстого “Исповедь” и “Критика догматического богословия” (1880 г.) Чайковский ее прочел и в одном из писем излагает свои впечатления: “Она произвела на меня тем более сильное впечатление, что муки сомнения и трагического недоумения, через которые прошел Толстой и которые он так удивительно и хорошо высказал в “Исповеди”, и мне известны. Но у меня ПРОСВЕТЛЕНИЕ пришло гораздо раньше, чем у Толстого; вероятно, потому, что голова моя проще устроена, чем у него, и еще постоянной потребности в ТРУДЕ я обязан тем, что страдал и мучился меньше Толстого. При моем малодушии и способности от ничтожного толчка падать духом до стремления к НЕБЫТИЮ, что бы я был, если бы не верил в Бога и не предавался воле Его?”

Однако обретенная вера в Бога не мешала Чайковскому критически осмысливать содержание Библии: “Какая бесконечно глубокая бездна между Старым и Новым заветом! Читаю псалмы Давида и не понимаю, почему, во-первых, их так высоко ставят в художественном отношении и, во-вторых, каким образом они могут иметь что-нибудь общее с Евангелием. Давид вполне от мира сего. Весь род человеческий он делит на две неравные части: в одной нечестивцы (сюда относится громадное большинство), а в другой праведники, и во главе их он ставит самого себя... Грешники будут истреблены,

праведники будут пользоваться всеми благами земной жизни. Как все это не похоже на Христа, который молился за врагов, а ближним обещал не земные блага, а царство небесное! Какая бесконечная поэзия и до слез доводящее чувство любви и жалости к людям в словах: “Придите ко мне, все труждающиеся и обремененные!” Все псалмы Давида по сравнению с этими простыми словами – ничто”.

Не только в письмах, но и в дневнике размышляет Чайковский о жизни, о вере. В 1887 г. такая запись: “Как жизнь коротка! Как много хочется сделать, обдумать, высказать! Откладываешь, воображая, что там еще впереди, а смерть из-за угла и подстерегать уже начинает. Ровно год я не прикасался к этой тетради, и как все переменялось! Как странно мне было читать, что 365 дней тому назад я еще боялся признаться, что, несмотря на всю горячность симпатичных чувств, возбуждаемых Христом, я смел сомневаться в его божественности. С тех пор моя РЕЛИГИЯ обозначилась гораздо яснее, я много думал о Боге, о жизни и смерти во все это время... Роковые вопросы – зачем, как, отчего? – нередко занимали и тревожно носились передо мной, РЕЛИГИЮ мою мне бы хотелось подробно изложить, чтобы самому себе уяснить свои верования и ту границу, где они начинаются вслед за умозрением. Но жизнь с ее суетой проносится, и не знаю, успею ли я высказать тот СИМВОЛ ВЕРЫ, который выработался у меня в последнее время”.

Очень любил Чайковский литургию Иоанна Златоуста и считал ее одним из величайших художественных произведений. “Если следить за службой внимательно, вникая в смысл каждого обряда, то нельзя не умилиться духом, присутствуя при нашем православном богослужении. Я очень люблю также всенощное бдение. Отправиться в субботу в какую-нибудь древнюю небольшую церковь, стоять в полураке, наполненном дымом ладана, углубляться в себя и искать в себе ответа на вечные вопросы: **ДЛЯ ЧЕГО. КОГДА. ЗАЧЕМ.** Пробуждаться от задумчивости, когда хор запоет: “От юность моя **МНОЗИ БОРЮТ МЯ СТРАСТИ**”, и отдаваться увлекательной поэзии этого псалма, проникаться каким-то тихим восторгом, когда отворятся царские врата и раздается: “Хвалите Господа с небес!” – о, все это я ужасно люблю, это одно из величайших моих наслаждений!” Остается только пожалеть, что за почти 80 лет безбожной власти русский народ утратил способность к таким “величайшим наслаждениям”. Может быть, за редким исключением.

Для завершения темы взаимоотношений Чайковского с религией еще одна длинная цитата: “Я не могу понять личного бессмертия. Да и как мы можем себе представить вечную загробную жизнь вечным наслаждением? Но для того, чтобы было наслаждение и блаженство, необходимо, чтобы была и противоположность его – вечная мука. Последнюю я отрицаю совершенно. Наконец, я даже не знаю, следует ли желать загробной жизни, ибо жизнь имеет только тогда прелесть, когда состоит из чередования радостей и горя, из борьбы добра со злом, из света и тени, словом, из разнообразия в единстве. Как же представить себе вечную жизнь в виде нескончаемого блаженства? По нашим земным понятиям, ведь и **БЛАЖЕНСТВО, ЕСЛИ ОНО НИЧЕМ И НИКОГДА НЕ СМУЩАЕТСЯ, ДОЛЖНО, В КОНЦЕ КОНЦОВ, НАДОЕСТЬ.** Таким образом, в результате всех моих рассуждений, я пришел к **УБЕЖДЕНИЮ**, что вечной жизни нет. Но убеждение – одно, а чувство и инстинкт – другое. Отрицая вечную жизнь, я вместе с тем с негодованием отвергаю чудовищную мысль, что никогда, никогда не увижу нескольких дорогих покойников”.

“Чередование радостей и горя” – так представляет Чайковский “прелесть жизни”. Судя по его письмам и дневникам, на его долю выпало много больше горестей, чем радостей. И вероятно, это хотя бы отчасти связано с особенностями его характера. Вот как он сам об этом пишет: “В моем характере есть отчужденность, страх людей, робость, неумеренная застенчивость, недоверчивость, словом, тысяча свойств, от которых я все больше и больше становлюсь нелюдим”. В письме к сестре Александре в 1867 г. Чайковский упоминает “страшные припадки ненависти к людям”. Наверное, эти “припадки” были очень редки, так как в сотнях писем, которые написал Чайковский, не встречается почти ничего, похожего на ненависть. Наоборот, удивляешься его доброжелательности к окружающим, желанию помочь и материально, и душевной поддержкой. Не будучи человеком богатым, Чайковский помогал нескольким молодым музыкантам получить образование.

А какой скромностью он обладал! Какие высокие требования предъявлял себе как музыканту. В 1875 г. он пишет Римскому-Корсакову: “Как я мелок, жалок, самодовольно наивен каюсь себе, когда сравниваю себя с Вами! Я чисто ремесленник в композиции, Вы будете артист – художник в самом полном смысле слова”.

С одной стороны, Чайковский жалуется на одиночество, а с другой, он неоднократно пишет, что одиночество – непереносимое условие, при котором он может быть счастлив.

В 1878 г. Чайковский пишет из Сан-Ремо, что, будучи физически здоров, он совершенно больной человек в духовном смысле: “Я в двух шагах от сумасшествия, Я могу жить только в безусловной тишине, в изолированности от шума и суеты большого центра и в покое абсолютном”.

Представить Чайковского в сегодняшней Вятке, где на улицах и площадях вещают динамики; где из храма искусств – филармонии – в течение многих часов подряд гремит музыка с такой громкостью, что поражаешься: как это стены-то еще не рухнули; где каждый владелец лавочки угощает прохожих чем-то, называемым им музыкой, чтобы заманить к себе и продать что-либо; где парки и стадионы по 10–12 часов подряд оглушают округу афро-американскими ритмами... И это не считая того, что проникает в квартиру сверху, снизу, сбоку... В сегодняшних условиях, когда законодательство не ставит никаких границ ни частным, ни юридическим лицам в звуковом загрязнении окружающей среды (не считая короткого периода для сна: с 22 до 6 часов), Чайковский существовать просто-напросто не смог бы! Недаром статистика свидетельствует об увеличении числа душевнобольных и о катастрофическом увеличении самоубийств.

* * *

Чайковский никогда не любил Петербург. Называл его “отвратительным” городом. Или еще сильнее: “Я ненавижу Петербург, и один вид его наводит на меня хандру и уныние”. “Пока я живу в этом отвратительном городе, я положительно несчастнейший человек. Все мне здесь противно, начиная с климата и кончая безалаберностью здешней жизни”. Подобные высказывания повторяются во многих письмах. И вот Чайковский переезжает в Москву. Как сказал Лев Толстой, любой русский, приезжая в Москву, не может не почувствовать, что это сердце его родины. Так ощущал Москву и Чайковский. Он пишет, что очень ее полюбил, что здесь чувствуется русская старина, что здесь соблюдаются русские обычаи, а московский говор он называл “настоящей музыкой” Но и Москва не излечила его от меланхолии: “Всю зиму я хандрил и иногда до последней степени отвращения к жизни, до призывания смерти”.

Первое время Чайковский живет в одной квартире с Н. Г. Рубинштейном, который сам пригласил его к себе. Кажется, что они близки, но Чайковский пишет брату: “Дружба моя с Н. Рубинштейном и другими консерваторскими друзьями основана единственно на том, что мы служим в одном месте. Я имею веские доказательства того, что никто из них не питает ко мне чувств нежной любви, в которой я весьма нуждаюсь”. И уже на следующий год после приезда в Москву Чайковский уезжает от Рубинштейна и снимает себе отдельную квартиру. Вот что он пишет в связи с этим брату: “Не могу высказать тебе ощущение того сладостного покоя, почти счастья, которое я испытываю в моей маленькой и тихой квартирке, когда прихожу вечером домой и беру в руки книгу”. А ведь были люди, которые знали его за весельчака, шутника, любителя выпить в компании... Впрочем, и в эти годы в нем изредка просыпался ученик Училища правоведения, способный откалывать коленца. Вот что он пишет брату в 1878 г.: “Сашины именины прошли довольно весело. Вечером был настоящий бал с оркестром жидов. Я довольно робко пустился в пляс, но потом, как это всегда бывает в Каменке (имение семьи его сестры Александры на Украине. – Н. К.), увлекся и плясал страшно неумоимо, с разными беснованиями и школьничествами”. Чайковский сам с грустью отмечает, что не осталось в нем “веселости, охоты дурачиться”. “Жизнь страшно пуста, скучна и пошла... Единственно, что осталось в прежнем виде – это охота писать”. “Несчастливым” называет Чайковский свой нрав, “склонный пре-

увеличивать все хорошее и недостаточно радоваться настоящему”. “Я стал очень недоверчив, склонен сомневаться в дружбе людей”, но зато он очень ценит, когда получает доказательства искреннего тепла по отношению к себе.

Стремление к одиночеству шло у него параллельно с жадной дружеского общения, а скромность, требовательность к себе в музыке сочеталась с сознанием своей значимости. Он пишет из Парижа в 1877 г.: “Любезничать, подлизываться, знакомиться со всякой сволочью – это и есть то, что так противно моей натуре... Для меня невыносимо стоять скромно перед каким-нибудь Сен-Сансом и чувствовать на себе его покровительственный взгляд, когда в глубине души я считаю себя на ЦЕЛЮЮ АЛЬПИЙСКУЮ ГОРУ выше его”. Чайковскому в это время 37 лет, настоящая слава еще не пришла к нему, но он уже уверовал в свои силы, в свой талант.

Одиночество, недовольство работой (а Чайковский никогда не любил свою преподавательскую деятельность), женитьба, окончившаяся катастрофой, неприятности со здоровьем явились, вероятно, теми причинами, в силу которых Чайковский пристрастился к вину, о чем сам сообщает брату неоднократно. После отъезда Модеста он “тосковал до того, что стал пьянствовать. Только выпивши бутылку коньячка, я мог находить жизнь сносною”. Это помогало ему справляться со своей мнительностью: “Вдруг, ни с того, ни с сего, мне покажется, что никто, в сущности, меня не любит и любить не может, потому что я жалкий и презренный человек. И нет сил разуверить себя”. И Чайковский начинает выпивать перед сном несколько рюмок коньяка каждый день: “Я не могу обойтись без этого. Я бываю спокоен только тогда, когда немножко пьян, Я так пристрастился к этому тайному выпиванию, что один вид бутылочки с коньяком, который всегда держу при себе, меня радует. И письмо писать я могу только выпивши. Это служит доказательством, что я еще болен. В Париже, чтоб поддержать себя, мне пришлось бы пить с утра до вечера”. “Человек прибегает к вину, – объясняет Чайковский, – чтобы обмануть себя, доставить иллюзию довольства и счастья. И дорогой ценой достается ему этот обман. Реакция бывает ужасна. Но как бы то ни было, вино доставляет минутное забвение горя и тоски – и только”.

Понимая свое предназначение – писать музыку – Чайковский очень ценил время. Он пишет брату: “Неужели никто, кроме нас, не понимает, что из всех родов транжирства – транжирство времени самое безумное, и что те, кто у занятого человека отнимают его лучшие часы, суть изверги, для которых виселицы мало!”

С полной откровенностью раскрывает себя Чайковский в письме к фон Мекк в том же 1878 г.: “Я имею репутацию скромности... моя скромность есть ничто иное, как скрытое, но большое, очень большое самолюбие. Между всеми живущими музыкантами нет ни одного, перед которым я добровольно могу склонить голову. Природа, вложив мне в душу так много гордости, не одарила меня умением и способностью товар лицом показать. Я не умею заставить себя ценить. Я болезненно застенчив, быть может, от излишка самолюбия. Не умея идти навстречу к своей славе и добыть ее по собственной инициативе, я предпочитаю ждать, чтобы она пришла за мной сама... Я давно свыкся с мыслью, что мне не придется дожить до всеобщего признания моих способностей”.

К счастью, Чайковский в этом ошибся. К моменту написания этих строк Чайковскому оставалось еще жить 15 лет. И слава к нему пришла. И не только в России, не только в Европе, но и в Северной Америке, где слушатели встречали его с восторгом, а провожали еще с большим, где газеты соревновались между собой в хвалебных отзывах. Но знакомство со славой не вскружило голову Чайковскому. Ему понравился Нью-Йорк, американские нравы, гостеприимство, “необыкновенная комфортабельность обстановки”, как он пишет, “но я все это сношу как бы легкое, смягченное разными благоприятными обстоятельствами наказание. Мысли и стремление одно: домой, домой”, – и Чайковский ставит после этих слов три восклицательных знака! Получая в США письма из России, он плачет...

Тема любви к одиночеству – постоянная тема в переписке Чайковского: “Одиночеством своим я в полном смысле слова упиваюсь. Как ни хорошо жить среди близких и дорогих людей, но от времени до времени жить одному необходимо... Я живу настоящей полной жизнью, наслаждаюсь действительным счастьем только тогда, когда безусловно обеспечен от соприкосновения

с людьми, что, однако же, нисколько не мешает мне любить нескольких представителей человеческой породы больше собственной жизни”.

Лето Чайковский почти всегда проводил на Украине в имени своей сестры, а иногда фон Мекк предоставляла ему свое в Браилове. И вот, собираясь возвращаться в Москву, он планирует: “Я сразу изолирую себя и, по возможности, буду жить один”. И не ради самого одиночества Чайковский предпочитает жить один, а ради работы. Узнав, что его брат Модест занялся литературным трудом, он пишет ему: “Ради Бога, пиши свою повесть! Только труд может отвлечь мысли от несчастий и убожества человеческой жизни”.

Как всегда, всего полней раскрывает Чайковский свою душу в письме к фон Мекк. Его исповедь по поводу взаимоотношений с людьми настолько интересна, что было бы жаль не привести ее целиком: “Всю мою жизнь я был мучеником обязательных отношений к людям. По природе я дикарь. Каждое знакомство, каждая новая встреча с человеком незнакомым были для меня всегда источником сильнейших нравственных мук... Быть может, это доведенная до мании застенчивость; быть может, это полнейшее отсутствие потребности в общительности; быть может, неумение без насилия над собой говорить не то, что думаешь (а без этого никакое знакомство невозможно), словом, я не знаю, что это такое, но только, пока я по своему положению не мог избегать встреч, я с людьми встречался, притворялся, что нахожусь в этом удовольствии, по необходимости разыгрывал ту или иную роль (ибо, живя в обществе, нет ни малейшей возможности обойтись без этого), — и невероятно терзался. Единый Бог знает, сколько я страдал от этого. И если я теперь счастлив, то это именно потому, что могу жить, не видя никого, кроме тех, перед которыми я могу быть САМИМ СОБОЙ. Ни разу в жизни я не сделал ни единого шага, чтобы сделать знакомство с той или другою интересною личностью. А если это случилось само собой, по необходимости, то я всегда выносил только разочарование, тоску и утомление”. В качестве иллюстрации к этому высказыванию Чайковский приводит знакомство с Л. Толстым, огромный талант которого он очень ценил. Он отзывался о нем как о прямом и добром человеке и “по-своему даже чутким к музыке, но все-таки знакомство не доставило мне ничего, кроме тягости и мук”. И он продолжает: “Обществом человека можно наслаждаться, по-моему, только тогда, когда можешь быть самим собой...” Чайковский считал нелюдимость своего характера недостатком, он пытался избавиться от него, но убедился в бесполезности своих усилий и успокоился. “Да, я очень счастлив с тех пор, — пишет он, — как могу прятаться в своей норке и быть всегда самим собой, с тех пор, как книги, ноты составляют мое всегдашнее и почти исключительное общество. Что касается знакомства со знаменитыми людьми, то их книги, их ноты гораздо интереснее их самих”.

Через несколько лет Чайковский вновь возвращается к этой теме в письме к брату Модесту: “Живя среди людей, невозможно не лгать от первой минуты пробуждения до засыпания. Только когда мы спим, мы не лжем. Все лгут, но не всех это тяготит. Есть отличные и в своем роде правдивые люди, очень охотно мирящиеся с этим вечным враньем; других это тяготит. Что касается меня, то все больше ненавижу я жизнь в обществе. А разговоры? Когда и где (за исключением совершенно необходимого обмена мыслями) между людьми совершенно близкими разговор не бывает отвратительной комедией, имеющей тот результат, что она убивает самое драгоценное достояние наше: время? И все разговоры всегда не ведут ни к чему, кроме убивания времени”. Жаль, что Чайковский не мог знать слова Сент-Экзюпери, который считал единственной истинной радостью — радостью человеческого общения. Сент-Экзюпери сказал это много лет спустя после смерти Чайковского, а вот английская поговорка на эту же тему существовала и в его время: хорошая компания — единственное утешение в этом мире. Видимо, поглощенность Чайковского работой была так велика, что радости простых людей для него не существовали.

Среди других черт характера Чайковского можно отметить скептицизм. Как он сам говорил: “Умный человек не может не быть скептиком”. Была у него тяга делать добро. Причем он различал добрые дела, идущие от сердца, и другие, которые считал “взяткой за будущее блаженство на небе”.

Бывали у Чайковского минуты отчаяния. В одну из них он написал: “Смерть есть действительно величайшее из благ, и я призываю ее всеми си-

лами души". Эти слова были написаны 12 сентября 1877 г. в так называемый медовый месяц. Это казалось бы забавным, если бы сам Чайковский не воспринимал свою женитьбу как величайшую трагедию. Он бежит в Петербург, не помня себя от счастья, что может "хоть на один день уйти из омута лжи, фальши, притворства, в которые он попался", женившись.

Чрезвычайно остро воспринимал Чайковский не только свои несчастья, но и описания трагедий героев минувших времен. Например, читая о казни Жанны д'Арк, он разревелся: "Мне вдруг сделалось так жалко, больно за все человечество, и взяла невыразимая тоска".

В своих письмах Чайковский постоянно упоминает книги, которые он в этот момент читает или только что прочел. Одним из самых любимых писателей Чайковского был Чарльз Диккенс. Он находил, что у него много общего с Н. В. Гоголем, "хотя глубины гоголевской нет".

Выше уже упоминалось о знакомстве Чайковского с Л. Толстым. Первое впечатление было таким: "Я ужасно польщен и горд интересом, который ему (Л. Толстому. — Н. К.) внушаю и, со своей стороны, вполне очарован его идеальной личностью". По просьбе Чайковского в консерватории устроили специальный вечер для Толстого. Во время исполнения произведения Чайковского (анданте Д-дрного квартета) Толстой разрыдался при всех. В этот день Чайковский записал в своем дневнике: "Может быть, никогда в жизни я не был так польщен..."

Однако восхищение Толстым не помешало Чайковскому написать брату следующее впечатление от прочтения романа "Анна Каренина": "Как тебе не стыдно восхищаться этой возмутительно ПОШЛОЙ ДРЕБЕДЕНЬЮ, прикрытой претензией на глубину психологического анализа". После второго прочтения он изменил свое мнение на 180 градусов и всю жизнь оставался поклонником Толстого. Слова Чайковского по поводу произведения Толстого "Смерть Ивана Ильича" уже приводились в этом очерке, но хочется вторично их повторить (а еще лучше повторять и помнить их всегда): "Его одного (Л. Толстого. — Н. К.) достаточно, чтобы русский человек не склонял голову, когда перед ним вычитывают все великое, что дала миру Европа. И тут в моем убеждении в бесконечно великом, почти божественном значении Толстого патриотизм не играет никакой роли".

Чайковский мечтал составить свою библиотеку, все более убеждаясь с годами, "что сообщество книги приятнее и беседа с ней полезнее, чем сообщество и беседа людей".

Чайковский закончил Училище правоведения в Петербурге, которое, после Пажеского корпуса, считалось самым привилегированным учебным заведением России. Из его стен вышли многие государственные мужи. Вот некоторые наиболее известные имена: Победоносцев, Набоков (отец писателя), Стасов (сын архитектора, публицист и литературный критик), И. С. Аксаков (сын писателя, общественный деятель), Алехин (шахматист), Серов (композитор), Апухтин (поэт и близкий друг Чайковского), Ридигер (отец нашего недавно скончавшегося патриарха Алексия II) и многие, многие другие. За 83 года своего существования (1835—1918 г. г.) Училище выпустило две тысячи правоведов. Почти все выпускники Училища поступали на государственную службу. Считалось, что получаемое там образование — одно из лучших в России. Для подтверждения этого и приведены выше имена тех, об образованности кого может судить и сегодняшней читатель. Видимо, Чайковский предъявлял очень высокие требования к людям своего поколения вообще и, в частности, к выпускникам Училища. Вот что он писал по этому поводу в 1867 г. брату: "Боже! Какими мы выходим невеждами из Училища, и до какой степени мною овладел ужас, когда пришлось встретить начитанного просвещенного человека! Скажу тебе: "Читайте, мои милые, читайте и внимайте!"

Вот некоторые авторы и их произведения, упомянутые Чайковским в его письмах: Диккенс, в любви к которому Чайковский признается неоднократно; Ж.-Ж. Руссо, чью "Исповедь" он читал по-французски, она ему понравилась. Он отмечает красоту стиля Руссо, "глубину и правдивость анализа человеческой души", но его несколько шокируют "цинические признания", соседствующие с "ежеминутными проблемами гения". Один из его любимых писателей — госпожа Хвощинская, издаваемая под фамилией Крестовский. "Очень талантливая женщина", — замечает Чайковский и перечисляет ее произведения: "Семья и школа", "В ожидании лучшего", "Большая медведица". (Эн-

циклопедический словарь дает двойную фамилию этой писательницы: Зайончковская – Хвоцинская, а псевдоним – Крестовский).

Очень часто литературные вкусы Чайковского идут вразрез с тем, чему учили в школе советского периода. Например, вот какое впечатление произвел на него роман В. Гюго “Труженики моря”, который он читал по-французски: “Читал и злился на его кривляния, ломания. Наконец, как-то ночью, после целого ряда бессмысленных фраз, я в бешенстве начал харкать и плевать на книгу, изодрал ее в клочья, топтал ногами и выбросил за окно. С тех пор я не могу видеть на обложке имя Гюго, а уж читать никакими калачами не заманишь”. А дальше обращается к брату: “И поверь, что твой Золя, в сущности, тот же фигляр, только в новейшем духе. Он мне еще не так омерзителен, как Гюго, но почти так же. Он мне противен, как бывают противны девицы, разыгрывающие из себя ПРОСТЫХ и естественных, будучи, в сущности, кокетками и ломачками. (А слово-то какое выкопал! – Н. К.) Вообще, насколько я люблю французов в музыке, настолько гадка их литература и журналистика”.

Своей любви к Диккенсу Чайковский не изменял до конца жизни: “... пишу ночью, с невысохшими слезами на глазах. Только что окончил “Холодный дом” и немного плакал. Жалко расставаться со всеми этими лицами, с которыми я прожил два месяца”. Чайковский испытывает умиление и благодарность к Диккенсу: “От первой до последней страницы испытал столько наслаждения!”

Возвращаясь к оригинальности литературных вкусов Чайковского, нельзя не привести пример его отношения к Н. А. Некрасову, кумиру нигилистов XIX века, так ненавистных Чайковскому, и опоре послереволюционного “трона” в России. Как должны удивить слова Чайковского выпускников школ советского периода: “Я никак не могу забыть, что Некрасов – этот защитник слабых и угнетенных, этот демократ, этот негодующий каратель барства во всех его проявлениях, был в жизни настоящий барин, т. е. проигрывал и выигрывал сотни тысяч рублей в карты, очень ловко затевал и приводил в исполнение литературные аферы, не хуже Краевского, умел чужими руками жар загребать” и т. д. Затем Чайковский приводит пример лицемерия Некрасова, когда в 1864 г. на чествовании Муравьева в Английском клубе он прочел стихи в честь его деятельности по усмирению мятежа, тогда как всем было известно, что он не сочувствовал ему и в глубине души его ненавидел. (Речь идет о подавлении Муравьевым польского восстания 1863–64 годов.) Чайковский признается, что он не может отделить в писателе литературные качества от человеческих. “Кроме того, – продолжает он, – меня смущает в его поэзии какая-то фальшь, напускная слезливость, натянутость, отсутствие НЕПОСРЕДСТВЕННОСТИ, которая свойственна настоящим художникам, не изломанным и не исковерканным ТЕНДЕНЦИОЗНОСТЬЮ”.

Досталось от Чайковского и Альфонсу Доде после прочтения его “Сафо”. Он признает за Доде талант, но возмущается нравственной стороной его произведения: “В сущности, угождая развращенному вкусу своей публики, он цинически откровенно рассказывает, как в Париже занимаются развратом, а притворяется, что пишет урок для своих сыновей, и хочет, чтобы думали, что им руководили нравственные цели и высокие побуждения, способные оттолкнуть молодых людей от разврата”. Чайковский называет это фарисейством и мнимой добродетельностью автора. По его мнению, у Доде была цель “написать книгу, заманчивую для развращенной французской публики, и жить как можно больше денег”.

Доде, Золя, Мопассан Чайковский относит к “новой французской школе” и считает, что внешняя правдивость является прикрытием лживой сущности их произведений.

А вот любителям С. Т. Аксакова не придется обижаться на Чайковского. Читая “Семейную хронику”, он наслаждается: “Что за чудесное своеобразное произведение, и как я люблю подобные вещи! Проникнуть в чужую жизнь до самой интимной глубины ее, да еще вдобавок в далеком прошлом, – это для меня громаднейшее наслаждение”.

С большим уважением и сочувствием относился Чайковский и к сыновьям С. Т. Аксакова. Это и не удивительно, так как они все относились к славянофилам, о чем речь впереди.

Уже незадолго до смерти в письме к великому князю К. Романову Чайковский еще раз отдает дань своему восхищению Л. Толстым: “Толстого бесконечно читал и перечитывал и считаю его величайшим из всех писателей на

свете, бывших и существующих теперь... Толстой взирает на изображаемых им людей с такой высоты, с которой люди эти кажутся ему бедными, ничтожными, жалкими пигмеями, в слепоте своей бесцельно и бесплодно злобствующими друг на друга, — и ему их жаль. У Толстого никогда не бывает злодеев; все его действующие лица ему одинаково милы и жалки, все их поступки суть результат их общей ограниченности, их наивного эгоизма, их беспомощности и ничтожности". Уже в конце жизни он снова страстно нападает на "новую французскую школу" в лице Золя. Вот как он отзывался о его романе "Человеческий зверь", который он читал по-французски, как и другие произведения французских авторов: "Удивляюсь, как можно относиться к Золя серьезно, как к великому писателю. Что может быть лживее и невозможнее, как основа этого романа? В нем есть сцены, где действительность изображена верно и живо. Но сама суть до того лжива, что невозможно ни на секунду принять живое участие в делах действующих лиц. Это просто уголовный роман а la Гаврио, уснащенный похабством".

* * *

Чайковский не щадит не только писателей, но и композиторов. Например, признавая за Мусоргским талант и самобытность, он упрекает его в излишнем самомнении: "По таланту выше всех, но слишком уверовал в свою гениальность". Чайковский называет его "низменной натурой, любящей грубость", "кокетничающей своей безграмотностью".

Достается и второму представителю Могучей кучки, Балакиреву. Называя его "самой крупной личностью кружка", "огромным талантом", Чайковский считает, что его талант погиб: какие-то роковые обстоятельства сделали из него "святошу": "Он теперь не выходит из церкви, говеет, кланяется мощам — и больше ничего", — хотя раньше кичился полным неверием.

Из всех русских композиторов Чайковский выше всего ставил М. И. Глинку. О его "Славься" он писал так: "...архигениальное, стоящее наряду с высочайшими проявлениями творческого духа великих гениев". "Удивительные красоты" находит Чайковский в операх и увертюрах Глинки. "Камаринскую" он называет "поразительно оригинальной, из которой все русские позднейшие композиторы (и я, конечно, в том числе) до сих пор черпают самым явным образом контрапунктические и гармонические комбинации. Глинка сумел в небольшом произведении сконцентрировать все, что целые десятки второстепенных талантов могут выдумать и высидеть ценой сильного напряжения". И при всем при том Чайковский упрекает Глинку даже в пошлости в его мелких произведениях. Считая его добрым и милым человеком, Чайковский упрекает его в самообожании, в мелочном тщеславии, в болезненной обидчивости и даже в малоразвитости.

Заканчивает Чайковский свою характеристику Глинки так: "Все эти качества обыкновенно бывают делом посредственности; но каким образом они могли вместились в человека, который должен был с спокойной и горделивой скромностью сознавать свою силу, этого я не понимаю". Пишет Чайковский о Глинке и в дневнике за 1888 г.: "Меня просто до кошмара тревожит вопрос, как могла совместиться такая колоссальная художественная сила с таким ничтожеством (в моральном и интеллектуальном смысле. — Н. К.) и каким образом, долго быв бесцветным дилетантом, Глинка вдруг одним шагом стал наряду (да, наряду!) с Моцартом, Бетховеном и с кем угодно. Это можно, без всякого преувеличения, сказать про человека, написавшего "Славься". Никто более меня не любит и не ценит Глинки. "Славься" есть нечто подавляющее, исполинское. И ведь образца не было никакого ни у Моцарта, ни у Глюка, ни у кого из мастеров. Не меньшее проявление необычайной гениальности есть "Камаринская". Так, МЕЖДУ ПРОЧИМ, нисколько не собираясь написать нечто, превышающее по задаче простую, шутливую безделку, — этот человек дает нам небольшое произведение, в коем каждый такт есть продукт сильнейшей творческой (из ничего) силы. Почти 50 лет с тех пор прошло; русских симфонических сочинений написано много; можно сказать, что имеется настоящая симфоническая школа. И что же? Вся она в "Камаринской", как дуб в желуде. И долго из этого богатого источника будут черпать русские авторы. Да! Глинка — настоящий творческий гений".

В основном он отзывался о людях с мягкостью и больше обращает внимания на достоинства, Примером тому может служить великий князь Константин Константинович, известный как поэт, подписывающий свои стихи двумя буквами “К.Р.” В 1884 г. между ними возникла переписка, прервавшаяся только смертью Чайковского. Многие стихи К. Р. были положены на музыку Чайковским. Он находил великого князя “симпатичным и очень музыкальным”. Симпатия была взаимной до такой степени, что, отправляясь в кругосветное путешествие на три года, К. К. предложил Чайковскому присоединиться к нему, но Чайковский на это не решился, убоявшись “темницы в каюте корабля”.

* * *

Годы жизни Чайковского совпали с периодом расцвета славянофильства, к которому пришла русская общественная мысль второй половины XIX века. В его письмах есть упоминания самого младшего из славянофилов – Ивана Сергеевича Аксакова, с работами которого Чайковский был знаком и живо отзывался на появлявшиеся в печати сообщения о неприятностях Аксакова с цензурным комитетом. Будучи большим русским патриотом, любя русский язык, природу, народ, Чайковский не мог не сочувствовать идеям славянофилов. Выше упоминалось, как он переживал перипетии русско-турецкой войны за освобождение Болгарии, как его ранила враждебность западноевропейской прессы к России. Но ярче всего проявились взгляды Чайковского на славянство, на отношения между славянами в его письмах из поездки по Европе в 1888 г. Ни один русский патриот не может оставаться к ним равнодушным. Особенно, когда сравниваешь то, что описано Чайковским, с тем, что мы видим сегодня...

Первая страна, где остановился Чайковский, была Чехия. Описывая встречу его на вокзале в Праге, Чайковский упоминает речи на русском и чешском языках; детей, подносящих ему букеты цветов; громадную толпу, кричащую “Слава!” По дороге от вокзала к гостинице пражане стояли двумя сплошными стенами и приветствовали Чайковского. Вечером его пригласили в театр на оперу Верди “Отелло”. Ему была предоставлена ложа. Глава правительства Чехии, господин Ригер первым пришел знакомиться и приветствовать Чайковского. И он сам, и его дочь говорили по-русски. Затем через ложу прошла целая вереница выдающихся деятелей Чехии. После спектакля в гостинице состоялась многолюдный ужин. Чествования в Праге превзошли самые смелые ожидания Чайковского. Сам композитор и его брат Модест считали, что овации на 9/10 относились не к Чайковскому, а к России, но ему было чрезвычайно приятно, что чехи сочли именно его достойным для проявления своих чувств. Люди, десятки лет прожившие в Праге, говорили Чайковскому, что они не видели подобного чествования какого-либо иностранца. А в России в это время даже не упоминалось, что Чайковскому было “больно и обидно”, как пишет Модест.

Особенно оценил Чайковский теплоту пражского приема, сравнив его с французским, хотя французы проявляли не меньше восторга по его адресу. Чайковский пишет, что любовь чехов гораздо глубже, что нет второго такого народа, “где бы все русское встречало более сочувствия в силу кровного родства с нами”. Увы! Как далеко в прошлом все это осталось... Чайковский считал, что настоящая славянская натура должна обладать, в первую очередь, такими чертами характера, как благородство и великодушие.

* * *

Есть категория любителей музыки, не признающих оперу или ставящих ее ниже музыки симфонической. Одной из них была и фон Мекк, которая высказала это свое отношение в письме к Чайковскому. И вот что он ответил: “Мне нравится высокомерное отношение Ваше к опере”. Сам Чайковский считал ее “ложным родом искусства”, но объяснял неудержимое стремление к ней всех композиторов тем, “что только она одна дает вам средство общаться с массами публики... Только опера делает вас достоянием всего народа”. Чайков-

ский считал это стремление расширить круг слушателей совершенно естественным, но предостерегал от погони за внешними эффектами, советовал выбирать сюжеты, не только имеющие художественную ценность, но и задевающие слушателей за живое. Одним из таких сюжетов Чайковский считал “Пиковую даму”. В письме к К. Р. он признавался, что писал ее “с небывалой горячностью и увлечением”, что он “перестрадал и перечувствовал все, происходящее в ней” и был уверен, что его волнения и восторги обязательно отзовутся в сердцах слушателей. В еще более сильных выражениях пишет Чайковский о создании оперы “Евгений Онегин”: “Я таял и трепетал от невыразимого наслаждения, когда писал ее”. Он говорит об искреннем увлечении и любви к сюжету и к действующим лицам этой оперы.

Если оперу Чайковский называл “ложным родом искусства”, то самым естественным и самым народным жанром он считал песню. Свои мысли о роли песни, о ее месте в народной жизни он высказал в интервью, которое взял у него американский журналист по прибытии Чайковского в США. “Песня является неизменным спутником русской жизни от колыбели до гроба”. Все события жизни находят свое отражение в песне. И любовь простого русского человека к национальным мелодиям разделяют и образованные соотечественники.

Какой национальной трагедией показалось бы Чайковскому сегодняшнее полное забвение русской народной песни, которую уже не услышишь по радио, которую уже не поют за столом, да и сами-то застолья сохранились ли? А между тем современные чисто научные изыскания показали, какую роль играет песня в жизни любого человека, сохраняя, поддерживая его физическое и душевное здоровье. Сейчас доказано ее благотворное влияние не только на работу всех внутренних органов человека, но даже на укрепление его иммунной системы.

* * *

Трудно представить себе человека, более поглощенного своим музыкальным трудом, чем Чайковский. В музыке была его жизнь, ради музыки отгораживался он от общества, искал уединения, в ней находил забвение от всех житейских неудач и трудностей. И параллельно с этим он писал: “Странная вещь эта работа! Пока ее делаешь, все мечтаешь о невероятном блаженстве, которое наступит, когда ее кончишь. И как только кончил, является тоска, скука, хандра и ищешь исцеления опять в работе”. Поглощение Чайковского работой композитора было так велико, что стоило ему остановиться, не работать, как он начинал себя презирать, “впадать в несколько преувеличенное отчаяние от мысли о своем ничтожестве и недостойности”.

Резкие перепады настроения вообще были свойственны Чайковскому. Его постоянно мучили разного рода сомнения. Сегодня ему хотелось одиночества, а завтра он бежал от него. То его тянуло в деревню, то казалось “блаженством” быть в городе. Иллюстрацией к этому может служить его запись в дневнике, относящаяся к 1887 г.: “Вся поэзия жизни в деревне и в одиночестве почему-то пропала. Я НИГДЕ СЕБЯ ТАК СКВЕРНО НЕ ЧУВСТВУЮ, как дома. Как только не работаю — тоска, страх за будущее и т. д. Уж полно, так ли, что мне следует жить в одиночестве?”

Большим своеобразием отличались взгляды Чайковского по отношению к живописи. Живя во Флоренции, он посещал тамошний музей Уффици, проводя там иногда целое утро. После одного из посещений он пишет Модесту, что наслаждался там, но “совсем не тем, чем остальное человечество. Должен сознаться, что живопись, особенно старая живопись, недоступна моему пониманию и оставляет меня холодным... Но зато я нашел там соответствующий моим вкусам источник наслаждения. Сегодня целых два часа провел над рассматриванием портретов разных пап, принцев, королей и разных исторических лиц. Никто, кажется, никогда на них не смотрит. А между тем страшно интересно. Иные стоят или сидят, как живые”. Понравился ему, например, портрет Екатерины Первой. Из старой живописи его любимой картиной был “Эндимион” Гверчино: “Теперь он наверху, рядом с уродами Кранаха”.

Не менее оригинально написал как-то Чайковский своей родственнице о детях: “Боже, как дети очаровательны! Лучше их разве только маленькие собачки. Но те просто перлы создания!”

А разве не покажется диким сегодняшним нуворишам такое высказывание Чайковского: “Иметь собственность все-таки стеснительно, и только тот может считать себя свободным, кто таковой не имеет”.

Наверное, не всем понравится и определение римского карнавала на Корсо, свидетелем которого был Чайковский: “Ни с чем не сравнимое беснование”. (Интересно было бы узнать его оценку нынешним “беснованиям”).

Своей музыкой Чайковский сумел выразить, запечатлеть самые разнообразные человеческие чувства. А что ощущал он сам, творя свои музыкальные произведения? Примерно такой вопрос задала ему однажды в письме фон Мекк. И вот что он ей ответил: “Напрасно я пытался бы выразить словами все неизмеримое блаженство того чувства, которое охватывает меня, когда явилась новая мысль и когда она начинает разрастаться в определенные формы. Забываешь все, делаешься точно сумасшедший, все внутри трепещет и бьется, едва начинаешь эскизы, одна мысль погоняет другую. Иногда, посреди этого волшебного процесса, вдруг какой-то толчок извне разбудит от этого состояния сомнабулизма: кто-то звонит, войдет слуга, прозвенят часы и напомнят, что нужно идти по делу. Тяжелы, невыносимо тяжелы эти перерывы! Иногда на несколько времени вдохновение отлетает: приходится искать его и подчас тщетно. Весьма часто совершенно холодный, рассудочный, технический процесс работы должен прийти на помощь. Может быть, вследствие этого и у самых великих мастеров можно проследить моменты, где недостает органического сцепления, где замечается шов, части целого, искусственно склеенные. Но иначе невозможно. Если б то состояние души артиста, которое называется ВДОХНОВЕНИЕ и которое я сейчас пытаюсь описать Вам, продолжалось бы непрерывно, нельзя было бы и одного дня прожить. Струны лопнули бы, и инструмент разбился бы вдребезги. Необходимо только одно: чтоб главная мысль и общие контуры всех отдельных частей явились бы не посредством искания, а сами собой, вследствие той сверхъестественной, непостижимой и никем не разъясненной силы, которая называется ВДОХНОВЕНИЕМ”.

* * *

Переписка у Чайковского была очень большая по количеству писем, а вот постоянных адресатов было не так много. Главным был младший брат Модест, с которым Чайковский был особенно близок душевно. Но львиная доля того, что мы узнаем о композиторе по его письмам, содержится в письмах к Надежде Филаретовне Фраловской, по мужу фон Мекк, ко времени знакомства с Чайковским вдове с 11 детьми. Эта дама была знатоком музыки, сама играла на рояле, очень глубоко чувствовала музыкальные произведения, постоянно помогала нуждающимся студентам консерватории. В музыкальном мире у нее было множество знакомых. Кто-то из них и рассказал ей о материальных трудностях Чайковского, музыку которого она уже знала. Для начала Н. Ф. заказала ему какие-то пустячные музыкальные работы и щедро их оплатила. Он ее поблагодарил письмом, она ему ответила... Так завязалась переписка. Предварительно Н. Ф. собрала о Чайковском сведения у многих общих знакомых. Первыми письмами обменялись в 1876 г. Сразу было условлено, что встречаться они не будут никогда, а встретившись случайно в общественном месте, будут делать вид, что не знакомы. Очень скоро после начала переписки Н. Ф. предложила Чайковскому постоянную материальную помощь, после чего переводила ему по 3, потом по 6 тысяч в год. Это позволяло композитору безбедно существовать и ездить за границу. Кроме того, Н. Ф. предоставляла ему поочередно свои имения на Украине, где ему в одиночестве одинаково хорошо работалось и отдыхалось. Переписка становилась все более откровенной. Чайковский и Н. Ф. обменивались мнениями не только о музыке, но и о литературе, живописи, о международном и внутреннем положении России, о религии и о многом другом. Несколько симфонических произведений Чайковский посвятил Н. Ф., но без упоминания ее имени, а просто: “Моему другу”, как они условились с общего согласия. То есть и здесь соблюдалась тайна их отношений. Делился Чайковский с Н. Ф. и своими очень личными переживаниями в период своей неудачной женитьбы и усилий вернуть себе не только фактическую, но и формальную свободу, так как для него бы-

ло настоящей пыткой даже воспоминание о том “омуте лжи, фальши и притворства”, в который он попал женившись.

И длилась эта идиллия 13 лет. А 13 сентября 1890 г. Чайковский получил последнее письмо от фон Мекк, в котором она объявила ему, что запутанность ее дел, грозящая разорением, не позволяет ей продолжать оказывать Чайковскому финансовую помощь.

Сначала он принял указанную причину за чистую монету и хотел продолжать переписку по-прежнему. Но фон Мекк ему не ответила. Тогда он написал письмо своему приятелю, зятю фон Мекк, Пахульскому. Тот возвратил письмо Чайковскому, не показав фон Мекк. Очевидно, на этот счет у них была предварительная договоренность. А. Чайковский в этом письме писал: “Мне казалось, что скорее земной шар может рассыпаться в мелкие кусочки, чем Н. Ф. сделается в отношении меня другой”. Невозможность достучаться до Н. Ф., узнать истинную причину разрыва их отношений лишила его спокойствия, отравляла существование. “Никогда не чувствовал себя столь униженным, столь уязвленным в своей гордости, как теперь. И тяжелее всего то, что, ввиду расстроенного здоровья Н. Ф., я не могу, боясь огорчить и расстроить ее, высказать ей все то, что меня терзает”. Получив свое письмо обратно, Чайковский больше не обращался к фон Мекк. Но это оскорбление, эта обида омрачала его последние годы. Он понял, что от него просто отделились, что он идеализировал отношения с Н. Ф. Как пишет Модест, “раньше он не тяготился подачкой, но, узнав, что причиной прекращения выплат было не разорение, он стал ретроспективно тяготиться”. “Он точно проснулся и вместо чудного сна увидел” банальную действительность, от которой ему стало “стыдно и тошно”, – в таких выражениях передает Модест чувства Чайковского, основываясь на его письмах.

В предсмертном бреде Чайковский постоянно произносил имя Н. Ф., гневно упрекая ее. Он скончался 24 октября 1893 г., а через три примерно месяца умерла и Н. Ф. фон Мекк.

* * *

Завершая рассказ о том, каким предстает Чайковский в своих письмах, нельзя не привести еще одной длинной цитаты из его письма, написанного в 40-летнем возрасте. Это ответ на вопрос Н. Ф. об отношении Чайковского к славе: “Я не только люблю СЛАВУ, она составляет цель всей моей деятельности. Но, увы, стоит мне подумать, что с увеличением моей авторской известности увеличивается и интерес к моей личности в приватном смысле, что я на виду у публики, что найдутся всегда праздно любопытствующие люди, готовые приподнять завесу, которой я стараюсь заслонить свою интимную жизнь, и меня тотчас берет тоска, отвращение и даже желание замолчать навсегда или надолго, чтобы меня оставили в покое. Мысль, что когда-нибудь я в самом деле добыюсь частичной славы, и что интерес к моей музыке возбудит интерес к моей персоне, очень тягостна для меня. Не от того, что я боялся бы света! Я могу, положа руку на сердце, сказать, что совесть моя чиста и что мне нечего стыдиться, но думать, что когда-нибудь будут стараться проникнуть в интимный мир моих чувств, мыслей, во все то, что в течение жизни я так бережно таил от соприкосновения с толпой, – очень тяжело и грустно”. В этом письме Чайковский сравнивает себя с бабочкой, которая стремится в огонь (к славе, в его случае) и обжигает крылья. Эти периоды жажды славы сменялись совсем иными: “Иногда меня охватывает безумное желание навсегда куда-нибудь скрыться, заживо умереть, чтобы не видеть всего, что делается... Но, увы, является порыв к творчеству, и я опять лечу и снова обжигая крылья”.

Извинением появления этой попытки проникнуть во внутренний мир Чайковского, чего он так боялся, так не хотел, может служить то, что первым это сделал его любимый брат, Модест Ильич, собрав и снабдив своим объяснениями и дополнениями письма Чайковского. Вторым оправданием этой попытки служит то, что очерк не касается интимных сторон жизни Чайковского. А в-третьих, он писался с чувством глубокого уважения к личности композитора, к его внутреннему миру. Может быть, прочитав его, Чайковский и не причислил бы автора к “праздно любопытствующим людям”, чьего прикосновения он так боялся?